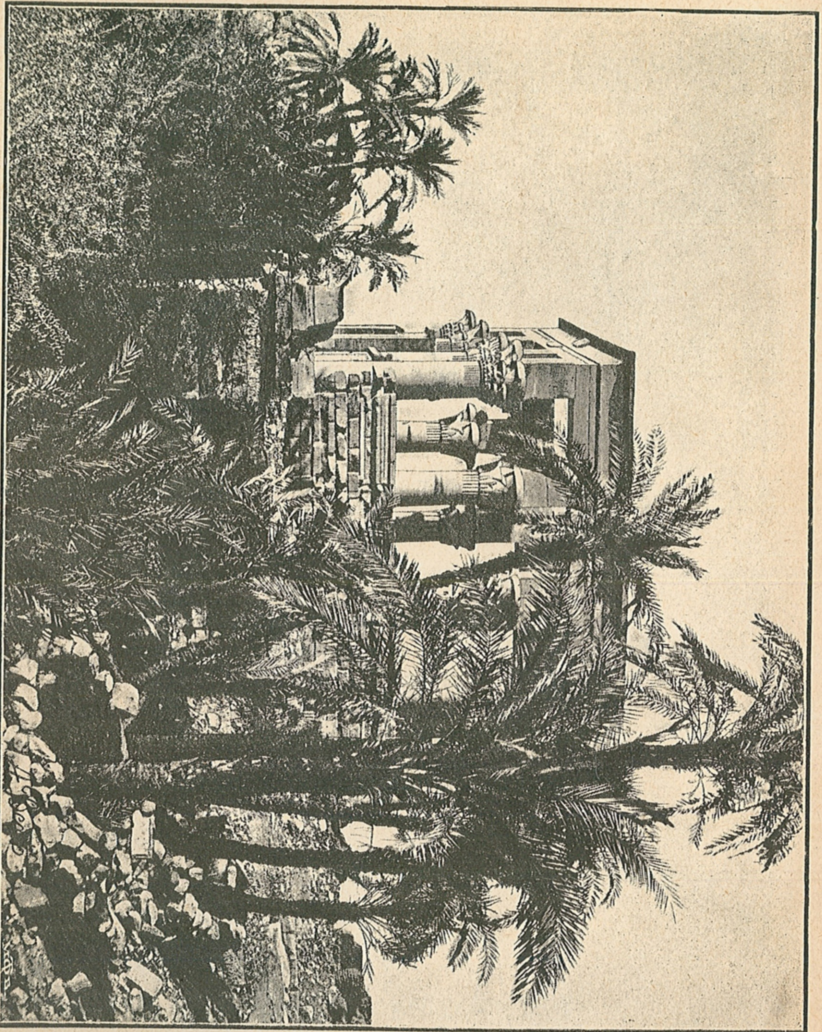

ЕГИПЕТЪ

«Vagari, lustrare, discurrere, quivis
potest: pauci indagare, discere, id est
vere peregrinari.»

Juste Lipse.

Малый храмъ на островѣ Фригъ.

В. АНДРЕЕВСКИЙ

ЕГИПЕТЪ

Александрія, Каиръ, его окрестности, Саккара и берега Нила
до первыхъ пороговъ

Съ 5 картами, 8 фототипиями, 2 гравюрами на деревъ
и 78 полиטיפажами

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

ИЗДАНИЕ

ПОСТАВЩИКОВЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-Петербургъ, Гост. дв., № 18.—Москва, Кузнецкій мостъ, № 12

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 28 сентября 1901 г.

Египетъ... Этотъ міръ неизмѣнный, удивительный, съ исторіей, наполовину лишь разгаданной, съ мудростью, четырьмя тысячелѣтіями предшествовавшей времени Авраама и Іакова; страна, куда приходили учиться всѣ народы древности, не достигая, впрочемъ, никогда ея вѣры и надежды въ утѣшительную будущность; страна баснословныхъ фараоновъ, городовъ необъятныхъ, пирамидъ и таинственныхъ храмовъ; страна солнца и плодородія, видѣвшая дикихъ кочевниковъ — гиксовъ, библейскихъ патріарховъ, Камбиза и персовъ, греческихъ философовъ, Александра и Клеопатру, Цезаря, Германика, Омара, наконецъ Наполеона и Мехмета-Али... Какія имена! Какія событія! Всѣ народы древняго міра прошли по этой долинѣ Нила и оставили по себѣ неизгладимую память въ исторіи человѣчества.

Египетъ, Іерусалимъ, Аѳины и Римъ — вотъ мѣста, гдѣ надо учиться, которыя надо видѣть и понять, прежде чѣмъ спуститься къ сѣверу, гдѣ все еще такъ молодо. Тогда, среди величественныхъ воспоминаній, смягченныхъ отдаленностью времени, мы увидимъ, какъ

человѣкъ, съ трудомъ подымаясь со ступени на ступень, постепенно и неуклонно приближается къ идеаламъ добра и справедливости. Тогда, можетъ быть, настоящее покажется намъ болѣе отраднымъ, а будущность менѣе страшной.

Монеты первыхъ Птоломеевъ, Вероники и Клеопатры.

ГЛАВА I.

Отъ береговъ благоуханныхъ,
Гдѣ спятъ лавровые лѣса,
Уходитъ въ даль зыбей туманныхъ
Корабль, надувши паруса.

Гр. А. Толстой.

22-го декабря мы снялись съ якоря въ Неаполитанскомъ рейдѣ. Шумъ морскаго порта, Везувій съ своей шапкой дыма, игривыя очертанія острова Капри — скоро остались позади насъ. Началась морская жизнь съ ея хорошими и дурными сторонами. Вечеромъ того же дня мы вошли въ Мессинскій проливъ. Вѣтеръ свѣжѣлъ. Густыя тучи окутали скалы Калабріи, — должно быть, и въ Италіи зима не даромъ проходить. На разсвѣтѣ уже не видно было ни сицилійскихъ, ни итальянскихъ береговъ; кругомъ насъ Средиземное море, море полу-боговъ и героевъ классическаго міра. Его волны укачиваютъ корабль, напѣвая вамъ свои легенды, которыя дороги для васъ, какъ воспоминанія дѣтства. Эти волны

не молчаливы и не дики, какъ угрюмые валы океана безъ традицій и исторіи: изъ-за бѣлыхъ ихъ гребней, въ туманѣ нависшихъ облаковъ, вставалъ въ моемъ воображеніи цѣлый рядъ миѳическихъ и дѣйствительно жившихъ личностей, имена которыхъ неразрывно связаны съ Средиземнымъ моремъ — этимъ царствомъ Посейдона, разгнѣвавашагося повидимому на этотъ разъ и направившаго противъ насъ всѣ вѣтры Эола.

На четвертый день мы обогнули Кандію. Качка успокоилась. Рано утромъ я вышелъ на палубу. Что за картина! Въмѣсто свирѣпыхъ бугровъ съ пѣной и брызгами — крупная, но ровная зыбь; вѣтеръ не рѣжетъ лица, а играетъ около шеи, какъ шелковая ткань, и пріятно щекочетъ нервы. Близость Африки давала себя чувствовать во всемъ: все кругомъ горитъ лучами солнца, радостно и ярко; небо ясное, голубое; ни одного облачка; въ водѣ играютъ дельфины, какъ-бы наслаждаясь свѣтомъ и тепломъ. Появились морскія чайки. Съ маленькими криками вились онѣ вокругъ нашего парохода, то опускаясь къ водѣ, то высоко подымаясь и блестя на солнцѣ, какъ капли росы.

Въ наши дни нельзя, какъ во времена Гомера, сказать: „путешествіе въ Египетъ продолжительно и трудно“. Напротивъ, нѣтъ ничего легче, какъ сѣсть на пароходъ въ Триестѣ, Бриндизи, Неаполѣ или Марсели и чрезъ четыре—пять сутокъ быть, какъ я сегодня, въ виду земли фараоновъ.

Мы скоро придемъ. На западѣ видны плоскіе, желтоватые берега. Впереди какія-то бѣлыя пятнышки то показываются, то прячутся за волны. Низменные берега Лидо совершенно также нерѣшительно выходятъ

АЛЕКСАНДРІЯ

изъ-за лагуны, когда приближаешься къ Венеціи, о которой позволительно вспомнить передъ входомъ въ Александрійскій портъ. Александрія въ средніе вѣка была главнымъ рынкомъ, гдѣ Венеція запасалась восточными товарами. Основатель александрійскаго епископата долженъ былъ сдѣлаться впоследствии покровителемъ республики св. Марка. Въ четырнадцатомъ вѣкѣ (1329 г.) венеціанцы перевезли къ себѣ тѣло евангелиста, прибѣгнувъ къ довольно странной хитрости, чтобы обойти мусульманъ: они обложили колбасой святые останки и, гарантировавъ себя такимъ образомъ отъ обыска со стороны правовѣрныхъ, благополучно достигли роднаго города. Св. евангелистъ, какъ кажется, перенесъ съ собою наслѣдіе Александрінъ въ Венецію, игравшую въ новѣйшія времена ту же роль посредницы между востокомъ и западомъ, какую играла Александрія въ древнемъ мірѣ.

Еще издали виденъ Александрійскій маякъ, построенный на восточной оконечности бывшаго острова Фароса, на томъ же мѣстѣ, гдѣ стоялъ старинный, знаменитый маякъ, причисленный къ семи чудесамъ міра. Я говорю „старинный“ по отношенію къ намъ, а не къ Египту, такъ какъ маякъ этотъ былъ выстроенъ греками. Египтяне, враждебно глядѣвшіе на иностранцевъ, были очень довольны, что рифы и отмели сѣверныхъ береговъ Африки мѣшали имъ высаживаться; но греки, основавшіеся въ Египтѣ, построили маякъ и зажгли на немъ огонь — символъ свѣта, пролитаго Александріей по землѣ ¹⁾.

¹⁾ Маякъ былъ выстроенъ по приказанію Птолемея II Филадельфа, покровителя наукъ и искусствъ. Известно, какъ архитекторъ Состратъ, изобрѣтательно сплутовавъ, увѣковѣчилъ свое имя на стѣнахъ этого маяка: официаль-

Размѣры маяка были сильно преувеличены древними писателями и въ особенности арабами. По ихъ словамъ, онъ превосходилъ высотой большую пирамиду. Такъ, напримѣръ, одинъ восточный писатель рассказываетъ, что какой-то визирь велѣлъ ему взлѣзть на верхъ маяка и бросить оттуда камень въ тотъ моментъ, когда солнце спрячется за Ливійской пустыней, и что камень этотъ упалъ въ море лишь во время второй ночной молитвы.

Въ двѣнадцатомъ вѣкѣ *Эдризѣ* ¹⁾ и *Абдъ-эль-Латифѣ* ²⁾ говорятъ, что маякъ существовалъ еще въ ихъ время. *Абульфѣда* ³⁾, бывшій нѣсколько разъ въ Египтѣ въ началѣ четырнадцатаго вѣка, также упоминаетъ о немъ.

По одной арабской легендѣ, представляющейя болѣе вѣроятной, чѣмъ только-что приведенная, на верху маяка было устроено зеркало, работы китайскаго мастера, отражавшее въ себѣ „все корабли, идущіе по Средиземному морю“. Весьма возможно, что это зеркало, „талисманъ Александріи“, въ которомъ видны были „небо, земля и вся природа“, точно такъ же, какъ и *зеркало фараоновъ*, посредствомъ котораго они видѣли все, что происходитъ въ ихъ владѣніяхъ, было ничто иное, какъ плодъ необыкновенно пылкой фантазіи ара-

ную надпись въ честь императора онъ начертилъ на штукатуркѣ, а свое имя вырѣзалъ на камнѣ, такъ что ко времени Страбона видно было лишь одно его имя.

¹⁾ Эдризѣ (Шерифъ-аль-Эдризѣ-аль-Сикили-аль-Роджари). 1099—1164 г. г. Написалъ *Трактатъ Географіи*, переведенный въ 1829 г. Жюберомъ.

²⁾ Абдъ-эль-Латифъ, знаменитый багдадскій докторъ. 1162 — 1231 г. г. Написалъ *Описаніе Египта*, переведенное въ 1810 г. Сильвестромъ де-Саси.

³⁾ Абульфѣда (Эмадеддинъ-Измаиль). 1271—1331. Написалъ *Книгу о положеніи странъ и Всемирную хронику*.

бовъ. Впрочемъ, весьма серьезный ученый, г. Либри ¹⁾, считалъ возможнымъ допустить существованіе телескопа на Александрійскомъ маякѣ. Не надо забывать, что нѣкоторые мѣста средневѣковыхъ и древнихъ писателей позволяютъ думать, что увеличеніе предметовъ съ помощью извѣстнаго расположенія зеркалъ было извѣстно до открытія Галилея ²⁾. Г. Либри передаетъ, что въ Рагузѣ, за нѣсколько вѣковъ до Ньютона, находился инструментъ, весьма схожій по устройству съ телескопомъ; а Бурратини, итальянскій архитекторъ, бывшій въ Александріи въ семнадцатомъ столѣтіи, полагаетъ, что этотъ инструментъ, находившійся въ Рагузѣ, тотъ же самый, который былъ въ Александріи во времена Птолемея, — предположеніе весьма смѣлое и весьма мало доказанное. Во всякомъ случаѣ, если допустить существованіе телескопа на Александрійскомъ маякѣ, то его надо отнести ко времени арабскаго владычества, а не къ эпохѣ Птолемея, потому что, еслибы такой инструментъ существовалъ въ ихъ время, то конечно, древніе писатели помѣстили бы его въ число чудесъ Александріи.

Къ намъ сѣлъ на корабль лощманъ—арабъ; безъ него ни одинъ капитанъ не рѣшится войти въ Александрійскій портъ, изстари извѣстный своими отмелями и узкимъ проходомъ. Съ каждымъ оборотомъ винта яснѣе и яснѣе виденъ городъ; сперва цѣлый лѣсъ мачтъ, за ними Помпеева колонна, стоящая на возвышенности;

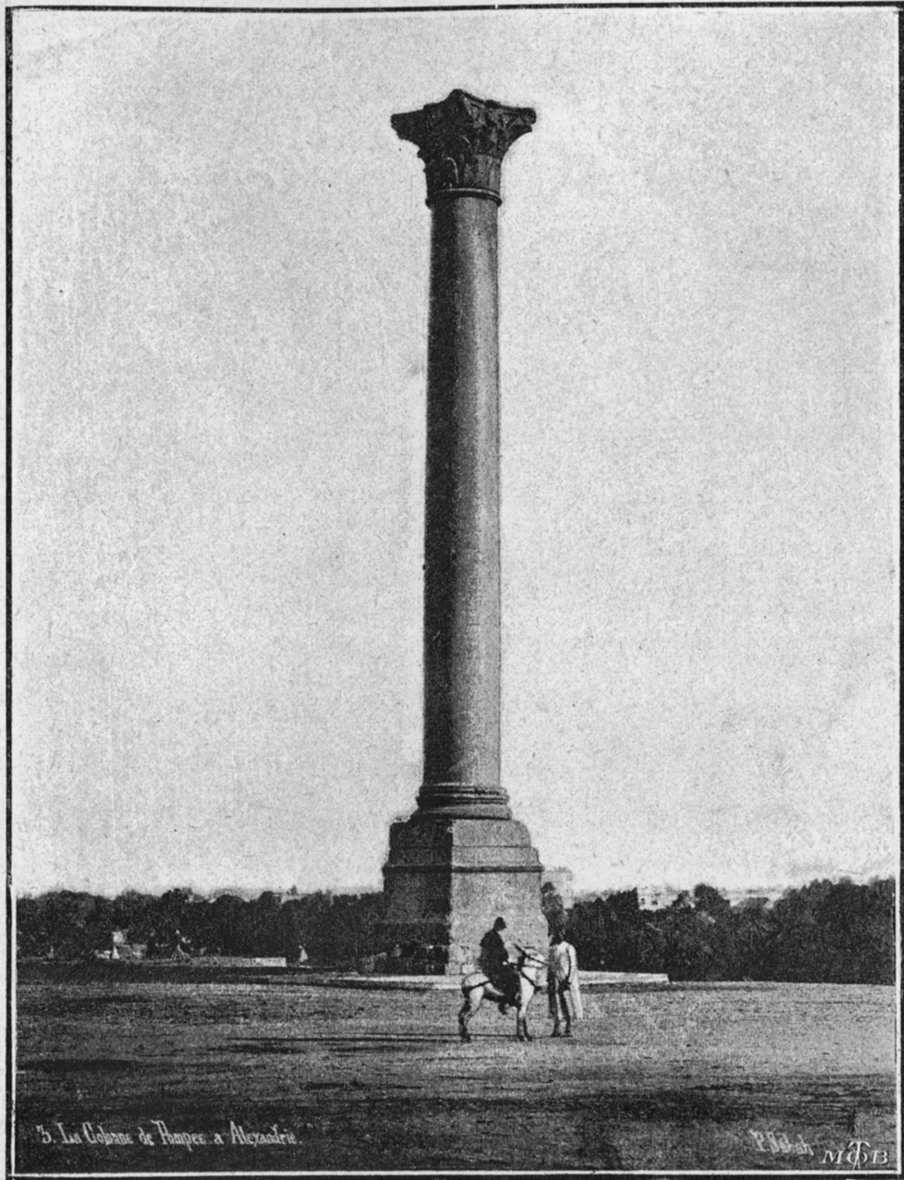
¹⁾ *Histoire des sciences mathématiques en Italie*, t. I, p. 221.

²⁾ Селекты были извѣстны увеличительныя зеркала. *Quaest. nat. lib. I*, c. XV).

направо, по песчаной равнинѣ — рядъ вѣтряныхъ мельницъ. Берегъ слишкомъ плоскъ, чтобы видъ на городъ былъ красивъ; но Александрія привлекаетъ васъ не наружностью своею, а исторіею и именемъ. Найдите, въ самомъ дѣлѣ, другой городъ, который былъ бы основанъ Александромъ, защищался бы Цезаремъ и былъ взятъ приступомъ Наполеономъ. Долженъ сознаться однако, что и надежда провести ночь безъ качки и морской болѣзни играла немаловажную роль въ привлекательности древней греко-египетской столицы.

Мы остановились въ Старой гавани, которая до Мехмета-Али не была доступна для христіанскихъ кораблей. Не успѣли опустить трапъ и исполнить карантинныя формальности, какъ на палубу ворвалась цѣлая стая носильщиковъ и разсыльныхъ отъ гостиницъ, въ красныхъ тарбушахъ и широкихъ бѣлыхъ и коричневыхъ шароварахъ. Всѣ они кидаются на ваши вещи и на васъ самихъ съ такою страстностью и такой оживленной мимикой, что стоишь совершенно огорошенный и думаешь только объ одномъ, какъ-бы среди этой свалки васъ не сшибли съ ногъ и совсѣмъ не раздавили. Быть сброшеннымъ съ палубы въ лодку, быть доставленнымъ среди страшнаго шума, брани и криковъ на берегъ, обойти какимъ-то рикошетомъ таможеню и очутиться въ коляскахъ г. Кука съ арабами-кучерами — было дѣломъ пяти минутъ.

Мы въ Египтѣ. Все ново, все удивительно, все бросается въ глаза, начиная съ построекъ, причудливыхъ, живописныхъ, и кончая толпой, самой разношерстной, какую только можно себѣ представить. Я не зналъ на что смотрѣть: на смуглыя-ли лица арабовъ, или на дома

5. La Colonne de Pompée à Alexandrie.

Y. B. M. F. B.

Помпеева колонна въ Александрии.

не европейскаго вида, или на синее небо, или на ласково плещущее море. Мнѣ казалось, что я съ этого утра только и началъ путешествовать, что судьба нарочно послала намъ скучныя, непріятныя испытанія, крѣпкій, четыре дня безъ устали свирѣпствовавшій, сѣверный холодный вѣтеръ и сѣрое небо, чтобы глубже тронуть мягкостью воздуха, теплымъ блескомъ солнца, нѣжнымъ колоритомъ красокъ и всей этой прелестью волшебнаго юга.

Давно-ли еще я съ томительнымъ чувствомъ морской болѣзни и нетерпѣнія глядѣлъ съ палубы или изъ окна каюты на величественныя, конечно, но однообразныя морскія волны и, отъ нечего дѣлать, ожидалъ повременамъ того періодическаго вала, который называютъ девятымъ, и сравнивалъ, какъ сильно накренить онъ судно противъ предъидущаго вала, какъ съ глухимъ шумомъ ударить въ корму, какъ корабль будетъ ложиться на одинъ бокъ, потомъ встанетъ, чтобы перелечь на другой, — и одно и то же съ утра до вечера, да холодъ, иногда изморозь? А теперь шагаешь по улицамъ африканскаго города, торгуешься въ арабской лавочкѣ на невѣдомомъ языкѣ, скачешь вдоль пальмовыхъ аллей на проворномъ осликѣ, какъ-будто вдругъ послѣ скучнаго чтенія развернулась самая живая страница книги. Съ этого утра я убѣдился, что не даромъ завидуютъ страннической жизни и стремятся пожить ею.

Одна толпа чего стоитъ! Это не наша сѣверная, спокойная, безстрастная толпа; это южная, кипучая толпа съ лицами, обожженными поцѣлуями полуденнаго солнца. Вся она куда-то торопится, бѣжитъ стрем-

главъ, кто пѣшкомъ, кто на ослѣ или на лошади, или на верблюдѣ; все это кричитъ, жестикулируетъ и блещитъ въ ослѣпительныхъ лучахъ горячей атмосферы самыми разнообразными и разноцвѣтными одѣяніями.

Населеніе всѣхъ городовъ, расположенныхъ на южномъ берегу Средиземнаго моря, можетъ разсматриваться, какъ весьма смѣшанное; но нигдѣ это смѣшеніе не достигаетъ такой степени, какъ въ Александріи. Вотъ египтянинъ старинной породы, съ головой сфинкса, съ отливами гранита на лицѣ; его длинный разрѣзь глазъ, выдающіяся скулы, его толстыя губы съ грустной улыбкой, наконецъ вся его особа приковываетъ къ себѣ ваше вниманіе: этс—воскресшая мумія стоитъ передъ вами. Дальше—нубійцы, черные, какъ сапогъ, въ развѣвающихся бѣлыхъ или синихъ бурнуссахъ. Затѣмъ турки въ тяжелыхъ тюрбанахъ, съ правильными, безстрастными чертами лица, негры, греки, верткіе и проворные, бедуины съ благородной осанкой, коварные левантинцы и, наконецъ, европейцы и масса двусмысленныхъ, темныхъ личностей, всегда готовыхъ оказать вамъ услугу, въ качествѣ пореводчика или проводника, и заранѣе уже протягивающихъ руку за полученіемъ бакшиша. Такихъ личностей всегда можно видѣть въ любомъ приморскомъ городѣ; это — подонки общества, выбрасываемые моремъ на берегъ вмѣстѣ съ пѣной.

Одинаковые виды животныхъ и вещей мало отличаются другъ отъ друга подъ различными широтами. Надо быть весьма тонкимъ знатокомъ, чтобы найти отличительные признаки тѣхъ или другихъ съ точки зрѣнія физической. Что-же касается тождества съ точки зрѣнія моральной, то оно еще поразительнѣе. Волкъ

повсюду дикъ, а собака всегда и вездѣ привязывается къ человѣку, лисица вездѣ хитра и т. д. Но невольно спрашиваешь себя, глядя на эту толпу, покрывающую набережную Старой гавани: кто можетъ менѣе походить на человѣка, какъ онъ самъ, въ физическомъ и моральномъ отношеніяхъ? Различіе цвѣта, чертъ лица, волосъ, различіе костюма съ ногъ до головы; различіе характера и обычаевъ до безконечности; различіе социальнаго положенія, начиная съ рабства и кончая дикимъ состояніемъ — этимъ олицетвореніемъ полнѣйшей свободы.

Наши коляски подѣхали къ *hôtel d'Europe* на *Place des Consuls*, и куковскій агентъ сдалъ насъ съ рукъ на руки хозяину гостиницы, толстому господину въ фескѣ и съ вѣчной сигарой во рту.

Я уже два раза упоминалъ имя Кука и теперь долженъ объяснить. Томасъ Кукъ — организаторъ путешествій. Для путешествій по Европѣ, если вамъ угодно освободиться отъ всякихъ хлопотъ съ багажемъ, sostenителями гостиницъ и т. п., то, обратившись къ его представителямъ, разсѣяннымъ по всему земному шару, вы получаете билеты на желѣзныя дороги, пароходы, гостиницы и имѣете дѣло во время всего пути лишь съ агентами г. Кука, расплачиваясь всюду его купонами. Въ странахъ же нецивилизованныхъ, какъ на примѣръ, Египетъ, Палестина и Сирія, содѣйствіе куковскихъ агентовъ для путешественника, не владѣющаго восточными языками, необходимо. Тѣмъ болѣе, что путешествовать одному по Нилу или ѣхать по Сиріи съ своимъ собственнымъ караваномъ доступно въ денежномъ отношеніи для весьма немногихъ. Кукъ же, груп-

пируя многихъ туристовъ въ одну компанію, дѣлаеть путешествіе по Нилу, *cette grande voie fluviale du plaisir et de la santé*, какъ онъ называетъ его въ своихъ рекламахъ, ничуть не дороже путешествія по Рейну.

Двѣ тысячи лѣтъ, что это на почвѣ Египта! А между тѣмъ потребовалось гораздо меньше времени, чтобы городъ Александра, прославленный, какъ самый красивый городъ въ мірѣ, украшенный храмами, театрами, цирками и безчисленными портиками, знаменитый своимъ Серапеумомъ, куда стекались философы, артисты, грамматики, софисты, поэты со всего міра, сдѣлался небольшимъ арабскимъ городомъ, гдѣ нѣтъ ничего другаго, кромѣ тюковъ хлопчатой бумаги, мѣшковъ съ рисомъ и бочекъ съ сахаромъ. Народонаселеніе съ шестисотъ тысячъ убавилось до шестидесяти, и то еще этой цифры достигло оно лишь при Мехметѣ-Али, а до него въ Александріи было около десяти тысячъ человѣкъ. Я сѣлъ на скамейку посреди *Place des consuls*, передъ конной статуей родоначальника теперешней фамиліи хедивовъ, и, закрывъ глаза, припоминалъ дѣла давно минувшихъ дней. Шелестъ листьевъ сосѣдняго сикомора и отдаленные крики *хаммаровъ* ¹⁾ превращались въ моемъ воображеніи въ шумные возгласы оргій Антонія и Клеопатры. Мнѣ представлялся этотъ древній городъ, соперникъ Мемфиса и Оивъ, святилище музъ, такимъ, какимъ онъ былъ во времена Лагидовъ, когда отжившія вѣрованія египтянъ слились съ новыми идеями грековъ. Я былъ въ городѣ, гдѣ зародился элек-

¹⁾ Погонщики ословъ.

тизмъ ¹⁾, гдѣ стали на твердыя основанія математическія науки и медицина, гдѣ, — на поверхности кипучей толпы потомковъ аѳинянь, столь похожихъ на этихъ послѣднихъ по воспріимчивости, талантливости и легкомыслію и такъ отличавшихся отъ нихъ по своей склонности къ мистицизму и лукавству, появлялись такія личности, какъ Аммоній, Плотинъ, Порфирій, гдѣ жили Эвклидъ и Стильпонъ Мегарскій, гдѣ была бібліотека, состоявшая изъ девяти сотъ тысячъ свертковъ папируса и содержавшая въ себѣ всѣ идеи древняго міра, бібліотека *мать*, сожженная и замѣненная другой бібліотекой — *дочерью*, изъ Пергама, подаренной Антоніемъ за одинъ поцѣлуй Клеопатрѣ.

Говоря объ Александрійской бібліотекѣ, надо сказать нѣсколько словъ и о знаменитомъ пожарѣ, приписанномъ калифу Омару. Всякій знаетъ разсказъ, сдѣлавшій изъ имени Омара синонимъ фанатизма и варварства. Бѣдный калифъ, вынесши въ продолженіе вѣковъ незаслуженную обиду, въ наши дни объявленъ почти невиновнымъ; по крайней мѣрѣ, ему нашли сообщниковъ, предупредившихъ его и сдѣлавшихъ больше вреда, чѣмъ онъ. Сообщники эти — не дикіе враги цивилизаціи, не вандалы, и называются: Цезарь и христіанство. Цезарь былъ первымъ виновникомъ пожара, но виновникомъ, правда, невольнымъ. Осажденный въ дворцѣ, гдѣ находилась бібліотека, онъ поджегъ ее въ томъ расчетѣ, что пламя переброситъ на египетскій флотъ и на дома, занятые непріателемъ. Въ этомъ по-

¹⁾ *Fragment d'Héraclès, philosophe platonicien du V siècle, dans l'histoire de l'École d'Alexandrie, par Vacherot, t. I, p. 344.*

жарѣ погибла лишь часть библіотеки, такъ какъ незадолго передъ этимъ, за недостаткомъ мѣста въ старомъ помѣщеніи, около половины всѣхъ свертковъ папируса было перенесено въ Серапеумъ, гдѣ помѣстилась потомъ и Пергамская библіотека.

Но и это хранилище древней мудрости, пострадавшее два раза отъ огня при М. Авреліѣ и Коммодѣ, должно было окончательно погибнуть при Θεодосіѣ. На этотъ разъ виновниками были христіане; предводительствуемые патриархомъ Теофиломъ, они приступомъ взяли Серапеумъ и уничтожили драгоценныя свитки, какъ ненавистныя остатки язычества, такъ что ко времени калифа Омара не осталось ничего или весьма мало отъ знаменитой библіотеки Птолемеевъ. До насъ отъ обоихъ зданій, гдѣ помѣщалась Александрійская библіотека, осталась лишь одна Помпеева колонна, стоявшая посреди двора Серапеума и сохранившаяся до XIX столѣтія по Р. Х., какъ единственный слѣдъ бывшаго величія и значенія Александріи.

Я на-скоро позавтракалъ, сѣлъ на осла и отправился съ маленькимъ нубійцемъ-погонщикомъ, съ гидомъ подъ мышкою и биноклемъ чрезъ плечо (стереотипный образъ туриста), по узкимъ, немощнымъ улицамъ Александріи къ городской стѣнѣ, по направленію къ Помпеевой колоннѣ, замѣченной мною еще съ моря и находящейся внѣ черты современнаго города. Выбравшись изъ воротъ, мы проѣхали мимо заброшеннаго, неогороженнаго кладбища, надгробныя памятники котораго всѣ увѣнчаны мраморными тюрбанами, и поднялись на обширный плоскій холмъ, возвышающійся саженей на двадцать надъ уровнемъ моря. На его вершинѣ стоитъ со-

вершенно особнякомъ, такъ называемая, Помпеева колонна—монолитъ изъ ассуанскаго розоваго гранита въ 20,4 метровъ вышины.

Какъ это ни странно, а Помпеева колонна не имѣетъ ничего общаго съ именемъ Помпея. Въ этомъ случаѣ, какъ и весьма часто, преданіе соединило знаменитое имя съ памятникомъ, исторія котораго затерялась въ туманѣ вѣковъ. Такъ въ Римѣ одна средневѣковая башня называется башней Нерона, а въ Аѳинахъ хорегическій памятникъ—фонаремъ Демосѳена. Въ Египтѣ надо было увѣковѣчить имя Помпея. А между тѣмъ, кто могъ бы поставить здѣсь въ честь Помпея колонну: его убійцы или его побѣдитель? Исторія описала бы намъ это, какъ описала она статуи, украшавшія его могилу, которая стояла на песчаномъ берегу Средиземнаго моря и которую реставрировалъ Адріанъ ¹⁾. Къ тому же Помпей никогда и не былъ въ Александріи; онъ высадился около Пелузіума, гдѣ и былъ убитъ со-вѣтниками двѣнадцати-лѣтняго царя, перваго мужа Клеопатры, вышедшей потомъ послѣдовательно замужъ за его двухъ братьевъ и бывшей въ то время въ войнѣ съ своимъ молодымъ супругомъ, — всѣ обстоятельства, въ скобкахъ сказать, имѣющія мало общаго съ рассказанными въ трагедіи Корнеля. Итакъ, нѣтъ никакого историческаго основанія называть эту колонну сохранившимся до сихъ поръ названіемъ — Помпеевой. Г. Сальтъ первый списалъ греческую надпись, находящуюся на ея фундаментѣ и нимало не разъясняющую загадки, представляемой для ученыхъ этимъ памятникомъ. Кѣмъ она

¹⁾ peragrata Arabia, Pelusium venit (Спарціанъ, *Had.*, 13).

поставлена, къ какому времени отнести ее? Г. Летроннъ считаетъ ей римской триумфальной колонной, въ родѣ Траяновой или Антониновой, основываясь на только-что названной надписи, которая видна на западной сторонѣ ея фундамента и въ особенности замѣтна, когда солнце освѣщаетъ ее косыми лучами заката ¹⁾. Изъ этой надписи слѣдуетъ, что колонна эта была поставлена египетскимъ префектомъ Помпеемъ (по другимъ, Публиемъ) въ честь императора Діоклеціана, вѣроятно, послѣ побѣды надъ Ахиллеемъ, провозгласившимъ себя незадолго передъ тѣмъ императоромъ Египта. По мнѣнію же Ж. Ж. Ампера, эта колонна — греческая, воздвигнутая въ одно время съ александрійскимъ Серапеумомъ, т. е. при первыхъ Птоломеяхъ. Въ подтвержденіе онъ приводитъ слова ритора Аетонія, посѣтившаго Александрію въ третьемъ или четвертомъ вѣкѣ по Р. Х.: „Когда войдешь въ крѣпость; то найдешь четырехугольное мѣсто, огороженное со всѣхъ сторонъ; въ срединѣ — дворъ, окруженный колоннадами; за этимъ дворомъ идутъ галереи, по бокамъ которыхъ устроены кабинеты; одни изъ нихъ служатъ хранилищемъ для книгъ и открыты для тѣхъ, кто хочетъ заняться изученіемъ философіи; такимъ образомъ представляется для горожанъ легкій способъ приобрѣтенія мудрости; другіе предназначены для служенія древнимъ божествамъ...

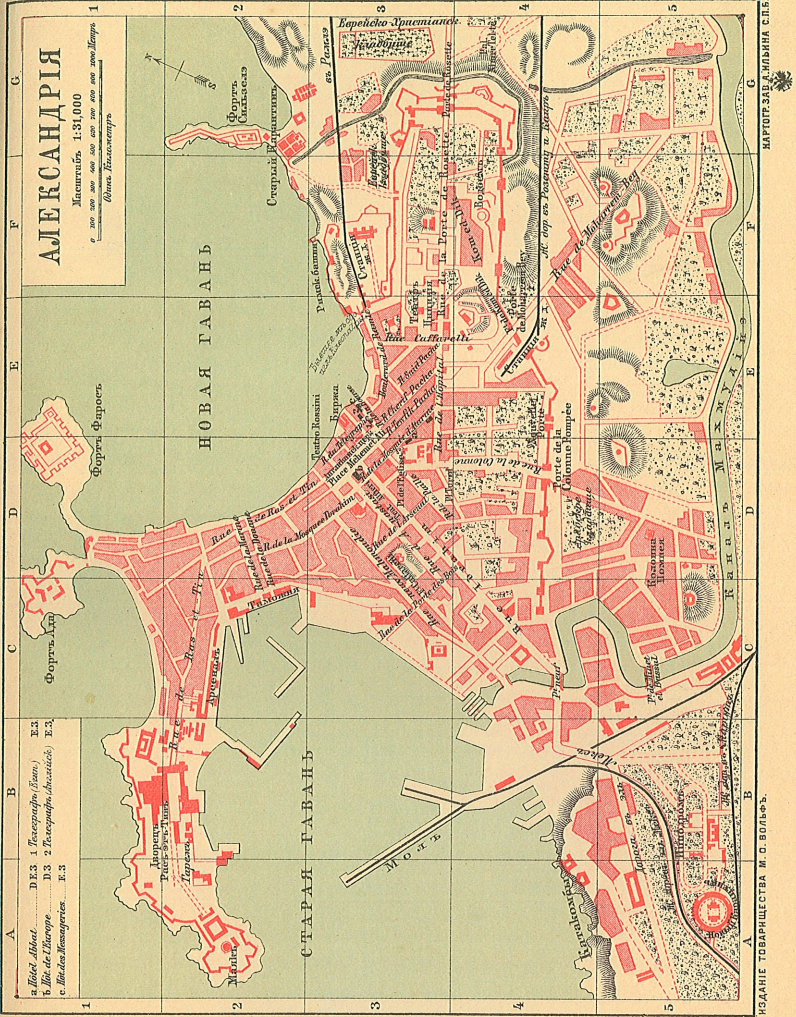
¹⁾ Надпись эта (см. *Corpus inscriptionum graecarum*, Boeckh, Berlin, 1853) гласитъ слѣдующее:

τὸν [ὀσ]μῳάτατον Αὐτοκράτορα,
τὸν πολιουχὸν Ἀλεξανδρείας,
Διοκλητιανὸν τὸν ἀνίκητον
Πο[μπη]ῖος ἑπαρχὸς Αἰγύπτου.

а *Maison d'Abbat.* Д.Е.З. 1 *Palais de l'Abbat.* (Ван.) Е.З.
 б *Maison de l'Evêque.* Д.З. 2 *Palais de l'Evêque.* (Исторический) Е.З.
 в *Maison des Messageries.* Е.З.

Фортъ Лувъ
 Фортъ Фирозъ

АЛЕКСАНДРІЯ
 Масштабъ, 1:31,000
 0 100 200 300 400 500 600 700 800 900 1000 Саженъ
 Фортъ Александрия

НОВАЯ ГАВАНЬ

СТАРАЯ ГАВАНЬ

Посреди двора стоитъ колонна громадной вышины, служащая для ориентированія, такъ какъ когда прїѣзжаешь въ Александрію, то не знаешь куда идти, а ее видно и съ моря, и съ земли¹⁾.

Абдъ-эль-Латифъ говоритъ, что на верху колонны былъ построенъ куполь (котба), а М. Maillet, французскій генеральный консулъ въ Египтѣ при Людовикѣ XIV, тотъ самый М. Maillet, надъ которымъ Вольтеръ такъ зло насмѣхался, передаетъ, что какой-то арабскій гимнастъ влѣзъ на колонну, прибѣгнувъ для этого къ слѣдующему способу: онъ привязалъ тонкую бичевку къ стрѣлѣ и такъ ловко пустилъ ее, что продѣлъ въ одинъ изъ завитковъ капители. Къ бичевѣ онъ привязалъ веревку, съ помощью которой и достигъ верха колонны. Отъ него узнали, что капитель сверху пустая. Извѣстіе арабскаго путешественника о существованіи въ его время купола на верху колонны, а съ другой стороны, присутствіе этой пустоты въ капители дали поводъ къ различнымъ предположеніямъ. Одни думаютъ, что первоначально на верху стояла статуя; другіе полагаютъ, что углубленіе, равно какъ и куполь были устроены позже для какого-нибудь столпника. Какъ извѣстно, Египетъ есть страна, гдѣ впервые зародилась и развилась отшельническая жизнь. Наконецъ, третьи того мнѣнія, что на верху колонны помѣщалась обсерваторія Серапеума. Но согласиться съ послѣднимъ мнѣніемъ, мнѣ кажется, трудно, потому что, если-бы это было такъ, то надо допустить, что была цѣлая система лѣстницъ или подмостей, которая непременно

¹⁾ Аетоній, *Progymnasmata*, с. 12.

бросилась бы въ глаза посѣщавшимъ Серапеумъ, хотя-бы тому же Аетонію, и онъ конечно описалъ бы ее.

Стоя у подножія колонны и разсматривая остатки надписей на ея цоколѣ, я припоминалъ всѣ эти мнѣнія, ихъ доказательства и опроверженія, перечитанныя мною въ тѣ времена, когда я еще заглазно увлекался Египтомъ, когда, обернувшись, замѣтилъ, что меня постепенно окружаетъ цѣлая толпа ребятишекъ, нищихъ и разныхъ зѣвакъ. Они смотрѣли на меня, а я на нихъ. Потомъ, вдругъ всѣ, какъ по командѣ, закричали они на разные голоса: „бакшишъ! бакшишъ!“ *Бакшишъ*— это pourboire, Trinkgeld, итальянское buona mano, русское ба-чай, обыкновенно вездѣ дается за извѣстную услугу; но на востокѣ, и въ особенности феллахи и египетскіе арабы, требуютъ съ васъ бакшишъ такъ, ни съ того, ни съ сего, безъ особеннаго желанія получить его, а просто, какъ мнѣ показалось, съ цѣлью подразнить иностранца. Къ счастью, въ Египтѣ водится весьма мелкая монета, и я ублагодворилъ первую толпу, раздавъ примѣрно съ пол-франка; но затѣмъ нахлынула новая толпа; и чѣмъ больше я давалъ, тѣмъ больше собиралось народу, такъ что подъ конецъ я счелъ за лучшее пришпорить моего осла и обратиться въ бѣгство.

Завтра я посмотрю на каналъ Махмудіа и на мѣсто, гдѣ находились иглы Клеопатры. Сегодня уже поздно; я сижу въ своей комнатѣ, въ отелѣ. Надъ ухомъ жужжитъ комаръ; въ открытое окно, сквозь опущенную кисею, доносятся до меня, вмѣстѣ съ вечернею прохладой, послѣдніе звуки засыпающаго города. На дворѣ— декабрь мѣсяць, а какъ тепло! Темное небо усыпано

звѣздами, блескъ которыхъ дѣлаеть совершенно излишними тѣ нѣсколько подслѣповатые фонари, горящіе кое-гдѣ въ узкихъ, кривыхъ улицахъ. Давно уже пропѣлъ послѣдній муэдзинъ, сзывавшій правовѣрныхъ на вечернюю молитву. Все погрузилось въ сонъ; лишь сторожъ, старый арабъ въ бѣломъ бурнусѣ, монотонно ходитъ мимо моихъ оконъ и стучитъ въ какую-то жестянку.

На другой день мы должны были ѣхать въ Каиръ, но утромъ я успѣлъ еще немного пофланировать по улицамъ Александріи.

До послѣдняго времени, совсѣмъ на берегу моря, въ концѣ улицы пророка Даніила, находились два обелиска, неизвѣстно почему называвшіеся иглами Клеопатры. Одинъ изъ нихъ стоялъ, а другой лежалъ, на половину засыпанный пескомъ. Оба они были привезены сюда въ 19 году по Р. Х. изъ Геліополиса римскимъ префектомъ Барбаромъ. Оба эти обелиска носятъ на себѣ картуши ¹⁾ Тумеса III (фараона XVІІІ-й династіи, между 1625 и 1515 гг. до Р. Х.), а также картуши Рамзеса II и Сети II (XIX-й династіи, между 1405 и 1300 гг. до Р. Х.). Одинъ изъ нихъ былъ подаренъ еще Мехметомъ-Али англичанамъ и взятъ ими два года тому назадъ, а другой выпросили себѣ американцы и увезли его въ прошломъ году въ Нью-Йоркъ. Такъ что, если я и пошелъ на мѣсто, гдѣ они находились, то только изъ-за желанія добросовѣстно исполнить обязанности путешественника, потому что въ настоящее время тамъ

¹⁾ Картушей называется эллиптическая фигура, въ которую вписывалось имя фараона.

ничего не видно, кромѣ песчанаго берега да волнъ морскихъ. Отсюда по бульвару Рамлэ и по безконечной улицѣ Расъ-этъ-Тинъ я направился ко дворцу хедива, расположенному на древнемъ островѣ Фаросѣ, въ настоящее время соединенномъ съ материкомъ широкимъ перешейкомъ.

Странная судьба постигаетъ иногда какой-нибудь городъ относительно его географическаго положенія. Римъ, напримѣръ, весь сползъ съ своихъ семи холмовъ на Марсово поле; Сиракузы приютились на островѣ Ортижи; Агригентъ ограничился своимъ акрополисомъ. Съ Александріей случилось нѣчто еще болѣе удивительное. Представьте себѣ этотъ городъ въ древности и въ наши дни. Въ древности весь городъ стоялъ на берегу; въ виду города, саженьяхъ, приблизительно, въ четырехъ стахъ находился островъ Фаросъ, соединенный съ берегомъ мостомъ или, скорѣе, плотиной (Heptastadion) съ двумя пролетами для прохода кораблей. Въ настоящее время центръ города, самая оживленная и самая большая его часть, помѣщается именно на этомъ Heptastadion. Съ теченіемъ времени морской песокъ, остатки и обломки древняго города, прибываемые моремъ къ плотинѣ, постепенно образовали широкій перешеекъ, который теперь и застроенъ сплошь базарами и домами современной арабской Искандеріи.

Дворецъ Расъ-этъ-Тинъ, лѣтняя резиденція хедива, въ декабрѣ мѣсяцѣ былъ пустъ, и я, съ билетомъ отъ нашего консула, а еще болѣе съ помощью бакшиша, могъ осмотрѣть его во всѣхъ подробностяхъ. Приемныя залы, меблированныя и украшенныя по-европейски, не представляютъ никакого интереса; что же касается той

части дворца, гдѣ помѣщается гаремъ, то она интересна только по имени или, скорѣе, по своему назначенію, чѣмъ по своему убранству. Это — широкій корридоръ, какъ всѣ корридоры во всемъ мірѣ, погруженный въ таинственный полумракъ, съ отдѣльными комнатами направо и налево. Толстыя портьеры, мраморные бассейны съ фонтанами, разноцвѣтныя стекла въ окнахъ и жалюзи, пропускающія лишь слабый свѣтъ, придавали, въ самомъ дѣлѣ, что-то гаремное этому помѣщенію; но бронзовые канделябры и часы, и мебель съ позолоченнымъ деревомъ, напоминая собой обстановку любой европейской гостиной, немедленно разочаровывали васъ и наглядно говорили вамъ о томъ близкомъ времени, когда отъ востока останется лишь одно имя. Въѣстѣ съ полезной европейской цивилизаціей, съ каждымъ днемъ одерживающей новыя побѣды во всѣхъ уголкахъ земнаго шара, неразлучно идетъ и другая цивилизація, фальшивая и пустая, привившаяся между прочимъ и на древнихъ берегахъ Нила. Эта послѣдняя цивилизація объявила кровавую войну всему, что оригинально; она отняла у городовъ и деревень, у ихъ улицъ и площадей ихъ прелесть, присущую всему, что развивалось постепенно и самостоятельно въ продолженіи многихъ вѣковъ; она ворвалась въ частные дома и замянула рѣзные баулы и ковровые диваны дешевыми европейскими комодами и кушетками; подъ ея вліяніемъ мужчины бросаютъ свои шелковые кафтаны и чеканенные кинжалы, а въ женщинахъ вселяется зависть къ парижскимъ модамъ. Свистокъ локомотива, несущагося по полямъ и пустынямъ, какъ бы смѣется надъ выносливостью верблюда и быстротою арабскаго коня. На-

родные праздники еще сохранили свою мѣстную физіономію; но въ городахъ ихъ не видно, или они очень рѣдки, а въ публичныхъ садахъ военная музыка играетъ Верди или Рихарда Вагнера. Всѣ характеристическія черты востока, отъ самыхъ яркихъ до самыхъ незначительныхъ, изгоняются и все болѣе и болѣе ступшевываются; чрезъ нѣсколько лѣтъ онѣ совсѣмъ исчезнутъ.

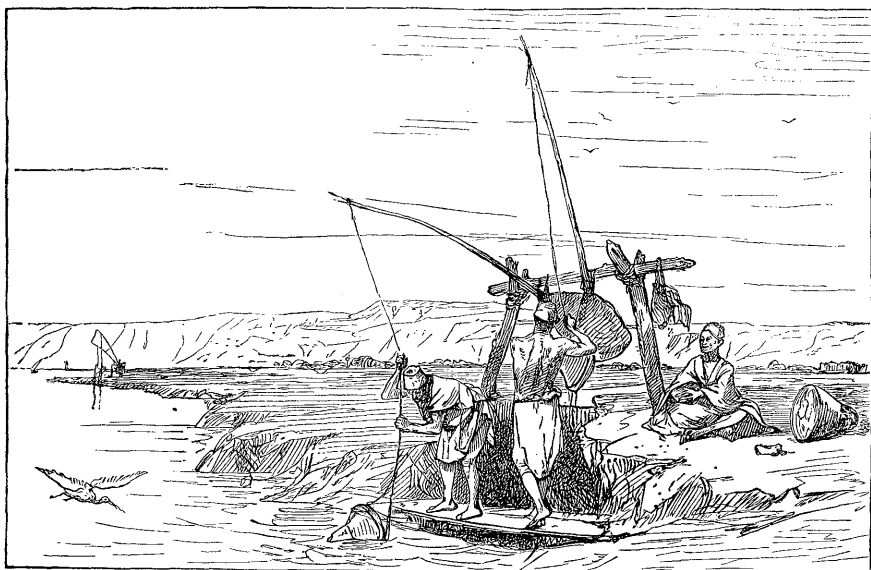
Нельзя уѣхать изъ Александріи, не видавши канала Махмудіа. Каналь этотъ былъ задуманъ французскими инженерами, — чуть-ли не самъ Бонапартъ указалъ на необходимость проведенія нильской воды въ Александрію, — исполненъ же былъ Мехметомъ-Али, понявшимъ, что соединеніе внутренняго рынка страны съ внѣшнимъ посредствомъ этого канала возвратитъ жизнь и богатство Александріи. Для меня этотъ каналь былъ одною изъ первыхъ своеобразныхъ, красивыхъ картинъ восточной жизни. Берега его мѣстами покрыты рощами тамариндовыхъ и лимонныхъ деревьевъ, мѣстами застроены загородными дворцами и виллами, утопающими въ волшебныхъ садахъ, съ ихъ вѣчно зелеными пальмами, съ букетами олеандровъ, бановъ, алоэ и громадными сикоморами. Не даромъ римляне восхваляли окрестности Александріи, ея сады и виллы, а въ частности Горацій воспѣвалъ вино Мареотисъ, о которомъ впрочемъ осталось одно лишь воспоминаніе, такъ какъ магометане уничтожили всѣ виноградники. По каналу движется масса лодокъ, барокъ и плотовъ, приводимыхъ въ движеніе буйволами или верблюдами. Вдоль береговъ мчатся коляски съ женщинами, закутанными въ разноцвѣтныя шелковыя матеріи. Розовая *фереджэ* покрываетъ лицо снизу, а бѣ-

лая *куфубійя* — сверху, такъ что видны одни глаза, но какіе глаза!

Пространство въ 210 километровъ отъ Александріи до Каира проѣзжаютъ по желѣзной дорогѣ. О, великія тѣни фараоновъ! О, премудрость египетская! Что вы на это скажете? Даже при современномъ положеніи Египта, среди всей окружающей обстановки, желѣзная дорога здѣсь, на востокѣ, является какимъ-то анахронизмомъ. Верблюды — „благородный корабль пустыни“ — вотъ единственное средство передвиженія, стоящее въ полной гармоніи съ окрестною природой. Медленный, выносливый, терпѣливый идетъ онъ, покачиваясь направо и налево подъ своей тяжелой ношей, вмѣщая въ себѣ запасъ воды на нѣсколько дней пути; его широкая, плоская, подушкообразная нога отлично приспособлена къ хожденію по сыпучимъ пескамъ. Если верблюдъ не былъ первоначально созданъ въ нынѣшнемъ его видѣ, то сколько вѣковъ и тысячелѣтій должно было пройти, прежде чѣмъ въ немъ могли выработаться эти качества путемъ естественнаго подбора по системѣ Дарвина?

Поѣздъ уносилъ насъ по дельтѣ, сначала вдоль берега озера Марейотисъ, а потомъ чрезъ прилегающія къ Нилу плодородныя поля, на которыхъ полунагіе феллахи занимались, одни — вспахиваніемъ полей плугами самаго первобытнаго устройства, другіе же подымали воду изъ рукавовъ Нила для орошенія. Подъемъ воды въ разныхъ мѣстностяхъ Египта производится различными способами, начиная съ самыхъ незатѣпчивыхъ и кончая самыми усовершенствованными механическими насосами. Такъ, въ дельтѣ я видѣлъ мѣстахъ въ двухъ вѣтренныя колеса Эклипса и нѣсколько локобилей, ка-

чавшихъ воду. Чѣмъ выше вы подымаетесь по Нилу, тѣмъ способы орошенія полей становятся первобытнѣе. Ихъ собственно два вида: одинъ называется *сакіэ*, другой — *шадуфъ*. Сакіэ состоитъ изъ двухъ колесъ, приводимыхъ въ движеніе обыкновенно быкомъ. Черезъ горизонтальный валъ втораго колеса перекинута безконечная веревка, къ которой, на разстояніи полуаршина

Феллахи, черпающіе воду.

другъ отъ друга, прикрѣплены глиняные горшки, черпающіе воду въ Нилъ и подымающіе ее на высоту берега. Шадуфъ — простой журавецъ, къ тонкому концу котораго привѣшено ведро, обыкновенно изъ бараньей кожи, а къ другому концу — большой комокъ глины, служащій противовѣсомъ. Когда ведро поднято до уровня берега, то феллахъ, работающій при этомъ, опроки-

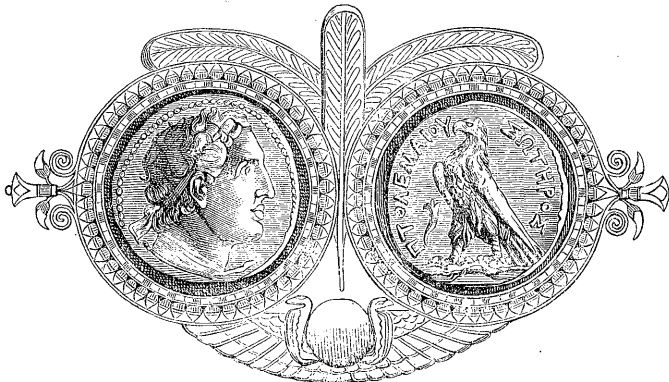
дываетъ его и выливаетъ воду въ канавку, идущую къ орошаемому полю. Въ то время года, когда я былъ въ Египтѣ, вода въ Нилѣ настолько уже спала, что приходилось ставить нѣсколько шадуфовъ одинъ надъ другимъ. Скрыпъ журавцовъ, монотонная пѣснь рабовъ-феллаховъ, весь день черпающихъ воду, наконецъ самая наивность механизма, — все это не лишено извѣстной доли грустной поэзіи. Наконецъ, третій способъ, употребляющійся лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ берегъ весьма невысокъ, это — ведро изъ плетеной соломы на двухъ веревкахъ. Два работника, стоя одинъ противъ другого, съ размаху черпаютъ воду и скидываютъ ее наверхъ.

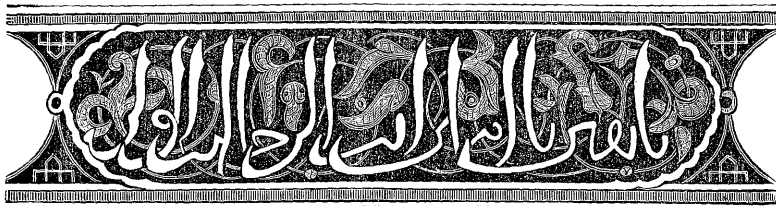
Мы проѣзжали по зеленѣющимъ полямъ съ выколашивающейся пшеницей, съ маисомъ и клеверомъ, которымъ кормится весь скотъ въ Египтѣ. Теперь—конецъ декабря, чрезъ мѣсяцъ или полтора будетъ уборка зимнихъ посѣвовъ. Финики уже сняты. Акаціи во второй разъ покрыты благоухающими цвѣтами; впрочемъ, кажется, нѣтъ ни одного мѣсяца въ году, чтобы благоденственная земля Египта не была покрыта цвѣтами и плодами. Между прочими растеніями, свойственными дельтѣ, надо упомянуть про сахарный тростникъ и хлопчатникъ, а изъ красильныхъ—про шафранъ, марену и лавзонію или хеннэ, отваромъ котораго восточныя женщины съ давнихъ временъ пользуются, чтобы красить ногти на рукахъ и ногахъ. Мимо оконъ вагона мелькали грязныя, ничтожныя арабскія деревушки, построенныя изъ ила и глины на развалинахъ городовъ, процвѣтавшихъ здѣсь назадъ тому тысячелѣтія. Таковъ нынѣшній Египетъ: то же безоблачное небо, какъ и въ

древности, та же вѣчная рѣка съ своими періодическими наводненіями, наконецъ, тотъ же самый народъ кофейнаго цвѣта, съ худощавыми руками и ногами, такъ же терпѣливо несущій иго мусульманскихъ завоевателей, какъ несъ онъ на себѣ въ былыя времена иго фараоновъ. Съ нашей европейской точки зрѣнія египетскіе феллахи кажутся несчастнымъ и забитымъ въ конецъ народомъ; но противъ этого взгляда, мнѣ кажется, можно представить много возраженій. Не имѣя возможности входить въ подробное разсмотрѣніе современнаго положенія феллаха, я долженъ однако сказать, что при благодатномъ климатѣ Египта, бѣдность, ближайшее послѣдствіе рабства, не представляетъ тѣхъ ужасовъ, которые влечетъ она съ собою у насъ на сѣверѣ, и что многіе предметы первой необходимости въ Европѣ становятся чисто условной потребностью на берегахъ Нила. По крайней мѣрѣ феллахи, окружавшіе насъ при остановкахъ на станціяхъ, болтали и смѣялись безъ умолку и казались вообще довольнѣе и счастливѣе крестьянскаго населенія Европы. Это было беззаботное счастье, пользующееся нынѣшнимъ днемъ, не думающее о томъ, что принесетъ съ собою завтра, то самое счастье, которое во времена рабства считалось характеристическою чертою негритянскаго населенія Южныхъ Штатовъ. Теперь черта эта тамъ совсѣмъ почти изгладилась подъ влияніемъ стимула личной отвѣтственности и вышихъ требованій, поставляемыхъ жизнью свободному человѣку. Подобнымъ же образомъ исчезнетъ и беззаботное счастье феллаховъ, какъ только введена будетъ въ Египтѣ представительная форма правленія и всеобщая подача голосовъ.

Машинистъ на нашемъ поѣздѣ былъ европеецъ, ко-

чегарь — нубіецъ; чрезвычайно удобный цвѣтъ кожи для этой должности. Мы ѣхали съ осторожностью тамбово-саратовскихъ поѣздовъ. Видъ необозримыхъ, гладкихъ полей и продолжительныя, незначащіяся въ росписаніи, остановки на станціяхъ совѣмъ было перенесли мои мысли въ родныя мѣста, когда совершенно случайно на горизонтѣ я замѣтилъ въ бинокль маленькое розовое облачко. Это облачко были большія Гизехскія пирамиды. Я никакъ не ожидалъ, чтобы онѣ представились мнѣ въ такомъ видѣ; по крайней мѣрѣ я не думалъ, чтобы то, что могущество человѣка построило наиболее прочнаго и вѣчнаго, могло походить на то, что капризь ээира строить наиболее брэннаго и скоропреходящаго. Въ этомъ оптическомъ обманѣ была горькая, но поучительная истина. Мало по малу всѣ три пирамиды ясно обрисовались на яркомъ фонѣ неба. Промелькнули рошцы стройныхъ пальмъ; мы переѣхали чрезъ одинъ изъ рукавовъ Нила, и, наконецъ, влѣво отъ пирамидъ показалась столица Египта во всемъ своемъ великолѣпнн, съ своими садами и минаретами, освѣщенными косыми лучами заходящаго солнца.

ГЛАВА II

«Кто не видалъ Каира, тотъ ничего не видалъ!» (*Тысяча и одна ночь*).

„Его земля — золото, небо надъ нимъ — чудо, его женщины прекрасны, какъ черноокія дѣвы, живущія въ раю; да какъ же и быть можетъ иначе, когда Каиръ — столица міра“¹⁾).

Какъ описать мнѣ этотъ волшебный городъ, эти причудливыя улицы и переулки, эти неправильныя площади, гдѣ каждый домъ, каждое строеніе — совершенство изящества и оригинальности! Какъ передать это спокойствіе воздуха, этотъ ослѣпительный свѣтъ, въ которомъ купаются кружевные купола минаретовъ, или этотъ мягкій полумракъ, въ который погружены базары и улицы! Въ Каирѣ — вѣчный праздникъ: безъ стука колесъ по немощенымъ улицамъ несется разноцвѣтная толпа, оглашая воздухъ разнообразными криками: то

¹⁾ Рассказъ моссильскаго путешественника изъ «Тысячи и одной ночи».

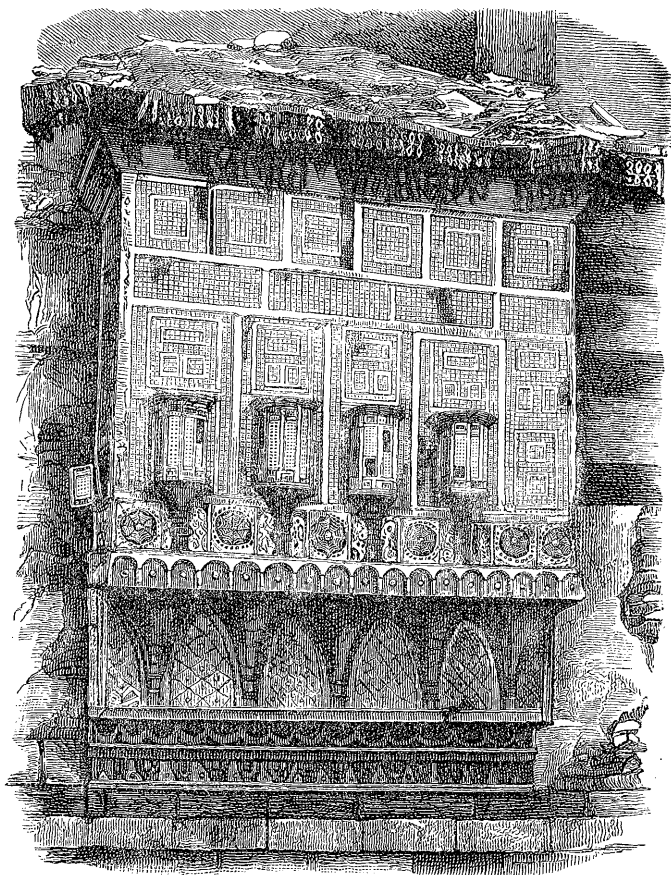
торговецъ выкрикиваетъ названіе своего товара, то арабская свадьба съ цимбалами и однострунными скрипками торжественно проходитъ по улицамъ, то слѣпой сказочникъ бьетъ въ барабанъ, объявляя этимъ толпѣ, собравшейся вокругъ него, начало новаго разсказа; вы повернули за уголь людной улицы — передъ вами пустынный, узкій, какъ корридоръ, темный переулочекъ; изъ-за *мухарабіэ* ¹⁾ гарема раздается однозвучная, тихая, какъ плачь въ тоскѣ по родинѣ, мелодія. Но въ уединеніи вы остаетесь недолго; нѣсколько шаговъ — и вы снова въ шумной толпѣ базара съ нагруженными верблюдами, съ осликами, скачущими во всю прыть, съ тѣмъ же пестрымъ людомъ въ полосатыхъ кафтанахъ и бурнуссахъ, широкихъ шароварахъ, въ бѣлыхъ тюрбанахъ и красныхъ тарбушахъ.

Но скоро сказка говорится, а я еще сижу у себя въ номерѣ и знаками объясняюсь съ Ахметомъ (служитель гостиницы) о предметахъ первой важности. До отъѣзда вверхъ по Нилу осталось еще довольно долго, и я успѣю подробно познакомиться съ Каиромъ.

Основаніе стараго Каира (Фостата) относится ко времени мусульманскихъ завоеваній. Про это основаніе легенда разсказываетъ слѣдующее: въ то время, какъ Амру осаждалъ крѣпость Вавилонъ, построенную еще персами, а впослѣдствіи занятую римлянами, какъ важный въ стратегическомъ отношеніи пунктъ, голубка свила на крышѣ его палатки гнѣздо. Чтобы не потревожить молодого выводка, полководецъ Омара не велѣлъ снимать свою палатку, которая такъ и оставалась у подошвы

¹⁾ Мухарабіэ — рѣшетчатое окно.

горы Мокаттамъ, пока войска калифа отправились на Александрию. Странный припадокъ нѣжности въ такомъ чловѣкѣ, какъ Амру! Впрочемъ, говорятъ, что состра-

Мухарабіа.

дательность къ животнымъ свойственна мусульманамъ. Какъ-бы тамъ ни было, а городъ, основанный на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ лагерь Амру, былъ названъ *Фо-*

статъ (палатка). Арабы называли его также *Мазръ* или *Мизраимъ* — библейское названіе Египта. Это было въ 17-мъ году эгиры, въ 639-мъ году по Р. Х.; современный же, такъ называемый новый Каиръ былъ заложенъ въ концѣ X-го вѣка вблизи отъ стараго города Джаваромъ, полководцемъ Моэза, одного изъ калифовъ Фатимитовъ, ведущихъ свое происхожденіе отъ дочери Магомета Фатимы или Фатьмы. Новый городъ былъ названъ *Мазръ-эль-Каира* (Побѣдоноснымъ), „не только, говорятъ восточные писатели, въ память одержанныхъ Фатимитами побѣдъ, но и какъ предзнаменованіе будущихъ, которыя Небо пошлетъ имъ надъ ихъ врагами“.

Длина исторія Каира и длиненъ перечень украшавшихъ его въ продолженіе десяти вѣковъ калифовъ. Многое измѣнилось въ немъ при Мехметъ-Али, а главнымъ образомъ въ 1866 году, когда почти треть города была разбита по новому плану, и продолжаетъ измѣняться до настоящаго времени. Европейскій кварталъ растетъ съ каждымъ днемъ, и на мѣстѣ прежнихъ кривыхъ, узкихъ арабскихъ улицъ и деревянныхъ домовъ съ ихъ рѣшетчатыми окнами и нависшими балконами являются многоэтажныя зданія, симметрично расположенныя вдоль широкихъ, прямыхъ бульваровъ. Грустно смотрѣть, какъ одно начало, отжившее, изветшалое, но прекрасное въ своей наивности, уступаетъ мѣсто другому началу, разумному, но холодному; съ другой же стороны, не будь этого вторженія, можетъ быть, невозможно или, по крайней мѣрѣ, гораздо труднѣе было бы видѣть то, объ уничтоженіи чего приходится сожалѣть.

Передъ дверью гостиницы, выходящей на широкую

площадь, разворачивается картина, полная новизны и прелести. Но прежде чѣмъ дойти до дверей, я долженъ выдержать борьбу съ цѣлой толпой пестро разряженныхъ драгомановъ и проводниковъ. Каждый изъ нихъ горитъ желаніемъ услужить мнѣ и обладаетъ притомъ цѣлой кипой аттестатовъ на всевозможныхъ европейскихъ языкахъ. Я уже былъ предупрежденъ, что всѣ эти молодцы, за весьма рѣдкими исключеніями, воры и обманщики, разматривающіе иностранца, какъ добычу, принадлежащую имъ по праву, и старающіеся содрать сколько возможно при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Существуетъ левантинская пословица, по которой изъ числа золь востока главныхъ три: чума, пожары и драгоманы. Поэтому я счелъ за лучшее отклонить обязательныя предложенія этихъ чичероне и сталъ у дверей, чтобы полюбоваться на представлявшееся мнѣ любопытное зрѣлище. Близъ самыхъ дверей расположилось около дюжины мелочныхъ торговцевъ. Тутъ можно было купить что угодно: на лоткахъ виднѣлись древности, собранныя въ египетскихъ гробницахъ (иногда и поддѣльныя), тутъ были трости, шелковые шарфы (куф-фійа), тюрбаны самыхъ яркихъ цвѣтовъ, кишъ-мишъ, кокосовые сръхи и пр. У одного особенно изобрѣтательнаго торговца имѣлась даже кадка съ молодыми крокодилами, достигшими приблизительно пол-аршинной длины. Мнѣ тотчасъ же было предложено приобрести одного крокодиленка за пять шиллинговъ, причемъ, чтобы вѣрнѣе прельстить меня своимъ товаромъ, торговецъ поднесъ его къ самому моему носу. На противоположномъ углу улицы фокусникъ, окруженный цѣлою толпою погонщиковъ съ ихъ ослиами, носильщиковъ

и прохожаго люда, глоталъ шпаги и живыхъ змѣй. Черезъ площадь тянулась вереница верблюдовъ, нагруженныхъ свѣже-скошенной травой. Мимо пронесся элегантный экипажъ, запряженный парю красивыхъ арабскихъ лошадей; впереди бѣгутъ, расчищая дорогу, два нубійца съ длинными бѣлыми палками въ рукахъ.

Но вотъ погонщики ословъ замѣтили появленіе новаго лица, и направились ко мнѣ гурьбой. Мальчишки-погонщики и ихъ ослы, взятые вмѣстѣ, представляютъ учрежденіе, безъ котораго Каиръ потерялъ бы для иностранца половину своей прелести. Ослы, обыкновенно жирные и чисто-остриженные ¹⁾, одарены въ должной степени лѣнностью и упорствомъ. Широкія, мягкія ихъ сѣдла покрыты краснымъ сафьяномъ, уздечки украшены ракушками и мѣдными бляхами. Ремни отъ стремянъ не прикрѣпляются къ сѣдлу, а просто лишь перекидываются черезъ него и, если погонщикъ не ухватится за противоположное стремя, то неопытный еще ѣздокъ, при попыткѣ влѣзть или сойти съ осла, долженъ непременно упасть на землю. Погонщики, въ большинствѣ случаевъ, бываютъ мальчишки лѣтъ 13—15-ти. Мальчишки эти — самые смѣлые гамены, которыхъ и когда-либо видалъ, и относительно юмора и шаловливости просто неподражаемы. Передовой изъ нихъ, подойдя ко мнѣ, отвѣшиваетъ низкій поклонъ, приложивъ руку ко лбу, и въ то же время толкаетъ стоящаго за нимъ товарища ногой въ брюхо. Затѣмъ онъ обращается ко мнѣ съ веселой улыбкой на смугломъ лицѣ и предлагаетъ мнѣ прокатиться на его „*bonn bodet*“.

¹⁾ Арабы стригутъ ословъ и верблюдовъ.

Египетъ

Базары въ Каирѣ, по своей обширности, богатству и разнообразію, превосходятъ дамасскіе и константинопольскіе. Осматривать ихъ всего удобнѣе пѣшкомъ или на ослѣ; улицы тамъ узки и кривы; верхніе этажи домовъ, выдающіеся надъ нижними, заняты жилыми помѣщеніями. Окна въ нихъ безъ стеколъ, которыя замѣнены частыми, деревянными рѣшетками (мухарабіэ). Тротуаровъ и мостовыхъ не существуетъ и улицы прохладны и сыры, такъ какъ выдающіеся надъ ними зданія закрываютъ ихъ отъ солнца. Во многихъ мѣстахъ, нависшіе съ обѣихъ сторонъ, верхніе этажи строеній сходятся вмѣстѣ, и улица обращается въ крытую галерею. Стаи голодныхъ, никому не принадлежащихъ, собакъ исполняютъ обязанности мусорщиковъ и содержатъ улицы довольно исправно въ санитарномъ отношеніи. Единственная извѣстная здѣсь машина для поливки пыли — та самая, которая вообще употребляется на востокѣ: это — дырявый мѣхъ изъ козьей шкуры на плечахъ у водоноса.

Погонщикъ моего осла слѣдовалъ за мной, заявляя о своемъ присутствіи ударами по спинѣ бѣднаго животного, котораго онъ осыпалъ при этомъ различными эпитетами, и то и дѣло зывалъ къ Пророку. Осель, предупреждаемый инстинктомъ или же наученный долгимъ опытомъ, предвидѣлъ, казалось, угрожавшій ему ударъ и, стараясь избѣжать его, дѣлалъ внезапные скачки въ сторону, что было крайне непріятно.

Базары переполнены народомъ. Въ улицахъ, въ которыхъ почти касаешься локтями обѣихъ стѣнъ, — сплошная масса народа, среди которой проворно мчатся мелкимъ галопомъ ослы, совсѣмъ исчезающіе подъ сѣдо-

комъ, бѣгутъ сайсы, расчищая ударами курбаша дорогу передъ какимъ-нибудь сановникомъ или богатымъ лицомъ, верблюды идутъ одинъ за другимъ, тяжело нагруженные различнымъ товаромъ или бревнами. Такъ

Улица въ Каирѣ.

что оправданіе молодой красавицы изъ „Тысячи и одной ночи“, которую укусилъ купецъ, могло-бы быть столь же уважительнымъ здѣсь въ Каирѣ, какъ и въ Багдадѣ: „верблюдъ, нагруженный дровами, сказала она своему мужу, прижалъ меня къ стѣнѣ и ранилъ въ щеку“.

Сколько разъ, во время моего фланированія по базарамъ, чуть-чуть было не случилось того-же самаго со мной! Купцы въ бѣлыхъ тюрбанахъ, не обращая никакого вниманія на уличную суматоху, сидятъ, поджавъ подъ себя ноги, на рогожахъ передъ своими лавками, покуривая наргиле и прихлебывая кофе изъ крохотныхъ чашекъ, съ истиннымъ мусульманскимъ спокойствіемъ и важною. А на улицѣ между тѣмъ шумъ и крикъ невообразимый: „руахъ! руахъ! (берегись!), кричатъ саисы... Шемалекъ! (налѣво)... Іеминекъ! (направо)... Уарекъ! (въ сторону)...“ раздаются со всѣхъ сторонъ. Наполеонъ I-й совершилъ много подвиговъ въ своей жизни, но одинъ изъ главныхъ—это то, что онъ ѣздилъ по улицамъ Каира въ каретѣ, запряженной шестерикомъ.

Каиръ раздѣляется на восемь кварталовъ, изъ которыхъ каждый, въ свою очередь, дѣлится еще на нѣсколько частей. Вечеромъ каждая изъ нихъ запирается отдѣльно воротами или дверью съ деревянными задвижками. Въ каждой части свои сторожа и свои собаки, которыя, подъ страхомъ быть растерзанными, не смѣютъ будто-бы перебѣжать въ другую. Различные ремесла и промыслы распределены въ Каирѣ по отдѣльнымъ базарамъ; такъ около мечети Эль-Моэйедъ находится базаръ *Аккадинъ*, гдѣ продаются исключительно галуны и позументы; рядомъ, въ базрѣ *Муайадъ*, продаются шерстяныя и бумажныя издѣлія; сапожники и башмачники со своими сафьяновыми бабушами имѣютъ свой отдѣльный базаръ—*Казабетъ-Ридуанъ*. Пекари, кондитеры, парфюмеры, оружейники и др.—всѣ, составляя отдѣльныя сословія, помѣщаются съ своими произведеніями

отдѣльно отъ представителей другихъ ремесль. Нѣчто подобное было въ средневѣковой Европѣ, что еще до сихъ поръ можно видѣть, по названіямъ различныхъ улицъ и кварталовъ въ нѣкоторыхъ городахъ Франціи и Италіи. Перешло-ли это туда съ востока или, что болѣе вѣроятно, зависѣло отъ организаціи цеховъ, которые въ свою очередь произошли отъ римскихъ корпорацій или *collegia*—рѣшати не мнѣ.

Я ходилъ обыкновенно по базарамъ съ однимъ моимъ знакомымъ европейцемъ, долго жившимъ въ Каирѣ. Онъ хорошо зналъ городъ, а главное, людей и съ необыкновеннымъ тактомъ умѣлъ торговаться съ восточными купцами; а торговать и купить что-нибудь у мусульманина — дѣло не легкое, и иностранецъ-новичекъ или истратитъ всѣ свои деньги, платя въ три-дорога, или ничего не купитъ. Укажите на какую-нибудь вещь въ лавкѣ, которая вамъ нравится. „Возьмите ее, какъ подарокъ, на память отъ меня“, скажетъ вамъ купецъ, съ выраженіемъ плѣняющей васъ щедрости. „Но сколько это стоитъ?“ говорите вы. Тогда торговецъ заламываетъ такую необыкновенную цѣну, что вамъ ничего больше не остается дѣлать, какъ уйти домой, потому что нѣтъ никакой надежды, что онъ уступитъ вещь по ея нормальной стоимости. Когда купецъ разложитъ передъ вами всѣ свои богатства и вы стоите передъ нимъ въ нерѣшительности: дать то, что онъ проситъ, или нѣтъ, то онъ невозмутимо, безстрастно смотритъ на васъ и съ покачиваніемъ головы, исполненнымъ соболѣзнованія, подымаетъ палецъ къ небу, закатываетъ глаза и говоритъ: „ла!.... ла!....“ (нѣтъ!), но такъ нѣжно, такъ нѣжно, что вамъ слышится: „нѣтъ, не настаивайте,

невозможность быть вамъ пріятнымъ раздраетъ мнѣ сердце; не мучьте меня; будьте человѣчны! Къ тому же то, что вы покупаете, „non è digno d'un cavaliere tanto gentile, tanto galante“, какъ говорятъ неаполитанскіе *fascini*. И вы уходите, опечаленные и пристыженные, какъ осмѣлились вы торговать столь рѣдкую и необыкновенную вещь у человѣка, настолько превосходящаго васъ въ умѣннй держать себя.

Единственный способъ войти въ соглашеніе съ восточнымъ купцомъ, слѣдующій: надо начать съ изученія арабскаго языка; когда это сдѣлано, то заводишь съ купцомъ общій разговоръ, влѣзаешь къ нему на эстраду или *мастаба*, куришь его наргиле, пьешь его кофе. На другой день снова возвращаешься къ нему. Если онъ занятъ молитвой, то надо переждать и не мѣшать ему. Разспрашиваешь о его дѣлахъ, семействѣ, о томъ, о семь... и какъ-нибудь въ одинъ прекрасный день, среди обоюдныхъ изліяній, закинешь словечко о дѣлѣ. И такимъ образомъ понемножку дойдешь до желаннаго результата. Разъ это достигнуто, то, какъ говорятъ, *la glace est rompue*, и нѣтъ въ мірѣ болѣе обходительнаго и уступчиваго продавца, какъ каирскій купецъ.

Настоящія восточныя ткани—ручной работы; вмѣстѣ съ шелкомъ, въ нихъ входитъ и золото, что придаетъ имъ большую плотность и весьма эффектные отливы. Отъ ручнаго способа производства происходитъ удивительное разнообразіе рисунка, такъ что невозможно подобрать два куска матеріи совершенно схожихъ: рисунокъ можетъ быть сдѣланъ въ одномъ и томъ же вкусѣ и чередоваться въ одинаковомъ порядкѣ, но, взглянувъ, тотчасъ замѣтишь большую разницу въ промежуткахъ

линій и размѣрахъ орнаментовъ. Эта неправильность, происходящая отъ ручной работы, обуславливаетъ ту неуловимую прелесть, которою отличаются восточныя матеріи, не имѣющія этого сухаго, монотоннаго вида нашихъ самыхъ богатыхъ произведеній этого рода машинной работы. Кромѣ того, восточные народы стоятъ несравненно выше насъ въ умѣннн сочетать цвѣта; въ ихъ коврахъ и тканяхъ цвѣта, повидимому, самые враждебные, такъ подобраны, что производятъ такой же очаровательный эффектъ, какъ живые цвѣты, изъ которыхъ ни одинъ никогда не вредитъ другому, когда они собраны въ букетъ. Это настоящая импровизація, всегда счастливая и всегда разнообразная. Въ сравненіи съ ихъ тканями, наши кажутся рѣзкими, колющими глазъ. Это меня поражало всякій разъ, когда случалось бывать у какого-нибудь богатаго турка, который считаетъ долгомъ обзавестись произведеніями европейской роскоши и комфорта, нахально выживающими послѣдніе благородные остатки мѣстнаго первобытнаго искусства, исчезающаго съ каждымъ днемъ, такъ какъ со времени Мехмета-Али дворцы, а за ними и частные дома, стали предпочитать ему европейскую ходячую банальность.

Куда дѣвались богатство и роскошь добраго стараго времени, когда Каиръ былъ складочнымъ пунктомъ между Индіей, Цейлономъ, Персіей, Багдадомъ, Генуей, Флоренціей и Венеціей? Существуютъ-ли еще эти ткани, чудо тонкости и прочности, которыя употреблялись, какъ наивно рассказываетъ Левъ Африканскій, „на рубашки самыхъ знатныхъ людей?“ Куда дѣвались парча, бархатъ и атласъ, съ которыми, какъ передаетъ

географъ XVI вѣка, не могли равняться произведенія Италіи?

Писатели и путешественники XIV вѣка съ удивленіемъ разсказываютъ о роскоши и богатствѣ тогдашняго города калифовъ. „23-го числа мѣсяца Шавала 768 года (1390 по Р. Хр.), повѣствуетъ Макриси, былъ обнародованъ въ Каирѣ законъ, запрещающій женщинамъ носить слишкомъ широкіе кафтаны и употреблять на каждый болѣе четырнадцати дирась (около 0,50 метра) матеріи“. До этого времени каирскія франтихи шили себѣ такихъ размѣровъ верхнее платье, что, по вычисленію вышеназваннаго писателя, на каждое шло болѣе трехсотъ двадцати квадратныхъ дирась, что составляетъ около восьмидесяти квадратныхъ метровъ. „Эта неумѣренность, говоритъ онъ дальше, пошла такъ далеко, что простая женщина походила на жену калифа или какого-нибудь сановника“¹⁾. Другой повѣствователь, флорентійскій пилигримъ Фрескобальди, даетъ подробныя статистическія свѣдѣнія о Каирѣ и перечисляетъ, сколько было тамъ въ то время верблюдовъ, „всѣ въ прекрасной сбруѣ и хорошо откормленные“, сколько было слоновъ, до трехъ тысячъ вѣтряныхъ мельницъ, и т. д... „А людей, говоритъ онъ, тамъ больше, чѣмъ во всей Тосканѣ“.

Современное народонаселеніе Каира, простирающееся до 400 тысячъ человекъ, состоитъ, кромѣ европейцевъ, изъ арабовъ, составляющихъ большинство, турокъ, коптовъ, евреевъ, левантинцевъ, абиссинцевъ и нубійцевъ. Одинъ арабскій писатель, Ибнъ-Аббасъ, слѣдующимъ

¹⁾ *Chrestomathie arabe* de Sylv. de Sacy, vol. II.

образомъ опредѣляетъ характерныя черты нѣкоторыхъ изъ только-что названныхъ народностей: девять десятыхъ интригъ и коварства, существующихъ на бѣломъ свѣтѣ, онъ приписываетъ коптамъ, вѣроломства — евреямъ, безсердечія — туркамъ, а храбрости — арабамъ.

Копты представляютъ потомковъ древнихъ египтянъ; ихъ нарѣчїе, происходящее отъ языка фараоновъ, дало возможность разобрать нѣкоторыя іероглифическія надписи и папирусы. Къ несчастію, въ настоящее время, коптскій языкъ—языкъ мертвый, хотя сравнительно еще не такъ давно, а именно въ XVI вѣкѣ, на немъ говорили въ верхнемъ Египтѣ; теперь же онъ употребляется лишь для богослуженія, какъ славянскій—у насъ и латинскій—у католиковъ. Съ того времени, какъ жители долины Нила покинули вѣру своихъ предковъ и вступили въ христіанство, исторія перестала называть ихъ египтянами и назвала коптами. Періодъ, во время котораго христіанская религія была официальной религіей Египта, былъ не длиненъ: онъ охватываетъ промежутокъ времени отъ эдикта Θεодосія (381 г. по Р. Хр.) до года завоеванія страны магометанами (640 г. по Р. Хр.). За эти двѣсти пятьдесятъ лѣтъ Египетъ не отказывался отъ своего языка, на которомъ онъ такъ долго говорилъ, но онъ разстался съ іероглифами, символическіе знаки которыхъ напоминали ему языческія идеи, и усвоилъ себѣ греческую азбуку въ томъ видѣ, въ какомъ она употреблялась въ то время въ Александріи. И такъ, коптскій языкъ, насколько онъ въ настоящее время извѣстенъ, есть тотъ же египетскій, только при-

мѣненный къ христіанскому міровоззрѣнію и съ греческой азбукой ¹⁾).

Древніе египтяне были народомъ *писаремъ* по преимуществу: ни одного памятника не строили они, не исписавъ его сверху до-низу, ни одного событія не пропускали они, чтобы не увѣковѣчить его самыми подробными надписями; даже домашняя утварь и кирпичь для построекъ носили на себѣ клейма владѣльца или строителя. Ихъ потомки копты унаслѣдовали отъ нихъ эту страсть къ письму, и въ настоящее время всѣ писаря различныхъ административныхъ учреждений въ Каирѣ, а также и публичныя (уличные) скрибы — копты. Отличительный признакъ ихъ — чернильница или, скорѣе, письменный приборъ, такъ какъ къ чернильницѣ придѣланъ пеналь, который они носятъ обыкновенно за поясомъ. По формѣ этотъ приборъ весьма схожъ съ чернильницами, найденными въ древнихъ египетскихъ могилахъ, а также и съ іероглифическимъ знакомъ, посредствомъ котораго выражалось дѣйствіе писать и должность писаря.

Другіе представители древне-египетской расы, феллахи, совершенно смѣшались съ арабами, завоевавшими при Омарѣ Египетъ и передавшими имъ свою религію

¹⁾ Копты — христіане и имѣютъ духовную литературу, относящуюся къ первымъ вѣкамъ нашей эры, но отдѣлены отъ насъ ересью Евтихія. Этотъ анахоретъ вышелъ изъ своей келіи, чтобы защитить вѣру отъ ереси Несторія, учившаго, что въ Иисусѣ Христѣ два лица. Возражая, Евтихій увлекся въ другую крайность и проповѣдывалъ, что въ І. Христѣ было лишь одно существо, единое и нераздѣльное, существо божественное, поглотившее человѣческое, какъ море — каплю воды. Копты сохранили обрѣзаніе. Ихъ патріархъ живетъ въ Каирѣ и называется патріархомъ Александрійскимъ и Іерусалимскимъ. Для Абиссиніи онъ назначаетъ викарія.

и обычаи, чего не могли сдѣлать ни персы, ни македонское владычество, ни римское, ни византійское. Слово *феллахъ* (во множеств. *феллахинъ*) значитъ земледѣлецъ, и въ самомъ дѣлѣ всѣ земледѣльческія работы въ Среднемъ и Нижнемъ Египтѣ производятся руками феллаховъ. Въ Каирѣ и Александріи они называются *Ауладъ-эль-Беледъ* или *Ауладъ-эль-Мазръ* (дитя города или дитя Мазра). У этихъ послѣднихъ цвѣтъ кожи свѣтлѣе, чѣмъ у ихъ деревенскихъ соплеменниковъ, въ особенности тѣхъ, которые живутъ южнѣ Ассиута. У горожанъ типъ лица менѣе однообразенъ, чѣмъ у поселянъ, которые родятся лишь между особой и, ведя по головно одинаковый образъ жизни, отличаются поразительнымъ сходствомъ фізіономій и характеровъ. Въ Луксорской гостиницѣ было два служителя: Мохаммедъ и Махмудъ, и я, за все время моего пребыванія тамъ, никакъ не могъ отличить ихъ другъ отъ друга. Что касается костюма, то у мужчинъ онъ состоитъ изъ короткихъ панталонъ и бумажной рубашки синяго цвѣта; у женщинъ — изъ одной рубашки и иногда платка, соединяющагося съ вуалемъ, назначеніе котораго — закрывать низъ лица по глаза. Въ пластическомъ отношеніи, жены феллаховъ олицетворяютъ идеаль красоты, тотъ идеаль простоты и прелести, который утраченъ со временъ Перикла. Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе элегантное и граціозное египтянки, возвращающейся съ Нила съ кувшиномъ воды на плечѣ.

Феллаха презираютъ бедуины, единственные, сохранившіе во всей чистотѣ кровь и обычаи арабской расы. Бедуинъ, хотя рѣдко, но иногда женится на дочери феллаха; но никогда онъ не отдастъ за него своей до-

чери. Феллахъ чрезвычайно воздержанъ въ пищѣ; двѣ или три лепешки изъ *дура*, въ ладонь величиной, составляютъ его дневную порцію. Болѣе богатые или изобрѣтательные прибавляютъ къ этому огурцовъ, финиковъ, луку или цикорія. Его высшее блаженство — это отдыхъ; онъ работаетъ лишь по принужденію; личной инициативы въ трудѣ у него нѣтъ, такъ какъ у него нѣтъ главныхъ стимуловъ дѣятельности и энергии — собственности и ея обезпеченности. „Египетъ, говоритъ мѣстная поговорка, это — земля, заливаемая Ниломъ“. На этомъ-то пространствѣ живетъ феллахъ. Его мазанки изъ ила и глины, какъ произведенія того же Нила, нигдѣ не встрѣчаются за предѣлами, заливаемой изъ года въ годъ періодическими наводненіями, территоріи. По пескамъ, простирающимся съ обѣихъ сторонъ нильской долины, кочуетъ номадь-бедуинъ. Феллахъ не покидаетъ береговъ Нила; нигдѣ въ другомъ мѣстѣ его не встрѣтишь; бедуинъ же скитается отъ береговъ Чернаго моря до окрестностей Александріи и ничѣмъ не отличается отъ своихъ братьевъ, кочующихъ по Сахарѣ и по песчанымъ пространствамъ Сиріи и Аравіи: онъ принадлежитъ пустынѣ, и вся пустыня принадлежитъ ему.

Съ моего балкона видна эта пустыня. Влѣво отъ цитадели, за гробницами калифовъ, мимо отроговъ Мокаттама тянется она на востокъ. Какъ легкій дымокъ, вьется надъ ней раскаленный песокъ,двигающійся и заметающій слѣдъ, какъ у насъ снѣгъ во время поземки. Я разъ только испыталъ на себѣ дѣйствіе песочной вьюги во время моего путешествія въ Верхній Египетъ и думаю, что хуже этого ощущенія ничего не можетъ быть. Но

въ данную минуту я внѣ опасности и скрываюсь отъ лучей солнца и горячаго вѣтра подъ роскошною листвою сикоморъ Эзбекіа, куда я хожу каждый день пить холодную воду съ шербетомъ и курить наргиле.

«Войдите съ миромъ и надеждою на милосердіе». (Коранъ, XV, 46).

ГЛАВА III

«La page des *Mille et une nuits*, qu'on a sous les yeux, est une page salie et déchirée!»

(J. J. Ampère, *Voyage en Égypte*).

Когда интересуешься какимъ — нибудь народомъ, то первое, на что надо смотрѣть послѣ его костюма и общей внѣшней фізіономіи — это архитектура. Въ ней выражаются наиболѣе установившіяся вѣрованія народа, его постоянныя задумевныя мысли и все, что есть устойчиваго въ его характерѣ и обычаяхъ.

Подъ четырьмя династіями, которыя послѣдовательно царствовали въ Каирѣ, со временъ основанія этого города и до завоеванія его турками, замѣчательныя мечети воздвигались въ различныя эпохи; но въ ихъ числѣ есть двѣ, которыя построены еще до основанія новаго Каира, — это мечети Амру и Тулума.

Мечеть Амру, начатая въ 21 году эгиры, относится ко времени арабскихъ завоеваній и представляетъ въ

Египтъ самый древній памятникъ ислама. Про основаніе этой мечети преданіе рассказываетъ слѣдующее: когда полководецъ Омара выбралъ для нея мѣсто и уже приступилъ къ постройкѣ, къ нему явилась какая-то вдова, объявившая, что она собственница этой земли и уступать ее подъ мечеть не намѣрена. Завоеватель, конечно, не остановился передъ такимъ ничтожнымъ обстоятельствомъ и велѣлъ силой отобрать у упрямой вдовы ее помѣстье. Однако, находя свое рѣшеніе какъ-будто не совсемъ правильнымъ и прежде чѣмъ окончательно рѣшиться на что-нибудь, онъ счелъ нужнымъ посоветоваться съ своимъ повелителемъ Омаромъ, находившимся въ то время въ арабскомъ портѣ Ямбо, для чего и отправилъ къ нему гонца. Когда гонецъ пріѣхалъ къ калифу, то засталъ его прогуливающимся въ окрестностяхъ города. Внимательно выслушавъ то, о чемъ спрашивалъ его полководецъ, калифъ, наклонившись, поднялъ валившуюся на дорогѣ баранью голову, отъ которой остался лишь побѣлѣвшій черепъ; потомъ, окунувши свой палецъ въ чернильницу, висѣвшую у него на поясѣ, нарисовалъ на лбу этого черепа двѣ черты, одну прямую, другую кривую, и, обратившись къ посланному, сказалъ: „Отвези это Амръ-бенъ-эль-асу, служителю Бога единого“.

Получивши голову, Амру долго глядѣлъ на эти двѣ загадочныя линіи, значеніе которыхъ онъ не могъ угадать; но вдругъ, осѣненный внезапнымъ откровеніемъ, воскликнулъ: „О, калифъ, ты правъ, надо слѣдовать прямому пути, угодному Богу, и избѣгать криваго, куда толкалъ меня шитанъ, побитый камнями!“ Наведенный на путь истины своимъ повелителемъ, Амру отказался

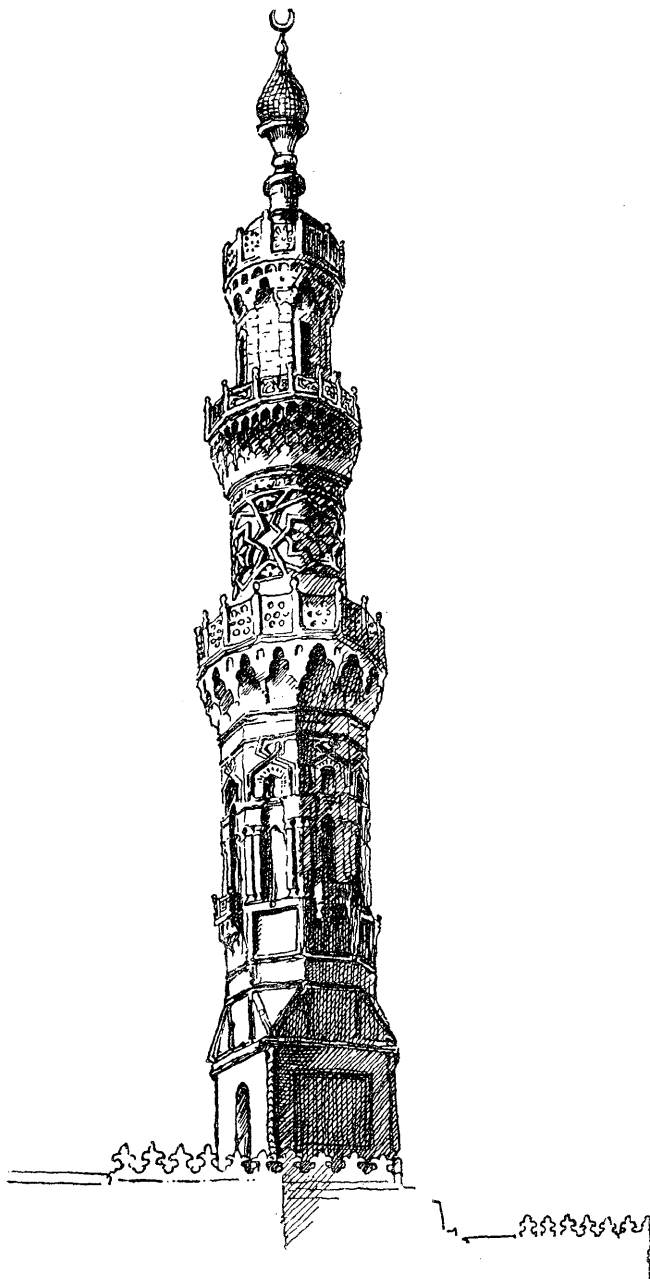
отъ намѣренія силой отнять землю у вдовы, а предложилъ ей продать лишь такое количество земли, сколько можетъ быть охвачено воловьею кожей. Вдова согласилась на эту сдѣлку, не подозрѣвая, что Амру, какъ истинный восточный человѣкъ, обманетъ ее самымъ непозволительнымъ образомъ. Въ подражаніе Дидонѣ, Амру велѣлъ разрѣзать воловью кожу на тонкіе ремни, которыми и охватилъ все пространство, гдѣ стоитъ теперь мечеть его имени.

Когда приходишь къ ея сѣрымъ, полуразвалившимся стѣнамъ, застроеннымъ кругомъ грязными коптскими домами, и въ голову не можетъ придти мысль, что за этими стѣнами находится одно изъ величайшихъ и наилучше задуманныхъ произведеній арабскаго искусства. Народъ въ Каирѣ называетъ эту мечеть „вѣнцомъ мечетей“. Въ извѣстномъ смыслѣ она заслуживаетъ это названіе, не только ради ея древности, грандіозныхъ формъ и размѣровъ, но и потому, что въ ней, и въ ней лишь одной, вѣрующіе всѣхъ вѣроисповѣданій, признающіе единого Бога, не разъ собирались для молитвы въ минуту общаго несчастія. Какой видъ она должна была представлять, когда въ послѣдній разъ, при Мехметѣ-Али, магометане съ своими улемами во главѣ, христіане различныхъ исповѣданій, предшествуемые своими епископами и священниками, евреи съ своими раввинами, — всѣ вмѣстѣ вошли въ ея широкій дворъ и въ горячей молитвѣ преклонились передъ Всевышнимъ! Былъ голодъ и неразлившійся Ниль угрожалъ на слѣдующій годъ тѣмъ же.

Мечеть Амру представляетъ типъ арабскихъ построекъ этого рода въ ихъ первоначальномъ видѣ; по

ней можно изучать этотъ типъ, воспроизведенный въ другихъ мечетяхъ Каира и нѣсколько видоизмѣненный въ Испаніи и Сициліи. Въ своемъ началѣ мечеть не была „домомъ молитвы“, но открытымъ дворомъ, окруженнымъ портиками и колоннами, изъ коихъ самыя украшенныя всегда обращены въ сторону Мекки. По обѣимъ сторонамъ двора, простирающагося передъ мѣстомъ, назначеннымъ для омовенія и молитвы, находятся или, скорѣе, находились бани, конюшни и помѣщенія для прѣзжающихъ, однимъ словомъ, то, что все, вмѣстѣ взятое, называется по арабски *окель*, т. е. каравансарай или постоялый дворъ. Такимъ образомъ мечеть съ самаго начала получила характерный видъ храма кочующаго народа, храма дѣтей Измаила, сына Авраама и Агари. И, прежде чѣмъ сдѣлаться домомъ молитвы, мечеть была страннопріимнымъ убѣжищемъ; да и чѣмъ могъ быть инымъ домъ Бога у народа, не имѣвшаго осѣдлаго мѣста жительства, у народа, который до сихъ поръ, расселившись уже по гѣродамъ, все еще хранитъ въ своей душѣ любовь къ пустынѣ, къ свободной жизни кочевника и все еще помнитъ про ту палатку, которую его отцы ставили въ открытомъ полѣ среди зеленѣющаго оазиса, вблизи колодца!

Необходимый атрибутъ мечети, минаретъ—башня, возвышающаяся надъ остальными постройками, куда влѣзаетъ муэдзинъ, чтобы призывать къ молитвѣ, явился позже, въ періодъ полного разцвѣта арабскаго зодчества, и въ настоящее время составляетъ особенную и главную прелесть восточныхъ городовъ. Въ минаретахъ выразилась со всею ясностью отличительная черта арабской архитектуры, заключающаяся въ сочетаніи высту-

Минареть мечети Каитъ-бей.

повъ (*encorbellement*) и впадинъ. Эти выступы, выдаваясь впередъ и образуя карнизы, консоли, висячіе въ воздухѣ балконы и галереи, позволяютъ расширять верхніе этажи зданій сравнительно съ нижними и вмѣстѣ съ тѣмъ составляютъ то, отъ чего зависитъ вся грація и легкость каирскихъ минаретовъ. Представьте себѣ, какой некрасивый видъ имѣла-бы совершенно круглая башня одинаковаго діаметра снизу до верху! Но, если вы ее раздѣлите на этажи и каждый изъ нихъ украсите выступомъ, то гладкимъ, то многограннымъ, то получите разнообразный, пріятный для глаза рядъ выпуклостей и уступовъ, нарушающихъ монотонность прямой линіи. Если, кромѣ того, вы представите себѣ всю поверхность минарета, изукрашенную узорами, вырѣзанными въ камнѣ или вытѣсненными въ штукатуркѣ, одинъ этажъ—оплетеннымъ сѣтью геометрическихъ фигуръ, другой—окруженнымъ ажурной колоннадой, а третій—съ стрѣльчатыми окнами и дверью, выходящей на балконъ, если всѣ выступы будутъ имѣть неодинаковые профили, а рисунки периль и орнамента каждаго этажа будутъ различные... то вы получите идеальный типъ минарета.

Вкусъ къ выступамъ и навѣсамъ въ арабской архитектурѣ вполне понятенъ у народа, живущаго въ жаркой странѣ. Онъ объясняется необходимостью укрываться въ тѣни отъ вертикальныхъ лучей солнца, не сходящаго съ небосклона въ продолженіи двѣнадцати мѣсяцевъ въ году. Но выступъ долженъ былъ развиваться въ мусульманской архитектурѣ болѣе, чѣмъ въ какой-либо иной—этого требовали обычаи народа, вся его жизнь. Такимъ образомъ, ставя архитектуру въ тѣсную зависимость

отъ нравовъ и обычаевъ даннаго народа, мы видимъ, какъ всѣ требованія жизни отражаются въ ней въ отвѣтъ на запросы вкуса или на предписанія законовъ вѣры. Напримѣръ, обычай и коранъ требуютъ, чтобы женщины были заперты въ гаремахъ и были недоступны для нескромныхъ взоровъ прохожихъ, — архитектура, удовлетворяя этимъ требованіямъ, строитъ окна съ частыми рѣшетками *мухарабіэ*, выдающіяся надъ нижнимъ этажемъ и позволяющія женщинѣ, не подвергаясь опасности быть увидѣнной, глядѣть на улицу. Нужно, чтобы всякій мусульманинъ могъ въ установленные кораномъ часы совершать свою молитву, — строятся зыскіе балконы, откуда былъ-бы слышенъ призывъ муэдзина. Наконецъ, надо было, чтобы пріѣзжій купецъ изъ Бассоры или Медины могъ, не нарушая своихъ привычекъ къ кейфу и кальяну, слѣдить за нагрузкой или разгрузкой своихъ верблюдовъ, — строятся обширные каравансарай съ навѣсами, сидя въ тѣни которыхъ, мусульманинъ можетъ видѣть, что дѣлается на дворѣ, какъ работаютъ его хаммалы, въ порядкѣ-ли его товаръ. Все это отразилось въ архитектурѣ, которая выработала соответствующія формы и образовала всѣ эти легкіе навѣсы, своды и многочисленные, одинъ выдающійся надъ другимъ, карнизы, которыми изобилуетъ каждая арабская постройка.

Въ общемъ, планъ мечети Амру имѣетъ видъ двухъ смежныхъ четырехугольныхъ дворовъ. Первый изъ нихъ застроенъ жилыми помѣщеніями, а второй, составляющій собственно мечеть, окруженъ со всѣхъ сторонъ нѣсколькими рядами колоннъ, поддерживающихъ на сводахъ крышу. Все зданіе обнесено глухой стѣной,

въ восточной части которой, обращенной въ сторону Мекки, находится святилище (лиуанъ).

Въ настоящее время мечеть эта находится въ страшномъ упадкѣ; всюду виднѣются обвалившіяся стѣны, груды камней, на которыхъ грѣются на солнцѣ ящерицы, проворно исчезающія при малѣйшемъ шорохѣ; подъ остатками крыши ласточки прилѣпили свои гнѣзда; полъ, изъ каменныхъ плитъ, весь провалился и заросъ травой и мхомъ. Фонтанъ для омовеній не журчитъ, да въ немъ и воды нѣтъ. Много колоннъ упало, а нѣкоторыя стоятъ одиноко, ничего не поддерживая и несвязанныя съ остальными.

Восточная сторона мечети сохранилась лучше остальныхъ. Здѣсь почти нѣтъ ни одной упавшей колонны и ни одного обрушившагося свода. Расположенные въ шесть рядовъ и на равныхъ разстоянiяхъ одна отъ другой, колонны эти съ ихъ легкими стрѣльчатыми сводами образуютъ замѣчательно эффектную въ перспективномъ отношенiи залу, погруженную въ полумракъ, куда лишь изрѣдка попадаетъ лучъ солнца, пробираясь между колоннами, какъ въ лѣсной чащѣ, и обливая полосой яркаго свѣта узоры изорванныхъ, ветхихъ ковровъ и циновокъ, покрывающихъ полъ мечети. Кордовская мечеть, которая, какъ кажется, послужила моделью для всѣхъ испанскихъ мечетей, выстроена по совершенно такому-же плану. Только въ Кордовѣ крытая часть мечети занимаетъ гораздо больше мѣста, чѣмъ открытая. Колоннада, составляющая восточную часть строенiя, вмѣсто шести рядовъ, какъ въ мечети Амру, имѣетъ ихъ девятнадцать, что вполне понятно, такъ какъ въ Кордовѣ въ три раза больше выпадаетъ дождя,

чѣмъ въ Каирѣ. Мечети Танжера и Феца въ Марокко, равно какъ и мечети въ Дамаскѣ, Алеппо, Мединѣ и Меккѣ построены и расположены совершенно такъ же,

Мечеть Амру.

какъ мечеть Амру въ Каирѣ ¹⁾). Отсюда видно, какую важность представляетъ она для исторіи мусульманскаго искусства.

¹⁾ Burckhard, *Voyage en Arabie*. I. 208.

Большая часть ея колоннъ сдѣлана изъ мрамора, а капители принадлежать ко всевозможнымъ стилямъ и орденамъ древняго искусства: здѣсь вы встрѣтите и коринтскіе акантовые листья, и іоническій завитокъ; рядомъ съ византійской кубической капителью стоитъ капитель временъ Птолемеевъ, украшенная цвѣтами греческой работы. Одного лишь египетскаго искусства здѣсь нѣтъ, равно какъ и во всѣхъ остальныхъ арабскихъ постройкахъ. Если-бы всѣ эти колонны могли рассказать намъ свою исторію, изъ какихъ храмовъ и дворцовъ онѣ взяты, то сколько передали-бы онѣ свѣдѣній о Мемфисѣ, Геліополисѣ и другихъ городахъ, которые стояли когда-то недалеко отъ мѣста теперешняго Каира и исчезли, какъ умѣютъ исчезать только одни города. Во время основанія Фостата ихъ развалины представляли еще неисчерпаемый источникъ матеріала для арабскихъ построекъ, притомъ матеріала совершенно готоваго, который цѣликомъ, не перерабатывая, брали мусульманскіе завоеватели и ставили въ свои мечети и дворцы, ни мало не смущаясь ихъ разнородностью и не подозрѣвая, что какая-нибудь колонна изъ храма Афродиты поддерживаетъ у нихъ плечо свода, другая сторона котораго покоится на колоннѣ, стоявшей у алтаря церкви, построенной въ честь Пр. Богородицы.

Въ глубинѣ колонной залы открывается небольшая ниша, *михрабъ* или *кибли*, обозначающая направленіе, по которому правовѣрные должны искать мысленно Мекку. Она служитъ также для чтенія Корана въ праздничные дни и обыкновенно бываетъ роскошно украшена мозаикой и рѣзьбою. Налѣво отъ киблы

стоитъ *мибаръ* или каеэдра, деревянное возвышеніе, откуда проповѣдуетъ каждую пятницу имамъ и куда ведетъ узенькая прямая лѣстница, вся, такъ же какъ и ниша, украшенная рѣзбой и инкрустированными узорами.

Абдалла, сынъ основателя Фостата и самаго храма, почитается здѣсь за святаго; его гробница стоитъ здѣсь же, на дворѣ мечети. Но не такъ привлекаетъ она толпы мусульманъ, какъ три колонны, ничѣмъ съ виду не отличающіяся отъ остальныхъ. Двѣ изъ нихъ, стоящія одна отъ другой не болѣе, какъ на полъ-аршина, составляютъ предметъ особаго уваженія право-вѣрныхъ. Это — колонны „испытанія“, встрѣчающіяся, кромѣ мечети Амру, еще въ нѣкоторыхъ другихъ мечетяхъ: на примѣръ, въ гама-эль-Акса въ Иерусалимѣ. Существуетъ повѣріе, что только одни праведники могутъ пролѣзть между ними. Богатому, сытому мусульманину, конечно, трудноѣ пройти въ это „ушко иголки“, чѣмъ худому, голодному мытарю. Около этой пары колоннъ можно всегда видѣть толпу любопытныхъ, наблюдающихъ за конвульсіями какого-нибудь толстяка, пытающагося, во что бы то ни стало, наглядно убѣдить присутствующихъ въ своей праведности.

Въ нашей компаніи была одна претолстая англичанка, которой, должно быть, очень хотѣлось доказать, что она достойна рая Магомета. Но, какъ она ни прилагала всѣхъ своихъ стараній, чтобы протолкаться между безжалостными колоннами, какъ ни билась, — ничего не могла сдѣлать. Кончилось тѣмъ, что она застряла, и ее съ большимъ трудомъ высвободилъ нашъ драгоманъ Мухаммедъ, съ укоризной покачивавшій головой, глядя на неблагочестивыя попытки англичанки.

Третья колонна, которую чтятъ магометане, стоитъ недалеко отъ мимбара. Она носитъ на себѣ слѣдъ хлыста Пророка или, по другому сказанію, болѣе сообразному съ хронологіей, слѣдъ кнута Омара, такъ какъ мечеть эта основана послѣ смерти Магомета. Когда Амру началъ постройку двора мечети, то онъ попросилъ перваго или втораго — скажемъ втораго; т. е. калифа, чтобы не выходить изъ границъ историческаго правдоподобія — прислать ему одну колонну изъ Мекки. Повелитель правовѣрныхъ приказалъ избранной имъ колоннѣ летѣть къ его полководцу въ Фостатъ; но она не послушалась его и не тронулась съ мѣста, несмотря на дважды повторенное приказаніе. Такъ какъ при третьемъ повелѣніи она тоже не оказывала никакого расположенія пуститься въ путь, то взбѣшенный калифъ ударилъ ее курбашемъ (хлыстомъ), воззвавъ къ Богу единому и Магомету, его пророку. Колонна тотчасъ же взвилась и, опустившись къ ногамъ Амру, стала на то мѣсто, гдѣ стоитъ и до сихъ поръ ¹⁾.

Осмотрѣвъ мечеть Амру, я рѣшилъ, что будетъ несравненно практичнѣе отдѣлится отъ общества туристовъ, идти туда, куда хочешь, и смотрѣть то, что нравится, чѣмъ выслушивать нелѣпыя объясненія драгомана и выжидать, пока всѣ англичанки, худыя и толстыя, пройдутъ между колоннами испытанія. А впереди былъ цѣлый Каиръ и мало-ли какихъ испытаній еще могло

¹⁾ Г. Лютке предполагаетъ, что бѣлая полоса, слѣдъ хлыста, и имя Магомета, запечатлѣвшееся бѣлыми буквами на темномъ фонѣ колонны, сдѣланы съ помощью какого-нибудь туаго инструмента, ударами котораго произведены мелкія дѣланы подъ поверхностью камня. Наощупъ же нельзя замѣтить ни малѣйшаго углубленія или шероховатости.

встрѣтиться? И такъ, я отправился въ путь съ моимъ мальчишкой-погонщикомъ, зная по-арабски лишь одно слово: *мафшиз* (оставь меня въ покоѣ! или убирайся!), это итальянское — *non sессarmi*, единственное слово, необходимое для туриста, чтобы быть свободнымъ на улицѣ отъ нищихъ, непрошенныхъ провожатыхъ и другого пристающаго люда, которымъ такъ изобилуетъ востокъ. Изъ улицы въ улицу, изъ переулка въ переулокъ, бодро скакалъ я на своемъ осликѣ, самъ не зная куда, любуясь затѣйливыми мухарабіа, красивыми минаретами и заглядываясь на оригинальныя картины уличной жизни. Наконецъ, не предвидя конца моей прогулкѣ, я началъ объясняться съ моимъ погонщикомъ. Меня начинала беспокоить необыкновенная узкость переулка, въ который я заѣхалъ. Тоненькій лучъ свѣта съ трудомъ пробирался между нависшими балконами. Кругомъ царила полная тишина; можно было подумать, что весь этотъ кварталъ вымеръ. Среди самой дороги спала собака, безжизненно протянувшись во всю свою длину, и мѣшала проѣхать; у одной двери стоялъ осель, привязанный къ кольцу, и тоже дремалъ, развѣсивъ уши. Повременамъ человѣческая фигура, драпированная въ длинныя одежды, выходила изъ тѣни, скользила неслышными шагами вдоль стѣны и пропадала за угломъ. Скоро и небо скрылось за сводами, — переулокъ превратился въ корридоръ. Приходилось поминутно отворять двери, которыя сзади захлопывались неизвѣстно кѣмъ. Но вотъ открылась послѣдняя дверь, и я выѣхалъ на свѣтъ божій, т. е. на грязный дворъ, окруженный жилыми помѣщеніями. На цыновкахъ, на самомъ припекѣ яркаго солнца, сидѣло нѣсколько молчаливыхъ мусуль-

манъ, благодушно курившихъ наргиле. „Инглизъ!“ сказали они другъ другу, не отнимая рта отъ чубука и не поднимая глазъ. Лѣтъ пѣтьдесятъ тому назадъ они закричали бы: „джіауръ!“ и не такъ хладнокровно отнеслись бы къ неосторожному путешественнику.

Дворъ оказался безъ выхода; пришлось вернуться тѣмъ же путемъ, какимъ пришелъ, снова разбудить собаку, которая на этотъ разъ окончательно рѣшилась перемѣнить мѣсто и удалилась ворча, съ непримиримымъ выраженіемъ фанатика. Побродивъ такимъ образомъ еще съ добрый часъ, я какими-то судьбами достигъ площади Румейлэ, находящейся въ двухъ шагахъ отъ цитадели, такъ что, несмотря на усталость и позднее время, я ничего не могъ сдѣлать лучшаго, какъ подняться на верхнюю террасу, откуда спрыгнулъ съ высоты 40 метровъ одинъ изъ мамелюковъ 1-го марта 1811 года.

Съ этой террасы окрывается лучшій видъ на Каиръ и его окрестности, и никогда не наглядишься достаточно на эту чудную картину, резюмирующую собою весь востокъ. Съ одной стороны — этотъ Нилъ, широкій, спокойный, который Магометъ называлъ моремъ ¹⁾ и причислялъ въ другомъ мѣстѣ къ рѣкамъ рая. По его волнамъ, въ цвѣтуція времена калифовъ, плавало болѣе сорока тысячъ кораблей, пришедшихъ изъ всѣхъ странъ міра; а прежде, во времена Птолемеевъ, двигались трехъ-ярусныя египетскія, финикійскія и греческія триремы, пришедшія съ драгоценными маслами и винами, вѣтвями мастиковаго дерева, халкидонскими бронзовыми издѣ-

¹⁾ Коранъ, XXVIII, 6.

ліями и шерстяными тканями, и вымѣнивавшія все это на сокровища Эѳіопіи: золото, слоновую кость, черное дерево, на пестрыхъ тропическихъ птицъ, драгоценные каменья и на черныхъ невольниковъ или на саисскія кружева и тонкій папирусъ. Затѣмъ этотъ городъ, причудливый, блестящій, съ его минаретами и куполами мечетей, съ садами и кіосками, съ шумной жизнью базаровъ и, наконецъ, пустыней, грандіознымъ кольцомъ охватывающей его со всѣхъ сторонъ. Прославленный средневѣковыми пилигримами востока и запада, какъ что-то сверхъестественное, городъ калифовъ въ самомъ дѣлѣ оправдываетъ, даже превосходитъ всѣ ожиданія и грезы самой богатой фантазіи. За Ниломъ видны пирамиды и древній некрополь Мемфиса, а на востокѣ— другой, арабскій некрополь, нѣсколькими десятками вѣковъ моложе перваго, съ его мечетями—памятниками, образующими какъ бы другой городъ, городъ мертвыхъ, обнимающій городъ живыхъ, подобно тѣмъ благочестивымъ и серьезнымъ мыслямъ и ежедневнымъ созерцательнымъ обрядамъ, обнимающимъ всю жизнь мусульманина.

Но время идетъ; послѣдніе лучи закатившагося солнца позолотили скалы Мокаттама и играютъ кое-гдѣ по кружевнымъ куполамъ минаретовъ. Ко мнѣ подошелъ сторожъ и объявилъ, что сейчасъ запрутъ ворота цитадели и что надо уходить. Я не сразу понялъ, о чемъ онъ мнѣ говорилъ, и машинально пошелъ за нимъ къ выходу. Что это, откуда я? Гдѣ былъ, что видѣлъ? Прожилъ-ли одинъ часъ изъ Тысячи и одной ночи, просидѣлъ-ли въ волшебномъ балетѣ, или такъ мелькнулъ передо мной одинъ изъ тѣхъ калейдоскопиче-

скихъ узоровъ, которые мелькнутъ разъ въ воображеніи, поразять своею яркостью, новозможностью и пропадутъ безъ слѣда, какъ минутная мечта, какъ вздорный сонъ, прервавшій строгую думу, оторвавшій васъ отъ настоящей жизни?

Когда смотришь съ верхней площадки цитадели на Каиръ, то на второмъ планѣ глаза останавливаются на широкой площади, среди которой возвышается одинокій куполь. Это — старинная мечеть Ахмедъ-эбнъ-Тулума, построенная приблизительно за сто лѣтъ до основанія новаго Каира и современная первой арабской столицѣ, въ настоящее время почти совсѣмъ исчезнувшей. Ничтожный, полуразрушенный кварталъ *Кебеизъ*, расположенный вокругъ этой мечети — вотъ все, что осталось отъ громаднаго прежде города, простиравшагося отъ скалы, на которой стоитъ теперь цитадель, до Нила. Своего высшаго развитія достигъ Фостатъ, по словамъ Макризи, въ XI вѣкѣ. Въ XII — онъ сгорѣлъ въ пожарѣ, продолжавшемся 54 дня, виновниками котораго были сами жители, защищавшіеся противъ крестоносцевъ Амори I-го, царя іерусалимскаго. Теперь этотъ городъ превратился въ небольшую деревушку, расположенную на восточномъ берегу Нила и называющуюся Мазръ-эль-Атика или Старый Каиръ.

Въ 879 году, въ тѣ времена, когда еще по обширной равнинѣ, составляющей восточную половину Европы, гуляли на просторѣ кривичи, поляне, древляне, чудь и прочіе народы будущей земли русской, калифъ Тулумъ приступилъ къ постройкѣ большой мечети, носящей его имя. Существуетъ легенда, что планъ мечети былъ присланъ калифу однимъ христіанскимъ архитек-

торомъ, заключеннымъ въ тюрьмѣ. Этой традиціи можно, мнѣ кажется, придать болѣе общій смыслъ и видѣть въ ней легендарное выраженіе факта происхожденія мусульманской архитектуры отъ христіанской. Надъ мечетью въ Мединѣ работали артисты, посланные греческимъ императоромъ; Кааба, сама Кааба, святая святыхъ магометанъ въ Меккѣ, была построена двумя христіанскими архитекторами: одинъ изъ нихъ былъ грекъ, другой — коптъ. Византійское искусство произвело мечети Каира, Константинополя и Кордовы; равнымъ образомъ, оно же или другое видоизмѣненіе античной архитектуры произвело романскіе и саксонскіе соборы. Арабскій куполь происходитъ отъ византійскаго. Расположеніе, орнаментъ и нѣкоторыя части мечетей имѣютъ свои прототипы въ византійскомъ искусствѣ ¹⁾). Можно даже видѣть въ Каирѣ одну прекрасно сохранившуюся мечеть, которая имѣетъ форму греческаго креста. Эта форма придана мусульманскому храму христіанскимъ зодчимъ, какъ-бы въ видѣ протеста, или угрозы, и какъ-бы говоритъ исламу: „вотъ чѣмъ ты будешь побѣжденъ!“

Мечеть Тулума, можетъ быть, до нашихъ дней была-бы въ хорошемъ видѣ и представляла-бы интереснѣйшій памятникъ арабскаго искусства, если-бы Ибрагимупашѣ, сыну и наслѣднику Мехметъ-Али, не пришло въ голову несчастной идеи превратить ее въ военный госпиталь, а потомъ въ соляной магазинъ, какъ будто кромѣ нея не было въ Каирѣ десятка турецкихъ двор-

¹⁾ Orlebar, *Journal of the Bombay branch of royal Asiatic Society*, January, 1845, 133.

цовъ, повидимому нарочно выстроенныхъ для подобнаго употребленія.

Одна изъ самыхъ древнихъ и безспорно самая известная въ Египтѣ и на всемъ востокѣ мечеть это — Гама-эль-Азхаръ или „мечеть цвѣтовъ“, современница основанію новаго Каира ¹⁾. Уступая въ красотѣ другимъ мечетямъ города, Гама-эль-Азхаръ представляетъ громаднѣйшій интересъ, какъ учрежденіе, сохранившее во всей цѣлости своеобразную восточную физиономію. Какъ въ первые вѣка христіанства церковь была центромъ, къ которому тяготѣли различныя общепользныя учрежденія, такъ на востокѣ мечеть, съ самаго начала служившая убѣжищемъ для странниковъ, до сихъ поръ продолжаетъ служить средоточіемъ для разныхъ учрежденій гражданскаго свойства. При мечетяхъ обыкновенно устраиваются школы, больницы и пр. Въ мечети эль-Азхаръ помѣщается мусульманскій университетъ. Оставшись единственнымъ значительнымъ центромъ образованія на востокѣ, онъ сдѣлался хранилищемъ народныхъ традицій, а вмѣстѣ съ тѣмъ разсадникомъ религіознаго фанатизма и оппозиціи современнымъ идеямъ. Въ этомъ университетѣ болѣе девяти тысячъ студентовъ, пришедшихъ со всѣхъ концовъ мусульманскаго міра, изъ Аравіи и изъ Египта, изъ Индіи и изъ Судана, слушаютъ лекціи трехъ сотъ профессоровъ, преподающихъ по методѣ и традиціямъ, не измѣнившимся съ X-го вѣка. Въ виду такого значенія мечети, посѣщеніе ея очень за-

¹⁾ Основанъ ея Гевхеръ-эль-Каидъ, полководецъ Мозза, въ 359 г. эгирь. Впослѣдствіи она была нѣсколько разъ перестроена и увеличена.

труднительно, и туристъ, получившій фирманъ на ея осмотръ, долженъ держать себя крайне осторожно, чтобы не возбудить гнѣва ея правовѣрныхъ воспитанниковъ.

Свернувъ съ rue Neuve вправо, въ узенькій переулокъ, я скоро подѣхалъ съ моимъ проводникомъ и съ пропускнымъ билетомъ отъ хедива въ карманѣ къ главнымъ воротамъ мечети. У входа, гдѣ десятки цирюльниковъ брѣютъ студентамъ головы, меня остановилъ старый привратникъ и медленнымъ движеніемъ руки указалъ на мои ноги. Я понялъ въ чемъ дѣло: покорно снявъ ботинки, надѣлъ желтыя бабуши, которыя всегда можно найти у входа въ каждую мечеть, и пошелъ, шлепая по мраморнымъ плитамъ двора. Оригинальный видъ представляетъ внутренность мечети: на громадной площади, въ тѣни портиковъ и навѣсовъ, на цыновкахъ сидятъ въ различныхъ позахъ тысячи студентовъ различныхъ цвѣтовъ, начиная отъ прозрачно-бѣлаго турка и кончая чернымъ, какъ уголь, нубійцемъ, и различныхъ возрастовъ, начиная отъ десятилѣтнихъ ребятъ и кончая престарѣлыми старцами, ищущими утѣшенія въ наукѣ. Одни изъ нихъ читаютъ на распѣвъ, раскачиваясь при этомъ всѣмъ тѣломъ, другіе зубрятъ заданный урокъ, отчеканивая языкомъ, какъ поваръ ножикомъ, третьи закусываютъ, штопаютъ разодранное платье, гуляютъ или спятъ, растянувшись во всю длину на горячемъ мраморѣ; но все это происходитъ безъ малѣйшей суматохи и непочтительности. Лишь только раздастся призывъ муэдзина, они всѣ встанутъ для омовенія и молитвы и потомъ сядутъ

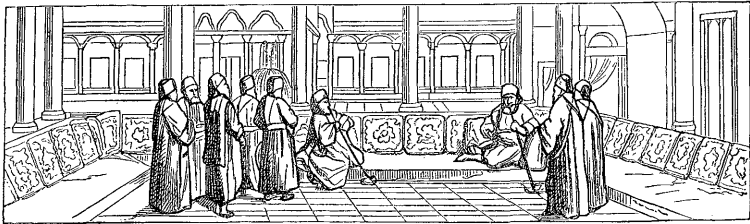
группами на корточкахъ вокругъ какого-нибудь профессора въ бѣломъ тюрбанѣ и желѣзныхъ круглыхъ очкахъ.

Святилище мечети эль-Азхаръ состоитъ изъ девяти рядовъ колоннъ, общее число которыхъ — триста восемьдесятъ. Всѣ онѣ изъ мрамора, порфира или гранита, съ греческими или римскими капителями. Этотъ лѣсъ колоннъ освѣщается громаднымъ количествомъ висячихъ лампъ и, занимая поверхность въ 3000 квадратныхъ метровъ, представляетъ, откуда бы вы ни посмотрѣли, эффектные перспективы. Къ несчастію, потолокъ немного низокъ и закопченъ, что производитъ давящее впечатлѣніе.

Образованіе, получаемое въ университетѣ эль-Азхаръ, носитъ на себѣ отпечатокъ такой-же наивности, какъ и самое помѣщеніе и его обитатели. Нѣтъ никакого контроля, никакой системы преподаванія наукъ, предметъ которыхъ крайне необширенъ, такъ какъ главнымъ образомъ онъ заключается въ толкованіи Корана и преданій Магомета, изъ которыхъ мусульмане думаютъ извлечь всевозможныя познанія, на самомъ же дѣлѣ изъ университета выходятъ лишь школьные учителя, богословы и юристы на арабскій манеръ, т. е. во многомъ отличающіеся отъ нашихъ, въ особенности, что касается послѣднихъ. Память загромождается массою формулъ и различныхъ тонкостей, нарочно созданныхъ, чтобы забить всякую способность размышленія и сѣзуть умственный кругозоръ. Отсюда происходитъ эта окоченѣлость, этотъ невѣжественный фанатизмъ, отъ которыхъ многіе народы востока и даже запада осуждены никогда не освободиться и никогда не вернуться къ

принципамъ мудрости и экилибра, морального и физическаго, къ которымъ путь былъ найденъ въ древности и съ тѣхъ поръ затерялся въ пучинахъ всепоглощающаго антагонизма: пѣтизма съ одной стороны, равнодушія и крайняго скептицизма — съ другой.

Мехметъ-Али въ Шубрѣ.

ГЛАВА IV

Насколько интересна мечеть эль-Азхаръ, по своему нравственному значенію для магометанъ, настолько интересна мечеть Гассана, какъ типъ вполне развившагося арабскаго стиля.

Не надо смѣшивать архитектуру египетскихъ арабовъ съ архитектурой испанскихъ мавровъ. Несомнѣнно, и та другая имѣютъ много общаго, но мавританское искусство болѣе поверхностно, чѣмъ каирское. Въ началѣ водчїе калифовъ, избѣгая массивныхъ построекъ, какъ-бы въ насмѣшку надъ древними египетскими произведеніями, въ которыхъ все дышетъ такою незыблемою прочностью, строили на берегахъ Нила такія смѣлыя арки и на такихъ тонкихъ колоннахъ, что „страшно становилось глядѣть и непонятно было, чѣмъ и какъ все это держится“, какъ пишетъ Абульфедъ про какую-то мечеть. Но скоро, именно во время полного развитія

арабскаго искусства, которое совпало съ царствованіемъ династіи Мамелюковъ, они отказались отъ своего прежняго направленія и въ нѣкоторыхъ постройкахъ обнаружили несбыкновенную силу и умѣніе обращаться съ массивнымъ матеріаломъ. Свидѣтельницаю этого перехода служить мечеть султана Гассана.

По грандіозности, величію и мужественной граціи ея формъ, ее можно было бы приписать какому-нибудь сарацинскому Микель-Анжело XIV-го вѣка, вдохновенному вѣрою въ Пророка и страшнымъ величіемъ султановъ Бахаритовъ ¹⁾. Она стоитъ въ концѣ бульвара Мехмета-Али, между площадями Гассана и Румейлэ, прежде бывшей подъ садами калифа эбнъ-Тулума.

Эта знаменитая мечеть имѣетъ въ длину сто сорокъ метровъ и семьдесятъ пять въ ширину. Куполь, возвышающійся надъ гробницею султана, достигаетъ пятидесяти пяти метровъ вышины, а одинъ изъ минаретовъ — восьмидесяти шести метровъ. Стѣны, сложенные изъ тесаннаго камня и раскрашенные первоначально горизонтальными красными полосами, наверху оканчиваются широкимъ, сильно выдающимся карнизомъ, образованнымъ изъ нависшихъ сталактитовъ, въ граняхъ которыхъ такъ красиво играетъ южное солнце. Главная дверь поразительныхъ размѣровъ отдѣлана съ большою роскошью. Порогъ — изъ порфира, а двѣ боковыя колонны, поддерживающія сводъ надъ дверью — изъ лазуреваго камня. Одна изъ нихъ пользуется чудесной славой — помогать бесплоднымъ женщинамъ.

¹⁾ Династія Мамелюковъ (1250—1382 г.) получила имя Бахаритовъ отъ слова *баръ* или *базаръ* — египетское названіе о-ва Рода (на Нилѣ), гдѣ калифы этой династіи воспитывались.

Внутренность мечети производитъ еще болѣе сильное впечатлѣнiе, чѣмъ ея внѣшнiй видъ. Съ первыхъ шаговъ подъ ея высокимъ сводомъ, вы поражены величiемъ архитектурическихъ линiй этого храма. По срединѣ ея двора находится фонтанъ для омовенiй, имѣющiй форму громаднаго шара, покоющагося на восьми колоннахъ и украшеннаго великолѣпною золотою надписью. Надъ каждой изъ четырехъ стѣнъ виситъ глубокой стрѣльчатый сводъ въ двадцать восемь метровъ вышины; наиболѣе глубокой изъ нихъ занятъ святилищемъ, поражающимъ роскошью украшенiя стѣнъ, сравнительно съ крайней простотой убранства залъ, назначенныхъ для молящихся. Глядя на удивительныя средства, которыя арабы умѣли найти въ геометрiи для украшенiя плоскихъ поверхностей, начинаешь менѣе сожалѣть, что законы ислама запретили, какъ идолопоклонничество, вводить въ орнаментъ изображенiя одушевленныхъ предметовъ. Эти законы, которые въ сущности менѣе абсолютны, чѣмъ привыкли это думать, однако отклонили арабскихъ художниковъ отъ скульптуры и удержали ихъ на пути развитiя этой специальной, прирожденной семитской расѣ, способности ко всякимъ тонкимъ соображенiямъ и, въ частности, къ математикѣ и начертательной геометрiи. Все, что персы и испанскiе арабы, болѣе свободные въ этомъ отношенiи, чѣмъ сирiйскiе и египетскiе, пытались сдѣлать въ области скульптуры или рисунка изъ мiра одушевленнаго, все было ниже посредственности; что же касается орнамента, то въ этой отрасли искусства, наоборотъ, всѣ народы семитской расы, съ ихъ различными стилями, не имѣютъ соперниковъ. Орнаментацiя плоскостей

посредствомъ арабесокъ составляетъ ихъ личную, ни откуда ими не заимствованную, собственность, начало которой лежитъ въ ихъ прирожденномъ искусствѣ сочетать цвѣта и затѣйливые узоры въ ксврахъ и тканяхъ, въ чемъ они достигли совершенства еще въ глубокой древности.

Внутри мечети прохладно и тихо; сквозь ея толстыя стѣны не проникаетъ ни единого звука съ шумной площади; слышно лишь тихое журчаніе фонтана и временамъ вздохъ молящагося. Изъ полумрака стѣны видны громадныя золотыя буквы, гласящія основныя истины ученія Магомета, тѣ истины, которыя, въ видѣ смѣлыхъ и образныхъ мыслей, составляютъ суть религіознаго фанатизма мусульманъ. Вся исторія могущества и славы ислама становится понятною, въ виду этихъ короткихъ и энергичныхъ изрѣченій Корана, а еще болѣе въ виду молящихся, подобныхъ восторженнымъ маіакамъ. Какъ красивы эти неподвижныя фигуры съ задумчивыми, спокойными лицами, съ глазами, устремленными куда-то вдаль, за предѣлы человѣческой жизни! Смотри на нихъ, является желаніе самому одѣть шелковый кафтанъ, освѣжиться омовеніемъ у фонтана и пойти сѣсть на коверъ, покрывающій каменныя плиты мечети, какъ цвѣтущее поле цвѣтовъ, среди которыхъ утопаетъ молящійся, плавая въ экстазѣ. Какая граціозная медленность, какая торжественность въ движеніяхъ молящагося мусульманина! Какою вѣрою, твердой и ясной, дышетъ его лицо, озаренное свѣтомъ вдохновенія, подобно здѣшнему небу, всегда озаренному радостными лучами восточнаго солнца! Мистицизмъ востока полонъ солнца, какъ полна имъ здѣсь вся природа; за-

вѣщанный же намъ средними вѣками мистицизмъ — пасмуренъ и грустенъ, какъ и нашъ климатъ: молящійся у насъ свѣшиваетъ голову на грудь, его вѣра требуетъ смиренія, скорби и любви, но вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ и глубокое утѣшеніе, котораго не имѣтъ магометане, въ словахъ: „блаженны плачущіе“.

Въ настоящее время выстроили рядомъ съ мечетью Гассана новую какую-то мечеть, но такъ близко, что совсѣмъ закрыли ея главный фасадъ. Турки никогда не ремонтируютъ старыхъ построекъ, а постоянно воздвигаютъ новыя; благодаря этому, всѣ древніе памятники арабскаго искусства приходятъ въ страшный упадокъ, а на ихъ мѣсто ежегодно появляются новыя турецкія произведенія. Съ дворцами повторяется то же самое: каждый хедивъ, лишь только займетъ мѣсто своего предшественника, строитъ новый дворецъ, а старый, оставленный въ полнѣйшемъ забвеніи, ветшаетъ и постепенно разрушается.

Мнѣ хотѣлось еще посмотрѣть на Каиръ съ высоты цитадели, и, находясь въблизи отъ нея, я отправился пѣшкомъ черезъ ворота Бабъ-эль-Азабъ по крутому подъему, ведущему къ мечети Мехмета-Али.

Въ виду этой мечети, на дворѣ цитадели, умѣстно вспомнить о самомъ Мехметѣ-Али, этомъ недюжинномъ человѣкѣ, смѣнившемъ въ Египтѣ французовъ и продолжавшемъ по своему дѣлу цивилизаціи страны, начатое послѣдними. Политическая роль Мехмета-Али, какъ независимаго властелина Египта, была подготовлена вѣками. Съ давнихъ временъ Египетъ стремился жить своею, независимою жизнью. На другой день послѣ завоеванія страны арабами, когда старый Каиръ едва за-

рождался, притязанія Амру, его основателя, уже начинали беспокоить калифа Омара. Двумя вѣками позже Ахмедъ, сынъ Тулума, началъ собою независимую династію. Съ тѣхъ поръ египетскіе султаны — такъ стали называться визири этой провинціи — признавали лишь номинально авторитетъ калифовъ. Такъ продолжалось до турецкаго завоеванія. Послѣдніе мамелюкскіе вожди геройски защищали противъ Селима независимость Египта. Еще до сихъ поръ показываютъ на однихъ воротахъ Каира крючекъ, на которомъ былъ повѣшечъ Томанъ-бей, одинъ изъ мамелюковъ, хотя и бывшихъ иностраннаго происхожденія, но тѣмъ не менѣе горячо защищавшихъ египетскую національность. Со времени турецкаго завоеванія Мехметъ-Али не первый возсталъ противъ султана; многіе его предшественники много разъ пытались свергнуть съ себя эту зависимость. Наиболѣе знаменитый изъ нихъ былъ несчастный и великодушный Али-бей, завоевавшій на время Сирію и приготовившій почву для дѣятельности Мехмета-Али, воспользовавшагося удобнымъ случаемъ и упрочившагося въ роли независимаго властителя Египта, которую играли въ древности калифы.

Тѣмъ не менѣе нужна была большая ловкость, чтобы авантюристу, какъ онъ, съумѣть съ сотней молодцовъ отбить власть у мамелюковъ и укрѣпиться въ Каирѣ противъ воли Порты. Прекрасно понимая, что во время анархіи всякій принципъ порядка есть зародышъ могущества, онъ водворилъ дисциплину въ войскахъ и правильное отправленіе обязанностей въ администраціи и тѣмъ снискалъ расположеніе народа и улемовъ; такъ что, когда Порта, тревожно глядѣвшая на его дѣятельность,

рѣшилась отнять у него Египетъ, а его сослать на жительство въ какой-нибудь аравійскій пашалыкъ, то онъ съумѣлъ заставить египтянъ удержать его и, поставивъ это на видъ турецкому правительству, купилъ у него позволеніе остаться въ Каирѣ. Съ этого момента карьера его извѣстна: онъ уничтожаетъ мамелюковъ, освобождаетъ священные города Аравіи отъ вахабитовъ, потомъ нападаетъ на султана, разбиваетъ его войско, грозитъ Константинополю, но останавливается подъ давленіемъ Европы. Окончательно упрочился онъ на своемъ мѣстѣ лишь послѣ побѣды надъ вахабитами, стоившей ему большаго труда, но и доставившей ему славу защитника магометанской вѣры. Вахабиты были сектанты, вознамѣрившіеся преобразовать исламъ и освободить Аравію изъ-подъ турецкаго ига. Эти бедуинскіе реформаторы, запрещая употребленіе табака, раззоряя могилы мусульманскихъ святыхъ, не исключая гробницы Магомета, овладѣли Меккой и прекратили паломничество, такъ что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ пилигримы не имѣли доступа въ святой городъ. Мехметъ-Али принялъ противъ нихъ походъ и, послѣ большихъ трудностей и лишеній среди аравійскихъ пустынь, уничтожилъ ихъ и открылъ дорогу въ Мекку всѣмъ мусульманамъ міра, чѣмъ, конечно, оказалъ громадную услугу исламу. Упоенный славой побѣды, Мехметъ-Али обратился къ мирной, организаторской дѣятельности: строилъ каналы, заводилъ военныя школы, арсеналы, создалъ хлопчато-бумажную, шелковую и сахарную промышленности, запретилъ вывозъ произведеній древне-египетскаго искусства и основалъ знаменитый Булакскій музей. Его имя осталось до сихъ поръ популярнымъ въ Египтѣ;

о немъ сложилась уже легенда, украшенная баснословными подробностями. Но за что помнить его народъ? за то-ли, что онъ построилъ больницы, ввелъ прививаніе оспы? за то-ли, что онъ учредилъ медицинскую школу и пытался устроить политехническій институтъ? Конечно нѣтъ; онъ уничтожилъ цѣлые народы въ Геджазѣ и въ Сеннаарѣ; онъ избилъ мамелюковъ; онъ возмутился противъ своего сюзерена; онъ побилъ турецкія войска при Коніахѣ и Недзибѣ; онъ былъ неумолимымъ тираномъ — и вотъ память о немъ сдѣлалась дорога его подданнымъ:

Et vous, passez, passez, monarques débonnaires!

Онъ былъ смѣль, рѣшителецъ, и угрызения совѣсти не мѣшали исполненію его проектовъ. Уроженецъ Македоніи, онъ любилъ говорить объ Александрѣ Великомъ — всемъ землякѣ. Онъ былъ скрытенъ и никогда не бывалъ онъ болѣе ужасенъ, какъ когда казался ласковымъ и обязательнымъ. Два эпизода его жизни обрисовываютъ его со всею наглядностью. Одинъ — знаменитое избіеніе мамелюковъ — произошелъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: отправляясь въ дальній походъ противъ вахабитовъ, Мехметъ-Али чувствовалъ, что враги его не пропустятъ представлявшагося случая воспользоваться его отсутствіемъ и захватить власть въ Каирѣ. Положеніе было критическое: не идти противъ аравійскихъ сектантовъ было невозможно; оставить Каиръ въ рукахъ мамелюковъ — тоже нельзя. Оставался одинъ выходъ изъ этого положенія; его Мехметъ-Али и избралъ, прибѣгнувъ для этого къ невинной военной хитрости, на которую мамелюки тѣмъ легче поддались, что за нѣсколько времени передъ этимъ Мехметъ-Али сталъ вы-

казывать по отношенію къ нимъ необыкновенное радушіе и все поговаривалъ о своемъ желаніи окончательно помириться съ ними. Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ пригласилъ ихъ какъ-то къ себѣ на завтракъ. Когда всѣ предводители мамелюковъ вѣхали на внутренній дворъ цитадели, онъ велѣлъ запереть ворота и перестрѣлялъ ихъ, какъ зайцевъ, за исключеніемъ впрочемъ одного, который, разгорячивъ своего коня, заставилъ его перескочить черезъ каменную ограду и упалъ съ высоты 40 метровъ. Говорятъ, что въ рѣшительный моментъ Мехметъ-Али былъ сильно взволнованъ и колебался дать сигналъ, что весьма возможно, потому что какъ-бы тамъ ни заглохли въ его душѣ человѣческія чувства, а перебить сорокъ человѣкъ, беззащитныхъ и довѣрчиво пріѣхавшихъ къ нему, — не шутка.

Второй эпизодъ, передаваемый Максимомъ дю-Канъ и рассказанный ему во время его пребыванія въ Египтѣ, должно быть, вѣренъ въ общихъ чертахъ, но въ деталяхъ преувеличенъ восточнымъ воображеніемъ. Дѣло было вотъ какъ: Нѣсколько времени спустя послѣ избиенія мамелюковъ, въ Александрійскій портъ вошелъ капуданъ-паша (адмиралъ турецкаго флота) съ пятью кораблями. Въ тѣ времена былъ обычай (сохранившійся, кажется, и до сихъ поръ), что въ странахъ, подчиненныхъ Блистательной Портѣ, верховная власть переходила къ капудану-пашѣ, лишь только онъ приходилъ въ какую-нибудь гавань. Капуданъ назывался Латифъ-паша и имѣлъ при себѣ фирманъ Порты и тайныя инструкціи отъ великаго визиря Козревъ-паши занять мѣсто правителя въ Египтѣ, что было весьма удобно сдѣлать во время отсутствія Мехмета-Али, который, по

разсчетахъ великаго визиря, долженъ былъ находиться тогда въ Аравіи. Но Мехметъ-Али еще не переправлялся черезъ Черное море и былъ въ Суэзѣ. Преданный ему человекъ съѣлъ на махари (бѣговой дромадеръ), безъ отдыха проѣхалъ дельту, явился въ Суэзъ и разсказалъ своему повелителю о прибытіи Латифъ-паши. Въ свою очередь, Мехметъ-Али вскочилъ на другаго дромадера и на другой день былъ въ Александріи. Остановившись въ своемъ дворцѣ Расъ-этъ-Тинъ, онъ послалъ сказать Латифъ-пашѣ, что онъ его ждетъ, чтобы лично передать ему управленіе Египтомъ. Латифъ-паша явился во дворецъ съ большою свитой и нашелъ Мехмета-Али лишь съ двумя или тремя офицерами.

Комедія была разыграна хорошо. Мехметъ-Али бросился на встрѣчу Латифъ-пашѣ, который уже воображалъ себя вице-королемъ Египта, и привѣтствовалъ его въ цвѣтистыхъ выраженіяхъ, свойственныхъ восточнымъ народамъ: „ты — тѣнь падишаха, сказалъ онъ ему, а падишахъ — тѣнь Бога на землѣ; я кладу мою бороду тебѣ въ руку, все здѣсь принадлежитъ тебѣ; отнынѣ ты одинъ можешь давать приказанія, и я — твой первый рабъ!“ Капуданъ былъ тронутъ пріемомъ и благодарилъ Мехмета-Али. Тутъ они условились, что въ тотъ же день вечеромъ Мехметъ-Али, въ присутствіи египетскихъ сановниковъ и офицеровъ, бывшихъ на лицо въ Александріи, официально передастъ свои полномочія Латифъ-пашѣ въ тронной залѣ дворца Расъ-этъ-Тинъ. Разставшись съ турецкимъ адмираломъ, Мехметъ-Али послалъ за своимъ *шаухо*мъ, другими словами, довѣреннымъ секретаремъ, который служилъ ему въ то же время палачемъ, и сказалъ ему: „сегодня вече-

ромъ будь готовъ! подадутъ кофе; когда я прикоснусь до моей бороды, то голова челоѣвка, которому я подамъ его чашку, должна пасть. Понимаешь?“ „Понимаю“, отвѣчалъ тотъ. Вечеромъ, въ условленный часъ, Мехметъ-Али торжественно принималъ Латифъ-пашу. И тотъ, и другой были окружены многочисленной свитой. Послѣ любезной встрѣчи и безконечныхъ формальностей мусульманскаго *savoir-vivre*, Мехметъ-Али пригласилъ Латифъ-пашу занять почетное мѣсто въ правомъ углу дивана. Среди офицеровъ стоялъ шаухъ, не спускавшій глазъ съ Мехмета-Али. Подали трубки и кофе. Мехметъ-Али первый выпилъ свою чашку, какъ-бы для того, чтобы доказать, что не въ кофе была смерть, затѣмъ самъ взялъ другую чашку и подаль ее Латифъ-пашѣ, который, разсыпаясь въ любезностяхъ, принялъ ее. Въ этотъ самый моментъ Мехметъ-Али коснулся рукою своей бороды, и голова капудана-паши отлетѣла съ одного удара и упала на коверъ, обрызгавъ кровью Мехмета-Али и стоявшихъ рядомъ придворныхъ. Турецкіе офицеры получили хорошія мѣста въ египетской арміи, а пришедшіе корабли остались въ Александріи и тѣмъ подали благой примѣръ оттоманскому флоту, который позже, въ іюнь 1839 года, безусловно сдался при Недзибѣ вице-королю Египта.

Много крови пролилъ Мехметъ-Али за свои 44 года правленія Египтомъ и много энергіи выказалъ онъ въ различныхъ благихъ начинаніяхъ. Теперь, когда итоги подведены, можно спросить у исторіи: чего больше принесъ онъ своей странѣ, вреда или пользы? Мехметъ-Али пытался пересадить на почву Египта европейскую цивилизацію, какъ пересаживаютъ цвѣтокъ изъ одного

горшка въ другой. Онъ пригласилъ изъ Европы ученыхъ, военныхъ, инженеровъ, медиковъ, финансистовъ и поручилъ имъ завѣдываніе страной. Благодаря усиліямъ нѣсколькихъ офицеровъ наполеоновскаго времени, дисциплинировавшихъ египетское войско, ему удалось двѣтри побѣды надъ турками и вахабитами; но вотъ и все. На берегахъ Нила настроили фабрику, разрушили и пережгли на известку нѣсколько древнихъ храмовъ, но не измѣнили — да и нельзя ихъ было измѣнить — идей и обычаевъ полуденной африканской и семитской расы, инстинкты которыхъ діаметрально противоположны инстинктамъ арійцевъ. Попытки и усилія Мехмета-Али остались тщетны: ему не удалось ввести ни образованія, ни промышленности въ народъ, противящійся и тому, и другому; съ помощью кнута онъ образовалъ солдатъ, но не могъ образовать ни одного машиниста. Расы людей во многомъ отличаются одна отъ другой и не одинаковыми способностями одарены онѣ: что возможно подъ однимъ градусомъ широты, то немыслимо подъ другимъ; цивилизація стоитъ въ зависимости отъ климата, и даръ слова, присущій всему человѣчеству, не обуславливаетъ еще тождества дарованій. Законы атаквизма и географическія условія тяготѣютъ болѣе, нежели привыкли думать, надъ народомъ и его привычками. И всякій разъ, когда люди арійскаго племени захотятъ навязать свои обычаи и взгляды народамъ семитскаго, туранскаго или африканскаго племени, они потерпятъ неудачу, хотя бы и располагали такою властью, какая была въ рукахъ Мехмета-Али. Великое искусство завоевателей и колонизаторовъ заключается въ умѣнны возбудить и развить собственныя, прирожденныя спо-

собности завоеваннаго народа, а не въ насильственномъ введеніи чуждыхъ и непонятныхъ ему идей и учрежденій. Это, кажется, такъ ясно; а между тѣмъ сколько попытокъ искусственныхъ цивилизацій и колонизацій пропало даромъ, благодаря пренебреженію этой истиной.

Чтобы лучше склонить Египетъ къ воспринятію европейскихъ идей, Мехметъ-Али одѣвался въ европейское платье; его народъ отворачивался отъ него; ему было обидно видѣть мусульманскаго царя, наряженнаго въ джіаура, и наиболѣе равнодушные изъ сановниковъ-магометанъ продолжали носить длинные кафтаны и тюбанъ, въ видѣ протеста противъ обычаевъ, для нихъ антипатичныхъ.

Въ результатѣ Мехметъ-Али, кромѣ вреда, своему народу ничего не сдѣлалъ. Египта онъ не преобразовалъ, а шире лишь открылъ въ него двери для разныхъ проходимцевъ, эксплуатирующихъ его и обирающихъ египтянъ, какъ не обирали и не притѣсняли ихъ ни дѣти возлюбленные Аммона, ни персы, ни македоняне, ни римляне, ни Омейяды, ни Фатимиты.

Основаніе цитадели, этого „гнѣзда Мехмета-Али“, относится къ XII вѣку, ко времени царствованія знаменитаго Юзуфъ-Салахъ-Эддина (Саладина), выстроившаго себѣ тамъ дворецъ, постоянно служившій съ тѣхъ поръ резиденціей султанамъ-мамелюкамъ. Что было замѣчательнаго въ этомъ дворцѣ — это четырехугольная зала, поддерживаемая тридцатью двумя колоннами изъ розоваго гранита, которыя были взяты изъ римскихъ и греческихъ памятниковъ и передѣланы въ арабскомъ вкусѣ. Дворецъ этотъ былъ разрушенъ въ 1829 году, чтобы очистить мѣсто для новой мечети

Мехмета-Али, оконченной лишь послѣ смерти ея основателя. Знатоки и педанты въ дѣлѣ искусства строго критикуютъ строителей этой мечети, взявшихъ за образецъ для нея не памятники древне-сарацинскаго стиля, а константинопольскія мечети, находя притомъ въ ней много техническихъ недостатковъ, которыхъ я, признаюсь, не могъ понять. Она построена, равно какъ и семь величественныхъ мечетей Стамбула, по типу Св. Софіи. Турецкіе и каирскіе художники смѣло взяли грандіозныя основы лучшаго въ мірѣ храма, только окруживъ свои сооруженія условіями своей религіи и обычаявъ. Роскошный восточной орнаментъ они ввели очень умѣренно и осторожно. Внутри ихъ мечети кажутся пустыми, но тѣмъ поразительнѣе величіе и гармонія ихъ конструктивныхъ линій.

Имена художниковъ, воздвигавшихъ эти зданія, не многимъ извѣстны. Въ исторіяхъ архитектуры обходятъ ихъ имена и ихъ постройки, упоминая о нихъ вскользь и не жалѣя всевозможныхъ подробностей при описаніи какой-нибудь незначительной церкви маленькаго нѣмецкаго или французскаго городка. А между тѣмъ какая красота въ этомъ плоскомъ куполѣ мечети Мехмета-Али, рисующемся своею массою на голубомъ восточномъ небѣ! Ее окружаютъ тонкіе, граціозные, легкіе стволы минаретовъ, кіоски, фонтаны. Все это обнесено стѣной, захватывающей, кромѣ зданій, площадь съ пестрой толпой молельщиковъ, муллъ, торговцевъ, караван-сарай и всю восточную обстановку, выработавшуюся обычаемъ и временемъ. Въ особенности хороша она, когда смотришь на нее съ балкона New-Hôtel'я въ часы заката, когда ея тонкіе, бѣлые минареты сіяютъ, какъ стрѣлы, ясно

Окрестности КАИРА

Масштаб: Карта 1: 200 000

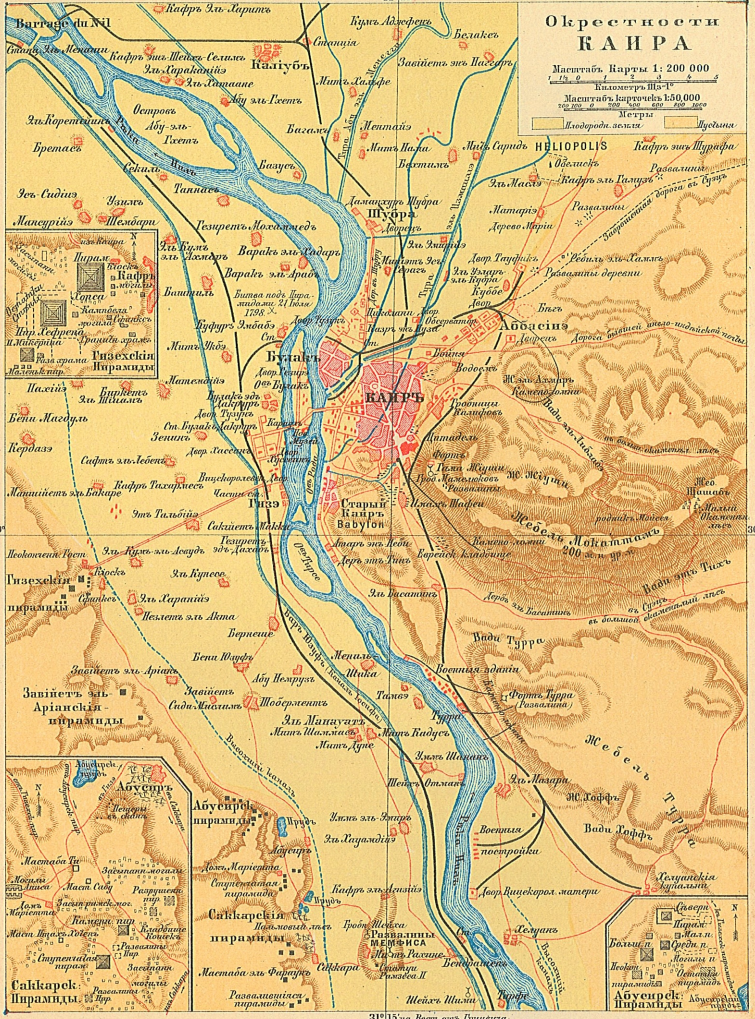
Валюметр Шт-Т

Масштаб: Карточка 1:50 000

1:100 000 1:200 000 1:300 000 1:400 000

Метры

Плодород. земля Шведские

отдѣляясь на темномъ фонѣ Мокаттамскаго утеса. Если вы войдете внутрь мечети, то пустота громаднаго пространства, охваченнаго величественными арками и сводами, нѣсколько озадачитъ васъ. Кое-гдѣ расписное окно, удивительное произведеніе персидскаго искусства въ орнаментальномъ отношеніи; рѣзныя двери, арабскія надписи, стихъ изъ Корана, разноцвѣтныя поливныя кафели прекрасныхъ цвѣтовъ и рисунка, присланныя какимъ-нибудь благочестивымъ вкладчикомъ. Кругомъ— все тоже безмолвіе и тишина, всегда поражающія европейца при входѣ въ мусульманскій храмъ, все тѣ же фигуры молящихся, молчаливыя и важныя, не поднимающія даже глазъ на пристально осматривающаго ихъ вошедшаго иностранца.

Здѣсь же въ цитадели, недалеко отъ мечети Мехмета-Али и монетнаго двора, находится колодезь Юсифа. По народнымъ разсказамъ, строитель этого колодца— Исифъ, сынъ Іакова, министръ Фараона. На самомъ же дѣлѣ выкопалъ его Саладинъ, называвшійся Юзифомъ, калифъ изъ династіи Айубитовъ, знаменитый современникъ Ричарда Львиное Сердце. Этотъ колодезь— постройка въ своемъ родѣ удивительная. Вырытый въ скалѣ, онъ имѣетъ 83 метровъ глубины, такъ что дно его на одномъ уровнѣ съ дномъ Нила. Онъ раздѣленъ на два этажа широкой площадкой, по которой, на глубинѣ 40 метровъ, ходитъ быкъ, приводящій въ движеніе водоподъемное колесо. Другое колесо, находящееся на поверхности, подымаетъ воду уже съ этой площадки въ обширный камешный бассейнъ. Только въ доброе старое время можно было производить подобныя сооруженія. Въ наши дни не рѣшились бы копать колодезь

на верху горы и долбить почти сплошную гранитную массу на 88 метровъ глубины. Но, впрочемъ, здѣсь, въ странѣ пирамидъ и Суэзскаго канала, въ странѣ, гдѣ нѣтъ различія между возможнымъ и невозможнымъ, одерживались и до настоящаго времени одерживаются такія побѣды человѣческой воли и ума надъ физическими препятствіями, что на самыя удивительныя вещи начинаешь смотрѣть, какъ на вполне естественныя и обыкновенныя.

Какая странная вещь наша жизнь! Каждое утро, находясь въ томъ положеніи, когда разсудокъ понемногу одерживаетъ верхъ надъ эфемерными видѣніями сна, я чувствую, что вполне натурально, логично и сообразно моему московскому происхожденію—проснуться при тускломъ свѣтѣ морознаго неба, при скрипѣ полозьевъ по снѣгу, въ какой-нибудь натопленной комнатѣ, въ которой воображеніе ваше наталкивается на двойныя рамы, какъ залетѣвшая нечаянно бабочка, и всякій разъ съ большимъ удивленіемъ, какъ-бы свалившись съ неба, я оказываюсь за тысячи верстъ отъ моеі родины и, придя въ себя, начинаю воспринимать ощущенія міра діаметрально противоположнаго нашему. Голосъ муэдзина, который поетъ на сосѣднемъ минаретѣ, колокольчикъ и тяжелый шагъ верблюда, который проходитъ мимо моихъ оконъ, иногда его странный ревъ, непривычные моему уху отдаленные звуки, блѣдный отблескъ зари, рисующій на моемъ потолкѣ узоры окна, пропитанный ароматами юга легкій вѣтерокъ, приподымающій гардину, изъ-за которой я вижу за стѣной сада

качающіяся верхушки пальмъ, — все это меня удивляетъ, очаровываетъ, а иногда наводитъ на меня и тоску, такъ какъ не могу сказать, чтобы вѣчное лѣто приносило съ собой и вѣчную радость. Напротивъ, въ этомъ душномъ томленіи воздуха, въ ароматичномъ зефирѣ ночи, въ этомъ безмятежномъ покоѣ природы, пылающей изо дня въ день лучами одинаковаго солнца, есть что-то такое, что давить мозгъ, шевелить нервы, тревожить воображеніе и родить безпокойные сны и грезы. Послѣ жаркаго дня, сидя вечеромъ на балконѣ, въ моментъ, когда наступала темная, горячая, „бездыханная“ южная ночь, я нерѣдко ощущалъ необъяснимую тоску, тоску наслажденія, достигшаго крайнихъ своихъ предѣловъ, такую же, какую испытываетъ человѣкъ въ страстной ласкѣ безпредѣльно любящаго его существа. Мучаешься томительнымъ сознаниемъ, что дожилъ уже до границъ страсти, что дальше ей идти некуда, что нѣтъ впереди желаній и увлеченій, а есть уныніе, пресыщеніе или боязнь, что страсть должна или пойти назадъ, или сокрушиться и сокрушить это любящее существо. И съ грустью принимаешь ласку. Такая же тоска лежитъ и въ ощущеніи, что сейчасъ спустится ночь, такая же душная и такъ же насыщенная раздражающими испареніями какъ и вчера, и въ предчувствіи, что завтра встанетъ то-же солнце, такъ-же горячо протечетъ по безоблачному небу и измучаетъ васъ и природу своей беспощадной щедростью. Оттого, кажется, и грустно такъ по временамъ, что выносишь на себѣ эти жаркія ласки и могучія изліянія силъ здѣшней природы, что невольно испытываешь и раздѣляешь эту страсть, которая утомить васъ въ продолженіе дня, дастъ до дна

испить всю остроту наслажденій и оставить по себѣ упадокъ силъ и энергій, которыхъ не подкрѣпить и ночь, такъ какъ душный воздухъ едва успѣваетъ остывать отъ горячихъ дыханій раскаленной земли.

Мое любимое время дня, это—утро; я часто встрѣчаю солнце, сидя на моемъ балконѣ, обращенномъ на востокъ, и по-долгу смотрю, какъ первые лучи разольются по долину Гелиополиса, скользнутъ по склонамъ Мокаттама и запылаютъ на минаретахъ мечети Мехмета-Али, которая стоитъ на возвышенности, господствующей надъ всѣмъ городомъ.

Сегодня я всталъ поздно; меня разбудилъ стукъ въ дверь. Это былъ мистеръ Б., пришедшій звать меня ѣхать вмѣстѣ съ ними въ *Окаменный мѣсъ*, находящійся въ 3½ часахъ ѣзды отъ Каира. Когда я вышелъ на крыльцо, вся компанія была уже въ сборѣ, и драгоманъ Мухаммедъ нагрузилъ уже осла бутылками красного вина, содовой воды, холодной телятиной, завернутой въ неизбѣжную газетную бумагу, и прочими принадлежностями, необходимыми для утоленія жажды и голода уставшихъ путешественниковъ. Спросивши: всѣ-ли на лицо? онъ пригласилъ насъ возсѣсть на нашихъ ословъ и скомандовалъ: „іалла осборъ!“ (впередъ полетимъ!) Несмотря на это, мы понеслись во всю ослиную прыть по узкимъ улицамъ базаровъ, смущая спокойствіе мусульманъ, которые укоризненно покачивали головами, смотря на развѣвующіяся вуали нашихъ англичанокъ.

Изъ Каира мы выѣхали воротами Бабъ-энь-Назръ, мимо гробницъ калифовъ, оставя вправо мечети Каитъ-бея и Баркука. Черезъ часъ пути мы выѣхали въ

ущелье между горами Жебель-эль-Ахмаръ и Жебель-эль-Мокаттамъ. Тутъ еще видны кое-какіе признаки растительности. Стада козъ, лѣпящихся по скаламъ, съ ихъ пастухами-арабами, стоящими, опершись на палку, въ традиціонной позѣ, оживляютъ картину. Но вотъ мы миновали послѣдній отрогъ, и началась пустыня—волнообразное, необозримое пространство песка, наводящее уныніе. Какъ-то тоскливо сжимается сердце, когда смотришь вдаль и взору не на чемъ остановиться; все тѣ же волны песка, чередующіяся, какъ волны морскія, и сливающіяся съ горизонтомъ, такимъ же желтымъ и раскаленнымъ, какъ и онѣ сами. Растительности — никакой; ни одинаго камушка, ни одинаго холмика; песокъ и песокъ, сыпучій и пылающій на лучахъ высоко стоящаго солнца. Ослы пошли шагомъ, съ трудомъ переступая увязающими въ песокъ ногами; въ глазахъ начинаютъ прыгать красные шарики, ротъ высохъ, весь находишься въ какомъ-то одуреніи; а вѣдь всего гишь два часа, какъ ѣдемъ по пескамъ, — даже стыдно. Что-же сдѣлалось-бы съ нами, если-бы пришлось ѣхать цѣлую недѣлю?

Надо обладать восточнымъ воображеніемъ, чтобы называть „окаменѣлымъ лѣсомъ“ мѣстность, носящую это названіе. Это — песчаная равнина, на которой разсѣяны осколки различныхъ окаменѣлостей, похожихъ на что угодно и, коли хотите, на куски дерева. По опредѣленію ботаника Унгера, эти камни—окаменѣлости какого-то *Balsambaum*, а по Циттелю — пальмоваго дерева (*Nicholia nilotica*). Что касается того вопроса, какъ объяснить присутствіе окаменѣлыхъ древесныхъ стволовъ въ этой мѣстности, то существуетъ нѣсколько

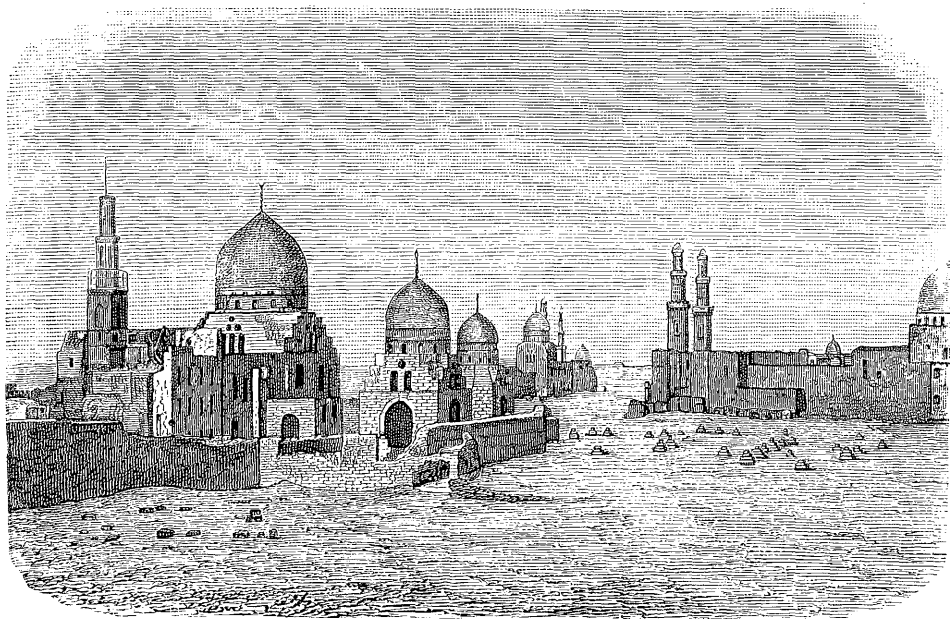
мнѣній, подавшихъ поводъ къ весьма серьезному спору между Гальяромъ, Читтелемъ и другими учеными, спору, котораго я, несмотря на весь его интересъ, касаться не буду ¹⁾).

На возвратномъ пути мы заѣхали въ Аинъ-Муса, т.-е. родникъ Моисея. Это—глубокій оврагъ, на днѣ котораго, среди гранитныхъ и базальтовыхъ глыбъ, виднѣется бездонная дыра. Я кидалъ въ нее камушки, и, судя по звуку, глубина ея должна быть громадная, такъ какъ нельзя было слышать конца паденія камня. Во времена великаго еврейскаго вождя оттуда билъ, по преданію, родникъ, оживлявшій окружающую мѣстность; въ тѣ времена, а можетъ быть и еще ранѣе, росъ лѣсъ, окаменѣлые остатки котораго лежатъ теперь въ пескѣ. Но родникъ изсякъ, а лѣсъ окаменѣлъ; и тотъ и другой постепенно заматаются пескомъ; который незамѣтно ползетъ впередъ и покрываетъ все большую территорію. Та же участь постигаетъ и гробницы калифовъ, которыя, впрочемъ, находятся въ этомъ отношеніи въ лучшемъ положеніи, такъ какъ защищены отъ пустыни горою Мокаттамъ. Названіе „гробницъ калифовъ“, присвоенное этимъ мечетямъ, невѣрно, потому что онѣ относятся ко времени султановъ-мамелюковъ династіи Бахаритовъ. Надписи, сохранившіяся на большинствѣ этихъ мечетей, позволили точно опредѣлить годъ ихъ основанія и имена строителей ²⁾). Наиболѣе замѣчательныя изъ нихъ: эль-Ашрафъ-Иналь, эль-Хури, Баркука, эль-Ашрафъ-Барсебай и Каитъ-бея. Всѣ онѣ — образцы

¹⁾ Bulletin de l'Institut égyptien 1874—75, p. 116—125 et p. 145—154.

²⁾ См. Mehren, *Cahirah og Karâfat*. Копенгагенъ, 1867—68. Арабская исторія Макриси и *l'Égypte à petites journées*, A. Rhoné.

чистѣйшей сарацинской архитектуры. Къ несчастію, благодаря восточной безпечности, онѣ пришли въ страшный упадокъ; нѣкоторыя изъ нихъ грозятъ окончательно разрушиться. Но и въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ находятся среди этой пустынной долины, онѣ производятъ необыкновенное впечатлѣніе. Кругомъ — ти-

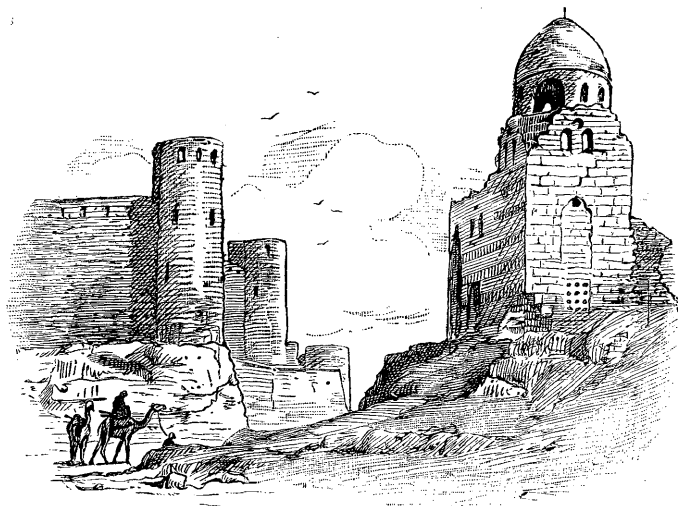

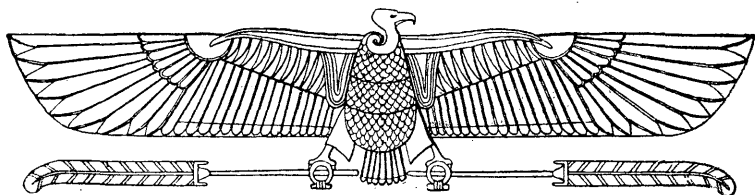
Надгробная мечети султановъ-мамелюковъ.

шина, придающая неизъяснимую прелесть и величіе всѣмъ этимъ памятникамъ старины глубокой, обрушивающимся камень за камнемъ на брѣнные останки героевъ, въ честь которыхъ они были выстроены. Султаны, визири и воины ислама, вы мирно почиваете въ могильной тишинѣ! Но, говорятъ, бываютъ ночи, когда здѣсь слышно дикое

пѣніе, ржаніе коней, звонъ панцырей и ятагановъ и видѣнъ блескъ изумрудной сбруи и вороненой чеканки оружія... Вдругъ раздается глухой ударъ, какъ пушка Рамадана: обрушился какой-нибудь сводъ, подточенный временемъ и потрясенный хороводомъ мертвецовъ. Дикая пляска остановилась; какъ окаменѣлые, застыли участники ночной тризны. Все стихло... Вотъ заплѣлъ пѣтухъ; далеко за Краснымъ моремъ засіяло утро, кинувши свой лучъ по горамъ и куполамъ мечетей, и тѣни одна за другой испарились и пропали въ утреннемъ туманѣ. Изъ воротъ Каира вышелъ караванъ, звеня колокольчиками и пестрѣя разноцвѣтными коврами, и купецъ въ шелковомъ кафтанѣ и чалмѣ апатично поглядѣлъ на новую развалину.

На каждомъ шагу, въ самомъ дѣлѣ, видѣнъ какой-нибудь обрушившійся сводъ или упавшая стѣна, превратившаяся въ груды мусора, которую постепенно и терпѣливо заметаютъ песокъ, какъ забвеніе.

ГЛАВА V

На почвѣ Египта городъ, со дня основанія котораго прошло лишь 12 вѣковъ, долженъ считаться почти что младенцемъ, едва начинающимъ жить; такъ что всѣ эти полуразвалившіеся памятники арабскаго искусства должны бы стыдиться своей недолговѣчности здѣсь, въ странѣ пирамидъ, гдѣ время считается тысячелѣтіями. Долина Нила — единственное на нашей планетѣ мѣсто, гдѣ сохранились памятники и исторія человѣчества, относящіяся къ столь отдаленнымъ временамъ. За 4200 лѣтъ до Р. Х. Хеопсъ, фараонъ IV династіи, *поправляетъ* большаго гизехскаго сфинкса ¹⁾. За 5000 лѣтъ Менесъ, родоначальникъ первой династіи, утверждаетъ монархическую власть, собравъ въ одно цѣлое египетскую страну, устраиваетъ плотину для того, чтобы измѣнить направленіе Нила, и основываетъ Мемфисъ (Манноферъ, что значитъ — хорошее мѣсто).

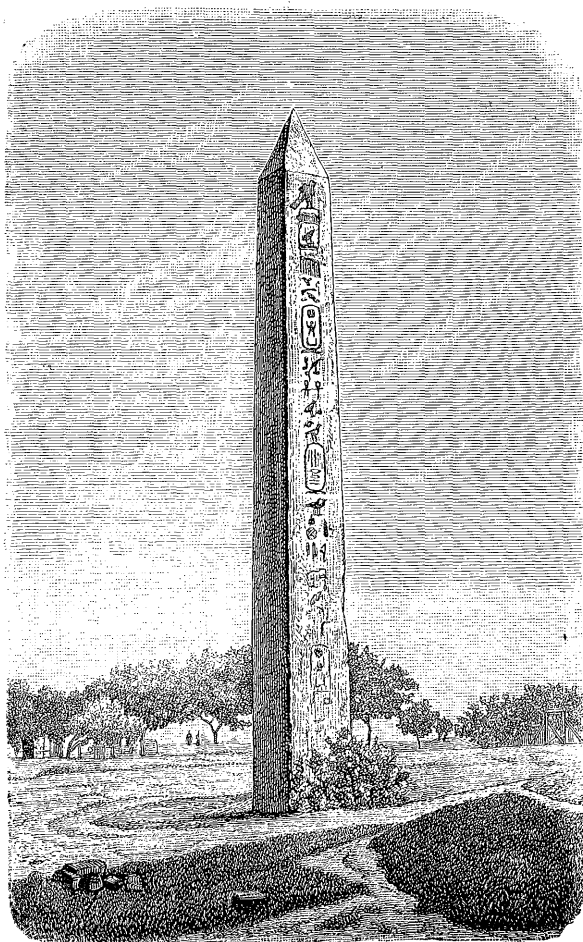
¹⁾ А. Marriette, *Itinéraire de la Haute-Egypte*, p. 66. 1880.

Что же было въ тѣ времена на остальной землѣ? Въ какомъ видѣ находилась, напримѣръ, Европа? Люди жили въ стадообразномъ состояніи, укрывались отъ зноя или холода въ пещерахъ, не знали употребленія желѣза и мѣди. Для защиты отъ дикихъ звѣрей у нихъ были лишь заостренные камни; словомъ, были настоящими дикарями въ то время, какъ ихъ современники, египтяне, обладали уже большимъ запасомъ астрономическихъ наблюденій, искусной архитектурой, ваяніемъ, доведеннымъ до извѣстной степени техническаго совершенства, знали употребленіе цифръ и были опытными геометрами; они составляли государство съ твердымъ гражданскимъ порядкомъ, у нихъ были законы, у нихъ было искусство. „Тридцать вѣковъ спустя послѣ основанія пирамидъ, говоритъ Э. Ренанъ, когда лишь зарождалось національное самосознаніе Греціи и Іудеи, когда Ниневія и Вавилонъ еще не переходили къ народамъ, долженствовавшимъ ихъ прославить и упрочить ихъ владычество, Египетъ достигъ уже такихъ предѣловъ зрѣлости, которые граничатъ съ упадкомъ“.

Древенъ Египетъ! и чего, чего только не видали на своемъ вѣку эти нѣмые камни, украшавшіе нѣкогда великіе города!

Въ восьми километрахъ на сѣверъ отъ Каира находится обелискъ, называемый „обелискомъ въ Матаріѣ“, единственный уцѣлѣвшій изъ многочисленныхъ и знаменитыхъ памятниковъ Геліополиса. Онъ на два метра выросъ въ землю; высота же его — 20,75 метровъ. Онъ стоялъ въ центрѣ обширной ограды, окружавшей храмъ Ра или Солнца, отъ котораго не осталось никакихъ слѣдовъ. Это тотъ самый обелискъ, который видѣлъ

Абдъ-эль-Латифъ еще украшеннымъ мѣднымъ наконечникомъ. Это — въ то же время самый древній изъ из-

Гелюпольскій обелискъ (въ Матарію).

вѣстныхъ до сихъ поръ обелисковъ, такъ какъ надпись, воспроизведенная на его четырехъ сторонахъ, гласитъ,

что онъ былъ воздвигнутъ Узортазеномъ I-мъ, могущественнымъ фараономъ XII династіи (XXVIII вѣкъ до Р. Х.). Это было, слѣдовательно, въ самую цвѣтущую эпоху Средней Имперіи около шестисотъ лѣтъ до нашествія гиксовъ, послѣ которыхъ не осталось ни одного неразрушеннаго храма во всей нильской долинѣ ¹⁾. Такъ что можно сказать, что мало на землѣ памятниковъ, которые были бы свидѣтелями столькихъ событий, какъ этотъ обелискъ. Чего не видалъ онъ только? Сначала скромныхъ предковъ Авраама и Іакова, пришедшихъ искать убѣжища въ Египтѣ. Затѣмъ гиксовъ — азіатскихъ кочевниковъ, вторгнувшихся сюда побѣдителями и водворившихся хозяевами. Тутмесь III Великій останавливался тутъ, вернувшись съ похода на племена, съ правнуками которыхъ, триста лѣтъ спустя, долженъ былъ сражаться Исусъ Навинъ въ долинахъ обѣтованной земли. Здѣсь происходили триумфальныя встрѣчи побѣдителя народовъ, Рамзеса II Сезостриса, и сына его Менепта, фараона Исхода. Моисей, проходя въ послѣдній разъ мимо храма Солнца, со страхомъ прочелъ, можетъ быть, имя Узортазена, грозная слава котораго еще не состарилась въ то время. Шестисотъ лѣтъ позже Сезакъ, библейскій Сусакимъ ²⁾, пришелъ сюда посвятить добычу, принесенную имъ изъ храма Соломона. Эфіоплянинъ Тахрака, Псамметихъ, Камбизъ поочередно проходили здѣсь побѣдителями. Надо-ли гово-

¹⁾ Всѣ извѣстныя до сихъ поръ египетскіе храмы относятся ко времени, слѣдовавшему за освобожденіемъ страны отъ иноплеменнаго ига, продолжавшагося не менѣе 500 лѣтъ. Rougé. *Rapport sur les collections égyptiennes*.

²⁾ Третья книга Царствъ, глава 14, 25.

рить о Пифагорѣ и Геродотѣ? Платонъ долго жилъ тутъ и учился мудрости, робко вопрошая о ихъ таинствахъ египетскихъ понтифовъ, закоснѣвшихъ въ своемъ тысячелѣтнемъ правотворіи и надменно говорившихъ грекамъ: „О эллины, вы еще дѣти!“

Александръ, Клеопатра, Цезарь, Германикъ, Адрианъ также встаютъ здѣсь въ вашей памяти. Амру стоялъ здѣсь лагеремъ среди побѣдоносныхъ воиновъ Магомета. Потомъ пришли крестоносцы XII вѣка, съ радостію увидавшіе этотъ лѣсъ розовыхъ иглъ и всѣхъ этихъ „идоловъ“, предвѣщавшихъ близость „Вавилона“, т. е. стараго Каира — цѣли ихъ стремленій. Наконецъ, память о Бонапартѣ, Клеберѣ, Мехметѣ-Али, Шамполіонѣ здѣсь еще жива и заглушаетъ собою отдаленный шумъ народовъ, въ продолженіе пяти тысячъ лѣтъ враждавшихся вокругъ этого обелиска; а онъ все стоитъ!

Положеніе Геліополиса вблизи Мемфиса — оба большіе города — объясняется тѣмъ, что оба находятся недалеко отъ того мѣста, гдѣ Нилъ развѣтвляется на нѣсколько рукавовъ и куда, слѣдовательно, стекаются всѣ произведенія Нижняго Египта. Имя *Геліополисъ* есть греческій переводъ египетскаго названія города, посвященнаго Хорусу. Многіе египетскіе города носили имя того бога, которому они были посвящены, подобно тому, какъ и нѣкоторые греческіе города, напримѣръ: Аѳины и Посидонія — города Минервы и Посейдона.

Во времена Страбона Геліополисъ уже многое утратилъ изъ своего прежняго великолѣпія: онъ носилъ уже тогда многочисленные слѣды опустошеній Камбиза; Страбонъ называетъ его „пустыннымъ“. Въ его время здѣсь уже были развалины, и напрасно спрашивалъ

онъ: гдѣ находилась коллегія жрецовъ, въ которой изучали астрономію Платонъ и Эвдоксій? Никто не зналъ, гдѣ помѣщалась эта школа; даже самъ чичероне Страбона, египтянинъ Херемонъ, „важничавшій невѣжда“, какъ называетъ его греческій географъ, не могъ указать мѣста этой коллегіи, въ которой жилъ также Манетонъ и писалъ свою исторію Египта, отъ которой остался лишь перечень династій и фараоновъ, драгоценный фрагментъ, ежедневно проливающий, съ помощью открытія Шамполліона, новый свѣтъ на египетскую исторію. Не смотря однако на всѣ разрушенія, которымъ подвергался Геліополь, искусства и науки долго еще процвѣтали въ немъ. Въ VII вѣкѣ нашей эры тутъ жилъ Каллиникъ, изобрѣтатель греческаго огня, спасаго, по свидѣтельству византійскихъ писателей, Константинополь и оставившаго по себѣ баснословную и страшную память. „Вода, говорили, не могла потушить его, и самые храбрые изъ крестоносцевъ дрожали отъ страха при видѣ чуда, авторомъ котораго могъ быть лишь одинъ діаволь“. Нѣкоторое знакомство съ химіей могло-бы ихъ успокоить. Гг. Рено и Фаве въ своемъ сочиненіи о „греческомъ огнѣ“ объясняютъ составъ и устройство этихъ торпедъ, разрушительная сила которыхъ была сильно преувеличена воображеніемъ нашихъ предковъ и которая наврядъ-ли могла-бы равняться съ дѣйствіемъ мины Уайтхеда. Но если греческій огонь не есть что-то непостижимое, и если въ наши дни его имя утратило тотъ ореолъ сверхъестественнаго ужаса, какимъ оно было окружено, то взамѣнъ этого онъ получаетъ новое значеніе въ исторіи военнаго искусства и цивилизации, такъ какъ въ настоящее время доказано, что

подъ именемъ „греческаго огня“ разумѣлись извѣстными соединенія, въ которыхъ главную роль играла селитра и которыя сильно походили по составу на порохъ; ихъ употребляли только не какъ взрывчатую и метательную силу, а какъ поджигательную. Тѣмъ не менѣе составъ греческаго огня былъ весьма аналогиченъ составу пороха, что до нѣкоторой степени отнимаетъ у нѣмецкаго монаха и у Рожера Бэкона честь изобрѣтенія, степень важности котораго опредѣляется всѣмъ извѣстной поговоркой. Кто же выдумалъ, наконецъ, порохъ? Калликъ изъ Гелиополиса? Въ такомъ случаѣ великое открытіе, измѣнившее лицо земли, было-бы произведеніемъ древнихъ египетскихъ лабораторій на радость тѣмъ, которые приписываютъ всеобъемлющее значеніе свѣдѣніямъ египетскихъ жрецовъ. Въ крайнемъ случаѣ, египетское происхожденіе греческаго огня, а слѣдовательно и пороха, не есть вещь невозможная; его употребляли тамъ въ мистеріяхъ для испытанія огненными явленіями и удивительнымъ видомъ огня, горящаго подъ водой, храбрости вновь посвящаемыхъ. — Надо замѣтить однако, что до сихъ поръ не найдено ничего, что могло бы хотя намекать на существованіе греческаго огня у египтянъ; ни на одномъ изъ ихъ памятниковъ, какъ извѣстно, обыкновенно покрытыхъ изображеніями военныхъ сценъ или представленіями всевозможныхъ ремеслъ, работъ, занятій и увеселеній, ни разу не попадалось ничего, что могло бы походить на изображеніе способа его приготовленія или употребленія. Но этотъ отрицательный доводъ еще не окончателенъ, такъ какъ онъ можетъ быть опровергнутъ съ открытіемъ какого-нибудь новаго памятника. Селитра же въ

Египтъ находится въ избыліи; она осаждается здѣсь въ видѣ плѣсени на поверхности земли и развалинъ. И такимъ образомъ можно, если угодно, допустить, что египтянамъ были извѣстны нѣкоторыя соединенія, весьма похожія по входившимъ въ нихъ составнымъ частямъ на порохъ.

Но вѣроятнѣе всего, что честь изобрѣтенія пороха принадлежитъ китайцамъ. Этотъ миролюбивый народъ зналъ его употребленіе, кажется, съ незапамятныхъ временъ. Огнестрѣльные оружія давно были ему извѣстны и назывались необыкновенно выразительнымъ звукоподражательнымъ словомъ — *пáo*, въ которыхъ г. Абель Ремюза находитъ большое сходство съ настоящими пушками. Но, если китайцы употребляли и употребляютъ порохъ только для фейерверковъ, въ чемъ они не имѣютъ себѣ соперниковъ и чему они научили Европу, то теперь доказано, что они знали порохъ, какъ метательную силу, въ глубокой древности и во всякомъ случаѣ ранѣе VII вѣка по Р. Х., т. е. до того времени, когда жилъ Каллиникъ. Вполнѣ возможно, что это изобрѣтеніе принесено въ Египетъ изъ Китая. Въ 670 году, въ эпоху Каллиника, арабы уже лѣтъ сорокъ владѣли страной, гдѣ теперь стоитъ Каиръ и гдѣ рядомъ стоялъ Геліопольсь. Они умѣли готовить селитру и называли ее „китайскимъ снѣгомъ“, — названіе, указывающее на происхожденіе этого знанія, почему, принявъ во вниманіе старинныя сношенія западной Азіи съ восточной, можно придти къ вѣроятному заключенію, что и производство пороха заимствовано арабами у китайцевъ и сообщено Каллинику, греческое происхожденіе котораго перешло на названіе „огня“.

ГеліополісЬ єсть городь Она, о которомъ говорится въ книгѣ Бытія. *Онъ* означаєть солнце, и, по-египетски это было имя города, называвшагося по-гречески Геліополісомъ—городомъ солнца. По-арабски онъ назывался „солнечнымъ фонтаномъ“. Іосифъ, по преданію, женился на дочери жреца Она, называвшагося Пентефріємъ (Пютифаромъ, Патафра), что означаєть принадлежащій солнцу, такъ какъ солнце у египтянъ называлось также Харъ или Хоръ (Хорусъ). Много другихъ именъ мужскихъ и женскихъ образовались такимъ же образомъ и означали, что лица, ихъ носящія, посвящены тому или другому божеству, напрімѣръ: Петъ-Озирисъ—принадлежащій Озирису, Аммоніусъ—Аммону, Тансъ—Изидѣ (Та-Изисъ). Всѣ эти языческія имена весьма часто носились и христіанами; имя св. Пахомія означаєть принадлежащій Кхонсу, одному изъ боговъ египетскаго пантеона. *Фара*, изъ котораго сдѣлали фараонъ, происходитъ также отъ слова солнце; это—титულъ египетскихъ царей въ іероглифическихъ надписяхъ, гдѣ они всегда уподобляются Хору.

Со вступившимъ въ семью Пентефрія Іосифомъ случилось всѣмъ извѣстное недоразумѣніе съ супругой перваго жреца Солнца, послужившее богатой темой для любовной поэзіи на востокѣ. Исторія Юзуфа и Зулейки (жены Пентефрія) была сотни разъ воспѣта знаменитыми поэтами Персіи. Это—исторія триумфа любви. Пламенная любовь, описанная въ разсказѣ объ искушеніи, появляется подъ конецъ повѣсти очищенною страданіемъ и терпѣніемъ. Блестящая супруга всемогущаго египетскаго первосвященника дѣлается вдовой, выплакавшей свои глаза и потерявшей поэтому зрѣніе. Но

она все еще любить Иосифа. Она построила себѣ шалашъ изъ тростника и, спрятавшись въ немъ, подслушиваетъ шумъ проѣзжающей мимо колесницы Иосифа—это ея единственная отрада. Но несчастье просвѣтило умъ Зулейки: она отказывается отъ идолопоклонства и является къ Иосифу, который ея не узнаетъ. Она называетъ себя и проситъ, чтобы онъ обратился съ молитвой къ своему Богу о возвращеніи ей зрѣнія и красоты. Когда желанія ея исполнились, Иосифъ женился на ней. Они жили долго и счастливо и умерли въ одинъ день, какъ Филемонъ и Бавкида.

Въ этомъ романѣ есть между прочимъ оригинальный рассказъ, какъ Зулейка оправдалась передъ своими пріятельницами, удивлявшимися, что женщина ея положенія могла влюбиться въ раба. Въ одинъ прекрасный вечеръ она пригласила ихъ всѣхъ къ себѣ на пиръ и дала каждой по апельсину. Когда всѣ принялись ихъ чистить, Зулейка внезапно ввела въ комнату Иосифа. Онъ былъ такъ красивъ собой, что всѣ женщины, смущенныя его видомъ, обрѣзали себѣ пальцы вмѣсто апельсиновъ и даже не почувствовали этого ¹⁾.

Во времена Страбона передъ храмомъ Солнца стояло еще нѣсколько обелисковъ; изъ нихъ два были поставлены сыномъ Сезостриса Ферономъ въ благодарность богу за возвращеніе ему зрѣнія. Онъ ослѣпъ еще въ молодыхъ годахъ и прозрѣлъ лишь вслѣдствіе довольно страннаго средства леченія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и испытанія супружеской вѣрности женъ своей имперіи,—эпизодъ, описанный съ неподобною наивностію у Геро-

¹⁾ Коранъ, гл. XII, 21—111. (Переводъ Казимірскаго).

дота во второй книгѣ его исторіи и содержащей основаніе разсказа Аріосто о заколдованномъ кубкѣ ¹⁾). Изъ всей этой массы монолитовъ, посвященныхъ божеству Геліополиса, можетъ быть не осталось бы ни одного, исключая одинокаго обелиска въ Матаріа, если бы римскіе императоры не брали себѣ самыхъ лучшихъ, чтобы украшать ими вѣчный городъ, въ которомъ было ихъ во время имперіи около пятидесяти. Съ XVI вѣка папы реставрировали изъ нихъ четырнадцать. Въ самомъ Египтѣ ихъ теперь не болѣе двадцати, причемъ нѣкоторые изъ нихъ разбиты. Единственный изъ римскихъ обелисковъ, который оставался цѣль и невредимъ до XVI вѣка — это обелискъ базилики св. Петра, привезенный изъ Геліополиса Калигулой и стоявшій прежде на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится ризница Петра и н гдѣ прежде онъ былъ крайнимъ столбомъ (meta) ипподрома въ циркѣ Нерона. Здѣсь у его подножія происходили ужасы гоненія христіанъ въ 64 году нашей эры, и въ страшныя ночи, послѣдовавшія за іюльскими идами, на его заостренной верхушкѣ отразились красные отблески большаго римскаго пожара. Потомъ онъ видѣлъ паденіе императоровъ и величіе папъ, видѣлъ, какъ геній Браманте, Рафаэля и Микель-Анжело воздвигалъ громадную базилику на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ гонимые „несли свой крестъ“ и гдѣ пылали „свѣточы христіанства“. Наконецъ, это тотъ самый обелискъ, который былъ перенесенъ въ 1586 г. при Сикстѣ пятомъ Фонтаной съ его прежняго мѣста и поставленъ тамъ, гдѣ находится и по настоящее время.

¹⁾ Геродотъ, II, 111.

Обелиски на Piazza del Popolo, украшавшій Circus maximus и на Monte Citorio, служившій указателемъ времени для римскаго народа, были взяты во время Августа также изъ Геліополиса ¹⁾).

Продолговатая и тонкая форма обелисковъ и ихъ заостренная верхушка заставили сравнивать ихъ въ народномъ нарѣчій съ иглами или спицами. Этимъ словомъ спицы — ὀβελός окрестили ихъ первые греки, посѣтившіе Египетъ и увидѣвшіе этотъ типъ монументовъ, на который ничто не походило у нихъ дома. Этимъ названіемъ они хотѣли объяснить ихъ форму и видъ своимъ соотечественникамъ. Въ исторіи Геродотъ, говори объ обелискахъ, вездѣ употребляетъ слово ὀβελός ²⁾. Но непонятно, почему позже, въ римскую эпоху, стали предпочитать слово ὀβελίσκος, т. е. иголочка. Кажется, въ данномъ случаѣ увеличительная форма была бы болѣе умѣстна, чѣмъ уменьшительная. Какъ бы тамъ ни было, а эту форму переняли римляне у александрійскихъ грековъ и передали всѣмъ современнымъ народамъ.

Не мнѣ отыскивать и объяснять идею чего связывали египтяне съ обелискомъ, и надо-ли видѣтъ въ немъ, какъ часто писали, символъ солнечнаго луча или символъ иеифаллическаго бога — Аммона, производителя ³⁾. Неоспоримо признано, по крайней мѣрѣ, что во времена Новой Имперіи фигура обелиска употреблялась для изображенія слова *менз*, что значить: устойчивость, проч-

¹⁾ *Notice historique sur les obélisques égyptiens*, par Nestor l'Hôte. 1836. *Les Basiliques chrétiennes de Rome*, par Bunsen. Traduit de l'Allemand par D. Ramée. Paris, Boer. in-fol.

²⁾ Ἐν τῷ ταμίει ὀβελὶ ἐστᾶσι μεγάλοι λίθινοι (II, 170).

³⁾ De Rougé. *Étude sur les monuments de Karnak*.

ность ¹⁾). Египтяне ставили ихъ обыкновенно попарно передъ первымъ пилономъ храмовъ, по обѣимъ сторонамъ главнаго входа. Если иногда, какъ на примѣръ, въ большомъ карнакскомъ храмѣ, они и встрѣчаются кругомъ застроенными, то подобныя аномаліи весьма легко объясняются. Въ карнакскомъ храмѣ, на дворѣ каріатидъ, находятся два обелиска, поставленные во времена восемнадцатой династіи. Когда они были привезены въ Карнакъ, вся позднѣйшая часть храма, которая относится ко времени Аменофиса III и слѣдующихъ за нимъ династій, еще не существовала, и эти два обелиска царицы Хатасу были поставлены по общему правилу передъ пилономъ существовавшего тогда храма Аммона въ томъ видѣ, какъ онъ былъ построенъ первыми фараонами восемнадцатой династіи.

Обелиски, впрочемъ, не были исключительной принадлежностью храмовъ. Было найдено нѣсколько маленькихъ, сдѣланныхъ изъ известняка (*calcaire*), въ мастаба могилъ ²⁾). Мариеттъ приводитъ два подобные обелиска, откопанные имъ въ ѳиванскомъ некрополѣ передъ гробницами фараоновъ XI-й династіи. Кромѣ того обелиски употреблялись для украшенія дворцовъ, что можно видѣть на одномъ ѳиванскомъ рисункѣ, на которомъ изображенъ главный входъ царской виллы, окруженной роскошными садами ³⁾).

Диодоръ, говоря объ обелискахъ, поставленныхъ Се-

¹⁾ Pierret. *Dictionnaire d'Archéologie égyptienne*.

²⁾ Одинъ изъ такихъ могильныхъ обелисковъ въ Ом^m, 60 вышины былъ найденъ въ Гизехскихъ гробницахъ, относящихся къ пятой династіи, и теперь находится въ берлинскомъ музеѣ. Lepsius, *Denkmäler*, часть II, таб. 88.

³⁾ Wilkinson, *The manners and customs*, p. 396.

зострисомъ, даетъ ихъ вышину, простирившуюся по его словамъ до 120 локтей, т.-е. болѣе 55 метровъ ¹⁾; а въ нѣкоторыхъ другихъ текстахъ упоминается про обелиски, имѣвшіе до 40, 36 и 35 метровъ вышины; но, какъ кажется, первыя изъ этихъ цифръ трудно принять за правдоподобныя. Самый высокій изъ извѣстныхъ обелисковъ — царицы Хатасу въ Карнакѣ имѣетъ 33^m,₂₀. Наболѣе древній изъ обелисковъ тотъ, который стоитъ на бывшемъ мѣстѣ Гелиополиса въ Матаріа, имѣетъ, какъ было сказано уже, лишь 20^m,₇₅. Два обелиска Рамзеса II передъ первымъ пилономъ Лукзорскаго храма — не совсѣмъ равной вышины; одинъ изъ нихъ имѣетъ 25^m,₀₃, другой — 23^m,₅₇. Чтобы эта разница не была слишкомъ замѣтною, ихъ поставили на пьедесталы не одинаковой высоты; притомъ меньшій выдвинутъ немного впередъ, ближе къ зрителю ²⁾. Этими приемами старались сгладить ихъ неровность, объясняющуюся трудностями высѣчки обелисковъ, въ особенности, когда требовалось найти два монолита совершенно равной величины; кромѣ того мастеръ не всегда достигалъ имѣвшагося въ виду результата, такъ какъ достаточно было самага незначительнаго порока въ камнѣ или малѣйшей случайности во время работы, чтобы измѣнить его планъ.

Верхушка обелиска, такъ называемый пирамидіонъ, покрывалась у египтянъ бронзовой позолоченной обо-

¹⁾ Діодоръ, I, 57.

²⁾ Меньшій изъ этихъ двухъ обелисковъ былъ подаренъ Мехметомъ-Али Франціи, былъ привезенъ въ Парижъ въ 1836 году и поставленъ на Place de la Concorde.

лочкой ¹⁾). Такъ оканчивались верхушки тѣхъ обелисковъ, которые не покрыты ієроглифами. Интересный текстъ Абдъ-эль-Латифа доказываетъ, что въ XIII вѣкѣ на обелискѣ въ Матаріѣ еще видна была эта бронзовая покрывка. „Голова обелиска, говоритъ арабскій историкъ, покрыта мѣдной шапкой, имѣющей форму воронки. Эта шапка отъ дождей и отъ времени заржавѣла и позеленѣла; часть ржавчины протекла вдоль обелиска“ ²⁾). Судя по надписи, покрывающей пьедесталь обелиска царицы Хатасу въ Карнакѣ, его верхушка была покрыта „чистымъ золотомъ, отнятымъ у вождя народовъ“. Кромѣ того думаютъ, что этотъ обелискъ былъ вызолоченъ весь сверху до низу: „если съ одной стороны замѣтитъ, говоритъ Мариеттъ, что дно ієроглифовъ тщательно выполировано, а съ другой — что плоскія поверхности были оставлены относительно шероховатыми, то можно придти къ заключенію, что весь обелискъ былъ вызолоченъ, исключая ієроглифическихъ знаковъ“.

Кругомъ геліопольскаго обелиска простираются воздѣланныя поля, на которыхъ растетъ пшеница. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него полунагой феллахъ пашетъ землю доморощеннымъ плугомъ, запряженнымъ буйволомъ и верблюдомъ. Онъ лѣниво, съ своей неизбѣжной монотонной пѣснью, ковыряетъ эту жирную нильскую почву, не подозревая, что онъ ходитъ по

¹⁾ *Précis sur les Pyramidions de bronze doré employés par les anciens Égyptiens comme couronnement de quelques — uns de leurs obélisques, à l'appui de la proposition de restituer de la même manière le pyramidion de l'obélisque de Louqsor*, par J. J. Hittorf, in-8°, 1836.

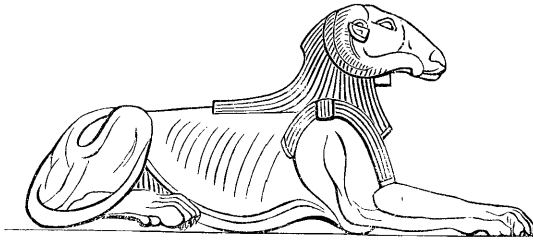
²⁾ Mariette *Itinéraire*, p. 93.

земль исторической, пропитанной грандіозными воспоминаніями о величайшихъ событіяхъ на нашей планетѣ. Да ему и дѣла до всего этого нѣтъ; ему нуженъ насущный кусокъ хлѣба, какъ тѣмъ пчеламъ, которыя залѣпили своими сотами весь сѣверный бокъ обелиска, не разбирая, что ихъ ячейки покрыли картуши славнѣйшаго изъ фараоновъ, Узортазена I-го.

Вблизи отъ Геліополиса преданіе указываетъ мѣсто, гдѣ отдыхало св. семейство во время бѣгства въ Египетъ отъ гоненія Ирода. Этотъ эпизодъ изъ дѣтства Христа, такъ часто бывшій сюжетомъ великихъ художественныхъ произведеній, видишь здѣсь въ лицахъ на каждомъ шагѣ. Еще на пути къ Геліополису я обогналъ женщину, ѣхавшую на ослѣ и державшую на рукахъ ребенка, прикрывая его отъ солнца полою своего широкаго синяго бурнуса. Въ нѣсколькихъ шагахъ за ними шель, опираясь на палку, человѣкъ такого-же возраста, какой даютъ обыкновенно Іосифу, — страница изъ Евангелія, воспроизведенная кистью Джіотто; та-же обстановка, тотъ же костюмъ, то же небо и пейзажъ. По дорогѣ росли пальмы, подобныя той, которая, по одному апокриическому сказанію, наклонила свою верхушку до рукъ Христа-младенца.

Въ сторонѣ отъ дороги, среди большаго сада, принадлежащаго коптскому монастырю, стоитъ громадный сикоморъ, весь испещренный надписями. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него находится глубокой колодезь съ прозрачной, какъ кристалъ, водой. Но не всегда онъ былъ такимъ: его вода была прежде горькой и лишь отъ прикосновенія къ ней Христа сдѣлалась годной къ употребленію и до сихъ поръ славится въ Египтѣ, какъ

необыкновенно вкусная. Подъ этимъ деревомъ отдыхала Пресв. Дѣва Марія съ младенцемъ Христомъ, воспользовавшись широкою тѣнью его могучихъ вѣтокъ. Теперь отъ этихъ вѣтокъ осталось весьма немного; во-первыхъ и время наложило на нихъ свою тяжелую руку, а во-вторыхъ, всякій вѣрующій считаетъ долгомъ отрѣзать себѣ на память кусочекъ дерева или вырѣзать въ корѣ свои буквы.

ГЛАВА VI

«Уничтожь себя — въ этомъ совершенство, и вотъ все. Откажись отъ самого себя — въ этомъ залогъ твоего единенія съ Богомъ, и вотъ все. Слейся съ Нимъ, чтобы постичь эту тайну; все остальное — излишне».

(Основное ученіе дервишей въ мистической поэмѣ *Мантикъ уттаиръ*, написанной суфи Фаридъ-Эддинъ-Аттаромъ въ 1119 году по Р. Х.).

Уже прошло порядочно времени со дня моего приѣзда въ Каиръ; я уже начиналъ обживаться съ восточными обычаями и порядками, освоился съ планомъ Каира, а это—вещь нелегкая, и умѣлъ ходить по базарамъ такъ, чтобы никто не приставалъ, ни нищіе, ни погонщики ословъ, ни мелкіе торговцы. Они-ли привыкли къ моей фигурѣ, или сама моя фигура приобрѣла нѣчто такое, что доказывало, что я не только что приѣхавшій на востокъ, только я замѣчалъ, что чѣмъ дольше живешь здѣсь, тѣмъ меньше обращаешь на себя вниманіе уличной толпы, тѣмъ рѣже слышишь фатальное „бакшишъ!“ и тѣмъ менѣе подверженъ другимъ различнымъ назой-

ливымъ приставалямъ, отравлявшимъ мои первые дни пребыванія въ Египтѣ. У меня завелись знакомства между купцами. Случалось, что я по цѣлымъ часамъ засиживался на эстрадѣ въ тѣни навѣса у какого-нибудь торговца разноцвѣтными тканями. Онъ угощалъ меня кофеемъ, подаваемымъ въ крохотныхъ чашкахъ, рассказывалъ про свою торговлю или про праздникъ *Назлэ*, когда возвращается священный коверъ (*макх-маль*) изъ Мекки. Онъ каждый годъ ложится подъ лошадь шейха и считаетъ верхомъ благополучія, когда она на него наступитъ. На будущій годъ онъ самъ собирается въ Мекку... Съ истинно восточнымъ гостепріимствомъ онъ удерживалъ меня, когда я собирался уйти; чашечки кофе быстро смѣнялись, кальянъ не потухалъ, а словоохотливый хозяинъ отпускалъ на-скоро покупателя и снова принимался рассказывать, поджавши на подушкѣ ноги и потягивая догравшій наргиле.

Такъ проходило время; днемъ фланируешь по базарамъ, если нечего осматривать и не предполагается никакой экскурсіи, а вечеромъ сидишь на террасѣ отеля и любишься неизмѣнно великолѣпной картиной солнечнаго заката съ его удивительными переходами тоновъ: то блескомъ золота и драгоценныхъ камней засіяютъ минареты надъ остальными постройками и высокія верхушки пальмъ надъ группами сикоморъ и олеандровъ; то молочно-розовый туманъ обовѣетъ ихъ, какъ прозрачная дымка станъ красавицы; то вдругъ загорятся они краснымъ пламенемъ пожара и, постепенно переходя изъ тона въ тонъ, погрузятся во мракъ. Только крутые утесы Мокаттама долго горятъ еще, какъ въ огнѣ.

Завтра пятница, и вся компанія туристовъ собирается глядѣть дервишей, вертящихся и кричащихъ. Такъ какъ послѣдніе начинаютъ свое представленіе или, коли хотите, богослуженіе часомъ позже первыхъ, то можно успѣть въ одинъ день побывать и у тѣхъ, и у другихъ.

Въ концѣ улицы Сіуфійэ, недалеко отъ площади султана Гассана, находится гама (мечеть) эль-Акбаръ и медресе вертящихся дервишей или факировъ, этихъ блѣднолицыхъ восточныхъ монаховъ съ мечтательнымъ взоромъ, присущимъ вообще всѣмъ мистикамъ, проводящимъ жизнь въ постоянномъ созерцательномъ экстазѣ. Они блѣдно одѣты: на головѣ у нихъ — войлочная шляпа, похожая на опрокинутый цвѣточный горшокъ. Свои *зикры* они совершаютъ въ обширной круглой залѣ, середина которой обнесена деревянной балюстрадой, отдѣляющей мѣсто для публики. Тонкія деревянные колонки поддерживаютъ хоры, на которыхъ помѣщаются музыканты и пѣвчіе.

Мы поспѣли еще до начала службы и размѣстились на цыновкахъ за балюстрадой. Двѣ англичанки тотчасъ же вынули свои альбомы и стали срисовывать внутренность залы, а стоявшій рядомъ со мною мистеръ посмотрѣлъ на часы и записалъ въ свою книжку: „14 февраля въ 1 часъ 35 минутъ мы были въ мечети вертящихся дервишей“. Вскорѣ отворилась маленькая дверь, и дервиши, всѣ одѣтые одинаково, стали выходить изъ нея одинъ за другимъ, низко кланяясь другъ другу. Послѣднимъ вышелъ ихъ настоятель. Онъ одѣтъ такъ же, какъ и остальные, только вокругъ его шляпы наверхъ зеленый тюрбанъ. Начались молитвы; сидѣвшіе

кругомъ арены дервиши упали ницъ и долго оставались припавши лицомъ къ полу. Къ пѣвнѣю присоединились флейты и барабаны, отбивавшіе тактъ. Дервиши съ закрытыми глазами, неподвижные, сосредоточенные, слушали эту заунывную, странную, какую-то нервную музыку. Черезъ нѣсколько времени они встали и пошли одинъ за другимъ по залѣ, беззвучно шмыгая босыми ногами по полу. Проходя мимо шейха, они отвѣщивали ему по глубокому поклону, сложивъ руки крестомъ на груди. Флейта и барабаны ускорили темпъ, пѣвцы запѣли громче, дервиши сняли свои бурнусы и остались въ короткихъ курткахъ и широкихъ бѣлыхъ юбкахъ. Одинъ изъ дервишей простеръ руки въ стороны — правую ладонью внизъ, а лѣвую ладонью вверхъ — и сталъ медленно кружиться, наклонивъ голову къ одному плечу и закрывши глаза; за нимъ второй, потомъ третій, и наконецъ всѣ пустились въ вальсъ, быстрота котораго все болѣе и болѣе увеличивалась. Руки вытянулись горизонтально, глаза закрылись, какъ - бы въ сонномъ экстазѣ, юбки раздулись и стоятъ, какъ газовая платица у балетныхъ танцовщицъ. Передъ вами танецъ сифидъ, готовыхъ испариться въ лунномъ свѣтѣ, какъ геніи Оберона. Вдругъ музыка оборвалась на высокой нотѣ, и всѣ тридцать дервишей остановились, какъ вкопанные. Черезъ нѣсколько минутъ отдыха, во время котораго они ходили вокругъ арены, скрестивши руки на груди, они снова принимались кружиться. Стоявшій рядомъ со мною англичанинъ замѣтилъ, что скорость вращенія ихъ доходила до пятидесяти оборотовъ въ минуту. Такъ продолжали они вертѣться около часа съ небольшими перерывами для от-

дыха, приче́мъ уставали они повидимому весьма мало. Когда они надѣли на себя обыкновенную одежду и стали выходить изъ мечети, правовѣрные давали имъ съ величайшимъ почтеніемъ дорогу и провожали ихъ низкими поклонами, очевидно глядя на нихъ, какъ на людей, которые займутъ себѣ, благодаря своему круже́нію, лучшія мѣста въ раю.

Отсюда отправились мы всѣ гурьбой въ мечеть Казръ-эль-Айнъ къ кричащимъ дервишамъ. Надо было торопиться, чтобы не опоздать, что было довольно трудно, такъ какъ осла, какъ его ни понукай, а съ его обыкновеннаго аллюра — мелкой рыси — не собьешь; до мечети же эль Айнъ было довольно далеко.

Внутренность мечети кричащихъ дервишей не имѣетъ ничего общаго съ мечетью вертящихся. Это — просторная комната подъ сводомъ, съ отверстіемъ наверху, откуда падаетъ свѣтъ. По голымъ бѣлымъ стѣнамъ висятъ картонные круги съ изреченіями Корана; со стороны михраба, надъ ковромъ, на который садится имамъ, украшенія стѣны напоминаютъ инквизиторскій застѣпокъ XVI-го столѣтія: короткіе, тонкіе дротики, какія-то пики съ широкими лезвіями, трехвостки съ свинцовыми наконечниками и пр. дѣлаютъ этотъ уголъ мечети внушительнымъ. Полукругомъ противъ имама стояли дервиши плечо къ плечу и пѣли какую-то монотонную литанію, раскачиваясь всѣмъ тѣломъ впередъ и назадъ. Движеніе это шло все *crescendo*, изъ груди дервишей вырывался хриплый ревъ: *ла иллаха иль аллахъ*. Ихъ длинные распущенные волосы перекидывались при каждомъ поклонѣ со спины на грудь и обратно. Съ пѣной у рта, съ глазами, выскочившими изъ орбитъ, раска-

чивалась вся эта дикая фаланга... Аллахъ-ху! кричалъ имамъ — и движеніе еще усиливалось, ревъ становился громче, потрясая весь организмъ дервишей. Видъ этихъ бѣснующихся, должно быть, заразителенъ: я слышалъ еще раньше, какъ иногда случалось, что кто-нибудь изъ публики вставалъ, какъ опьяненный и становился въ рядъ дервишей. Не знаю, но мнѣ почему-то стало за себя страшно: я замѣтилъ, что я совершенно машинально качалъ головою въ тактъ дервишамъ. Иногда экстазъ доходитъ до того, что они берутся за плети и начинаютъ бичевать себя по обнаженному тѣлу и прокалываютъ себѣ щеки дротиками. Къ счастью, въ эту пятницу этого не случилось, и названные инструменты продолжали мирно висѣть на стѣнѣ. Послѣ каждаго такого сеанса дервиши пріобрѣтаютъ способность творить чудеса: къ нимъ приходятъ больные, приносятъ немощныхъ дѣтей, и однимъ прикосновеніемъ они излечиваютъ ихъ отъ недуговъ.

Различныхъ сектъ дервишей или *суфи* ¹⁾ на востокѣ очень много. Наиболѣе древнія изъ нихъ появились и развились на лонѣ исламизма во второмъ вѣкѣ эгиры, не смотря на анафему, изреченную Магометомъ противъ монаховъ и сектантовъ и сохраненную въ хадитахъ или преданіяхъ: „не должно допускать монашеской жизни

¹⁾ *Суфи* или *суфисъ* происходитъ отъ слова *суфъ*, шерсть, и въ переносномъ смыслѣ означаетъ: люди, одѣтые въ шерстяное платье, которое есть признакъ бѣдности. Вертящіеся дервиши называются *меслеви*; ихъ секта была основана въ XIII вѣкѣ *муллою* или учителемъ *Джелалъ эддинъ-Руми*, родившимся въ Балѣ, въ Персіи. Онъ — авторъ *Мезневи*, извѣстнаго персидскаго сборника мистической поэзіи. Слово *меслеви* происходитъ отъ *мулла* или *молла*, наставникъ или учитель, какъ называли основателя этой секты.

въ исламъ“, говорятъ, сказала Пророкъ ¹⁾). Вслѣдствіе чего секты этого отвлеченнаго пантеизма суфисовъ, который основывается на доктринѣ уподобленія человѣка Богу, были сначала ненавистны истиннымъ мусульманамъ, находившимъ ихъ противными духу ислама, склонному скорѣе къ антропоморфизму, т.-е. системѣ, въ которой преобладаетъ идея матеріальная, идея ошущаемаго ²⁾). Къ тому же *поглощеніе въ Бога* дѣлало дѣрвишей равнодушными ко всякой опредѣленной религіи, ко всякой дѣятельности или обязанности общественной

¹⁾ Этотъ афоризмъ весьма часто повторяется мусульманами: «*Ларахбан-ийета филь-ислами!*». Достаточно прочесть мѣста IX, 31 и 34 и LVII, 27 Корана (переводъ Казимірскаго), чтобы увидать, насколько Магометъ не любилъ монаховъ и священнослужителей, находя, что они заступаютъ мѣсто божества и занимаются лишь вымогательствомъ, продавая индульгенціи и прощенія.

²⁾ Коранъ изобилуетъ прекрасными олицетвореніями и притчами, взятыми изъ области матеріальнаго міра. Какъ примѣръ этой необходимости для Магомета обращаться къ матеріальнымъ образамъ, достаточно привести нѣсколько изъ многочисленныхъ стиховъ, описывающихъ рай (*Фирдусъ*), обѣщанный праведнымъ; тогда будетъ видно разстояніе, отдѣляющее обѣщанія Магомета отъ отвлеченнаго идеала *суфисовъ*.

«Вѣрующіе и дѣлающіе добро, говоритъ Коранъ, будутъ введены въ сады, орошенные многочисленными ручьями; они будутъ жить тамъ вѣчно, они найдутъ тамъ женщинъ-дѣвственницъ и чудную прохладу (тѣнь)». (IV, 60). «Они войдутъ туда и нарядятся въ золотыя браслеты и перлы, ихъ платье будетъ шелковое». (XXXV, 30). «У нихъ будутъ плоды, у нихъ будетъ все, чего только ни пожелаютъ». (XXXVI, 57). «Будетъ ходить круговая чаша, наполненная прозрачной водой — истинная услуга для тѣхъ, кто будетъ пить ее; она не омрачитъ ихъ разума и не опьянитъ ихъ». (XXXVII, 44). «Имъ предоставятъ золотыя сосуды и бокалы, наполненные вещами, столь желанными для нашихъ чувствъ и пріятными для глазъ». (XLIV, 71). «Имъ будутъ служить вѣчно молодыя дѣти, смотря на нихъ, ты ихъ примешь за перлы». (LXXVII, 19).

Обращаясь къ народамъ полудикимъ и съ скептическими наклонностями, Магометъ былъ принужденъ помѣстить эти реальныя картины, чтобы привлечь своихъ слушателей къ себѣ. Понятно, что позже умы, одаренные высокимъ идеализмомъ, не удовлетворялись этимъ и обратились къ религіи *суфизма*.

и частной, за что ихъ называли вѣроотступниками, колдунами, сообщниками діавола. Ихъ безмятежность и ихъ пантеизмъ считали за личину, подъ которой скрывалась развращенность. Chardin, путешественникъ конца XVII столѣтія, передаетъ, что въ то время въ Персіи было до двадцати тысячъ факировъ или дервишей, давшихъ обѣтъ полнѣйшаго самоуничтоженія и отреченія отъ всего, и что народъ считалъ ихъ за двадцать тысячъ бездѣльниковъ, нищихъ и негодаевъ, платящихъ за всеобщее презрѣніе грабежомъ ¹⁾.

Тѣмъ не менѣе повременамъ изъ среды суфисовъ выходили люди, выдающіеся своею добродѣтелью и своими талантами; многіе изъ нихъ были великіе поэты, творенія которыхъ сохранились до сихъ поръ и представляютъ собою кодексы нравственности, наполненные возвышенными и здравыми истинами. Мусульманамъ, противникамъ ихъ ученія, суфисы противопоставляютъ изреченіе, приписываемое Магомету и переданное изъ поколѣніе въ поколѣніе въ хадитахъ: „У меня бываютъ минуты, сказалъ будто Пророкъ, когда никакой херувимъ, никакой угольникъ не можетъ возвыситься до меня“. Изрѣченіе наврядъ-ли подлинное, но весьма правдоподобное, если принять въ расчетъ до какой степени восточные народы склонны къ мечтательности, до какой степени развита въ нихъ потребность экстаза: не дышетъ-ли все у нихъ чарами сна, волшебствомъ и восторгомъ? Начать хотя-бы съ ихъ *кейфа* — этого экстатическаго полусна, въ который погружаются они послѣ бани и который занимаетъ у нихъ добрую часть

¹⁾ *Journal du voyage du chevalier Chardin en Perse et aux Indes orientales etc.* Amsterdam, 1711.

дня ¹⁾. А ихъ музыка, ихъ поэзія съ медленнымъ, убаюкивающимъ кадансомъ, поработщающія всѣ мысли и силу ума; наконецъ ихъ постройки всегда фантастическаго вида, со сводами и арками, повисшими въ воздухѣ, какъ грозди драгоценныхъ камней, ниспадающихъ и дробящихся мелкими сталактитами, по которымъ очарованные глаза поднимаются, какъ—бы скользя по волшебнымъ лѣстницамъ, гдѣ, въ полумракѣ едва проникающаго туда дневнаго свѣта, живетъ цѣлый міръ добрыхъ гениевъ и добродѣтельныхъ фей.

Подъ этой глубиной лазореваго неба Востока, никогда не омрачаемаго облакомъ, тамъ, гдѣ жизнь течетъ такъ тихо, а время такъ мало считаютъ, неудивительно, что взоръ человѣка поднимается кверху, ищетъ и теряется; чѣмъ въ большомъ экстазѣ его душа, тѣмъ больше она требуетъ чудеснаго. Придти непосредственно и безъ поисковъ къ безпредѣльному, образъ котораго ее тревожитъ, постичь всѣ его тайны, отдаться ему цѣликомъ — становится тогда для нея неизбѣжной необходимостью, ея сумасшествіемъ. „Богъ, говоритъ суфи, существуетъ одинъ, это — океанъ, куда стекаются и гдѣ теряются всѣ капли бытія“. Душа теряется тамъ въ самомъ дѣлѣ, она поглощается въ этомъ страстномъ созерцаніи, — положеніе, которое мистики опредѣляютъ такъ: „Наше личное существо поглощается существомъ Бога такъ же, какъ атомъ теряется въ лучѣ“. Человѣкъ достигаетъ тогда безконечнаго, которое, кажется ему,

¹⁾ Это — то состояніе, которое занимаетъ средину между бодрствованіемъ и сномъ и которое такъ пріятно и необходимо для восточныхъ людей, что встрѣчаясь, они привѣтствуютъ другъ друга словами: «какъ идетъ вашъ кейфъ?» что можно перевести: «какъ ваше здоровье?»

овладѣваетъ имъ все болѣе и болѣе; смерть для него становится необходимостью: „для того, кто умеръ въ Богѣ, говоритъ одинъ индійскій поэтъ, даже самое слово существовать дѣлается безчестіемъ“. „Это — преступленіе, читаемъ мы въ книгѣ *Пендъ-Намехъ*, дорожить жизнью въ этомъ мірѣ. Если ты удалишься отъ него, то поступишь умно“¹⁾).

Всякое излишество ведетъ къ безобразію. Спиритуализмъ въ его нормальныхъ границахъ облагораживаетъ умъ человѣка, направляя его къ самому высокому принципу его существа; но, выйдя изъ границъ, спиритуалисты пришли къ самымъ ложнымъ доктринамъ, къ самымъ вреднымъ убѣжденіямъ. Спиритуализмъ суфисовъ, можетъ быть, самый крайній, который когда-либо былъ, привелъ ихъ къ равнодушію, къ эгоизму, къ состоянію апатіи и безчувственности, граничащему съ слабоуміемъ, наконецъ къ квіетизму, заставившему ихъ отрицать реальность всякаго существованія, всякаго принципа и всякой отвѣтственности. „Въ сущности нѣтъ никакого различія между добромъ и зломъ“, утверждаютъ суфисы, такъ какъ все сводится къ одному, т.-е. къ Богу, который управляетъ человѣческими дѣйствіями.

¹⁾ Объ интересныхъ доктринахъ суфисовъ, доктринахъ, имѣющихъ связь съ пантеизмомъ и мистицизмомъ всѣхъ временъ, о природѣ ихъ экстаза и способахъ, употребляемыхъ ими для достиженія онаго, см. сочиненіе Tholuck'a, *Sufismus, sive Theosophia Persarum pantheistica*, въ извлеченіи S. de Sacy въ *Journ. des savants* 1821 и 1822. — Jhon Brown, *The Dervishes, or oriental Spiritualism*. London, Trübner, 1868. — Garcin de Tassy, *La poésie philosophique et religieuse chez les Persans, d'après le Mantik-uttair, ou le Langage des oiscaux, poëme mystique de Farid-Eddin-Attar*. Paris, B. Duprat 1860. — *Pend-Namèh*, ou le *Livre des conscils*, traduit et annoté p. Silv. de Sacy. Paris, 1811.

Достоинно замѣчанія, что совершенно къ такому же результату пришла и крайняя реалистическая школа. Все есть продуктъ силы и матеріи, говоритъ она; наши мысли, наши дѣйствія, какія-бы они ни были, суть лишь слѣдствія механическаго сочетанія различныхъ органовъ, а самосохраненіе и личный интересъ — единственные истинные двигатели нашихъ поступковъ. Душа и духъ суть движенія и ощущенія нервовъ и мозга. Мозгъ назначенъ для мышленія, какъ желудокъ — для пищеваренія, или печень — для отдѣленія желчи. Всѣ явленія природы были, есть и вѣчно будутъ лишь необходимыми слѣдствіемъ свойствъ матеріи и законовъ, управляющихъ вещами. Все сущее резюмируется зъ двухъ словахъ: матерія и движеніе. Матерія и движеніе не имѣютъ ни начала, ни конца. Вѣчная вселенная не управляется ни Богомъ, ни случаемъ, но неизмѣнными, всеобщими, необходимыми законами. Душа не есть субстанція, отличная отъ нервной субстанціи. Мысль есть отдѣленіе мозга. Одна матерія безсмертна, индивидуумъ — нѣтъ. Свободная воля въ томъ смыслѣ, какой ей придаетъ спиритуализмъ, есть отрицаніе всеобщаго порядка. Нѣтъ двухъ порядковъ вещей и двухъ рядовъ законовъ, законовъ физическихъ и законовъ моральныхъ, но одинъ только порядокъ вещей, всеобщій и нераздѣльный, подчиненный во всѣхъ своихъ частяхъ и во всѣ времена одной и той же необходимости. Нельзя допустить существованія за міромъ чувственнымъ міра духовнаго, независимо отъ космическихъ законовъ. Но разъ нѣтъ воли — слѣдовательно нѣтъ ни зла, ни добра.

Такимъ образомъ сошлись въ своихъ крайнихъ выводахъ двѣ діаметрально противоположныя школы и

выразились учениемъ въ обоихъ случаяхъ одинаково вреднымъ.

Недалеко отъ мечети кричащихъ дервишей находится островъ Рода съ своимъ знаменитымъ нилометромъ и преданіемъ о мѣстѣ, гдѣ былъ найденъ Моисей въ корзинкѣ. Это преданіе, не говоря уже о его историческомъ неправдоподобіи — такъ какъ во времена великаго еврейскаго вождя на мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь Каиръ, не было ничего — интересно еще тѣмъ, что каждый драгоманъ показываетъ мѣсто событія, гдѣ ему вздумается. Такъ, когда я первый разъ былъ тамъ, мой проводникъ съ театральнымъ жестомъ и мимикой указалъ на восточный берегъ острова: „вотъ здѣсь“! Въ другой разъ другой проводникъ указывалъ на западный берегъ и тоже съ такой увѣренностью, которая не допускала и тѣни сомнѣнія.

Островъ Рода всегда служилъ мѣстомъ для прогулокъ жителямъ Каира ¹⁾. Самое его названіе означаетъ садъ. Онъ весь заросъ разнообразными представителями экзотической флоры, растущими здѣсь въ дикой безпорядочности, что дѣлаетъ, на мой взглядъ, это мѣсто гораздо привлекательнѣе, чѣмъ, на примѣръ, прославленные сады Шубры съ ихъ правильной планировкой, вычищенными дорожками, искусственными гротами и кіосками, сильно напоминающими любой европейскій паркъ. На южной оконечности острова находится интересное сооруженіе — нилометръ или по-арабски *ме*

¹⁾ Въ *Тысячъ и одной ночи* рассказывается про одного правовѣрнаго, который, собравши своихъ пріятелей, отправился на островъ Рода и провель тамъ цѣлый мѣсяцъ, наслаждался музыкой, танцами, ѣдой и питьемъ.

кiасъ. Нилометръ — это восьмигранная колонна съ высѣченными на ней дѣленіями, стоящая посреди колодца и предназначенная для измѣренія высоты воды въ рѣкѣ. До покоренія Египта арабами нилометръ стоялъ въ мѣстечкѣ Хелуанъ, напротивъ Мемфиса. Въ 96 году эгиры (718) Осама, египетскій намѣстникъ, написалъ калифу Сулейману-Абдъ-эль-Мелеку, что хелуанскій мѣкiасъ разрушился. Калифъ велѣлъ тогда ему выстроить другой на островѣ, находящемся между Фостатомъ и Гизехомъ, т.-е. Рода, что и было исполнено. Съ тѣхъ поръ нилометръ этотъ былъ нѣсколько разъ разрушаемъ и вновь поправляемъ. Тотъ, который стоитъ и по настоящее время, былъ устроенъ калифомъ Мостанзеръ-Биллахомъ въ 485 году эгиры. До французской кампаніи онъ былъ подъ сводомъ, который былъ разрушенъ солдатами Наполеона, выбивавшими засѣвшихъ въ немъ мамелюковъ.

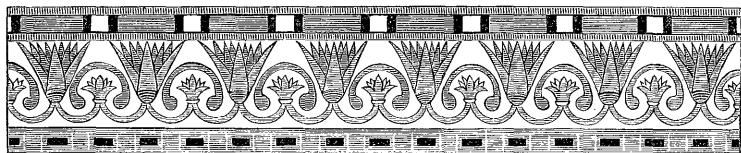
Сообразуясь съ высотой воды, достигнутой во время разлива, опредѣлялась вѣроятная величина урожая, а вмѣстѣ съ тѣмъ и размѣръ податей, мѣнявшійся ежегодно. Годъ считался хорошимъ, если вода достигала шестнадцати локтей вышины; отсюда и тѣ шестнадцать мальчиковъ, которые играютъ вокругъ статуи Нила, находящейся въ Ватиканѣ.

Прежде чѣмъ добраться до нилометра, приходилось нѣсколько разъ останавливаться передъ запертыми калитками, отдѣляющими частныя собственности. Проводникъ мой брался тогда за кольцо и кричалъ что-то по-своему. Это мнѣ всякій разъ напоминало: *Sesame, ouvre-toi!* Нилометръ стоитъ въ саду, принадлежащемъ какому-то пашѣ. Кругомъ него растутъ финиковыя пальмы,

кактусы, бананы. Какое-то ползучее растеніе обвилло и совсѣмъ скрыло подъ своими лапчатыми листьями кіоскъ въ мавританскомъ стилѣ, пришедшій въ ветхость и разрушеніе. Въ тѣни громаднаго сикомора скрипитъ *сакэ*, поднимающее воду для орошенія, какъ-бы вы думали чего? Грядокъ съ лукомъ. Это рядомъ съ бананами-то да финиковыми пальмами! Неужели и фараоны ѣли лукъ! Пожалуй еще съ квасомъ.

Съ острова Рода, мимо дворцовъ Ибрагима-паши, Казръ-эдъ-Дубара и Измаиліа, я отправился по бульвару Казръ-Али въ Булканскій музей. Противъ булак-скаго квартала находится гавань, гдѣ останавливаются всѣ пароходы и барки, идущія изъ Александріи или изъ Верхняго Египта. Это мѣсто представляетъ необыкновенное оживленіе, но Ниль, сжатый здѣсь между булакскимъ берегомъ и островомъ Гезира, не имѣетъ того величественнаго вида, какъ на примѣръ, выше, за островомъ Рода. Верстахъ въ двухъ, на сѣверо-западъ отъ Булака, виднѣется деревушка Эмбаба, гдѣ 21-го іюля 1798 года произошло „сраженіе у пирамидъ“.

ГЛАВА VII

«Il y a quelque temps l'Égypte détruisait ses monuments, elle les respecte aujourd'hui; il faut que demain elle les aime»

(Mariette-bey, *Catalogue du musée*).

Когда войдешь через маленькую калитку высокой желтой стѣны во дворъ музея, то остановишься пораженный веселымъ, симпатичнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно характернымъ видомъ, который представляетъ зданіе музея, выстроенное въ стилѣ древнеегипетскихъ построекъ, и садъ, окружающій его. Направо вдоль дорожки стоятъ, какъ сторожевые великаны, сфинксы и статуи, не помѣтившіеся по своей величинѣ внутри музея; налѣво, среди группы пальмъ, стоитъ только-что поставленный саркофагъ изъ чернаго гранита надъ тѣломъ создателя музея — Мариетта. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него — берегъ Нила, обросшій бѣлой акаціей и другими растеніями, свѣсившимися надъ его спокойной поверхностью и любующимися отраженіемъ своей красоты.

Прежде чѣмъ переступить порогъ Булакскаго музея, вмѣщающаго въ себѣ самую полную коллекцію египетскихъ произведеній по части искусства, собранную по всей долинѣ Нила, начиная отъ дельты и кончая вторыми порогами — другими словами, заключившаго въ своихъ стѣнахъ всю душу этого давно отжившаго народа — надо сдѣлать двѣ оговорки. Первая заключается въ томъ, что для того, чтобы постигнуть египетскій памятникъ и понять, чѣмъ онъ хорошъ, нужно предварительное изученіе его. До тѣхъ поръ, пока еще Шамполіонъ не отыскалъ ключа отъ іероглифовъ, столь долгое время потеряннаго, можно было глядѣть на египетскій памятникъ, какъ глядятъ на греческій, и не требовать отъ него ничего другаго, кромѣ того, что представляла его внѣшняя форма. Но тексты, вполне доступные въ настоящее время египтологамъ, измѣняютъ положеніе. Искусство отошло на второй планъ, на первый же поставленъ вопросъ: что *значитъ* данный памятникъ? Какое отношеніе имѣетъ онъ съ исторіей, философіей и религіей страны? Часто самая интересная сторона извѣстнаго произведенія египетскаго искусства — та, которая недоступна для обыкновеннаго наблюдателя. Оно можетъ нравиться гармоніей своихъ линий, величіемъ своихъ формъ, но поймешь его и оцѣнишь, лишь когда удастся постичь идею, которая двигала народомъ, творившимъ его. Нельзя, слѣдовательно, относиться къ египетскому памятнику, какъ относишься къ греческому. Между драгоценными преимуществами Греціи есть одна, что она „дается“ безъ труда всякому, къ тому неподготовленному, даже предубѣжденному. На ступеняхъ Парѳенона или передъ Венерою Милосскою восторгъ

охватываетъ человѣка, какъ-бы бѣдно ни былъ онъ одаренъ природой. Въ Грецію можно ѣхать, не взявши съ собой ни одной книги; всегда въ глубинѣ души человѣка найдется отзывчивая нота, готовая откликнуться и овладѣть на время всѣмъ существомъ его: передъ этими идеалами, которыхъ человѣчество достигло только разъ и которыхъ, можетъ быть, не въ состояніи еще разъ достигнуть, восхищеніе рождается само-собой. Не то — относительно Египта. Греція нашла абсолютную красоту; какъ всякое условное искусство, египетское — хорошо лишь относительно. Но допустивъ даже, что по совершенству оно равносильно греческому, не надо забывать, что у него есть и другая сторона, которую слѣдуетъ всегда имѣть въ виду.

Вторая оговорка касается предубѣжденія, сложившагося съ давнихъ временъ относительно египетскаго искусства и установившаго, что оно неподвижно. Это заблужденіе — весьма древне; греки вдали въ него и передали его по наслѣдству намъ. Можно привести по этому поводу извѣстныя слова Платона: „Давно уже, какъ кажется, говорить онъ, египтяне признали истину того, что молодежь всякаго государства должна пользоваться лишь тѣмъ, что есть самаго совершеннаго, въ смыслѣ изображенія или мелодіи. Вотъ почему послѣ того, какъ образцы выбраны и опредѣлены, ихъ выставляютъ въ храмахъ и запрещаютъ живописцамъ и другимъ художникамъ, производящимъ изображенія и тому подобныя работы, вводить что-либо новое и удаляться отъ того, что было разъ установлено законами страны, и это запрещеніе осталось и по сіе время, какъ для изображеній, такъ и для всякаго рода музыки. Если хочешь обратить

вниманіе, то можно найти у нихъ произведенія живописи и скульптуры, сдѣланныя тому назадъ десять тысячъ лѣтъ (когда я говорю десять тысячъ, то это — не примѣрно, а буквально), ни болѣе, ни менѣе красивыя, чѣмъ сдѣланныя теперь по тѣмъ же правиламъ“¹⁾).

Новые вѣка долгое время довольствовались этимъ мнѣніемъ. Мы не будемъ касаться археологовъ прошлаго столѣтія — у нихъ не было документовъ, и слѣдовательно, имъ простиительно было опираться на свидѣтельство греческихъ путешественниковъ. Въ 1828 году Рауль-Рошетъ началъ интересоваться Египтомъ. Передъ его глазами были уже въ европейскихъ музеяхъ и въ „Описаніи Египта“ если не столь древніе памятники, какъ тѣ, которые составляютъ теперь славу Булакского музея, тѣмъ не менѣе — произведенія, относящіяся къ самымъ цвѣтущимъ временамъ египетскихъ династій. Онъ могъ-бы, казалось, замѣтить различіе между статуями Узортазеновъ, Тутмесовъ и Рамзесовъ съ одной стороны и памятниками саитской эпохи — съ другой; тѣмъ болѣе долженъ-бы былъ онъ замѣтить характеристическіе признаки, отличающіе памятники независимаго Египта отъ памятниковъ временъ Птоломеевъ и римлянъ, тѣмъ не менѣе однако вотъ что онъ писалъ: „Съ первыхъ фараоновъ до послѣднихъ Птоломеевъ египетское искусство не измѣнялось“²⁾. Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось въ понятіяхъ объ Египтѣ. Вотъ, напримѣръ, какъ возра-

¹⁾ Τῆν αὐτὴν δὲ τέχνην ἀπεργασμένα. *Законы*, 656. D. E.

²⁾ *Cours d'archéologie*, 8°. 1828, p. 10—11. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Никогда египетское искусство не задавалось мыслью подражать природѣ». Или еще: «Основнымъ принципомъ искусства въ Египтѣ было отсутствіе искусства».

жаеть на нѣкоторыя страницы Ренана Маріеттъ-паша: „Г. Ренавъ обыкновенно представляетъ древній Египетъ какимъ-то Китаемъ, замкнутымъ, недоступнымъ для внѣшнихъ сношеній, неподвижнымъ, одряхлѣвшимъ въ своемъ младенествѣ и съ раннихъ поръ достигшимъ извѣстной степени развитія, далѣе которой онъ не поидеть. Онъ смотритъ на него, какъ на гладкую, вѣчно зеленую, плодородную равнину, лишенную всякихъ неровностей, которыя могли-бы нарушить монотонности пейзажа. Между тѣмъ Египетъ болѣе, чѣмъ какая-либо другая страна, колебался между періодами величія и упадка. Его цивилизація прошла всѣ стадіи; у нея были моменты полного блеска и затмѣнія. Искусство же египетское не было до такой степени неподвижно, чтобы нельзя было написать его исторію. Слава Египта гремѣла отъ экватора до Месопотаміи. Нельзя согласиться съ мыслью сдѣлать изъ Тутмеса — китайца. Если Египетъ погибъ, то именно потому, что онъ вызвалъ въ сосѣднихъ покоренныхъ имъ народахъ реакцію, фатальную для себя“¹⁾). Эти слова не могутъ удивить никого въ наше время, когда мы можемъ поставить рядомъ со статуями, современными Птоломеямъ, статуи временъ пирамидъ. Но, прежде чѣмъ обладать элементами для этого сравнительнаго изученія, критическій анализъ долженъ былъ бы усумниться въ словахъ Платона. Правдоподобно-ли, возможно-ли, чтобы какой-нибудь народъ былъ исключенъ въ продолженіе болѣе срока вѣковъ изъ общаго движенія въ постепенномъ, хотя и незамѣтномъ, видоизмѣненіи? Съ какого права ставятъ

¹⁾ Revue des deux Mondes, 1-er Avril, 1865.

Египеть, ставятъ Китай какъ-бы внѣ человѣчества? Правда, нѣкоторые народы болѣе крѣпко держатся правовъ своихъ предковъ, своихъ традиціонныхъ установленій—они болѣе другихъ консервативны; но, двигаясь медленно на пути развитія, они тѣмъ не менѣе не освобождаются отъ общаго закона. Если нашъ глазъ не замѣчаетъ, какъ движется часовая стрѣлка рядомъ съ секундной, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы она стояла на мѣстѣ. Исторія слишкомъ поторопилась выключить изъ этого закона Китай и Египеть. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ допущена ошибка, объясняющаяся нашимъ невѣжествомъ. Эти страны были слишкомъ мало извѣстны, чтобы можно было уловить характерныя черты, отличающія различные періоды ихъ развитія политическаго и соціальнаго, артистическаго и литературнаго. Оставимъ въ сторонѣ Китай; что-же касается Египта, то, по мѣрѣ того, какъ открываются тайны, заключающіяся въ надписяхъ на камняхъ и папирусахъ, начинаютъ понимать, что его продолжительная жизнь была волнуема подобными же кризисами, какъ и остальные человѣческія общества. На это намекали свѣдѣнія, оставленные намъ греческими историками, но окончательный свѣтъ пролили на этотъ вопросъ открытія послѣдняго двадцатипятилѣтія, относящіяся ко всѣмъ эпохамъ жизни Египта. Отъ нѣкоторыхъ изъ этихъ эпохъ осталась масса памятниковъ, весьма разнообразныхъ и художественной работы, отъ другихъ—весьма мало и плохихъ, или и вовсе ничего не осталось; затѣмъ они снова появляются въ неменьшемъ количествѣ, съ одинаковымъ совершенствомъ исполненные, но уже носящіе на себѣ совершенно другой отпечатокъ.

Эти затмѣнія мысли и искусства, эти контрасты повторяются нѣсколько разъ, и нельзя сомнѣваться, что здѣсь, какъ и вездѣ, величіе смѣнялось упадкомъ, за періодами всесторонняго развитія съ побѣдами и завоеваніями шли тяжелыя години междуусобиць или нашествія дикихъ азіатскихъ кочевниковъ.

Сквозь густой мракъ, закрывающей отдаленное отъ насъ время, мы часто не видимъ причинъ этихъ потрясеній; рѣзкіе переходы ступеньваются; отдѣльныя событія теряются въ длинной вереницѣ столѣтій, но тѣмъ не менѣе однако нельзя не отличить эпохъ прогресса и благополучія отъ эпохъ полнѣйшаго раззоренія страны, моментовъ упадка и возрожденія, чередующихся вплоть до того дня, когда наконецъ, истощенный, угасаетъ геній расы. Документы останавливаются послѣ шестой династїи, ихъ нѣтъ до одиннадцатой, гдѣ начинается Средняя Имперія. Этотъ перерывъ — одна изъ тѣхъ темныхъ пропастей, въ которыхъ теряется нить египетской исторїи, подобно тѣмъ рѣкамъ, которыя пропадаютъ на нѣкоторое время подъ землей и потомъ снова появляются на поверхность ¹⁾.

И такъ, исторія Египта не безцвѣтная и не монотонная; много разъ онъ былъ потрясаемъ такими же переворотами, какъ и народы Запада между царствованіями Траяна и Карла Великаго или какъ Россія въ эпоху монгольскаго нашествія. Эти войны и бѣдствія, прїостанавливаемое и снова начинаемое движеніе цивилизаціи имѣли и здѣсь тѣ же послѣдствія, что и въ

¹⁾ V-te Melchior de Vogüé, *Histoires orientales*. p. 15 (Calmann Lévy, Paris, 1880).

другія времена и у другихъ народовъ. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ столкновеній и смѣшеній произошло много перемѣнъ, какъ въ идеяхъ народа, такъ слѣдовательно и въ пластическомъ выраженіи ихъ, т.-е. въ стилѣ и направленіи искусства. Оиванская могила временъ Рамзеса во многомъ отличается отъ мемфисской болѣе раннихъ временъ, и Новая Имперія не воздвигала такихъ построекъ, какъ большія пирамиды; зато она строитъ храмы невиданной еще до того времени величины и великолѣпія. То же можно сказать и про скульптуру: немного опытному глазу нѣтъ надобности обращаться къ надписямъ, чтобы отличить произведенія Древней отъ Средней Имперіи. Какъ тѣ, такъ и другія ему нельзя смѣшать съ произведеніями саитскаго періода. Разница эта такъ же ощутительна, какъ и та, которая позволяетъ археологу отнести такой-то греческій торсъ ко времени Фидіаса, а такой-то — ко времени Праксителя или Лизиппа. Въ египетскомъ искусствѣ разница зависѣла еще не только отъ времени, но также и отъ мѣста. Такъ, на примѣръ, подъ Узортазенами и Рамзесами скульптура не имѣла одинаковаго характера въ городахъ дельты, въ Мемфисѣ и въ Оивахъ. Статуи, сдѣланныя по приказанію Рамзеса II въ Абидосѣ, отличаются большою элегантностью и чистотой работы, чѣмъ сдѣланныя въ то же время въ Оивахъ.

Если же все это такъ, то какъ объяснить ошибку, въ которую впалъ Платонъ и которую такъ легко приняли на вѣру слѣдующія за нимъ поколѣнія? Объясняется это очень просто. Греки познакомились съ Египтомъ слишкомъ поздно, чтобы получить о немъ правильное понятіе. Во время Платона Египетъ, на пря-

гая остатокъ силъ, напрасно пытается сбросить иго наслѣдниковъ Кира и овладѣть своею независимостью. Приближалось время, когда даже эти попытки будутъ оставлены безповоротно, когда египтяне окончательно помирятся съ мыслью жить подъ началомъ чужестранныхъ царей. Несмотря на блестящую внѣшность, могущую ослѣпить поверхностнаго наблюдателя, настало время разложенія медленнаго, но неизлечимаго.

Нѣсколько лѣтъ послѣ путешествія Платона, оба Нектапебо, въ особенности второй, съ усердіемъ работали надъ починкой древнихъ народныхъ сооружений и надъ возведеніемъ новыхъ, какъ напримѣръ въ Филѣ. Почти по всему Египту разбросаны постройки, отмѣченныя ихъ именами. Но эти работы, начатыя сразу во многихъ мѣстахъ, какъ-бы обнаруживаютъ безпокойство властелина, не имѣющаго подъ ногами твердой почвы, неувѣреннаго въ завтрашнемъ днѣ и пытающагося этой лихорадочной дѣятельностью обмануть самого себя, скрыть свою слабость. Ничего не было, въ самомъ дѣлѣ, менѣе прочнаго, какъ положеніе этого фараона, державшагося съ помощью дорого стоящихъ спартанскихъ и аѳинскихъ кондотъери. Два раза персы были уже въ Египтѣ. При первомъ удобномъ случаѣ азіатскія орды снова могли броситься на эту несчастную страну. Какъ ни слаба была власть персидскаго царя, тѣмъ не менѣе онъ всегда могъ найти охотниковъ, если-бы дѣло коснулось возможности лишній разъ получить долю въ добычѣ, награбленной въ богатыхъ египетскихъ храмахъ. Даже если-бы, сверхъ ожиданія, персы потерпѣли неудачу, то другая опасность, болѣе серьезная, грозила Египту, а именно: небывалые раз-

мѣры, которые принимало владычество грековъ по всему бассейну Средиземнаго моря. Со времени мидійскихъ войнъ языкъ, литература, религія, искусства греческія получали съ каждымъ годомъ все бѣльшее и бѣльшее распространеніе. Можно уже было предвидѣть моментъ, когда первенство грековъ будетъ упрочено славою ихъ оружія и образованіемъ обширной эллинской имперіи. Завоеваніе Египта начато было іонійскими солдатами и купцами, явившимися въ долину Нила при Псамметихѣ, и окончено безъ боя войсками Александра. Дѣло въ томъ, что въ продолженіе трехъсотъ лѣтъ египтяне привыкли къ грекамъ, жившимъ среди нихъ, то какъ купцы, то какъ наемные солдаты, то, наконецъ, какъ любознательные путешественники. Изъ всѣхъ иностранцевъ греки еще были наименѣе ненавистными; по крайней мѣрѣ, взамѣнъ податей и поборовъ, египтяне надѣялись пользоваться при нихъ хорошимъ управленіемъ и полнѣйшей вѣротерпимостью. Греки всегда были настолько умны, чтобы понять въ чемъ заключаются ихъ интересы; они были слишкомъ философы и обладали слишкомъ широкимъ взглядомъ на вещи, чтобы быть фанатиками и преслѣдовать или даже стѣснять національное вѣроисповѣданіе; вмѣстѣ съ тѣмъ они были слишкомъ любознательны, чтобы не относиться со вниманіемъ, весьма похожимъ на искреннее уваженіе, къ цивилизаціи, о глубокой древности которой они догадывались. Выдающіяся изъ нихъ личности всегда были склонны преклоняться передъ ней, подобно тому, какъ преклоняется юноша передъ старцемъ или временщикъ—передъ послѣднимъ потомкомъ древней династіи.

Такимъ образомъ, съ начала IV вѣка до Р. X. до

начала нашего лѣтосчисленія, Египетъ постепенно переходитъ въ руки иностранцевъ. Эѳіопы, ассиріяне, персы поочередно покоряли его и порядочно угнетали. Финикіяне поселились тамъ многочисленной колоніей, а со времени паденія Іерусалима тамъ основалось много евреевъ. Наконецъ, черезъ всѣ эти открытыя бреши, вошли греки и дали почувствовать свое превосходство, превосходство народа, усвоившаго себѣ всѣ полезныя результаты, достигнутыя трудомъ предшествовавшихъ расъ, и оказавшагося такимъ образомъ наиболѣе богатымъ, наиболѣе образованнымъ и сильнымъ, чѣмъ всѣ остальные.

При такихъ условіяхъ Египетъ, разоренный нашествіями, истощенный этимъ медленнымъ вторженіемъ болѣе молодыхъ и дѣятельныхъ элементовъ, утратилъ въ себѣ ту силу и способность, которыя позволяли ему нѣсколько разъ, за время его долгой жизни, расцвѣтать съ новымъ блескомъ, подобно тому, какъ расцвѣтаютъ ежегодно его поля, лишь только спадетъ вода Нила. Если онъ еще держался, то только въ силу привычки, такъ какъ въ дѣйствительности онъ давно уже кончилъ жить. Его народъ представлялъ еще слишкомъ компактное цѣлое, рамки, по которымъ онъ распредѣлялся, имѣли слишкомъ ясную и твердо установленную форму, чтобы люди, которые въ нихъ жили, могли такъ скоро измѣниться. Ученія его жрецовъ были результатомъ слишкомъ продолжительной обработки, и рука его мастеровъ была слишкомъ набита, чтобы зодчіе, скульпторы и художники не продолжали еще долгое время воспроизводить съ какою-то машинною, почти инстинктивною точностью тѣ монументальныя типы,

которые были созданы во времена болѣе счастливыя и плодотворныя. А такъ какъ идеальный міръ народа не обновлялся, то оставалось лишь точно повторять творенія, въ которыхъ выразился, прежде чѣмъ истощиться, народный геній, облекши въ пластическія формы свои послѣднія самобытныя идеи.

Въ эпоху саитскихъ царей, во время Псамметиха и Неко, Априеса и Амазиса, Египетъ, освобожденный отъ своихъ враговъ и завладѣвшій даже Сиріей и Кипромъ, поднялъ голову и съ надеждою сталъ смотрѣть на будущее. Этотъ періодъ могущества отразился конечно и на искусствѣ, которое за эти полтора ста лѣтъ успѣло выработать свой собственный стиль. Во время же позднѣйшихъ интерваловъ отдыха и независимости, находясь подъ постояннымъ страхомъ персидскаго нашествія, духъ изобрѣтенія и обновленія совершенно исчезаетъ, — заняты преимущественно копіями съ памятниковъ двадцать шестой династіи. Искусство теперь — не что иное, какъ собраніе приемовъ, преподаваемыхъ въ мастерскихъ теоретически и практически; это — рутинная, причемъ мастерство исполненія можетъ быть доведено до совершенства при полнѣйшемъ отсутствіи въ произведеніи личности. Наблюдать и справляться съ природой и не думаютъ; знаютъ, что человѣческой образъ долженъ быть раздѣленъ на столько-то частей; знаютъ, что для представленія такого-то или такого бога требуется придать ему такое или иное положеніе и тѣ или иные атрибуты. Такимъ образомъ высѣкаютъ статую по давно установленному рецепту. Египетское искусство усвоило совершенно условный характеръ и болѣе уже не разставалось съ нимъ. Само-собою разумѣется, что то же

самое было и во времена Діодора. Скульпторы, которыхъ видѣлъ въ царствованіе Августа этотъ историкъ за работой въ Мемфисѣ и въ Оивахъ, высѣкали статую совершенно такимъ же образомъ, какъ въ наши дни готовятъ на какой-нибудь фабрикѣ отдѣльныя части машины, не задумываясь долго, съ навыкомъ въ рукѣ, присущимъ болѣе работнику, чѣмъ художнику ¹⁾. Они уже не ищутъ ничего. До нихъ, много вѣковъ тому назадъ, была найдена точная форма и наиболѣе удачныя пропорціи.

Однако, для того чтобы найти, надо было искать. Допустимъ, что насталь когда-то день, когда условность начала преобладать въ египетскомъ искусствѣ; но вѣдь точно такъ же, какъ и всякое другое искусство, оно не могло начать прямо съ условности.

Всякое произведеніе искусства есть интерпретація природы. Возьмемъ, на примѣръ, человѣческій образъ. Въ одно и то же время, у одного и того же народа онъ почти-что, въ большинствѣ случаевъ, одинаковъ, а между тѣмъ нельзя найти двухъ независимыхъ художниковъ, которые глядѣли-бы на него одинаково. Одинъ изъ нихъ обратитъ свое вниманіе на одни его качества и не коснется другихъ, которыя именно и работаетъ другой художникъ, хотя и его современникъ. Первый будетъ преслѣдовать въ своемъ произведеніи исключительно красоту формъ, второй выставитъ на первый планъ колоритъ или выраженіе мысли и страсти. Оригиналъ останется все тотъ же, воспроизведенія же будутъ весьма разнообразны. Если разница ощу-

¹⁾ Діодоръ, I, 98.

тительна въ произведеніяхъ разныхъ мастеровъ одного и того же народа, то произведенія различныхъ народовъ отличаются другъ отъ друга еще больше; напримеръ, искусство египетское отъ ассирійскаго или греческаго, искусство древнее — отъ современнаго. Если произведенія одного и того же народа и одного и того же времени представляютъ между собой большое сходство, то изъ этого слѣдуетъ заключить, что современники и соотечественники смотрятъ на вещи, если можно такъ выразиться, сквозь одинаковыя стекла, окрашенные цвѣтомъ ихъ національнаго генія; при изученіи оригиналами двигаютъ одинаковыя наклонности, одинаковыя предразсудки и предубѣжденія. Однако, у народовъ хорошо одаренныхъ, въ обществахъ, гдѣ искусство занимаетъ видное мѣсто, образуются одновременно или послѣдовательно группы, называемыя *школами*; каждая изъ этихъ группъ, обращаясь снова къ природѣ, думаетъ передать ее вѣрнѣе, чѣмъ дѣлали то ея предшественницы, извлечь изъ нея новые типы, которые лучше бы отвѣчали вкусамъ публики, для которой она работаетъ. Въ произведеніяхъ различныхъ школъ есть много общаго, что объясняется тождествомъ расы и вѣрованій; но есть также и различіе, что зависитъ или отъ разновидностей среды или отъ личнаго вліянія выдающагося человѣка. Пока нарождаются школы, искусство еще живетъ; оно движется, есть прогрессъ; но рано или поздно настаетъ моментъ, когда это оживленіе истощается и пропадаетъ. Общество утомлено, оно ветшаетъ и лишается своей производительной силы. Но прежде чѣмъ обнаружится это утомленіе, въ послѣдніе дни силы и плодovitой зрѣлости часто случается, что

какая-нибудь блестящая и богатая школа совокупностью удачно выбранныхъ и хорошо соединенныхъ формъ вѣрно передастъ наиболѣе дорогіе ея современникамъ идеалы и наиболѣе близкіе ихъ сердцу образы и представленія. Если эта передача удовлетворительна во всѣхъ отношеніяхъ, зачѣмъ искать другой и рисковать найти хуже? говоритъ народъ, признаваясь этимъ въ своемъ безсиліи. Такимъ образомъ это пластическое выраженіе высшихъ идей народа принимаютъ, какъ послѣднее его слово; съ этихъ поръ будетъ единовластно царить условность. Итакъ, условность въ этомъ смыслѣ есть предвзятая система, которая освобождаетъ художника отъ обращенія за справками къ природѣ.

Подобный переворотъ не совершается въ одинъ день; не сразу достигаетъ искусство способности установиться въ рамкахъ чисто механической сноровки. По мѣрѣ того какъ народъ старѣетъ, условность возрастаетъ какъ въ искусствѣ, такъ равно и въ литературѣ. Всякая великая эпоха и всякая выдающаяся школа передаетъ въ потомство послѣдующимъ поколѣніямъ типы, которые произвели сильное впечатлѣніе, которые поразили воображеніе толпы. Чѣмъ дольше народъ живетъ, тѣмъ многочисленнѣе эти типы и тѣмъ труднѣе освободиться отъ обаянія ихъ красоты, избѣжать ихъ вліянія, почти что давленія. Въ извѣстной степени освободиться отъ нихъ народу удастся лишь въ томъ случаѣ, если онъ будетъ обновленъ смѣшеніемъ съ новыми расами, или если произойдетъ сильное философское и религіозное движеніе, что случилось для западныхъ народовъ въ первые вѣка нашей эры, во время установленія христіанства, вторженія варваровъ и паденія Римской Имперіи.

Египетскій народъ, благодаря исключительнымъ условіямъ, въ какихъ ему пришлось жить, сьумѣлъ съ необыкновеннымъ упорствомъ сохранить оригинальность своего генія и своихъ учрежденій. Послѣ каждаго нашествія и каждаго переворота онъ тотчасъ же принимался за возстановленіе нарушеннаго и снова связывалъ концы порванной цѣпи старинныхъ традицій. Несмотря на многочисленныя смѣшенія съ иностранными племенами, основаніе расы осталось то же со временъ глубочайшей древности и до нашихъ дней; пришлые элементы были поглощены и пропали въ массѣ, не оставивъ по себѣ никакихъ замѣтныхъ слѣдовъ. Всякій разъ, когда энергическая и могущественная династія изгоняла иноплеменцевъ, клала предѣлъ раздробленію и восстанавливала единство, то первое, за что брались египтяне, это за реставрацію во всѣхъ направленіяхъ и, такимъ образомъ, всякій разъ неуклонно возвращались къ порядку вещей, оставшемуся дорогимъ для его народной гордости. Достигнувъ такъ рано цивилизаціи, которая долгое время была единственной въ свѣтѣ, народъ этотъ искалъ идеаловъ въ своемъ прошломъ, столь богатомъ событіями и столь славномъ, идеаловъ, которыхъ онъ настойчиво держался среди всякихъ препятствій и несчастій; онъ обращалъ свои взоры всегда назадъ, на своихъ первыхъ фараоновъ, которые представляли предъ его глазами видоизмѣненными, вслѣдствіе отдаленности времени, но не исчезали изъ памяти, вслѣдствіе вѣковѣчнаго культа, въ честь ихъ установленнаго.

Всякая реставрація есть плодъ болѣе или менѣе суетвѣрнаго и слѣпаго поклоненія тому прошлому, за возстановленіе котораго принимаются. Это можно видѣть

въ дѣлѣ политики и религіи, а равнымъ образомъ и въ искусствѣ. Каждая изъ династій, поднимавшая Египетъ изъ пепла и развалинъ, реставрировала храмы и возобновляла статуи боговъ или предковъ, поваленныя и разбитыя варварами; всякій разъ, когда хотѣли строить новый храмъ или поставить новое изображеніе фараона, то первая мысль художниковъ и архитекторовъ была обратиться къ памятникамъ старины и постараться достигнуть того же совершенства исполненія. Конечно, пока еще Египетъ сохранялъ свою энергію и жизненность, потребности времени и внѣшнія вліянія вводили нѣкоторыя измѣненія въ расположеніи зданій или въ орнаментѣ, въ позѣ статуи или въ ея экспрессіи. Прежніе типы не копировались рабски; но не могли устоять передъ соблазномъ приблизиться къ нимъ, искать въ нихъ точку отправленія для новыхъ попытокъ, которыя ставились на очередь прогрессомъ. Зданія или статуи— все получало тѣсную связь съ тѣмъ, что осталось отъ предъидущихъ поколѣній; въ результатѣ необходимо оказывалось, что при каждомъ новомъ начинаніи на первомъ мѣстѣ была имитация. Всякая новая школа принимала въ извѣстной степени на вѣру архитектурныя правила, на которыхъ остановилась ея предшественница, а равнымъ образомъ и ея манеру понимать природу. Другими словами—съ первыхъ шаговъ условность занимала въ ея произведеніяхъ видную долю. При каждомъ возрожденіи эта доля лишь увеличивалась. Къ формамъ и къ приемамъ интерпретаціи, доставшимся отъ предшественниковъ, прибавлялись новые, которые передавались въ свою очередь. Послѣ всякаго интервала, послѣ всякаго перерыва въ жизни народа, когда снова

брались за рѣзецъ или кисть, вліяніе прошедшаго все болѣе и болѣе давало себя чувствовать. Такимъ образомъ, съ одной стороны, тѣ изъ древнѣйшихъ элементовъ, которые вкоренились въ силу самаго факта этой многолѣтней передачи, приобрѣли такое обаяніе и авторитетъ, которые ставили ихъ внѣ критики; съ другой—это наслѣдіе признанныхъ принциповъ и обязательныхъ традицій увеличивалось съ каждымъ вѣкомъ и все болѣе и болѣе стѣсняло художника, отнимая у него свободу. Когда настало время упадка, когда ослабѣли народныя силы, позволявшія прежде, время отъ времени, проявлять нѣкоторую независимость, условность простерла свои права на все, точно опредѣливъ и предусмотрѣвъ всякій шагъ, всякое движеніе исполнителя. Когда Платонъ посѣтилъ Египетъ, школы ваятелей были не болѣе, какъ, такъ сказать, хранилищами искусствъ и ремесль. Ученики въ нихъ получали отъ своихъ учителей и передавали слѣдующимъ поколѣніямъ цѣлый запасъ рецептовъ и предписаній, приложимыхъ ко всякимъ случаямъ и не оставлявшимъ ни малѣйшаго непредусмотрѣннаго мѣста.

Это было именно то время, когда греческое искусство росло и развивалось съ каждымъ поколѣніемъ съ удивительною быстротой и силой. За школой Фидіаса въ Аѳинахъ, гдѣ находилось еще такъ много произведеній архаическихъ мастеровъ, слѣдовали школы Праксителя и Скопаса. Находили возможность улучшать то, что было совершенствомъ. То, чего Платонъ не видалъ и чего онъ не могъ видѣть, наскоро посѣщая египетскіе города, это то, что въ Египтѣ также происходили измѣненія, что тамъ также были различныя школы съ

различными оттѣнками, менѣе яркія, а главнымъ образомъ, не такъ быстро смѣнявшія одна другую, какъ у грековъ, но тѣмъ не менѣе опутительныя для того, кто умѣетъ наблюдать. Впрочемъ, египтологамъ нашихъ дней и легче замѣтить эти разнообразія; въ наше время появились на свѣтъ памятники, которыхъ Платонъ не видалъ. Я говорю про памятники Древней Имперіи, замурованные въ стѣнахъ и лежавшіе на днѣ могильныхъ колодезевъ. Если-бы Платонъ ихъ видѣлъ и посмотрѣлъ-бы на нихъ съ нѣкоторымъ вниманіемъ, то конечно легко отличилъ-бы ихъ отъ тѣхъ, которые фабриковались на его глазахъ рабочими Нектанебо.

Это искусство, современное пирамидамъ, обладающее въ высшей степени тѣми качествами, въ которыхъ привыкли отказывать произведеніямъ Египта, хорошо извѣстно теперь, благодаря раскопкамъ Мариетта и Булакскому музею; но еще до появленія его на свѣтъ изъ глубины могилъ Хеопса, Хефрена и ихъ подданныхъ, историкъ могъ-бы угадать съ помощью аналогій и опредѣлить по теоріи вѣроятностей его основной, первобытный характеръ. Всякое развитіе искусства—коснется-ли дѣло отдѣльной личности или цѣлой націи — если оно не обрывается внезапно, а продолжаетъ идти по естественному направленію; рано или поздно, но неминуемо окончится условностью, или говоря языкомъ критики, „манерой“; но нельзя допустить, чтобы прямо было начато съ этого. Начинаютъ всегда работать съ полной добросовѣстностью и передавать то, что видятъ. Произведеніе отличается сначала крайнею неуклюжестью и изображеніе очень несовершенно. Далѣе—пробуютъ различные способы; склоняются то въ пользу одного, то въ

пользу другаго; безпрестанно возвращаются къ природѣ, изучаютъ ее со всѣхъ сторонъ. Не легко дается природа въ руки, но настойчивость и добросовѣстность двигаютъ дѣло впередъ.

Всякое произведеніе, носящее на себѣ отпечатокъ этого наивнаго и честнаго усилія, интересно; время же, когда начинаютъ появляться образцовыя произведенія, относится къ концу этого періода, когда глазъ становится уже настолько вѣрнымъ, а рука—настолько твердою, чтобы сьумѣть точно передать оригиналь, красота котораго или значеніе подѣйствовали на воображеніе художника. Онъ успѣваетъ въ своемъ предпріятіи, подъ условіемъ ни на минуту не терять изъ виду оригинала и не переставая изучать его со страстнымъ вниманіемъ. Со временемъ эта внимательность ослабнетъ, покажется излишнимъ и стѣснительнымъ это постоянное сличеніе подлинника съ копіей. Изъ различныхъ способовъ передачи природы, которыми владѣетъ скульптура, будетъ сдѣланъ выборъ. Останавливаясь на извѣстныхъ чертахъ, воспроизводимыхъ чаще другихъ, образуются типы, которые съ этихъ поръ будутъ безпрестанно повторяться, какъ будто они въ состояніи охватить безконечное разнообразіе природы, какъ будто они способны ее исчерпать. Что касается Египта, то здѣсь даже открытія, которыя относятся къ самымъ отдаленнымъ эпохамъ, не позволяютъ намъ уловить, какъ на примѣръ въ Греціи, первый лепетъ пластическаго генія, первые удары долота или кисти, но относятъ насъ къ концу того времени, которое обыкновенно называется архаическимъ, ко времени, составляющему для Египта то, что представляетъ для Греціи V столѣтіе, т.-е. вѣкъ совершенства. Еги-

петскій народъ тогда еще уже слишкомъ долго жилъ и слишкомъ много работалъ, чтобы не наложить на свои произведенія одного общаго и постоянного отпечатка. Въ области пластики, какъ и въ области поэзіи, у него уже былъ свой стиль, весьма оригинальный и своеобразный; этотъ стиль уже былъ установленъ, но онъ еще не застывалъ тогда въ нѣмой неподвижности, не отказывался отъ свободы и не говорилъ своего послѣдняго слова.

И такъ, переступая порогъ Булакскаго музея, должно припомнить эти двѣ оговорки и съ большимъ вниманіемъ обозрѣть памятники египетскаго искусства, относящіеся къ первымъ династіямъ, т.-е. тѣ, которые, какъ было сказано выше, ближе стоятъ къ природѣ и менѣе носятъ на себѣ признаковъ условности, выразившейся въ этой одервенѣлости формъ и отсутствіи жизни—признакахъ, ставшихъ отличительными въ позднѣйшихъ египетскихъ произведеніяхъ.

Въ Булакскомъ музеѣ, основанномъ Маріеттъ-пашей при Мохаммедъ-Саидъ-пашѣ, собрано все найденное за послѣднія двадцать пять лѣтъ въ Саккарскомъ некрополѣ, въ гробницахъ сосѣднихъ съ большими пирамидами, въ Оивахъ, въ Абидосѣ, въ Элефантинѣ, въ Напата, въ Танисѣ (въ Нижнемъ Египтѣ) и пр. Каталогъ музея, составленный Маріеттомъ, представляетъ обширную книгу въ 350 страницъ in 8°. Онъ содержитъ описаніе 986 предметовъ, состоящихъ изъ статуй, барельефовъ, стеллъ и надписей, саркофаговъ и мумій, столовъ для жертвоприношеній и другихъ различныхъ вещей, какъ-то: бронзовые, фаянсовые и фарфоровые сосуды, терракоты, фигурки изъ вызолоченнаго или выкрашен-

наго дерева, погребальныя урны, вазы изъ массивнаго серебра, жуки (scarabée) изъ порфира и изъ эмалированнаго шифра, статуетки изъ известняка, изъ алебастра, изъ зеленого базальта, изъ гранита, изъ серпентина; папирусы, чашки изъ кости, оболочки мумій, флаконы для сурьмы, назначавшейся для подкрашиванія рѣсницъ, шкатулки изъ цвѣтнаго дерева, печати изъ лаписъ-лазури, амулеты изъ зеленого фарфора — для бѣдныхъ, и изъ зеленого фельдшпата — для богатыхъ, кружки изъ яшмы, топоры съ рукоятками изъ прозрачнаго рога, ожерелья , наперсія , наконецъ всякаго рода драгоценныя вещи, эмблемы и талисманы. Среди этихъ послѣднихъ находятся: красный дискъ — символъ восходящаго солнца, мистическій глазъ или глазъ Хоруса, относящійся къ идеѣ чистилища и означающій благоприятный исходъ періода очищенія, который должна пройти душа, прежде чѣмъ успокоиться на лонѣ высшаго божества, изголовіе , означающее вѣчное спокойствіе, котораго достигнетъ праведникъ, крестъ съ ушкомъ — эмблема вѣчной жизни; этотъ крестъ всегда вѣшался на шею муміямъ; *totz* или нилометръ — эмблема постоянства, царская картуша — эллиптическая фигура, въ которую вписывалась группа іероглифическихъ знаковъ, изображавшихъ имя фараона. Греко-египетскій грамматикъ Хораполлонъ сравниваетъ эту фигуру съ греческой змѣей, держащей зубами свой хвостъ и изображающей безконечность. Кромѣ

того — кольца отъ поясовъ, символическій смыслъ которыхъ не выясненъ, сердца сдѣланныя изъ разныхъ матеріаловъ съ изображеніями жука или птицы *Бенну* , пиголицы, которую уподобляютъ баснословному *фениксу* классическихъ преданій, и означавшія средоточіе жизни, и цѣлый выборъ головныхъ уборовъ для боговъ, коробокъ въ видѣ саркофаговъ, моделей сандалій, служившихъ эмблемой тріумфа надъ побѣжденными врагами, набальзамированныхъ ибисовъ, мумій крокодиловъ и ястребовъ, — египтяне думали, что всѣ ястреба — самки и поэтому сдѣлали изъ нихъ эмблему материнства, — коровьихъ головъ, шахматныхъ досокъ, зеркаль съ головою Хаторъ (Венеры) или съ головою Беса. Наконецъ, здѣсь находится масса изображеній животныхъ, имѣющихъ равнымъ образомъ символическое значеніе: заяцъ съ большими ушами, ихневмонъ (фараонова мышь), шакаль, павіанъ (обезьяна), свинья, кошка — эмблема чистоты, гусь, баранъ, землеройка и прочія.

Но главный интересъ Булакского музея заключается въ тѣхъ предметахъ, которыхъ нельзя встрѣтить ни въ одномъ европейскомъ музеѣ. Я говорю про скульптуру Древней Имперіи, про памятники искусства, процвѣтавшаго во времена первыхъ десяти династій. Памятники восемнадцатой и слѣдующихъ за нею династій можно найтти вездѣ, но статуи — современницъ пирамидамъ — можно видѣть лишь здѣсь и, если не ошибаюсь, только одну — *la Scribe* въ Луврѣ. „Египтяне, какъ кажется, говоритъ Charles Blanc, начали съ того, чѣмъ кончаютъ остальные народы“. Чѣмъ древнѣе ихъ произведенія,

тѣмъ они прекраснѣе; доказательствомъ служить удивительная статуя Хефрена, найденная на днѣ колодца въ храмѣ большаго сфинкса, а также знаменитая статуя

Статуя Ра-эмъ-ке.

трехъ метровъ вышины, найденная въ одной изъ мемфисскихъ могилъ IV-й династii и имѣющая, слѣдовательно, около 6000 лѣтъ. Она изображаетъ важную

особу, лѣтъ шестидцати, какого-нибудь губернатора, который идетъ съ палкой въ рукѣ осматривать ввѣренныя ему фараономъ — его господиномъ — владѣнія, которыми онъ управляетъ съ добродушною твердостью и бдительностью, написанными на его лицѣ. *Ра-эмъ-ке* — его имя. Его обнаженный полный торсъ дышетъ благосостояніемъ, талія охвачена узкой юбочкой *шенти* , спускающейся до колѣнъ и составлявшей не мудрой, но удобный костюмъ, который носили въ Египтѣ до первыхъ вѣковъ нашей эры. Его лицо, жирное, но тонкое — необыкновенно внимательно и пріятно, а глаза, сдѣланные изъ горнаго кристала, оживляютъ его умнымъ, энергическимъ выраженіемъ. Когда статуя была покрыта тонкимъ слоемъ гипса и раскрашена подъ цвѣтъ кожи со всѣми ея оттѣнками, она должна была представлять портретъ или скорѣе факсимиле поразительнаго сходства ¹⁾. Таковы были произведенія этого искусства, въ основаніи котораго лежало терпѣніе и наблюдательность; но двигателемъ этого добросовѣстнаго реализма была идея полезнаго. Въ самомъ дѣлѣ: въ гробницѣ надо было сохранить не только тѣло неиспортившимся, но также имя, привычки и живой обликъ умершаго; только подъ этимъ условіемъ можно было достигнуть обѣщаннаго безсмертія. И если въ этомъ изобиліи портретовъ, барельефовъ и картинъ видѣть лишь проявленіе

¹⁾ Удивительно, какъ отличительныя черты расы мало измѣнились въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Египта. Когда была открыта эта статуя, то феллахи, работавшіе подъ начальствомъ Мариетта, пораженные ея сходствомъ съ ихъ шейкомъ, думали, что это его портретъ, и въ одинъ голосъ называли ее *Шейкъ-аль-Беледъ* — именемъ своего шейка.

роскоши и тщеславія, то могилы не были бы такъ хорошо спрятаны и задѣланы, чтобы требовались самыя тщательныя изысканія, а часто просто случай, благодаря которому и открыто большинство древне-египетскихъ тайниковъ.

Этотъ почтенный предокъ лежалъ въ могилѣ вмѣстѣ съ своей женой, бюстъ которой находится также въ музеѣ. Ея весьма красивое лицо съ немного сардоническимъ и капризнымъ выраженіемъ, носитъ отпечатокъ болѣе благородной крови, чѣмъ ея мужа. Можетъ быть, это какая-нибудь царская дочь, выданная замужъ за вліятельнаго сановника, какъ это случалось иногда. Что же касается статуи самого Ра эмъ ке, то на нее можно смотрѣть, какъ на послѣднее слово правды; никогда не шли и никогда не пойдутъ дальше въ прочувствованной, хотя и наивной, передачѣ природы. Живая, говорящая, дышащая фигура его отличается, кромѣ того, удивительно удачнымъ соединеніемъ лица съ формами тѣла и позою: добродушіе и благосостояніе, написанныя на его лицѣ, выражаются также и въ его полномъ тѣлѣ и въ спокойной походкѣ; и если его глаза блестятъ, то не потому только, что зрачки ихъ сдѣланы изъ горнаго кристала, а потому, что уравновѣшенныя отправления въ здоровомъ тѣлѣ порождаютъ умъ и блескъ взгляда.

Но если наивность понятна въ произведеніи столь отдаленныхъ временъ, то можно ли безъ удивленія смотрѣть на статую Хефрена, строителя второй пирамиды, статую, олицетворяющую это спокойное величіе, эту грандіозность линий, эту умѣренность въ деталяхъ, однимъ словомъ, этотъ стиль, котораго самыя знамени-

тыя школы достигаютъ лишь послѣ вѣковаго изученія и исканія? Замѣтимъ здѣсь, что стиль этотъ произошелъ не отъ немощи мастера справиться съ твердостью матеріала, а отъ его желанія остаться простымъ и великимъ въ изображеніи фараоновъ и боговъ. Но если это такъ, то куда же надо отнести дѣтство египетскаго искусства, если 6000 лѣтъ тому назадъ оно было въ періодѣ полного блеска и развитія! Когда же жили предтечи, если мастера уже жили во времена второй пирамиды? „Что самое удивительное въ этой загадочной цивилизаціи, говоритъ Э. Ренанъ, это то, что у нея нѣтъ дѣтства“.

Каково было удивленіе и радость Мариетта, когда, расчищая храмъ у ногъ Гизехскаго сфинкса, онъ увидалъ на днѣ стариннаго колодца эту чудную статую изъ діорита, съ картушею фараона Хафра — знаменитаго Хефрена! Это было цѣлое открытіе, потому что съ этой статуей появился на свѣтъ идеаль первоначальнаго египетскаго искусства, извѣстнаго до тѣхъ поръ лишь по немногочисленнымъ и плохо сохранившимся образцамъ. Здѣсь же предстало передъ глазами произведеніе, изваянное изъ твердѣйшаго камня могучимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ тонкимъ рѣзцомъ. Никакой искусственности въ композиціи, поза фигуры — простая и величественная. Чувствуется, что рутина и устарѣлая традиція не касались этого шедевра, а что опытная рука мастера, съ искренностію и съ необыкновенною силой наблюдательности передававшаго природу, живо изобразила индивидуальность оригинала и тѣмъ самымъ достигла почти совершенства.

Равнымъ образомъ въ Европѣ художники конца

среднихъ вѣковъ, копировавшіе уже прилежно природу,

Статуя Хефрена.

оставили по себѣ творенія поражающей выразительности, хотя въ то же время они совершенно не умѣли

располагать своихъ лицъ и обращаться съ перспективой. Но даже эта нерѣшительность и наивность придавали произведенію лишнюю грацію и прелесть.

Голова Хефрена, съ твердымъ и спокойнымъ лицомъ, покрыта царскимъ клафтомъ, — головной уборъ пирамидальной формы, спускающійся до плечъ, обрамляя съ обѣихъ сторонъ лицо. Оригинальность чертъ лица указываетъ, что это портретъ; тѣло, выдѣланное съ большою тщательностью, отмѣчено отличительными признаками египетскаго тѣлосложенія; поза весьма выразительна. Глядя на него, приходитъ въ голову, что стоишь передъ образомъ бога, ясно смотрящаго впередъ и видящаго до дна эту вѣчную жизнь, которою онъ владѣетъ и которая окружаетъ его атмосферой всемогущества и величія, производящаго впечатлѣніе еще до сихъ поръ. Таковыми должны были казаться среди ихъ храмовъ и дворцовъ эти фараоны, неподвижные и уединенные, парившіе надъ толпой рабовъ и низкопоклонниковъ, тяготѣвшихъ въ вѣчно неизмѣнномъ порядкѣ къ трону.

На днѣ того-же колодца было найдено еще восемь статуй того же фараона, но сильно попорченныхъ. Г. Роне думаетъ, что онѣ были брошены туда во время какой-нибудь народной вспышки или азіатскими кочевниками, столько разъ раззорявшими Египетъ. По словамъ Маріеттъ-паши, открытіе этихъ статуй есть цѣлое событіе: „прекрасныя сами по себѣ, онѣ остаются такими при сравненіи ихъ съ произведеніями династій, которыя, какъ думаютъ, представляютъ цвѣтушія времена Египта. Кромѣ того, онѣ имѣютъ еще то преимущество, что, такъ сказать, во-очію свидѣтельствуютъ

о серьезной и далеко ушедшей цивилизаціи ихъ современниковъ. Наконецъ, онѣ дополняютъ исторію новой главой, доказывая, что въ моментъ, когда Хефренъ украшалъ храмы своими статуями, Египетъ носилъ уже въ себѣ зародышъ этой медленной работы священнической касты, которая сковала въ немъ все, облекши въ формулы какъ искусство, такъ и вѣру, и что тогда уже Египетъ попалъ въ эти рамки, чтобы не выходить изъ нихъ въ продолженіе четырехъ тысячъ лѣтъ¹⁾. Относительно этого можно сказать, что если сацердотальная каста кончила тѣмъ, что поработила весь Египетъ, то виноватъ здѣсь отчасти и характеръ націи, которая поддавалась этому вліянію и не имѣла въ себѣ той духовной мощи, которая порождаетъ гениальныхъ людей и дѣлаетъ народы свободными.

Итакъ, уже въ началѣ тѣхъ временъ, о которыхъ исторія могла сохранить воспоминаніе, египетское искусство достигло такой степени совершенства, далѣе которой оно не пошло: тамъ работали уже превосходные портреты не только изъ дерева и известняка, но и изъ самага твердаго камня. Изъ этого можно вывести заключеніе, что египетскіе жрецы не ошибались, когда говорили Платону, что ихъ исторія охватываетъ десять тысячъ лѣтъ: въ самомъ дѣлѣ, сколько надо времени, чтобы дикій народъ достигъ цивилизаціи, способной производить серьезныя вещи безъ эксцентричностей и безобразныхъ формъ, шедевры, подобные статуямъ Хефрена и Ра-эмъ-ке, или колоссальныя и требующія громадныхъ свѣдѣній, какъ пирамиды! Впрочемъ, теперь

¹⁾ *Lettres sur les fouilles.* (Revue archéolog., 1860).

почти доподлинно извѣстно, что первая династія, отдѣленная отъ насъ семью тысячами годовъ, основалась вслѣдствіе государственнаго переворота, упрочившаго монархическое правленіе на мѣсто олигархическаго, существовавшаго, можетъ быть, многія тысячи лѣтъ. Предположеніе это можно смѣло принять въ виду того, что первые предки египтянъ, пришедшіе съ сѣвера въ дикихъ и немногочисленныхъ, какъ во всякой иммиграціи, ордахъ, должны были сильно умножиться, чтобы населить всю долину Нила, затѣмъ выйти изъ дикаго состоянія варварскихъ племенъ, враждующихъ между собой, и придти къ формѣ правленія, относительно совершенной—къ правильной однородной монархіи ¹⁾. Другое подтвержденіе этой древности Египта мы имѣемъ въ надписи, открытой Маріеттомъ близъ большой пирамиды. Въ ней сказано, что „царь Хуфу (Хеопсъ), ея основатель, расчистилъ храмъ Изиды, расположенный около сфинкса, и возобновилъ божественныя приношенія, выстроивши при этомъ и свой храмъ изъ камня“, и пр. Тамъ же упоминается и о колоссальномъ Гизехскомъ сфинксѣ: „мѣсто сфинкса Хоръ-эмъ-кху (Армахисъ)—на югъ отъ храма Изиды, которой посвящена пирамида“ и пр. „Хеопсъ, говоритъ Маріеттъ, реставрировалъ храмъ *уже существовавшій*, учредилъ въ немъ священныя приношенія и возобновилъ золотыя, серебряныя, бронзовыя и деревянныя статуи, украшавшія святилище... Такимъ образомъ мы видимъ, что въ ту эпоху, столь баснословно отдаленную (4000 лѣтъ до Р. Х.), египет-

¹⁾ См. *Les Antiquités historiques d'après les sources égyptiennes*. M. Chabas.

ская цивилизація была уже во всемъ своемъ блескѣ. Не лишнее здѣсь прибавить, что большой сфинксъ, лежащій около пирамидъ, относившійся прежде ко времени Тутмеса III, потомъ Хефрена, упоминается въ этомъ же документѣ, какъ одинъ изъ памятниковъ, которые поправлялъ Хеопсъ⁴⁾.

Приступая къ описанію египетскихъ памятниковъ и будучи вынужденнымъ постоянно упоминать про фараоновъ той или другой династіи, считаю умѣстнымъ указать вкратцѣ главные фазисы исторіи Египта. Если эта исторія долгое время казалась неподвижною и пустою, то зависѣло это отъ того, что до послѣдняго времени знали лишь о ея протяженіи, о внутренней же ея жизни не знали ничего и, основываясь на кажущемся однообразіи ея памятниковъ, не замѣчали отмѣченныхъ на нихъ глубокихъ видоизмѣненій, въ которыхъ отразились слѣды перипетій жизни народа. Египетская исторія, далеко не монотонная, представляетъ еще одинъ немаловажный интересъ: она позволяетъ слѣдить за развитіемъ самобытнаго народнаго генія, остававшагося въ продолженіе столькихъ столѣтій недоступнымъ для иностраннаго вліянія.

Благодаря успѣхамъ египтологіи, основанной Шамполлиономъ, теперь можно поставить каждый на свое мѣсто всѣ эти памятники, перепутанные прежде по отношенію ко времени ихъ постройки, и установить хронологическій порядокъ, слѣдя за которымъ, глазъ наблюдателя можетъ уловить прогрессивное измѣненіе, зависѣвшее отъ внутреннихъ, а равно и внѣшнихъ причинъ.

Однако какъ-бы ни было свидѣтельство іероглифическихъ надписей важно, тѣмъ не менѣе ихъ еще недостаточно, чтобы можно было безспорно установить хронологически наиболѣе отдаленныя событія; недостають точекъ опоры, чтобы опредѣлить ихъ соотношеніе, и, въ ожиданіи открытія новыхъ папирусовъ и надписей, приходится довольно часто прибѣгать къ осторожному умолчанію. «При данномъ положеніи науки, говоритъ самъ Мариеттъ-паша, довольно легко опредѣлить династію, во время которой былъ воздвигнутъ извѣстный памятникъ. Но если эта династія относится къ эпохѣ до XVIII династіи (прибл. XVII вѣковъ до Р. X.), то опредѣлить годъ невозможно, не рискуя впасть въ ошибку. Что же касается точнаго опредѣленія времени, въ продолженіе котораго царствовала та или другая фамилія, или опредѣленія года постройки того или другого памятника, то я долженъ предупредить, что обо всемъ, что

⁴⁾ *Itinéraire de la H. Égypte*, p. 66.

стоитъ ранѣе востшествія Псамметиха I-го (665 г. до Р. Х.), можно говорить лишь приблизительно; неопредѣленность становится конечно все больше по мѣрѣ отдаленія. Египетская хронологія представляетъ затрудненія, которыхъ никому еще не удалось побѣдить. Дѣло въ томъ, что обыкновеніе исчислять время царствованіями фараоновъ было препятствіемъ къ установленію календари, и нѣтъ никакого основанія думать, что у египтянъ было правильное лѣтосчисленіе. Единственнымъ путеводителемъ среди этой тьмы остается Манетонъ, къ несчастію, сильно искаженный хронографами христіанской эпохи, въ чьихъ выпискахъ онъ исключительно и сохранился». Вслѣдствіе этого слѣдуетъ смотрѣть на точныя цифры, приводимыя въ сочиненіяхъ современныхъ египтологовъ, скорѣе какъ на относительные сроки, опредѣляющіе приблизительно интервалы, чѣмъ какъ на абсолютно вѣрныя данныя. Все, что можно утверждать, это то, что историческая эпоха для Египта начинается съ I-й династіи, основанной *Менесомъ*, соединившимъ подъ однимъ скипетромъ Верхній и Нижній Египетъ. Что же касается того періода, который предшествовалъ этому воцаренію и во время котораго формировался египетскій народъ, пришедшій наконецъ въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, къ единодержавной формѣ правленія, то о немъ неизвѣстно ничего положительнаго. Будущія раскопки откроютъ, можетъ быть, первоначальные опыты арханческаго искусства и письма, зародышныя формы которыхъ прольютъ болѣе яркій свѣтъ на вѣроятное азіатское происхожденіе египтянъ.

Здѣсь я ограничусь краткимъ перечнемъ главныхъ эпохъ египетской исторіи въ томъ видѣ, какъ предлагаетъ Мариеттъ-паша. Тридцать четыре династіи могутъ быть раздѣлены на пять главныхъ періодовъ, изъ коихъ каждый начинается временемъ возрожденія и оканчивается какою-нибудь большою катастрофой:

- I. *Древняя Имперія*. Отъ I-й династіи до XI-й (исключительно) или отъ I-го вѣка до Р. Х. до XXX го; продолж. приблизительно 2000 лѣтъ.
- II. *Средняя Имперія*. Отъ XI-й династіи до XVIII-й (искл.) или отъ XXX-го вѣка до XVII-го до Р. Х., продолж. отъ 1200 до 1300 лѣтъ. Въ послѣднемъ пятисотлѣтіи этого періода произошло нашествіе и владычество гиксовъ или пастуховъ, пришедшихъ изъ Азіи.
- III. *Новая Имперія*. Отъ XVIII-й династіи до XXXII-й (искл.) или отъ XVII-го вѣка до 332-го года до Р. Х.; продолж. отъ 1200 до 1300 лѣтъ. Къ концу этого періода Египетъ подпалъ подъ владычество эѳіоплянъ, затѣмъ *саитскихъ* династій, (при Псамметихѣ Египетъ въ первый разъ увидѣлъ грековъ), наконецъ персовъ, съ нашествіемъ которыхъ кончилась его національная жизнь.

IV. *Египетъ подъ владычествомъ македонянь и грековъ.* XXXII-я и XXXIII-я династіи или отъ 332-го года до Р. Х. до 30-го года по Р. Х.: продолж. 362 года.

V. *Египетъ подъ владычествомъ римлянъ.* XXXIV-я династія съ 30-го года по Р. Х.; продолж. 411 лѣтъ.

Въ 381-мъ году императоръ Θεодосій Великій издастъ эдиктъ, предписывающій закрытіе храмовъ и уничтоженіе изображеній боговъ, и тѣмъ наноситъ послѣдній ударъ египетской цивилизаціи. Погибло сорокъ тысячъ статуй; всѣ храмы были ограблены, а ихъ драгоценныя архивы частью сожжены, частью пропали. Среди развалинь уничтоженной вѣры водворилось раздробленное расколами и схизмами христіанство, уступившее два съ половиною вѣка спустя свое мѣсто исламу. Изъ всѣхъ египетскихъ сектантовъ-христіанъ сохранились до сихъ поръ одни лишь копты ¹⁾.

Надо сказать еще нѣсколько словъ о тѣхъ источникахъ, откуда почерпаются свѣдѣнія о Египтѣ. Единственныя, болѣе или менѣе ясныя о немъ извѣстія, которыми могли пользоваться египтологи до тѣхъ поръ, пока наука не прочла надписей, начертанныхъ самими египтянами на ихъ монументахъ, и ихъ рукописей, сохранныхъ намъ временемъ, находившихся въ сочиненіяхъ классическихъ писателей и въ Библии. Въ книгахъ Моисея, въ историческихъ книгахъ Царствъ и у пророковъ мы встрѣчаемъ нѣсколько замѣчательныхъ чертъ изъ жизни древнихъ египтянъ, весьма много любопытныхъ этнографическихъ и географическихъ данныхъ и указаній на историческія событія, подтверждаемыхъ въ настоящее время памятниками. Изъ другихъ письменныхъ сказаній о древнемъ Египтѣ мы остановимся на сочиненіяхъ наиболѣе извѣстныхъ древнихъ писателей — Манетона, Геродота, Діодора сицилійскаго, Страбона и Плутарха.

Виднѣйшее мѣсто между историками Египта занимаетъ безспорно Манетонъ ²⁾, отъ котораго, какъ сказано выше, остались лишь отрывки, сохранившіеся въ выпискахъ нѣкоторыхъ писателей, и списки царей тридцати одной династіи, т.-е. отъ царей древнѣйшихъ временъ до вре-

¹⁾ Г-нъ Масперо, профессоръ въ Collége de France, теперь хранитель Булакскаго музея, предлагаетъ раздѣлить исторію Египта на три главныхъ отдѣла, сообразуясь съ перенесеніемъ столицы изъ одного города въ другой. Такамъ образомъ было-бы: 1. *періодъ мемфисскій* (I—X дин.); 2. *періодъ оиванскій* (XI—XX дин.), раздѣленный на двѣ части пашествіемъ гиксовъ; 3. *періодъ саитскій* (XXI—XXX дин.). (*Revue critique du 8 février 1873*).

²⁾ Манетонъ жилъ при Птоломѣѣ Филадельфѣ въ III вѣкѣ до Р. Х. и написалъ исторію Египта по египетскимъ и преимущественно мемфисскимъ архивамъ, но на греческомъ языкѣ.

мени покоренія Египта Александромъ Македонскимъ. Сочиненіе Манетона сохранено главнымъ образомъ Юліемъ Африканскимъ (III вѣкъ по Р. X.), но, какъ думаетъ Лепсіусъ, оно уже до него прошло черезъ разныя руки и раздѣлилось на разныя редакціи. Въ VIII столѣтіи Георгій Синкелль въ своей компиляторской работѣ познакомилъ насъ съ этими редакціями, сохранивши для современныхъ египтологовъ драгоценное основаніе Манетоновской хронологіи подъ названіемъ: *династическіе списки Юлія Африканскаго*. Списки Манетона, провѣренные со списками Туринскаго папируса и съ таблицами царей, найденными въ Карнакѣ, Саккара и Абидосѣ, послужили путеводною нитью при изученіи исторіи Египта.

Только что названный папирусъ, *Papyrus royal de Turin*, былъ проданъ Туринскому музею французскимъ генеральнымъ консуломъ Дроветти и заключаетъ въ себѣ списки древнѣвщихъ царей, повидимому до XV-й династіи, такъ какъ слѣдовъ послѣдующихъ династій не найдено. Списокъ этотъ былъ копіей съ болѣе древняго документа, такъ какъ на оборотѣ его помѣчено имя Рамзеса III (двадцатой династіи) ¹⁾. Къ сожалѣнію, онъ весь въ клочкахъ (числомъ 164). Сейффартъ (Seyffarth) привелъ его въ нѣкоторый порядокъ, въ какомъ онъ и изданъ сперва Лепсіусомъ, а потомъ Вилькинсономъ. По сличеніи списковъ царей Манетона съ Туринскимъ папирусомъ нельзя не замѣтить, что оба они черпали изъ одного общаго источника, и тамъ даже, гдѣ имена царей извѣстныхъ династій рознятся, можно въ большей части случаевъ объяснить это кажущееся несогласіе. Большая же часть именъ тождественна, хотя у Манетона они имѣютъ греческую форму.

Изъ классическихъ писателей больше всѣхъ оставилъ свѣдѣній о Египтѣ, хотя иногда и фантастическихъ, Геродотъ, жившій, какъ извѣстно, въ пятомъ вѣкѣ до Р. X. Онъ путешествовалъ по Египту позже 462 года, какъ полагаютъ, во время Артаксеркса I ²⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ жилъ въ Египтѣ довольно долго, какъ явствуетъ изъ многихъ мѣстъ его исторіи. Источники, изъ которыхъ онъ, по всей вѣроятности, черпалъ свои свѣдѣнія о Египтѣ, были болѣею частью рассказы жрецовъ (Герод. II, 3, 99, 118 и др.); но, по словамъ Вругша, или жрецы вводили его нахвѣрно въ обманъ двусмысленными выраженіями, или же онъ имѣлъ доступъ лишь къ низшей кастѣ жрецовъ, не знавшихъ исторіи и сообщавшихъ Геродоту лишь анекдоты, ходившіе въ устахъ народа, безъ всякой хронологической связи и послѣдовательности. Однако при всемъ томъ,

¹⁾ Mariette, *Aperçu de l'Hist. d'Égypte*, p. 126, 127. Lepsius, *Chron.*, p. 544. Lauth, *Manetho etc.*, p. 75.

²⁾ George Rowlinson's *Life of Herodotus*, ch. I, p. 2, notes 4, 5. Роулинсонъ думаетъ, что Геродотъ былъ въ Египтѣ въ то время, когда Египтомъ управляли отъ имени Артаксеркса Лонгимана персидскій сатрапъ Паузирись.

какъ замѣчаетъ Роулинсонъ, у Геродота можно, за немногими исключеніями, узнать имена царей, о которыхъ онъ упоминаетъ и которые находятся въ спискахъ Манетона. Онъ знаетъ о славномъ царствованіи династїи Рамессидовъ и о томъ, что между Менесомъ (Мена) и Рамессидами считали нѣсколько сотъ племенъ царей, правившихъ страню. Вообще по всему видно, что онъ записывалъ сообщаемыя ему сказанія съ большою добросовѣтностью и, кромѣ того, лично былъ хорошимъ наблюдателемъ. Поэтому тамъ, гдѣ памятники не даютъ указаній и гдѣ Геродотъ можетъ быть согласованъ съ показаніями Манетона, тамъ слова его имѣютъ вѣсь и могутъ быть приняты, какъ рассказы, въ основаніи которыхъ лежитъ истина, хотя часто нѣсколько измѣненная преданіемъ.

Что касается Діодора сицилійскаго, путешествовавшаго по Египту въ 18 до Р. X. (при послѣднихъ Птоломеяхъ), то, съ одной стороны, его личныя впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ путешествія, достойны всякаго вниманія, но съ другой — его историческія свѣдѣнія, равно какъ и анекдотическая часть его рассказовъ о Египтѣ, которой онъ придалъ видъ мѣстныхъ сказаній, почти вовсе не заслуживаютъ никакого довѣрія, такъ какъ нигдѣ доселѣ не найдено въ памятникахъ подтвержденія этихъ сомнительныхъ преданій ⁴⁾.

Страбонъ заслуживаетъ большаго довѣрія. Его *Географія* изобилуетъ весьма вѣрными указаніями, страдающими лишь однимъ недостаткомъ — излишнею краткостью.

Плутарху приписываетъ *Трактатъ объ Изидѣ и Озирисѣ*. «Кто бы ни былъ, — говоритъ Маріеттъ, авторомъ этого трактата, по невозможности приступить къ изученію египетской религіи, не ознакомившись основательно съ этимъ произведеніемъ». Заимствуетъ неизвѣстный авторъ съ разборчивостью и исключительно у египетскихъ источниковъ. На землѣ добро всегда во враждѣ со зломъ, ложь — съ правдою, мракъ — со свѣтомъ, жизнь — со смертью. Озирисъ есть олицетвореніе этого вѣчнаго антагонизма двухъ противоположныхъ принциповъ. Одно время, пораженный Тифономъ — принцею зла, Озирисъ умираетъ, но потомъ воскресаетъ, чтобы снова бороться. Этотъ дуализмъ и различныя къ нему объясненія служатъ темой для прекраснаго сочиненія псевдо-Плутарха.

Второй и главный источникъ свѣдѣній о египетской исторіи, сдѣлавшійся доступнымъ для изученія только послѣ открытія Шамполліона, представляютъ памятники, которые Маріеттъ въ своемъ *Aperçu de l'Histoire d'Égypte* группируетъ на памятники, имѣющіе общій интересъ для исторіи Египта, и памятники, имѣющіе интересъ династическій, т. е. выясняющіе событія, случившіяся въ царствованіе опредѣленной династїи. Мы приведемъ здѣсь лишь памятники, относящіеся къ первой группѣ.

⁴⁾ Brugsch, *Histoire d'Égypte*. 2. vol. in 4. Leipzig, 1859.

Зала предковъ (la Salle des Ancêtres), найденная въ Карнакскомъ храмѣ (на правомъ берегу Нила) г-номъ Приссъ д'Авениъ и переданная имъ въ Парижскую бібліотеку. Это — каменная плита или таблица, находившаяся на стѣнѣ въ одной изъ южныхъ каморъ храма, за святилищемъ, на которой представленъ Тутмесь III приносящимъ жертву передъ изображениями шестидесяти одного своихъ предшественниковъ. Камору, гдѣ найдена таблица, называли *Залой предковъ*, и названіе это потомъ перешло на самый документъ. Большая часть именъ поставлена въ безпорядкѣ, какъ-будто главною цѣлью была орнаментовка, а не историческій интересъ. Двѣнадцати царскихъ именъ, извѣстныхъ египтологамъ, нѣтъ вовсе. Этотъ документъ, — говоритъ Мариеттъ, несмотря на свое важное значеніе, далеко не вполне удовлетворяетъ требованіямъ науки.

Второй памятникъ, извѣстный подъ именемъ *таблицы Абидоса* (table d'Abydos), нынѣ находящійся въ Британскомъ музеѣ, найденъ въ мѣстности, посещаемой въ настоящее время племя *Арабъ-эль-Мафруе*, въ маленькомъ Абидосскомъ храмѣ. Здѣсь Рамзесь II Миаунъ начерталъ надпись, въ которой онъ воздаетъ почести своимъ предкамъ. Всѣхъ именъ предковъ было до пятидесяти, но изъ нихъ сохранилось не болѣе тридцати. Болѣе полная таблица найдена нѣсколько лѣтъ тому назадъ Мариеттомъ же и называется *новой Абидосской таблицей* (la nouvelle table d'Abydos); жертву тутъ приносятъ Сети I, отецъ Рамзеса II-го, передъ семьюдесятью шестью своихъ предковъ. Главный интересъ послѣдней заключается въ томъ, что имена фараоновъ стоятъ въ ней въ хронологическомъ порядкѣ.

Первымъ и главнымъ путеводителемъ въ возстановленіи египетской исторіи остается все-таки Манетонъ. Но въ какой степени заслуживаетъ онъ довѣрія? Въ весьма рѣдкихъ случаяхъ соприкосновенія его данныхъ съ данными Геродота и Діодора онъ не всегда съ ними согласенъ; на чьей сторонѣ ошибка? Можно ли полагаться на Манетона или нѣтъ? Отвѣта надо искать въ памятникахъ — этихъ верховныхъ судьяхъ въ настоящемъ дѣлѣ: что, напримѣръ, цари Абидосской таблицы въ томъ же ли хронологическомъ порядкѣ, какъ тѣ же цари у Манетона? Понятенъ отсюда интересъ, представляемый новооткрытой Абидосской таблицей. Менѣе пространная, чѣмъ таблицы гелиопольскаго жреца, она однако подкрѣпляетъ его авторитетъ, такъ какъ идетъ съ нимъ совершенно параллельно.

Наконецъ, болѣе другихъ полный документъ въ этомъ родѣ представляетъ *Саккарская царская таблица* (table royale de Saqqarah) ¹⁾ найденная въ гробницѣ египетскаго жреца, по имени *Тунари*, жившаго при Рамзесѣ II. Гробница эта открыта Мариеттомъ во время поисковъ его въ Саккара, вблизи Каира, на западъ отъ Нила, тамъ, гдѣ лежитъ обширное Мем-

¹⁾ Саккарская таблица находится въ Булакскомъ музеѣ, по каталогу № 916.

Часть новой Абидосской таблички ¹⁾.

¹⁾ Съ фотографии, снятой на мѣстѣ, (въ Абидосскомъ храмѣ).

фисское кладбище на протяженіи болѣе четырехъ съ половиною миль вдоль грани пустыни, засыпанной пескомъ большую часть этого некрополя. По египетскимъ вѣрованіямъ, умершимъ, достойнымъ вѣчнаго счастья, между прочими благами предоставлялось быть принятымъ въ сообщество умершихъ царей, и въ томъ памятникѣ, о которомъ мы говоримъ, жрецъ Тунари изображенъ входящимъ въ это величественное собраніе. Саккарская таблица, согласуясь съ Абидосской, увеличиваетъ авторитетъ Манетона. Цари, изображенные на этихъ двухъ таблицахъ, приводятся также и Манетономъ. Династіи, пропущенныя Манетономъ, какъ менѣе славныя, обходятся молчаніемъ и обѣими таблицами.

Здѣсь приведены только важнѣйшіе и относящіеся къ общей исторіи Египта изъ громаднаго количества документовъ, освѣщавшихъ путь египтологовъ въ ихъ трудѣ возстановленія египетской исторіи. Бругшъ, на примѣръ, въ своей *Histoire d'Égypte* ссылается на триста восемьдесятъ два подобные документа, найденные по берегамъ Нила, на Синайскомъ полуостровѣ, въ Нубіи, Суданѣ и въ Сиріи и разбросанные теперь по всему земному шару въ различныхъ музеяхъ и хранилищахъ остатковъ древней культуры. Этими громаднымъ количествомъ памятниковъ современная наука обязана двумъ особенностямъ, лежащимъ — одна въ характерѣ и религіи народа, другая — въ египетскомъ климатѣ. Египтяе вѣрили въ воскресеніе тѣла, полагая, что жизнь не прекращается со смертію. Въ извѣстный срокъ человекъ долженъ былъ воскреснуть въ другомъ мірѣ (Аменти) духомъ и плотію, и жить тамъ такъ же, какъ жилъ онъ здѣсь, только безболѣзненно и безбедально. Отсюда — обычай балъзамированія, отсюда также эти массивныя сооруженія для умершихъ, трудъ которыхъ старались такъ схоронить, чтобы навсегда спасти его отъ нечестивыхъ рукъ и отъ вліянія времени. При этомъ для того, чтобы на томъ свѣтѣ личность покойника предстала совершенно въ такомъ же видѣ, какимъ онъ былъ во время жизни, въ могилу вмѣстѣ съ нимъ клали его изображеніе въ видѣ статуи, а стѣны могилы писывали событіями его жизни, изображали его занятія, его привычки, его ремесло, если онъ былъ ремесленникомъ, описывали его служебныя обязанности, если онъ былъ чиновникомъ, и т. п. Само-собою разумѣется, что умершихъ фараоновъ и важныхъ оеобъ хоронили еще съ болѣе большими предосторожностями, доходившими иногда до колоссальныхъ размѣровъ, какъ напр. Гизехскія пирамиды.

Съ другой стороны, климатъ Египта, необыкновенно сухой, и песчаная почва по окраинамъ Нильской долины какъ нельзя лучше способствовали сохраненію памятниковъ не только изъ камня, но и изъ дерева.

Символизмъ, какъ сказано выше, есть отличительная черта всякаго позднѣйшаго египетскаго произведенія. Напримѣръ, изображая животныхъ, египетскій скульп-

торъ не стремится воспроизвести портретъ того или другаго отдѣльнаго экземпляра, видѣннаго имъ въ полѣ или на охотѣ — быка, бараѣа, льва или гѣнну, но выразить извѣстную идею посредствомъ эмблемы. Для этого ему достаточно подчеркнуть выдающіяся черты расы, формулируя вкратцѣ данный типъ. Сокративши образъ природы, съ которой онъ, можетъ быть, не могъ сладить, египетскій художникъ сталъ выше природы, возведши ее къ идеалу. Воспроизводя существенныя формы животнаго и обходя детали, въ результатѣ оказывается *видѣ* въ его самомъ энергическомъ выраженіи. Все семейство львовъ изображено однимъ видомъ льва, отчего формула получила больше полноты и грандіозности.

Зала золотыхъ и серебряныхъ драгоценныхъ вещей представляетъ богатѣйшее собраніе въ мірѣ и сама по себѣ есть цѣлый музей. Средине залы занята круглой витриной съ вещами, найденными въ *Дра-абуль-нега* (Өивы) съ муміей царицы *Аахъ-хотенъ*, жены Камеса, (Ахмеса) послѣдняго царя XVII-й династіи, и матери Амосиса, перваго царя XVIII-й и побѣдителя гиксовъ. Снаружи гробъ, въ которомъ она лежала, вызолоченъ, внутри же покрытъ іероглифами. Способъ бальзамированія и обвертыванія трупа, стиль драгоценныхъ вещей, лежавшихъ вмѣстѣ съ царицею въ гробу, а главнымъ образомъ вертикальная надпись, спускавшаяся отъ груди до ногъ муміи, позволили Мариетту безошибочно опредѣлить личность, находившуюся въ гробу, и отнести ее къ концу XVII й и началу XVIII-й династіи¹⁾.

¹⁾ Въ этой надписи Аахъ-хотенъ называется «главной царской женой, удостоенной бѣлой короны и вѣчно живущей».

Бълаал короиа — это высокая митра, іероглифическій знакъ которой обозна-

И такъ, этимъ драгоценнымъ вещамъ теперь три тысячи шестьсотъ лѣтъ. Но что за совершенство работы, что за грація формъ и гармонія цвѣтовъ!

Первый предметъ, бросающійся въ глаза изъ массы найденныхъ въ гробу Аахъ-хотепъ, это—символь одной изъ основныхъ религіозныхъ идей египтянъ, изображавшійся въ видѣ жука (*scarabée*). Въ данномъ случаѣ этотъ жукъ, очень большой, сдѣланъ изъ массивнаго золота съ синими эмалевыми крыльями и лапками необыкновенно тонкой работы. Священное насекомое висѣло на шеѣ муміи на длинной золотой цѣпочкѣ. По вѣрованію египтянъ, корень котораго затерялся въ туманѣ

чаль слово «свѣтъ», служила обыкновеннымъ головнымъ уборомъ Озириса. Украшенная двумя перьями, она означала «свѣтъ и правду», а съ бараньими рогами — «производительную силу». Въ простомъ же видѣ, на головѣ фараона, она выражала владычество надъ Верхнимъ Египтомъ .

Красная корона низкой, широкой формы, съ высоко выдающимся задкомъ и съ изогнутымъ завиткомъ (*lituus*) спереди, означала владычество надъ Нижнимъ Египтомъ.

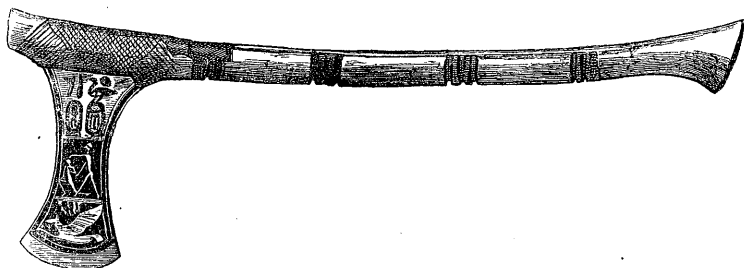
Обѣ эти короны, соединенныя вмѣстѣ, были символомъ царской власти надъ Верхнимъ и Нижнимъ Египтомъ и составляли торжественную діадему и отличительный царскій знакъ , называвшійся *ншентъ*, который былъ на-

дѣваемъ фараонами, какъ говоритъ Маріеттъ, «когда они входили въ Мемфисскій храмъ для коронованія». На памятникахъ всѣ эти короны надѣты и на боговъ, смотря потому, принадлежать-ли они къ Верхнему или Нижнему Египту.

На войнѣ фараоны носили родъ тѣары, покрытой тигровой кожей .

Всѣ эти короны снабжались на передней сторонѣ золотымъ *уреусомъ* — этой маленькой змѣей, становящейся ка хвостъ, раздувая шею, и представлявшей символъ и іероглифическій знакъ «божества» .

сѣдой старины, жукъ, такъ же какъ и ястребъ, считался животнымъ, одареннымъ способностью самозарожденія, вслѣдствіе чего онъ сдѣлался у нихъ символомъ *воскресенія*, т.-е. образомъ оживающаго человѣческаго тѣла подъ вліяніемъ возвращенія души ¹⁾). Съ тѣхъ поръ жукъ занялъ мѣсто среди іероглифическихъ знаковъ и сдѣлался постояннымъ спутникомъ покойниковъ, почему его и находятъ всегда въ большомъ количествѣ около гробницъ, въ самыхъ гробницахъ, на пальцахъ мумій, а чаще всего лежащимъ надъ сердцемъ умер-

шихъ, какъ-бы въ ожиданіи момента всеобщаго воскресенія, когда онъ вдохнетъ новую жизнь въ отжившій уже трупъ. Таково было назначеніе этого чуднаго, золотого жука въ гробу нашей царицы. Вторая вещь, найденная все въ томъ же гробу и бросающаяся въ глаза своей роскошной отдѣлкой—топоръ. Его рукоятка, сдѣланная изъ кедра, покрыта золотымъ листомъ съ ажурными іероглифами, по которымъ въ первый разъ прочли полный титулъ царя Амосиса. Лезвее — бронзовое, съ одной стороны покрыто золотымъ слоемъ съ букетомъ

¹⁾ Хораполлонъ. 'Εκ μόνου πατρὸς τὴν γενεάν ἔχει ὁ κάθαρσος.
Египетъ

лотуса изъ драгоценныхъ камней, съ другой — на финифтевомъ голубомъ полѣ изображенъ фараонъ Амосисъ, побѣждающій врага; подъ нимъ лежитъ въ позѣ сфинкса грифонъ — богъ войны, съ которымъ въ египетскихъ поэмахъ сравниваются сражающіеся цари. Этотъ топоръ, хотя онъ и весьма почтенныхъ размѣровъ, наврядъ-ли служилъ оружіемъ войны, а былъ, какъ полагаютъ, вродѣ нашего фельдмаршальскаго жезла, отличительнымъ признакомъ главнокомандующаго и, въ то же время, эмблемою божескаго происхожденія,

присвоеннаго фараонамъ, тѣмъ болѣе, что въ азбукѣ іероглифовъ знакъ топора **└** выражаетъ слово „богъ“, входящее въ составъ царскихъ титуловъ. Рядомъ съ топоромъ лежалъ и кинжалъ, приведшій въ сильное недоумѣніе египтологовъ, какъ оружіе, въ первый разъ встрѣчающееся въ египетскихъ раскопкахъ, а главное, какъ вещь, неимѣющая никакого символическаго значенія и неупоминаемая въ *Требникѣ* ¹⁾. Его лезвее — изъ

¹⁾ *Требникъ*, *Rituel*, названный Лепсіусомъ *Todtenbuch*, т. е. книгою мертвыхъ — священная книга, экземпляры которой, болѣе или менѣе подробные, всегда клались вмѣстѣ съ муміями. Главную часть въ ней занимаетъ описаніе путешествія души въ подземномъ мірѣ и достиженія ею безпорочнаго царства духовъ. Понятно, что *Требникъ* этотъ — первая вещь, съ которою долженъ познакомиться желающій составить себѣ понятіе о египетской религіи. Онъ былъ предметомъ многочисленныхъ научныхъ работъ. Г-нъ Виршъ издалъ его подробный переводъ, вошедшій въ составъ пятаго тома сочиненій Бузена. На дняхъ

массивнаго золота, съ черною полосою по срединѣ, испещренной іероглифами. Ручка — шедевр чеканной работы. Въ своемъ основаніи она украшена головою Аписа, рога котораго охватываютъ съ обѣихъ сторонъ клинокъ; головку образуютъ четыре женскихъ лица. Золотыя ножны, прекрасно сохранившіяся, дополняютъ это удивительное произведеніе египетскихъ чеканщиковъ. Глядя на всѣ эти драгоценныя вещи, украшавшія мумію покойной царицы, невольно спросишь себя: далеко-ли ушли художники XIX столѣтія отъ мастеровъ временъ Амосиса?

Я не кончилъ бы никогда, если бы сталъ описывать всѣ браслеты, головныя украшенія и ожерелья, находящіяся въ витринахъ Булакскаго музея. Большинство изъ этихъ вещей найдено въ гробу все той же Аахъ-хотепъ.

Ей принадлежало и это зеркало изъ полированного металла въ золотой оправѣ, отражавшее ея чудныя черты, столь страшныя для гиксовъ, и огонь ея глазъ, заставлявшихъ, можетъ быть, опускать свои глаза Іосифа, сына Іакова. Ей принадлежало и это опахало (*flabellum*)

, нѣкогда украшенное страусовыми перьями — знакъ царскаго отличія; имъ машинально обмахивалась она во время долгихъ триумфальныхъ церемоній, когда народъ, на колѣняхъ за рядами сфинксовъ, въ нѣмомъ восторгѣ привѣтствовалъ ее — освободительницу Египта и побѣдительницу гиксовъ. Исторія передаетъ намъ событія

вышелъ его новый переводъ г. Пьерре. *Le livre des morts des anciens Égyptiens, traduction complète*, par. P. Pierret. Paris. E. Leroux, 1882. Въ каждомъ музеѣ есть его копія, писанная на папирусѣ.

извѣстной эпохи безразлично отрадные и ужасныя, лишенными красокъ и жизни, какъ цвѣты, высохшіе въ гербаріумѣ; а музей съ памятниками того времени оживляетъ ихъ, какъ наглядная иллюстрація.

Нельзя уйти изъ Булакскаго музея, не выдавши одной изъ главныхъ находокъ Маріетта-паши во время раскопокъ его около Таниса, гдѣ онъ случайно попалъ на цѣлую группу знаменитыхъ теперь памятниковъ, которые самъ Маріеттъ, Деверія, де-Руже и другіе считаютъ за произведенія египетскихъ мастеровъ для царей гиксовъ. Памятники эти отличаются совершенно особеннымъ типомъ, имѣющимъ весьма мало общаго съ памятниками египетскаго искусства, и, по мнѣнію названныхъ ученыхъ, представляютъ портреты тѣхъ иноплеменныхъ завоевателей, къ которымъ египтяне питали столь глубокую ненависть. Основаніемъ этой гипотезы служить, кромѣ внѣшняго вида этихъ статуй, предполагаемое тождество Таниса и Авариса, бывшаго крѣпостью гиксовъ, въ которой они такъ долго держались. Найденная на плечѣ одного изъ сфинксовъ картуша съ именемъ царя-пастуха Апеги указываетъ также на ихъ происхожденіе. Тѣмъ не менѣе г. Масперо, изучивши съизнова въ Булакскомъ музеѣ эти интересные памятники, полагаетъ, что можно еще сомнѣваться относительно ихъ происхожденія, такъ какъ картуша Апеги по самому мѣсту своего находженія скорѣе указываетъ на узурпацію, примѣровъ которой такая масса, чѣмъ на подпись настоящаго автора статуи. „Не есть-ли это, говоритъ онъ, произведенія одной изъ многочисленныхъ школъ, имѣвшихъ свой совершенно отдѣльный стиль и манеру?“

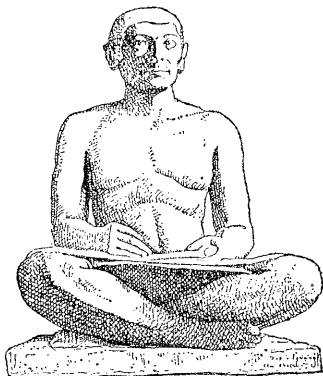
Наиболѣе сохранившійся изъ этихъ памятниковъ — сфинксъ изъ чернаго гранита, обломки котораго были собраны въ главномъ храмѣ Таниса. Три другіе сфинкса такого же образца, но болѣе обезображенные, были найдены тамъ же и въ то же время. Ихъ исключительный видъ, рѣзко отдѣляющійся отъ того стиля, которымъ отмѣчены всѣ творенія египетскихъ скульпторовъ, останавливаетъ на себѣ ваше вниманіе. „Какая разница, говоритъ Маріеттъ-паша, между мощнымъ выраженіемъ лица этого сфинкса и величественнымъ спокойствіемъ, отличающимъ обыкновенно произведенія этого рода. Голова большая, угловатая, маленькіе глаза, приплюснутый носъ, ротъ надменный. Густая львиная грива обрамляетъ это лицо и придаетъ ему видъ еще болѣе свирѣпый. Нѣтъ сомнѣнія, что передъ нами — произведеніе египетскаго художника, но лицо, изображенное имъ, конечно принадлежитъ къ иностранной расѣ“¹⁾).

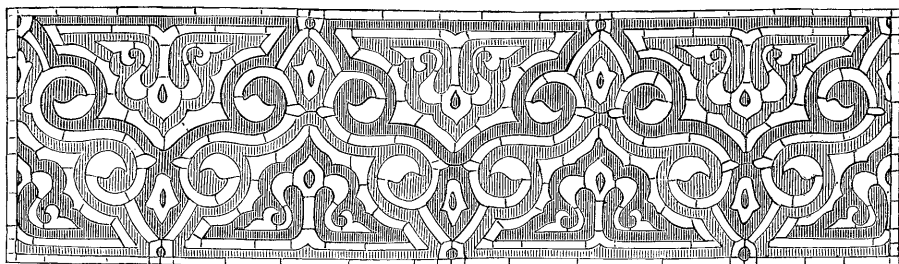
Такого же происхожденія, по мнѣнію Маріетта, и группа двухъ фигуръ, стоящихъ на одномъ общемъ цоколѣ и находящихся теперь въ залѣ Булакскаго музея, называемой *Salle de Nусsos*. Головы у нихъ покрыты громадными париками, черты лица, къ несчастію сильно испорченныя, представляютъ большое сходство съ только-что описаннымъ сфинксомъ. Верхняя губа у нихъ выбрита, а щеки и подбородокъ обросли густой длинной бородой; руками они держатся за столъ, кругомъ украшенный изображеніями водяныхъ птицъ и рыбъ, переплетенныхъ листьями и цвѣтами лотуса. Эти двѣ фигуры, по словамъ Маріетта, безспорно принадлежатъ къ

¹⁾ *Notice du musée de Boulaq*, № 869.

той смутной эпохѣ, когда Египтомъ завладѣли гиксы. Но кого они изображаютъ и что означаетъ этотъ столъ, украшенный изображеніями представителей водянаго царства — опредѣлить довольно трудно.

Къ этой серіи памятниковъ Мариеттъ присоединяетъ еще одинъ, найденный имъ въ Файумѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде стоялъ городъ Крокодилополисъ, и представляющій верхнюю часть колоссальной статуи. Надписей нѣтъ, но общій видъ головы и лица съ выдающимися скулами и толстыми губами, борода, покрывающая низъ лица, оригинальная форма парика — все это вмѣстѣ придаетъ фигурѣ единственный въ своемъ родѣ характеръ. Достойны также вниманія украшенія на груди, никогда не встрѣчавшіяся дотолѣ на египетскихъ статуяхъ. На спинѣ у него шкура пантеры, голова которой лежитъ у него на плечѣ. „Нельзя сомнѣваться, говоритъ Мариеттъ, въ происхожденіи этой статуи. Цари, украшавшіе храмы въ Танисѣ сфинксами и группою рыболововъ, — тѣ-же, которые оставили въ Файумѣ этотъ колоссальный фрагментъ“.

ГЛАВА VIII

Воротившись домой уже поздно и сильно уставши — ничто так не утомляет, какъ осмотръ музея, — я напелъ на крыльцѣ гостиницы знакомаго мнѣ драгомана Абдаллу, принесшаго мнѣ гашишу. Уже давно обѣщаль онъ мнѣ достать этого снадобья, безъ котораго не обходится ни одинъ разсказъ о Востокѣ, но все не приносилъ, увѣряя меня, что его очень трудно добыть, и что власти строго слѣдятъ за этимъ. Какъ и позже узналъ, это все были выдумки: гашишу можно купить въ любой лавочкѣ съ благовонными товарами, не подвергаясь никакимъ опасностямъ и преслѣдованіямъ, и мой милѣйшій Абдалла все это выдумалъ, чтобы получить съ меня двойной бакшишъ за его якобы хлопоты и даже рискъ.

Какъ бы тамъ ни было, но въ тотъ вечеръ я былъ очень доволенъ, что у меня есть гашишъ. Я съ любо-

пытствомъ вертѣль въ рукахъ эту зеленую лепешку, вспоминалъ о графѣ Монте-Кристо и наивно выслушивалъ рассказы Абдаллы о чудодѣйномъ вліяніи крохотнаго кусочка этой зеленой массы на фантазію чловека.

Послѣ обѣда я ушелъ къ себѣ въ комнату, заперъ дверь и твердо рѣшилъ попробовать гашишу. Когда живешь на востокѣ, среди минаретовъ и пальмъ, среди дворцовъ съ узорными сводами и тѣнистыхъ садовъ съ журчащими фонтанами, среди базаровъ и караванъ-сараявъ, когда ежеминутно видишь эти бѣлыя чалмы и шелковые кафтаны купцовъ съ ихъ длинными караванами верблюдовъ, восточныхъ красавицъ, закутанныхъ въ ихъ бѣлыя или синія чадры, когда каждый вечеръ среди божественной тишины слышишь пѣснь муэдзина, а въ вечернемъ полумракѣ опустѣвшей улицы мерещится любовный шепотъ и поспѣшные шаги маленькихъ ножекъ... тогда всѣ сказочные типы „Тысячи и одной ночи“ получаютъ реальную форму, а фантастическіе рассказы съ усыпительными порошками, съ живой водой, съ крылатыми конями, съ калифами, которые питаются алмазами, съ красавицами, которыя сжигаютъ огнемъ своихъ глазъ cadaго посмотрѣвшаго на нихъ, начинаютъ казаться правдоподобными. Недаромъ я такъ старательно заперъ дверь своего номера, чтобы, накурившись гашишу, не улетѣть изъ него за тридевять земель и, проснувшись, не очутиться въ какомъ-нибудь хрустальномъ дворцѣ повелителемъ обширнаго государства. Если даже въ блаженные времена Гарунъ-аль-Рашида такая метаморфоза, по словамъ Шехеразады, показалась крайне непріятною одному юному жителю Баг-

дада, завидовавшему прежде положенію калифовъ, то въ наши дни улетѣтъ изъ New-Hôtel'я въ хрустальный дворецъ и изъ вольнаго, какъ птица, туриста превратиться... да ни за что въ мірѣ! Ужь лучше не курить гашишу. — Однако я курилъ. Свернулъ папироску, вложилъ въ нее указанную Абдаллой порцію и затянулся, ожидая дѣйствія. Ждалъ я очень долго. Выкурилъ другую папироску съ такою же порціей гашишу... ничего! Наконецъ, соскучившись, я заснулъ естественнымъ сномъ, не угрожавшимъ никакимъ непредвидѣннымъ полетомъ, сильно досадуя на обманувшаго меня Абдаллу. На другой день я ему сообщилъ о моемъ неудачномъ куреніи. Онъ былъ очень удивленъ и посоветовалъ увеличить дозу. Я увеличилъ дозу, но опять не ощутилъ никакого дѣйствія. Абдалла былъ въ отчаяніи, потому что при каждой встрѣчѣ я его распекалъ за его, какъ я говорилъ, „фальшивый гашишъ“. Наконецъ, черезъ нѣсколько дней послѣ моего перваго опыта, какъ-то вечеромъ приходитъ Абдалла и приглашаетъ пойти съ нимъ въ какой-то café, гдѣ тайно собираются курильщики гашиша и гдѣ имъ однимъ только и торгуютъ. Сговорившись съ однимъ французомъ, который также пробовалъ курить гашишъ и такъ же, какъ я, безуспѣшно, мы рѣшили послѣдовать за нашимъ драгоманомъ, предварительно оставивши въ гостиницѣ наши часы и портъ-моне. Мы шли больше получаса: сначала по улицѣ Муски, которую я хорошо зналъ, потомъ свернули влѣво, потомъ еще влѣво. То и дѣло приходилось отворять калитки, что сопровождалось постоянно стукомъ кольца о дверь. Появлялся сторожъ съ фонаремъ, молча отпиралъ замокъ и молча

пропускалъ насъ ¹⁾. Я уже пересталъ замѣчать повороты, что было совершенно бесполезно въ этомъ лабиринтѣ переулковъ и закоулковъ, одинъ уже и грязнѣе другаго. Темнота кругомъ была абсолютная, и еслибы не фонарь, который несъ Абдалла впереди, то мы на каждомъ шагу натыкались-бы то на уголь лавки, выпятившейся впередъ и занявшей половину и безъ того узкой, какъ корридоръ, улицы, то на ступени крыльца или просто на камень, лежащій поперекъ дороги. Но вотъ въ концѣ одного тупика Абдалла остановился передъ грязной лачугой. Изъ щелей ея *мухарабіе* выходили слабыя полосы свѣта. Кругомъ — ни малѣйшаго шума. Оглянувшись, Абдалла постучалъ въ дверь. Черезъ нѣкоторое время послышались за дверью шаги въ бабушахъ, проскрипѣла задвижка, — и передъ нами предстала длинная, худошавая фигура въ красномъ тарбушѣ, но съ лицомъ европейца, ярко освѣщенная фонаремъ нашего проводника. Обмѣнявшись нѣсколькими фразами по-арабски съ Абдаллой, фигура пропустила насъ за дверь и на довольно хорошемъ французскомъ языкѣ попросила насъ войти въ его заведеніе. — Мы очутились въ низкой закопченной комнатѣ. Висѣвшая на потолкѣ лампа тонула въ волнахъ дыма, тѣвшаго глаза и не позволявшаго первое время разглядѣть лица тѣхъ людей, которые неподвижно сидѣли на полу на цыновкахъ и рваныхъ коврикахъ. Нѣкоторые изъ нихъ еще курили наргиле; другіе же, безжизненно свѣсивши голову на грудь, уронили чубукъ. Въ углу, на прилавкѣ, за ко-

¹⁾ См. стр. 33; Каиръ раздѣленъ на мелкіе участки, которые на ночь запираются.

торымъ помѣщался самъ хозяинъ, стояли приготовленные кальяны и гузы, тутъ же стояла жаровня съ угольками, которые кладутъ на табакъ. Хозяинъ пригласилъ насъ сѣсть, извинившись, что не имѣетъ мягкаго дивана для такимъ гостей, какъ мы, и подаль намъ два дымящихся наргиле. Мы переглянулись съ моимъ спутникомъ; признаться, меня вовсе не прельщала мысль курить изъ этого мѣднаго наконечника, который побывалъ во рту всего Каира. Къ тому же и компанія, собравшаяся въ этомъ притонѣ, способна была вселить отвращеніе въ самага небрезгливаго и любознательнаго туриста. За исключеніемъ двухъ или трехъ, это были все арабы и феллахи. Въ лохмотьяхъ, съ обнаженною грудью, съ остановившимися глазами лежали они, прислонившись къ покрытой плѣсенью стѣнѣ. Наслаждались-ли они подѣ вліяніемъ гашиша, унесшаго ихъ въ заоблачные міры и позволившаго, хотя на нѣкоторое время, освободиться отъ ежедневной злобы дня, отъ мысли о насущномъ кускѣ хлѣба, отъ воспоминанія о недавнихъ безправныхъ побояхъ купца-европейца?... Какъ знать! Но безспорно то, что гашишъ есть крайнее средство человѣка, пришедшаго въ крайнюю степень отчаянія. Это — тоже самоубійство, но самоубійство медленное, безъ рѣзкаго перехода отъ жизни къ смерти. Зажиточные классы народонаселенія гашиша не курятъ; а если и курятъ, то мало. Его главные потребители — нищета и безвыходное положеніе. Феллахъ, курящій гашишъ, — тотъ же мужикъ, пьющій запоемъ. Тѣ же причины, тѣ же слѣдствія.

Вся земля въ Египтѣ всегда принадлежала фараонамъ, за исключеніемъ небольшого количества, предо-

ставленнаго жреческой кастѣ ¹⁾. Эта монополія, продолжавшаяся при Птоломеяхъ и римлянахъ, осталась и при калифахъ, какъ вполне согласная съ духомъ магометанской религіи, предоставляющей повелителю правовѣрныхъ абсолютную верховную власть какъ надъ его подданными, такъ и надъ всѣмъ ихъ имуществомъ. Мамелюки были конечно не такими людьми, чтобы отказаться отъ феодальныхъ правъ, принадлежавшихъ государямъ Египта. Когда эта страна сдѣлалась провинціей Оттоманской Имперіи, т. е. въ началѣ XVI-го вѣка, то завоеватели установили подать, по уплатѣ которой вся земля снова стала личнымъ достояніемъ мамелюковъ, а съ 1811 года — Мехмета-Али. Послѣдній, будучи человекомъ весьма предприимчивымъ, рѣшилъ, питая широкіе планы, трудиться на пользу страны и на благо народонаселенія, для чего захватилъ въ свои руки монополію промышленности и торговли въ Египтѣ. Полагая не безъ основанія, что ему лучше извѣстны потребности Европы, чѣмъ феллаху, онъ ежегодно назначалъ какой родъ произведеній долженъ былъ преобладать въ странѣ и бралъ на себя обязанность сбывать товаръ, спросъ на который онъ предвидѣлъ.

Такимъ образомъ феллахъ находился въ слѣдующемъ экономическомъ положеніи: собравши то, что онъ посѣялъ и обработалъ по приказанію правительства, онъ приносилъ свои произведенія — пшеницу, хлопокъ, сахарный тростникъ, рисъ или маисъ — въ казенные магазины, гдѣ ихъ взвѣшивали и расцѣнивали, что происходило не всегда добросовѣстно. Когда это было сдѣлано,

¹⁾ Кн. Бытія, 47, 20, 21, 22.

то часть урожая бралась въ счетъ налога, остальное — за счетъ вице-короля, торговавшего уже отъ себя съ европейскими купцами. — Если-бы еще за взятое платить деньгами, то феллахъ могъ бы жить и даже, при его умѣренности, скопить себѣ изъ сбереженій капиталъ. Но платежи казна производила натурой, такъ что феллахъ рисковалъ быть обманутымъ два раза: при оцѣнкѣ того, что онъ представлялъ, и при опредѣленіи цѣны или скорѣе количества того товара, который онъ получалъ въ обмѣнъ, такъ какъ египетское правительство имѣло два вѣса, одинъ для пріемки, другой для отпуска.

При преемникѣ Мехмета-Али, Саидъ-пашѣ, монополія была уничтожена и внутренняя политика діаметрально измѣнилась. За сельскими жителями признано право собственности на земли, ими обрабатываемыя, и даже право на ихъ отчужденіе. Былъ сдѣланъ всеобщій кадастръ и правильное распределеніе земли между владѣльцами. Каждый могъ сѣять, что хотѣлъ, и продавать свои произведенія, кому и какъ ему было угодно. Съ этого же времени налоги стали взиматься деньгами. Этотъ экономическій переворотъ, совпавшій съ уничтоженіемъ внутреннихъ таможенъ, совершенно видоизмѣнилъ Египетъ. Съ одной стороны, правительство переставши подвергаться рискамъ торговаго дѣла, начало получать опредѣленный доходъ, взамѣнъ гадательныхъ барышей; съ другой стороны, феллахъ съ новой энергіей принялся за плугъ, чувствуя себя если еще не абсолютнымъ собственникомъ, то по крайней мѣрѣ несмѣняемымъ арендаторомъ обрабатываемой имъ земли. Что касается выгодъ правительства отъ реформъ Саидъ-паши, то, несомнѣнно, оно много выиграло; но что ка-

сается земледѣльческаго класса въ Египтѣ, то de facto онъ остался совершенно въ такомъ же положеніи, какъ и прежде. Дѣло въ томъ, что феллахъ подавленъ тяжестью налога, происходящаго не столько отъ его размѣра, сколько отъ его неопредѣленности. Турецкіе и европейскіе агенты, собирающіе подати съ народонаселенія, берутъ все, что имъ угодно, зная напередъ, что феллаху некуда и некому на нихъ жаловаться, такъ какъ всѣ казенныя мѣста, въ томъ числѣ и суды, заняты людьми турецкаго происхожденія, а не египетскаго. Я помню, меня поражало во время путешествія по Нилу равнодушіе феллаховъ къ измятымъ туристами полямъ. Мало того они сами скакали на своихъ ослахъ самымъ безцеремоннымъ образомъ въ перегонку по пшеницѣ и маису, прибывая цѣлыя десятины. На мой вопросъ драгоманъ объяснилъ мнѣ, что это происходитъ оттого, что феллаху совершенно безразлично, сколько - бы у него ни родилось, такъ какъ — все равно — все будетъ взято на уплату податей. На эту безнравственную эксплуатацію народонаселенія Г. Кэвъ указывалъ еще въ 1876 году ¹⁾, какъ на одно изъ главныхъ препятствій къ улучшенію быта народа, а слѣдовательно, и къ правильному развитію земледѣлія и торговли страны. Кстати замѣчу здѣсь, что онъ тогда еще указывалъ на постоянно усиливающійся антагонизмъ народной партіи и партіи правительственной, грозившій разразиться возстаніемъ придавленнаго народонаселенія — предсказанія, вполне оправдавшіяся недавними событіями въ Египтѣ.

¹⁾ *Rapport sur la Situation financière de l'Égypte, présenté aux deux chambres du Parlement anglais par ordre de la reine; Mars, 1876.*

При такомъ экономическомъ положеніи, феллаху, у котораго проданъ на покрытіе податей весь годовоіи урожай, а за неимѣніемъ его, весь инвентарь, ничего не остается больше, какъ идти въ Каирь побираться и съ отчаянія курить запоемъ гашишъ. И никакія репрессивныя мѣры никакихъ „свѣдущихъ людей“ не помогутъ уничтоженію зла, если не будетъ уничтоженъ его корень.

Позднѣе, въ Верхнемъ Египтѣ, мнѣ еще пришлось курить гашишъ, но такъ же безуспѣшно, какъ и первые раза: кромѣ непріятнаго вкуса во рту, я не ощущалъ ничего. Но на этотъ разъ меня успокоилъ одинъ итальянецъ докторъ, долго жившій на востокѣ, объяснивши мнѣ, что гашишъ дѣйствуетъ только послѣ довольно продолжительнаго, непрерывнаго его употребленія; на здоровые же, неутомленные имъ нервы онъ не оказываетъ никакаго вліянія.

Вернувшись съ моимъ спутникомъ Г. Маріусомъ С. довольно поздно, но вполне благополучно съ нашей поучительной прогулки, мы рѣшили съ нимъ поѣхать завтра чѣмъ-свѣтъ на пирамиды, для чего съ вечера заказали коляску и попросили Ахмета разбудить насъ пораньше.

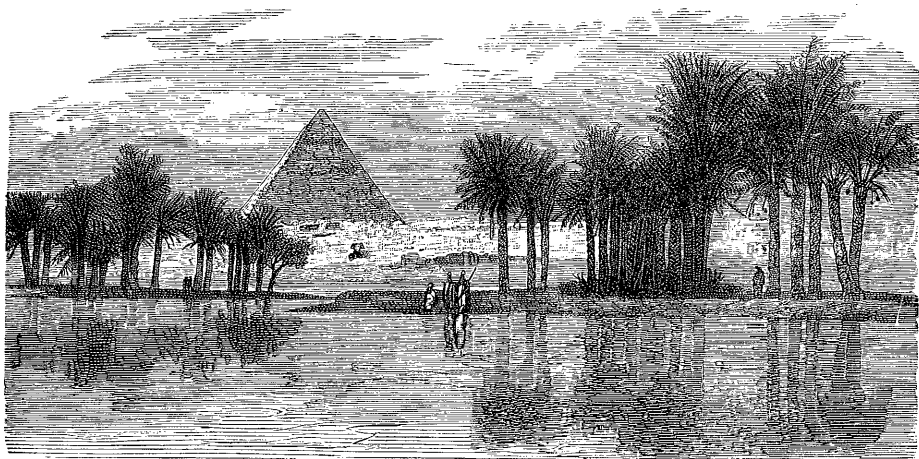
Я легъ спать, но мнѣ не спалось подѣ моимъ кисейнымъ балдахиномъ: обратное-ли дѣйствіе гашиша, или видѣ его употребителей волновалъ мои нервы. Передъ моими глазами носились, какъ въ бѣшеномъ хороводѣ, картины востока: то фантастическіе дворцы и фонтаны, то внутренность арабскаго *café chantant*, то оживленная улица базара... и странно, какъ отчетливо въ полусонномъ ясновидѣніи обрисовывались характер-

ныя черты видѣннаго мною въ Каирѣ, и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ я ощущалъ разочарованіе во многомъ! Весь поэтический ореолъ, весь мишурный блескъ, влекшій меня въ страну калифовъ, пропадалъ передъ моими прозрѣвшими глазами, а истина, отвратительная и грубая, какъ ночное привидѣніе, вставала во всей своей наготѣ.

Какъ издали здѣсь все красиво и блестяще, а вблизи какъ все это мерзко, пропитано грязью! Это впрочемъ особенность востока—очаровывать издали и отталкивать вблизи. Всѣ его люди, обычаи и учрежденія имѣютъ ту особенность, что они всегда представляются для иностранца, окруженными какою-то поэтическою атмосферой, къ сожалѣнію, весьма скоро исчезающею, лишь только наблюдатель всмотрится по-пристальнѣе. Возьмемъ хотя-бы куренье кальяна съ гашишемъ. Какая богатая картина для фантазіи! Вамъ припоминается стихъ Лермонтова, ваше воображеніе рисуетъ и жемчужный фонтанъ, и тѣнь роскошнаго сада, и шелковые узорные шальвары, и цѣлыя картины изъ *Orientales* В. Гюго... а между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, что можетъ быть отвратительнѣе того куренья, которое мнѣ пришлось видѣть сегодня? Поэзіи — мало, но въ грязи и цинизмѣ недостатка нѣтъ. Возьмемъ далѣе восточную женщину—выраженіе мало употребительное, такъ какъ всегда говорятъ: восточная красавица. Тутъ шалуныя фантазія уходитъ еще дальше. Поэты не находятъ словъ, чтобы воспѣть ихъ, художники не щадятъ красокъ, чтобы представить роскошные типы одалисокъ и опьяняющія фигуры альмей. А между тѣмъ, читатель, что это такое на самомъ дѣлѣ! Всякія иллюзіи пропадаютъ, всѣ

эти Тамары и Фатьмы исчезаютъ, когда взглянешь на лицо каирской женщины, съ ея намазанными сажей бровями и опухшими, красными вѣками отъ постояннаго употребленія красокъ для замѣны выпавшихъ рѣсницъ; хотя издали это же матово-блѣдное лицо съ выразительными черными глазами производитъ очаровательное впечатлѣнiе. Эта разница — вблизи и издали — меня поражала во всемъ на востокѣ: обычай-ли, нравы, дворець-ли хедива, мечеть-ли, частный домъ, улица или базаръ — все здѣсь васъ привлекаетъ издали игривостью своихъ формъ, поэтичностью обстановки, удивительными сочетанiями цвѣтовъ и отталкиваетъ, разъ вы успѣли взглянуть въ эту неимовѣрную грязь и запущенность нравственную и физическую, которая неограниченно царятъ здѣсь вездѣ и во всемъ.

ГЛАВА IX

Я проснулся раньше условленного часа, часу в третьемъ ночи. Я всталъ и отворилъ окно. На меня пахнуло свѣжестью южной ночи. Хороводы звѣздъ чудными узорами сплетались на далекомъ небосклонѣ и одна за другой гасли по мѣрѣ того, какъ блѣдноватый еще отблескъ востока разливался по темно-лиловому своду, озаряя безкрышіе дома и минареты, которыхъ тонкія иглы чуть-чуть свѣтлѣли кое-гдѣ надъ спящимъ городомъ.

Черезъ нѣкоторое время послышались мягкіе шаги по корридору босоногого Ахмета и тихій стукъ въ дверь... пора отправляться!

Я на-скоро одѣлся, захватилъ съ собой бинокль и

немного мелочи для расплаты съ „шейхомъ пирамидъ“ и вышелъ на крыльцо гостиницы, гдѣ уже ходилъ взадъ и впередъ мелкими шажками своихъ короткихъ ножекъ мой компаньонъ-французъ, по временамъ вздрагивая отъ утренней свѣжести: „*brtt... pom d'une ripe, il ne fait pas chaud!*“ ворчалъ онъ, съ нетерпѣніемъ посматривая на буфетъ, гдѣ намъ готовили чай. Шумный городъ спалъ. Европейскіе города съ ихъ трамваями, фіакрами, трескучими мостовыми такъ не умѣютъ спать, какъ спятъ ночью восточные, оживленные и шумные днемъ, города. Я сѣлъ въ ожиданіи на ступенькахъ подъѣзда, выходящаго на садъ Эзбекію, черной массой выдѣлявшійся на темномъ фонѣ неба. Спящій, безмолвный Каиръ напоминалъ мнѣ своими ночными звуками нашу русскую деревню въ тихую лѣтнюю ночь: далеко гдѣ-то лаяла собака, кое-гдѣ сонными голосами перекликались пѣтухи; въ довершеніе иллюзіи ворона, расхаживавшая по улицѣ, каркнула совершенно по-русски и полетѣла, неуклюже размахивая крыльями. — „*Venez monsieur*“, проговорилъ надъ моимъ ухомъ Ахметъ, показывая знаками, что чай готовъ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы уже напились животворнаго напитка, сильно отзывавшагося вѣникомъ, и сидѣли въ коляскѣ съ моимъ М-гъ Маріусомъ, все еще продолжавшимъ ворчать на свѣжесть воздуха. Съ далекаго, роднаго сѣвера подуваль вѣтерокъ, тотъ самый, который продолжается въ Египтѣ всю зиму и гонитъ парусныя *дахабги* вверхъ по Нилу. Мы плотнѣе застегнули наши пальто и закурили сигары. Мы ѣхали по прекрасно шоссированному, широкимъ улицамъ новаго европейскаго квартала Каира. Ровное колыханіе коляски

и свѣжій утренній воздухъ проливали по всему тѣлу благотворную нѣгу и бодрость; въ такія минуты дѣлаешься какъ-то особенно рѣшительнымъ, готовымъ на все — настроеніе самое благопріятное для туриста. По крайней мѣрѣ въ то утро я чувствовалъ себя способнымъ влѣзть хоть на двадцать пирамидъ, не то что на одну.

Мы проѣхали уже Place de l'hippodrome, проѣхали и Kasr-en-Nil. Вотъ и мостъ. Гигантскія фигуры львовъ, ярко освѣщенные большимъ висячимъ фонаремъ, неподвижно лежатъ въ величественныхъ позахъ и какъ-бы стерегутъ вѣздъ на мостъ. Между тѣмъ небо все свѣтлѣетъ, млечный путь совсѣмъ почти ступшевался, а Большая Медвѣдица и Полярная звѣзда, которая здѣсь едва подымается надъ горизонтомъ, почти потухли.

„А вѣдь мы опоздаемъ на пирамиды къ восходу солнца“, обратился мой спутникъ къ кучеру. „Да!“ отвѣтилъ тотъ лаконически и, посмотрѣвши на небо, тронулъ лошадей. Сколько туристовъ перевозилъ онъ, должно быть, на своемъ вѣку въ этотъ же самый часъ, по этой же самой дорогѣ, ѣздившихъ на пирамиды съ тѣми же чувствами, съ какими ѣхали и мы!

Въ полумракѣ, словно выростая изъ земли, промелькнула фигура верблюда, другая, третья — цѣлый караванъ. Слышенъ говоръ погонщиковъ и позвякиваніе колоколчиковъ — этотъ характерный голосъ пустыни. Мы вѣхали въ густую аллею сикоморъ, обнявшихся своими могучими вѣтвями, темную, какъ тоннель. Кругомъ ничего не видно, кромѣ бѣлаго балахона нашего возницы и лица моего компаньона, освѣщенного огонькомъ сигары. Проѣхавши мимо одного изъ многочислен-

ныхъ загородныхъ дворцовъ вице-короля, окруженнаго темною массою сада, мы скоро повернули направо и выѣхали на прямое какъ стрѣла шоссе, ведущее къ пирамидамъ. Но вотъ и онѣ! Или это — миражъ? Нѣтъ, этотъ синій холмъ, это — пирамида, все растущая по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ ней, и принимающая болѣе опредѣленныя очертанія. Но до нихъ еще далеко. Какъ вода Танталя, онѣ дразнили насъ, уходя все вдаль и выростая все больше и больше. Мнѣ казалось — мы никогда не доѣдемъ до нихъ. „Да пошелъ же“! крикнулъ я ужь по-русски на кучера. А пирамиды все растутъ и удаляются; мы отъ нихъ еще такъ далеко, что не видно ни сфинкса, ни маленькихъ пирамидъ, изъ которыхъ каждая — съ нашу хорошую колокольню. Въ томительномъ ожиданіи, молча съ моимъ французомъ, вперили мы глаза въ эти горы и думали: вотъ, вотъ сейчасъ остановимся и полѣземъ; но время шло, шоссе все бѣжало впередъ, съ нимъ и пирамиды, а мы какъ-бы стояли на мѣстѣ.

Вдругъ деревья кончились, мы остановились — ѣхать дальше было некуда. Хеопсова твердыня висѣла надъ нами. Мы выскочили изъ коляски и бѣгомъ пустились къ пирамидѣ, по щиколку увязая въ песокъ. Пробѣжавъ шаговъ двѣсти, мы остановились въ изнеможеніи, а до пирамиды все еще было далеко. Еще шаговъ двѣсти — и мы стояли передъ сфинсомъ.

Засыпанный по грудь пескомъ, изъѣденный, курносый, искрошенный вѣками, обратившись лицомъ къ рѣкѣ и спиной къ пустынѣ, похожій сзади на баснословный грибокъ, а спереди на какого-нибудь титана, низверженнаго съ высотъ горняго неба, онъ сохранилъ еще, не-

смотря на всѣ свои раны, выраженіе могучаго спокойствія, поражающаго васъ до глубины души. Я понимаю почему арабы прозвали его *Абу-эль-хуль* — „отцомъ трепета“. Этотъ стражъ пустыни и пирамидъ, современникъ Менеса, стоитъ здѣсь шестьдесятъ вѣковъ и смѣется надъ временемъ! Столѣтія, народы, религіи нравы, законы проходили мимо него, и всякое слово исторіи ударяло въ его широкое ухо, окруженное священной повязкой. О, если-бы ты могъ говорить, безмолвный сфинксъ, безмятежный свидѣтель челоуѣчества! Ты рассказалъ бы намъ, какъ строились эти каменные горы руками и жизнью людей! Ты объяснилъ бы намъ чего ты символъ! Ты назвалъ бы имя царя, вырубавшаго тебя изъ скалы въ надеждѣ обезсмертить свое имя и забытаго на вѣки!

Кругомъ него все дико и пусто; скала, на которой онъ стоитъ, давно погребена подъ пескомъ, постоянно заметающимъ и туловище сфинкса, несмотря на многократныя раскопки. Лишь бедуинъ иногда отдыхаетъ въ его тѣни, да коршунъ, „степной нелюдимъ“, садится на его голову.

Однако надо торопиться на вершину пирамиды, иначе мы пропустимъ восходъ солнца. Я забылъ сказать, что мы давно уже были окружены толпою арабовъ, сначала было сильно приставшихъ къ намъ; но, увидавши, что имѣютъ дѣло не съ новичками, они поотстали и только издали предлагали свои ни на что ненужныя услуги. Для достиженія подобнаго результата намъ пришлось лишь нѣсколько разъ употребить одно арабское слово, имѣющее магическое вліяніе на сыновъ пустыни. Это — *букра*, что буквально значитъ завтра, а въ переносномъ

смыслъ — нѣчто въ родѣ: „дудки, братъ“! Ничто такъ не бѣситъ пристающей толпы, какъ это букра, и ничто не доказываетъ ей такъ ясно, что съ употребившаго это слово взять нечего. Мы были уже почти у подножія Хеопса. Шейхъ... шейхъ... разнеслось вдругъ въ толпѣ. Le chef, переводили наиболѣе назойливые, которые, несмотря на наше букра, дергали насъ за рукавъ и показывали пальцемъ на важно двигавшуюся намъ навстрѣчу бѣлую фигуру, драпированную въ полосатую *абойэ* ¹⁾. „*Нехаракъ саидъ!*“ (съ добрымъ утромъ!), привѣтствовалъ онъ насъ. Мы ему отвѣчали также по-арабски, приложивъ по восточному обычаю руку къ сердцу, рту и лбу. Мой спутникъ, свободно владѣвшій мѣстнымъ нарѣчьемъ, потребовалъ у шейха четырехъ молодцовъ, чтобы поднять насъ на пирамиду, и какъ можно скорѣе, пока солнце еще не взошло. Тѣмъ временемъ мы подошли вплотъ къ Хеопсу; я взглянулъ наверхъ, запрокинувъ голову: эхе-хе--хе-хе, однако! Высоко страшно, а передъ собой первая ступень мнѣ выше пояса... какъ туда лѣзть? Пока я размышлялъ, почесывая въ затылкѣ, два дюжихъ малыхъ схватили меня за руки и вздернули на первую ступень, затѣмъ на вторую, на третью и такъ далѣе. Тамъ, гдѣ обыкновенно взбираются на пирамиду, проложена тропинка, бѣловатой дорожкой бѣгущая со ступени на ступень, отыскивая, гдѣ камни не такъ высоки. Тутъ ясно видны слѣды ногъ: поверхность плитъ и ребра ихъ потерты, уступы выложены босыми ногами, сапогами, цѣплявшимися за камни руками. Есть мѣста — на особенно большихъ и высо-

¹⁾ Широкая, длинная рубашка изъ веблужьей шерсти.

нихъ плитахъ — гдѣ видно, какъ сотни тысячъ, а можетъ быть и милліоны, босыхъ и обутыхъ ногъ пробили въ камнѣ глубокія, гладко отполированныя углубленія. Добравшись приблизительно на одну треть высоты, мы остановились немножко перевести духъ. Тутъ явился, Богъ знаетъ откуда, еще арабъ, предлагавшій свои услуги, показывая мимикой, какъ ловко будетъ онъ насъ подсаживать сзади. А немного ниже карабкалась съ визгомъ и смѣхомъ цѣлая стая ребятишекъ малъ-маламеньше, кто съ кувшинами съ водой, а кто такъ изъ любви къ искусству. Арабы были совершенно нагишомъ, если не считать за платье бранные остатки довольно короткихъ бѣлыхъ рубашекъ, весьма плохо прикрывавшихъ ихъ загорѣлое тѣло. Для нихъ, казалось, было вовсе неумотительно вспрыгивать со ступени на ступень и втаскивать насъ туда съ собой. Въ этотъ моментъ изъ-за Мокаттама брызнули лучи солнца, пирамида вспыхнула, какъ огнемъ пожара, а степь какъ бы потонула въ его красныхъ лучахъ. Мы вскочили, какъ ужаленные, и бросились подыматься выше.

Черезъ четверть часа мы были на платформѣ, которой оканчивается Хеопсъ. Эта платформа имѣетъ тридцать девять метровъ въ окружности, а между тѣмъ снизу верхушка пирамиды кажется острою. Только-что мы достигли верха, какъ арабы, да и мы огласили воздухъ громогласнымъ ура; причемъ арабы, какъ народъ практическій, сейчасъ же воспользовались нашимъ экзальтированнымъ настроеніемъ духа, чтобы попросить бакшишъ.

Изъ-за Мокаттама медленно выкатывалось солнце. Каиръ растилался въ какой-то сизой мглѣ, только мина-

Ступенчатая пирамида.

реты мечети Мехмета-Али виднѣлись, какъ двѣ розовыя иглы. Далеко среди равнины блестяли воды Нила, изви-вавшаяся, какъ алмазная нить, на зеленомъ коврѣ полей и пастбищъ. Арабскія деревушки, рощи пальмъ и озера еще не совсѣмъ сошедшей нильской воды кажутся пятнышками.

Какая страшная даль! Даль и вправо, и влѣво, и передо мной! — Воздухъ здѣсь такъ чистъ и сухъ, что видно на громадное разстояніе. На югъ — маленькія саккарскія пирамиды на песчаныхъ возвышенностяхъ, круто спускающихся къ долинѣ, гдѣ стоялъ древній Мемфисъ. На сѣверъ — дельта съ ея плодородными полями, изрѣзанными рукавами и каналами Нила. На западъ — безпредѣльное пространство Ливійской пустыни, гдѣ на просторѣ гуляющіи вѣтеръ мететъ песокъ. Рядомъ съ нами стоитъ пирамида Хефрена съ верхушкой, покрытой еще облицовкой, немного дальше — Микерина, а кругомъ — Гизехскій некрополь съ его маленькими пирамидами, на половину рассыпавшимися, и разбросанными тамъ-сямъ громадными камнями отъ стоявшаго здѣсь когда-то храма.

Много видовъ на землѣ поразительной красоты и величія, но вида, такъ подавляющаго воображеніе человѣка, какъ съ пирамиды — нѣтъ.

Я видѣлъ съ Капо ди Монте, какъ просыпается Неаполь, какъ освѣщается Капри первыми лучами солнца, подымающагося изъ-за Капманьи, и какъ старикъ-Везувій окутывается покровомъ утренняго тумана въ то время, какъ розовое море залива ласково плещетъ о крутой берегъ Соренто, покрытый черной листвою лимонъ и лавра... Хорошо! Удивительно!

Въ Римѣ, на Monte Pincio, когда облокотишься на мраморныя перила виллы Медичи, чтобы любоваться послѣдними лучами заката, золотящаго колоссальныя окна Петра и пиніи виллы Памфили, или когда окинешь взоромъ эту равнину Кампаньи, носившую въ былыя времена когорты владыкъ міра — тутъ тоже испытываемое ощущеніе неизгладимо залегаетъ въ душу.

Я сидѣлъ на ступеняхъ Пропилей. Передо мной блещеъ Саламинскій заливъ, а дальше виднѣлись темные берега Мореи и вершины Киѳерона; обратившись къ Парѳенону, я видѣлъ сквозь его благородную колоннаду вершины Пинда и Парнаса, Пеліона, Оссы и Олимпа, а за ними всю страну, гдѣ совершилось одно изъ величайшихъ событій міра, рѣшившихъ участь нашей культуры. Это, можетъ быть, по своему значенію и гармоніи линій — единственная картина въ мірѣ.

Но на пирамидѣ другія чувства волновали мою грудь: древность памятника, его историческое значеніе, величіе и ничтожество человѣка, неизмѣнная красота и юность окрестной природы — все слилось въ одно чувство нѣмаго поклоненія передъ этой вѣчной энигмой, которая называется пирамидою.

Какъ много времени прошло со дня ихъ основанія, такъ много накопилось съ тѣхъ поръ и разказовъ о ихъ постройкѣ, и гипотезъ о ихъ назначеніи. Весьма естественно, что эти громадныя, замкнутыя со всѣхъ сторонъ массы, о происхожденіи которыхъ ничего не было извѣстно и во внутренности которыхъ можно было предполагать столько чудеснаго, во всѣ времена

поражали воображеніе людей, начиная съ греческихъ путешественниковъ и кончая итальянцемъ Кавигліей, дошедшимъ до умопомѣшательства, доискиваясь до значенія пирамидъ и живя постоянно у ихъ подножія; и начиная съ друзовъ, которые въ своемъ катехизисѣ называютъ строителемъ пирамидъ своего Мессію, и кончая алхимиками, которые утверждаютъ, что въ ихъ нѣдрахъ сокрыты книги Трисмегиста. Евреи и христіане также изобрѣтали различныя сказанія по поводу пирамидъ; они относятъ постройку этихъ памятниковъ ко времени плѣненія ихъ въ Египтѣ. По ихъ словамъ, пирамиды строились евреями. Въ наибольшей изъ нихъ былъ, по ихъ сказанію, похороненъ фараонъ, утонувшій въ Черномъ морѣ во время преслѣдованія, что довольно трудно понять. Въ другихъ сказаніяхъ, приписывающихъ пирамидамъ болѣе глубокую древность, ихъ называютъ гробницами Сиѳа и Еноха. Но въ особенности часто фигурируетъ въ еврейскихъ легендахъ имя Іосифа. Онъ основалъ Мемфисъ, онъ же былъ тамъ и главнымъ министромъ, онъ поставилъ всѣ египетскіе обелиски и выстроилъ всѣ пирамиды, которыя назывались житницами Іосифа. По формѣ впрочемъ, онѣ въ самомъ дѣлѣ походятъ на старинные египетскіе амбары, куда сыпался хлѣбъ сверху, какъ это можно видѣть на фрескахъ, украшающихъ гробницы, и на современные, которые можно видѣть на берегахъ Нила въ любой феллахской деревнѣ. Думали, что пирамиды внутри пустыя, и если бы это было такъ, то дѣйствительно — онѣ могли бы вмѣстить громадное количество зерна.

Арабы, большіе охотники до сказакъ и басенъ, дали полный просторъ своему воображенію по поводу пира-

мидь, которыя, по ихъ словамъ, выстроены еще до Адама. Странная вещь: въ этихъ баснословныхъ традиціяхъ сохранились нѣкоторые слѣды исторической правды. Въ нихъ сохранилось вѣрное понятіе о назначеніи пирамидъ, въ которыхъ большинство этихъ легендъ видитъ гробницы, что ближе къ истинѣ, чѣмъ многія гипотезы современныхъ ученыхъ. Народное проклятiе царей, строившихъ пирамиды, сохранилось также въ арабскихъ легендахъ, въ которыхъ фараонъ — синонимъ тирана. Это — величайшая справедливость, что гигантскій эгоизмъ строителей величайшихъ сооружений въ мірѣ навлекъ на ихъ имя вѣчное порицаніе. Что въ особенности вдохновляло арабскихъ рассказчиковъ — это идея прочности пирамидъ и предполагаемыхъ внутри ихъ богатствъ. Отсюда — исторія одного калифа, который пытался — то же хотѣлъ сдѣлать въ началѣ XIX столѣтія и Мехметъ-Али — разорить одну пирамиду, но скоро убѣдился, что всѣхъ богатствъ его царства не хватитъ на это предпріятіе. Отсюда-же — происхожденіе рассказа, передаваемаго Массуди, какъ коптская традиція: за сто лѣтъ до потопа царю Суриду приснился страшный сонъ. Ему снилось, что вся земля провалилась, небо покрылось черными тучами. Онъ видѣлъ, какъ звѣзды падали на землю и подымались въ видѣ бѣлыхъ птицъ, унося въ своихъ когтяхъ обезумѣвшихъ отъ страха людей. Астрологи предсказали ему потопъ. Тогда царь Суридъ велѣлъ построить пирамиды и положилъ въ нихъ всѣ свои сокровища, прахъ своихъ предковъ и книги, въ которыхъ заключались всѣ науки. Черезъ сто лѣтъ предсказаніе сбылось, былъ потопъ. Но онъ оказался безсильнымъ передъ пирамидами.

Обычай, встречающийся у многих народов древности, класть въ могилы вмѣстѣ съ покойниками драгоценныя вещи заставлялъ думать, что пирамиды — эти усыпальницы могучихъ фараоновъ — должны заключать въ себѣ неисчислимыя сокровища. На эту тему появилось множество разсказовъ, достойныхъ *Тысячи и одной ночи*, какъ напримѣръ, слѣдующій: калифъ Аль-Мамунъ, проникнувъ до нѣкоторой степени внутрь большой пирамиды, нашелъ сосудъ, наполненный золотой монетой, и слѣдующую надпись: „Одинъ царь, сынъ царя, въ такомъ-то году проникнетъ въ эту пирамиду и на это предпріятіе израсходуетъ извѣстную сумму. Мы охотно возвратимъ ему истраченныя на это деньги; но если онъ углубится дальше, то понесетъ большіе убытки, а взамѣнъ ничего не получитъ“. Калифъ былъ сильно удивленъ и приказалъ сдѣлать точный счетъ, во что обошлась раскопка пирамиды; къ его величайшему изумленію сумма, найденная въ сосудѣ, оказалась равною суммѣ его расходовъ. По этому поводу онъ подивился на мудрость древнихъ, которые умѣли, какъ никто, предугадывать будущее. Вилькинсонъ думаетъ, что калифъ Аль-Мамунъ самъ положилъ туда эту вазу съ деньгами, чтобы можно было добровольно отказаться отъ дальнѣйшихъ, повидимому бесполезныхъ работъ и зажать ротъ критикамъ, доказавъ, что онѣ ничего не стоили.

За грѣзами воображенія идутъ грѣзы науки. Одно время думали, что пирамиды были обсерваторіями. Но это предположеніе опровергается тѣмъ, что при существованіи облицовки доступъ на верхъ былъ невозможенъ, а слѣдовательно и верхняя площадка, которой между прочимъ прежде не существовало, не могла слу-

жить обсерваторіей. Направленіе отдушнѣ, которыя проникають въ погребальную комнату царя, давало поводъ думать, что ихъ наклонъ установленъ съ астрономическими цѣлями по направленію къ извѣстнымъ частямъ неба, а именно къ Полярной звѣздѣ. Но Полярная звѣзда въ эпоху, когда строились пирамиды, не была на томъ мѣстѣ, гдѣ она находится теперь. Гершель доказалъ случайность этого совпаденія, поразившаго Кавиглію ¹⁾.

Неопровержимо и вмѣстѣ съ тѣмъ удивительно то, что пирамиды ориентированы и притомъ ориентированы съ большой точностью. Незначительное отклоненіе, которое было констатировано въ нихъ, по словамъ г-на Біо, равно отклоненію меридіана Тихо-де-Браге, замѣченному Пикаромъ ²⁾. Такая точность положенія навела на мысль видѣть въ пирамидахъ указателей, опредѣляющихъ періоды солнцестоянія и равноденствія, а слѣдовательно и солнечный годъ; но, вполне допуская, что пирамиды ориентированы для астрономическихъ наблюдений, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что ихъ правильная постановка по магнитной стрѣлкѣ могла зависѣть также и отъ ихъ назначенія какъ погребальныхъ памятниковъ, такъ какъ всѣ египетскія могилы необыкновенно правильно ориентированы; тѣмъ болѣе нельзя упускать этого изъ виду, что при изученіи древняго Египта никогда не слѣдуетъ изолировать идею научную отъ религіозной: египетскій ученый былъ священнослу-

¹⁾ *John Herschel's Observations on the entrance passages in the Pyramids of Gizeh.* Vyse, II, 107.

²⁾ J. Biot. *Mémoires sur différents points d'astronomie*, 41, 42.

житель; и онъ былъ больше священнослужителемъ, нежели ученымъ.

Не могу не упомянуть здѣсь еще про одну гипотезу, надѣлавшую въ свое время много шуму. Авторъ ея — М. de Persigny ¹⁾. М. de Persigny думаетъ, что пирамиды были выстроены съ цѣлью остановить песокъ пустыни, постоянно стремящійся ворваться въ долину Нила и засыпать обработанныя поля. На эту гипотезу можно представить массу возраженій и прежде всего то, что еслибы М. de Persigny лично побывалъ на Гизехскихъ пирамидахъ и видѣлъ окрестную мѣстность, то конечно въ его голову не могло бы придти такое невѣроятное предположеніе, какое онъ защищалъ съ увѣренностью и краснорѣчіемъ, никогда ему не измѣнявшими. Пирамиды не могли защитить долину Нила отъ песка, и доказательствомъ служитъ то, что песокъ давно уже перешелъ ихъ линію и засыпалъ сфинкса, который стоитъ по сю сторону пирамидъ, т.-е. ближе къ Нилу. Но можетъ быть скажутъ, что пирамиды умѣрили вторженіе песка, что, не будь ихъ, то песокъ ушелъ бы гораздо далѣе. Допустимъ; въ такомъ случаѣ, если ужъ строить преграду пескамъ и преграду столь дорогую, какъ пирамиды, то ее надо было бы протянуть вдоль всего Египта, т.-е. всей долины Нила; а между тѣмъ мы видимъ, что всѣ пирамиды сосредоточены на сравнительно небольшомъ пространствѣ около Мемфиса.

¹⁾ Fialin de Persigny. *De la destination et de l'utilité permanente des pyramides d'Égypte et de Nubie contre les irruptions sablonneuses du desert, développement du mémoire adressé à l'Académie des Sciences le 14 Juillet 1844, suivi d'une nouvelle interprétation de la fable d'Osiris et d'Isis.* Paris 1845, in 8°.

Затѣмъ, только три Гизехскія пирамиды стоятъ близко одна отъ другой и могли бы оказывать какое-либо вліяніе на движеніе песковъ; Саккарскія же, Абусирскія и другія разбросаны на протяженіи пятнадцати миль и стоятъ одна отъ другой на большомъ разстояніи, такъ что совершенно непонятно какого рода вліяніе могли-бы онѣ оказывать на пески, движущіеся въ интервалахъ между ними. Мнѣ кажется, М. Élie de Beaumont совершенно правъ, думая, что пирамиды скорѣе способствовали вторженію песковъ, на томъ основаніи, что вѣтеръ всегда гораздо сильнѣе въ промежуткахъ между двумя возвышенностями, чѣмъ на гладкомъ мѣстѣ. Движеніе же песка, зависящее отъ силы вѣтра, усиливается слѣдовательно между пирамидами, а не ослабляется ¹⁾.

Остается неопровержимымъ одно, что пирамиды были могилы, о чемъ я сейчасъ и буду говорить. Теперь же надо спуститься внизъ, что гораздо труднѣе, чѣмъ подняться. Я окидываю прощальнымъ взоромъ горизонтъ, далеко простирающійся во все стороны кругомъ, и собираюсь спускаться; но арабы удерживаютъ меня — должно-быть, во всякомъ дѣлѣ есть свои формальности, которыя надо соблюдать — и требуютъ, чтобы я вырубилъ свое имя здѣсь, на верхней площадкѣ. У нихъ и инструментъ, необходимый для этой операціи, всегда съ собой. Я отказываюсь; но они настаиваютъ и, чтобы убѣдить меня, показываютъ имя принца Вельскаго, вырѣзанное имъ собственноручно. Камни верхней площадки буквально исчезаютъ подъ надписями. Сколько

¹⁾ Élie de Beaumont. *Leçons-de géologie pratique*, t. I, 197.

именъ! Я сталъ ихъ разсматривать. Имена англійскія преобладаютъ; на каждомъ вершкѣ можно встрѣтить десять Смитовъ. Боже мой, сколько чванства и глупости видѣли эти древніе камни! и какъ права латинская поговорка: *nomina stultorum semper parietibus insunt*. Впрочемъ, нѣкоторые сыны нашего вѣка начертали здѣсь свое имя не изъ одного лишь тщеславія, а воспользовались камнями пирамиды для рекламы, написавши свое имя съ подробнымъ указаніемъ, чѣмъ и гдѣ они торгуютъ.

Нужны сильныя нервы, чтобы, стоя на уступѣ шириной въ какой-нибудь футъ или два, смотрѣть съ такой ужасающей высоты, тѣмъ болѣе, что сверху наклонъ кажется гораздо круче, чѣмъ снизу. Арабы тутъ только мѣшаютъ, и самое лучшее пустить ихъ идти впередъ, чтобы они служили, такъ сказать, щитомъ. Добравшись благополучно до низу, мы полюбопытствовали спросить у „хозяина пирамидъ“, какъ называетъ себя шейхъ сосѣдней арабской деревушки, лазить ли кто-нибудь на пирамиду Хефрена? Оказалось, что арабы охотно продѣлываютъ эту опасную штуку; опасную потому, что вершина второй пирамиды приблизительно на одну четверть всей высоты покрыта еще совершенно гладкой облицовкой, отъ которой не осталось и слѣда на первой пирамидѣ. Понятно, что лѣзть на такую высоту, цѣпляясь за незначительныя неровности и трещины между камнями — весьма трудно и опасно. Изъ европейцевъ же были на верху Хефрена только трое: два англійскіе лорда, страдавшіе сплиномъ, и какой-то испанецъ.

Итакъ, пирамиды были ничто иное, какъ могилы.

Въ настоящее время никто противъ этого не спорить. Конечно, въ ихъ исторіи еще много темныхъ страницъ; еще много деталей требуютъ объясненія и изысканій, но относительно общаго характера и назначенія памятниковъ нѣтъ болѣе никакихъ сомнѣній. Тщательное изслѣдованіе ихъ и многіе египетскіе тексты подтвердили самымъ положительнымъ образомъ выраженіе греческихъ писателей, хорошо знакомыхъ съ Египтомъ, Геродота, Діодора и Страбона ¹⁾: „пирамиды суть могилы“. „Это. — могилы массивныя, закрытыя со всѣхъ сторонъ, безъ оконъ, безъ дверей, безъ малѣйшаго признака отверстія снаружи. Это — гигантскія оболочки мумій. Нельзя указывать на ихъ размѣры, какъ на признакъ какого-нибудь иного ихъ назначенія: есть пирамиды въ шесть метровъ вышиной. Слѣдуетъ замѣтить еще, что нѣтъ ни одной пирамиды, которая не была-бы центромъ кладбища. Это одно уже достаточно убѣждаетъ насъ въ значеніи пирамидъ, какъ памятниковъ могильныхъ“ ²⁾. Это убѣжденіе подкрѣпляется еще тѣмъ, что внутри пирамидъ всегда находили саркофагъ, правда, что всегда пустой, но это благодаря тому, что внутренность пирамидъ была уже доступна въ средніе вѣка, и тогда уже оттуда взяли все, что только можно было взять. Исключеніе составляетъ пирамида Микерина, въ саркофагѣ которой были найдены кости ³⁾.

Установивши взглядъ на пирамиды, какъ на могиль-

¹⁾ Геродотъ, II, 127. Діодоръ, I, 644. Страбонъ, XVII, p. 1161, с.

²⁾ Mariette, *Itinéraire de la Haute Égypte*, p. 96—97.

³⁾ Саркофагъ этотъ погибъ въ морѣ на пути въ Лондонъ. Спасена одна лишь крышка, находящаяся теперь въ Брит. музеѣ.

ные памятники, наука пытается объяснить ихъ вѣроятное происхожденіе по отношенію къ формѣ и матеріалу, изъ котораго онѣ выстроены.

Съ тѣхъ поръ, какъ на берегахъ Нила поселился народъ, работавшій надъ улучшеніемъ своего быта подъ управленіемъ начальниковъ, направлявшихъ общіе труды, въ немъ конечно явились потребность и желаніе, по смерти этихъ предводителей, отмѣтить мѣсто, гдѣ поконится ихъ прахъ. Самое простое средство достигнуть этого было — насыпать надъ умершимъ холмъ, достаточно высокій, чтобы былъ видѣнъ издали. Отсюда явились курганы. Курганы встрѣчаются вездѣ, во всѣхъ частяхъ свѣта. Ихъ оставили по себѣ и скиѣ, и галлы, и греки героическаго вѣка. У Гомера весьма часто встрѣчается выраженіе *στῆλα χυβέειν*, т.-е. ставить знакъ, отмѣчать посредствомъ насыпи мѣсто погребенія героя, чтобы навѣки осталась по немъ память. Традиція приписываетъ этому обычаю происхожденіе кургановъ, видныхъ еще до сихъ поръ на равнинѣ Трои.

Съ этого должна была также начать и погребальная архитектура египтянъ въ ту отдаленную, доисторическую эпоху начинаній, эпоху, которую египтяне называли временемъ *Хоръ-Шесу*, т.-е. служителей Хоруса. Пирамида произошла изъ кургана — въ этомъ нельзя сомнѣваться — и появилась лишь послѣ соединенія отдѣльныхъ племенъ въ одинъ народъ подъ скипетромъ Менеса, давшаго рѣшительный толчекъ цивилизаціи Египта ¹⁾. Пирамида — ничто иное, какъ выстроенный курганъ, въ которомъ кирпичъ или камень замѣнили

¹⁾ Perrot et Chipiez, *Histoire de l'art dans l'antiquité*, t. I, p. 202.

землю. Эта замѣна дѣлала тотъ же курганъ болѣе прочнымъ, вслѣдствіе чего и прахъ покойнаго былъ въ большей безопасности противъ разрушительнаго дѣйствія времени и святотатныхъ рукъ иноплеменныхъ пришельцовъ.

Земляной холмъ всегда круглыхъ, неопредѣленныхъ формъ, не поддающихся точному измѣренію; превратившись въ каменную постройку, курганъ долженъ былъ измѣнить свою форму, линіи которой должны были сдѣлаться болѣе рѣзкими, опредѣленными. Форма-ли, въ которую выливается кирпичъ, стамеска-ли, которой тешутъ камень, придають матеріалу абрисъ тѣла, опредѣляемаго геометріей. Характеристическія черты каждой отдѣльной части матеріала должны непремѣнно отразиться и на всемъ произведеніи. Прежде чѣмъ время не сотретъ угловъ, мы имѣемъ въ основаніи всегда или кубъ, или параллелепипедъ, пирамиду или призму, цилиндръ или конусъ. Зданіе, выйдя изъ рукъ строителя, носитъ на себѣ болѣе или менѣе отпечатокъ того или другаго изъ этихъ элементовъ. Можно сказать, что архитектура появилась съ того дня, когда человѣкъ, употребляя въ дѣло твердый матеріалъ, началъ создавать устойчивыя формы, поддающіяся геометрическому опредѣленію. Достигнувъ этого результата, онъ идетъ дальше, работая надъ сочетаніемъ въ различныхъ направленіяхъ этихъ элементарныхъ формъ и украшая свое произведеніе различнаго рода орнаментомъ. Искусство тогда движется впередъ и впередъ; и у народовъ, счастливо одаренныхъ, въ эпоху полного расцвѣта ихъ душевныхъ силъ воздвигаются зданія, которыя, несмотря на свое разнообразіе, носятъ на себѣ печать народнаго

генія, представляя лишь разновидности національнаго идеала. Тогда можно сказать, что у этого народа есть его собственный стиль, что у него есть національная архитектура.

Когда стали появляться на границѣ пустыни пирамиды, народъ египетскій дѣлалъ въ архитектурѣ свои первые шаги, онъ лишь вступалъ на этотъ путь. Форма пирамиды—самая простая, какую только можно придать строенію. Еще проще была-бы форма тетраедра или пирамиды, построенной на треугольномъ основаніи. Но въ Египтѣ не найдено ни одной пирамиды такого вида; всѣ—маленькія и большія—построены на квадратномъ основаніи. Происхожденіе этой формы четырехгранной пирамиды объясняли мистическими причинами. Каждая изъ сторонъ, какъ думали, была посвящена одному изъ четырехъ геніевъ Аменти, соотвѣтствовавшихъ четыремъ странамъ свѣта ¹⁾). Насколько предположеніе это вѣрно, судить трудно, такъ какъ хорошо еще неизвѣстно къ какой эпохѣ отнести появленіе въ египетскихъ вѣрованіяхъ этихъ четырехъ геніевъ. По другому объясненію, болѣе простому, одна изъ сторонъ могилы должна была быть обращена къ западу— царству умершихъ, другая къ востоку, обѣщавшему имъ воскресеніе. Трехгранная же пирамида не могла бы удовлетворить этому требованію. Къ тому же, четырехгранная пирамида представляетъ больше гарантій прочности и долговѣчности, чѣмъ острия ребра тетраедра.

Это четырехугольное основаніе есть общая характерная черта пирамидъ; за исключеніемъ этого, онѣ пред-

¹⁾ Mariette, *Itinéraire de la H. Égypte*, p. 96.

ставляютъ громадное разнообразіе формъ и размѣровъ. Отъ Мейдума на югѣ и до Абуроахъ на сѣверѣ — 69 километровъ. Между этими двумя крайними пунктами лежитъ область пирамидъ. Ихъ около сотни. Шестьдесятъ семь изъ нихъ были изслѣдованы Лепсіусомъ. Между тѣмъ изъ всего этого количества нельзя найти двухъ вполнѣ похожихъ, которыя казались бы копіями съ одной модели. Я говорю не только про высоту, но и про форму. Высота же весьма различна; такъ напримѣръ, три большія Гизехскія пирамиды, въ ихъ настоящемъ видѣ, имѣютъ 137, 135 и 66 метровъ вертикальной высоты; а у ихъ подошвы, какъ карлики, разсыпаны маленькія пирамиды не болѣе 15, 20 метровъ вышины. Между этими крайностями — цѣлая серія различныхъ высотъ: Саккарская пирамида со ступенями имѣетъ 57 метровъ, наибольшая изъ Абу-сирскихъ — около 50, одна изъ Дашурскихъ — 30 метровъ.

Такая разница въ высотѣ вполнѣ объясняется обычаемъ египтянъ, въ силу котораго они, достигнувъ зрѣлаго возраста, начинали помышлять о своемъ жилищѣ для загробной жизни. Каждый египтянинъ приготовлялъ себѣ заблаговременно колодезь и склепъ, высѣкалъ саркофагъ и строилъ часовню. Случалось весьма часто, что человѣкъ, принявшійся за всѣ эти приготовленія, умиралъ. Наслѣдники же исполняли лишь строго необходимыя требованія законовъ и вѣры: они клали мумію въ саркофагъ, наполняли колодезь и задѣлывали въ него входъ; но, будучи заняты каждый своей собственной могилой, они оставляли часовню неотдѣланной, часто совсѣмъ неначатой. Только такимъ образомъ объ-

ясняется положеніе, въ какомъ были найдены нѣкоторыя могилы въ Мемфисѣ или въ Оивахъ. Въ этихъ могилахъ можно видѣть, кака одна изъ стѣнъ погребальной комнаты украшена скульптурными изображеніями и живописью, отдѣланными съ величайшею тщательностью, а рядомъ на другой стѣнѣ виднѣнъ лишь эскизъ рисунка, намѣтившій краснымъ карандашемъ контуръ фигуръ. Исполненіе же было приостановлено смертію хозяина могилы.

То же было и съ царскими могилами. Каждый царь, взойдя на престоль, начиналъ постройку своей пирамиды. Но такъ какъ весьма легко могло случиться, что смерть застигнетъ его въ началѣ работъ по сооруженію могилы, то онъ всегда торопился выстроить себѣ пирамиду средняго размѣра, снабженную склепомъ. Обезпечивъ себѣ такимъ образомъ подобающую усыпальницу, фараонъ успокаивался; его души не тревожило больше отсутствіе могилы. Но постройка тѣмъ не менѣе не прекращалась: чѣмъ шире и выше будетъ пирамида, тѣмъ прочнѣе она будетъ, тѣмъ лучше сокроетъ въ себѣ мумію фараона, и тѣмъ громче будетъ говорить она потомству о величїи и могуществѣ ея строителя. Такимъ образомъ изъ года въ годъ онъ заставлялъ работать все бѣльшее и бѣльшее количество рабочихъ, клавшихъ одинъ слой камня на другой. Каждый слой увеличивалъ объемъ и вышину пирамиды, которой маленькая пирамида, сложенная на скорую руку, служила какъ бы ядромъ. Итакъ, постройка начиналась съ середины и шла, развиваясь въ ширину и въ высоту; такъ что въ горизонтальномъ разрѣзѣ пирамида представляетъ подобіе съ поперечнымъ разрѣ-

зомъ древеснаго ствола ¹⁾). По мѣрѣ того, какъ пирамида росла, каждый новый слой требовалъ больше рукъ и больше времени. Но нѣтъ никакого основанія думать, что каждый слой долженъ былъ быть оконченъ въ извѣстный срокъ, и поэтому было бы крайне невѣрно опредѣлять продолжительность царствованія по числу концентрическихъ слоевъ, какъ это дѣлаютъ для опредѣленія возраста дерева; можно лишь вообще сказать, что самыя большія пирамиды соотвѣтствуютъ самымъ продолжительнымъ царствованіямъ. По историческимъ даннымъ извѣстно, что строители Гизехскихъ пирамидъ царствовали приблизительно по шестидесяти лѣтъ. Въ данномъ случаѣ исторія подтверждаетъ тотъ индуктивный выводъ, къ которому египтологи были приведены сравнительнымъ изученіемъ приемовъ, употреблявшихся строителями пирамидъ ²⁾).

Другой способъ сооруженія пирамидъ, какъ только что приведенный, кажется немислимымъ. Въ самомъ дѣлѣ Хеопсъ, замысливши постройку своей могилы, не могъ быть такъ увѣреннымъ въ будущемъ, чтобы съ самаго начала назначить такіе гигантскіе, поразительные размѣры своему мавзолею, какіе представляетъ этотъ послѣдній даже въ наши дни, переживши столько вѣковъ и перенесши столько умышленныхъ и неумышлен-

¹⁾ Такой способъ постройки весьма ясно видѣнъ въ Мейдумской пирамидѣ. Концентрическія оболочки ея идутъ отъ центра все увеличиваясь, причемъ надо замѣтить, что онѣ неодинаковы ни по матеріалу, ни по тщательности работы. То же самое можно видѣть въ Саккарской пирамидѣ съ уступами и въ Абу-сурскихъ пирамидахъ. Mariette. *Voyage de la Haute Égypte*, p. 45.

²⁾ Lepsius, *Briefe aus Aegypten*, стр. 41—42, по поводу Мейдумской пирамиды, наведшей его на мысль подобнаго объясненія постройки памятниковъ этого рода.

ныхъ порчѣ. Площадь большой пирамиды вдвое больше площади, какую занимаетъ Св. Петръ въ Римѣ. Если вычестъ изъ ея общаго объема скалу, вокругъ которой и на которой она выстроена, и пустое пространство, занимаемое проходами и склепами, то объемъ камня, вошедшаго въ ея составъ, представляетъ колоссальную цифру 2.521,000 кубическихъ метровъ; даже въ настоящее время, когда снята съ нея облицовка и столько камней обрушилось, все-таки ея объемъ равняется 2.352,000 куб. метровъ. Предположимъ, что черезъ годъ или два послѣ того, какъ поставили лѣса и сдѣлали планъ постройки, фараонъ, задумавшій ея, умираетъ. Какой наслѣдникъ, какой сынъ, чтущій память отца, станетъ продолжать подобную работу и доведетъ ее до конца? Кромѣ того, развѣ мало было хлопотъ царствующему фараону надъ сооруженіемъ своей собственной пирамиды? И не уступилъ-ли бы онъ соблазну употребить на свою пирамиду весь матеріалъ, заготовленный его отцомъ для себя?

Уже семь тысячъ лѣтъ тому назадъ хорошо знали, что не слѣдуетъ слишкомъ полагаться на признательность и память наслѣдника. Достаточно было требовать съ него, чтобы онъ только задѣлалъ входъ въ пирамиду; вѣдь нельзя же самому себя положить туда и запереться. Но и это исполнялось не всегда, такъ какъ работы по окончанію пирамиды, погребенію и задѣлкѣ выходовъ были еще весьма большія и дорого стоящія, въ особенности, когда монументъ еще до смерти своего строителя принималъ такіе размѣры, какъ на примѣръ, Гизехскія пирамиды. Пока еще болѣзни и года не давали себя чувствовать слишкомъ рѣзко, царю трудно

было рѣшиться дать приказъ остановить работы, которыя въ продолженіе столькихъ лѣтъ составляли его отраду и гордость. Это было такое удовольствіе смотреть, какъ за слоемъ камней подымается другой слой и видѣть, что зданіе равняется, а можетъ быть ужь и выше пирамиды какого-нибудь знаменитаго предка. Пока можно еще было рассчитывать на завтрашній день, все шло въ ширь и кверху. Трудно было рѣшиться кончить свою пирамиду. А между тѣмъ смерть давно уже подкарауливала могучаго фараона. Наконецъ, насталъ роковой день — фараонъ умеръ, а пирамида еще не окончена: еще не положена облицовка изъ гладкаго камня, должствующая скрыть отъ взоровъ входъ въ пирамиду и представить гладкую, со всѣхъ четырехъ сторонъ одинаковую поверхность. Пирамида представляетъ еще подобіе громадной лѣстницы со ступенями въ $1\frac{1}{2}$ аршина. Еще сколько тысячъ камней надо привезти изъ каменистыхъ холмовъ, обдѣлать ихъ и поднять со ступени на ступень на такую высоту. Сколько еще рабочихъ дней надо и сколько труда, чтобы пригнать всѣ эти каменные глыбы одну къ одной такъ, чтобы образовать правильный, гладкій наклонъ.

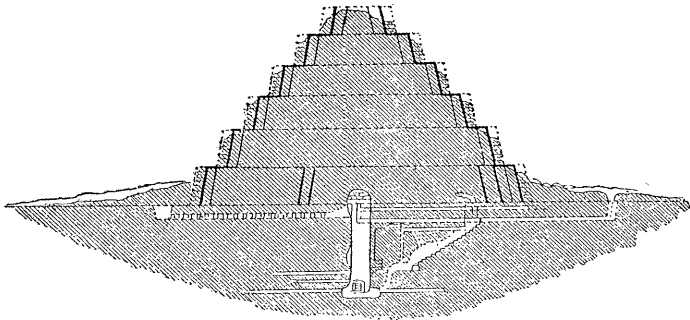
По той или иной причинѣ, но не всѣ египетскіе цари могли или, можетъ быть, желали съ одинаковымъ терпѣніемъ и ревностью продолжать и довести до конца по первоначальному плану постройку, начатую ихъ предшественниками. Относительно трехъ Гизехскихъ пирамидъ ничего неизвѣстно, въ какомъ положеніи находились работы въ день кончины ихъ строителей; во всякомъ случаѣ онѣ были достроены съ такою тщательностью, какъ будто самъ Хеопсъ или Хефренъ и Микеринъ,

присутствовали еще при окончаніи работъ и лично наблюдали за исполненіемъ всѣхъ мелочей. Нѣкоторыя же другія пирамиды, напротивъ, кажется никогда не были отстроены въ окончательномъ видѣ.

Но противъ этого вѣроятнаго способа постройки пирамидъ можно привести много возраженій. Я приведу здѣсь только одно наиболѣе вѣское, которое совершенно разрушаетъ всю теорію постепенной стройки пирамиды безъ заранѣе обдуманнаго плана и заранѣе назначенныхъ размѣровъ.

При вышеизложенномъ способѣ весьма трудно объяснить мѣсто, которое занимаютъ внутри пирамиды комнаты и проходы. Возьмемъ для примѣра пирамиду Хеопса и допустимъ, что ее начали строить безъ заранѣе обдуманнаго плана. Тогда Хеопсъ долженъ былъ бы выстроить маленькую пирамиду, снабженную погребальной комнатой и удовлетворяющую всѣмъ требованіямъ погребальныхъ обычаевъ, а затѣмъ уже продолжать постройку для удовлетворенія своего честолюбія до какихъ ему угодно было размѣровъ. Въ такомъ случаѣ обѣ комнаты (царя и царицы) находились бы внизу пирамиды, а все остальное сооруженіе представляло бы сплошную массу камня. Между тѣмъ мы видимъ, что погребальная комната С (см. стр. 192) находится на половинѣ общей высоты, и кромѣ того весь корпусъ пирамиды прорѣзываютъ нѣсколько коридоровъ и отдушинъ. И допустить, что внутреннее расположеніе пирамиды производилось и пригонялось постепенно, по мѣрѣ ея стройки — невозможно. Комнаты, пустыя пространства надъ ними для облегченія тяжести, коридоры, высокое преддверіе — все это, вмѣстѣ взятое, кажется задуманнымъ и исполнен-

нымъ сразу, тѣмъ болѣе, что нигдѣ нельзя замѣтить ни малѣйшаго признака связей и приспособленій, сдѣланныхъ *après coup* и которыя легко можно было-бы обнаружить хотя-бы по разному направленію слоевъ камня. Допустить же, что пирамиду начали строить, не заботясь о внутреннихъ комнатахъ, и уже послѣ, когда была готова эта каменная гора, въ ней продолбили проходы и усыпальные покои — нѣтъ никакой возможности, во-первыхъ, уже потому, что это было-бы противно всякой экономіи времени и труда, а во-вторыхъ — подобнаго

Разрѣзъ Саккарской пирамиды.

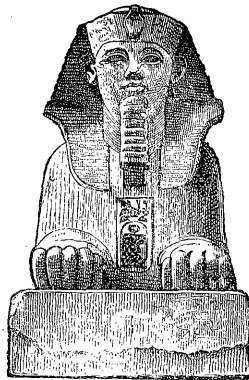
рода работа не обошлась-бы безъ обваловъ и осадки случайно встрѣтившихся при работѣ болѣе мелкихъ камней.

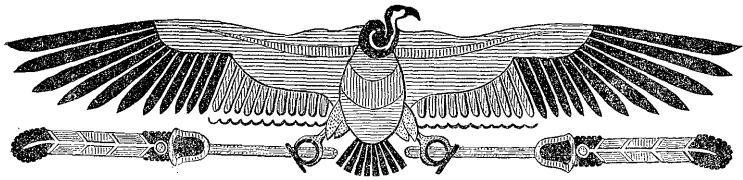
Существуетъ только одна пирамида, внутреннее расположеніе комнатъ и коридоровъ которой подтверждаетъ только что изложенный способъ постройки. Это — Саккарская пирамида со ступенями. Колодезь, склепъ и коридоры въ ней находятся подъ самымъ зданіемъ высѣченными въ цѣльной скалѣ, на которой стоитъ пирамида; такъ что въ этомъ случаѣ строителю нечего было думать

объ оставленіи мѣста въ самой пирамидѣ для только-что названныхъ пустыхъ пространствъ, и онъ могъ строить пирамиду, постепенно идя отъ центра слоями, безъ заранѣе обдуманнаго плана. Но этотъ способъ постройки буквально непримѣнимъ къ большимъ пирамидамъ. Ихъ колоссальные размѣры были задуманы ихъ строителями еще до начала работъ, и если онѣ были достроены, то благодаря лишь судьбѣ, дозволившей Хеопсу, Хефрену, и Микерину процарствовать по шестидесяти лѣтъ. Исторія развѣ не указываетъ намъ на бывшихъ во всѣ времена и во всѣхъ странахъ такихъ абсолютныхъ монарховъ, которые, ослѣпленные своимъ всемогуществомъ, считали себя владыками времени и человѣческихъ судьбъ? Иногда ихъ счастливая звѣзда имъ измѣняла и заставляла ихъ переживать минуты жестокихъ разочарованій; но иногда она служила имъ вѣрно до послѣднихъ дней и, казалось, подчинялась ихъ прихотливой волѣ.

Мнѣ лично пирамиды кажутся произведеніемъ другой воли, чѣмъ воли одного человѣка, какъ-бы всемогущественна и безгранична ни была его власть. Въ самомъ дѣлѣ, трудно вѣрится, чтобы цѣлый народъ въ продолженіе вѣковъ и вѣковъ исполнялъ колоссальныя прихоти одного человѣка и строилъ такія сооруженія, какъ пирамиды, не понимая ни ихъ смысла, ни ихъ назначенія. Египтяне были народомъ набожнымъ и суевѣрнымъ въ высшей степени; вся жизнь ихъ протекала въ постоянныхъ мысляхъ о загробной жизни и въ поклоненіи божеству, безъ участія котораго не совершалось ничего въ ихъ жизни. До Менеса Египтомъ, по преданіямъ, правили боги, жившіе на землѣ среди людей. Менесъ, ихъ

преемникъ, былъ тотъ-же богъ; ему присвоивались такія-же качества и возносились такія-же почести. Никогда Египтяне не возмущались противъ своихъ царей, и неправъ Геродотъ, говоря, что строители большихъ пирамидъ были прокляты народомъ за возложенныя ими тяжкія работы. Сами пирамиды говорятъ намъ противное. Въ честь Хеопса и Хефрена былъ установленъ отдѣльный культъ, а Микеринъ былъ благочестивѣйшимъ фараономъ. О немъ говорится даже въ *Требникъ*, гдѣ онъ называется авторомъ одной изъ наиболѣе употребительныхъ книгъ египетской религіозной литературы. Религіозность народа и поклоненіе его передъ облеченными божеской властію фараонами играли, мнѣ кажется, важную роль при постройкѣ этихъ гигантскихъ памятниковъ, которыми усеяна долина Нила. Такая точка зрѣнія легко устранила-бы затрудненія, возникающія при вопросѣ, кто и какъ оканчивалъ пирамиду по смерти того, кому она должна была служить могилой.)

ГЛАВА X

Спустившись съ пирамиды и прежде чѣмъ погрузиться въ ея темные коридоры, мы рѣшили позавтракать. Усѣлись для этого въ тѣни семидесяти-вѣковой твердыни на ея первой ступени и откупорили бутылку пель-эля, развернувши скромные припасы, которыми снабдилъ насъ Ахметъ. Въ это время подъѣхала въ двухъ коляскахъ другая компанія туристовъ, жаждавшихъ также подняться на Хеопса, посмотреть оттуда, откуда глядѣли „сорокъ вѣковъ“, и получить право сказать: „и я также былъ на пирамидѣ“. Всѣ арабы, которые не отходили до сихъ поръ отъ насъ ни на шагъ и, когда мы сѣли завтракать, расположились кружкомъ и глядѣли намъ въ ротъ за каждымъ кускомъ, толпой бросились на встрѣчу новымъ посѣтителемъ, чему мы конечно были очень рады. Пріѣхавшіе были мои знакомые англичане; они должны были ѣхать на томъ же пароходѣ вверхъ по Нилу, какъ и я. Въ ихъ числѣ были двѣ рьяныя миссъ, неутомимость которыхъ я испыталъ позже на

своихъ собственныхъ ногахъ, и три мистера — всѣ въ tropical-helmet'ахъ съ развѣвающимися вуалями. Обмѣнявшись good-morning'ами и передавши другъ другу вкратцѣ свои впечатлѣнія, мы принялись каждый за свое: мы — за прерванный завтракъ, а они — за пирамиды. По правиламъ, весьма наглядно изложеннымъ въ опереткѣ *Les mousquetaires au couvent* и по которымъ во время восхожденія на высоты дѣлается исключеніе изъ общаго правила — кавалеры идутъ впередъ, а дамы сзади, стала подыматься по высокимъ ступенямъ и прибывшая англійская компанія: мистеры впередъ, а за ними миссы, каждая съ двумя арабами, которые на этотъ разъ вооружились полотенцами, съ помощью которыхъ они необыкновенно ловко подхватывали и подсаживали хорошенькихъ искательницъ сильныхъ ощущеній „Ah, ces anglaises! elles ont vraiment des idées pyramidales!“ промолвилъ мой M. Marius, поглядѣвши вслѣдъ удалявшимся ножкамъ.

Теперешній входъ въ пирамиду представляется широкимъ съ обвалившимися краями отверстіемъ, находящимся на тринадцатомъ слобъ камней и приблизительно на восемнадцати метрахъ вышины отъ земли. Надъ входомъ, на большомъ гладкомъ камнѣ виднѣется нѣмецкая надпись, въ которой докторъ Лепсіусъ скромно сравниваетъ прусскаго короля съ Рамзесомъ-Сезострисомъ.

Сначала спускаются по коридору, идущему внизъ и сообщающемуся съ другимъ, который идетъ вверхъ. Это колѣно — самое трудное мѣсто: приходится ползти на четверенькахъ по закопченному, узкому каналу; впереди и сзади васъ ползутъ арабы со свѣчами въ рукахъ. Шествіе подвигается медленно; всѣ молчатъ, занятые

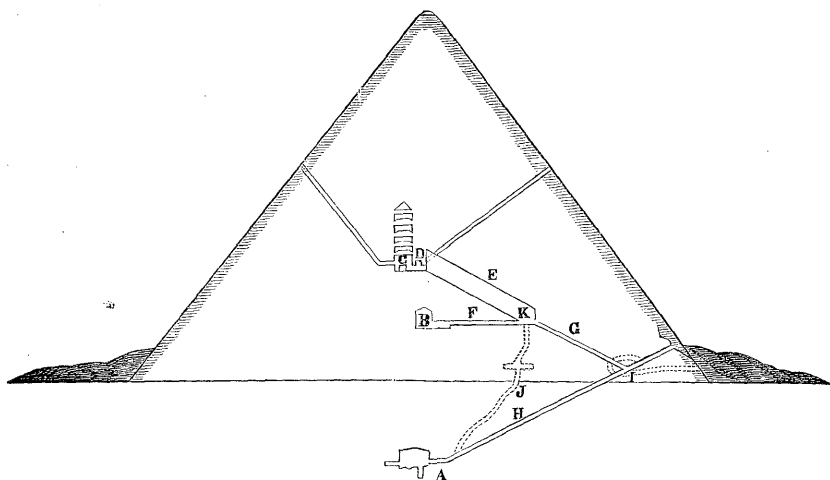
нелегкимъ дѣломъ. Только по временамъ нарушаетъ общую тишину спугнутая летучая мышь, удивленная появленіемъ свѣта и начавшая метаться по узкому проходу, тыкаясь головой о потолокъ и вплотъ налетая на огонь. Вскорѣ мы достигли высокаго коридора, упирающагося въ *комнату царя*. Ея стѣны — изъ гладкаго гранита; по срединѣ стоитъ громадный саркофагъ безъ скульптурной отдѣлки, безъ надписей и пустой. Изъ этой комнаты (С на рисунокѣ) идутъ прямо наружу двѣ узкія трубы. Теперь вполнѣ выяснено ихъ назначеніе: это были отдушины, устроенныя для прохода воздуха, необходимаго для работавшихъ внутри пирамиды. М. Maillet сдѣлалъ странное предположеніе, что эти отдушины служили для доставленія пищи тѣмъ затворникамъ, которые пожелали запереть себя внутри пирамиды и провести остатокъ дней своихъ вблизи муміи возлюбленнаго фараона. Этотъ Maillet, о которомъ писалъ Вольтеръ:

Notre consul Maillet, non pas consul de Rome,
Sait comment autrefois fût fait le premier homme.

кажется, зналъ также, что дѣлали эти затворники, сидя внутри пирамиды. „Эти лица, говоритъ онъ, получали свою пищу и все, въ чемъ они могли нуждаться, слѣдующимъ образомъ: они запаслись, вѣроятно, ящичкомъ, свободно проходившимъ въ эти трубы; къ ящику была привязана веревка, съ помощью которой они могли тащить ящикъ къ себѣ, а снаружи висѣла другая веревка, съ помощью которой его можно было вытащить обратно“. Такъ и кажется, что самъ М. Maillet видѣлъ всю эту операцію и присутствовалъ на обѣдѣ заключенныхъ въ пирамидѣ.

Изъ *комнаты царя* мы спустились обратно по тому же коридору и очутились въ другой комнатѣ, находящейся нѣсколькими метрами ниже первой и носящей названіе *комнаты царицы*, названіе, не подтверждаемое никакими преданіями.

Для наглядности прилагаю рисунокъ вертикальнаго разрѣза пирамиды Хеопса, составленный Маріеттомъ. А—подземная комната, недоступная въ настоящее время;

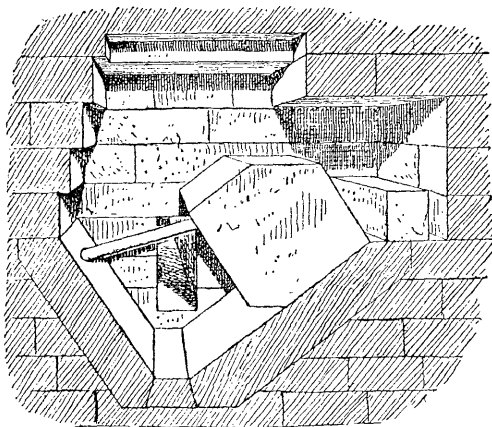
Разрѣзъ пирамиды Хеопса.

В — *комната царицы*; С — *комната царя*; D — преддверіе, которое было замкнуто двумя каменными глыбами, герметически закрывавшими входъ въ комнату царя. E, F, G, H — проходы; I — площадка, на которую выходитъ коридоръ, прорубленный калифомъ Амру въ цѣльномъ мѣстѣ. J — таинственный колодезь, представляющій еще до сихъ поръ предметъ спора для ученыхъ.

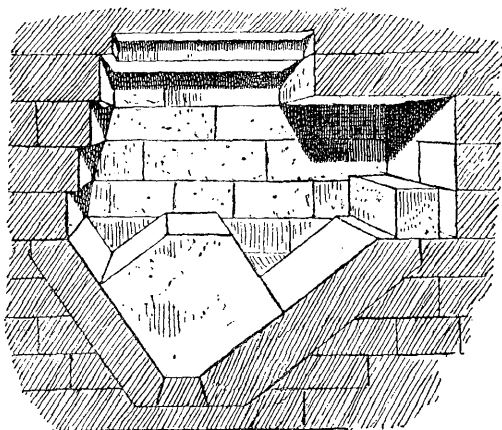
Вся эта хитрая система коридоровъ предназначалась для того, чтобы сбить съ толку тѣхъ, кто вздумалъ бы нарушить миръ и спокойствіе хранившейся внутри пирамиды муміи. „Предположимъ въ самомъ дѣлѣ, говоритъ Мариеттъ, что входъ въ пирамиду, спрятанный подъ облицовкой, найденъ. Вошедшему представляется первое препятствіе—гранитныя глыбы, которыми наполненъ проходъ Н. Если ему удастся какъ-нибудь одолѣть это препятствіе, то онъ достигнетъ комнаты А и, найдя ее пустой, догадается, что это — не настоящая погребальная комната пирамиды. Тогда ему приходится зондировать коридоръ Н на весь его протяженіи, чтобы найти мѣсто, гдѣ начинается другой проходъ. Можно себѣ представить какая это нелегкая работа, только видѣвши эти громадные камни, изъ которыхъ два лежатъ еще на мѣстѣ (на площадкѣ I). Достигнувъ подымающагося вверхъ коридора G, онъ приходитъ къ мѣсту развѣтвленія К. Это мѣсто было первоначально въ совершенно иномъ видѣ, чѣмъ въ какомъ оно находится въ настоящее время; оно было герметически задѣлано каменными глыбами. Пробившій эту преграду вполне естественно долженъ былъ направиться по горизонтальному коридору F, не подозрѣвая, что надъ его головой — другой коридоръ, идущій вверху. Онъ достигаетъ такимъ образомъ пустой комнаты В. Здѣсь его беретъ снова сомнѣніе относительно назначенія этой комнаты и онъ снова принимается за изслѣдованіе стѣнъ и потолковъ коридоровъ. Наконецъ, онъ находитъ входъ въ галерею E и на этотъ разъ достигаетъ настоящей комнаты С съ саркофагомъ и муміей.

Во время постройки пирамиды въ коридорѣ E были

приготовлены камни, равные по диаметру съ коридоромъ Г. Когда пирамида была окончена и мумія была поло-

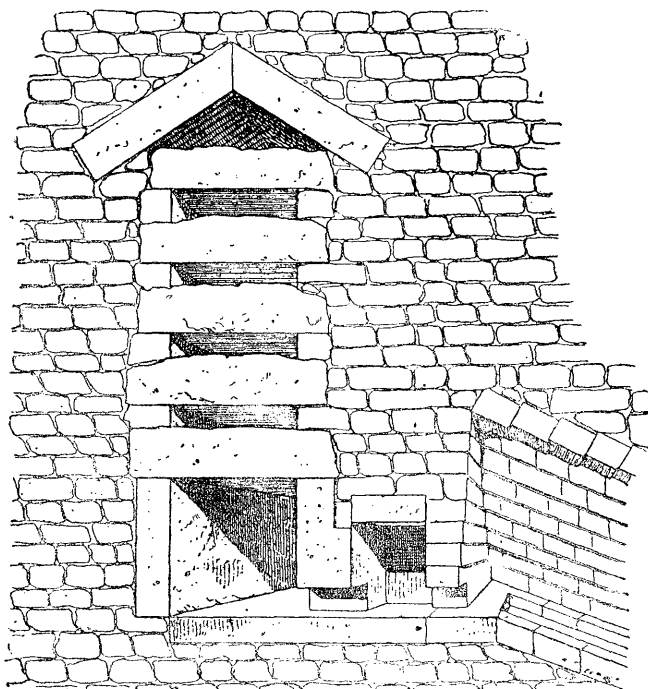
жена на свое мѣсто, то рабочіе спустили эти камни внизъ по наклону и закрыли такимъ образомъ проходъ

Г. Затѣмъ задѣлали мѣсто развѣтвленія К, а сами спустились по колодцу J и вышли наружу коридоромъ Н,

который въ свою очередь набили камнями, сползшими внизъ своею собственною тяжестью ¹⁾).

Весьма интересень способъ, какъ былъ задѣланъ входъ въ комнату царя С. Въ преддверіи этой комнаты былъ по окончаніи церемоніала погребенія приготовленъ

камень, акуратно пригнанный къ своему мѣсту и державшійся пока на подпоркахъ. Когда мумія была положена, то рабочій выбилъ подпорку, камень упалъ, и входъ въ эту комнату оказался такимъ образомъ замкнутымъ изнутри.

¹⁾ *Itinéraire de la H. Égypte*, p. 68.

Не менѣе остроумное приспособленіе, доказывающее вмѣстѣ съ тѣмъ большую опытность строителей, представляютъ пустыя пространства, оставленные надъ комнатою, о которой я только что говорилъ. Тѣ, которые ихъ открыли — Визъ и Перрингъ — сейчасъ догадались о ихъ назначеніи. Потолокъ этой комнаты образуютъ девять монолитовъ изъ розоваго гранита, такого же, какимъ отдѣланы въ ней полъ и стѣны. Эти каменные перекладки имѣютъ 5,64^m длины и, несмотря на ихъ толщину и твердость матеріала, изъ котораго онѣ сдѣланы, можно было опасаться, чтобы онѣ не сѣли или не лопнули подъ страшной тяжестью, лежащей надъ ними, такъ какъ полъ комнаты царя находится на 100 метрахъ отъ вершины пирамиды. Для избѣжанія этой опасности надъ потолкомъ было оставлено пять пустыхъ пространствъ, изъ коихъ верхнее оканчивается наклонными гранитными брусьями, образующими родъ крыши. Благодаря этой предосторожности, ни одинъ камень не тронулся съ мѣста; мало того, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ изслѣдователи прокладывали себѣ дорогу въ цѣлой стѣнѣ, не образовалось ни одного обвала, — такъ точно пригнаны камни и такъ плотно сложенъ этотъ семитысячелѣтній памятникъ.

Но шедевромъ египетскихъ каменщиковъ считается внутренняя облицовка большой галлерей, ведущей къ комнатѣ царя. „Камни здѣсь, говоритъ Абдъ-эль-Латифъ, такъ отшлифованы и такъ плотно лежатъ, что между ними не просунешь не только иголки, но даже волоса“. И дѣйствительно, лишь послѣ весьма внимательнаго осмотра можно найти мѣсто соединенія камней. Въ этой галлерей около восьми метровъ вышины и по-

этому въ ней дышется легче и не такая духота, какъ въ остальныхъ коридорахъ и комнатахъ пирамиды. Но все-таки ощущеніе подземелья, ощущеніе, которое дѣлаетъ для меня крайне непривлекательными всевозможныя подземныя сооруженія, начиная отъ кіевскихъ пещеръ, римскихъ катакомбъ и кончая гробницами царей и судей въ окрестностяхъ Іерусалима, производило давящее впечатлѣніе и здѣсь. Мой спутникъ, живущій въ Каирѣ для леченія чахотки, совсѣмъ уже задыхался, почему мы и поспѣшили выбраться изъ нѣдръ Хеопса на свѣтъ Божій.

Снаружи пирамида, какъ сказано выше, представляетъ подобіе громадной лѣстницы; отъ облицовки не осталось ничего. Камни отъ нея, будучи небольшого объема, представляли совершенно готовый, прекрасный матеріалъ для постройки городовъ, которые съ конца древнихъ вѣковъ начали появляться подъ различными именами по сосѣдству съ Мемфисскимъ некрополемъ. По свидѣтельству одного стариннаго текста, переведеннаго и объясненнаго г. Летрономъ, эта облицовка была сдѣлана изъ камней различныхъ породъ ¹⁾. Въ этомъ текстѣ нѣкто Филонъ, авторъ трактата *О семи чудесахъ міра*, передаетъ, что египтяне для наружнаго украшенія пирамиды употребляли „самые разнообразныя и блестящія камни, тщательно подобранныя“. Онъ упоминаетъ о слѣдующихъ породахъ, входившихъ въ составъ облицовки: бѣлый мраморъ, базальтъ, порфиръ и наконецъ одинъ камень, вывозимый изъ Аравіи и похожій на то, что итальянцы называютъ *verde antico*. Что же

¹⁾ Recherches géographiques et critiques sur le livre *De mensura orbis terrae* (in 8°, 1814). Letronne.

касается блага мрамора, то это, должно быть, ничто иное, какъ мokatтамскій известнякъ, который очень близко подходит къ мрамору по своей бблизнѣ и чистотѣ; потому что настоящій мраморъ появился въ Египтѣ лишь при грекахъ, которые привозили его въ весьма небольшомъ количествѣ, исключительно для скульптурныхъ произведеній. Филонъ ничего не говоритъ о гранитѣ ¹⁾; но этотъ камень такъ общеупотребителенъ въ Египтѣ, что конечно онъ игралъ видную роль во внѣшней декорациі пирамиды.

Но вопросъ: на сколько можно довѣряться этому извѣстію, которому занимавшіеся пирамидами, какъ кажется, мало придаютъ значенія? Г. Перро, относясь къ нему весьма серьезно, склоненъ признать за нимъ большее значеніе и хотя и сознается, что доподлинно неизвѣстно, когда жилъ этотъ Филонъ, и говоритъ, что онъ писалъ не какъ очевидецъ, а съ чужихъ словъ, однако тѣмъ не менѣе убѣжденъ, что онъ составлялъ свой трактатъ *О семи чудесахъ міра* на основаніи правдивыхъ и точныхъ данныхъ. На самомъ дѣлѣ оказывается, что изъ древнихъ писателей лишь двое, онъ и Плицій, даютъ точную цифру высоты и основанія пирамиды. Притомъ же мысль украсить поверхность пирамиды разноцвѣтной облицовкой вполне во вкусѣ египетскаго искусства. Египтяне любятъ полихромію; вездѣ, гдѣ только можно, они не щадятъ красокъ и разноцвѣтныхъ украшеній; имъ нравится сопоставленіе са-

¹⁾ Вотъ самое мѣсто Филона: Ποικίλοι δὲ καὶ πορφύραι λίθων φύσεις ἀλλήλαις ἐπιθεδόμεναι, καὶ τὰ μὲν ἐστὶν ἡ πέτρα λευκὴ καὶ μαρμαρίτης. Τῇ δὲ Αἰθιοπικῇ καὶ μέλαινα καὶ μετὰ ταύτην ὁ καλούμενος αἰματίτης λίθος· εἶτα ποικίλος καὶ διάχλωρος ἀπὸ τῆς Ἀραβίας κεκομισμένος, p. 2259, A.

мыхъ яркихъ цвѣтовъ. Конечно, нечего было и думать покрыть рисунками столь обширныя поверхности, какъ склоны пирамиды; но если ужъ разъ надо было покрыть ее облицовкой, то ничуть не труднѣе было это сдѣлать изъ разныхъ камней, чѣмъ изъ одного и того же. Такимъ образомъ получалось нѣчто въ родѣ гигантской мозаики, эффектность которой еще увеличивалась отъ золотого пирамидіона, которымъ увѣнчивалось все зданіе. Извѣстно, что обелиски почти всегда оканчивались подобнымъ пирамидіономъ изъ золоченой мѣди; отчего же не допустить, что самыя роскошныя и громадныя пирамиды увѣнчивались подобною же золотою шапкой? Но если это такъ, если въ этихъ гипотезахъ есть хоть что-нибудь реальное, то что можно представить себѣ великолѣпнѣе пирамиды съ ея золотой головой, сіяющей на темномъ голубомъ фонѣ египетскаго неба!

Но это все — предположенія, и доказать ихъ нѣтъ никакой возможности. Даже еслибы сохранился хотя-бы на одной изъ пирамидъ верхній камень, то все равно на немъ нельзя было бы найти слѣдовъ позолоты, стертой тысячелѣтіями. Но и этихъ камней нигдѣ не сохранилось. Еще Діодоръ въ началѣ нашей эры нашель уже на верху Хеопса платформу въ 36 квадратныхъ локтей (около 10 кв. метровъ) ¹⁾.

Нѣкоторые египтологи предполагаютъ со словъ Геродота, что пирамиды оканчивались на верху платформой, на которой стояла статуя фараона, строившаго ее. Основаніемъ для этой гипотезы послужило одно мѣсто Геродота, гдѣ онъ говоритъ объ озерѣ Мѣрись. „Среди

¹⁾ Діодоръ, I, 63,4.

озера, пишетъ онъ, стоятъ двѣ пирамиды... на каждой изъ нихъ находится по каменному колоссу, сидящему на тронѣ“¹⁾). Далѣе Геродотъ такъ настойчиво утверждаетъ, что онъ видѣлъ собственными глазами Лабиринтъ, озеро Мѣрисъ и эти двѣ пирамиды, что сомнѣваться въ его словахъ нѣтъ никакого основанія. Но въ тѣхъ главахъ, которыя посвящены имъ описанію большихъ Гизехскихъ пирамидъ и въ которыхъ онъ такъ подробно рассказываетъ все видѣнное и слышанное имъ, онъ не дѣлаетъ ни малѣйшаго намека на присутствіе колоссовъ на ихъ вершинахъ. Уже не говоря о томъ, что онъ конечно описалъ-бы ихъ, еслибы видѣлъ ихъ лично, но даже еслибы онъ слышалъ отъ своихъ проводниковъ, рассказы которыхъ онъ такъ добросовѣстно передаетъ, о ихъ существованіи въ глубокой древности, то несомнѣнно упомянулъ бы о нихъ въ своей исторіи. Даже тотъ фактъ, что онъ говоритъ про колоссовъ на пирамидахъ озера Мѣрисъ, доказываетъ, что онъ былъ пораженъ этою разновидностью въ украшеніи сооружений этого рода и что ничего подобнаго онъ не видалъ въ окрестностяхъ Мемфиса.

Г. Перро думаетъ, что это увѣнчаніе пирамидъ статуями было нововведеніе архитекторовъ Средней Имперіи, когда Узортазены и Аменемхи снова обратились къ пирамидамъ, какъ царскимъ гробницамъ, бывшимъ въ такомъ ходу во времена Древней Имперіи. Придерживаясь прошлаго, египетское искусство тѣмъ не менѣе при каждомъ возрожденіи вводило, по крайней мѣрѣ въ деталяхъ, какое-нибудь новое сочетаніе старинныхъ эле-

¹⁾ Геродотъ, II, 149.

ментовъ. Постановка колоссовъ на пирамиды, должно быть, была одною изъ подобныхъ новинокъ ¹⁾).

Изъ трехъ большихъ пирамидъ пирамида Микерина, кажется, пострадала больше всѣхъ. Большія гранитныя глыбы лежатъ вокругъ нея, верхушка обломана, во многихъ мѣстахъ видны слѣды раскопокъ. Сынъ султана Саладина Мелекъ-эль-Асизъ-Османъ-бенъ-Юзуфъ, какъ гласитъ исторія и доказываетъ самый видъ пирамиды, долго хлопоталъ надъ ея разореніемъ. Арабы называютъ ее *Памятникомъ куртизанки*. Не отголосокъ-ли это того преданія, о которомъ рассказываютъ Геродотъ, Діодоръ Сицилійскій и Страбонъ?

Былъ когда-то въ Египтѣ весьма могучій и весьма богатый фараонъ. Онъ жилъ въ Мемфисѣ, въ роскошномъ дворцѣ на берегу Нила. Каждое утро онъ выходилъ изъ него, садился на открытомъ воздухѣ посреди своихъ министровъ и чинилъ судъ и расправу надъ народомъ, который стекался со всѣхъ концовъ его обширнаго царства посмотреть на мудраго и могучаго фараона. Разъ, въ то время, какъ онъ сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, одѣтый весь въ бѣлое, и пока онъ изрекалъ истины, которыя каждый запоминалъ себѣ на всю жизнь, пролетѣлъ надъ нимъ орелъ; въ тотъ самый моментъ, когда птица была надъ его головой, изъ ея когтей упало что-то блестящее прямо къ ногамъ фараона. Это была туфля, вся вышитая золотомъ, изумрудами и перлами. Много туфель видалъ на своемъ вѣку фараонъ, можетъ быть болѣе богатыхъ и изукрашенныхъ, но такой маленькой и хорошенькой — не

¹⁾ Perrot et Chipiez, *Histoire de l'art dans l'antiquité*, t. I, p. 233.

видалъ никогда. Онъ долго смотрѣлъ на нее и, такъ какъ онъ былъ одаренъ сильнымъ воображеніемъ, то не замедлилъ представить себѣ и ту ножку, которая носила эту туфлю. Эта ножка представлялась ему маленькой, бѣленькой, съ розовыми ноготками и синими жилками, виднѣющимися изъ-подъ прозрачной кожи. Она казалась ему надушенной индійскими благовоніями и украшенной золотымъ браслетомъ немножко повыше. Въ этотъ день фараонъ рано ушелъ къ себѣ во дворецъ, поручивши своимъ министрамъ изрекать истины.

На другое утро онъ не пришелъ по обыкновенію судить народъ, потому что онъ былъ скученъ и все глядѣлъ на туфлю. Наконецъ, онъ впалъ въ глубокую меланхолю. Онъ не участвовалъ болѣе въ процессіяхъ бога Тотъ; онъ забывалъ приносить жертву богу Пта и не посылалъ болѣе даровъ богини Тафнэ, у которой львиная голова. Онъ все любовался туфлей и думалъ о ножкѣ, которая носила ее. Въ этой тоскѣ онъ такъ бы и погибъ, еслибы онъ не былъ такъ мудръ. Его мудрость спасла его, и вотъ на что онъ рѣшился. Онъ далъ приказъ найти ту женщину, ту дѣвушку или ту богиню, которая могла-бы представить другую туфлю, подобную той, которую уронилъ орелъ. Курьеры и гонцы пустились кто по морю, кто по землѣ, а кто по Нилу, во всѣ стороны съ большимъ рвеніемъ и поспѣшностью, такъ какъ фараонъ обѣщалъ сдѣлать губернаторомъ цѣлой страны нашедшаго ту, которую онъ представлялъ себѣ писаной красавицей.

Одинъ изъ гонцовъ, ѣхавшій день и ночь, достигъ наконецъ города Миссиль, который греки называли Наукратисъ, а арабы — Фуахъ. Здѣсь онъ узналъ, что разъ

въ одномъ загородномъ домѣ, окруженномъ садами, орель унесъ туфлю хозяйки дома, еракійской куртизанки, пока она купалась. Онъ отправился къ ней. При имени фараона всѣ двери отворились настежь. Увидавши куртизанку, онъ передалъ ей о тоскѣ своего повелителя и о его неумѣренномъ желаніи увидать владѣтельницу туфли. Услышавъ эти рѣчи, куртизанка встала, моментально велѣла приготовить свою барку и направилась съ гонцомъ въ Мемфисъ. Черезъ нѣсколько дней она была уже во дворцѣ фараона и стояла передъ его ясными очами. Она была очень красива и называлась Родопись. Фараонъ, какъ и слѣдовало ожидать, женился на ней. Послѣ его смерти она завладѣла всѣмъ царствомъ и предалась распутству съ губернаторами провинцій, которыхъ ей было необыкновенно пріятно разорять. Подъ конецъ своей жизни она собрала этимъ путемъ громадныя богатства, на которыя и выстроила третью пирамиду, въ которой велѣла похоронить себя и шесть своихъ любовниковъ, но не изъ числа губернаторовъ.

Конечно, съ точки зрѣнія науки, этотъ рассказъ — не болѣе какъ сказка. Ученые съ текстами въ рукахъ сейчасъ же докажутъ вамъ, что третья пирамида была выстроена Микериномъ, по-египетски Менкари или Менкаресъ. Они докажутъ вамъ, какъ дважды два, что Родопись, уроженка Эракии, была рабою Идамона, сына Эфестополиса Самосскаго, и подругою рабства Эзопа баснописца; что, будучи привезена въ Египетъ Ксантомъ, она была выкуплена на вѣсь золота братомъ Сафо, Хораксомъ Митилетскимъ, сыномъ Скамандронима; что, попавши на свободу, она дѣйствительно собрала боль-

шія деньги, но не такія, чтобы выстроить на нихъ пирамиду, такъ какъ, затративши десятую часть своихъ капиталовъ, она могла послать въ Дельфійскій храмъ лишь нѣсколько желѣзныхъ вертеловъ, чтобы жарить сразу цѣлыхъ быковъ ¹⁾; что наконецъ, она жила во времена Амазиса, около 567 года до Р. Х. и 147 года по основаніи Рима, между тѣмъ какъ Микеринъ царствовалъ въ сороковыхъ вѣкахъ до нашего лѣтосчисленія. Они, можетъ быть, скажутъ еще вамъ, что наука не вполне еще рѣшила какъ она называлась — Родопись или Дориха. Возражать на это нечего; развѣ только то, что каждый воленъ вѣрить во что ему нравится.

Въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ находятся въ настоящее время, пирамиды уже не занимаютъ по высотѣ перваго мѣста на земномъ шарѣ среди произведеній рукъ человѣческихъ ²⁾. Въ своемъ первоначальномъ

¹⁾ Геродотъ, II, 135.

²⁾ Вотъ по порядку сравнительныя высоты (въ метрахъ) главнѣйшихъ сооружений въ мірѣ:

Кельнскій соборъ	160 ^m
Колокольня Руанскаго собора	150 ^m
Колокольня церкви св. Николая въ Гамбургѣ	144, ₂₀
Куполь св. Петра въ Римѣ	143 ^m
Страсбургскій соборъ	142 ^m
Пирамида Хеопса	137 ^m
Колокольня св. Стефана въ Вѣнѣ	135, ₃₀
Колокольня св. Мартына въ Ландсгутѣ (Баварія)	133 ^m
Шпиль Петропавловскаго собора въ С.-Петербурѣ	128 ^m
Колокольня собора въ Fribourg-en-Brigau (Вел. Герц. Баденское)	125 ^m
Колокольня собора въ Анверѣ	123, ₄₀
Куполь S-te Marie des Fleurs во Флоренціи	119 ^m
Куполь св. Павла въ Лондонѣ	111, ₃₀
Куполь собора въ Миланѣ	109 ^m
Куполь храма Христа Спасителя въ Москвѣ	105 ^m
Башня Магдебургскаго собора	103, ₆

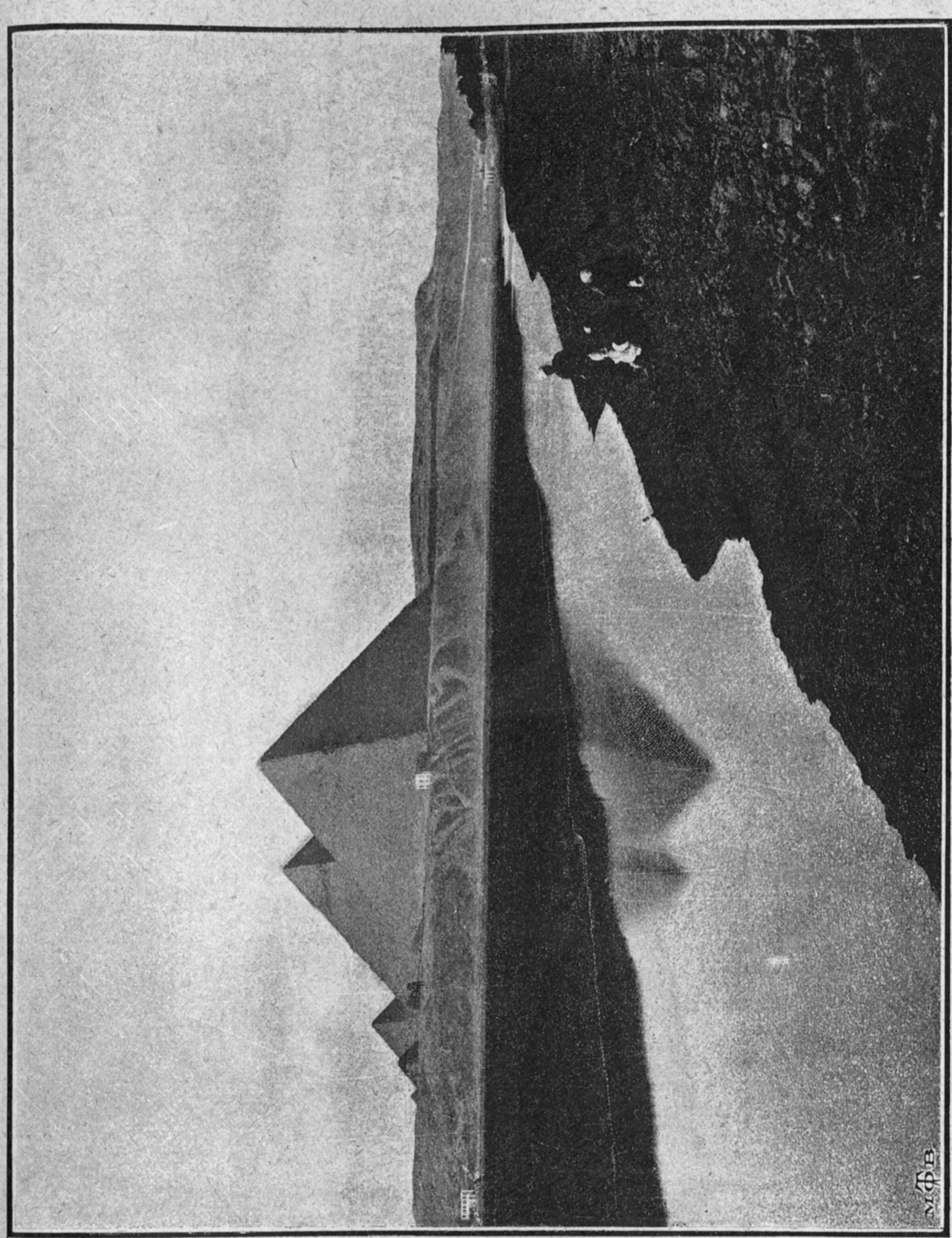
видѣ пирамида Хеопса по расчетамъ Летронна имѣла 144,₆₀ метровъ. Во времена Діодора — 144 метра, а въ годъ посѣщенія ея Абдъ-эль-Латифомъ — 143,₁₈. Въ 1799 году она имѣла лишь 136,₉₅. Такимъ образомъ въ 18 вѣковъ она опустилась на 7,₅ метровъ. Этому пониженію главнымъ образомъ способствовало снятіе облицовки. Кромѣ того, весьма часто арабы на потѣху туристамъ отламываютъ камень отъ верхней площадки и пускаютъ его внизъ. Такъ что теперь пирамиды далеко не первыя зданія по высотѣ. Но когда въ 1439 году Хульцъ достраивалъ Страсбургскій соборъ, тогда еще не было ни одного сооруженія, равнявшагося съ пирамидою Хеопса, и еслибы преемникъ гениальнаго Эрвина Штейнбаха зналъ въ то время настоящую высоту пирамиды, то конечно онъ прибавилъ бы тѣ десять футовъ, которыхъ не хватало Страсбургскому собору, чтобы сравняться съ пирамидой. Тогда воздушный шпиль готической церкви возвысился бы надъ обломанной вѣками верхушкой восточнаго колосса, храмъ христіанскаго Бога превзошелъ-бы могилу фараона, средніе вѣка — древность, Европа — Египетъ. Теперь время сравняло ихъ, но какая разница въ ихъ вѣроятной долговѣчности! Форма пирамиды представляетъ несокрушимую прочность, такъ какъ основаніе въ ней весьма широко, а

Куполь св. Исаакія въ С.-Петербурѣ	102 ^m
Колокольня Симонова монастыря въ Москвѣ	100 ^m
Колокольня Троицко-Сергіевской лавры	88 ^m
Башня Ратуши въ Берлинѣ	88 ^m
Колокольня церкви св. Троицы въ Нью-Йоркѣ	86 ^m
Куполь Пантеона въ Парижѣ	80 ^m
Башня Notre-Dame	68 ^m

центр тяжести находится на небольшой сравнительно высотѣ, — сочетаніе, порождающее необыкновенную устойчивость пирамидальнаго тѣла, въ которомъ противобѣсъ, при опрокидываніи, равняется вѣсу самаго тѣла ¹⁾). Колокольна же Страсбургскаго собора представляетъ совершенно противоположное расположеніе. Оба памятника впрочемъ вполне отвѣчаютъ тѣмъ цѣлямъ, которыя имѣли ихъ строители, и тѣмъ идеямъ, воплощеніемъ которыхъ они служатъ. Одинъ — храмъ, другой — могила; первый олицетворяетъ стремленіе души кверху, къ небу, второй — неизмѣнность муміи и вѣчность смерти.

Когда подумаешь о древности пирамидъ, то онѣ покажутся вамъ удивительно сохранившимися, и, глядя на нихъ, станетъ вполне понятно восточная гипербола арабскаго писателя Абдъ-эль-Латифа, который въ XIII вѣкѣ выразилъ впечатлѣніе, произведенное на него этими памятниками. „Все на землѣ боится времени, воскликнулъ онъ, но время боится пирамидъ“! Однако время, а главнымъ образомъ человѣческая любознательность сдѣлали и здѣсь свое дѣло. Въ особенности пострадали пирамиды въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ открываются входы внутрь, а также и тамъ, гдѣ ихъ тщетно искали. Но если сами пирамиды, несмотря на всѣ свои зіяющія раны, кажутся отдаленному зрителю едва поврежденными, то нельзя сказать того же про всѣ второстепенныя сооруженія, которыя служили дополненіемъ къ главному и засыпаны въ настоящее время пескомъ или разрушены человѣкомъ. Напримѣръ, отъ широкаго шоссе,

¹⁾ Neil Arnott, *Mécanique des Solides*, trad. franç. t. I, 128.

Гизескія піраміды.

шедшаго отъ Нила къ пирамидамъ, почти ничего не осталось. Объ этомъ шоссе весьма подробно говоритъ Геродотъ ¹⁾. По его описанію и по тѣмъ остаткамъ, которые видны еще до сихъ поръ ²⁾, можно составить себѣ понятіе, что такое было это шоссе. Оно все было выстроено изъ громаднѣхъ камней и на всемъ протяженіи было украшено скульптурными изображеніями. Оно было притомъ настолько высоко, что самая высокая вода во время наводненія не могла прервать доставку матеріала изъ Турахскихъ каменоломенъ къ пирамидамъ. Выдержавъ перевозку столькихъ тяжестей, оно представляло поистинѣ царственную дорогу, служившую позже для погребальныхъ процессій, направлявшихся къ некрополю. Въ концѣ этой дороги стоялъ большой сфинксъ — образъ Армахиса или восходящаго солнца. Неподвижный, вѣчный стражъ этого обширнаго кладбища, онъ олицетворялъ среди всѣхъ этихъ мертвыхъ идею воскресенія, идею жизни, которая, подобно утренней зарѣ, всегда возвращается и побѣждаетъ мракъ ночи. Въ настоящее время только одна голова его да часть спины возвышаются надъ пескомъ. Но въ былыя времена его могучая фигура, высѣченная изъ скалы въ 20 метровъ вышиною, поражала зрителя и какъ-бы приготовляла его къ еще болѣе удивительному виду пирамидъ. Черты лица его обезображены ³⁾, но въ общемъ

¹⁾ Геродотъ, II, 124.

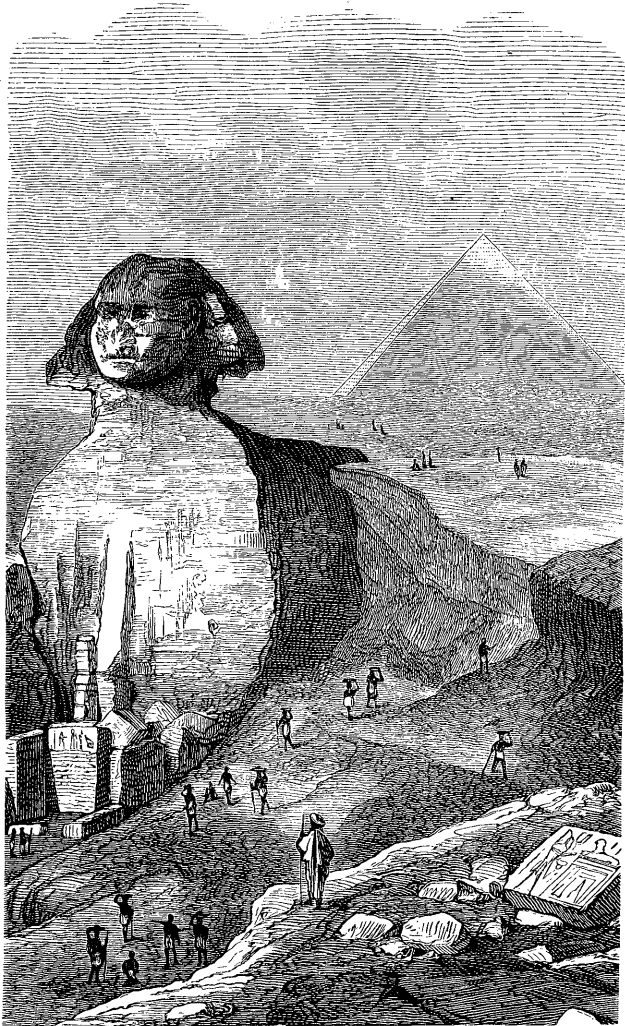
²⁾ Въ Абураохъ, Абусирѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ найдены остатки подобныхъ же сооружений.

³⁾ Поврежденія эти сдѣланы нарочно мусульманами, которые считаютъ благочестивымъ дѣломъ разбивать и портить всѣ изображенія человѣческаго лица, называя ихъ произведеніями діавола. Ни въ Египтѣ, ни во всемъ мусульманскомъ востокѣ нельзя найти ни одной статуи съ неизпорченнымъ лицомъ.

выраженіе сохранилось. До сихъ поръ глаза его пристально устремлены вдаль, а линія рта изогнута спокойной, слегка надменной улыбкой. Слси скалы, изъ которой онъ сдѣланъ, раздѣляютъ горизонтальными полосами его грудь и лицо. Одной изъ такихъ полосъ воспользовались для вырѣзки рта. Эта фигура — на половину статуя, наполовину гора — дышетъ, несмотря на всѣ свои поврежденія, необыкновенною жизненностью и вмѣстѣ съ тѣмъ страннымъ выраженіемъ величія и безмятежности. Совершенно безосновательно считали прежде сфинкса за изображеніе лица негритянскаго типа. Этотъ ошибочный взглядъ, распространенный Вольнеемъ и опровергнутый Жомаромъ и Летронномъ, зависѣлъ отъ порчи лица вообще, а главнымъ образомъ оттого, что большей части носа не существуетъ. Въ его неповрежденномъ видѣ лицо сфинкса не имѣло ничего общаго съ чертами негра; притомъ же оно было окрашено не въ черную краску, а въ красную, слѣды которой, по увѣренію г. Дюранъ и нѣкоторыхъ другихъ египтологовъ, еще можно видѣть до сихъ поръ; хотя я — долженъ признаться — не могъ замѣтить ни малѣйшаго намека на остатки краски ни на лицѣ, ни на груди, ни на плечахъ сфинкса. Абдъ-эль-Латифъ, видѣвшій его въ XIII вѣкѣ, говоритъ, что лицо у него было красное.

Долго были убѣждены, что этотъ величественный колоссъ представляетъ портретъ фараона Тутмеса IV (XVIII-й династіи); но въ настоящее время одна надпись, находящаяся въ Булакскомъ музеѣ и о которой я говорилъ выше, неопровержимо доказала, что сфинксъ есть образъ бога Хоръ-эмъ-Кху, греческаго Армахиса—

эмблема восходящего солнца, и что онъ уже существо-

Большой сфинксъ.

валь, можетъ быть, даже весьма много лѣтъ, когда Хе-

опсъ сдѣлался царемъ, такъ какъ этотъ послѣдній уже реставрировалъ его. Итакъ, вотъ статуя или скорѣе скала, превращенная въ статую, болѣе древняя, чѣмъ сами пирамиды. А между тѣмъ сохранившіяся части головы, лобъ, глаза, часть рта и подбородокъ представляютъ тонкую, законченную работу, тѣмъ болѣе достойную удивленія, что размѣры лица громадны, на примѣръ: ротъ имѣетъ 2,₃₂ метра, ухо — 1,₉₇. Общая высота сфинкса равняется 19,₈₀ метровъ, такъ что еслибы онъ былъ расчищенъ до основанія, то онъ превосходилъ-бы по вышинѣ пятиэтажные дома нашихъ европейскихъ городовъ ¹⁾.

Въ началѣ XIX вѣка итальянецъ Кавиглія раскопалъ песокъ кругомъ сфинкса и нашелъ между его гигантскими лапами храмъ временъ Траяна, въ которомъ хранилось нѣсколько стеллъ фараоновъ еиванскихъ династій. На этихъ стеллахъ нѣкоторые фараоны, и между ними Тутмесь IV и Рамзесъ Великій, поклоняются сфинксу, котораго они называютъ Хорусомъ (солнцемъ) ²⁾. На пальцѣ одной изъ лапъ сфинкса тѣмъ же Кавигліей найдена греческая надпись въ стихахъ. Авторъ надписи, Арріенъ, называетъ сфинкса безупречной слугой Латоны, очевидно считая его изображеніемъ лица женскаго пола; а между тѣмъ у ногъ его найденъ обломокъ бороды громадныхъ размѣровъ. Надо замѣ-

¹⁾ Относительно исторіи сфинкса, починакъ, которымъ онъ подвергался и положеній, въ какихъ онъ находился въ различныя эпохи, см. Мариетта, *Questions relatives aux nouvelles fouilles*.

²⁾ Въ *Denkmaeler* Лепсіуса (т. I, табл. 30) есть планъ и разрѣзы храма, расположеннаго между лапами сфинкса. Тамъ же (т. V, табл. 68) можно видѣть снимокъ съ большой стеллы Тутмеса, въ которой говорится о реставраціи сфинкса.

тить, что хотя, можетъ быть, типъ греческаго сфинкса и заимствованъ у египтянъ, но между ними есть существенныя различія. Греческій сфинксъ — женскаго пола, египетскій наоборотъ — всегда мужскаго. Идея энигмы, секрета, идея этой глубокой премудрости, блюстителемъ которой былъ греческій сфинксъ, была совершенно чужда египетскому. Египетскій сфинксъ былъ изображеніемъ бога Хоруса (Хоръ-эмъ-Кху) и больше ничего. Идея таинственности и загадочныхъ знаній была вѣроятно приписана греческому сфинксу, только благодаря его египетскому происхожденію; а во всемъ, что происходило изъ Египта, старались искать всегда таинственный смыслъ, сверхъестественную премудрость.

Сзади сфинкса находится храмъ, приводящій ученыхъ до сихъ поръ въ недоумѣніе. Онъ былъ найденъ и расчищенъ Маріеттомъ въ пятидесятыхъ годахъ. Ленорманъ считаетъ его произведеніемъ той эпохи, когда египтяне поселились на берегахъ Нила и ихъ зарождавшаяся цивилизація начинала испытывать свои молодыя силы. Храмъ этотъ выстроенъ изъ громадныхъ монолитовъ Сіенскаго гранита, кажущихся колоссальными даже у подножія пирамидъ. Его стѣны и перекладины изъ гладкихъ, ничѣмъ не отдѣланныхъ и не украшенныхъ камней могутъ служить типомъ первичныхъ построекъ человѣка. Въ одной надписи время Хеопса о немъ говорится, какъ о храмѣ, сооруженіе котораго теряется во мракѣ вѣковъ, предшествовавшихъ первымъ династіямъ. Хеопсъ случайно нашелъ его засыпаннымъ песками, подъ которыми онъ былъ забытъ въ продолженіе многихъ лѣтъ. Передъ такою неизмѣримою древностью умъ человѣческій останавливается,

воображеніе отказывается служить вамъ. Египетъ, а слѣдовательно и остальная земля, не обладаетъ ни однимъ произведеніемъ челоуѣка, достойнымъ носить имя памятника, которое могло-бы быть сравнено по древности съ этимъ загадочнымъ храмомъ.

Вокругъ пирамидъ, гробницъ фараоновъ, простирается обширное поле могилъ ихъ подданныхъ. Эти могилы представляютъ неисчерпаемыя богатства для египтологій; мертвые и ихъ обстановка рассказываютъ намъ съ необыкновенною подробностію, какъ жили живые. Эти могилы — массивныя постройки съ наклоненными стѣнами; онѣ имѣютъ видъ усѣченныхъ пирамидъ. Въ нихъ найдены и постоянно находятся самыя разнообразныя вещи, относящіяся къ частной жизни египтянъ: мебель, посуда, инструменты, статуетки и пр. На стѣнахъ могилы можно видѣть семейство умершаго, его слугъ, его домашній скотъ, его любимую собаку, кошекъ... все это, окруженное надписями, рассказывающими намъ гдѣ, когда и какъ жилъ умершій, были ли онъ счастливъ въ торговлѣ или въ земледѣліи; перечисляются его богатства въ поголовныхъ спискахъ принадлежавшихъ ему быковъ, ословъ, гусей и другихъ животныхъ. Во мракѣ могилы покойный могъ видѣть своими закрывшимися глазами полную картину своей протекшей земной жизни. Кругомъ него — различные эпизоды сперва его молодости: изображено какъ онъ охотился въ нильскихъ камышахъ, какъ онъ участвуетъ въ гимнастическихъ состязаніяхъ со своими сверстниками, какъ онъ любитъ танцами альмей, которыя между прочимъ нарисованы здѣсь, на стѣнахъ пяти-тысячелѣтнихъ могилъ, уже съ подкрашенными глазами

и нарумяненными. Затѣмъ идутъ сцены изъ его жизни, когда онъ достигъ зрѣлаго возраста и, наконецъ, старости. Тутъ онъ представленъ сторбленнымъ подъ бременемъ годовъ, идущимъ опираясь на палку. Онъ даетъ наставленія своимъ подчиненнымъ, слѣдитъ за полевыми работами, а въ минуты отдыха ловить рыбу на берегу Нила. Не пропущено ни малѣйшей мелочи изъ его домашней обстановки, чтобы въ періодъ его долгаго загробнаго странствованія онъ не могъ забыть о своей земной жизни. Эта забота о мертвыхъ и вѣра въ загробную жизнь — необыкновенно умильная черта у древнихъ египтянъ — сохранилась и до нашихъ дней въ обычаяхъ феллаховъ. Весьма часто можно видѣть на каирскихъ кладбищахъ бѣдныхъ потомковъ народа Мизраима, пришедшихъ обѣдать на могилу родственника или друга и оставляющихъ тамъ половину своей скудной трапезы.

Известковый кряжъ, на которомъ стоятъ пирамиды и находится мемфисскій некрополь, на всемъ протяженіи отъ Гизеха до Дашура изрытъ и застроенъ могилами и могильными памятниками. Весьма незначительное количество изъ нихъ замѣтно для неопытнаго глаза; большинство засыпано пескомъ, и только чутье египтолога можетъ навести на ихъ слѣдъ. Почти всѣ могилы, относящіяся къ одной и той-же эпохѣ, украшены внутри одинаково; лишь нѣкоторыя представляютъ небольшія варьяціи. Такъ напримѣръ, Шамполіономъ былъ изданъ рисунокъ, снятый имъ въ одной изъ Гизехскихъ могилъ, представляющій человѣка, занятаго бальзамированіемъ и мумификаціей трупа. До сихъ поръ не найдено ни одной муміи, относящейся къ этому отдаленному вре-

мени; рисунокъ же, о которомъ идетъ рѣчь, доказываетъ, что этотъ способъ погребенія употреблялся въ Египтѣ во времена самой глубокой древности. Г. Лепсіусъ, жившій много мѣсяцевъ у подножія пирамидъ, откопалъ больше сотни подобныхъ могилъ. Срисовавши украшающія ихъ фрески, онъ снова засыпалъ всѣ ихъ пескомъ. Поступокъ осторожнаго нѣмца становится вполне понятнымъ, когда увидишь, съ одной стороны, какъ обращается съ памятниками невѣжественная толпа туристовъ, а съ другой — когда подумаешь, какъ легко можно снова раскопать песокъ и какъ хорошо сохраняетъ его сухая масса погребенныя подъ ней сокровища.

Необыкновенный интересъ, какой представляютъ могилы долины пирамидъ, заключается въ ихъ глубокой древности. Древнѣе того, что я вижу здѣсь, въ окрестностяхъ Мемфиса, я не увижу ничего во всемъ Египтѣ. Даже Оивы съ ихъ великимъ Сезострисомъ — молодой городъ въ сравненіи съ Мемфисомъ и его царями, строителями пирамидъ. Къ несчастію, пирамиды не украшены ни рисунками, ни барельефами и сохранили лишь небольшое количество іероглифическихъ надписей. Онѣ сказали наукѣ лишь имена своихъ строителей и замолкли должно быть навсегда. Но тѣ же самыя имена царей найдены въ памятникахъ, менѣе знаменитыхъ и грандіозныхъ, чѣмъ большія пирамиды, но болѣе плодотворныхъ для научныхъ цѣлей. Вокругъ колоссальныхъ усыпальницъ Хеопса и Хефрена расположены могилы ихъ слугъ и приближенныхъ, и эти могилы рассказали о томъ, о чемъ молчали пирамиды. Внутреннія стѣны пирамидъ голы, стѣны же современныхъ имъ могилъ покрыты живописью и барельефами съ объяснительными

іероглифическими текстами. Эти картины и іероглифы вознаграждаютъ за молчаніе пирамидъ. Когда все, о чемъ они повѣствуютъ, будетъ собрано, что уже сдѣлано въ значительной долѣ, то получится точная и подробная картина египетской жизни, какою она была тому назадъ шесть тысячъ лѣтъ.

А время между тѣмъ шло. Уже свалилъ полдневный жаръ. Отъ пирамидъ легли по степи длинныя тѣни. Надъ верхушкою Хефрена вились въ лазури неба орлы и одинъ за другимъ спускались на царственную могилу и усаживались на ночлегъ. Арабскія жены шли съ глиняными кувшинами за водой въ ближайшій каналъ Нила. Какая тишь! Какое спокойствіе и миръ во всемъ, и въ воздухѣ, и въ природѣ! Даже наши назойливые проводники куда-то скрылись, и мы могли безмятежно сидѣть на какомъ-то обломкѣ чего-то, созерцать и наслаждаться. Вотъ показался дымокъ у одной изъ мазанокъ арабской деревушки. Должно быть кашу варятъ, подумалъ я, и мои мысли невольно перебросило въ родныя страны, въ родную и дорогую деревню, гдѣ также въ лѣтній вечеръ бываетъ тихо и мирно, гдѣ также скрипитъ колодезь, какъ здѣшнія сакіа, и слышится бляеніе отставшей отъ стада овцы.

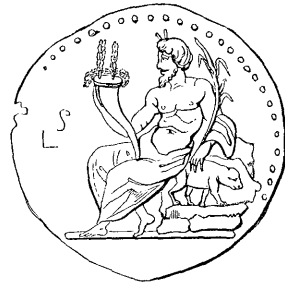
Итакъ прощайте, пирамиды! Когда-то придется увидать васъ снова? Я обернулся изъ коляски и долго глядѣлъ на ихъ удалявшіяся массы. Мы оба молчали съ моимъ спутникомъ и вплоть до Каира не обмѣнялись ни однимъ словомъ. Да и на какомъ языкѣ, какое слово можно было подыскать, чтобы выразить то, что мы только-что видѣли? И какъ дерзнуть говорить фразы

о пирамидахъ, о которыхъ сказано столько громкихъ фразъ столькими громкими людьми! Начиная съ Горация и кончая Муравьевымъ и Делиллемъ, кто только изъ видѣвшихъ ихъ не считалъ себя вправѣ говорить о нихъ громкихъ словъ?

„Leur masse indéstructible a fatigué le temps!“ сказалъ про нихъ только-что названный французскій поэтъ. Публий Стацій называлъ ихъ въ своей *Овидиѣ* „audacia saxa“ (надменными склами), а Плиній — поэтъ въ своей прозѣ — чудовищными массами „portentosae moles“, выраженіе, затменное извѣстнымъ словомъ Бонапарта: „Du haut de ces monuments quarante siècles vous contemplent!“ Только онъ смѣло могъ-бы сказать шестьдесятъ вѣковъ; но, вѣроятно, Бонапартъ не читалъ Манетона.

Солнце уже садилось, когда мы подъѣзжали къ европейскому кварталу Каира, отдѣленному отъ пирамидъ десятью верстами и шестьюдесятью вѣками. Невозможно сдѣлать болѣе рѣзкаго перехода, какъ отъ Хеопса къ Тевфику, отъ цивилизаціи, современной первымъ династіямъ египетскихъ царей, къ цивилизаціи XIX вѣка по Р. Х., перенесенной Мехметомъ-Али на берега священнаго Нила. Но если переходъ рѣзокъ, то и контрастъ великъ между могильной тишиной, царящей вокругъ пирамидъ, и шумнымъ движеніемъ торговыхъ улицъ Каира.

Медали Нила.

ГЛАВА XI

Когда мы воротились домой, то нашли на ярко-освѣщенномъ фонарями крыльцѣ гостиницы цѣлую толпу народа: съ одной стороны расположились по ступенямъ крыльца обитатели New-Hôtel'я, а съ другой — проходившій людъ, занявшій до половины улицы. Всеобщее вниманіе привлекали два змѣезаклинателя, показывавшіе различные фокусы со змѣями. Одинъ изъ нихъ былъ старикъ съ худыми жилистыми руками, драпированный въ длинный коричневый бурнусъ, и въ большой бѣлой чалмѣ; другой — его помощникъ, молодой мальчикъ въ широкой рубашкѣ, подпоясанный веревкой. За пазухой у него былъ цѣлый складъ змѣй и скорпионовъ.

Происходятъ-ли они по прямой линіи отъ маговъ древняго Египта, состязавшихся когда-то съ Моисеемъ передъ фараономъ, и по наслѣдству отъ нихъ получили

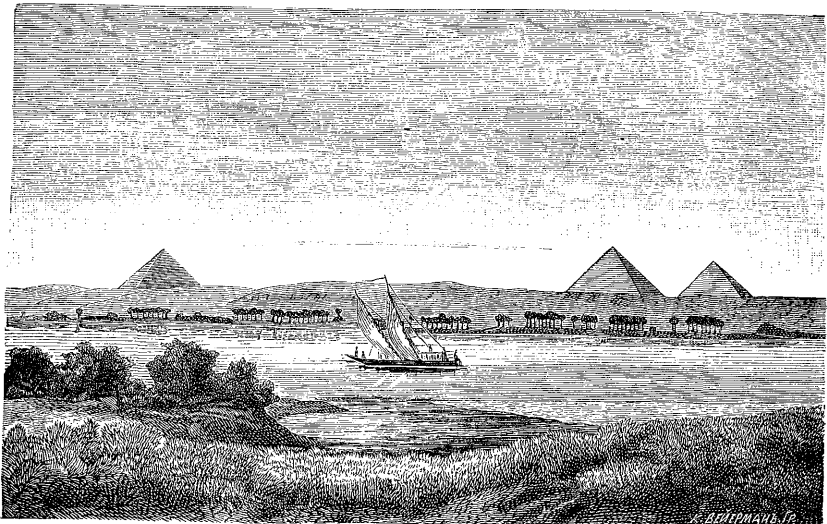
секреты заговоровъ и „отвода глазъ“, или просто ловкіе фокусники, играющіе со змѣями подобно тому, какъ наши варятъ яичницу въ цилиндрѣ? — не знаю; но долженъ сказать только, что они удивительно ловко продѣлываютъ всѣ свои штуки, которыя тѣмъ болѣе непонятны, что они показываютъ ихъ не на подмосткахъ театра, а среди улицы, окруженные вплоть стоящими зрителями. Послѣ каждаго фокуса оба фокусника обращались къ публикѣ съ настоятельнымъ требованіемъ: „бакшишъ кетиръ!“ „кетиръ — бакшишъ!“ т. е. побольше на водку! Особенно интересно было видѣть, какъ змѣи засыпаютъ въ какомъ-то очарованномъ снѣ подъ вліяніемъ взгляда одного изъ фокусниковъ. Присѣвши на корточки, онъ бормочетъ какія-то заклинанія и пристально смотритъ на извивающуюся у его ногъ змѣю. Постепенно, по мѣрѣ того какъ онъ бормочетъ все тѣ же самыя слова, все скорѣе и скорѣе, движенія змѣи становятся все медленнѣе и медленнѣе; наконецъ, она вытягивается, какъ палка, и замираетъ въ такомъ положеніи, словно окаменѣвшая. Потомъ онъ вызывалъ змѣй, которыя на его зовъ появлялись со всѣхъ сторонъ, выползая Богъ знаетъ откуда и пробираясь къ немалому ужасу присутствующихъ между ихъ ногъ; всѣ онѣ стремились къ фокуснику, обвивали его руки и ноги и сами лѣзли къ нему за пазуху, гдѣ набралось ихъ такое множество, что онъ съ трудомъ попрыталъ ихъ всѣхъ. Подъ конецъ, онъ предложилъ желающимъ заговорить ихъ на всю жизнь отъ всякихъ укусовъ и ужаленій ядовитыхъ животныхъ. Многіе пожелали застраховать себя въ этомъ отношеніи и тутъ же отдались въ руки стараго фокусника, принявшаго на этотъ

разъ еще болѣе таинственный и важный видъ. Я не дождался конца церемоніи и ушелъ объѣдать, такъ какъ сильно проголодался послѣ цѣлаго дня, проведеннаго на пирамидахъ. Въ объѣденную залу до меня донеслись съ крыльца громкіе раскаты хохота и неистовые крики: „бакшишъ кетиръ, кетиръ!“ Должно быть что-нибудь не удалось.

Во время объѣда ко мнѣ зашелъ М. Ragnon (агентъ Т. Кука) и передалъ мнѣ билетъ на пароходъ, идущій вверхъ по Нилу до первыхъ пороговъ и называющійся „Мазръ“.

Сегодня, 24-го января, въ 10 часовъ утра большія, вмѣстительныя кареты всѣхъ стелей Каира одна за другой подвезли и посадили на песчаный берегъ, около желѣзнаго моста Казръ-энь-Ниль, разношерстную, разноплеменную и шумную толпу туристовъ. Кфтчатые куртки свободныхъ гражданъ свободнѣйшей республики, практическія короткія платья англичанокъ, ватерпруфы, tropical helmet'ы, связки пледовъ и пальто съ воткнутыми насквозь зонтиками и палками, всѣхъ размѣровъ и видовъ сакъ-воляжи и сундуки на спинахъ голоногихъ арабовъ — все это движется, рябитъ въ глазахъ, суетится. Наконецъ, раздался звонокъ. Провожающіе послѣдній разъ пожали руки уѣзжающимъ. Мостокъ сняли. У руля сталъ лодманъ, высокій сухощавый арабъ. Онъ скинулъ свой бурнусъ и, въ ожиданіи снятія съ якоря, облокотился на мѣдныя ручки руля, хладнокровно посматривая на бушующихъ пассажировъ, размѣщавшихся въ эту минуту по каютамъ.

„Мазръ“¹⁾ — большой колесный пароходъ; на немъ около пятидесяти каютъ; вся кормовая часть занята ими. Надъ ними палуба съ подвижнымъ тентомъ. Здѣсь стоятъ раздвижныя кресла, составляющія частную собственность: каждое помѣчено именемъ своего владѣльца. Въ этомъ отношеніи я запасся ковромъ. Мнѣ кажется, разъ носишь феску и живешь на Востокѣ, гораздо приличнѣе

Видъ Нила близъ Каира.

лежать на коврѣ, чѣмъ сидѣть въ креслахъ. Носовая часть парохода занята столовой. Кухня и службы расположены посрединѣ, по сосѣдству съ паровой машиной. Экипажъ состоитъ изъ капитана М. Alexandre — грека родомъ, говорящаго на всѣхъ языкахъ, верткаго, всюду поспѣвающаго и всѣмъ угождающаго господина,

¹⁾ *Мазръ* — старинное арабское названіе Каира.

двухъ драгомановъ, говорящихъ по-англійски и по-французски, и восьми человѣкъ матросовъ, назначеніе которыхъ — спихивать пароходъ въ случаѣ, если онъ сядетъ на мель; въ обыкновенное же время имъ дѣлать рѣшительно нечего и они день-деньской лежатъ на передней палубѣ и мурлычатъ монотонные арабскіе напѣвы.

Пока еще я не познакомился со всѣми моими спутниками, которыми судьба надѣлила меня на двадцать семь дней, и пока еще всѣ ходятъ особнякомъ другъ отъ друга, а „Мазръ“ на всѣхъ парахъ идетъ вверхъ по Нилу, оставляя за собой слѣва о. Рода и Старый Каиръ, а справа деревню Гизэ, я познакомлю читателя съ Ниломъ, этимъ египетскимъ „матушкой“.

Египеть, по мѣткому выраженію Геродота, есть „подарокъ Нила“ ¹⁾. Великая рѣка не только создала страну, она также сформировала умъ жившаго на ея берегахъ народа, постепенно заставляя его думать о ней и умѣть ею пользоваться. Этотъ нильскій иль, приносимый „царемъ-рѣкой“, былъ въ одно и то же время счастьемъ и горемъ для египтянъ. Съ древнѣйшихъ временъ безпрестанно повторылись и до сихъ поръ продолжаютъ повторяться набѣги алчныхъ завоевателей на тучныя равнины, на которыхъ три раза въ году вызрѣваетъ жатва.

¹⁾ Геродотъ, II, 5. ὅτι Αἴγυπτος, ἐς τὴν Ἑλληνας ναυτίλλονται, ἐστὶ Αἴγυπτίοισι ἐπίκτητος τε γῆ καὶ δῶρον τοῦ ποταμοῦ, καὶ τὰ κατόπερθε ἐτι τῆς λίμνης ταύτης μέχρι τριῶν ἡμερέων πλοῦ, τῆς περὶ ἐκεῖνοι οὐδὲν ἐτι τοιόνδε ἔλεγον, ἐστὶ δ' ἕτερον τοιοῦτο.

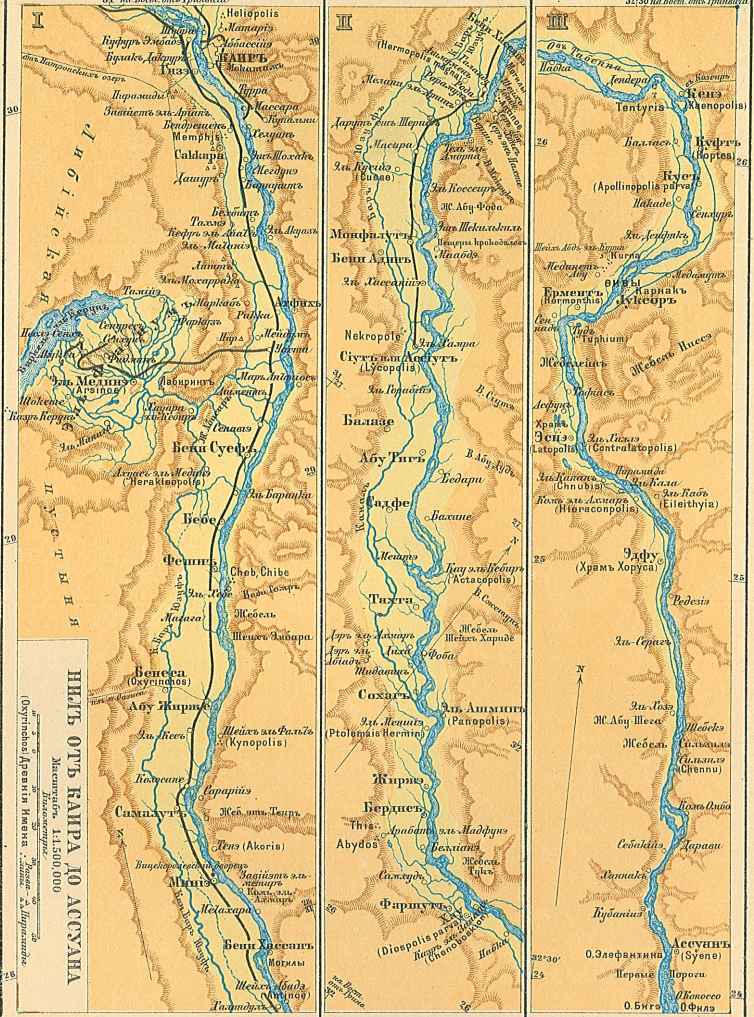
Idem, II, 10. Ταύτης ὦν τῆς χώρας τῆς εἰρημένης ἢ πολλῆ, κατάπερ οἱ ἱέρεις ἔλεγον, ἐδόκει καὶ αὐτῷ μοι εἶναι ἐπίκτητος Αἴγυπτίοισι τῶν γὰρ οὐρέων τῶν εἰρημένων τῶν ὑπὲρ Μέμφιν πόλιν κειμένων το μεταξὺ ἐφαίνετό μοι εἶναι κοτε κόλπος θαλάσσης

Надо видѣть эту рѣку передъ Мемфисомъ, около Оивъ, вокругъ Филэ и передъ Ипсамбуломъ, чтобы понять прелесть Египта, чтобы ощутить обаяніе Нила.

Называя Ниль „египетскимъ Зевсомъ“, греки очень хорошо выражали идею робости, охватывающей чело-вѣка, будь онъ персъ или грекъ, римлянинъ или фини-кіянинъ, когда онъ видитъ передъ собой эту силу воды, спускающуюся медленно, но неизбѣжно какъ рокъ, и несущую въ себѣ голодъ или благосостояніе, жизнь или смерть цѣлаго народа. Надменный завоеватель можетъ приказать разрушить храмы, сжечь житницы, уничтожить посѣвы, — египтянинъ переноситъ горе и знаетъ, что въ назначенный день и часъ разольется Ниль, и все возвратится ему сторицею. Благодаря Нилу, египтянинъ научился ждать, такъ какъ въ минуты страданій онъ всегда надѣялся на своего друга, который умѣлъ его утѣшить.

Постоянство и правильность, съ которыми въ про-долженіе столькихъ вѣковъ Ниль раздаетъ свои щедроты, были во всѣ времена предметомъ удивленія для чело-вѣка. Египтяне не могли разгадать научныхъ зако-новъ, объяснившихъ въ наши дни этотъ феноменъ. Они столько-же вѣрили во вмѣшательство божественной силы, которая создавала рѣку и посылала ее, сколько въ разумную волю самой рѣки; увеличивающейся и уменьшающейся по собственному желанію.

Въ продолженіе тысячелѣтій въ тотъ самый день, который соотвѣтствуетъ 16-му января по Грегорианскому календарю, начинается „Нильскій періодъ“. Съ этого момента и до дня окончанія феномена, египтянинъ ни о чемъ другомъ не заботится, какъ о наблюденіи за

НИЛЬ ОТЪ КАИРА ДО АСУАНА
 Масштабъ: 1:1,500,000
 Издательство: 1914 г.

рѣкой. Въ коптскомъ календарѣ, этомъ постоянномъ и весьма интересномъ свидѣтелѣ жизни древняго Египта, противъ этого числа стоятъ слѣдующія слова: „Благословеніе неба нисходитъ на воды Нила“. Эта фраза, непонятная на первый взглядъ, вполне точно указываетъ настоящій день начала чуда, зарождающагося не въ Египтѣ, а въ центрѣ африканскаго континента. Вѣтры, преобладающіе въ это время въ центральной Африкѣ, дуютъ съ востока съ незначительными колебаніями въ направленіи, зависящими отъ хода солнца. Эти вѣтры приносятъ съ собой съ Индійскаго океана густые пары, осѣдающіе въ видѣ снѣга на горныхъ вершинахъ или падающіе въ видѣ тумана на низменные мѣстности. Центральная точка, куда повидимому стремятся индійскія облака, это—*Униамуззи*, имя страны, переведенное Шпеке словами: „земля луны“; странное совпаденіе современнаго названія со встрѣчающимся въ баснословныхъ сказаніяхъ старины объ истокахъ Нила.

Скопившіяся между тѣмъ тучи раздражаются потопными дождями, извѣстными лишь въ экваторіальныхъ странахъ; наибольшее количество ихъ выпадаетъ въ февралѣ, когда наступаетъ также періодъ „жаркаго солнца“, подъ лучами котораго начинаютъ таять и горные снѣга. Тогда со всѣхъ сторонъ устремляются бурные потоки и ручьи, болота переполняются, озера выходятъ изъ береговъ, образуются подобія внутреннихъ морей, громадныхъ, но мало замѣтныхъ подъ гигантской, непроницаемой растительностью тропикъ. Непролазные камыши, переплетенные цѣпкими ліанами, останавливаютъ всевозможный соръ и обломки, принесенные

растаявшимъ снѣгомъ съ горныхъ вершинъ, и образуютъ непрерывныя плотины вокругъ переполненныхъ озеръ, со дня на день поднимающихся все выше, такъ что весьма часто вода въ нихъ стоитъ надъ уровнемъ окружающей ихъ почвы. Весь мѣсяць дожди не прекращаются, горные потоки не перестаютъ шумѣть по оврагамъ, тысячи ручьевъ продолжаютъ бѣжать въ большія озера и, наконецъ, когда препятствія не могутъ устоять передъ тяжестью накопившейся воды, лѣаны лопаются, бережныя плотины прорываются, и вся эта громада воды устремляется на сѣверъ, въ Египетъ.

24-го февраля вода эта появляется въ Гондокоро, а вмѣстѣ съ ней появляются и грозныя тучи. Дожди начинаются и здѣсь, и идутъ въ продолженіе всего марта. А между тѣмъ ни прибывающая вода, ни непрерывныя ливни не распространяютъ наводненія дальше внизъ по Нилу. Вся вода поглощается сосѣдними низменностями и болотами, пересохшими со времени прошлогодняго разлива. Эти болота питаютъ Ниль и поддерживаютъ его въ теченіе цѣлаго года; имъ и отдаетъ онъ, подъ условіемъ своего существованія, весь избытокъ воды, принесенный имъ изъ-подъ экватора.

Первая волна наводненія идетъ изъ Абиссиніи. Здѣсь также снѣжныя вершины начинаютъ таять подъ лучами апрѣльскаго солнца, а надвинувшіяся съ юга тучи разрѣшаются, какъ и въ верховьяхъ Бѣлаго Нила, сильными дождями. Озеро Тзана, служащее резервуаромъ для накопившейся воды, разливается и гонитъ бушующія волны съ востока на западъ въ рѣку, называющуюся Синимъ Ниломъ (Баръ-эль-Азрекъ). Такъ какъ озеро Тзана лежитъ на высотѣ двухъ тысячъ метровъ надъ

уровнемъ моря, а разстояніе отъ него до мѣста сліянія съ другимъ Ниломъ сравнительно не велико, то синія, прозрачныя воды озера несутся съ большой быстротой по каменистому руслу къ Хартуму, гдѣ и впадаютъ въ Бѣлый Ниль (Баръ-эль-Абіадъ), идущій изъ центра Африки, откуда въ это время медленно подвигается настоящее наводненіе.

Новыя воды, собравшіяся отъ дождей и растаявшихъ снѣговъ въ громадныхъ озерахъ Баринго, Укереве, Альбертъ Ніанца, Танганаика, Ніасса, Бемба или Бангвеоло и др., наполняютъ на своемъ ходу обширныя болота, которыхъ стоячая въ продолженіе долгихъ мѣсяцевъ вода проржавѣла и сгустилась отъ плѣсени водорослей, отъ испражнений толстокожихъ животныхъ и отъ скопленія насѣкомыхъ, любящихъ жить въ этой теплой и жирной грязи. Возмущенныя нагрянувшей свѣжей водой бурныхъ потоковъ, болота трогаются съ мѣста и спускаютъ весь свой зловонный иль и прогнившую тину въ Бѣлый Ниль. Съ появленіемъ этой зеленоватой, мутной и опасной для употребленія воды начинается, такъ сказать, формальный разливъ. Это появленіе торжественно празднуется египтянами въ Каирѣ 17-го іюня.

Главная масса воды проходитъ въ Хартумѣ 27-го апрѣля, въ Донголѣ 16-го мая, въ Уади-Альфа двѣнадцать дней позже, въ Каирѣ же 17-го іюня. Пока зеленый вонючій иль осѣдаетъ на всемъ протяженіи Нильской долины, въ центральной Африкѣ все еще продолжаютъ идти дожди, и новые потоки продолжаютъ спускаться въ озера. На этотъ разъ текущую съ горъ воду не удерживаютъ на пути заросшія болота; ихъ русло

уже очищено и вмѣсто зеленой грязи вода увлекаетъ съ собой красновато-коричневую землю съ горь. Этотъ періодъ наводненія называется „Краснымъ Ниломъ“, проходящимъ въ Каирѣ 31-го іюля.

Наводненіе все идетъ увеличиваясь; оно достигаетъ своего тахітум'а въ Хартумѣ 20-го августа, въ Ассуанѣ 30-го, въ Оивахъ 5-го сентября, въ Асіутѣ 13-го — и 26-го въ Каирѣ. Медленность движенія воды объясняется существованіемъ множества отводныхъ каналовъ, проведенныхъ отъ рѣки во все стороны на большомъ протяженіи. Высота воды противъ нормы далеко неодинакова во время разлива въ различныхъ пунктахъ; такъ, напримѣръ, она подымается лишь на одинъ метръ въ болотахъ центральной Африки и на два метра въ Гондокоро. Въ Хартумѣ, несмотря на обширность наводняемыхъ полей, она достигаетъ семи метровъ; не надо забывать, впрочемъ, что въ Хартумѣ сливаются оба Нила. Съ этого мѣста Нилъ наводняетъ въ настоящемъ смыслѣ слова. Онъ подымается на восемь метровъ около Шенди и на девять съ половиною метровъ у Ханнекскихъ пороговъ. Около Семнеха вода достигаетъ наибольшей высоты — двѣнадцати метровъ. Въ Ассуанѣ она рѣдко бываетъ выше девяти метровъ; въ дельтѣ-же высота воды та же, что въ Хартумѣ, т.-е. семь метровъ.

Заимствую у одного англійскаго путешественника г. Осборна его весьма живое и вѣрное описаніе различныхъ фазисовъ наводненія, описаніе, очень рѣдко встрѣчающееся въ сочиненіяхъ путешественниковъ, такъ какъ весьма немногіе изъ нихъ бываютъ въ Египтѣ въ это время года. „За мѣсяць до лѣтняго солнцестоянія, пи-

шесть г. Осборнъ ¹⁾, Ниль до того пересыхаетъ, что сокращается до половины своей обыкновенной ширины. Въ это время кажется, что его мутная вода не течетъ ни въ какомъ направленіи. Глинистыя отмели и черныя массы спекшейся на солнцѣ грязи составляютъ съ обѣихъ сторонъ берега рѣки. За этой чертой непосредственно начинаются пески, среди которыхъ все посохло и выгорѣло, такъ какъ недавно лишь прекратился хамсинъ, дувшій сорокъ дней. Кое-гдѣ сквозь пыльную, ослѣпительную, пылающую атмосферу можно разглядѣть стволы и сучья деревьевъ, но листья покрыты такимъ слоемъ пыли, что на нѣкоторомъ разстояніи ихъ не отличишь отъ окружающей пустыни. Лишь благодаря непрерывной поливкѣ, поддерживается что-то похожее на зелень въ садахъ паши. Наконецъ, появляется первый признакъ окончанія этого ужаснаго періода — сѣверный вѣтеръ, который начинаетъ дуть съ страшной силой и продолжается цѣлый мѣсяцъ. Въ одинъ день деревья очистились отъ пыли и снова приняли свой прежній цвѣтъ. Въ то же время замѣчается перемѣна въ рѣкѣ. На Каирскомъ нилометрѣ вода поднялась на дюймъ или два. Вода становится зеленой, липкой и вонючей, такъ что никакой фильтръ не въ состояніи очистить ее и отдѣлить вредныя частицы. Слава Богу, что этотъ феноменъ рѣдко продолжается дольше трехъ, четырехъ дней, такъ какъ, несмотря на краткость этого срока, жители Египта, принужденные пить воду Нила, всегда ощущаютъ въ это время сильную боль и рѣзь въ желудкѣ.

¹⁾ Osburn, *The monumental history of Egypt*, t. I, p. 9—14.

Горожане поэтому запасаются на эти четыре дня водой заблаговременно“.

„Съ этого момента вода начинаетъ сильно прибывать. Черезъ десять, двѣнадцать дней совершается послѣдній и самый необыкновенный феноменъ. Я попытаюсь описать испытанныя мной впечатлѣнія. Это было послѣ долгой, безсонной ночи. Когда я всталъ съ дивана, на которомъ я напрасно старался заснуть, на палубѣ нашей дахаби, застигнутой штилемъ подъ Бени-Суэфомъ, солнце какъ разъ показывало верхній край своего диска надъ Аравійской цѣпью. Я былъ ужасно пораженъ, увидавъ, что освѣщенная его лучами вода — краснаго цвѣта. Красный цвѣтъ становился все темнѣе по мѣрѣ того, какъ восходящее солнце освѣщало рѣку; прежде чѣмъ солнце встало совсѣмъ, Ниль имѣлъ видъ кровавой рѣки. Думая, что я нахожусь подъ вліяніемъ какого-нибудь оптического обмана, я нагнулся черезъ бортъ. Увидѣнное мною разсѣяло мои сомнѣнія. Вся масса воды была темно-краснаго цвѣта и скорѣе походила на кровь, чѣмъ на что-либо иное. Въ то же время я замѣтилъ, что за ночь рѣка еще поднялась: арабы же объяснили мнѣ, что наступилъ такъ называемый „Красный Ниль“.

„Пока рѣка находится въ этомъ періодѣ своего разлитія, красный цвѣтъ воды постоянно мѣняется; по временамъ вода становится болѣе прозрачной, не теряя впрочемъ своего краснаго цвѣта; по временамъ наоборотъ она бываетъ темнѣе, что совпадаетъ обыкновенно съ новымъ повышеніемъ рѣки. Вода „Краснаго Нила“ не вредна для употребленія, какъ вода „Зеленаго Нила, напротивъ — никогда она такъ не вкусна, здорова и

освѣжительна, какъ во время этого своего фазиса. Въ тѣ дни, когда Ниль во время наводненія внезапно сильно подымается, количество ила, какое онъ несетъ въ своихъ волнахъ, такъ велико, что — какъ мнѣ не разъ случалось наблюдать — ходъ рѣки замедляется отъ влекомой ею тяжести. Отстоявшійся стаканъ воды, почерпнутой въ это время, давалъ слѣдующіе результаты: верхняя часть оставалась совершенно красною, какъ кровь, внизу же приблизительно четверть стакана занимала черная грязь. Значительная доля этого ила осѣдаетъ въ Верхнемъ Египтѣ, въ Среднемъ-же и Нижнемъ мнѣ не случалось видѣть воду столь темнаго цвѣта“.

„Во всей природѣ нѣтъ можетъ быть ни одного явленія, представляющаго болѣе радостную картину, чѣмъ разливъ Нила. Съ каждымъ днемъ, съ каждою ночью подвигается впередъ величественная рѣка и затопляетъ новыя пустынные пространства, сожженные солнцемъ и засыпанные пескомъ. Почти ежеминутно, пока мы медленно шли по вѣтру на югъ, раздавался шумъ прорванной плотины; мы видѣли, какъ въ этомъ мѣстѣ торжествующія волны Нила, побѣдивши новую преграду, рвались впередъ, неся съ собою жизнь и радость во всю умершую природу. Изъ всѣхъ впечатлѣній моей жизни нѣтъ ни одного, которое оставило-бы болѣе пріятное о себѣ воспоминаніе, чѣмъ то, которое я пережилъ въ первые дни ежегоднаго наводненія Нила. Вся природа празднуетъ это событіе. Взрослые, дѣти, быки, верблюды прыгаютъ по водѣ, стада рыбъ, увлекаемыхъ волной, блестятъ на солнцѣ своей чешуей, между тѣмъ какъ въ воздухѣ кружатся тучи всевозможныхъ птицъ“....

26-го сентября разливъ кончился, вода начинаетъ убывать; иногда впрочемъ бываетъ второе наводненіе въ октябрѣ. И такъ, періодъ приращенія Нила продолжается *сто дней*, о которыхъ говоритъ, со словъ мемфисскихъ жрецовъ, Геродотъ ¹⁾. Затѣмъ слѣдуетъ періодъ паденія воды, продолжающійся восемь мѣсяцевъ, во время которыхъ Ниль, на всемъ протяженіи отъ Хартума до Средиземнаго моря не получающій ни одного притока и ни одной капли дождя, подвергается сильному испаренію, но никогда не пересыхаетъ, — явленіе, возведенное въ чудо арабскими хронографами.

Для того, чтобы оросить всѣ поля или, говоря языкомъ мѣстныхъ жителей, „исполнить свое благодѣяніе“, Ниль долженъ подняться на шестнадцать локтей; если онъ не достигнетъ тринадцати локтей, то это — народное горе: будетъ засѣяна лишь половина полей; странѣ грозитъ голодъ. Такимъ Ниль былъ во времена библейскаго Иосифа.

Въ двадцатомъ году эгиры Амру писалъ своему повелителю калифу Омару: „Въ свое время всѣ родники и ключи подземные стекаются въ Ниль, согласно волѣ его Творца, направляющаго его теченіе и снабжающаго его цѣлый годъ водой, а народъ египетскій хлѣбомъ. Волны его начинаютъ течь съ шумомъ, онъ выходитъ изъ береговъ и потопляетъ всю страну, такъ что жители различныхъ деревень могутъ сообщаться лишь въ лодкахъ, которыя ныряютъ среди безпредѣльнаго про-

¹⁾ Геродотъ II, 19... ὃ τι κατέρχεται μὲν ὁ Νεῖλος πληθύνων ἀπὸ τροπέων τῶν ἐρινέων ἀρξάμενος ἐπ' ἑκατὸν ἡμέρας, πελάσας δ' ἔς τὸν ἀριθμὸν τούτων τῶν ἡμερῶν ὀπίσω ἀπέρχεται.

странства воды, какъ верблюды въ степи. Потомъ онъ возвращается назадъ и постепенно входитъ въ свое русло точно такъ же, какъ онъ изъ него вышелъ“. То, что констатировалъ Амру, египтяне констатировали пять тысячъ лѣтъ тому назадъ и феллахи девятнадцатаго столѣтія констатируютъ ежегодно.

Но ни современнаго намъ египтянина, ни египтянина времянь Амру, ни времянь Менеса, повидимому, не тревожило и не тревожитъ любопытство: откуда течетъ Ниль? куда онъ течетъ? какая причина превращаетъ его въ столь поразительно точно опредѣленные сроки изъ бѣлаго въ зеленый, изъ зеленого въ красный? какая сила, какой благодѣтель снабжаетъ его плодоноснымъ иломъ? въ какомъ неисчерпаемомъ источникѣ беретъ онъ свои богатства? Вопросы эти имъ и въ голову не приходятъ; во-первыхъ, можетъ быть потому, что нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что видишь ежегодно со дня своего рожденія, что привыкли видѣть отцы, дѣды, прадѣды.... а во-вторыхъ, въ сущности, какое имъ дѣло до всего этого? Важно то, что онъ разлился, что поля оплодотворены его иломъ, что слѣдовательно урожай обезпеченъ. Спрашивать-же его какъ-будто даже нескромно, даже страшно: что такое въ самомъ дѣлѣ человѣкъ передъ этой силой, которая — измѣни она направление — уничтожитъ цѣлую страну, а изобильно разлейся, то оживотворитъ ее, несмотря на всякія невзгоды? Все зависитъ отъ Нила; фараоны — его слуги; Египетъ существуетъ лишь благодаря ему. Постоянно живя подъ впечатлѣніемъ этой силы и ежегодно принимая ея благодѣянія, египтянинъ воздастъ ей божескія почести и не дерзаетъ интересоваться ея происхожде-

ніемъ, точно такъ же, какъ не дерзаетъ онъ проникнуть въ храмъ, за высокими стѣнами котораго происходятъ таинства богослуженія.

Не такъ относятся къ Нилу чужеземцы, которыхъ привлекали и привлекаютъ къ себѣ чудеса Египта и баснословные рассказы про его рѣку. Любознательные изслѣдователи или честолюбивые завоеватели — всѣ, бывшіе въ Египтѣ, испытали на себѣ эту жажду „узнанъ“ истоки загадочной рѣки и разоблачить ея тайну. Начиная съ Камбиза и кончая Бонапартомъ, „проблема Нила“ ни на минуту не переставала подстрекать всеобщее любопытство.

Большія, какъ моря, озера, гранитныя скалы десятки разъ останавливаютъ Ниль въ его теченіи. Эти препятствія, преувеличенныя въ рассказахъ жителей Египта, не прошли безъ вліянія на умы чужестранцевъ, и долгое время Египетъ считался неприступною страной, а далѣе, къ центру Африки, верховья Нила казались какимъ-то заколдованнымъ царствомъ, у входа въ которое сторожить невидимый, но непреодолимый геній. Ассуанскіе пороги, напрімѣръ, которые въ дѣйствительности ничто иное, какъ рядъ болѣе или менѣе широкихъ и узкихъ быстринъ, безнаказанно переплываемыхъ нубійцами, Цицеронъ еще называетъ страшнымъ водопадомъ. „Такимъ образомъ, говоритъ онъ, тамъ, гдѣ Ниль съ неимовѣрнымъ шумомъ устремляется съ высокихъ горъ, все окрестное народонаселеніе оглохло вслѣдствіе этого непрерывнаго рева волнъ“. Сенека, Плиній, Солинусъ, Амміанъ Марселлинъ лишь повторяютъ эти преувеличенія. „Миновавъ Эіопію, говоритъ Амміанъ, Ниль подходитъ къ порогамъ — отвѣснымъ скаламъ, съ вы-

соты которыхъ его воды скорѣе падаютъ, нежели текутъ“. Но Ниль не „падаетъ“ и не „устремляется“, а, остановленный пересѣкающими его грядами скаль, пробиваетъ между ними себѣ дорогу и бѣжитъ съ легкимъ ропотомъ по небольшому наклону, разбившись на сотни ручьевъ.

Когда читаешь эти неправдоподобные рассказы прошлаго, такъ и видишь передъ собой мемфисскихъ жрецовъ, потѣшающихся надъ любознательными иностранцами и рассказывающихъ всякіе ужасы про свою страну и рѣку. Эти розказни, какъ показала исторія, оказались весьма ловкимъ дипломатическимъ приѣмомъ. Иерофанты береговъ Нила, повѣствуя про своихъ боговъ и объясняя свою рѣку, въ душѣ конечно подсмѣивались надъ легковѣріемъ иностранцевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и защищали этимъ свое отечество. Въ исторіи Египта мы видимъ не мало примѣровъ, какъ завоеватели, поработившіе всю страну, останавливались, объятые страхомъ, на порогѣ храма, въ таинственныхъ стѣнахъ котораго въ непроницаемомъ мракѣ жили страшныя божества, и какъ отважные полководцы, удивленные непонятнымъ, сверхъестественнымъ разливомъ Нила, не смѣли идти дальше въ глубь Египта.

Впрочемъ мемфисскіе жрецы, сознательно рассказывая вымыслы иностранцамъ, можетъ-быть передавали лишь то, что было истиною въ давно прошедшія времена. Ниль, какъ Конго, не всегда былъ такимъ, каковъ онъ теперь. Можетъ-быть существовали на немъ водопады, которыхъ теперь больше нѣтъ, и настоящія паденія воды, оглушавшія сосѣднихъ жителей, были тамъ, гдѣ теперь рѣка бѣжитъ, едва ускоривъ свое

нормальное теченіе. Это еще вопросъ далеко не разрѣшенный, скорѣе едва затронутый, что Ниль около Сильзиха или немного выше этого мѣста не сворачиваль круто на западъ, чтобы идти дальше по направленію къ Средиземному морю или затеряться въ пескахъ Либійской пустыни? ¹⁾ Или, еще ранѣе этого, не останавливался-ли онъ передъ горами, идущими съ востока на западъ около Фила, и не образовываль-ли онъ тутъ громаднаго озера, южнѣе Элефантины, и только послѣ многовѣчной борьбы пробилъ себѣ путь черезъ нихъ?

Ежегодно во время разлива рѣка приноситъ съ собою изъ центра Африки громадное количество земли, осѣдающей въ періодъ паденія водъ на всемъ ея протяженіи и, слѣдовательно, поднимающей уровень ея русла. Подъемъ этотъ, происходящій отъ постоянно накапливающегося ила, даетъ вполне ясное объясненіе Ассуанскихъ пороговъ. Въ самомъ дѣлѣ трудно представить себѣ, видѣвши эти гранитныя глыбы, чтобы Ниль, по латинской пословицѣ: *gutta cavat lapidem non vi, sed semper cadente*, могъ прорвать сплошную каменную гору, заграждавшую ему въ этомъ мѣстѣ дорогу. Не вѣроятнѣе-ли, что русло Нила, постоянно и постепенно подымаясь отъ осадковъ, приносимыхъ съ далекихъ экваторіальныхъ горъ, наконецъ достигло такой высоты, что вода могла пройти черезъ препятствіе? По мѣрѣ того,

¹⁾ Параллельно съ теперешнимъ русломъ Нила, на западъ, верстахъ въ двадцати отъ него, идетъ сухой оврагъ *Баларъ-бела-ма* (рѣка безъ воды) соединяющійся съ *Уади-эль-Натрунъ* на параллели Каира и идущій далѣе къ сѣверу, чтобы впасть недалеко отъ Александріи въ Арабскій заливъ. Предполагаютъ, что это старое русло Нигера, но по другому мнѣнію, болѣе правдоподобному, это — бывшее ложе Нила, проходившаго здѣсь прежде, чѣмъ онъ проложилъ себѣ болѣе прямой путь, пробивши удерживавшія его горы.

какъ вода пролагала себѣ все болѣе и болѣе широкій путь черезъ Ассуанскія горы, уровеньъ рѣки южнѣе Филэ постепенно понижался. Пониженіе воды въ Ниль выше первыхъ (Ассуанскихъ) пороговъ — фактъ несомнѣнный. Немного южнѣе Уади-альфа, около деревни Семнэ, на скалахъ, отвѣсно спускающихся въ Ниль, есть іероглифическія надписи на семь метровъ выше уровня самой высокой воды во время разлива. Такое ихъ мѣсто-нахожденіе доказываетъ, что въ продолженіе сорока вѣковъ Ниль въ этомъ мѣстѣ опустился на семь метровъ.

Въ то время, какъ верхній Ниль, по мѣрѣ протачиванія Ассуанскихъ горъ, все опускается, наоборотъ нижній Ниль (сѣвернѣе Ассуана) постепенно повышается подъ вліяніемъ осадка наносной земли и песковъ, которые здѣсь безпрепятственно гонитъ западный вѣтеръ поперекъ рѣки. Это движеніе—подъемъ русла нижняго Нила и пониженіе верхняго Нила — сгладило разницу ихъ уровней и уничтожило Ассуанскій водопадъ, шумъ котораго отозвался лишь какъ эхо въ разсказахъ жрецовъ и въ повѣстьяхъ древнихъ писателей.

Мемфисскіе жрецы говорили Геродоту, что при царѣ Менесѣ — тому назадъ семьдесятъ вѣковъ отъ девятнадцатаго столѣтія по Р. Х. — около Мемфиса было море, а отъ Мемфиса до Оивъ шли болота ¹⁾. Законы нарастанія дельтъ не позволяютъ принять буквально это заявленіе греческаго историка. Если взять за основаніе средній ежегодный приростъ, образующійся въ настоящее время въ устьяхъ нильскихъ рукавовъ, и пространство, занимаемое треугольникомъ: Мемфисъ, Розетта и

¹⁾ Геродотъ II, 10.

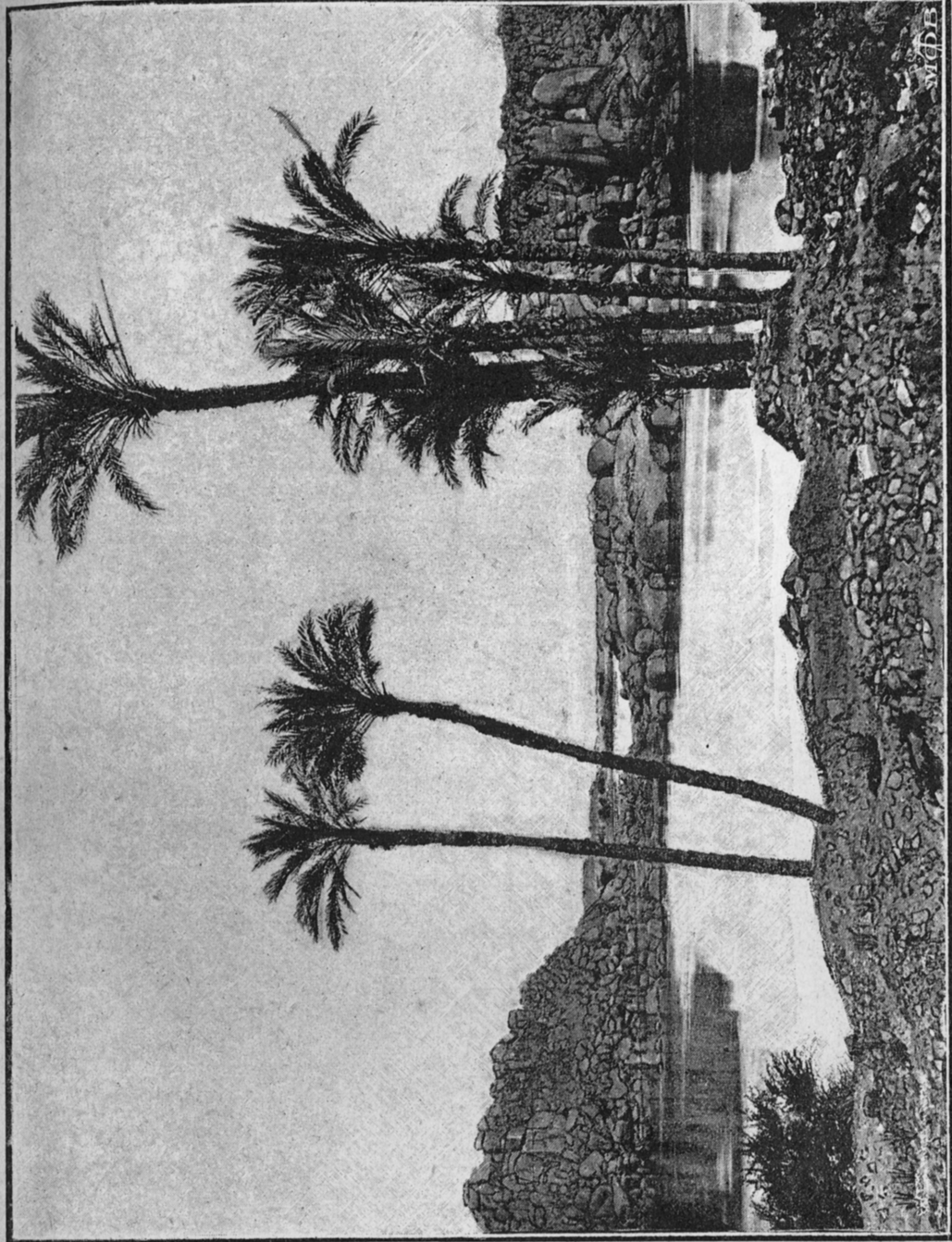
Даміетта, то Ниль долженъ-бы былъ употребить болѣе семисотъ вѣковъ, чтобы наполнить свою дельту. Впрочемъ, возможно-ли примѣнять къ подобной рѣкѣ, подвергавшейся такимъ сильнымъ измѣненіямъ въ своемъ прошломъ, норму сравнительно правильныхъ и спокойныхъ отправленій, управляющихъ ею въ настоящее время? Несомнѣнно только, что было время, когда долина, гдѣ стоялъ Мемфисъ, была берегомъ Средиземнаго моря, когда не существовало Суэзскаго перешейка и когда Ниль останавливался еще передъ Ассуанскими горами. Въ тѣ времена не было и Египта.

Въ настоящее время Ниль оплодотворяетъ пять милліоновъ феддановъ земли, т.-е. болѣе двухъ милліоновъ гектаровъ (около $1\frac{1}{2}$ милл. десятинъ). Тамъ, куда вода не доходитъ, нѣтъ и Египта. Египетъ есть Ниль, такъ какъ въ немъ все происходитъ отъ Нила и все объясняется Ниломъ. Онъ не только создалъ землю Египта, онъ образовалъ египтянина и подчинилъ его правленію фараоновъ. Во всѣ времена исторіи Египта фараоны его — царили-ли они въ Напата, въ Мемфисѣ или въ Оивахъ — заботились всегда главнымъ образомъ объ одномъ: о распредѣленіи воды во время наводненія. Легко себѣ представить, какой произошелъ-бы беспорядокъ, если-бы каждый житель, ни мало не заботясь о своемъ сосѣдѣ, распоряжался-бы и пользовался водою Нила по своему! Подобная анархія привела-бы въ одинъ годъ Египетъ къ полнѣйшему раззоренію. Необходимо слѣдовательно, чтобы единая, сильная власть распредѣляла-бы по полямъ своихъ подданныхъ воду, указывала-бы направленіе плотинъ и ограничивала-бы во всеобщемъ интересѣ права каждаго въ отдѣльности.

Періодическіе разливы Нила, оставленные на произволь судьбы, были-бы для Египта скорѣе горемъ, чѣмъ благодѣяніемъ. Вышедшая изъ береговъ вода избородила бы промоинами всю долину, сдѣлала бы ее негодною для посѣва, а въ болѣе низменныхъ мѣстахъ, какъ это случается до сихъ поръ около Донголы, осталась-бы на весь годъ въ видѣ лужъ со стоячей грязью, гнилыя испаренія которой заражали бы воздухъ. Такова была долина Нила въ тѣ времена, когда пришли первыя орды поселившагося на ней народа. Надо было, чтобы трудъ человѣка, побуждаемаго нуждой, вступился бы и упорядочилъ явленія природы, прежде чѣмъ начать извлекать изъ нихъ выгоду. Лишь только появились на берегахъ Нила цивилизація и земледѣліе, какъ управленіе водой стало на первомъ мѣстѣ и сдѣлалось вопросомъ жизни. Дать рѣкѣ опредѣленное, немѣняющееся ложе; такъ распредѣлить воду по идущимъ вдоль и поперекъ каналамъ, чтобы покрыть разлившейся водой наибольшее количество земли; удержать поперечными плотинами воду на нѣкоторое время, чтобы иль успѣлъ осѣсться на поляхъ; обезпечить отъ наводненія города и деревни, чтобы ихъ не затопляло или не сносило со-всѣмъ, устроить водоподъемныя машины, съ помощью которыхъ можно было бы подымать въ довольно большомъ количествѣ воду для орошенія такихъ полей, куда разливъ не достигаетъ; наконецъ, когда наводненіе кончилось, способствовать повсемѣстному стоку воды, чтобы нигдѣ въ низменностяхъ не застаивались лужи и болота. Вотъ программа работъ, которыя должны были быть исполнены египтянами для того, чтобы можно было вполне воспользоваться дарами, которыми надѣлила при-

рода ихъ страну. Въ силу необходимости и долготнаго опыта, они научились прежде всѣхъ другихъ народовъ практическимъ приемамъ гидравлической науки. Созданіе системы ирригаціи и приведеніе въ порядокъ наводненій относятся къ до-исторической эпохѣ въ Египтѣ; во времена же, извѣстныхъ исторіи, вводились лишь нѣкоторыя улучшенія и усовершенствованія въ деталяхъ. Но въ общемъ основныя правила этихъ гидравлическихъ работъ и систему каналовъ мы видимъ уже существующими и твердо установленными на первыхъ страницахъ египетской исторіи. Равнымъ образомъ, съ незапамятныхъ временъ жители береговъ Нила употребляли эти двѣ простыя, но остроумныя водоподъемныя машины, оставшіяся до настоящаго времени безъ малѣйшаго измѣненія въ употребленіи у феллаховъ: шадуфъ — русскій журавецъ, сакію или водополъемное колесо, приводимое въ движеніе быкомъ.

Физическія условія страны имѣли рѣшительное вліяніе на судьбы египетскаго народа, вліяніе, котораго нельзя не замѣтить. Система работъ и сооружений, регулирующихъ ходъ и послѣдствія наводненія, образуетъ одно цѣлое, въ которомъ всѣ части тѣсно связаны между собой и должны дѣйствовать одинаково отъ Ассуанскихъ пороговъ до моря. Если только одна шестерня въ этой обширной машинѣ перестанетъ работать или начнетъ работать на перекоръ остальнымъ, — вся машина станеть; мало того, сломается и сломается такъ, что повліяетъ на жизнь цѣлаго народа въ продолженіе года. Пусть одна изъ провинцій Верхняго Египта не прочиститъ своихъ каналовъ и не исправитъ плотинъ, тогда вода измѣнитъ направленіе своего обычнаго хода

Первые Нильские пороги.

МДФ

и съ большею или наоборотъ меньшею противъ ожидавшейся силсю устремится въ провинціи, лежащія ниже, въ которыхъ отъ этого конечно пострадаетъ плодородная сила почвы, что въ свою очередь отзовется и на урожаѣ всей страны. Необходимо слѣдовательно, чтобы одна центральная власть распространялась по всему государству и вѣдала всю систему гидравлическихъ сооружений. Народный предразсудокъ, лишенный всякаго смысла и основанія во всякой другой странѣ, взваливающій отвѣтственность за хорошій или дурной урожай на правительство, полонъ значенія въ Египтѣ. Правительство здѣсь имѣетъ громадное вліяніе на плодородіе почвы, такъ какъ отъ его бдительности и принимаемыхъ имъ разумныхъ или неразумныхъ мѣръ зависитъ удачный или неудачный разливъ рѣки ¹⁾. Подъ страхомъ лишенія страны ея производительности необходимо, чтобы страню этой управляла одна абсолютная воля. Такая необходимость съ раннихъ поръ указала на политическую сомкнутость и безграничную монархическую власть, какъ на единственныя возможные формы жизни и правленія. Прежде чѣмъ гдѣ-либо на остальномъ земномъ шарѣ образовались обширныя національныя единицы, а избранные вожди стали управлять обширными государствами, египетскій народъ въ силу необходимости, налагаемой на него условіями природы, былъ вынужденъ положить предѣль разрозненности, въ какой онъ жилъ сначала, и подчиниться авторитету

¹⁾ Наполеонъ I-й, говоря, сказалъ: «En Égypte, une bonne administration élargit jusqu'au désert la prospérité du Nil; une mauvaise étend le désert, jusqu'au Nil».

единоличнаго монарха. И въ продолженіе всей его жизни это была единственная форма правленія, которая позволяла ему процвѣтать или по крайней мѣрѣ жить сносно. Всякій разъ, когда за время его долгой исторіи монархическое единство нарушалось, всякій разъ, когда являлись соискатели на тронъ и соперничающія династїи раздробляли страну на нѣсколько частей, всякій разъ Египетъ впадалъ въ нищету, такъ какъ не было единой воли, которая управляла-бы ходомъ наводненій и ирригаціей полей, не дававшихъ вслѣдствіе этого необходимаго урожая. Послѣ жестокихъ испытаній Египетъ всегда долженъ былъ цѣною энергическихъ усилій возстановлять единство власти, и первую заботою овладѣвшаго трономъ было возобновленіе и приведеніе въ порядокъ системы орошенія, исправное содержаніе которой удваиваетъ производительность почвы, удерживая въ то же время вторженіе песка, никогда не пропускающаго удобной минуты окутать своимъ мертвящимъ покровомъ весь Египетъ ¹⁾.

Но эти физическія условія совершенно исключительной природы не только сплотили египетскій народъ, они на-вѣки отдали его въ руки деспотизма. Политическимъ идеаломъ древнихъ египтянъ было правленіе бога на землѣ, какимъ оно по преданію и было въ началѣ когда царствовали въ Египтѣ на благо своимъ подданнымъ Ра или Озирисъ. Никогда ни одинъ народъ не почиталъ такъ высоко царскую власть и беззавѣтно не

¹⁾ Первое дѣло, за которое принялся въ Египтѣ Августъ, было расчищеніе каналовъ: *Aegyptum... ut feraciorem habilioremque annonae urbanae redderet fossas omnes... oblitae longa vetustate, militari opere detersit* (Suetonius, *Octav.*, 18.)

вѣрилъ въ ея божеское происхожденіе, какъ египтяне. Объясняется это тѣмъ, что ни у одного народа матеріальная жизнь не зависѣла такъ вполне отъ хорошаго или дурнаго образа правленія и ни одинъ народъ не ощущалъ такой необходимости въ единой верховной власти, какъ египетскій. Вслѣдствіе чего съ самой ранней эпохи, извѣстной исторіи, народъ этотъ былъ всегда послушнымъ стадомъ въ рукахъ правителей. Какихъ-бы размѣровъ, достойныхъ удивленія, ни достигала въ извѣстныхъ эпохи египетская цивилизація, кажущаяся намъ свѣточемъ среди мрака, покрывающаго тѣ отдаленныя времена, — никогда идея свободы не зарождалась тамъ, хотя-бы въ элементарномъ видѣ признанія правъ человѣка; между тѣмъ какъ другіе народы явились на свѣтъ съ этимъ инстинктомъ и вполне овладѣли идеей, едва освободившись отъ дикаго состоянія. Нельзя, мнѣ кажется, отрицать, что въ природѣ существуетъ неизбѣжная, роковая сила, тяготящая надъ человѣкомъ. Эта сила, допуская свободу лишь жителямъ извѣстныхъ странъ и климатовъ, обрекаетъ другихъ на вѣчное рабство. Это безспорно такъ, и нельзя не считаться съ этою фатальностью, воздѣйствующей на жителей той или другой страны и являющейся слѣдствіемъ соединенія безконечнаго числа внѣшнихъ обстоятельствъ, а равно и прирожденныхъ способностей данной расы. Но усилія нравственно свободнаго человѣка могутъ въ концѣ концовъ сломить эту кажущуюся силу, и нигдѣ онъ не долженъ отчаяваться въ успѣхѣ.

Между тѣмъ въ столовой накрыли роскошный завтракъ. По окончаніи онаго г. Кукъ, всегда провожа-

ющій одну изъ партій туристовъ до первой станціи, сказалъ длинную рѣчь, въ которой картинно изобразилъ всѣ свои старанія и хлопоты на доставленіе своимъ путешественникамъ возможности пріятнѣйшаго и полезнѣйшаго препровожденія времени. На эту рѣчь отвѣчалъ одинъ старый англичанинъ, Mister Denton, объявившій въ заключеніе своего безконечнаго спича, что „Мазръ“ — не пароходъ, а настоящій „paradise“. На этотъ спичъ снова возражалъ г. Кукъ, который сказалъ, что ему никогда не приходилось имѣть дѣла съ такими пріятными и любезными джентльменами, какъ мы, сидѣвшіе тутъ. (Эти же слова онъ говорилъ другой партіи туристовъ, къ которымъ я присталъ, когда отправлялся въ Сирію и Палестину). Г-ну Куку отвѣчалъ другой англичанинъ, который говорилъ ужь право хорошо не помню о чемъ. Кажется, онъ проводилъ параллель между терпѣніемъ строителей пирамидъ и терпѣніемъ г. Кука, принужденнаго выслушивать и удовлетворять самыя разнообразныя требованія и притязанія путешественниковъ. Ораторъ, недоумѣвая передъ неисчерпаемостью терпѣнія фараоновъ и г. Кука, воздавалъ имъ должную хвалу. Не знаю, когда кончились бы эти обоюдныя изліянія чувствъ, переполнявшихъ души туристовъ съ одной стороны и г. Кука съ другой, еслибы протяжный свистъ парохода не извѣстилъ насъ о приближеніи Бендрешена, пристани, гдѣ мы должны были сойти на землю, чтобы посѣтить развалины Мемфиса, Серапеумъ, Саккарскія и Дашурскія пирамиды. На берегу насъ ожидали ослы съ ихъ ослятниками, прибывшіе по special arrangement г. Кука изъ Каира.

Пока ослось сѣдлали, пересѣдывали, негодныхъ

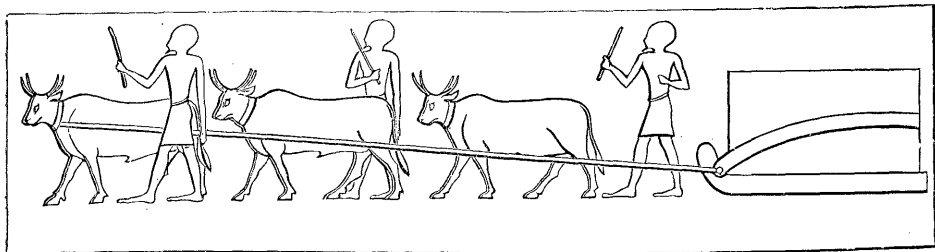
браковали, а годныхъ распредѣляли между туристами, пока неискушенные въ верховой ѣздѣ на ослахъ падали и ворчали на Кука, который тутъ-же на дѣлѣ имѣлъ возможность доказать неисчерпаемость своего терпѣнія, я окинулъ взоромъ Ниль, который здѣсь величественно широко. Лѣвый, Ливійскій берегъ представляетъ низменную равнину, мѣстами поросшую пальмовыми рощицами; вдоль праваго берега тянется, близко подступивши къ рѣкѣ, Аравійская цѣпь, бѣлѣющая на солнцѣ и изрытая гротами и громадными каменоломнями, изъ матеріала которыхъ былъ выстроенъ Мемфисъ. Шамполіонъ нашелъ въ этихъ каменоломняхъ, называющихся Турахскими, имена фараоновъ восемнадцатой династіи. Недавно-же тамъ были найдены имена и надписи, относящіяся къ болѣе раннимъ эпохамъ.

Вѣтра нѣтъ ни малѣйшаго; жаркій воздухъ не колыхнется надъ неподвижной, какъ озеро, рѣкой, отражающей синее небо съ бѣлыми тонкими полосами облаковъ и берегъ, обросшій камышемъ и рицинусами.

Такъ вотъ онъ, Ниль, таинственный Ниль! съ его загадочными истоками, съ его безконечной и безначальной исторіей и съ его плодороднымъ иломъ! Вотъ долина, названная Менесомъ *Манноберъ* (хорошее мѣсто), изъ котораго образовался Мемфисъ. Вотъ берегъ, гдѣ была можетъ-быть его гавань. За этимъ песчанымъ мыскомъ, вопъ въ тростникахъ, можетъ-быть пряталась сестра Моисея, слѣдившая за купавшейся въ этихъ мутныхъ волнахъ дочерью фараона; съ этихъ береговъ бѣжали сыны Іакова; здѣсь, на этой самой равнинѣ, звѣрствовалъ кровожадный Камбизъ. Тотъ-же Ниль нѣ-

сколько столѣтій позже носилъ на себѣ пышныя галеры
Клеопатры и наконецъ сегодня несетъ меня: Sic gloria
mundi, какъ говорить одинъ мой знакомый капитанъ,
пропуская всегда слово transit.

ГЛАВА XII

«Oppida posse mori».

Rutilius.

Растянувшись длиною вереницею, направились мы на западъ отъ Нила, мимо зеленѣвшихъ полей и мимо арабской или феллахской грязной деревушки, все население которой, отъ сгорбленныхъ стариковъ и до ползающихъ дѣтей, высыпало на дорогу. Немного далѣе мы переѣхали полотно желѣзной дороги, идущей отъ Каира параллельно съ Ниломъ до Асиута, затѣмъ отводный каналъ Баръ-Юзуфъ, устройство котораго приписывается Юсифу, и въѣхали на высокую насыпь, служащую во время наводненія съ одной стороны плотинной для распредѣленія воды по полямъ, а съ другой—путемъ сообщенія между сосѣдними деревнями. Въ январѣ мѣсяцѣ, т.-е. когда мы тутъ были, вода уже давно сошла, поля уже были засѣяны и только кое-гдѣ вид-

нѣлись небольшія лужи. По обѣимъ сторонамъ насыпи простираются тщательно обработанныя нивы, ровныя, хорошо вспаханныя; подъ тѣнюю пальмовой рощи пасется скоть; кругомъ тишина и спокойствіе, а между тѣмъ археологи утверждаютъ, что тутъ, вотъ именно тутъ стоялъ Мемфисъ, этотъ гигантскій городъ, самая древняя столица Египта, а можетъ быть и всего міра! Здѣсь, гдѣ шумъ человѣческаго муравейника раздавался въ продолженіе тысячъ лѣтъ, въ то время какъ вся остальная земля почивала еще въ дѣвственномъ покоѣ, здѣсь теперь царствуетъ тишина первобытной жизни дѣтей природы.

Memphis élève à peine un murmure confus... пѣлъ В. Гюго. Да полно, существовалъ-ли онъ когда-нибудь, этотъ Мемфисъ? невольно рождается вопросъ, когда ѣдешь по этой равнинѣ и напрасно ищешь глазами какого-нибудь холмика, остатка чего-нибудь, хоть какую-нибудь неровность, что-нибудь наконецъ, что наметнуло-бы вамъ на стоявшій здѣсь когда-то городъ, да притомъ такой, какъ Мемфисъ. Простой смертный, не одаренный чутьемъ археолога, можетъ изѣздить вдоль и поперекъ эту равнину и не заподозрить даже, что тутъ, подъ этой рыхлой, черной землей, заросшей молодыми всходами пшеницы, маиса, клевера и проч., скрывается цѣлый городъ съ улицами, дворцами, храмами... Шамполіонъ говоритъ однако, что еще въ его время здѣсь можно было довольно ясно видѣть очертанія обширнаго города по гранитнымъ глыбамъ, мѣстами виднѣвшимся изъ подъ земли: но онъ уже предвидѣлъ ихъ окончательное и скорое исчезновеніе подъ наносной почвой, ежегодно осѣдающей по берегамъ Нила и по-

степенно поднимающей уровень прилегающих полей ¹⁾. Известно, что Мариеттъ во время своихъ раскопокъ въ 1853 году нашелъ подъ землей громадныя фундаменты, колоссальныя архитравы, колонны, сдѣланныя изъ монолитовъ, доказывающія, что Мемфисъ не весь пошелъ на позднѣйшія арабскія постройки. Готовый матеріалъ древняго города брали постепенно, по мѣрѣ того, какъ арабская столица росла и украшалась, а также по мѣрѣ того, какъ извлеченіе изъ-подъ земли камней египетскаго города не представляло большихъ затрудненій, чѣмъ извлеченіе сыраго матеріала изъ каменоломень. Въ стѣнахъ каирскихъ построекъ можно видѣть много камней, обтесанныхъ еще египетскими мастерами и отмѣченныхъ картушами фараоновъ древнѣйшихъ династій.

Въ XIII вѣкѣ развалины Мемфиса представляли еще величественный видъ; это известно изъ разсказа знаменитаго багдадскаго врача Абдъ-эль-Латифа, переведеннаго Сильвестромъ де-Саси. Въ то время надо было употребить полдня для того, чтобы пересѣчь въ какомъ бы то ни было направленіи развалины Мемфиса. По словамъ этого путешественника, „это было такимъ соединеніемъ чудесъ, которое подавляло умъ и которое напрасно пытался-бы описать самый краснорѣчивый человекъ“. „Чѣмъ больше смотришь, говоритъ онъ далѣе, на эти развалины, тѣмъ больше растетъ чувство восторга; на каждомъ шагѣ встрѣчаешь новый предметъ удивленія. Едва успѣешь составить себѣ идею объ общемъ

¹⁾ *Lettres écrites d'Égypte et de Nubie en 1828 et 1829 par Champollion le jeune.* Nouv. édit. Paris, Didier, 1868, in 8°.

видѣ развалинъ, какъ тотчасъ же убѣждаешься въ ея несовершенствѣ; а когда думаешь, что имѣешь ясное о нихъ повятіе, то неминуемо увидишь, что то, что вы рисовали себѣ въ воображеніи, неизмѣримо ниже дѣйствительности“.

Перечисляя видѣнныя имъ чудеса, Абдъ-эль-Латифъ говоритъ между прочимъ о знаменитой *зеленой комнатѣ*¹⁾, сдѣланной изъ глыбы розоваго гранита и имѣвшей девять локтей въ вышину, восемь въ длину и семь въ ширину²⁾. Это была одна изъ тѣхъ скиній или ковчеговъ, которые ставились въ глубинѣ святилища и служили хранилищемъ изображеній боговъ. О такомъ же ковчегѣ, только еще большихъ размѣровъ, говоритъ Геродотъ, видѣвшій его въ Саисѣ; въ этомъ было одиннадцатъ метровъ длины.

Въ то время вся эта равнина была усѣяна громадными остатками бывшаго величія столицы Египта; виднѣлись фундаменты обширныхъ зданій, мѣстами стояли еще стѣны, монументальныя ворота, построенныя изъ трехъ монолитовъ. Кромѣ того, масса различныхъ изображеній и статуй была разсѣяна на протяженіи многихъ верстъ. Пара колоссальныхъ львовъ и статуя въ тридцать локтей вышины, не считая пьедестала, въ особен-

¹⁾ Зеленый цвѣтъ этой *зеленой комнаты*, видѣнной арабскимъ путешественникомъ, подтверждаетъ весьма интересную особенность, провѣрить которую теперь довольно трудно: іероглифы, высѣченныя на розовомъ гранитѣ, были мало замѣтны; вслѣдствіе чего египтяне покрывали фонъ какой-нибудь краской, въ данномъ случаѣ зеленой, отчего письмена выдѣлялись гораздо рельефнѣе. Слѣды такой окраски можно замѣтить на саркофатѣ Рамзеса III, находящемся въ Луврѣ.

²⁾ Арабскій локоть — мѣра неопредѣленная; но въ среднемъ ее можно считать равной 0₃₀ метра.

ности остановили на себѣ вниманіе Абдъ-эль-Латифа, которому мѣстные жители между прочимъ разсказывали, что люди, оставившіе по себѣ всѣ эти чудеса, были гиганты, жившіе вѣка и владѣвшіе всѣми силами чародѣйства. Такъ что престижъ, которымъ фараоны сѣумѣли окружить себя, далеко пережилъ ихъ и сохранился до XIII вѣка по Р. Х.

Весьма вѣроятно, что колоссъ, о которомъ говоритъ арабскій путешественникъ, тотъ самый, который лежитъ здѣсь до сихъ поръ, на половину ушедши въ землю, и который мы сейчасъ увидимъ. Вотъ уже деревня *Митъ-Рахинэ*, а за ней въ этой пальмовой рошѣ лежитъ и колоссъ, изображающій Рамзеса II Великаго, современника юности Моисея, утѣснителя израильтянъ, Рамзеса—любимца Аммона, бога солнца, могучаго правдою, того самаго Рамзеса, который съ теченіемъ времени превратился въ легендарнаго Сесториса ¹⁾). Эта величественная, пятисаженная статуя самаго воинственнаго и могучаго фараона древняго Египта лежитъ теперь въ глухомъ мѣстѣ, въ глубокой ямѣ, лицомъ къ землѣ. Въ продолженіе четверти года она бываетъ залита водой, а остальное время, когда вода высыхаетъ,

¹⁾ Рамзесъ II Великій, Сесторисъ грековъ, Рамзесъ Мейамунъ Флавій Юсіфа, царствовалъ въ продолженіе шестидесяти шести лѣтъ (1392—1326) Наслѣдовалъ ему его сынъ Менефта, т.-е. возлюбленный Фта. Рамзесъ II — тотъ самый фараонъ, смерти котораго такъ долго ждалъ Моисей, чтобы воротиться въ Египетъ. «Даже еслибы мы не знали, говорить г. Шаба, что этотъ фараонъ заставлялъ евреевъ строить *городъ Рамзеса*, то все-таки намъ невозможно было бы отнести Моисея къ другой эпохѣ, не игнорируя абсолютно Библию». (*Étude sur la XIX-e dynastie*, p. 148).

«И возсталъ въ Египтѣ новый царь, который не зналъ Юсіфа» и т. д. (*Исходъ*, Глава I, ст. 8 и слѣд.).

можно видѣть только часть профиля да спину. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этой статуи, окруженные легкимъ заборомъ, лежатъ незначительные безформенные обломки, собранные по окрестнымъ полямъ и найденные недостойными никакого музея, а потому и оставленные здѣсь.

Вотъ все, что дожило до нашихъ дней отъ „живаго Мемфиса“. Но не надо забывать, что мы въ Египтѣ; а въ Египтѣ жизнь считалась временнымъ, мимолетнымъ пребываніемъ путешественника на землѣ; дома, гдѣ жили хотя бы и въ продолженіе долгой жизни, считались временнымъ пріютомъ во время земной жизни человѣка; ихъ строили легко, что было вполне возможно подъ благословеннымъ небомъ Египта. Египтянинъ былъ постоянно озабоченъ вопросами о загробной жизни, конечномъ воскресеніи и способахъ обезпеченія его себѣ: храмы и могилы заняли среди его заботъ первое мѣсто. Въ противоположность обитаемымъ домамъ, могилы, эти селенія вѣчныя, гдѣ тѣла должны были долго лежать въ ожиданіи обѣщаннаго воскресенія, обратили на себя все вниманіе древнихъ египтянъ. Вслѣдствіе чего отъ жилищъ во всемъ Египтѣ не осталось ни малѣйшаго слѣда; отъ храмовъ осталось, но не такъ много, сколько можно было-бы ожидать: ихъ роскошное убранство и богатства съ давнихъ поръ служили приманкой для иноземныхъ грабителей; сохранились, и притомъ въ громадномъ количествѣ, однѣ лишь могилы, дожившія до насъ благодаря хитростямъ египтянъ, которые всячески старались скрыть своихъ покойниковъ, а еще больше благодаря песку, давно засыпавшему большинство изъ нихъ.

Мемфисскій некрополь — величайшій въ мірѣ; онъ

тянется на 69 километровъ вдоль западнаго берега Нила отъ Гизейскихъ пирамидъ на сѣверѣ и до Мейдума на югѣ. Какъй безконечной вереницѣ годовъ надо было пройти, чтобы наполнить все это пространство муміями! „Наполнить“ здѣсь употреблено не въ переносномъ смыслѣ, а въ самомъ точномъ: около Абусирскихъ и Саккарскихъ пирамидъ, напримѣръ, опасно ходить, такъ какъ на каждомъ шагу можно упасть въ какой-нибудь погребальный колодезь или обрушившееся подземелье. Все это громадное пространство буквально изрыто; а эти песочные холмики, которые вы видите на сколько глазъ хватаетъ, ничто иное, какъ могилы, потерявшія свои очертанія подъ засыпавшимъ ихъ пескомъ.

Велико кладбище, но великъ былъ и древень городъ, которому оно принадлежало. Шестъ тысячъ лѣтъ тому назадъ энергическій новаторъ царь Менесъ (котораго между прочимъ преемники ужэ обвиняли въ развращеніи народа своей любовью къ роскоши) поворотилъ теченіе Нила, омывавшаго прежде подножіе Ливійской цѣпи горъ, и направилъ его на нѣсколько верстъ правѣе, т. е. восточнѣе. Видъ рѣки подтверждаетъ это преданіе объ измѣненіи ея теченія Менесомъ: Геродотъ, говоря объ этомъ, указываетъ на мѣсто, гдѣ были выстроены плотины, находившіяся въ 100 стадіяхъ (18½ километрахъ) на югъ отъ Мемфиса; на этомъ же разстояніи отъ современнаго Бендрашена, около деревни Кафръ-эль-Айять, рѣка круто поворачиваетъ на востокъ, значительно удаляясь отъ отроговъ Ливійской цѣпи. На отнятой такимъ образомъ у Нила землѣ Менесъ построилъ городъ *Манноферъ* или *Мен-несферъ* — „хорошее мѣсто“, превратившійся позднѣе въ Мемфисъ —

этотъ громадный городъ, въ продолженіе четырехъ тысячъ лѣтъ видѣвшій въ своихъ стѣнахъ всѣ извѣстные народы Африки, Азіи и Европы. Риму — вѣчному городу — исполнится три тысячи лѣтъ лишь черезъ четыре столѣтія; со дня его основанія не прошло еще и десяти вѣковъ, когда Мемфисъ уже исчезъ. А между тѣмъ къ какой глубокой древности относится сказаніе о двухъ братьяхъ, воспитанныхъ волчицей! Не слѣдуетъ думать однако, что Мемфисъ исчезъ сразу, безъ борьбы за существованіе. Можетъ быть еще въ X вѣкѣ нашей эры онъ былъ богаче и менѣе разрушеннымъ, чѣмъ Римъ. Но Римъ, перемогаясь перенесъ тяжелыя времена, счумѣвши передать папамъ духъ силы и энергіи цезарей; Мемфисъ же, замкнутый въ обветшалыя, но тѣсныя и неподвижныя рамки, подчинившись всецѣло жреческой кастѣ, замеръ и ступевался совсѣмъ передъ молодой, полной свѣжихъ силъ Александріей.

Исторія Мемфиса приблизительно та же, что и Гелиополиса. Только объ исторіи послѣдняго надо догадываться, между тѣмъ какъ Мемфисъ оставилъ по себѣ неисчерпаемые архивы: свой некрополь (пирамиды, Абусиръ, Саккара, Дашуръ), подробно повѣствующій про жизнь этого города въ различные періоды его существованія. Основанный, какъ сказано выше, Менесомъ и его преемниками, цвѣтушій во время IV династіи (эпоха пирамидъ), V и первыхъ фараоновъ VI, покинутый во время XI, XII и XIII династій, Мемфисъ снова воскресаетъ при царяхъ XVIII, очистившихъ Египетъ отъ чужестранныхъ завоевателей. Во время слѣдующихъ династій, то разрушенный, то цвѣтушій, то покоренный ассирійцами, эѳіопами, персами, то снова

отнятый, ко времени греческаго владычества Мемфисъ сохраняетъ еще свое прежнее величіе и роскошь, хотя Страбонъ уже говорить про него, какъ про городъ умирающій. Нѣсколько вѣковъ спустя послѣ греческаго географа, настаетъ время, когда оправдываются слово-въ-слово грозныя предсказанія пророка Іереміи: „Готовь себѣ нужное для переселенія, дочь-жительница Египта; ибо Нофъ (Мемфисъ) будетъ опустошенъ, разоренъ, останется безъ жителя“¹⁾.

Пологіе холмы, по которымъ растутъ одиноко пальмы, мѣстами — разрушенная стѣна, разбитая колонна, обломокъ изуродованной статуи, наполовину вросшіи въ землю, вотъ все, что дожило до насъ отъ города, такъ сильно и въ продолженіе столькихъ вѣковъ вліявшаго на весь міръ.

Преслѣдуемые мальчишками и дѣвчонками сосѣднихъ деревень, мы продолжали медленно подвигаться впередъ. Ослиная рысь, хотя весьма частая, настолько мелка, что хорошая лошадь шагомъ не отстаецъ отъ любаго осла, несмотря на самыя старательныя понуканія и учащенные удары погонщика по его бритой спицѣ. Около деревни Саккара оканчиваются пальмовые лѣса, тянущіеся полосами по долинѣ Мемфиса на нѣсколько верстъ. Пальмовый лѣсъ красивъ издали, гармонируя своими характерными очертаніями со всею остальною природою: и раскаленный цвѣтъ неба, и желтая нить песковъ на горизонтѣ, плоскіе берега Нила, и отдѣльныя группы пальмъ, — все это такъ идетъ одно къ

¹⁾ Книга пр. Іереміи, г. 46, ст. 19. Нофъ или Мофъ — Мемфисъ, см. пр. Іезекіиля, г. 30, ст. 16, пр. Исая, г. 19, ст. 23.

одному. Хороша и одинокая пальма; въ ея тонкомъ, ровномъ стволѣ, въ наклоненной головкѣ есть что-то элегантное, граціозное, какъ въ станѣ дѣвушки. Но вблизи и въ массѣ пальмовый лѣсъ какъ-то жидокъ и сухъ; онъ похожъ пожалуй на рѣдкій сосновый боръ, но и тотъ тѣнисте: въ немъ есть мохъ, растутъ грибы; а здѣсь, окруженная со всѣхъ сторонъ песками, чахлая почва между пальмъ покрыта пылью вѣковъ, тверда и суха, какъ пергаментъ.

Саккара стоитъ на границѣ воздѣлываемыхъ полей; тутъ кончается заливаемая Ниломъ область и начинается царство песка. Мы повернули на сѣверъ и стали шагомъ взбираться по каменистымъ уступамъ Ливійской цѣпи, въ нѣдрахъ которой древніе жители Мизраима приготавливали себѣ жилища для загробной жизни. По мѣрѣ того, какъ мы подымались, видъ становился шире: среди своего зеленого ложа блестѣлъ Ниль, за нимъ виднѣлась туманная, какъ-бы прозрачная линія Аравійскихъ горъ. У нашихъ ногъ разстилалась обширная, зеленая, полная мирной жизни феллаховъ-земледѣльцевъ долина Мемфиса, съ ея деревушками, кустами пальмъ и лужами воды, блестѣвшими, какъ куски стекла, разбросанные по ковру. А въ воздухѣ была тишина и потоки свѣта и лучей, гдѣ носился цѣлый міръ воспоминаній.

Достигнувъ вершины платформы, мы повернулись спиной къ долинѣ Нила и вступили въ царство смерти, гдѣ все на первый взглядъ кажется въ страшномъ хаосѣ и разрушеніи: на каждомъ шагу натыкаешься на зіяющіе могильные колодцы, на рухнувшіе склепы, на обломки чего-то, на какіе-то непонятные остатки, покрытые и покрываемые пескомъ, какъ саваномъ. Почва

усѣяна черепками глиняной посуды, между которыми можно навѣрно найти куски не одного древняго черепа, обладавшаго, можетъ быть, всѣми тайнами египетской премудрости. Впереди насъ развернулась цѣлая цѣпь пирамидъ: прямо передъ нами Саккарскія, немного правѣ Абусирскія, за ними — Завійэтъ-эль-Арианскія пирамиды, а вдали, на горизонтѣ большія Гизехскія. Въ центрѣ первой группы стоитъ странныхъ формъ Ступенчатая пирамида.

Она построена изъ кирпича, мѣстами сильно обсыпавшагося, шестью ступенями, занесенными пескомъ, отдыхающимъ здѣсь, можетъ быть, по нѣсколько вѣковъ, прежде чѣмъ снова пуститься въ свой безпредѣльный путь по направленію къ Сахарѣ или къ Синаю. „Если преданію можно вѣрить, говоритъ Маріеттъ-паша, если площадь, въ центрѣ которой стоитъ эта пирамида, называлась *Ко-Коме* и если царь Іеннефесъ выстроилъ въ этомъ мѣстѣ, называвшемся *Ко-Коме*, свой надгробный памятникъ, то можно придти къ заключенію, что Ступенчатая пирамида относится къ I династии и что, слѣдовательно, она — самый древній изъ извѣстныхъ намъ памятниковъ въ Египтѣ и во всемъ мірѣ“¹⁾. Ступенчатая пирамида открыта: въ скалѣ, на которой она стоитъ, высѣчено нѣсколько комнатъ, соединенныхъ цѣлымъ лабиринтомъ ходовъ. Только въ то время, когда мы были, нельзя было посѣтить ея подземелій по случаю обвала, случившагося въ 1869 году и загородившаго входъ. Остальныя пирамиды, меньшихъ размѣровъ, въ беспорядкѣ разбросаны по всему некро-

¹⁾ *Itinéraire*, p. 77.

полю. Большинство изъ нихъ не имѣетъ ни названій, ни исторіи: входы въ нихъ еще не открыты и, по всѣмъ вѣроятіямъ, никогда не были открываемы.

По мѣрѣ того, какъ мы подвигались, кладбище становилось, если можно такъ выразиться, все гуще населеннымъ: по обѣимъ сторонамъ тропинки, по которой мы ѣхали, все чаще встрѣчались погребальныя колодцы и изъ-подъ песка виднѣлись очертанія квадратныхъ построекъ, черезъ разрушенныя стѣны которыхъ наши ослики осторожно переступали. Это все тѣ „хорошія жилища“, объ устройствѣ которыхъ такъ заботились египтяне въ продолженіе всей своей жизни, и которыя должны были представить ввѣреннымъ имъ муміямъ всѣ гарантіи сохранности. Египтяне вѣрили въ воскресеніе тѣла, и поэтому жизнь для нихъ не оканчивалась съ наступленіемъ состоянія, называемаго смертью. Въ опредѣленный день и часъ человѣкъ долженъ былъ воскреснуть на томъ свѣтѣ (Аменти) духомъ и плотію, въ томъ же видѣ, въ какомъ жилъ онъ здѣсь, на землѣ. Отсюда происходитъ этотъ обычай мумифицировать тѣла, отсюда же и массивныя постройки могилъ: необходимо было сохранить покойника отъ вліянія времени и святотатныхъ рукъ, которыя изъ корыстныхъ цѣлей или изъ религіознаго фанатизма могли-бы разбить его гробъ и разсѣять его члены. Поэтому египтяне прилагали всѣ свои старанія, чтобы спрятать умершаго на днѣ глубокихъ, замурованныхъ снаружи колодцевъ, и нѣтъ сомнѣнія, что еще до сихъ поръ въ Египтѣ есть такъ хорошо запрятанныя муміи, которыя никогда не увидятъ свѣта ¹⁾.

¹⁾ См. Mariette, *Fouilles d'Abidos*.

Зная этотъ основной принципъ египетской вѣры, весьма интересно прослѣдить по постройкамъ древней имперіи, какъ удовлетворяли ему египтяне въ самыя отдаленныя, едва доступныя исторіи времена.

Въ тотъ періодъ египетской исторіи, къ которому относится Мемфисскій некрополь, могила состояла изъ слѣдующихъ двухъ частей: изъ внѣшней или *мастаба* и изъ внутренней. Внѣшняя часть представляла погребальную часовню, построенную по прямоугольному плану, съ массивными стѣнами, достигающими иногда восьми, девяти метровъ вышины. Часовни эти въ безпорядкѣ разбросаны по песчаной пустынѣ, но главный фасадъ ихъ всегда обращенъ на востокъ, т.-е. по направленію къ странѣ Хоруса (восходящаго солнца), олицетворяющаго воскресеніе ¹⁾. Крыша *мастаба*, имѣющая видъ платформы, устѣяна обыкновенно глиняными сосудами, въ которыхъ приносили покойникамъ нильскую воду. Внутренняя часть состояла въ періодъ Древней Имперіи изъ трехъ частей: *комнаты*, посвященной памяти умершаго, *сердаба* — потаеннаго коридора и *колодца*, отверстіе котораго всегда тщательно спрятано и на днѣ котораго находится склепъ съ муміей.

Передъ входомъ въ наиболѣе роскошныя могилы строили перистиль съ колоннадами, а надъ дверью писали молитву къ *Анубису* , богу кладбищъ, прося, даровать хорошее погребеніе „послѣ счастливой и продолжительной старости“, облегчиъ покойнику путе-

¹⁾ Обычай ставить могилы выходомъ на востокъ былъ, кажется, и у древнихъ христіанъ и сохранился даже въ средніе вѣка.

шествіе по загробнымъ странамъ и обезпечить исправное приношеніе яствъ, необходимыхъ для умершаго во время его долгихъ странствій по невѣдомыхъ краямъ. За перистилемъ помѣщалась поминальная комната, оставшаяся всегда доступною для живыхъ; въ этомъ отношеніи и большія пирамиды не составляли исключенія: сама пирамида была наглухо задѣлана со всѣхъ сторонъ, но рядомъ съ ней строилась часовня, всегда доступная для посѣтителей. Въ ней служили жрецы, совершая поминовенія фараона, покоившагося въ пирамидѣ. И только во времена Новой Имперіи, т.-е. двѣ съ половиной тысячи лѣтъ спустя, могилы, постепенно утратившія свой первоначальный видъ, превратились въ подземныя пещеры, входъ въ которыя тщательно прятался и умышленно терялся.

Приношеніе яствъ въ Египтѣ не имѣло характера жертвоприношенія, а дѣлалось съ чисто практическими цѣлями и, по своему назначенію, не имѣло ничего общаго съ аналогичными обычаями, на примѣръ, у иранцевъ и арійцевъ.

Для арійца принесеніе животныхъ, которыхъ закалывали передъ жертвенникомъ и жарили на священномъ огнѣ, и обильныхъ возліяній, старательно приготовленныхъ, было дѣйствительно „жертвой“, извѣстнымъ лишеніемъ имущества, и священнослужители, первоначально строго повинуваясь законамъ своей вѣры, сжигали все, что приносилъ аріецъ на алтарь божества. Со временемъ божеству стала удѣляться лишь часть приносимаго, становившаяся все меньше и меньше, до тѣхъ поръ, пока священническая каста не стала требовать себѣ точно опредѣленныхъ и исчисленныхъ „жертвъ“,

предоставивъ приношенія божеству на добрую волю приносителя.

Въ Иранѣ приношеніе никогда не было жертвою. Иранецъ приносилъ священнослужителю свою лепту и отлично зналъ, что она вся послужитъ пищею для „служителя Ормузда“. Но, отдавая свое приношеніе жрецу, онъ зналъ также, что приметъ участіе въ священной трапезѣ передъ алтаремъ, олицетворявшей причастіе челоуѣка божеству, представляемому въ данномъ случаѣ священнослужителемъ.

Въ Египтѣ съ самаго начала, по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался доступенъ исторіи, приношенія на могилу умершаго были весьма обильны, но имѣли совершенно другое значеніе, чѣмъ у только-что названныхъ народовъ. Смерть, какъ уже разъ было сказано, была лишь переходомъ изъ одного міра въ другой; ничего съ нею не прекращалось, такъ какъ загробная жизнь представлялась такою-же, какъ и здѣшняя. Идея окончательнаго уничтоженія была чужда египтянину, не понимавшему, что за предѣлами земной жизни можно жить иначе, чѣмъ на берегахъ Нила. Существовала одна только тайна — неразрѣшенный вопросъ: не знали, гдѣ находится этотъ „другой міръ“. И должно быть онъ былъ гдѣ-нибудь далеко, потому-что иначе или живые могли-бы побывать тамъ, или мертвые могли-бы по временамъ возвращаться оттуда, чтобы утѣшить оплакивающихъ ихъ или ободрить тѣхъ, чей часъ приближался.

Умершему предстояло слѣдовательно продолжительное странствованіе, — важный предметъ заботы для того, кто оставался, въ особенности если онъ любилъ покой-

ника. Сохранивъ члены умершаго искуснымъ бальзамированіемъ отъ гніенія и спрятавъ драгоценную мумію на днѣ недоступнаго колодца, египтянинъ успокаивался; онъ былъ увѣренъ, что въ тотъ день, когда раздастся призывъ, его покойникъ предстанетъ во всей цѣлости, какимъ онъ былъ здѣсь на землѣ — необходимое условіе для удачнаго воскресенія. Но долго-ли продлится путешествіе „дорогаго умершаго?“ и чѣмъ онъ будетъ питаться въ продолженіе всего этого времени?—Полная неизвѣстность. И вотъ на всякій случай въ день похоронъ, помѣстивши мумію въ ея склепъ, родственники и друзья умершаго ставили въ часовнѣ муки, зерноваго хлѣба, плодовъ и пр., а затѣмъ разъ въ годъ, иногда и чаще, приходили возобновлять съѣденные шкаламы или нищими припасы. Приношенія эти лежали на семьѣ умершаго, и никто не смѣлъ отказываться отъ нихъ; вѣдь немного въ самомъ дѣлѣ нужно для мертваго.

Цари требовательнѣе обыкновенныхъ смертныхъ; они не могли-бы странствовать по загробному міру при условіяхъ простаго египтянина. Притомъ-же ихъ семья—это народъ; на народѣ лежала обязанность доставлять припасы въ царскую могилу. Коллегія священнослужителей, будучи посредницей между умершимъ фараономъ и народомъ, получала приношенія, постепенно превратившіяся изъ свободныхъ въ обязательныя, располагала ими и съ теченіемъ времени такъ сѣумѣла себя поставить, что могилы фараоновъ сдѣлались храмами, а сама коллегія образовала изъ себя всесильную касту, вліявшую на судьбы всего народа.

Тѣмъ временемъ мы подъѣхали къ домику Маріетта,

въ которомъ знаменитый египтологъ жилъ нѣсколько лѣтъ, пока продолжались раскопки Серапеума. Домикъ этотъ, если только можно назвать его даже домикомъ, знаменитъ въ исторіи раскопокъ: въ немъ разыгрывались драмы, цѣлыя битвы между правительствомъ хедива и смѣлымъ ученымъ, пережившимъ здѣсь тяжелыя минуты всякихъ лишеній и притѣсненій и выдержавшимъ набѣги полудикихъ арабовъ. А между тѣмъ въ своихъ письмахъ Маріеттъ говоритъ, что въ этомъ домикѣ прошли счастливѣйшіе дни его жизни; оно и понятно: онъ жилъ здѣсь подъ роскошнѣйшимъ въ мірѣ небомъ, передъ его глазами развертывался величественный горизонтъ пустыни, а умъ всецѣло былъ объятъ этой тайной глубокой древности, открытіе которой расширило кругозоръ исторіи и раскрыло передъ нами душу древняго египетскаго міра.

У этого домика оставили мы нашихъ ословъ и отправились пѣшкомъ, увязая въ песокъ, къ Серапеуму, находящемуся отсюда шагахъ въ двухстахъ. Теперь онъ снова весь засыпанъ пескомъ; но въ 1869 году, во время открытія Суэзскаго канала, онъ былъ расчищенъ до основанія, и вся аллея сфинксовъ, ведущая къ нему, была видна. Теперь же надо спуститься съ песочной горы аршинъ въ двадцать вышины, чтобы достигъ входа въ этотъ лабиринтъ длинныхъ, молчаливыхъ галлерей, начатыхъ во времена полного величія древней страны фараоновъ и представляющихъ послѣдніе семнадцать или восемнадцать вѣковъ религіознаго міровоззрѣнія египтянъ. Въ общемъ онѣ остались въ томъ же видѣ, въ какомъ ихъ видѣли Моисей и Платонъ, эти адепты, посвященные въ тайны египетской премудрости,

проникавшіе сюда не съ презрѣніемъ критиковъ, а съ жаждою познанія, какъ философы, уважающіе уважаемое и изучающіе его, чтобы подняться надъ нимъ выше.

Войдя одинъ за другимъ сквозь узкое отверстіе, заваленное громаднымъ саркофагомъ, мы очутились внутри Серапеума, гдѣ ожидалъ насъ сюрпризъ, приготовленный г. Кукомъ: все подземелье было освѣщено бенгальскимъ огнемъ. Самъ г. Кукъ, встрѣчая насъ у входа, каждому объяснялъ, что нынѣшній годъ дѣла его идутъ такъ хорошо и наша компанія такъ многочисленна и состоитъ изъ такихъ очаровательныхъ лэди и прекрасныхъ джентльменовъ, что онъ рѣшилъ ознаменовать первый день нашего плаванія по Нилу торжественной иллюминаціей Серапеума — мѣста нашей первой экскурсіи. Эффектъ былъ полный, хотя вскорѣ пришлось замѣнить бенгальскій огонь простыми свѣчами, потому что сѣрный смрадъ такъ жѣлъ глаза и глотки туристовъ и въ особенности очаровательныхъ лэди, что не было никакой возможности терпѣть долѣе.

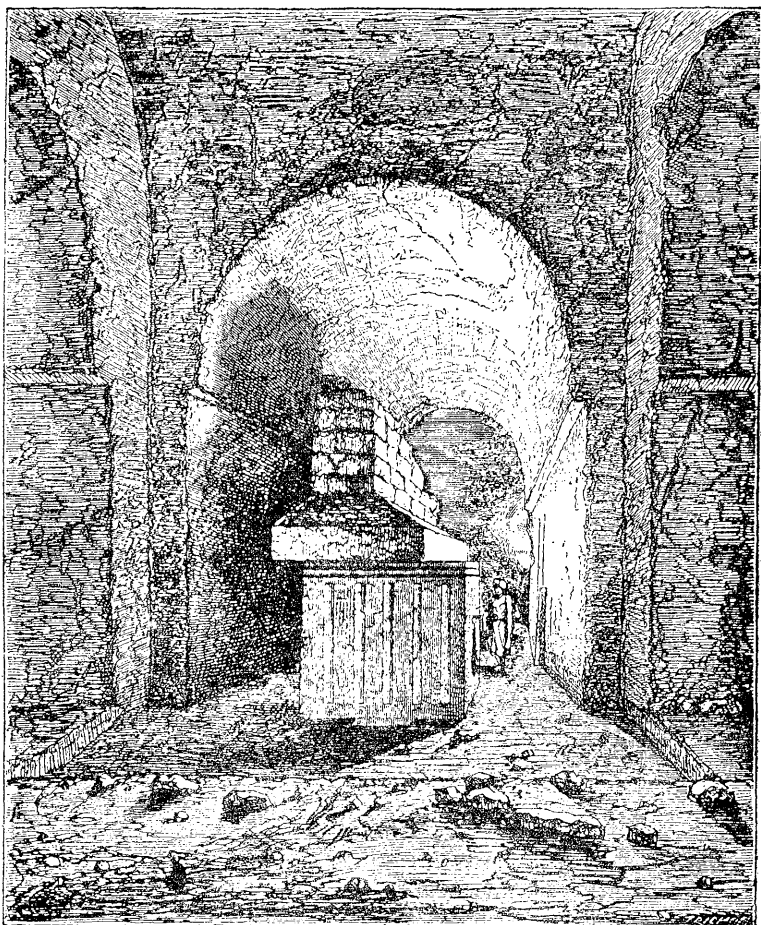
Та часть подземелій, которую можно безопасно посѣщать въ настоящее время, — наименѣе древняя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе грандіозная, такъ какъ роскошь и великолѣпіе обрядовъ погребенія Сераписовъ съ теченіемъ времени все возрастала. Часть катакомбъ, называемая *Малая подземелія*, выкопанная въ славное царствованіе Рамзеса II, пришла въ разрушеніе еще за сто лѣтъ приблизительно до основанія римской республики, въ царствованіе Псамметиха I-го; около этого времени приступили къ сооруженію новыхъ *Большихъ подземелій*, высокіе своды которыхъ и оглашаются те-

перь разъ въ мѣсяцъ, во время зимняго сезона, шумными возгласами туристовъ г. Кука, къ немалому изумленію летучихъ мышей—единственныхъ здѣшнихъ обитателей.

На первый взглядъ, войдя въ подземелье, вы не замѣчаете слѣдовъ разрушенія: эта величественная перспектива гранитныхъ устоевъ, которые убѣгаютъ вдаль съ обѣихъ сторонъ широкой галлерей и погружаются во мракъ со сводомъ, который они поддерживаютъ, это отверстіе свѣта, какъ точка, виднѣющаяся гдѣ-то далеко и свѣтящаяся, какъ лучъ неизмѣнной правды, — словомъ, все кажется вамъ сохранившимся въ томъ вѣчномъ порядкѣ вещей, не знающихъ времени и предѣловъ ему. Однако скоро замѣчаешь, что имѣешь передъ собой лишь громадный скелетъ: промежутки между устоями были задѣланы когда-то стѣнами, скрывавшими за собой могилы Аписовъ; теперь всѣ эти простѣнки разрушены, а за ними открываются глубокія ниши, въ глубинѣ которыхъ стоятъ колоссальные гранитные саркофаги, служившіе гробами для божественныхъ останковъ. Они пусты теперь, и сдвинутыя крышки позволяютъ видѣть ихъ внутренность, размѣры которой таковы, что тамъ легко могутъ помѣститься стоя сорокъ человѣкъ.

На большинствѣ крышекъ саркофаговъ наваленъ мусоръ и грубо слѣплена что-то въ родѣ части стѣны. Существованіе этихъ непонятныхъ, очевидно позднѣйшаго происхожденія прибавокъ, Маріеттъ-паша объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „Надо припомнить, говоритъ онъ, что земля, подъ которой покоился прахъ умершаго человѣка, считалась священной и что у всѣхъ

народовъ востока, древнихъ и у нѣкоторыхъ современныхъ, построить что-нибудь на могилѣ считается худ-

Одинъ изъ саркофаговъ и склепъ быка Аписа въ подземельяхъ мемфисскаго Серапеума.

шимъ поруганіемъ: „Пусть никто не прикасается къ этой гробовой плитѣ“, написалъ ассирійскій царь Ашмонна-

зарь въ своей надгробной надписи, „и пусть никто не строить надъ этой могилой!“ Опустошители Серапеума, говоритъ далѣе Мариеттъ, были не простые грабители, потому-что такого рода грабители не стали бы заниматься сооружеиіемъ бесполезныхъ какихъ-то стѣнъ надъ крышкой каждаго саркофага и не стали бы терпѣливо выбивать ударами молотка имя Аписа, встрѣчавшееся въ надписяхъ; это очевидно были религіозные фанатики, соперники, одержавшіе верхъ и излившіе свою злобу, съ давнихъ поръ накипѣвшую въ ихъ груди противъ мемфисскаго бога“.

„Кто-же такіе были эти соперники? Это не были арабы, завоевавшіе страну въ VII вѣкѣ нашей эры; у нихъ не было, да и не могло быть, ненависти противъ мертвой религіи, забытой уже въ продолженіе трехъ-сотъ лѣтъ; кромѣ того, имъ не было извѣстно значеніе іероглифическихъ знаковъ имени Аписа. Разрушителями не могли быть также и греческіе цари, наслѣдовавшіе Александру Великому, такъ какъ здѣсь же, въ этихъ подземельяхъ, мы находимъ вещественныя доказательства уваженія греками культа Аписа и Сераписа. Равнымъ образомъ нельзя допустить, чтобы эти могилы были разрушены римлянами, чья вѣротерпимость была слѣдствіемъ политики ихъ императоровъ, которые записывали свои имена на стѣнахъ египетскихъ храмовъ и дѣлали свои изображенія въ видѣ древнихъ фараоновъ. Разрушеніе Серапеума, наконецъ, не было дѣломъ персидскихъ завоевателей VI-го вѣка до Р. Х., такъ какъ мы видимъ рядъ саркофаговъ, поставленныхъ во время ихъ владычества и идущихъ вплоть до Клеопатры“.

„Есть всѣ данныя думать, что разрушеніе Серапеума относится ко времени эдикта императора Θεодосіа, уничтожившаго въ IV вѣкѣ египетскую религію. Такимъ образомъ здѣсь, въ этомъ древнемъ святилищѣ египетскаго народа, мы видимъ грустный примѣръ вандализма, проповѣдывавшагося именемъ Христа и уничтожавшаго памятники ненавистной ему вѣры, хотя и отжившей свой вѣкъ, но архивы которой достойны были сохраненія,, ¹⁾). Египетская вѣра, утѣшавшая цѣлую расу въ продолженіе нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ, наконецъ обветшала, лишилась кредита и пала обруганной и попранной прозелитами новаго ученія. Вѣчны одни лишь законы движенія, обрушивающіеся тѣмъ тяжеле на древніе идеалы, чѣмъ продолжительнѣе эти послѣдніе считались непоколебимыми и чѣмъ глубже вкоренилась мысль, что челоуѣчество создано для нихъ, а не они — для челоуѣчества.

Среди всеобщаго разрушенія, которое изъ столѣтія въ столѣтіе шло, все увеличиваясь, до тѣхъ поръ, пока весь некрополь, а съ нимъ и Серапеумъ не были покрыты пескомъ; изъ числа шестидесяти четырехъ гробницъ Аписа Мариеттомъ было найдено лишь четыре, сохранившихся какимъ-то чудомъ нетронутыми: остальные же всѣ были ограблены, а простѣнки, которые отдѣляли ихъ отъ главнаго корридора и на которыхъ прикрѣплялись стеллы съ именемъ Аписа и годомъ его смерти, всѣ повалены и разбиты въ куски. Съ большимъ трудомъ подбирая обломки въ этой массѣ разва-

¹⁾ Renseignements sur les soixante quatre Apis trouvés dans le Sérapéum de Memphis, dans le *Bulletin de l'Athenaeum français*, 1855, p. 55.

линъ, Мариеттъ въ продолженіе трехъ лѣтъ собралъ до семи тысячъ предметовъ, изъ коихъ приблизительно три тысячи относятся къ культу Аписа и состоятъ большею частію изъ стеллъ и различныхъ надписей, представляющихъ драгоценный матеріалъ для египетской хронологіи, такъ какъ рядомъ съ годомъ, мѣсяцемъ и днемъ рожденія и смерти Аписа стоитъ имя царствовавшего тогда фараона. Благодаря этому богатству надписей, позволившихъ размѣстить въ ихъ поступательномъ порядкѣ всѣхъ шестидесять четырехъ Аписовъ, сдѣлалось возможнымъ прослѣдить различные періоды развитія Серапеума, а по нимъ и постепенное расширеніе культа Озириса-Аписа.

Въ чемъ заключался культъ этого знаменитаго бога, теперь больше не тайна. Съ тѣхъ поръ какъ открытіе Шамполліона позволило свободно читать іероглифы, египетскіе памятники, всегда испещренные надписями, подробно и точно рассказываютъ современнымъ ученымъ о своемъ значеніи и внутреннемъ смыслѣ. До Шамполліона о вѣрованіяхъ древняго Египта мы имѣли лишь краткія, часто противорѣчащія свѣдѣнія, дошедшія до насъ отъ греческихъ путешественниковъ, которые, не имѣя возможности относиться критически къ учрежденіямъ чуждой имъ страны, описывали только внѣшнюю сторону видѣннаго ими. Кромѣ того, подъ вліяніемъ непреодолимаго стремленія сводить всѣ иностранные культы къ культамъ своей родины, греки видѣли въ египетскихъ божествахъ, столь отличныхъ отъ ихъ собственныхъ, лишь своихъ же Гефестовъ, Аѳинъ Палладъ, Афродитъ, Вакховъ и пр. Отсюда произошли всѣ ложныя или неполныя представленія о египетскомъ „Олимпѣ“

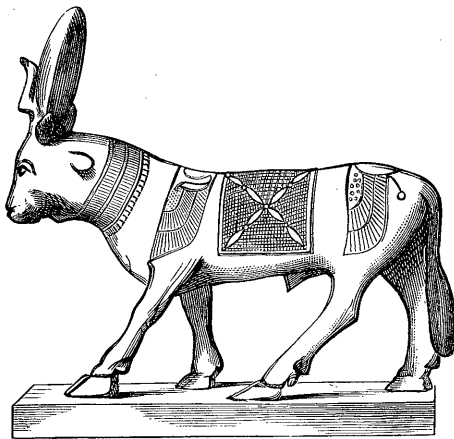
и въ частности объ Аписѣ, сохранившіяся и до сихъ поръ.

Основаніемъ культа Аписа было вѣрованіе въ воплощеніе бога въ человѣка или животное, воплощеніе, допускавшее осязаемое сближеніе между безпредѣльностью божества и человѣкомъ, умъ котораго постоянно пытается проникнуть въ тайны міра, лежащаго за предѣлами реального. „Подъ грубымъ символомъ быка, говоритъ Маріеттъ, египтянинъ поклонялся Озирису, принесшему себя въ жертву человѣчеству и согласившемуся жить на землѣ въ образѣ животнаго и умереть отъ насильственной смерти. Для египтянина Аписъ было божество, всегда присутствующее на землѣ; это была душа Озириса, воплощенная въ формѣ быка добродѣтелью Фга“¹⁾.

Лишь только останки умершаго Аписа были преданы землѣ, какъ жрецы принимались искать новаго быка, въ которомъ проявилось присутствіе Озириса. Но должно быть, это дѣло было не легкое, потому что избранный богомъ теленокъ долженъ былъ удовлетворять требованіямъ весьма сложнаго осмотра: онъ долженъ былъ имѣть двадцать восемь знаковъ, наличность которыхъ служила вѣрнымъ указаніемъ нисшедшаго на него божества. Эти знаки, извѣстные однимъ лишь священникамъ, заключались въ цвѣтѣ шерсти, въ формѣ роговъ и другихъ особенностяхъ; надо было, напримѣръ, чтобы подъ языкомъ у него былъ наростъ, похожій на жука, затѣмъ требовалось извѣстное расположеніе и очертаніе пестринъ: на спинѣ — въ видѣ коршуна съ распростер-

¹⁾ Mariette, *Mémoire sur la mère d'Apis*.

тыми крыльями, на лбу — въ видѣ солнечнаго диска и на шеѣ — въ видѣ царскаго ожерелья. Всѣ эти признаки были конечно чисто идеальнаго свойства и доступны были лишь глазамъ жрецовъ, видѣвшихъ коршуна тамъ, гдѣ непосвященный въ тайны коллегіи видѣлъ простое пятно на спинѣ быка, подобно тому, какъ астрономы видятъ медвѣдя или еще даже медвѣдицу въ созвѣздіи, похожемъ больше всего на кастрюлю.

Бронзовая статуя Аписа.

Находка новаго Аписа была всегда событіемъ, возбуждавшимъ радость и ликование во всемъ Египтѣ, такъ какъ всякое замедленіе въ совершеніи воплощенія Озириса считалось знакомъ гнѣва божія. Весьма понятно, что умная, могущественная каста священниковъ не пропускала случая пользоваться этимъ гнѣвомъ и, сообразуясь съ политическими обстоятельствами, находила или не находила новаго быка. Иногда стойло при Мемфисскомъ храмѣ оставалось пустымъ въ продолженіе ста лѣтъ. Когда новый Аписъ былъ отысканъ, его вели въ

торжественномъ шествіи въ Гелиополисъ, а оттуда въ Мемфисъ, гдѣ празднества продолжались семь дней. Затѣмъ его ставили въ храмъ бога Фта, его отца, гдѣ онъ и оставался всю свою жизнь. Здѣсь онъ пользовался божескими почестями, ему служили молодыя дѣвушки, а жертвоприношенія передъ нимъ совершались первосвященникомъ или царемъ. Одно его дуновение давало даръ пророчества.

Когда онъ умиралъ, то становился *Сераписомъ*, т.-е. уподобившись, какъ всякій умершій, Озирису, принималъ названіе Озириса - Аписа, по-египетски Озаръ-Хапи — Сораписъ или Сераписъ въ устахъ грековъ, жившихъ въ Египтѣ во времена Птолмеевъ, которые, въ цѣляхъ успокоенія національной гордости покореннаго ими народа, съ необыкновенною роскошью совершали обряды въ честь этого исконнаго египетскаго божества, освоились съ нимъ сами и, внесши нѣкоторыя измѣненія, образовали смѣшанный культъ для обоихъ народовъ. Со смертью Аписа весь Египетъ облакался въ трауръ, а виновника народной скорби предавали землѣ въ нѣдрахъ Серапеума или храма Озириса. Но если, достигнувъ двадцати-восьми-лѣтняго возраста, того самаго, въ которомъ умеръ отъ руки Тифона Озирисъ, онъ не умиралъ, то онъ долженъ былъ лишиться жизни насильственнымъ образомъ; священнослужители, облаченные въ траурныя одежды, вели его на берегъ священнаго Нила и осторожно топили; а потомъ они предавались горю и оплакивали своего бога. Церемоніи погребенія продолжались семьдесятъ дней и совершались съ такимъ великолѣпіемъ и до такой степени возбуждали религіозный фанатизмъ въ народѣ, что, по словамъ

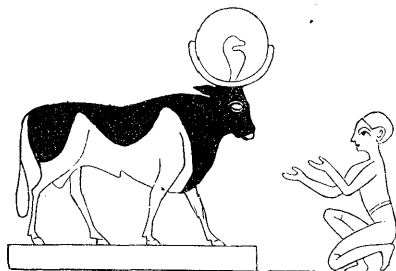
Діодора Сицилійскаго, иногда частныя лица, въ порывѣ благочестія, жертвовали на могилу Сераписа суммы денегъ, равняющіяся на нашъ счетъ 200,000 рублей. Въ продолженіе этихъ только семидесяти дней допускаясь въ подземелья Серапеума народъ, толпами стекавшійся по этому случаю со всѣхъ концовъ египетскаго государства въ Мемфисъ. По окончаніи траура, если въ это время успѣвали найти новаго Аписа, начинались народныя празднества.

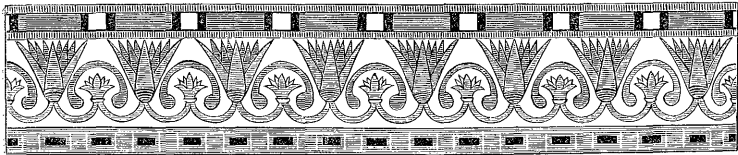
На такое-то народное торжество въ Мемфисъ попалъ 1-го іюня 525 года до Р. Х. Камбизъ, воротившійся съ неудачнаго похода въ Эіюпію. Такъ какъ онъ въ то же время получилъ извѣстіе, что войско его, отправленное къ оазису Аммона ¹⁾, истреблено вихремъ въ Ливійской пустынѣ, а флотъ, которому онъ велѣлъ покорить Карѣагенъ, отказался выступить противъ своихъ единоплеменниковъ, то онъ и подумалъ, что мемфисцы затѣяли пированіе по случаю его неудачныхъ предпріятій. Взбѣсившись, со всею необузданностью восточнаго тирана, онъ казнилъ все городское начальство, велѣлъ высѣчь священниковъ и собственноручно убилъ молодаго Аписа; затѣмъ приказалъ своимъ солдатамъ разграбить всѣ мемфисскіе храмы и могилы и сжечь и уничтожить весь городъ. Когда онъ очнулся, то самъ пришелъ, по словамъ Геродота, въ ужасъ отъ того, что успѣло натворить въ эти нѣсколько дней его войско ²⁾.

¹⁾ Въ этомъ оазисѣ находился оракулъ бога Аммона, прославившійся позднѣе своимъ отвѣтомъ Александру Великому. Теперь онъ называется *оазисомъ Сива*. См. у Минутоли *Путешествіе къ храму Юпитера Аммона*; у Партеля *Zur Erdkunde des alten Aegyptens*, Берлинъ, 1859, и у Бругша *Географическія надписи*.

²⁾ Геродотъ, III. 27, 37.

Читая описанія культа Аписа, нельзя не замѣтить какую видную роль играла въ Египтѣ священническая каста, ловко умѣвшая возбуждать и поддерживать въ народѣ вѣру въ чудеснаго быка. Вся эта комбинація внушительно-торжественныхъ церемоній, эта таинственная жизнь Аписа внутри громаднаго лабиринта Апіеума, это позволеніе народу проникать въ Серапеумъ только въ случаѣ смерти Аписа, эти признаки ниспедшаго въ быка божества, понятные однимъ лишь жрецамъ — все это было весьма умно задумано и ловко исполнялось. Но неужели только этимъ держался этотъ культъ, зародившійся во время II-й династіи (болѣе 4000 лѣтъ до Р. Х.), соблюдавшійся безъ перерывовъ до римскаго владычества, распространившійся по всѣмъ частямъ древняго міра и имѣвшій поклонниковъ еще въ первые вѣка нашей эры въ Римѣ, гдѣ былъ храмъ Сераписа? Необходимо признать, что кромѣ народнаго суевѣрія у него была своя собственная моральная сила, плодотворная и утѣшительная идея, доступная его современникамъ. Безъ этого онъ не просуществовалъ бы пяти тысячъ лѣтъ, не былъ бы одною изъ опоръ величія страны фараоновъ и не могъ бы ужиться рядомъ съ этою египетскою мудростью, которую сама Библия признаетъ достойною уваженія.

ГЛАВА XIII

Открытие Серапеума — событие настолько важное для египтологии, а ходъ этого открытія настолько интересенъ, что, мнѣ кажется, нельзя не рассказать здѣсь вкратцѣ, какъ Маріеттъ-паша, осѣненный лучемъ божественнаго огня Фта, напалъ на слѣдъ этого египетскаго святилища, затеряннаго и забытаго въ продолженіе 1500 лѣтъ.

Въ 1850 году Маріеттъ, тогда еще молодой человекъ, пріѣхалъ въ Египетъ съ порученіемъ отъ министра народнаго просвѣщенія пріобрѣсти возможно большее количество древнихъ коптскихъ манускриптовъ, сохранившихся до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ монастыряхъ въ Египтѣ и на Синайскомъ полуостровѣ. Пока шли приготовленія къ экспедиціи по монастырямъ, Маріеттъ отправился въ Саккара, на мѣсто древняго мемфисскаго некрополя. Его влекла туда неотступная мысль, какъ онъ писалъ позже, давно уже не дававшая ему покоя и, въ концѣ-концовъ, приведшая его къ великому открытію. Еще въ садахъ Александріи и Каира онъ видѣлъ нѣсколько древнихъ сфинксовъ, поразившихъ его

однообразіемъ своихъ формъ и размѣровъ, а главное, мѣстомъ своего происхожденія, — они всѣ были найдены въ окрестностяхъ Саккара — и надписями на ихъ цокляхъ: на всѣхъ видѣлись имена Озириса, Аписа и Сераписа. Мариеттъ понялъ, что всѣ эти сфинксы должны были служить украшеніемъ какой-нибудь одной монументальной аллеи, какія обыкновенно строились египтянами передъ входомъ въ храмъ. Но какимъ образомъ могло случиться, что эта аллея, а слѣдовательно и храмъ находятся близъ Саккара, т.-е. на горѣ и среди песковъ, внѣ обитаемой полосы Египта, гдѣ до сихъ поръ не было найдено ни одного подобнаго сооруженія? Тогда ему пришло въ голову слѣдующее мѣсто Страбона: „Въ Мемфисѣ есть храмъ Сераписа, расположенный въ такой песчаной мѣстности, что вѣтры нагромодили тамъ цѣлыя горы песку, среди котораго мы видѣли сфинксовъ, однихъ засыпанными на половину, другихъ до головы; откуда можно придти къ заключенію, что путь къ этому храму не безопасенъ, если во время дороги попадешь въ ураганъ“. „Эта песчаная мѣстность, о которой гласятъ строги Страбона, говоритъ Мариеттъ, очевидно та самая, гдѣ были найдены Саккарскіе сфинксы, видѣнные мною въ Александріи и Каирѣ. Тамъ же, слѣдовательно, находится и Серапеумъ; и когда, нѣсколько дней спустя, изслѣдуя, съ карандашемъ въ рукѣ, границы пустыни и долины Мемфиса, я случайно наткнулся на стоявшаго еще на своемъ пьедесталѣ сфинкса, у меня уже не было никакого сомнѣнія въ вѣрности моихъ догадокъ. Серапеумъ былъ открытъ“¹⁾).

¹⁾ Mariette, *Choix des monuments du Sérapéum*, p. 7.

Но вѣдь Маріеттъ былъ посланъ въ Египетъ для собиранія манускриптовъ, а не для раскопокъ храмовъ. Для того, чтобы точно исполнить данныя ему порученія, ему надо было забыть о Серапеумѣ и ѣхать по коптскимъ монастырямъ. Но можно-ли было забыть о Серапеумѣ, этомъ, такъ сказать, центрѣ тяжести древняго Египта? Понимая вполнѣ научное значеніе этого открытія, со смѣлостію, которую давало ему убѣжденіе, Маріеттъ, ничего никому не говоря, почти-что украдкой, принялся за раскопки сфинксовой аллеи, казавшейся ему путеводною нитью къ таинственному храму, сокрытому гдѣ-нибудь на днѣ этого океана песковъ, нѣмой и неподвижной пеленой простиравшихся кругомъ ¹⁾).

Медленный способъ движенія впередъ былъ наиболѣе вѣрнымъ: надо было терпѣливо идти отъ одного сфинкса къ другому, по направленію съ востока на западъ, такъ-какъ входъ въ могилу Аписа не долженъ былъ составлять исключенія изъ общаго правила и слѣдовательно долженъ былъ глядѣть на востокъ. Въ началѣ работъ сфинксы начали появляться очень быстро одинъ за другимъ; прикрывавшій ихъ слой песка былъ не толще четырехъ, пяти метровъ. Черезъ нѣсколько недѣль аллея начала уже обрисовываться; но такъ-какъ она была повидимому проложена въ эпоху сравнительно недавнюю, и такъ-такъ пролагавшіе ее относились съ уваженіемъ ко встрѣчавшимся по дорогѣ древнимъ могиламъ, то и шла она не по прямой линіи, а изгибаясь, иногда довольно крутыми поворотами, которые всякій разъ сбивали съ пути работниковъ и ставили въ за-

¹⁾ См. на планѣ Серапеума букву ф, означающую мѣсто начала раскопокъ.

труднительное положеніе Мариетта. Но что было гораздо хуже, это то, что съ каждымъ шагомъ аллея шла все глубже и глубже подъ пескомъ и что приходилось уже откапывать сфинксовъ на глубинѣ двадцати метровъ. Скоро пришлось довольствоваться однимъ зондированіемъ, чтобы удостовѣриться въ присутствіи этихъ каменныхъ стражей, указывавшихъ направленіе дальнѣйшихъ раскопокъ.

Наконецъ дошли до 134-го сфинкса; прошло уже два мѣсяца съ начала работъ и уже около 500 метровъ было пройдено шагъ за шагомъ. Вдругъ аллея прекратилась; 135-го сфинкса не могли найти. Можно себя представить волненіе Мариетта. Вѣдь весьма легко могло случиться, что Серапеумъ давнымъ-давно уже не существуетъ, что онъ былъ весь разрушенъ, а что осталась одна только эта аллея сфинксовъ, ни къ чему не ведущая. Столько напрасно потраченнаго труда и денегъ, предназначавшихся на совершенно другую цѣль, и въ результатѣ — ничего, такъ какъ и откопанные сфинксы черезъ мѣсяць, много черезъ два будутъ снова засыпаны пескомъ.

Мариеттъ рѣшился на послѣднее средство: на параллели 134-го сфинкса онъ велѣлъ очистить отъ песка площадь въ сорокъ метровъ въ діаметрѣ. Рѣшеніе это увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: столь желанный 135-й сфинксъ былъ найденъ, но совсѣмъ въ сторонѣ, такъ какъ аллея въ этомъ мѣстѣ (г) повернула налѣво почти подъ прямымъ угломъ. Работа пошла впередъ, но чрезвычайно медленно; песокъ, ложившійся здѣсь въ продолженіе вѣковъ, былъ такъ плотенъ и твердъ, что стѣны прорубаемаго коридора можно было дѣлать со-

вершено отвѣсными, а феллахи, бѣгавшіе какъ муравьи по проложеннымъ тропинкамъ, уносили каждый на головѣ по корзинѣ песку или, лучше сказать, по песчинкѣ. Иногда случалось, что въ полдень, когда палящее солнце высушивало ночную росу, обрушивались цѣлыя лавины песку съ высоты двадцати, тридцати метровъ, увлекая съ собой и засыпая работниковъ. „Чтобы дать понятіе, говорить Маріеттъ, о медленности, съ какой мы подвигались впередъ и которая происходила отъ неопытности и лѣни рабочихъ, отъ недостатка въ инструментахъ и свойства песка, я долженъ сказать, что въ этой части коридора, шедшаго вдоль аллеи сфинксовъ, мы проходили не болѣе метра въ недѣлю“¹⁾).

Къ счастью, аллея скоро должна была прекратиться. Дошли уже до 141-го сфинкса, и Маріеттъ ожидалъ уже 142-го, когда, къ немалому его изумленію, глазамъ его представилась статуя Пиндара, стоящая на своемъ античномъ цоколѣ. Скоро появились, одна за другой, статуи Ликурга, Солона, Эврипида, Пифагора, Платона, Эсхила, Софокла, Гомера и Аристотеля, стоящія полукругомъ вдоль низкой стѣны, пересѣкавшей въ этомъ мѣстѣ аллею сфинксовъ (ж). Маріеттъ скоро убѣдился, что полъ здѣсь былъ высланъ квадратными каменными плитами, хорошо пригнанными одна къ другой, и что этотъ каменный полъ шелъ направо и налѣво отъ полукруглаго зданія съ изображеніями великихъ греческихъ мужей; слѣдовательно здѣсь шла новая аллея, поперечная сфинксовой.

¹⁾ *Choix des monuments du Sérapéum*, p. 7.

Мариеттъ сначала изслѣдовалъ лѣвую вѣтвь этой новой аллеи. Черезъ нѣсколько дней работы оказалось, что эта вѣтвь недлинна и оканчивается часовней (и) съ царской картушей Нектанебо I-го (XXX-й династii, 378 лѣтъ до Р. Х.), одного изъ послѣднихъ египетскихъ фараоновъ. Въ этой часовнѣ, въ первый разъ, Мариеттъ увидалъ хорошо знакомое изображенiе Аписа, убѣдившее нашего египтолога, что онъ былъ близокъ къ цѣли раскопокъ. Правая вѣтвь, за которую онъ принялся поэтому съ новой энергiей, на каждомъ шагѣ представляла новыя неожиданности и неразрѣшимыя загадки. Метрахъ въ тридцати отъ полукруглаго зданiя (ж), пункта отправленiя раскопокъ въ этой ихъ части, стояли по правой сторонѣ аллеи или *дромоса* (к) два маленькiе храма, одинъ въ египетскомъ стилѣ (л), другой въ самомъ чистомъ греческомъ — съ коринтскими колоннами (м). Греческiй храмъ былъ пустъ; въ египетскомъ стояла каменная статуя Аписа, произведе-нiе послѣднихъ годовъ независимости Египта. Между рогу у него — солнечный дискъ, а на бокахъ и спинѣ — остатки раскрашенныхъ священныхъ знаковъ. Эта статуя, свидѣтельница послѣднихъ торжественныхъ похоронъ Аписа, видѣвшая бытъ можетъ Александра, Клеопатру и Цезаря, стоитъ въ настоящее время въ Луврѣ, гдѣ находится большинство вещей, найденныхъ Мариеттомъ въ Серапеумѣ.

По мѣрѣ того, какъ снимали песокъ и расчищали эту широкую эффектную аллею, на свѣтъ появлялись все новыя непонятныя фигуры и изображенiя: съ обѣихъ сторонъ, вдоль стѣнъ вышиною въ два метра, предназначавшихся, надо думать, для защиты аллеи отъ песка,

стояли колоссальныя статуи фантастическихъ животныхъ: трехаршинный павлинъ съ мальчикомъ на спинѣ, гигантскій пѣтухъ, львица, пантера съ змѣей вмѣсто хвоста, Церберъ, и на всѣхъ по мальчику, потомъ фениксъ съ головою женщины, сфинксъ, львы съ необыкновенными мордами и пр., словомъ, что-то странное, какой-то мистическій символизмъ древнихъ египтянъ въ представленіи грековъ. Эта аллея длиною метровъ въ сто упиралась въ первую внѣшнюю ограду Серапеума, открывавшуюся *пилономъ* или монументальными воротами (п) время Нектанебо. По обѣимъ сторонамъ воротъ стояло два каменные льва, находящіеся теперь также въ Луврскомъ музеѣ.

ОБЪЯСНЕНІЕ ПЛАНА СЕРАПЕУМА.

- а) Ступенчатая пирамида, служившая, какъ полагають, Серапеумомъ во времена Древней Имперіи.
- б) Частныя могилы, изъ коихъ большинство относится къ древнѣйшимъ временамъ.
- б') Пирамиды или царскія могилы.
- г) 135-й сфинксъ, около котораго остановились раскопки, такъ какъ долгое время не могли найти продолженія аллеи (1-го января 1851 г.).
- д) Могила *Ита-хотенъ* (Др. Имперіи).
- е) Домъ Маріетта, построенный имъ во время раскопокъ.
- ж) Полукруглое зданіе, украшенное статуями греческихъ законодателей, поэтовъ и философовъ, бывшихъ въ Египтѣ или касавшихся его въ своихъ сочиненіяхъ (время Птолемеевъ). Открытое 26 по 30 января 1851 г.
- з) Могила *Ти* (Др. Имперіи).
- и) Египетская часовня Аписа или *Аписеумъ*, построенная въ царствованіе Нектанебо I (XXX дин., 378 г. до Р. X.).
- к) Дромось или аллея, вымощенная каменными плитами и огороженная стѣнами, вдоль которыхъ стояли колоссальныя изображенія символическихъ животныхъ греческой работы эпохи Птолемеевъ.
- л) Египетская часовня, стѣны которой покрыты демотическими письменами; въ ней была найдена большая каменная статуя Аписа, на-

- ходящаяся теперь въ Луврскомъ музеѣ (относится ко времени послѣднихъ египетскихъ фараоновъ).
- м) Греческая часовня съ перистилемъ коринтскаго ордена (временъ Птолемеевъ).
 - н) Первый пилоны Нектанебо I, служащій воротами вѣншей ограды Серапеума (Нов. Имперіи), открытъ въ мартѣ 1851 г.
 - н') Второй пилоны Нектанебо, около котораго былъ найденъ первый спускъ въ подземелья Серапеума.
 - о) Стѣна, которой обнесена вся площадь, занятая Серапеумомъ (относится, вѣроятно, къ VII в. до. Р. X.).
 - п) Отверстія галлерей, идущихъ въ глубь скалы; черточки означаютъ мѣста спусковъ въ Серапеумъ.
 - р) *Pastophorium*—мѣсто, гдѣ жили пастофоры или служители; здѣсь же находился *Ambidium* или храмъ Анубиса, въ которомъ помѣщались пришедшіе издалека поклониться Анису, и *Astarteum* или храмъ Астарты, близъ котораго находились кельи затворниковъ, дававшихъ отвѣты и толковавшихъ сны больнымъ и пилигримамъ, проходившимъ въ храмъ Эскулапа, *Aescularium*.
 - с) *Эссинъ-Юсефъ* (темница Юсифа), мѣсто священное для арабовъ, въ преданіяхъ которыхъ оно называется темницей Юсифа, сына Іакова.
 - т) Остатки ограды, внутри которой находились зданія, посвященныя культу греческаго Сераписа.
 - ф) Первый сфинксъ, съ котораго были начаты раскопки 1-го ноября 1850 г.

Прежде чѣмъ проникнуть внутрь этой ограды, Мариеттъ рѣшился обойти ее кругомъ и опредѣлить положеніе Серапеума. Теперь началась самая интересная часть раскопокъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самая трудная: пришлось бороться не съ однимъ пескомъ, но и съ египетскимъ правительствомъ, что было несравненно труднѣе. Однако, пока еще собирались только тучи, Мариеттъ, не теряя времени, принялся за изслѣдованіе вѣншей ограды, которая во многихъ мѣстахъ показывалась изъ-подъ песка. На самой стѣнѣ и кругомъ вала было неисчислимое множество жертвенныхъ камней, которые приносились и оставлялись здѣсь благочестивыми посѣтителями. Мѣстами, въ углубленіяхъ въ стѣнѣ,

Маріеттъ находилъ массы бронзовыхъ фигурокъ, изображающихъ, главнымъ образомъ, наиболѣе почитаемыя во всемъ Египтѣ божества: Озириса, Изиду, Аписа и Фта. Какое количество подобныхъ куколокъ было тогда найдено тамъ, можно судить по тому, что, на примѣръ, въ одинъ день ихъ нашли у подножія одного пилона 1500 штукъ; затѣмъ подъ плитами дромоса ежедневно находи ихъ сотнями. Поэтому нѣтъ, кажется, въ мірѣ ни одного музея, въ которомъ не было бы большой коллекціи подобныхъ фигурокъ различныхъ величинъ и сдѣланныхъ изъ разнообразнаго матеріала. Египтяне, какъ и большинство восточныхъ народовъ древности, глядѣли на песокъ, какъ на вещество нечистое, одаренное разрушительной силой, уничтожающей плодородіе полей; почему и обрекли его, равно какъ и морскую воду, Сету или Тифону, богу зла. Чтобы освятить и очистить мѣстность, гдѣ воздвигался или уже стоялъ храмъ, разсыпали кругомъ него и клали подъ его фундаментъ изображенія добрыхъ боговъ.

Слухъ объ этихъ находкахъ скоро распространился, и тучи, собиравшіяся надъ головою Маріетта, разразились цѣлой грозой. Въ Каирѣ говорили, что Маріеттомъ найденъ кладъ. Этого было достаточно, чтобы встревожить вице-короля, Аббасъ-пашу, который, нерѣшаясь еще вступить въ открытую борьбу съ Маріеттомъ, далъ тайное приказаніе шейхамъ сосѣднихъ съ Саккара деревень всячески мѣшать раскопкамъ ученаго египтолога. Такъ, сначала было запрещено феллахамъ ходить на работу къ Маріетту, и ему приходилось прибѣгать къ различнымъ хитростямъ, чтобы заманивать ихъ къ себѣ. Затѣмъ было запрещено доставлять ему

воду и съѣстные припасы и наконецъ уже пришелъ формальный приказъ отъ вице-короля созѣмъ прекратить раскопки. Въ довершеніе несчастія, Мариеттъ заболѣлъ воспаленіемъ глазъ и едва не лишился зрѣнія. Вылѣчившись въ Каирѣ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ снова отправился на мѣсто раскопокъ. Съ этого времени между египетскимъ правительствомъ и Мариеттомъ начинается уже настоящая война, со всевозможными военными хитростями съ обѣихъ сторонъ. „Je suis citoyen français!“ говоритъ французскій ученый и думаетъ, что это вполне объясняетъ его право распоряжаться въ чужой странѣ, какъ ему угодно, благо страна эта настолько слаба, что не можетъ дать отпора разнымъ дружескимъ услугамъ непрощенныхъ гостей.

Заслуги Мариетта передъ наукой безспорно громадны; его изысканія и египтологическія работы неоцѣненны для цивилизаціи, а стойкость и энергія, которыя онъ выказалъ во время всей его трудной тридцатилѣтней жизни въ Египтѣ, ставятъ его въ число той небольшой фаланги, члены которой называются „героями труда на тернистомъ пути науки“; но, съ другой стороны, читая подробное описаніе раскопокъ Серапеума *Silv. de Sauley*, невольно останавливаешься на тѣхъ странныхъ отношеніяхъ, которыя установились и существуютъ между цивилизованными, гуманными европейцами и дикими или, лучше сказать, стоящими на болѣе низкихъ ступеняхъ развитія народами. Испанцы въ Америкѣ, англичане въ Индіи, различные европейцы въ Китаѣ и Японіи, французы и англичане въ Египтѣ, всѣ исповѣдуютъ одинъ догматъ: „je suis citoyen français, anglais, espagnol“ или какой другой, я человѣкъ сильный, а ты,

дита природы, едва умѣющій владѣть ружьемъ, неимѣющій дальнобойныхъ пушекъ, необладающій голосомъ въ политическомъ концертѣ, ты работай на меня, смотри, какъ я буду на твой счетъ наживаться и то, что принадлежитъ тебѣ по всѣмъ божескимъ и чело-вѣческимъ правамъ, увозить къ себѣ въ Британскій, Луврскій пли иной какой-нибудь музей и выставять это на пользу человѣчества... да только ты-то тутъ будешь не причемъ.

Весною 1851 года слухъ о необыкновенныхъ открытіяхъ въ Саккара дошелъ до европейскихъ ученыхъ, и Парижская академія, по предложенію Ch. Lepoigmand, испросила у французскаго правительства 30.000 франковъ на продолженіе раскопокъ. Съ этого момента работы могли продолжаться открыто, на основаніи официальнаго приказанія правительства, только не египетскаго, а французскаго. Вслѣдствіе чего, само-собою разумѣется, Аббасъ-паша обидѣлся и требовалъ, чтобы все, что будетъ откопано въ нѣдрахъ Серапеума, препровождалось къ нему, основываясь на мусульманскомъ представленіи, по которому все въ государствѣ, т. е. люди и земля, и находящееся на землѣ и подъ землею, принадлежитъ королю. Поэтому онъ счелъ нужнымъ послать въ Саккара пятерыхъ своихъ офицеровъ, всѣхъ болѣе или менѣе башибузуковъ, чтобы наблюдать за Маріеттомъ и за ходомъ раскопокъ и все, что будетъ открыто, отправлять въ Каиръ.

Но приставленныхъ офицеровъ Маріеттъ-паша обманывалъ самымъ спокойнымъ образомъ. Для того, чтобы сдѣлать для нихъ наблюденіе за работами болѣе труднымъ, онъ началъ раскопки въ нѣсколькихъ мѣстахъ

сразу. Затѣмъ, въ продолженіе дня, онъ все время употребилъ на работу Пенелопы: откапывалъ въ какомъ-нибудь мѣстѣ песокъ и потомъ снова закапывалъ выкопанное, перетаскивалъ съ мѣста на мѣсто какіе-нибудь ничего не значащіе камни, или, просто на-просто, ложился спать, отпуская рабочихъ. Ночью же, лишь только офицеры уходили, Маріеттъ, съ нѣсколькими преданными ему рабочими, дѣятельно принимался за раскопку и всѣ интересныя и наиболѣе достойныя сохраненія вещи спускалъ въ глубокой погребальный колодезь, на днѣ котораго шла спѣшная упаковка найденныхъ драгоценностей. Ночью же уложенныя вещи выючили на верблюдовъ и тайно отправляли къ александрійскому французскому консулу, а оттуда въ Лувръ.

Наступилъ ноябрь 1851 года. Работы, продолжавшіяся безпрерывно, при описанныхъ обстоятельствахъ, приближались къ концу: вся ограда Серапеума (о) была обойдена и песокъ, загромождавшій обнесенную стѣнами площадь, расчищенъ насколько нужно было для ориентированія. Въ восточной части площади, за вторымъ главнымъ пилономъ (н'), найденъ былъ довольно крутой спускъ, высѣченный въ скалѣ; обѣ стѣны спуска были покрыты *обтѣнными стеллами*.¹⁾ Въ ночь на 12-е ноября къ Маріетту прибѣжалъ одинъ изъ рабочихъ, разбудилъ его и сказалъ, что они открыли „новую дверь“. Въ самомъ дѣлѣ, въ южной стѣнѣ

¹⁾ *Стеллой* называется каменная плита, обыкновенно съ закругленными верхними углами, на которой писали молитву богу отъ имени посѣтителя и потомъ вдѣлывали въ стѣну могилы или храма

спуска зіяло черное отверстіе громаднаго подземелья: это былъ входъ въ Серапеумъ.

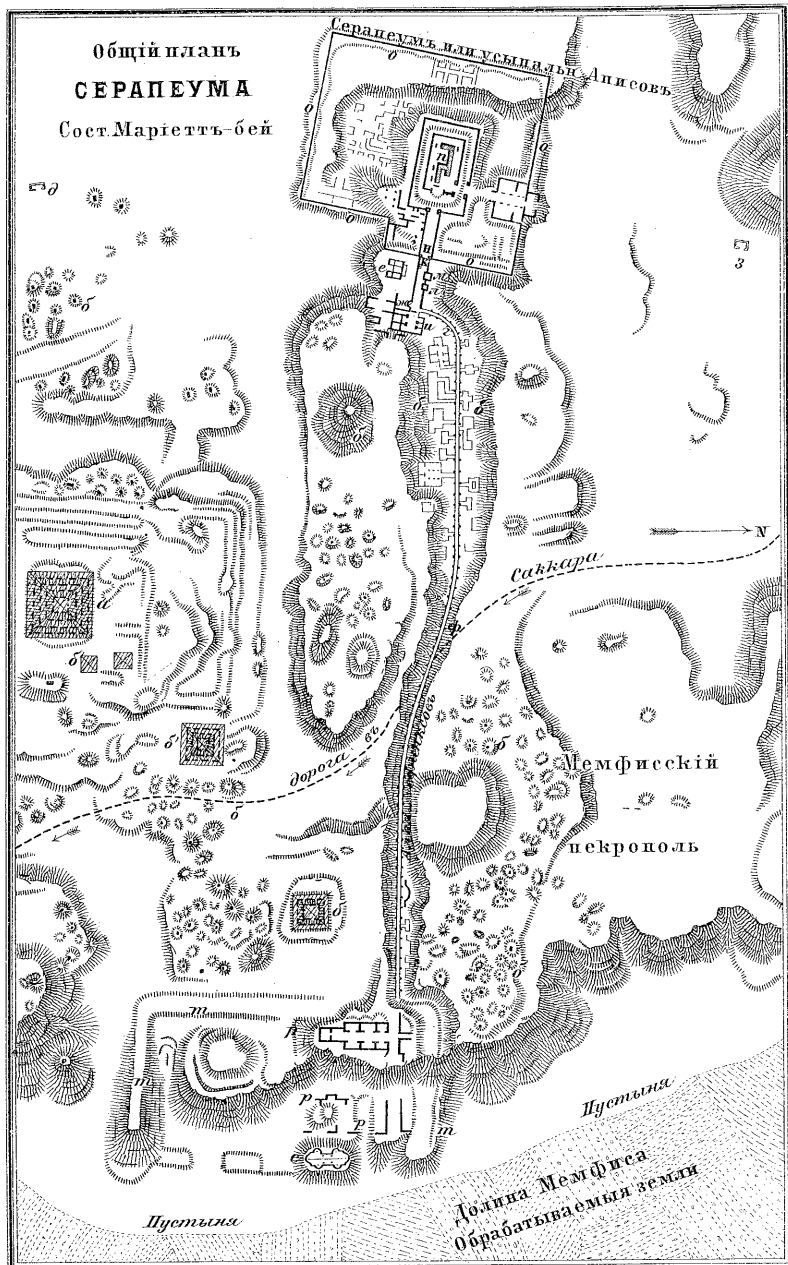
Въ своемъ нетерпѣннн, Маріеттъ хотѣлъ сейчасъ же проникнуть внутрь старинной усыпальницы Аписовъ, но воздухъ, который не мѣнялся тамъ въ продолженіе тысячи лѣтъ, былъ смертеленъ: свѣчка, привязанная къ длинному шесту, гасла тамъ. Надо было подождать и довольно долго, чтобы свѣжій воздухъ проникъ во всѣ подземныя галлеи. Но и слишкомъ долго мѣшкать было нельзя, такъ какъ уже занималась заря и скоро должны были придти турецкіе офицеры, отъ которыхъ, во что бы то ни стало надо было скрыть открытіе этихъ подземелій, внутри которыхъ должны были находиться самые драгоценные документы древности.

Въ эту ночь Маріеттъ успѣлъ только обѣжать этотъ подземный міръ, открытіе котораго стоило ему такого труда и борьбы въ продолженіе двухъ лѣтъ. Страшный беспорядокъ, систематическаго разрушенія внутренностей Серапеума сразу бросился ему въ глаза: направо и налево видны были разбитые склепы, на полу валялась массы стелль, почти всѣ въ кускахъ, саркофаги стояли открытыми и пустыми. Но медлить было нечего: раздался сигналъ, извѣщавшій о приближеніи офицеровъ. Маріеттъ едва успѣлъ выйти изъ подземелья и засыпать входъ пескомъ. Только три мѣсяца спустя, когда почему-то измѣнились отношенія правительства Аббасъ-паши къ раскопкамъ Маріетта, открылась возможность заняться приведеніемъ въ порядокъ подземелій и разборкою покрытыхъ надписями стелль, составляющихъ въ настоящее время археологическое и историческое сокровище Луврскаго музея.

Вдохновляясь историческимъ значеніемъ мѣста, гдѣ онъ работалъ, Мариеттъ провелъ еще цѣлые два года въ подземельяхъ Сераписа, собирая по кусочкамъ различныя надписи, угадывая по различнымъ способамъ постройки соотношеніе разбросанныхъ невѣдомыми разрушителями отдѣльныхъ частей простѣнковъ, саркофаговъ и пр. Вмѣстѣ съ тѣмъ кругъ его изслѣдованій постепенно расширялся, такъ что къ концу его пребыванія, когда можно было размѣстить въ хронологическомъ порядкѣ гробницы шестидесяти четырехъ Аписовъ, сдѣлалось возможнымъ опредѣлить различные періоды развитія Серапеума и прогрессивное распространеніе культа Озириса-Аписа.

Самая древняя могила Аписа, изъ найденныхъ до сихъ поръ въ оградѣ Серапеума, относится къ царствованію Аменофиса III, основателя Луксорскаго храма и колоссовъ *Мемнона* (XVI в. до Р. Х., XVIII династія). Въ это время еще не было большихъ общихъ подземелій, и священныя быковъ погребали въ отдѣльныхъ могилахъ, состоящихъ изъ внѣшней часовни, куда помѣщались стеллы набожныхъ почитателей божества, и изъ подземнаго склепа, куда ставили саркофагъ. Дверь потомъ замуровывали, а входъ, т.-е. коридоръ, ведущій въ подземелье, засыпали пескомъ. Въ эту эпоху погребальныя церемоніи Аписа не отличались роскошью и богатствомъ, насколько можно заключить объ этомъ по нѣкоторымъ могиламъ того времени, сохранившимся неприкосновенными. Изъ описанія Мариетта одной могилы, относящейся къ XVI вѣку до Р. Х., видно, что стѣны склепа были голыя, а посерединѣ стоялъ деревянный гробъ, обложенный бѣлымъ камнемъ, на глад-

Общій планъ
СЕРАПЕУМА
 Сост. Мариеттъ-бей

ИЗДАНИЕ ТОВАРИШЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ.

0 50 100 200 300 400 500 метровъ 1 килом.

КАРТОГР. ЗАВ. & ИЛЪИНА С. П. Б.

нихъ плитахъ котораго, въ видѣ украшенія, виднѣлась одна лишь надпись, повторяющаяся нѣсколько разъ: „Аписъ-Озирисъ, великій богъ, царствующій въ Аменти, живущій вѣчно“. Внутри гроба, къ великому удивленію Маріетта, не оказалось муміи быка, которую онъ думалъ найти: на днѣ гроба лежалъ одинъ черепъ быка и какая-то безформенная черная масса смолы.

Переходя постепенно отъ одной могилы къ другой, Маріеттъ проникъ 15 марта 1852 года въ одну изъ отдѣльныхъ комнатъ *Малыхъ подземелій*. Она оказалась опустошенною; но, изслѣдуя ея стѣны ударами молотка, онъ убѣдился по глухому звуку ударовъ, что за западной стѣной этой комнаты было еще подземелье, куда, надо было думать, не проникала рука разрушителей. Осмотрѣвъ соотвѣтствовавшее мѣсто снаружи, онъ нашелъ еще подземный склепъ, но также опустошенный. „Я собирался уже уходить изъ этой могилы, — рассказываетъ онъ въ своихъ запискахъ, — когда совершенно случайно замѣтилъ въ крайнемъ углу этой комнаты замурованную дверь, оставшуюся повидимому нетронутою грабителями первыхъ вѣковъ нашей эры“. Когда песокъ былъ отваленъ, а дверь разобрана по камнямъ, передъ глазами Маріетта предстала погребальная комната Аписа такую, какою она была оставлена 3230 лѣтъ тому назадъ, въ 26-мъ году царствованія Рамзеса II. „Пальцы египтянина, говоритъ онъ, который задѣлывалъ дверь и клалъ послѣдній камень, виднѣлись еще отпечатанными въ цементѣ“. Въ этомъ склепѣ, довольно обширномъ, было два совершенно нетронутыхъ саркофага. Прислоненными къ нимъ стояло нѣсколько большихъ урнъ, такъ называемыхъ *канопъ*, съ крышками въ видѣ

человѣческой головы. Крышки гробовъ и карнизы стѣнъ были украшены золотыми листьями, блестящими отъ огня свѣчей; нѣкоторые изъ нихъ упали на полъ. Среди этой богатой и оригинальной обстановки одна вещь, весьма обыкновенная, но вмѣстѣ съ тѣмъ полная необычайной прелести и возможная лишь въ одномъ Египтѣ, бросилась въ глаза Мариетту и заставила его прослезиться: „когда я въ первый разъ вошелъ въ этотъ склепъ, говоритъ онъ, я увидалъ на тонкомъ слоѣ песку, покрывавшаго полъ, отпечатокъ босыхъ ногъ работниковъ, клавшихъ бога въ его гробъ 3250 лѣтъ тому назадъ“. Ничтожный самъ по себѣ фактъ — сохраненіе отпечатка ногъ — полонъ между тѣмъ неизъяснимой прелести для археолога и значенія для философа; и вполне понятны чувства, волновавшія въ этотъ моментъ грудь Мариетта, который рассказывалъ позже, что всю жизнь будетъ помнить онъ эти нѣсколько минутъ, проведенныя имъ въ нѣмомъ созерцаніи слѣдовъ, видъ которыхъ щедро вознаградилъ его за всѣ труды и мученія, перенесенныя имъ въ продолженіе двухлѣтнихъ раскопокъ.

Въ тѣ времена, когда замуравывался этотъ склепъ, Иерусалимъ, Аѣины и Римъ еще не существовали; по холмамъ Иерусалима бродило пастушеское племя, а скала Акрополиса не видала, быть можетъ, и ноги человѣческой; а между тѣмъ быть, вѣра и могущество этихъ „вѣчныхъ“ городовъ исчезли скорѣе, чѣмъ легкій слѣдъ, едва запечатлѣнный на пескѣ задолго до ихъ основанія.

Изслѣдованіе могилъ, сохранившихся нетронутыми до нашихъ дней, позволило Мариетту придти къ слѣ-

дующему выводу относительно способа погребенія Аписовъ: между тѣмъ какъ тѣло челоуѣка мумифицировали и притомъ такъ тщательно и искусно, что сохранялся даже цвѣтъ и эластичность кожи, тѣла священныхъ быковъ разрубали на части, а то, что оставалось, клали въ гробъ безъ всякаго препарировація. Разрубались-ли тѣла быковъ на четырнадцать частей, которыя отсылались въ разныя провинціи Египта, какъ это случилось, по словамъ легенды, съ тѣломъ Озириса — этого Мариеттъ не утверждаетъ; но, что ему кажется несомнѣннымъ, это то, что всѣ эти колоссальные саркофаги Серапеума, содержащіе, по всѣмъ вѣроятіямъ, лишь какіе-нибудь остатки скелетовъ быковъ, были не настоящими гробами, а скорѣе — памятниками, мавзолеями, воздвигнутыми въ память нисшествія бога на землю. Такое толкованіе вполне согласно съ логикой египетскихъ вѣрованій: такъ какъ Озирисъ послѣдовательно и безконечно воплощался въ новыя тѣла быковъ, то не было необходимости сохранять тѣла умершихъ; тѣло же челоуѣка непременно надо было сохранить для будущаго воскресенія его въ Аменти.

Но главный интересъ раскопокъ Серапеума и близъ него расположенныхъ отдѣльныхъ могилъ Аписовъ заключается въ надписяхъ, которыми покрыты стеллы и въ которыхъ было найдено много именъ царей, доселѣ неизвѣстныхъ; эти имена и приблизительныя, иногда точныя указанія времени царствованій въ періодъ жизни того или другаго Аписа, — дали возможность пополнить многіе пробѣлы египетской исторіи. Такъ, напримѣръ, въ одной изъ комнатъ *Малыхъ подземелій* былъ найденъ неразрушеннымъ простѣнокъ, отдѣляющій склепъ

отъ комнаты, весь покрытый стеллами, среди которыхъ находилась большая стелла, перевезенная въ настоящее время въ Лувръ; надпись на ней гласить, что этотъ Аписъ родился въ 26-мъ году царствованія эѳіопа Тахрака и умеръ въ 21-мъ году царствованія Псамметиха I-го (около 645 года до Р. Х.). Псамметихъ I-й — тотъ самый фараонъ, который освободилъ Египетъ отъ иностраннаго владычества, гостепріимно принялъ первыхъ греческихъ выходцевъ и былъ главнымъ двигателемъ послѣдняго возрожденія самобытности и независимости народнаго египетскаго духа. Въ роскоши, съ какой отдѣлана эта могила, отразилась эпоха спокойствія и благоденствія, смѣнившая смутныя времена эѳіопскихъ и ассирійскихъ войнъ; а въ массѣ стеллъ, покрывающихъ ея стѣны, отразилась воспрянувшая народная вѣра и надежда на любовь Озириса къ Египту.

Великолѣпіе и роскошь въ погребеніи Аписовъ начинаются со временъ фараона Амазиса, извѣстнаго своими постройками ¹⁾. Умершему Апису онъ поставилъ громадный саркофагъ изъ розоваго гранита — самый большой во всемъ Серапеумѣ. Съ этихъ поръ его преемники считали себя вынужденными почитать память умершаго бога по крайней мѣрѣ такими же роскошными мавзолеями. Даже иноземные завоеватели Египта не уклонялись отъ этого обычая, что доказываетъ рядъ саркофаговъ, подтверждающихъ этотъ историческій фактъ. Напримѣръ: саркофагъ, стоящій рядомъ съ только-что упомянутымъ, принадлежитъ Камбизу, сыну

¹⁾ Геродотъ, II, 175.

Кира, который, въ противность словамъ Геродота, не всегда былъ для Египта кровожаднымъ тираномъ, разрушавшимъ и осквернявшимъ святыни египетскаго народа. Напротивъ, онъ началъ съ того, что заставилъ посвятить себя во всѣ тайны египетскаго культа и священническія обязанности фараоновъ, которыхъ онъ замѣстилъ. *Камбатъ* или *Камбуза* (его египетское имя) называется въ одной древней надписи, сохраняющейся въ Ватиканѣ, „сыномъ солнца, владыкой Верхняго и Нижняго Египта“¹⁾; а на стеллѣ, находившейся при саркофагѣ, о которомъ идетъ рѣчь, гордый персъ, завоеватель Египта, представленъ колѣнопреклоненнымъ передъ египетскимъ богомъ. Въ этихъ историческихъ документахъ мы имѣемъ доказательство, что вначалѣ Камбизъ держался гуманной политики послѣднихъ завоевателей Египта и что только позже, послѣ трехъ неудачныхъ походовъ, обиженный, что египетскіе боги такъ плохо вознаградили его за все его благочестіе, онъ сдѣлался для покореннаго имъ народа „бичемъ божьимъ“, какъ называетъ его Геродотъ. Раненый же имъ въ припадкѣ бѣшенаго гнѣва наслѣдникъ Аписа, похороненнаго имъ съ такими почестями, не умеръ, что бы тамъ ни писалъ греческій историкъ, а спасся чудеснымъ образомъ и прожилъ до 4-го года царствованія наслѣдовавшаго Камбизу Дарія, предавшаго его землѣ съ подобающей богу торжественностью, какъ это видно изъ надписи, находящейся теперь въ Луврѣ и снятой съ саркофага, стоящаго рядомъ съ саркофагомъ Кам-

¹⁾ M. de Rougé первый далъ полный переводъ этой надписи: *Mémoire sur la statue naophore du musée Grégorien au Vatican* (Rev. arch., 1851).

биза ¹⁾. Третій по порядку саркофагъ, относящійся также ко времени владычества персовъ, отмѣченъ неизвѣстнымъ до сихъ поръ именемъ *Кибанисъ*, принадлежавшимъ, надо думать, какому-нибудь сатрапу, управлявшему Египтомъ отъ имени царя Ксеркса.

Западное крыло *Большихъ подземелій* представляетъ непрерывный рядъ колоссальныхъ саркофаговъ, идущихъ параллельно съ исторіей Египта вплоть до Клеопатры VI. Найденная въ пескѣ около одного склепа стелла покрыта надписью, въ которой упоминается про рожденіе Цезаріона, сына Юлія Цезаря и послѣдней царицы Египта.

Итакъ, Птоломеи поддерживали культъ національнаго мемфискаго бога со всею роскошью стараго времени, какъ это видно по крайней мѣрѣ по цѣлому ряду великолѣпныхъ саркофаговъ и по аллеѣ, ведущей къ Серапеуму. Но римляне, вѣроятно, не считали нужнымъ въ этомъ отношеніи продолжать политику Александра и поддерживать древній культъ, вокругъ котораго собирались и держались еще послѣдніе остатки стариннаго фанатизма, иногда опаснаго и всегда вреднаго для могущества и силы правителей. Ктому-же, постепенно усиливавшееся равнодушіе египетскаго народа, видѣвшаго за послѣднія столѣтія столько завоевателей и столько иноземныхъ нравовъ и обычаевъ, и быстро развивавшееся преобладаніе молодой Александріи надъ дряхлымъ Мемфисомъ — обусловливали возможность окончательнаго прекращенія культа Аписа; хотя по вре-

¹⁾ См. *Исторія фараоновъ Бруша*, переводъ Г. Властова (Спб., 1880), стр. 707 и слѣд.

менамъ, какъ передаетъ Амміанъ Марселлинъ, Озирисъ все еще продолжалъ проявляться на землѣ въ образѣ быка. Послѣдній Аписъ жилъ въ царствованіе императора Юліана, за тридцать лѣтъ до эдикта Θεодосіа, когда новая вѣра и новые люди рѣшительнымъ ударомъ уничтожили послѣдніе остатки старины.

Если бы песокъ пустыни, проклятый и обреченный Тифону, врагу Озириса, не заметалъ всего, что ему попадается по дорогѣ, то, выйдя изъ подземелій Сераписа, этого средоточія древней египетской вѣры и египетскаго генія во всей его чистотѣ, мы могли бы видѣть памятники того переходнаго времени, когда греческія идеи ворвались въ страну фараоновъ и, слившись съ египетскими, образовали что-то среднее. Но теперь не видно ни мощенаго каменными плитами дромоса, ни обѣихъ часовенъ Аписа, ни полукруглой площадки съ ея греческими философами, ни сфинксовъ Страбона. Песокъ, нѣкогда сдерживаемый постоянными заботами набожныхъ египтянъ и на время устраненный Маріеттомъ, снова вторгся и легъ надъ древними памятниками Египта толстымъ слоемъ, который врядъ-ли когда еще потревожатъ.

Въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ Серапеума находится могила *Ти* (з), которую г. де-Руже называетъ „самымъ великолѣпнымъ памятникомъ древности и саккарскимъ чудомъ“¹⁾. Пять тысячъ лѣтъ тому назадъ, во времена первыхъ египетскихъ династій, ея часовня возвышалась надъ уровнемъ почвы; но теперь она, какъ

¹⁾ *Recherches sur les monuments qu'on peut attribuer aux six premières dynasties de Manéthon.* Mémoires de l'Institut, t. XXV.

и все остальное кладбище, занесена пескомъ, такъ что надо спускаться въ нее, какъ въ подземелье. На двухъ широкихъ столбахъ, составляющихъ главный фасадъ постройки, видны имя и званіе хозяина могилы. Это былъ важный сановникъ, называвшійся *Ти*, „одинъ изъ приближенныхъ фараона, дворцовый ключарь и главный царскій секретарь“. Онъ жилъ въ Мемфисѣ во время VI-й династїи. Его жена называлась *Неферъ-хотепъ*, „пальма или отрада любви для ея мужа Ти“. За этими столбами расположенъ четырехугольный дворъ, окруженный двѣнадцатю колоннами, поддерживавшими прежде крышу, теперь несуществующую. Стѣны этого двора, равно какъ и остальныхъ комнатъ могилы, покрыты прекрасно сохранившеюся живописью. Въ этихъ стѣнныхъ украшенїяхъ изображена вся жизнь покойника до ея мельчайшихъ подробностей. Его домашняя обстановка, его состояніе, его политическое положеніе, его слабости, привычки — переданы и описаны здѣсь съ неподобнымъ реализмомъ, простотой и прелестью. Отъ этихъ картинъ, исполненныхъ рукой мастера, нескованнаго еще законами условности, вѣетъ такую же обаятельную, жизненную правду, какъ и отъ бытовыхъ описанїй *Иліады* и *Одиссеи*; потому-то всѣ дѣйствующія лица въ нихъ, начиная отъ самого хозяина, прогуливающагося съ палочкой, и кончая пастухомъ, стерегущимъ стадо гусей, и танцовщицами, услаждающими взоръ ихъ господина, всѣ кажутся живыми или по крайней мѣрѣ жившими когда-то давно, въ былыя времена.

Замѣчательно, что могильная живопись, относящаяся ко времени постройки могилы *Ти* и рядомъ находя-

щейся могилы *Пта-хотенъ* (д), т.-е. ко времени первыхъ династій, отличается полнымъ отсутствіемъ грустныхъ загробныхъ мотивовъ. Въ могилахъ другихъ эпохъ (какъ мы увидимъ въ *Вибанъ-эль-Молукъ*) стѣны погребальныхъ комнатъ покрыты изображеніями страшныхъ фантастическихъ боговъ. Тамъ умершій дѣйствительно представленъ на томъ свѣтѣ, среди тварей, неподдающихся никакому описанію. Здѣсь же нѣтъ ничего подобнаго, и напрасно стали бы мы искать на стѣнахъ могилы *Ти* изображенія какого-нибудь божества. Умершій — не на томъ, а на этомъ свѣтѣ. Онъ представленъ въ его семейной обстановкѣ, съ его женой, дѣтьми, слугами; онъ какъ-будто еще не покидалъ этой жизни или если и покинулъ, то продолжаетъ жить такую же жизнью, какую жилъ здѣсь.

Пока народъ еще молодъ, пока онъ чистъ въ своихъ побужденіяхъ и безкорыстенъ въ своихъ желаніяхъ,— блаженная загробная жизнь ему кажется неизбѣжнымъ слѣдствіемъ его безхитростной пастушеской или земледѣльческой жизни. Онъ не видитъ причины, почему-бы не жить ему тамъ — на томъ свѣтѣ — такъ же, какъ и на этомъ, съ такою же женой и дѣтьми, не заниматься такими же дѣлами, какими занимался онъ на плодородныхъ берегахъ Нила. Позднѣе, когда въ народѣ пропадутъ слѣды невинности и чистосердечія дѣтей природы, когда, пройдя сквозь длинный рядъ испытаній, онъ убѣдится, что на землѣ ничего даромъ не дается, тогда измѣнятся и его представленія о загробной жизни, измѣнится и стѣнная живопись могилъ: умершій долженъ пройти чрезъ испытанія, онъ долженъ доказать, что онъ достоинъ безсмертія, которое ему обѣщано. На

стѣнахъ могилы этого періода ¹⁾ изображаются различные моменты путешествія души въ мрачномъ царствѣ смерти, испытанія, которымъ она подвергается, и судъ надъ ней. Тутъ нѣтъ больше веселыхъ сценъ охоты, рыбной ловли, картинъ беззаботной домашней жизни; вмѣсто этого вы видите рядъ непривѣтливыхъ, темныхъ фигуръ подземныхъ боговъ.

Я зашелъ бы слишкомъ далеко, еслибы сталъ описывать всѣ разнообразныя картины, покрывающія стѣны могилъ Ти и Пта-хотепъ. Мнѣ хотѣлось дать понятіе объ общемъ характерѣ этихъ картинъ и той части могилы, гдѣ онѣ находятся. Эта часть могилы — *мастаба* (см. выше) — есть комната, всегда доступная посѣтителемъ послѣ смерти хозяина могилы. Въ ея орнаментѣ нѣтъ ничего, что говорило бы вошедшему, что онъ находится въ могильной часовнѣ, что напоминало бы ему о смерти. Ктому же и строилась она еще при жизни хозяина, подъ чѣимъ личнымъ наблюденіемъ были написаны стѣны картинами его жизни и портретами его близкихъ. „Египтяне, говоритъ Діодоръ, называютъ свои дома временными жилищами, такъ какъ недолга земная жизнь; могилы же называютъ жилищами вѣчными“. Вотъ настоящій смыслъ памятниковъ, которые интересуютъ насъ: поле, жатва, слуги, животныя, любимыя занятія — все тутъ есть, а благодаря своимъ толстымъ стѣнамъ и прочной постройкѣ, могила въ самомъ дѣлѣ представляетъ „вѣчное жилище“. Что же касается души и этой загробной жизни, которая легла въ основаніе египетской вѣры, то ея нѣтъ въ этой

¹⁾ Напримѣръ, могила Сети I въ Бибанъ-эль-Молукскомъ ущельѣ.

части могилы: она находится въ другой ея части, недоступной ни для кого и закрытой навѣски. Чтобы проникнуть туда, надо отыскать всегда тщательно замурованное и скрытое отверстіе колодца, на днѣ котораго въ подземномъ склепѣ покоится мумія съ *Требникомъ* на груди. Умершій переступилъ фатальную черту и находится въ мірѣ тѣней, гдѣ царствуютъ боги безтѣлесныхъ душъ.

День уже клонился къ концу, когда наши драгоманы затрубили въ рожки, чтобы собрать разбрѣдшееся стадо туристовъ. Неспециалистамъ, диллетантамъ-путешественникамъ больше глядѣть здѣсь было нечего; ужъ и такъ нѣкоторые начинали ворчать на утомительность этого перваго дня, объясняя, что они пріѣхали въ Египетъ кататься и отдыхать, а не изучать египетскія древности.

Мы стали возвращаться тихимъ шагомъ домой, т. е. на пароходъ. Вся компанія растянулась по крайней мѣрѣ на версту; всѣ ѣхали особнякомъ, молча, погруженные въ умственное перебариваніе видѣннаго или, что вѣроятнѣе, просто утомленные: цѣлый день провести верхомъ и пѣшкомъ при порядочной жарѣ — не шутка. Бросивъ поводья на шею моему ослику, шедшему мѣрнымъ, лѣнливымъ шагомъ и размахивавшему себѣ въ тактъ своими длинными ушами, я припоминалъ все видѣнное мной въ сегодняшній день: передъ глазами у меня мелькали величественныя катакомбы Серапеума съ ихъ гранитными саркофагами, заброшенный домикъ *Маріетта* съ обвалившимся балкономъ, мастаба *Ти*, *Саккарскія* пирамиды и лица встрѣчавшихся феллаховъ, и песчаная равнина мемфисскаго кладбища, и зеленѣющія

поля долины. Все хочется запомнить, все уложить въ голову. Но — слишкомъ много впечатлѣній; сразу не разберешься въ нихъ. А это ревнивое безпокойство: какъ бы чего не пропустить да не забыть, мнѣ кажется, еще усиливаетъ утомленіе, будучи притомъ совершенно неосновательнымъ. Долго не изгладятся изъ памяти тѣ впечатлѣнія, которыя кладетъ на человѣка новое мѣсто. На эти случаи, кажется, есть особые глаза и уши, зорче и острѣе обыкновенныхъ, или какъ-будто человѣкъ не только глазами и ушами, но легкими и порами вбираетъ въ себя впечатлѣнія, напиваясь ими, какъ воздухомъ. По крайней мѣрѣ теперь, когда все улеглось и успокоилось въ моемъ умѣ, закрывши глаза, я вижу этотъ первый день на Нилѣ такъ же ясно и отчетливо до мельчайшихъ подробностей, какъ-будто это было вчера.

Помню я и закатъ солнца, которымъ подарила насъ африканская природа въ этотъ день; помню и чувство восторга, съ какимъ я упивался имъ, забывши и о египетскихъ древностяхъ, и о величїи историческихъ воспоминаній, которыми онѣ пропитаны. Великолѣпны вы, гранитныя усыпальницы Сераписа! но розовое облачко, окрашенное послѣднимъ лучемъ закатившагося солнца — великолѣпнѣе. — Отчего? — Оттого-ли, что оно мимолетно, и почти неуловимо? оттого-ли, что оно — твореніе не рукъ человѣческихъ, или оттого, что его нельзя вычислить, измѣрить и описать, какъ описываешь гранитный саркофагъ? Нельзя въ самомъ дѣлѣ передать въ прозѣ чудесъ природы и возбуждаемаго ею необъятнаго ощущенія, которому отдаешься съ трепетной покорностью, какъ чувству любви! Пусть живописцы найдутъ

у себя на палитрахъ краски, которыми угасающее солнце окрашиваетъ небеса! Пусть поэты отыщутъ тѣ звуки, которые подымали бы въ нашей груди тѣ же чувства, которыми полна она, когда въ вечерній часъ небо и

Берегъ Нила и закатъ солнца.

земля погружаются въ покой какъ-бы удовлетворенной страсти, въ которомъ они, отдыхая отъ ея сладостныхъ мученій, любятъ взаимно въ объятіяхъ другъ друга! Какъ назвать этотъ нѣжный воздухъ, который, какъ

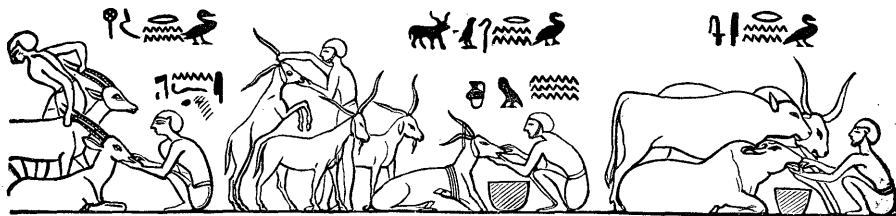
теплыя волны, омываетъ, нѣжитъ и лелѣетъ васъ, этотъ блескъ неба въ его фантастическомъ, неописанномъ уборѣ, эти цвѣта, среди которыхъ утопаетъ вечернее солнце, уходящее съ неба, какъ осчастливленный любовникъ, оставившій долгій задумчивый слѣдъ счастья на любимомъ лицѣ? — Земля уже погрузилась во мракъ; длинныя тѣни, еще только сейчасъ лежавшія вдоль берега отъ пальмъ и мачтъ причалившихъ на ночь дахабій, слились уже общей темнотой, а на небѣ все еще продолжается вечерній пиръ. Весь западъ и пол-неба объаты еще огнемъ, въ которомъ невидимая рука строитъ воздушныя видѣнія, рисуя на этомъ пламенно-золотомъ полѣ силуэты волшебныхъ башенъ, звѣрей, зданій, чудовищъ — все изъ облаковъ. Изумленный глазъ смотритъ вокругъ и слѣдитъ, какъ нѣжно, тихо и лѣниво ползутъ эти тонкіе, прозрачные и исчезающіе узоры въ золотой атмосферѣ, подобно мечтамъ, которыя тянутся въ дремлющей душѣ безъ начала и конца, слагаясь въ плѣнительные образы и разлагаясь опять, чтобы слиться въ фантастической игрѣ... Погруженный въ туманъ поэтической думы, недвижимъ, безмолвенъ стоишь и млѣешь передъ радужными слѣдами скрывшагося солнца; не отводишь взора, не хочется выйти изъ этого млѣнія, изъ нѣги покоя. Очнувшись, со вздохомъ скажешь себѣ: ахъ, еслибы всегда и вездѣ такова была природа, такъ же горяча и такъ величаво и глубоко покойна! Еслибъ такова была и жизнь!

Раздавшійся звонокъ, приглашавшій насъ къ чаю, вывелъ меня изъ моего забытья. Нѣтъ, подумалъ я, по Нилу надо ѣздить не на пароходѣ и не съ Кукомъ: эти звонки, свистки, маршруты по часамъ —

все это создано для англичанъ, а не для насъ, русскихъ.

Когда я вошелъ, столовая была уже полна моими спутниками; слышался звонъ чашекъ, говоръ на различныхъ нарѣчіяхъ, громкіе возгласы, равнодушный смѣхъ, требованія неподанной ложки... Мой сосѣдъ, ликующій французъ, племянникъ Ж. Зандъ, какъ я узналъ позже, обсуждалъ, что ему сдѣлать изъ этого путешествія по Египту: романъ, научное изслѣдованіе или бѣглыя замѣтки туриста? Его товарищъ стоялъ за послѣднее; „это легче всего“, говорилъ онъ. „А романъ-то!“ перебивалъ его племянникъ Ж. Зандъ, „вы не знаете, какъ это легко дѣлается: берутъ героя, потомъ“... Въ этотъ моментъ пароходъ сильно качнуло; всѣ вскочили со своихъ мѣстъ. Оказалось, что мы причалили на ночлегъ и въ темнотѣ слишкомъ близко подошли къ берегу. Такіе толчки повторялись во время плаванія почти каждый вечеръ, и позже никто не обращалъ на нихъ вниманія. Мѣстечко, гдѣ мы остановились, называлось Кефръ-эль-Айадъ и находилось отъ Бендрешена верстахъ въ пятнадцати. Хотя небо было безоблачно, но темнота была непроницаемая, берега не было видно, и слышны были только голоса матросовъ, вбивавшихъ на берегу колья и закрѣпившихъ на ночь канатъ.

ГЛАВА XIV

На другой день мы рано снялись съ якоря; когда я вышелъ на палубу, то деревни Кефръ-эль-Айадъ уже не было видно; съ обѣихъ сторонъ простирались пологіе, низменные берега. Впереди пока не предвидѣлось никакихъ памятниковъ, и это отсутствіе въ продолженіе первыхъ двухъ, трехъ дней плаванія по Нилу мѣстностей и древнихъ храмовъ, которые надо было бы осматривать, представляетъ большое удобство: въ эти дни устраиваешься въ своей каютѣ, знакомишься съ порядками на пароходѣ и съ путешественниками, съ которыми придется прожить вмѣстѣ цѣлый мѣсяць, а потомъ просто отдыхаешь отъ вчерашнаго дня, проведеннаго въ Саккара, и наслаждаешься своимъ бытіемъ. Трудно придумать болѣе совершенное *far niente*, чѣмъ какое ведешь во время плаванія по Нилу. Лежишь по цѣлымъ часамъ на палубѣ подъ тентомъ, легкій вѣтерокъ отъ движенія парохода освѣжаетъ горячій воз-

духъ, потихоньку тянешь наргиле; а передъ глазами медленно проходятъ все новыя картины: вотъ пальмовый лѣсъ; немного далѣе, среди зеленыхъ полей, виднѣется феллахская деревня съ тонкимъ минаретомъ посрединѣ; у самаго берега полощутся голые, смуглые ребята, пришедшіе поить верблюдовъ и буйволовъ; а гдѣ нѣтъ вблизи селенія, тамъ на отмеляхъ кишатъ мириады птицъ. Я ясно вижу въ бинокль, какъ суется кулики, должно быть, тѣ самыя, которые лѣтомъ бѣгають по черноземнымъ берегамъ нашихъ прудовъ, — какъ ныряють утки, поднявши хвостъ кверху и ушедши наполовину въ воду. Грузные пеликаны, какъ высокія кочки, видны по нѣскольکو штукъ въ рядъ. Особнякомъ стоятъ цапли неподвижно, какъ каменные изваянія.

Мы то и дѣло обгоняемъ и встрѣчаемся съ барками, идущими вверхъ или внизъ по Нилу. Идущія вверхъ нагружены турецкими, иногда европейскими товарами, которые везутъ въ Суданъ или Сеннааръ для обмѣна на мѣстныя произведенія. На этихъ баркахъ толпится масса народа, преимущественно арабы и феллахи. Одни возвращаются въ Верхній Египетъ, откуда они приходили въ Каиръ, чтобы попытать счастья; другіе ѣдутъ работать на сахарныя заводы; остальные — и этихъ, должно быть, больше всѣхъ — ѣдутъ для того, чтобы ѣхать, такъ какъ человѣку необходимо передвигаться. Проходя вплотъ около этихъ барокъ, такъ какъ во время паденія воды русло Нила становится весьма узкимъ, намъ были видны различныя житейскія сцены, происходящія на нихъ, и слышенъ говоръ и звуки пѣсенъ.

Барки, идущія внизъ по Нилу, представляютъ другой видъ. Онѣ обыкновенно идутъ по нѣскольکو штукъ вмѣстѣ, и издали косые бѣлые паруса ихъ кажутся стаей птицъ, рѣющихъ надъ рѣкой. Онѣ идутъ съ страусовыми перьями, слоновою костью, чернымъ деревомъ и другими произведеніями тропическихъ странъ. Иногда въ веревкахъ мачты или на носу барки сидитъ обезьяна, скорчившись въ смѣшную позу; ее также везутъ изъ-за Хартума, какъ товаръ, на всемірный рынокъ въ Александрію или Портъ-Саидъ. На палубѣ лежатъ люди; это не арабы и не феллахи; ихъ курчавые волосы и толстыя мясистыя губы указываютъ на ихъ суданское или дарфурское происхожденіе. „Что это за народъ?“ спросилъ я какъ-то у стоявшаго рядомъ со мной Мухаммеда, нашего драгомана. „Рабы“, отвѣчалъ онъ лаконически. „Какъ рабы? да вѣдь торговля людьми была запрещена еще при Саидъ-пашѣ“. „Открытой торговли и нѣтъ теперь, а тайная есть и всегда будетъ“. Хороша тайная, подумалъ я, глядя вслѣдъ удалявшейся баркѣ.

Въ принципѣ рабство давно было уничтожено въ Египтѣ; но могло-ли оно быть уничтожено въ дѣйствительности въ странѣ, гдѣ существуетъ многоженство и гаремъ? Конечно, нѣтъ. Большихъ базаровъ съ рабами въ Египтѣ больше не существуетъ, но розничная продажа осталась даже въ Каирѣ, и нѣтъ ничего легче, какъ купить себѣ негра или негритянку въ Верхнемъ Египтѣ, гдѣ, равно какъ и въ Нубіи, почти всѣ поля обрабатываются ихъ руками.

Работы рабовъ, условія ихъ существованія, ихъ выпуска на волю опредѣлены до мельчайшихъ подробно-

стей религіознымъ закономъ ¹⁾). Общій характеръ этихъ правилъ — довольно гуманнѣйшій. Надо отдать мусульманамъ эту справедливость, что учрежденіе рабства у нихъ не запятнано варварскимъ обращеніемъ, какимъ опозорили себя европейцы въ Ю. Ш. Америки. Съ рабами обходятся здѣсь обыкновенно добродушно; ихъ считаютъ членами семьи; обязанности ихъ распределены такъ, что каждый знаетъ только свою часть, и этотъ трудъ, надо полагать, не представляетъ особенной утомительности, такъ какъ достовѣрно извѣстно, что рабы часто настолько привязываются къ своему образу жизни, не требующему отъ нихъ ни сильной физической дѣятельности, ни нравственной отвѣтственности, что отказываются отъ возможности воспользоваться преимуществами свободы, видя въ ней только источникъ заботъ и лишеній. По словамъ Gérard de Nerval'я, съ рабствомъ на Востокѣ произошло то же, что и съ многоженствомъ: нравы сами заботятся объ исправленіи грустныхъ послѣдствій того и другаго.

У мусульманъ рабы находятся не въ томъ положеніи, въ какомъ были они у римлянъ; здѣсь, въ странѣ одалисокъ и евнуховъ, состояніе рабства такъ мало презирается, что константинопольскіе султаны, эти священные вожди ислама, почти всѣ рождены отъ рабынь, отчего величіе ихъ нимало не пострадало. Мамелюки, долго царствовавшіе въ Египтѣ, для продолженія своего рода покупали дѣтей на Кавказѣ и усыновляли ихъ, когда они достигали совершеннолѣтія. Весьма часто бо-

¹⁾ См. *Le Code de l'Esclavage*, въ сочиненіи генерала Daumas *le Grand Désert*, Paris, 1857, in 8°.

гатыи каиротъ воспитываетъ при себѣ ребенка-раба, потомъ выдаетъ за него свою дочь и передаетъ ему все свое имѣніе. Въ Каирѣ, какъ и въ Константинополѣ, можно видѣть министровъ, генераловъ и другихъ высокопоставленныхъ сановниковъ, которые во дни ихъ юности были куплены за тысячу или полторы франковъ.

Подобное положеніе рабовъ на Востокѣ обыкновенно ставятъ на видъ, когда желаютъ оправдать существованіе этого учрежденія, которое дѣлаетъ изъ чловека — какъ-бы хорошо ни была обставлена съ матеріальной стороны его жизнь — животное къ услугамъ другихъ людей, животное, для котораго не существуетъ ни семьи, ни родины, ни надежды на выходъ изъ своего положенія путемъ прилежанія и труда. Безнравственность этого учрежденія слишкомъ очевидна и давно всѣми признана, чтобы доказывать ее; поэтому я ограничусь здѣсь лишь приведеніемъ словъ сэра Бартля Фрира, указывавшаго не на одну только горькую участь рабовъ, но и на послѣдствія для той страны, гдѣ рабы вербуются или, скорѣе, ловятся, какъ звѣри ¹⁾). Полное обезлюденіе грозитъ этимъ странамъ. По вычисленіямъ Фрира, торговля невольниками въ Африкѣ ежегодно поглощаетъ до одного милліона населенія, а Ливингстонъ утверждаетъ, что обыкновенно едва одинъ рабъ изъ пяти достигаетъ назначенія, а иногда — одинъ изъ девяти. Причемъ онъ еще не бралъ въ расчетъ смертности мальчиковъ, зависящей отъ извѣстной операціи,

¹⁾ *Compte rendu aux Chambres du Parlement anglais, 1873.*

проходящей благополучно лишь для одного изъ трехъ ¹⁾. Хедивъ Измаиль, который повидимому отъ души желалъ прекращенія торговли людьми, ничего не достигъ своимъ декретомъ о преслѣдованіи работорговцевъ и конфискаціи ихъ партій; даже отправленная имъ съ этой цѣлью военная экспедиція подъ начальствомъ сэра Самуэля Бекера не имѣла никакого успѣха. Невольничество и цивилизація сжились въ Египтѣ и идутъ бокъ-о-бокъ. Рабы служатъ несомнѣнно предметомъ роскоши; а развитіе цивилизаціи и торговли на берегахъ Нила увеличило число богатыхъ людей, имѣющихъ достаточно средствъ, чтобы покупать и кормить рабовъ. Публично-ли, тайно-ли, но торгъ людьми не прекратится до тѣхъ поръ, пока въ гаремахъ не уничтожится обычай охранять спокойствіе ревнивыхъ господъ многочисленными привратниками, и для удовлетворенія капризовъ праздныхъ, скучающихъ женъ — держать толпу разноцвѣтныхъ служанокъ, которыя набираются исключительно изъ привозныхъ невольницъ, такъ какъ египетская дѣвушка съ трудомъ соглашается идти служить въ гаремъ.

Таково, по словамъ I. Купера, положеніе невольническаго вопроса въ Египтѣ. Его нельзя разрѣшить, говорить онъ далѣе, не начавъ съ преобразованія нравовъ, въ чемъ примѣръ долженъ быть поданъ сверху. Только личнымъ примѣромъ и вліяніемъ лицъ, стоящихъ

¹⁾ V. Berlioux. *La traite orientale. Histoire des chasses à l'homme organisées en Afrique depuis quinze ans pour les marchés de l'Orient*, I vol., Paris, 1870. — Joseph Cooper. *Un continent perdu ou l'esclavage et la traite en Afrique*, traduct. française avec une préface de M. Ed. Laboulaye, Paris, 1876, Hachette.

во главѣ правленія, можетъ прекратиться гаремная жизнь съ ея интимнымъ и тайнымъ рабствомъ; и тогда не трудно будетъ уничтожить декретомъ рабство земледѣльческое, не исключая, разумѣется, изъ общаго правила и владѣній хедива.

Экспедиція противъ торговцевъ неграми въ Суданъ, надѣлавшая въ свое время столько шума, имѣвшая конечно благоую цѣль и стоившая большихъ денегъ египетскому правительству, въ сущности была не болѣе какъ набѣгъ цивилизованныхъ дикарей на нецивилизованныхъ: перебили нѣсколько сотъ человекъ, уничтожили нѣсколько складовъ невольниковъ, которые по удаденіи войскъ немедленно были возстановлены и пополнены, — тѣмъ дѣло и кончилось. Что эта экспедиція не привела ни къ какимъ результатамъ, доказываютъ эти медленно плывущія внизъ по теченію барки, на палубахъ которыхъ иногда виднѣются черныя тѣла съ отливами и мускулатурой античной бронзы и раздаются унылыя пѣсни на невѣдомомъ языкѣ.

Весь первый день я провелъ на палубѣ въ полномъ спокойствіи и одиночествѣ. Всѣ мои спутники и спутницы были заняты службой обѣденъ и вечеренъ. Дѣло въ томъ, что на нашемъ пароходѣ оказалось двѣ секты англичанъ: одни — обыкновенные реформаты, другіе — диссиденты, и поэтому у насъ было двѣ обѣдни и двѣ вечерни, причемъ когда молились реформаты, то диссиденты, чтобы не обидѣть ихъ, присутствовали на ихъ службѣ и, наоборотъ, когда служили диссиденты, то реформаты, тоже изъ любезности къ нимъ, молились вмѣстѣ. Въ результатѣ вышло, что весь день вся компанія провела въ столовой. До меня наверхъ доноси-

лись аккорды разбитого пианино и пѣніе набожныхъ сыновъ Альбіона; а между тѣмъ на палубѣ было такъ хорошо: солнце свѣтило такъ привѣтливо и горячо, воздухъ былъ такъ чистъ и пахучъ, кругомъ простирался такой просторъ и приволье, что думать о чемъ-либо или отправлять какія-нибудь обязанности, право, было грѣшно. Дышешь, смотришь — и этого ужъ довольно.

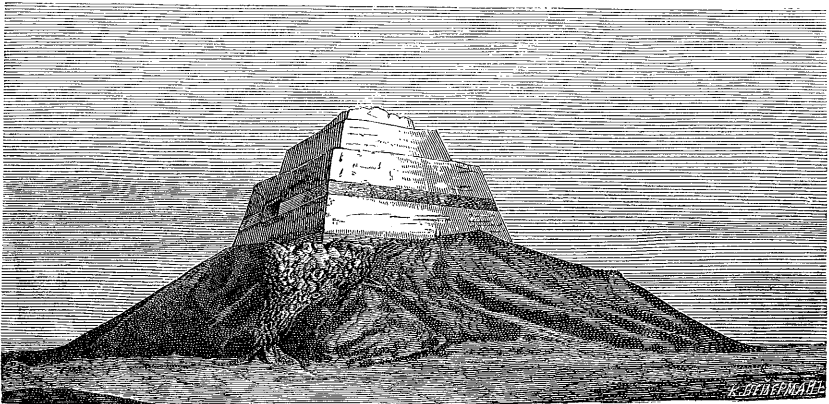
Умѣнью располагать свободнымъ временемъ надо учиться у восточныхъ народовъ. Смотрите, на примѣръ, какъ наши матросы проводятъ долгіе дни плаванія по Нилу, когда нѣтъ остановокъ и слѣдовательно никакого для нихъ дѣла. Они всѣ лежатъ или сидятъ, поджавши ноги, каждый на своемъ коврикѣ или циновкѣ, не мѣняя положенія по нѣсколько часовъ сряду. Бездѣйствіе ихъ не тяготитъ, какъ насъ, жителей Сѣвера и Запада; въ нѣмомъ созерцаніи они находятъ неисчерпаемыя прелести и удовольствія; ихъ взоръ утопаетъ въ лазуревой глубинѣ безоблачнаго неба, а полуоткрытый ротъ замираетъ, какъ очарованный.

Передъ здѣшной природой я понимаю этотъ экстазь. Картина Египта не имѣетъ ничего особеннаго въ себѣ, ничѣмъ не поражаетъ воображенія. Нѣтъ въ ней ни высокихъ снѣжныхъ вершинъ „какъ грань алмаза“, ни бурныхъ потоковъ, ни дѣвственныхъ лѣсовъ, а между тѣмъ не оторвешься отъ нея, не налюбишься ею. Прелестная въ своемъ однообразіи, она развертывается, словно длинный свитокъ, по мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся впередъ. Тотъ-же Ниль, спокойный, величавый, широкій, струясь течетъ намъ навстрѣчу, вблизи — грязно-бурый, вдали — отражающій голубое небо и берега,

иногда населенные, большею частью пустынные, заросшіе свѣжими всходами хлѣбовъ или пальмами и хлопчатникомъ.

Мои первые дни на Нилѣ я провелъ въ какомъ-то упоеніи, въ какомъ-то восторгѣ, охватившемъ все мое существо вмѣстѣ съ запахомъ египетскихъ полей. Отрванный отъ суеты мірской съ ея обязанностями и заботами, объятый просторомъ неба и просторомъ рѣки, вольный какъ птица, — я жилъ эти дни всею полнотою жизни въ обаяніи молодости и свободы. Я не могу передать то ощущеніе блаженства, какое я испытывалъ всякій разъ, когда мы отваливали отъ берега съ пѣніемъ арабовъ, тянувшихъ врѣзавшійся носомъ въ песокъ паруходъ: *Бисмъ иллахъ эр-рахманъ эр-рахимъ* (во имя Бога благаго и милосердаго), и выходили на средину рѣки, оставляя за собой города и села и зная, что съ каждымъ днемъ все дальше уходимъ отъ цивилизованной Европы. Что за блаженство и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какое полное торжество эгоизма, какое полное равнодушіе и презрѣніе ко всему міру! Это ощущеніе независимости, интересъ, который порождалъ во мнѣ видъ новыхъ мѣстъ, любознательность, которая напрягала всѣ способности моего ума, — все это опьяняло меня и поддерживало возбужденность, которая отозвалась въ моихъ тогдашнихъ письмахъ и замѣткахъ. Я отдался всѣмъ существомъ этой новой для меня природѣ, а все остальное отошло куда-то далеко, потерявъ для меня всякое значеніе. Политическія извѣстія, послѣднія событія въ Европѣ, про которыя я еще два дня тому назадъ съ жадностью читалъ въ газетахъ... какое мнѣ было до всего этого дѣло? Я любовался, созерцалъ — вотъ и все.

Одно то, что я путешествую, было для меня уже наслаждениѣмъ. Шатобрианъ рассказываетъ, что онъ видѣлъ въ Каирѣ нѣсколько французскихъ солдатъ, оставшихся въ Египтѣ послѣ ухода наполеоновской арміи. „Одинъ изъ нихъ, — говоритъ онъ, — худой и блѣдный молодой человѣкъ, передавалъ мнѣ, что когда ему случилось бывать одному на дромадерѣ среди пустыни, то имъ овладѣвали такіе сумасшедшіе порывы радости, что онъ не могъ съ ними справиться“. Этотъ портретъ

Фальшивая пирамида.

могъ бы быть моимъ. У меня всѣ вкусы номада; по крайней мѣрѣ всякій разъ, когда мнѣ случалось жить въ палаткѣ, спать на землѣ и подъ открытымъ небомъ или идти впередъ къ неизвѣстной цѣли, какъ *хаджи*, въ поискахъ идеальной Мекки, — всякій разъ я ощущалъ себя на верху блаженства, — чувство, происходящее можетъ быть отъ бессознательнаго счастья возвращенія къ жизни предковъ.

Весь этотъ день на горизонтѣ была видна Фальшивая

пирамида, какъ называютъ ее арабы (*Харамъ-эль-Кеддабъ*). Эта странныхъ формъ постройка какъ-будто преслѣдовала насъ. Издали она кажется построенною на вершинѣ холма, который въ сущности — ничто иное, какъ обсыпавшаяся ея облицовка, образовавшая кругомъ ея основанія громадныя груды мусора. Арабы думаютъ, что для постройки этой пирамиды воспользовались скалой, которой придали пирамидальную форму, обложивъ ее слоемъ тесаного камня, — предположеніе, за вѣрность котораго Мариеттъ не ручается, такъ какъ пирамида эта не была открыта, почему мы и не останавливались, чтобы осматривать ее.

На параллели этой пирамиды, верстахъ въ двадцати пяти отъ Нила, за границею песковъ, находится долина *Эль-Фаумъ*, знаменитая въ древности своими виноградниками, озеромъ *Мерисъ* и Лабиринтомъ. Въ настоящее время въ Египтѣ больше не воздѣлываютъ винограда, но во времена римскаго владычества его повидимому здѣсь было много; вина *Мерисъ*, *Мендесъ* и *Мареотисъ* были въ славѣ. Геродотъ утверждаетъ, что въ его время не было винограда въ Египтѣ; между тѣмъ нельзя сомнѣваться, что употребленіе вина было извѣстно въ странѣ фараоновъ задолго еще до пріѣзда греческаго историка. Въ бытовыхъ картинахъ, украшающихъ стѣны могилъ въ Саккара, можно видѣть изображенія египтянъ, занятыхъ сбираниемъ винограда и приготовленіемъ вина; въ Бени-Хассанѣ на стѣнѣ одной пещеры нарисовано, какъ слуги несутъ домой своихъ мертвopьяныхъ господъ; а въ Булакскомъ музеѣ хранится папирусъ, въ которомъ писецъ (*scriba*) *Ани* излагаетъ свои нравственные идеалы въ назиданіе своему сыну *Кхонсъ*.

хотнѣ и между прочимъ говорить, что напиваться до-
пьяна — очень нехорошо. „Отъ пьянства ты падаешь на
землю, — пишетъ *Ани*, члены — твои отказываются служить
тебѣ, никто глядѣть на тебя не хочетъ. Твои товарищи,
вставъ изъ-за стола, скажутъ тебѣ: „уйди отсюда, на-
пившійся человѣкъ!“ Къ тебѣ придутъ по дѣлу, а ты
лежишь на землѣ, подобно ребенку“¹⁾.

Здѣсь-же находился знаменитый Лабиринтъ, какъ
называли это сооруженіе греки, исковеркавъ египет-
ское слово *лоне-ро-хунтэ*, т. т. „храмъ или дворецъ
при устьѣ озера“, построенный, по словамъ Манетона,
на берегу озера Мѣрисъ фараономъ XII династіи *Амонъ-
эмъ-хатэ III*²⁾. Это загадочное сооруженіе привлекало
къ себѣ вниманіе греческихъ путешественниковъ почти
въ такой же степени, какъ и сами пирамиды. Геро-
дотъ ставитъ его даже выше послѣднихъ и описываетъ
его, какъ „зданіе, состоящее изъ двѣнадцати крытыхъ
дворовъ съ воротами, расположенными однѣ противъ
другихъ, шесть на сѣверъ и шесть на югъ, обнесенное
общей стѣной и окруженное тремя тысячами комнатъ,
изъ коихъ половина находится на поверхности земли,
половина — подъ землей“. Онъ говоритъ, что видѣлъ
только первыя, въ подземныя же его не пустили, такъ
какъ тамъ — сказали ему — находятся гробницы фара-
оновъ, строителей Лабиринта, и муміи священныхъ
крокодиловъ. „Выходы изъ комнатъ и различные пово-
роты, — говоритъ онъ далѣе, — по которымъ я слѣдовалъ,

¹⁾ Папирусъ этотъ переведенъ г. Шаба и напечатанъ въ его сборникѣ,
называющемся *L'Egyptologie*.

²⁾ См. Lenormand, *Histoire ancienne de l'Orient*, t. III, p. 338.

проходя изъ дворовъ въ комнаты, изъ комнатъ въ залы, изъ залъ въ другія комнаты, а отсюда снова во дворъ, сильно удивляли меня. Крыша вездѣ каменная, какъ и стѣны, которыя большею частью украшены скульптурой. При входѣ въ каждый дворъ выстроены перистиль изъ бѣлаго камня, прекрасно обтесаннаго. Въ концѣ Лабиринта стоитъ пирамида въ сорокъ оргій (400 футовъ) вышины, украшенная большими фигурами; входъ въ нее — подземный“¹⁾. Страбонъ, также видѣвшій лично Лабиринтъ, даетъ его описаніе, весьма схожее въ общихъ чертахъ съ Городотовымъ, но сильно расходящееся съ послѣднимъ относительно частей и плана постройки²⁾.

Съ тѣхъ поръ прошло много времени; храмъ или дворецъ фараона совсѣмъ затерялся подъ наносною почвою; его слава получила мифическую окраску, а имя— нарицательное значеніе, когда двадцать три вѣка спустя послѣ Геродота, 25 июня 1843 года, докторъ Лепсіусъ открылъ его развалины, представляющія грандіозныя массы щебня и мусора, среди котораго можно видѣть мѣстами обломки колоннъ изъ гранита или изъ бѣлаго и гладкаго, какъ мраморъ, известняка. Всѣ стѣны зданія были выстроены изъ необожженнаго кирпича, изъ камня же была лишь облицовка, колонны и крыша. На нѣкоторыхъ изъ этихъ камней ученый египтологъ нашель имя Амонъ-эмъ-хатъ III, основателя Лабиринта³⁾. Въ ихъ настоящемъ видѣ эти развалины одного изъ семи

¹⁾ Геродотъ, II, 148.

²⁾ Страбонъ, XVII, 37. См. также Діодора I, 61.

³⁾ Lepsius, *Denkmaeler*, t. I, pl. 46, 47, 48. *Briefe aus Aegypten*, p. 65—74.

чудесь античнаго міра представляютъ мало интереса, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ еще раскопки не привели ученыхъ ни къ какому опредѣленному выводу относительно его плана, размѣровъ и дѣйствительнаго назначенія ¹⁾).

День клонился къ вечеру. Съ берега до насъ доносился протяжный свистъ одной изъ сахарныхъ фабрикъ, возникшихъ на берегу Нила со времени Мехмета-Али. Вся компанія туристовъ высыпала на палубу и размѣстилась поудобнѣе по кресламъ и диванамъ, находясь въ пріятномъ послѣобѣденномъ настроеніи духа. Въ одномъ углу шель горячій споръ между двумя французами: Вы поймите, говорилъ одинъ, имѣю я право спать или нѣтъ?—А если я вамъ мѣшаю, то спросите капитана, чтобы онъ далъ вамъ другую каюту.—Вѣдь вы знаете, что всѣ каюты заняты,—возразилъ тотъ, которому не давали спать. Уразумѣвъ, о чемъ шла рѣчь, я лишній разъ поблагодарилъ судьбу, что путешествую одинъ. Компаньонъ въ путешествіи — я пришелъ къ такому заключенію—чистѣйшій *préjugé*. Единственный возможный компаньонъ, мнѣ кажется, это—жена; тотъ, кто женатъ, пусть ѣдетъ съ женой; кто жены не имѣетъ, долженъ ѣхать одинъ, во-первыхъ уже потому, что если станешь передъ отъѣздомъ искать какого-нибудь пріятеля или хотя бы знакомаго, который по-

¹⁾ Страбонъ думаетъ, что въ Лабиринтѣ собирались начальники двадцати семи номовъ и творили въ немъ религіозныя таинства въ опредѣленное для этого время года. Каждый изъ нихъ помѣщался съ своимъ персоналомъ священнослужителей въ своемъ отдѣльномъ дворцѣ, соответствовавшемъ его ному.

Г. Lepoint не придаетъ никакого значенія этому мнѣнію, тѣмъ болѣе что и самое раздѣленіе Египта на двадцать семь номовъ не подтверждается никакими историческими данными.

ѣхаль бы именно въ тѣ мѣста, куда самъ хочешь ѣхать, то никогда не уѣдешь. Найти кого-нибудь, кто былъ бы въ одинаковомъ положеніи относительно времени и денежныхъ средствъ,—это уже почти такъ же трудно, какъ достичь сѣвернаго полюса. Про неудобства, происходящія отъ несходства вкусовъ и характера, я ужъ и не говорю. Искусившись въ жизни туриста, я весьма ясно представляю себѣ различные типы спутниковъ и различныя ихъ качества, способныя отравить вамъ всякое путешествіе.

Есть ревностный, который лазить на всѣ колокольни и на всѣ горы, который считаетъ кирпичи дворцовъ и деревья парковъ, который отмѣчаетъ имена улицъ въ своей записной книжкѣ и открываетъ новые виды. Этотъ разбудить васъ въ четыре часа утра, потащить по рѣдкостямъ по проливному дождю или по палящему солнцу и разругаетъ васъ, если вы не будете восторгаться передъ какимъ-нибудь старымъ камнемъ. Есть специалистъ, интересующійся однѣми лишь картинами или надписями, или еще не знаю чѣмъ, и недопускающій, чтобы васъ могло интересовать что-нибудь другое. Въ Неаполѣ я жилъ съ однимъ, который пріѣхаль туда исключительно для изученія рыбъ и каждый день за *table d'hôte* омъ мучилъ меня своими разсужденіями объ устройствѣ плавательныхъ перьевъ у той или иной породы. Есть индифферентъ, путешествующій для перемѣны воздуха,жимающій плечами передъ Монъ-Бланомъ и увѣряющій, что видъ на Малую Никитскую интереснѣе, чѣмъ на аѳинскій Акрополь. Есть, наконецъ, литераторъ, какъ ѣдущій теперь съ нами племянникъ Ж. Занда, записывающій свои дневныя впечатлѣнія,

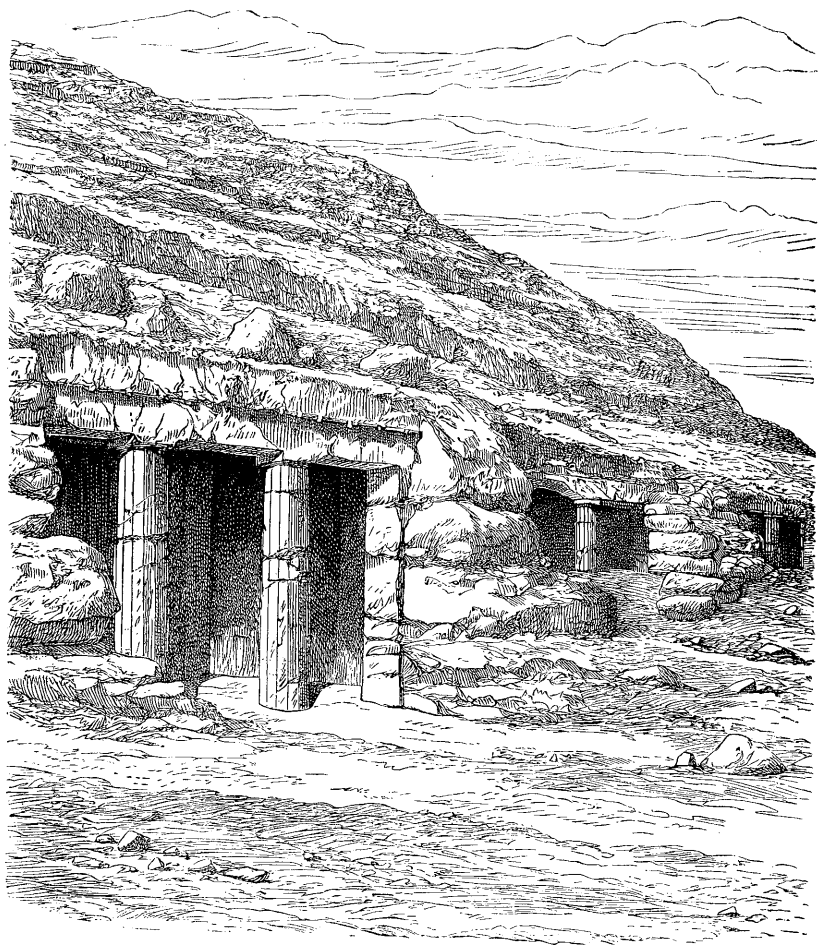
сидя въ своей кровати, и не дающій спать своему другу. И вотъ, принявъ въ соображеніе всѣ возможные случаи неудачной ассоціаціи съ одной стороны, а съ другою — неминуемое стѣсненіе отъ жизни бокъ-о-бокъ въ одной каютѣ, я радовался моему одиночеству, тѣмъ болѣе, что во время путешествія никогда абсолютно одинокимъ не остаешься; всегда и очень скоро заводятся знакомые и иногда пріятели, съ которыми подь-конецъ даже бываетъ грустно разставаться. На нашемъ пароходѣ было много весьма пріятныхъ джентльменовъ, какъ насъ назвалъ вообще мистеръ Кукъ. Громадное большинство составляли англичане и американцы, причѣмъ половина изъ нихъ были клерджимены. Не знаю, представляетъ-ли такой процентъ духовенства на берегахъ Нила общее правило или случайность; только съ нами было человѣкъ пятнадцать, если не больше, англійскихъ и американскихъ священниковъ, — званіе, о которомъ я узналъ только позже, такъ какъ первое время я никакъ не предполагалъ, чтобы эти весельчаки, пьющіе съ такимъ воодушевленіемъ шампанское за обѣдомъ и жженку вечеромъ на палубѣ, принадлежали къ духовному званію. Одинъ изъ нихъ въ особенности показался мнѣ интереснымъ человѣкомъ; онъ сидѣлъ за обѣдомъ рядомъ со мной, и черезъ нѣсколько дней плаванія я уже зналъ всю его исторію, хотя, долженъ сознаться, я нѣсколько разъ недовѣрчиво глядѣлъ на моего собесѣдника во время его разказовъ. Дѣло въ томъ, что судьба не въ примѣръ игривѣе играла съ этимъ англичаниномъ, чѣмъ съ Сучкомъ, и всѣ перемѣны образа жизни и занятій льговскаго рыболова кажутся мескиными въ сравненіи съ тѣми, какія испыталъ на своемъ

вѣку мой сосѣдъ. Чѣмъ только онъ не былъ, чего только онъ не дѣлалъ! Судьба какъ бы на зло или въ насмѣшку ставила его, своего избранника, въ такія неожиданно разнообразныя положенія, что, слушая его, и смѣшно становилось, и жалко, и досадно: вѣдь и самъ такая же щепка въ волнахъ житейскаго моря.

На слѣдующій день около полудня мы проходили мимо *Жебель-эль-Теиръ* (гора птицъ), близко подступившей къ Нилу и спускающейся въ него отвѣсными скалами. На самомъ верху одной изъ скалъ пріютился коптскій монастырь *Дейръ-эль-Бакара*. Бакара значитъ блокъ; такое имя дано этому монастырю потому, что обитатели его не иначе могли достигнуть его, какъ будучи поднятыми въ корзинкѣ по веревкѣ, перекинутой черезъ блокъ. Въ настоящее время монастырь этотъ, кажется, заброшенъ; прежде же, лѣтъ десять тому назадъ, ни одна дахабія, ни одна барка не проходила мимо, не отдавъ извѣстной дани его монахамъ. Эти отшельники проводили все свое время въ наблюденіи за проѣзжающими по Нилу и, бывало, едва только замѣтятъ приближающееся судно, бросались въ воду съ криками „бакшишъ!“—плыли за проходящей баркой, провожая ее до тѣхъ поръ, пока имъ не кидали нѣсколько монетъ, которыя они ловили съ необыкновенною ловкостью.

За этой горой, нарушившей на нѣкоторое время однообразіе береговъ, Ниль снова принимаетъ свой прежній видъ; со стороны Аравіи его долина уже и окаймлена довольно высокими холмами, а съ запада она простирается на нѣсколько верстъ и только на горизонтѣ виднѣются плоскія возвышенности, составляющія

границу песка. Къ вечеру втораго дня мы были въ виду Бени-Хассана, знаменитаго своими пещерами,

Бени-Хассанскія пещеры.

находящимися на правомъ берегу Нила и вырытыми въ отрогахъ Аравійской цѣпи.

Для египтологовъ эти пещеры важны тѣмъ, что

онѣ представляютъ собой одинъ изъ рѣдкихъ памятниковъ, доказывающихъ процвѣтаніе Египта во время двѣнадцатой династіи; дилематитовъ онѣ интересуютъ оригинальными рисунками, покрывающими ихъ стѣны; а для остальныхъ, какъ и для всѣхъ вообще, у нихъ есть еще пріятная особенность: это — обширный видъ на долину Нила, который въ этомъ мѣстѣ чрезвычайно широкъ и весьма красиво изгибается.

Всѣ стѣны этихъ пещеръ покрыты изображеніями разнообразнѣйшихъ сценъ и предметовъ, въ особенности хорошо сохранившимися въ могилахъ-пещерахъ *Амени-Аменемхи* и *Нумъ-хотепа*, несмотря на то, что сооруженіе ихъ относится къ началу XII династіи, т. е. къ тринадцатому столѣтію до Р. Х. Шамполліонъ провелъ двѣ недѣли въ этихъ пещерахъ и срисовалъ большинство фресокъ, украшающихъ ихъ стѣны. Одна изъ стѣнъ, не помню какой могилы, вся посвящена между прочимъ изображенію различныхъ гимнастическихъ упражненій, фокусовъ и игръ, бывшихъ въ ходу у современниковъ Узортазена. Тутъ есть и чехарда, и игра въ мячъ, и даже крокетъ, изобрѣтателями котораго считаютъ себя англичане. Рѣшительно — ничто не ново на землѣ!

Въ пещерѣ Нумъ-хотепа одна изъ стѣнъ (сѣверная) покрыта фрескою, представляющею большой историческій интересъ. Къ несчастію, время, а еще больше туристы, подверженные пагубной страсти увѣковѣчивать свое имя, сильно попортили ее. На этой картинѣ изображенъ Нумъ-хотепа, губернаторъ нома *Сахъ*, и передъ нимъ толпа людей, рѣзко отличающихся строе-ніемъ тѣла и цвѣтомъ кожи отъ египтянъ: у нихъ орли-

ные носы и черныя бороды клинышкомъ; за ними идутъ ихъ жены, дѣти и стада оловъ, антилопъ и овецъ. Одни изъ нихъ вооружены стрѣлами, пиками, кистенями; другіе несутъ лиры и различные предметы домашняго употребленія. Надпись, окружающая картину, объясняетъ ея смыслъ. Эти люди—*Аму*, пришедшіе къ Нумъ-хотепу и, въ знакъ покорности, принесшіе ему драгоцѣнное благовоніе *Нестъ-эмъ*. Это — самый древній примѣръ иммиграціи въ Египетъ азіатскихъ племенъ, которыя позднѣе играли такую видную роль въ его судьбахъ. Эти смуглолицыя Аму (Аму значитъ пастухъ) представляютъ передовой отрядъ восточныхъ ордъ, которыхъ во всѣ времена соблазняло и влекло къ себѣ баснословное плодородіе и богатство Египта. Шамполіонъ принялъ ихъ за малоазіатскихъ грековъ во первыхъ вслѣдствіе лиръ, которыя они несутъ въ рукахъ, а во вторыхъ вслѣдствіе формы плащей и сандалій, похожихъ на тѣ, какіе можно видѣть на греческихъ вазахъ древнѣйшаго стиля. Но какъ еще далеко до грековъ отъ этихъ картинъ, отстоящихъ отъ начала нашей эры на тридцать вѣковъ!

Рядомъ находящаяся пещера принадлежитъ губернатору Амени-Аменемхѣ. Въ длинной надписи онъ рассказываетъ всю свою жизнь: какъ онъ былъ главнокомандующимъ надъ пѣшими войсками своего повелителя, какъ онъ ходилъ походомъ въ Эѳіопію съ сыномъ Узоргазена. Затѣмъ онъ съ большою наивностью хвастаетъ своими административными мѣропріятіями, когда онъ былъ губернаторомъ: „При мнѣ, говоритъ онъ, всѣ земли были засѣваемы отъ юга до сѣвера. Ничего не было украдено во время моего правленія. Ни одного

ребенка, ни одной вловы не обидѣлъ я и не оставилъ безъ помощи. Я одинаково былъ доступенъ и щедръ какъ для замужнихъ, такъ и для вдовъ и сиротъ, и никогда не давалъ предпочтенія сильнымъ передъ слабыми въ моихъ сужденіяхъ.“ Достойный примѣръ для подражанія!

Всѣ писавшіе про Египетъ писали и про Бени-Хассанскія колонны; многіе называли и называютъ ихъ прототипомъ дорической колонны. На первый взглядъ дѣйствительно много общаго между этими колоннами и колоннами дорического ордена. Но когда посмотришь ближе, какая разница! Какъ далеко превосшли подражатели своихъ учителей!

Колонна Бени-Хассанскихъ пещеръ имѣетъ видъ безжизненной подпорки, подобной деревянному столбу, съ доской наверху вмѣсто всякой капители; и такъ какъ утоненіе стержня едва замѣтно, а периметръ верхней доски едва выдѣляется надъ самой колонной, то въ результатъ получается неуклюжесть и какая-то застѣнчивость формъ — качества, совершенно противоположныя тѣмъ, представителемъ коихъ служитъ дорическій орденъ. Кроме того, эти колонны стоятъ на кругломъ, плоскомъ и неимѣющемъ никакого *raison d'être* базисѣ. Какая разница — дорическая колонна, начиная съ пестумской и кончая колонной храма Тезея и Пареемона!

Начать съ того, что она безъ базиса и поэтому кажется поставленною прямо на землю и непоколебимой. Утоненіе стержня идетъ гораздо рѣзче, т. е. діаметръ колонны у основанія приблизительно на одну треть больше діаметра ея вершины. Такая разница обуслови-

ваесть, во-первыхъ, устойчивость колонны, а во-вторыхъ придаетъ ей выраженіе силы и гордости. Но главное нововведеніе греческихъ зодчихъ касалось капители, гдѣ они помѣстили эхинъ, какъ переходный членъ между абакой и колонной. Эхинъ изображаетъ собой упругое тѣло, сдавленное тяжестью покоящейся на немъ постройки, насколько дозволила его эластичность. Это упругое тѣло, образъ сопротивленія живаго мускула, оживотворяетъ все зданіе, внося съ собой въ соотношеніе его различныхъ частей живую ноту, составляющую вмѣстѣ съ игрой полныхъ и пустыхъ пространствъ сущность зодчества. Что эхинъ есть образъ упругаго и даже живаго тѣла—намъ указываетъ еще то, что на іонической колоннѣ онъ замѣненъ закругленнымъ завиткомъ какъ-бы мягкаго тѣла, помѣщеннаго для ослабленія рѣзкаго соприкосновенія архитрава съ колонной. Такимъ образомъ, то переходное звено, которое въ мужественномъ дорическомъ орденѣ олицетворяетъ силу упругаго мускула, превращается въ женственномъ іоническомъ въ намекъ на нѣжность и мягкость формъ, присущую храму граціознаго божества. И если греки не были изобрѣтателями, то они были богаты даромъ усовершенствованія; вслѣдствіе чего они и были художниками по преимуществу: вѣдь изобрѣтательность есть дочь нужды; между тѣмъ какъ усовершенствованіе можетъ быть лишь чадомъ искусства.

Въ этотъ же день мы проходили мимо деревни Шейхъ-Абадѣ, пріютившейся вокругъ разбросанныхъ обломковъ города, построеннаго Адрианомъ на мѣстѣ древней Безы въ память Антиноя, добровольно утопившагося въ Нилѣ и тѣмъ исполнившаго велѣнія ора-

кула, поставившаго условіемъ благополучія императора гибель того, что было для него наиболѣе дорогаго.

Мы не сходили съ парохода, а въ бинокль нельзя было ничего разглядѣть, что могло бы служить намекомъ на бывшее великолѣпіе римскаго города. Издали деревня Шейхъ-Абадэ ничѣмъ не отличается отъ другихъ феллахскихъ деревень, — тѣ-же мазанки изъ пла, тѣснящіяся въ безпорядкѣ и пальпленные одна на другую, тѣ-же ридинусы, растущіе кругомъ, и гладкія поля, покрытыя молодыми ярко-зелеными всходами. А

Медаль Антиноя.

между тѣмъ, не болѣе какъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ здѣсь стояло три римскихъ храма, прекрасно сохранившихся, портикъ и триумфальная арка, такая высокая, что пальмы едва касались своими кудрявыми верхушками ея карниза, а изъ-подъ наносной почвы виднѣлся цѣликомъ весь городъ; но въ одинъ несчастный день Ибрагиму-пашѣ пришла идея построить на другомъ берегу рѣки сахарный заводъ; его хищническія руки разобрали по камешку римскіе памятники и возамѣнъ ихъ взвели четырехэтажную казарму съ паровыми машинами и трубами, успѣвшую уже придти въ

ветхость и давно стоящую безъ дѣла, какъ живой укоръ капризу причудливаго властелина.

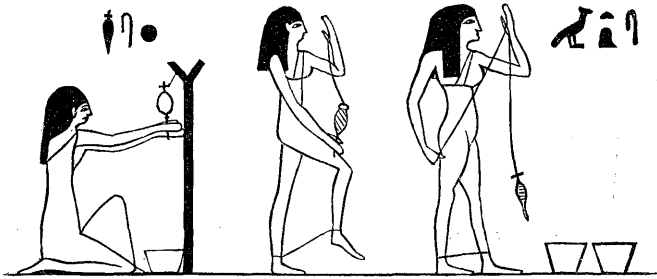
Maxime du Camp въ своемъ путешествіи по Нилу рассказываетъ, что ему передавали арабы, будто крокодилы никогда не спускаются по священной рѣкѣ ниже Шейхъ-Абадѣ и вотъ почему:

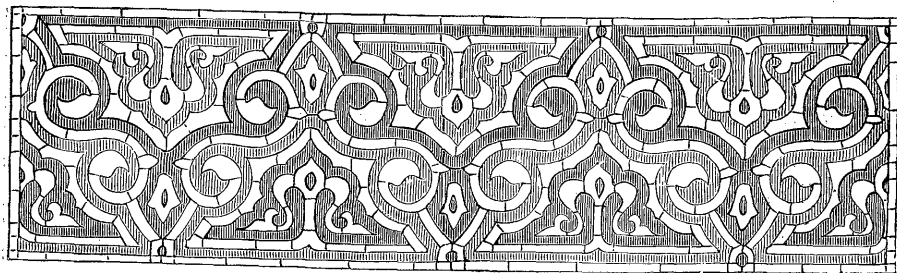
Когда-то среди развалинъ Антиноэ жилъ святой человѣкъ. Преклонныя лѣта лишили его зрѣнія и сгорбили его тѣло; онъ былъ такъ слабъ, что съ трудомъ могъ совершать ежедневныя омовенія, предписанныя закономъ. Молился же онъ цѣлый день, отъ зари до зари. Въмѣсто всякой прислуги у него былъ лишь одинъ осель, который каждое утро ходилъ на рѣку за водой; онъ спускался съ берега, неся во рту два ведра, прицѣпленные къ коромыслу, наполнялъ ихъ водой и осторожно возвращался къ хижинѣ, гдѣ жилъ благочестивый анахоретъ. Уже два года какъ онъ служилъ ему и ни разу не оставилъ своего хозяина безъ воды. Разъ какъ-то было очень жарко, мухи сильно беспокоили его, онъ меланхолично посмотрѣлъ на рѣку и подумалъ, что весьма было бы недурно, еслибы онъ могъ окунуться въ ласково плескавшія волны; нечистый духъ соблазнилъ его, нашептывая въ его длинныя уши. Проведши всю жизнь свою въ уединеніи и потому невинный въ своихъ помыслахъ, бѣдный осель не съумѣлъ устоять передъ искушеніемъ; онъ поставилъ на песокъ свои ведра, окунулся въ Нилъ и заржалъ отъ удовольствія. Плывшій мимо крокодилъ схватилъ его и проглотилъ въ два глотка.

Между тѣмъ отшельникъ ждалъ возвращенія своего вѣрнаго слуги; онъ прождалъ до вечера, про-

ждалъ всю ночь; черныя мысли и невеселыя предчувствія грызли его сердце; на утро онъ собралъ остатокъ силъ, добрался кое-какъ до берега Нила и, найдя тамъ свои ведра и коромысло, догадался, что его осель сдѣлался добычею крокодила. Онъ поднялъ тогда руки къ небу, воззвалъ къ Богу и пророку и проклялъ крокодиловъ. Съ тѣхъ поръ ни одинъ изъ нихъ не спускался по Нилу до Антиноэ, гдѣ жилъ святой отшельникъ.

Нашъ драгоманъ и матросы на пароходѣ ничего не знаютъ про эту легенду, да и про крокодиловъ на Нижнемъ Нилѣ давно забыли думать: они сдѣлались здѣсь величайшею рѣдкостью. Даже за первыми порогами, между Ассуаномъ и Уади-Альфа, съ тѣхъ поръ какъ тамъ стали ходить пароходы Кука, ихъ больше не встрѣчаютъ.

ГЛАВА XV

Изъ Деръ-Абу-Хонса, гдѣ мы провели послѣднюю ночь, мы вышли сегодня чѣмъ-свѣтъ. Несмотря на противное теченіе, нашъ пароходъ шелъ быстро, соопутствуемый сѣвернымъ вѣтромъ, который здѣсь со времени Геродота постоянно дуетъ зимой и гонитъ на югъ барки и дахаби, идущія вверхъ по Нилу.

Съ Бени-Хассана картина береговъ приняла другой видъ: ровныхъ и гладкихъ полей уже не видно; ихъ мѣсто заступили горы, подошедшія съ восточнаго берега совсѣмъ вплотъ къ рѣкѣ; во многихъ мѣстахъ Ниль плещетъ о ихъ отвѣсныя склоны, на уступахъ и въ трещинахъ которыхъ ютятся ласточки, а ближе къ водѣ — дикія утки. Мы сейчасъ пройдемъ самое трудное для лоцмановъ мѣсто на Нилѣ; на всемъ протяженіи между Каиромъ и первыми порогами нѣтъ болѣе опаснаго поворота, чѣмъ тотъ, который дѣлаетъ Ниль около

горы Абу-Фода. Дахаби и парусныя суда никогда не рѣшаются идти здѣсь ночью; пароходы же, хотя и не въ такой зависимости отъ теченія и вѣтра, тоже предпочитаютъ переночевать въ Бени-Хассанѣ и уже на другой день утромъ проходятъ опасную быстрину. По крайней мѣрѣ нашъ капитанъ, М-г Alexandre, говорить, что онъ даже вечеромъ ни за какія деньги не рѣшится идти мимо этой „обители нечистыхъ духовъ“, какъ онъ называетъ эту гору, и еслибы даже онъ и рѣшился, то всѣ его матросы и рулевой отказались бы. Одинъ самоувѣренный хозяинъ барки, рассказывалъ онъ, держалъ пари въ Булакѣ обогнуть въ какое угодно время дня и ночи эту гору; онъ утверждалъ, что знаетъ ее, какъ зрачекъ своего глаза. Однако знаніе это, какъ оказалось въ послѣдствіи, не спасло его отъ крушенія и гибели его барки со всѣмъ грузомъ; ее схватили сразу четыре противоположныя теченія вѣтра, бросили ее на скалу и потопили. Разоренный въ-пухъ, онъ живетъ теперь подающимъ, переходитъ изъ одной деревни въ другую и, какъ помѣшанный, то и дѣло повторяетъ: „жебель ¹⁾ Абу-Фода, теперь только я узналъ тебя!“ И эти слова извѣстны всѣмъ матросамъ на Нилѣ.

На южномъ склонѣ горы, недалеко отъ деревушки Маабдэ, находится знаменитая пещера, наполненная муміями крокодиловъ. Она до сихъ поръ не приведена въ порядокъ, входъ въ нее очень затруднителенъ, почему нашу компанію, какъ не состоящую изъ специалистовъ-египтологовъ, и не повезли туда. Или можетъ быть г. Куку, какъ англичанину, неприятно было показывать

¹⁾ Жебель — по-арабски гора.

намъ эту пещеру, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ его соотечественниковъ съ двумя арабами погибли самымъ ужаснымъ образомъ. Они нечаянно уронили свѣчку, освѣщавшую имъ путь среди лабиринта коридоровъ подземелья; огонь сообщился пропитаннымъ смолой лохмотьямъ оболочекъ мумій, которыми усеяны весь полъ коридоровъ, моментально наполнившихся ѣдкимъ дымомъ, въ которомъ и задохлись англичанинъ и его оба спутника ¹⁾).

Пока я читалъ, сидя на палубѣ, описаніе этой пещеры и объясненіе г. Эберса ²⁾), почему въ ней находится такое множество мумій крокодиловъ, намъ объявили приближеніе Сіута, столицы Верхняго Египта, гдѣ мы должны были остановиться, чтобы запастись углемъ. Вскорѣ мы увидали его минареты и пальмы, обрисовывающіеся на яркомъ, пылающемъ фонѣ неба. Сіуть — первый большой городъ на Нилѣ послѣ Каира, такъ какъ встрѣчавшіеся намъ до него Бени-Суэфъ, Рода и Мицѣ немногимъ отличаются отъ обыкновенныхъ араб-

¹⁾ Victor Meignan, посѣтившій эту пещеру черезъ годъ послѣ несчастнаго случая съ англичаниномъ, нашелъ его трупъ и трупы обоихъ арабовъ въ состояніи полнѣйшей сохранности; разложеніе ихъ не коснулось. Это явленіе онъ объясняетъ сухостью воздуха въ пещерѣ, пронитаннаго притомъ сильнымъ запахомъ ароматическихъ веществъ, употреблявшихся древними египтянами для мумификаціи. См. V. Meignan, *Après bien d'autres, souvenirs de la Haute Égypte et de la Nubie*. 1873.

²⁾ Крокодилъ былъ однимъ изъ священныхъ животныхъ у древнихъ египтянъ, какъ кошка, шакаль и др. Онъ былъ посвященъ богу Сету — божеству, которому были обречены песокъ, вѣтры, бури и другіе вредные элементы и проявленія природы. Такъ какъ горы Абу-Фода всегда были какъ-бы средоточіемъ бурныхъ вѣтровъ и непогодъ, то д-ръ Эберсъ думаетъ, что для погребенія животнаго, посвященнаго богу зла, нельзя было выбрать болѣе подходящее мѣсто, чѣмъ это.

скихъ деревень. Сіуть лежитъ въ двухъ или трехъ километрахъ отъ берега Нила, гдѣ расположилось его предмѣстье, замѣняющее ему гавань, какъ Пирей — Аѳинамъ. Широкая дорога, ведущая къ городу и служащая плотиной во время наводненія, высоко поднимается надъ полями пшеницы и сахарнаго тростника. Какіе-то кусты, растущіе вдоль дороги, всѣ въ цвѣту; высоко стоявшее солнце жгло спину и плечи, какъ у насъ въ іюль, и обливало яркимъ свѣтомъ склоны Ливійской цѣпи, у подошвы которой раскинулся Сіуть съ его базарами, мечетями, казармами и бѣлымъ дворцомъ губернатора, окруженнымъ развѣсистыми сикоморами, надъ темною зеленью которыхъ подымаются острые шпили минаретовъ.

Мы, должно быть, попали въ базарный день, потому что всѣ улицы были запружены народомъ, а на площади была такая толпа, что мы лишь съ трудомъ могли протолкаться. Мнѣ показалось, что Сіуть — болѣе чистый и опрятный городъ, чѣмъ Каиръ. Женщины въ особенности показались мнѣ болѣе красивыми и лучше и чище одѣтыми; нѣкоторыя изъ феллахинокъ въ базарахъ подолгу останавливали на себѣ мои глаза; золотисто-бронзовый цвѣтъ ихъ кожи, необыкновенная простота костюма, граціозныя тѣлодвиженія, съ какими онѣ носятъ на плечѣ эти большія глиняныя кружки съ водой, придаютъ имъ видъ античныхъ канефоръ, чистый профиль которыхъ обрисовывается на мраморныхъ барельефахъ, пожелтѣвшихъ отъ времени. Я, помню, долго глядѣлъ на одну молодую дѣвушку, одиноко сидѣвшую на порогѣ сіутскаго хана. Съ босыми ногами и обнаженными руками, съ головой, повязанной чернымъ

платкомъ, одѣтая въ синюю рубаху, подхваченную у талии простой веревкой, худая и гибкая, неподвижно смотрящая своими тихими большими глазами, какіе можно встрѣтить только у южныхъ народовъ, — она была очаровательна въ ея задумчивой, какъ-бы усталой позѣ, и ея силуэтъ надолго врѣзался мнѣ въ память. Ей могло быть лѣтъ пятнадцать; ея овальное лицо съ выдающимися скулами, ея широкія уши, украшенныя большими кольцами въ видѣ серегъ, ея толстыя, твердыя губы и выдающіеся мускулы шеи придавали ей смутное сходство съ тѣми гранитными сфинксами, которые неподвижно лежатъ передъ храмами, устремивъ вдаль свой задумчивый взоръ.

За городомъ простирается обширное кладбище, занимающее пространство въ нѣсколько разъ большее, чѣмъ какое занимаетъ Сіуть. Широкія аллеи акацій, пересѣкающія его во всѣхъ направленіяхъ, превращаютъ его въ прекрасный садъ, служащій мѣстомъ прогулки для горожанъ въ праздничные дни. Всѣ могилы одинаковы и состоятъ изъ низкаго купола, окруженнаго небольшою глиняною оградой, выкрашенной въ бѣлую краску. Я рѣдко когда видалъ болѣе обширное кладбище, чѣмъ здѣсь; насколько хватаетъ глазъ, простирается это поле мертвыхъ на сѣверъ, упираясь въ отрогъ горы и далеко уходя на западъ. Такая обширность его зависитъ отъ того, что Сіуть — сборный пунктъ для каравановъ, идущихъ изъ Дарфура. Сюда они приходятъ истощенные лишениями и трудностями дороги, влача за собой партіи рабовъ, еле передвигающихъ ноги и не поспѣвающихъ за верблюдами. Здѣсь они отбы-

вають также карантинное время, которымъ *джеллабы* (работорговцы) пользуются, чтобы превратить свой товаръ въ годный для службы въ гаремахъ. Узнавъ эти подробности, мнѣ стало понятно, почему такая масса могилъ кругомъ Сіута.

Во время греческаго владычества городъ этотъ назывался Ликополисомъ — городомъ волковъ; здѣсь въ пятомъ вѣкѣ родился александрійскій поэтъ Coluthus, слабый подражатель Гомера, и неоплатоникъ Плотинъ. Отъ греческой эпохи здѣсь не осталось ничего; но отъ египетской сохранилось нѣсколько пещеръ, вырытыхъ въ юго-восточномъ склонѣ горы. Стѣны этихъ пещеръ покрыты іероглифами и изображеніями, относящимися къ военному дѣлу. Въ однообразныхъ картинахъ, представляющихъ длинныя шеренги вооруженныхъ людей, и въ объясняющихъ ихъ текстахъ египтологи замѣтили интересный фактъ, что въ эпоху, когда были вырыты эти могилы (между пятой и девятой династіями), лошадь не была извѣстна въ Египтѣ, гдѣ она появилась лишь со временъ нашествія пастушескихъ ордъ. Позднѣе эти пещеры служили убѣжищами, а также и церквами первымъ христіанамъ, и еще до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на стѣнахъ можно видѣть слѣды ила, которымъ были прикрыты языческія изображенія. Къ христіанскому времени относится также сохранившееся у коптовъ преданіе о какомъ-то чудотворцѣ Іереміи, жившемъ здѣсь къ концу римскаго владычества. Этотъ Іеремія, занимавшійся исключительно воскрешеніемъ мертвыхъ, какъ-то разъ вошелъ въ одну изъ древнихъ египетскихъ могилъ, возвратилъ на нѣкоторое время

жизнь нѣсколькимъ муміямъ и заставилъ ихъ рассказать себѣ исторію ихъ бывшей жизни ¹⁾.

Послѣ осмотра пещеръ намъ предстояло восхожденіе на вершину горы, господствующей надъ всей окружающей мѣстностью. Въ путеводителяхъ Murray, Kook и Isambert значится, что съ этой возвышенности открывается чудный видъ на долину Нила, на пустыню съ другой стороны и на Сіуть, расположенный у подошвы горы. Противъ словъ *splendid view* у Murray'я стоитъ звѣздочка, что означаетъ, что видъ этотъ выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ. Наша компанія, состоявшая почти исключительно изъ настоящихъ англійскихъ туристовъ, само собой разумѣется, не могла пропустить этого восхожденія, хотя съ той высоты, гдѣ мы находились у входа въ пещеры, было видно все ничуть не хуже, чѣмъ съ самой вершины горы.

Эти величественные виды и знаменитые *points de vue* въ наши дни стали повторяться слишкомъ часто. Девятнадцатый вѣкъ рѣшительно злоупотребляетъ красотой природы; всякій мало-мальски красивый видъ отмѣченъ и расписанъ во всѣхъ гидахъ, не пропускающихъ ни одного холма, ни одной колокольни, откуда-бы можно было и было на что посмотреть. А между тѣмъ давно-ли открыли люди, что природа достойна того, чтобы на нее смотрѣли? Давно-ли Montaigne, великій Montaigne, проѣзжая черезъ Schaffouse, думалъ, что говорить про Рейнскій водопадъ такъ, какъ онъ того заслуживаетъ, внося въ свою записную книжку слѣдующую разум-

¹⁾ См. Zoëga, *Catalogus codicum Coptiorum manuscriptorum musaci Borgiani*, 1805, in 8°, p. 370.

ную, но прозаическую фразу: „Le Rhin fait en cet endroit un saut d'environ deux piques de haut, ce qui arrête les bataeux et interrompt le cours de la navigation de la dite rivière“. Исторія впрочемъ передаетъ, что чувство природы, которую въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ скрывали отъ духовныхъ очей заблужденія и предразсудки, проявлялось у Данта и съ особенной силой у Петрарки, который подымался на какую-то гору близъ Авиньона съ исключительной цѣлью наслажденія природой. Это было первое и долгое время единственное такое восхожденіе; но и оно находится подъ серьезнымъ сомнѣніемъ, такъ какъ до сихъ поръ хорошенько еще не выяснено, что дѣлалъ на этой горѣ мечтатель-поэтъ: наслаждался-ли красотами природы или любовнымъ свиданіемъ? Рѣшительный же шагъ въ открытіи природы и въ признаніи за пей неизъяснимой, очаровательной прелести былъ сдѣланъ въ XVIII вѣкѣ J. J. Rousseau и Bernardin de Saint-Pierre'омъ, съ чьей легкой руки стали любоваться восходами и закатами солнца, стали мечтать при лунномъ свѣтѣ и лазить по горамъ и башнямъ, съ которыхъ открываются обширные виды. Но, должно быть, у восточныхъ народовъ чувство природы проснулось раньше, чѣмъ у западныхъ, потому что задолго еще до названныхъ писателей одинъ герой разсказовъ Шехерезады говорилъ своимъ красивымъ, образнымъ языкомъ: „Когда глазъ челоуѣка видѣлъ это небо и звѣзды, онъ можетъ спокойно закрыться, — ничего лучше онъ не увидитъ никогда“.

Часу въ пятомъ вечера мы снялись съ якоря и пошли на ночлегъ въ Абу-тигъ, верстъ двадцать южнѣе Сіута. Послѣ обѣда мы всѣ по обыкновенію собрались на па-

лубѣ и, лѣниво раскинувшись по диванамъ и кресламъ, доживали жаркій день. Въ здѣшнемъ климатѣ сіеста необходима; на сѣверѣ, въ самую жаркую погоду вы легко просидите въ тѣни, не устанете и не приляжете, даже займетесь дѣломъ. Здѣсь же, хотя по термометру жара и не превышаетъ нашей іюльской, а между тѣмъ— должно быть ужь свойство ея такое— какъ ни бодритесь, а тѣло клонится къ дивану, и вы въ отдыхѣ должны почерпнуть освѣженіе организму. Природа тоже клонилась къ покою послѣ знойнаго дня: солнце близилось къ горизонту, наступалъ тотъ моментъ, когда красавица Бенъ-Ана ¹⁾ любила сидѣть на верандѣ своего дворца въ Оивахъ и созерцать, какъ Ра, совершивши свое дневное путешествіе и превратившись въ старца Тумъ, исчезалъ на западѣ за волнистою профилію Ливійскихъ холмовъ и спускался въ таинственное подземное царство, обитаемое блаженными душами отжившихъ на землѣ существъ ²⁾. Въ эти минуты, когда спокойствіе объемлетъ небо и землю, какъ идеаль отрадной, прекрасной, немучительной, подобной солнечному закату смерти, какою хотѣлось бы успокоиться измученному страстями и невзгодами человѣку, душа повергается въ торжественную и безотчетно-сладкую думу и долго остается очарованною картиной этого величественнаго покоя. Картина оковываетъ мысль и чувство; все молчитъ и не колыхнется въ душѣ, какъ вокругъ; только изрѣдка раздастся протяжный крикъ съ идущей на-

¹⁾ Бенъ-Ана — старшая дочь Рамзеса II; см. Эберса *Уарда*.

²⁾ Египтяне сравнивали ходъ солнца съ жизнью человѣка. *Хорусъ* или солнце встаетъ ребенкомъ, растетъ, превращается въ побѣдоноснаго *Ра*, блистающаго лучами своей славы, и при закатѣ становится старцемъ *Тумъ*.

встрѣчу барки, которая со своимъ бѣлымъ косымъ парусомъ, какъ большая морская птица, наклонившись слегка на бокъ, медленно проплыветъ мимо и потомъ, быстро удаляясь, пропадетъ изъ глазъ, слившись съ туманомъ, нависшимъ надъ рѣкой.

Въ Египтѣ темнота наступаетъ быстро; здѣсь атмосфера слишкомъ суха и чиста, слѣдовательно нѣтъ и отраженія, такъ что едва солнце успѣло догорѣть, еще огненная полоса на западѣ не успѣла потухнуть, а на востокѣ сверкаютъ и блещутъ уже миллионы глазъ — звѣзды, звѣзды и звѣзды. Темнота, какъ шапка, сразу накрыла васъ; очертанія береговъ и горъ и та деревушка съ пальмами и минаретомъ, которая еще сейчасъ такъ рѣзко обрисовывалась чернымъ силуэтомъ на золотомъ горизонтѣ, — все пропало. Звѣзды искрятся сильно, нескромно, дерзко, какъ-будто спѣшатъ пользоваться промежуткомъ отъ солнца до луны; ихъ прибываетъ все больше и больше, онѣ проступаютъ сквозь небо. Та-же невидимая рука, которая чертила воздушныя картины и управляла переливами цвѣтовъ при закатѣ, поспѣшно зажигаетъ огни во всѣхъ углахъ тверди. Отъ рѣки пахнуло свѣжестью; новыя силы, новыя думы и новая нѣга проснулись въ душѣ и въ природѣ. Опять, какъ вчера и сегодня, какъ завтра, начинаешь искать въ небесныхъ огняхъ разума, жадно читать эти огненные буквы и порываться туда... Но вотъ луна: она не тускла, не блѣдна, не задумчива, какъ у насъ, а чиста, прозрачна, какъ хрусталь, гордо сіяетъ бѣлымъ блескомъ, не воспѣта пышными стихами поэтовъ, не слышала любовныхъ вздоховъ и серенадъ; въ ея честь здѣсь слагались лишь невинныя пѣсни дѣтей пустыни,

упивавшихся, какъ теперь я, ея дѣвственною прелестью. Это не зрѣлая, увядшая красавица европейскихъ ночей, а бодрая, полная силъ, жизни и строгаго цѣломудрія дѣва, какъ сама Діана. Хлынулъ по рѣкѣ и по небу ея серебряный свѣтъ; она умирила дерзкое сверканіе звѣздъ и воцарилась кротко и величаво до утра.

Въ Абу-тигъ мы пришли въ одиннадцать часовъ. Большинство моихъ спутниковъ разошлось по каютамъ; человекъ пять, въ томъ числѣ я, нашли, что ночь слишкомъ хороша, чтобы идти спать, и рѣшили отправиться побродить на-удачу по городу. М-г Alexandre далъ намъ матроса съ фонаремъ; мы сошли на берегъ и пошли, то и дѣло спотыкаясь по вспаханному полю, къ виднѣвшемуся вдали городу. У городскихъ воротъ насъ встрѣтилъ сторожъ-арабъ, вооруженный громадной дубиной; на вопросъ нашего проводника, онъ поспѣшно отворилъ ворота и, радушно глядя на насъ, пропустилъ, хотя видно было, что онъ недоумѣвалъ: зачѣмъ мы явились въ такой неурочный часъ? Очутившись въ узкихъ, темныхъ улицахъ, куда за постройками и за навѣсами не проникалъ лунный свѣтъ, мы рѣшительно не знали, что намъ дѣлать. Всѣ обитатели Абу-тига давно уже спали; тишина была мертвая, даже собакъ не было, какъ-будто онѣ куда пропали. Мы торопливо шли, стараясь не отстать отъ нашего проводника, и, чувствуя свое глупое положеніе, хранили молчаніе. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ мы пришли сюда? Ничего не видно, темно какъ въ мѣшкѣ, улица ктому-же грязная, вонючая, на каждомъ шагу натыкаешься на какія-то невидимыя препятствія. Прелести лунной ночи, подъ обаяніемъ которой мы отправились бродить, здѣсь

не было видно. Мы уже хотѣли повернуть назадъ, когда намъ встрѣтился другой сторожъ съ такой же глубиной, какъ и первый. Съ нашимъ проводникомъ они оказались пріятелями и вступили между собой въ длинный разговоръ, не обращая никакого на насъ вниманія; наконецъ замѣтивъ, что мы начинаемъ выказывать нѣкоторые признаки нетерпѣнія, онъ обратился къ намъ, лукаво улыбаясь: «*гхавази туридунъ? гхавази?*» «*Айва! айва!*» (да, да), — закричалъ я, узнавши слово *гхавази* (танцовщица) и обрадовавшись возможности какъ-нибудь кончить нашу нелѣпую прогулку. Сторожъ отправился впередъ, а мы за нимъ, и скоро вывелъ насъ на довольно обширную площадь, гдѣ, объясняясь знаками, попросилъ насъ подождать немного, а самъ пошелъ къ довольно опрятному дому, выходящему фасадомъ на площадь. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ оттуда въ сопровожденіи маленькаго, толстаго человѣка въ турецкомъ мундирѣ. Это оказался губернаторъ или градоначальникъ Абу-тига. Очень любезно раскланявшись съ нами, онъ спросилъ насъ на сильно ломаномъ французскомъ языкѣ, что намъ угодно? Мы переглянулись и отвѣчали, что желали бы видѣть танецъ альмей. Такое желаніе, къ великому нашему изумленію, ничуть его не удивило; онъ сейчасъ же, безъ всякаго возраженія, отдалъ приказаніе принести скамеекъ на площадь и созвать танцовщицъ и сдѣлалъ это съ такимъ видомъ, какъ-будто это входило въ кругъ его служебныхъ обязанностей. Не прошло десяти минутъ, какъ весь городъ былъ на ногахъ; въ темныхъ улицахъ задвигались фонари, раздался лай собакъ. На срединѣ площади постлали цыновки, кругомъ поставили

плетенныя изъ тростника скамейки, на которыхъ мы размѣстились по обѣимъ сторонамъ губернатора. Скоро явились музыканты — двѣ однострунныя скрипки и два глиняныхъ барабана (дарабукъ); они расположились съ краю импровизированной арены и, въ ожиданіи появленія танцовщицъ, занялись настраиваніемъ своихъ примитивныхъ инструментовъ. Между тѣмъ вокругъ насъ собралась порядочная толпа, размѣстившаяся за нами въ нѣсколько рядовъ и казавшаяся вполне довольной посмотришь на даровое представленіе. Но вотъ раздалось бряцаніе металлическихъ кастаньетъ, послышались женскіе голоса и шуршаніе шелковыхъ платьевъ; толпа разступилась, и на сцену выбѣжали шесть альмей. Двѣ изъ нихъ были довольно пожилыя и полныя женщины: онѣ вышли на сцену послѣдними и сейчасъ же сѣли рядомъ съ музыкантами; остальные развязно подошли къ намъ и дружески, какъ старымъ знакомымъ, пожали каждому руку. Костюмъ ихъ состоялъ изъ яркой, полосатой шелковой юпки и изъ расшитой позументомъ куртки, одѣтой нараспашку поверхъ бѣлой рубашки. У одной изъ нихъ на головѣ была маленькая шапочка, обвѣшанная монетами, а въ ушахъ — громадныя кольца съ различными привѣсками, звенѣвшими при каждомъ ея движеніи. Глаза и брови у всѣхъ были сильно подкрашены, смуглыя щеки покрыты слоемъ румянъ, а ногти на рукахъ разрисованы краснымъ *хеннэ* ¹⁾.

Музыканты, настроившіе тѣмъ временемъ свои скрипки, ударили въ смычки; сидѣвшія гхавази запѣли,

¹⁾ Хеннэ — растительный порошокъ, которымъ египетскія женщины, равно какъ и персидскія, красятъ ногти на рукахъ и на ногахъ.

откинувъ голову назадъ и закативъ глаза, а дарабуки стали отбивать тактъ. Танцовщицы одна за другой прошлись кругомъ сцены съ легкимъ дрожаніемъ бедръ и съ шелканьемъ кастаньетъ. Неграціознымъ и въ особенности монотоннымъ на первый взглядъ кажется европейскому глазу арабскій танецъ, состоящій лишь въ изгибаніи стана, то медленномъ, то быстромъ, смотря по темпу музыки, и въ дрожаніи бѣдръ или плечъ при полной неподвижности остальныхъ частей тѣла ¹⁾. Но чѣмъ дольше я смотрѣлъ, тѣмъ больше поражала меня правда и жизненность, съ какой передавали эти танцовщицы порывы души и смыслъ движеній, тѣмъ больше увлекала меня эта оригинальная пляска, освященная здѣсь вѣками ²⁾. Въ особенности одна, Кучукъ-ханемъ, какъ ее назвалъ сидѣвшій рядомъ со мной губернаторъ и неспускавшій съ нея глазъ, плясала съ большою страстностью и плясала мастерски. Она то извивала свой гибкій станъ съ движеніями влюбленной змѣи, то, раскинувъ руки какъ-бы для объятія, начинала трепетать, какъ пораженная стрѣлою Эроса, то становилась на колѣна и, плавно нагибаясь впередъ и откидываясь назадъ, какъ-бы молила о пощадѣ богиню любви, и въ этихъ медленныхъ, лѣнивыхъ движеніяхъ сказывалась вся страстная нѣга Востока съ его пламеннымъ солнцемъ, съ его журчащими въ гаремахъ фонтанами, съ его пальмами, съ его поэзіей. Замолкнувшая было музыка взяла громкую, рѣзкую ноту; танцовщица вскочила, какъ-бы

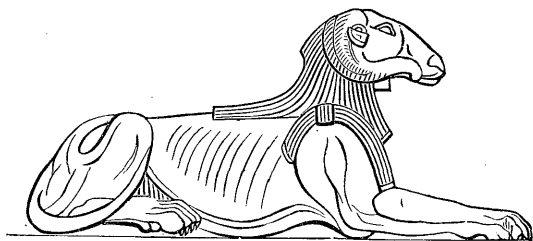
¹⁾ *Vibrabant sine fine plurimae lascivos docili tremore lumbos*, какъ описываетъ Марціалъ танецъ дѣвушекъ Гадеса (*Epigram. lib. V, 78*).

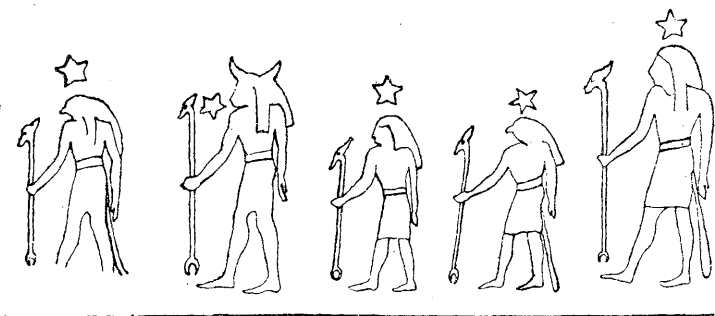
²⁾ См. Lenormand, *Histoire ancienne de l'Orient* t. III, p. 73, и Prisse d'Avannes, рисунки Оиванскаго некрополя XIX-й династіи.

очнувшись отъ соннаго забытья, энергичнымъ жестомъ оттолкнула отъ себя наитіе сладострастныхъ грёзъ и съ новой силой продолжала пляску, опьяненная шумомъ и быстрымъ движеніемъ. Ея алыя, какъ кровь, губы раскрылись, глаза заблестѣли зловѣщимъ огнемъ, а высокая грудь порывисто подымалась подъ тяжелымъ ожерельемъ изъ золотыхъ монетъ. Въ каждомъ движеніи, въ каждомъ вздохѣ этой женщины видна была та пламенная южная природа, подъ небомъ которой возникъ и возможенъ фанатизмъ. Въ то-же время скрипки играли то тихій, то лихорадочно-быстрый безъ начала и конца мотивъ, гортанный теноръ періодически затягивалъ заунывную пѣсню, а дарабуки отчетливо отбивали темпъ, къ которому присоединялась порой и публика, бившая въ ладоши.

Позже мнѣ еще нѣсколько разъ случалось видѣть пляску альмей, но она не производила на меня такого впечатлѣнія, какъ въ этотъ памятный вечеръ въ Абу-тигѣ, гдѣ, мнѣ кажется, успѣхъ танцовщицъ зависѣлъ также и отъ всей обстановки: эта дивная ночь, этотъ лунный свѣтъ и длинныя тѣни, ложившіяся отъ построекъ и людей, эти смуглыя лица арабовъ, освѣщенные снизу стоящими на землѣ фонарями, наконецъ самая непредвидѣнность и оригинальный способъ, какимъ все это устроилось, придавали этому вечеру чудный, сказочный характеръ, какого не имѣли другіе раза, когда я видѣлъ альмей. Этотъ вечеръ былъ для меня какимъ-то волшебнымъ видѣніемъ, страницей *Тысячи и одной ночи*, цѣликомъ выхваченной изъ жизни, съ ея характерной обстановкой, съ природой, обычаями и костюмами, съ лицами и страстями, съ какими рисовали ее когда-то моему воображенію рассказы Шехерезады.

Когда танцы кончились и танцовщицы стали прощаться съ нами, губернаторъ вынулъ изъ кармана нѣсколько пiастровъ, намочилъ ихъ на языкъ и прилѣпилъ къ шеѣ или ко лбу отличившимся. Это считается самымъ галантнымъ способомъ выражать свое удовольствiе. Мы послѣдовали его примѣру и, пользуясь игривымъ настроенiемъ духа нашего любезнаго хозяина, спросили: нельзя-ли видѣть знаменитое *нахлэ* или танецъ пчелы, во время котораго танцующая дѣлаетъ видъ, что ей въ платье попала пчела, и старается отыскать сердитое насѣкомое, которое гдѣ-то жужжитъ, но неизвѣстно гдѣ. Продолжая не находить пчелы, танцовщица начинаетъ постепенно раздѣваться, отряхивать и обыскивать различныя части своего туалета; наконецъ, скинувъ послѣднюю рубашку и убѣдившись, что пчела давно улетѣла, обрадованная, предается бѣшеной пляскѣ... но, спохватившись, что она раздѣта, спѣшитъ, однако не сбиваясь съ такта и не переставая танцевать, одѣться. Губернаторъ отвѣчалъ уклончиво, говорилъ, что на площади нельзя исполнить этого танца, а у него въ домѣ — мѣста мало; ктому-же, наврядъ-ли здѣшнія танцовщицы сумѣютъ умно и художественно провести эту сцену, и что надо ѣхать въ Луксоръ, гдѣ живутъ будто лучшiя гхавазы во всемъ Египтѣ.

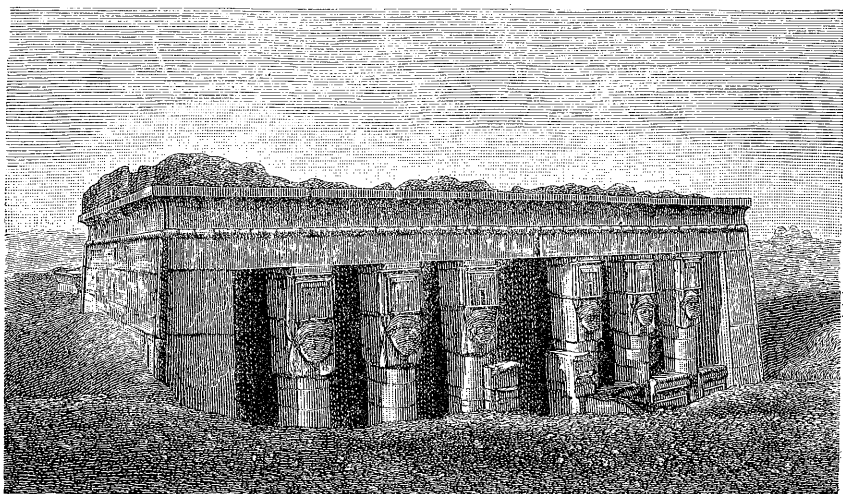

ГЛАВА XVI

Но какъ-бы ни были роскошны южныя ночи, какъ-бы ни были интересны народныя сцены и обычаи, въ Египтѣ для всякаго, кто сколько-нибудь уважаетъ себя, впереди всего должны стоять архитектура и памятники древности. Первый храмъ, который мы увидимъ, — Дендерскій; Абидосскій — мы осмотримъ на возвратномъ пути.

Къ вечеру втораго дня плаванія послѣ ночи, проведенной въ Абу-тигѣ, мы причалили къ правому берегу Нила, у Кеннэ, небольшого города, знаменитаго производствомъ кувшиновъ изъ пористой глины, употребляющихся повсемѣстно въ Египтѣ для фильтрованія воды. Кеннэ — послѣдній египетскій городъ, соединенный торговой дорогой съ остальнымъ міромъ; находясь на параллели Косеира, онъ расположенъ въ томъ

мѣстѣ, гдѣ Ниль ближе всего подходитъ къ Черному морю, и служитъ складочнымъ мѣстомъ для товаровъ, идущихъ изъ Египта въ Аравію и обратно, а также сборнымъ пунктомъ для богомольцевъ, отправляющихся въ Мекку. Выше Кеннэ начинается область случайныхъ и временныхъ сообщеній съ Абиссиніей и Сеннааромъ; здѣсь же начинается эта непрерывная серія памятниковъ, которая идетъ отъ Дендерскаго храма, пересѣкаетъ

Передній фасадъ Дендерскаго храма.

въ Ассуанѣ границу Египта и простирается въ Верхней Нубіи до колоссальныхъ чудесъ Ипсамбула.

Переправившись на зарѣ на лѣвый берегъ Нила, въ моментъ восхода солнца мы были въ виду храма. Еслибы не было доказано, что этотъ храмъ — современникъ Иисуса Христа, еслибы Шамполлионъ не прочиталъ на его стѣнахъ именъ Тиверія, Клавдія, Калигулы и Нерона, то легко можно было бы ошибиться въ опредѣ-

леніи его древности. Его размѣры настолько внушительны, а линіи такъ грандіозны, что невольно хочется видѣть въ немъ представителя цвѣтущихъ временъ египетскаго зодчества. Передъ нами стоитъ цѣльный, едва тронутый временемъ храмъ, первое произведеніе египетской архитектуры, которое мы видимъ, такъ какъ пирамиды — скорѣе представительницы силы и величія, чѣмъ архитектурнаго искусства. Его колонная зала, пронаосъ, состоитъ изъ двадцати-четырехъ колоннъ, расположенныхъ въ четыре ряда. Первое, что бросается въ глаза, это капители, образованныя изъ четырехъ женскихъ головъ съ телячьими ушами, соединенныхъ египетскимъ головнымъ уборомъ, связывающимъ ихъ вмѣстѣ. Антаблементъ не лежитъ непосредственно на этихъ головахъ, а покоится на кубическихъ камняхъ, составляющихъ переходное тѣло между капителью и архитравомъ. Эти женскія головы означаютъ, что храмъ посвященъ богинѣ Хаторъ. Хаторъ — Афродита грековъ и Изида египтянъ. Храмъ, посвященный такому божеству, долженъ былъ соединить въ себѣ и красоту, и величіе: и дѣйствительно, колонны ипостильной залы, имѣющія у основанія семь съ половиной метровъ въ обхватъ, тѣмъ не менѣе легки и граціозны. Вся зала имѣетъ сорокъ-три метра ширины и восемнадцать вышины. Промежутки между колоннами внѣшнихъ рядовъ застроены стѣной, поднимающейся до половины общей высоты, такъ что даже въ этомъ преддверіи храма царствуетъ легкій полумракъ.

Простыя, строгія линіи, легкій наклонъ стѣнъ, придающій зданію видъ необыкновенной устойчивости, выраженіе спокойствія, происходящее отъ непрерывной

горизонтальной линіи крыши, сильно выдающійся своею вогнутою профилею карнизъ, — словомъ, всѣ характерныя особенности красоты египетской архитектуры соединены въ Дендерскомъ храмѣ и, если онъ относится къ эпохѣ упадка въ странѣ искусства, то это выразилось лишь въ скульптурныхъ украшеніяхъ, покрывающихъ его стѣны. Начатый при Птоломеевѣ XIII, оконченный при Тиверіѣ ¹⁾, онъ былъ украшенъ при Неронѣ плохими, крайне небрежно исполненными барельефами, про которые слѣдующимъ образомъ писалъ въ своемъ письмѣ отъ 16-го ноября 1828 года Шамполіонъ: „Я имѣлъ передъ глазами архитектурное совершенство, испещренное скульптурными украшеніями самаго жалкаго стиля. Какъ вамъ угодно, а Дендерскіе барельефы отвратительны; да это и не могло быть иначе, такъ какъ они — произведеніе времени упадка, когда ваяніе доживало уже свой вѣкъ, между тѣмъ какъ зодчество, какъ искусство цифрованное (*art chiffré*), удержалось на высотѣ египетскихъ боговъ и продолжало строить памятники, достойные удивленія всѣхъ временъ“.

Признаюсь, не безъ нѣкотораго смущенія переступилъ я порогъ, отдѣляющій пронаосъ отъ самаго храма. Сюда могли входить одни лишь жрецы, и самъ фараонъ допускался сюда только по совершеніи извѣстныхъ обрядовъ, во время которыхъ онъ долженъ былъ очиститься отъ мірской суеты и принять посвященіе отъ верховнаго жреца; лишь послѣ этихъ церемоній, подробно зарисованныхъ и расписанныхъ на стѣнахъ храма, онъ признавался повелителемъ Верхняго и Нижняго Египта

¹⁾ І. Христосъ жилъ въ Іерусалимѣ, когда оканчивали его строить.

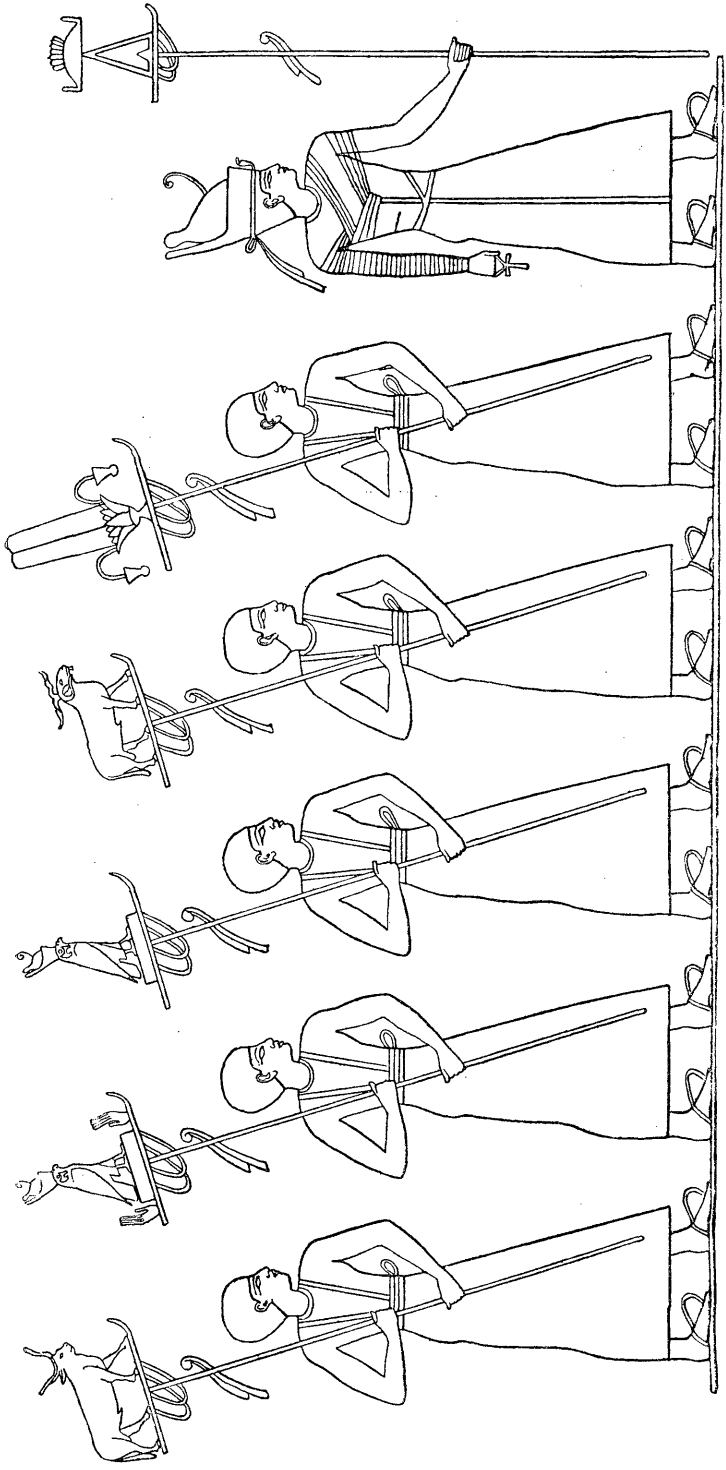
и проникалъ во внутренность святилища. Эта часть храма, состоящая изъ двадцати-семи комнатъ, никогда не видала дневнаго свѣта; воздухъ проникаетъ туда черезъ два или три маленькихъ окна, прорубленныхъ въ потолокъ. Ненарушимая тишина и мракъ царствуютъ тамъ.

Назначеніе этихъ комнатъ не составляетъ въ настоящее время тайны для египтологовъ. Въ одной изъ нихъ сохранялись одежды, которыми покрывали каменные изваянія боговъ во время процессій, въ другой — приготовлялись благовонныя куренія и масла; здѣсь помѣщалась сокровищница, въ которой хранились драгоценныя наперсія, зеркала, сестры и другія золотыя и серебряныя вещи; тамъ лежали эмблемы, которыя фигурировали въ торжественныхъ выходахъ, а тамъ сохранялись приношенія, состоявшія въ хлѣбѣ, винѣ и разныхъ плодахъ земныхъ, приносимыхъ въ храмъ черезъ двѣ двери, изъ коихъ одна находится въ сѣверной стѣнѣ храма, другая — въ южной; въ первую принимались дары, шедшіе изъ Нижняго Египта, а во вторую — дары Верхняго Египта. Самая большая комната храма — первая послѣ ипостильнаго преддверія; ея потолокъ поддерживается шестью колоннами. Изъ этой комнаты начинались процессіи. Что-то въ-родѣ календаря, распisanнаго на ея стѣнахъ, подробно излагаетъ, въ чемъ состояли различныя празднества, происходившія внутри храма, и въ какомъ порядкѣ двигались процессіи. За этой комнатой, въ центрѣ храма, находится святилище, наосъ, гдѣ хранились четыре барки, игравшія первенствующую роль въ священныихъ таинствахъ. Въ обыкновенное время онѣ стояли на деревянныхъ ларяхъ; во

время же службы ихъ ставили на носилки. Въ срединѣ каждой изъ нихъ помѣщалась тщательно скрытая эмблема божества, которому барка была посвящена. Для вящей таинственности, во время церемоніи барка покрывалась густымъ бѣлымъ покровомъ ¹⁾. По обѣимъ сторонамъ святилища находятся комнаты, одинаково погруженные во мракъ; здѣсь творились молитвы различнымъ божествамъ, изображенія которыхъ видны на стѣнахъ. Такъ, на примѣръ, въ комнатѣ, посвященной Озирису, описана въ лицахъ вся его жизнь, его смерть, воскресеніе, его побѣды надъ врагомъ, отступающимъ отъ него въ образѣ крокодила. Наконецъ, въ задней стѣнѣ храма находится небольшая комната, скорѣе ниша, названная греками опистодомосомъ; эта комната открывалась только для царя; въ ней сохранялся золотой сестръ — таинственная эмблема храма.

Среди различныхъ торжествъ, совершавшихся въ стѣнахъ Дендерскаго храма, было одно, занимавшее первое мѣсто по значенію и торжественности: это — празднованіе перваго числа новаго года. Процессія начиналась во внутренности храма, обходила различныя комнаты, останавливалась въ назначенныхъ мѣстахъ для молитвъ, затѣмъ выходила на крышу храма по южной лѣстницѣ, въ томъ порядкѣ, какъ это разрисовано на стѣнахъ самой лѣстницы, останавливалась на террасѣ въ виду толпы, далеко стоящей за оградой храма, входила въ часовню, состоящую изъ двѣнадцати колоннъ, посвященныхъ двѣнадцати мѣсяцамъ года, и возвращалась во внутренность храма по сѣверной лѣстницѣ.

¹⁾ Ср. съ книгою Исхода. гл. 37 и 40, 21 и 22.

Часть процессии, изображенной на стенах Дендерского храма.

Во время подобныхъ церемоній народъ не принималъ никакого участія и стоялъ далеко за оградой, окружавшей храмъ и имѣвшей не менѣе версты въ окружности. За ограду имѣли входъ лишь царь, его приближенные, жрецы и молодые дѣвушки, служившія при храмѣ и исполнявшія священные танцы. Мариеттъ-паша, подробно изучившій Дендерскій храмъ, какъ одинъ изъ наилучше сохранившихся, и посвятившій ему обширное сочиненіе ¹⁾, слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ его назначеніе и характеръ храма въ Египтѣ вообще: „Этотъ храмъ не имѣетъ ничего общаго съ нашею церковью — мѣстомъ, гдѣ собираются для молитвы вѣрующіе...“ „Въ немъ, — говоритъ онъ далѣе, — нѣтъ ни жилыхъ помѣщеній для жрецовъ, ни комнатъ для посвященія въ таинства, ни слѣдовъ существованія оракуловъ, наконецъ ничего, что могло бы дать возможность предположить, что въ его стѣны допускался кто-либо кромѣ царя и священнослужителей. Храмъ былъ мѣстомъ склада, такъ сказать, магазиномъ и лабораторіей. Если въ немъ царить непроницаемый мракъ, если нѣтъ никакихъ признаковъ употребленія факеловъ или какого-либо другаго способа освѣщенія его темныхъ сводовъ, то это было не для того, чтобы увеличить таинственность церемоній, а потому, что это былъ единственный способъ сохраненія драгоценныхъ вещей и тканей отъ насѣкомыхъ, мухъ, отъ пыли и солнца“. Вотъ естественное и прозаическое объясненіе темноты.

¹⁾ *Dendérah. Description générale du Grand Temple de cette ville*, par A. Mariette-bey; I vol. grand in-fol., 5 vol. de planches. Le Caïre, imprimerie Mourés, 1875. Paris, Franck.

Но для чего строители храма выкопали подъ нимъ подземелья, еще болѣе темныя? Разъ дорогія вещи защищены отъ мухъ и моли, на что нужны были эти подземные ходы и склепы безъ отверстій и съ потайными дверями? Опасенія насѣкомыхъ тутъ недостаточны, чтобы объяснить значеніе этихъ узкихъ коридоровъ, глубоко уходящихъ подъ фундаментъ храма. Несмотря на многократныя попытки и разнообразныя гипотезы ученыхъ, тайники эти остаются невыясненными. „Трудно, — говоритъ Маріетъ въ своемъ „Путеводителѣ“, — найти отношеніе этихъ склеповъ къ самому храму. Можно только догадываться, что существованіе этихъ тайныхъ, подземныхъ ходовъ находится въ связи съ идеями погребенія и воскресенія, жизни земной и подземнаго прозябанія, — идеями, часто повторяющимися въ картинахъ на стѣнахъ храма“.

Дендерскій храмъ, интересный самъ по себѣ, какъ храмъ, извѣстенъ главнымъ образомъ своимъ зодіакомъ, надѣлавшимъ въ свое время такъ много шума въ средѣ ученыхъ и послужившимъ предметомъ безконечныхъ споровъ. Зодіаковъ въ храмѣ было два: одинъ, находившійся въ маленькой часовнѣ, посвященной двѣнадцати мѣсяцамъ, перевезенъ теперь въ парижскую національную бібліотеку; другой, существующій до настоящаго времени, находится на потолкѣ колоннаго пронаоса. Представляя собой драгоценныя для науки памятники истекшихъ временъ, и тотъ, и другой возбудили въ моментъ ихъ открытія горячій споръ между людьми, интересующимися исторіей развитія челоуѣчества. Либералы, вольтерьянцы увидали въ нихъ подтвержденіе глубокой древности египетскаго народа и

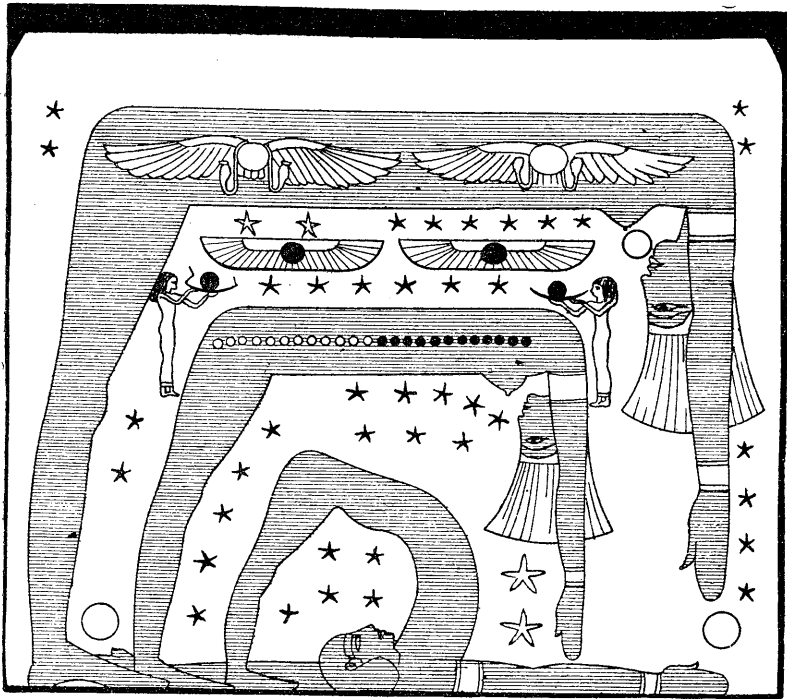
опроверженіе Свящ. Писанія ¹⁾); легитимисты доказывали, что этотъ зодіакъ относится къ сравнительно новѣйшимъ временамъ, и хотя случайно, но не ошиблись въ своихъ разсужденіяхъ. Наконецъ, Шамполліонъ и Летроннъ положили предѣлъ недоразумѣніямъ и догадкамъ, доказавъ, что эти астрономическія фигуры, въ которыхъ хотѣли видѣть изображеніе неба, какимъ оно было за нѣсколько тысячелѣтій до библейской эры сотворенія міра, были начерчены во время царствованія Нерона.

Когда греческое происхожденіе зодіака было установлено, то, само-собой разумѣется, не могло быть и рѣчи о его доисторическомъ происхожденіи; споръ перешелъ на другую почву и заключается теперь въ слѣдующемъ: что на потолокъ Дендерскаго храма изображенъ планъ дѣйствительно неба, имѣющій слѣдовательно значеніе научнаго документа, или всѣ эти созвѣздія служатъ лишь орнаментомъ міѳологическаго смысла? За послѣднее мнѣніе стоятъ гг. Летроннъ и Амперъ, видящіе въ Дендерскихъ зодіакахъ картины, аналогичныя тѣмъ, которыя украшаютъ стѣны нѣкоторыхъ царскихъ могилъ въ Оивахъ и представляютъ смѣшеніе мистическихъ и астрологическихъ представленій, гдѣ рисуются сцены загробной жизни души, странствующей среди звѣздъ, солнца и луны. За противоположное мнѣніе высказался еще въ 1823 году г. Біо ²⁾, а съ тѣхъ поръ цѣлый рядъ ученыхъ установили несомнѣнность существованія астрономическихъ познаній у древнихъ египтянъ.

¹⁾ Dupuis, *Dissertation sur le Zodiaque de Denderah*, 1806.

²⁾ Biot *Recherches sur plusieurs points de l'astronomie égyptienne*, 1823.

Египетскіе астрономы, говоритъ г. Масперо, съ незапамятныхъ временъ уже знали, что нѣкоторыя изъ звѣздъ, сверкающихъ надъ ихъ головой, одарены спо-

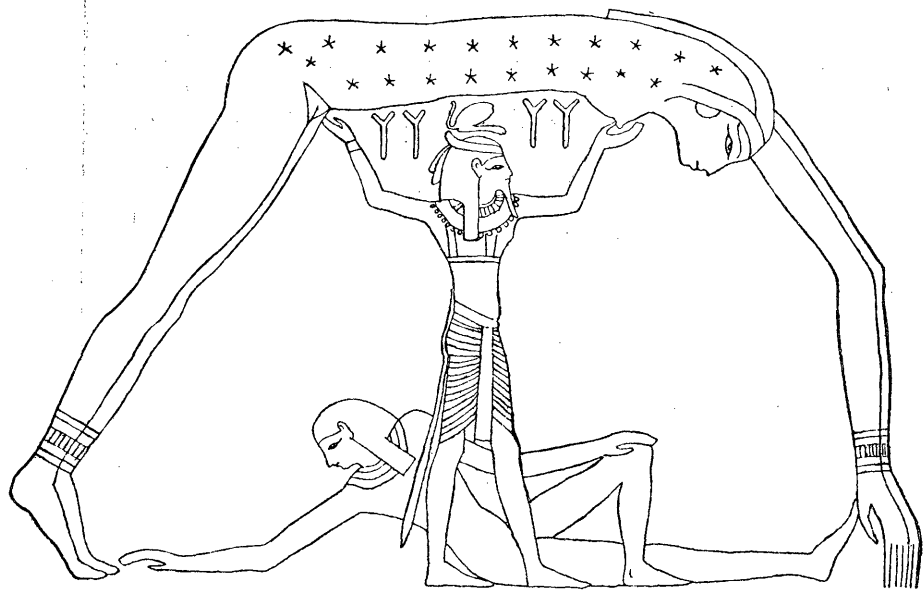

Различныя части міра, представленныя эмблематически и мифологически ⁴⁾.

собностью передвигаться по небеснымъ пространствамъ, между тѣмъ какъ другія находятся въ постоянной неподвижности. Эти наблюденія, повторявшіяся безконеч-

⁴⁾ Богъ Себъ, олицетворяющій землю, лежитъ перегнувшись и изображаетъ великую космическую гору, служащую основаніемъ тверди. Надъ нимъ — двѣ женскія фигуры, образующія какъ-бы двойной потолокъ, олицетворяютъ небо (богиня Петъ) и небесный океанъ (богиня Нуть). Свѣтила, среди которыхъ можно отличить солнце и луну, двигаются между ними.

ное число разъ, заставили ихъ различать „звѣзды, никогда не отдыхающія“ отъ „звѣздъ, не трогающихся съ мѣста“. Изъ числа первыхъ они знали „Хора, путеводаителя по таинственнымъ пространствамъ“ — нашего Юпитера, „Хора, небснаго творца“ — Сатурна,

Богъ Шу, приподымающій богиню Нуть (небесный океанъ) надъ богомъ Себъ, олицетворяющимъ землю.

наиболѣе отдаленную изъ планетъ, которую глазъ человѣческой можетъ видѣть безъ помощи инструментовъ; Марса, красноватый цвѣтъ котораго заставилъ называть его „Краснымъ Хоромъ“; Севека или Меркурія; наконецъ Венеру, называвшуюся „утренней звѣздой“¹⁾. Изъ нѣкоторыхъ весьма древнихъ текстовъ даже можно вы-

¹⁾ На стр. 361 изображены боги этихъ пяти планетъ.

вести заключеніе, что землю египтяне причисляли также къ планетамъ и приписывали ей такое же движеніе, какъ Марсу или Юпитеру.

Астрономамъ Египта, равно какъ и автору первой главы книги Бытія, небо представляется въ видѣ жидкой массы, охватывающей землю со всѣхъ сторонъ и покоящейся на атмосферѣ, какъ на незыблемомъ фундаментѣ. Въ день творенія, когда хаосъ распредѣлился по своимъ элементамъ, богъ Шу приподнялъ небесныя воды и разлилъ ихъ въ пространство. По этому небесному океану Нутъ и плаваютъ всѣ планеты и звѣзды.

По другому представленію, столь-же распространенному, какъ и первое, небо изображается въ видѣ свода, къ которому привѣшены звѣзды, какъ лампы, которыя зажигаются каждый вечеръ невидимой рукой бога, чтобы освѣщать темноту ночей. На первомъ мѣстѣ, среди этихъ неподвижныхъ звѣздъ, считались созвѣздія зодіака, съ которыми стояли въ соотношеніи тридцать шесть или тридцать семь декадъ, составлявшихъ египетскій годъ; затѣмъ — Сотъ или Сотисъ, нашъ Сиріусъ, посвященный Изидѣ; Саху, нашъ Оріонъ, посвященный Озирису и считавшійся мѣстопребываніемъ счастливыхъ душъ; Плеяды и многія другія звѣзды, древнія имена которыхъ не приведены еще въ соотношеніе съ теперешними. Однимъ словомъ, всѣ звѣзды, видимыя невооруженнымъ глазомъ, были изучены египтянами, записаны и приведены въ извѣстный порядокъ. Наблюденія дѣлались какъ въ Верхнемъ, такъ и въ Нижнемъ Египтѣ; въ Тентирисѣ, въ Тинисѣ, въ Мемфисѣ, въ Геліополисѣ слѣдили за различными фазами планетъ и составляли таблицы ихъ восхода и заката.

Изъ всѣхъ звѣздъ наиболѣе извѣстная и наиболѣе важная была звѣзда Изиды, Сиріусъ, называвшійся у египтянъ Сотъ, изъ котораго греки сдѣлали Сотисъ. Эта звѣзда, исчезнувъ на нѣсколько недѣль въ концѣ весны, появлялась снова послѣ лѣтняго солнцестоянія и была видна на небѣ до восхода солнца. Ея появленіе совпадало въ Египтѣ съ началомъ прибыванія воды въ Нилъ. Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ, съ какимъ вниманіемъ слѣдили за ней жрецы-астрономы во всѣхъ обсерваторіяхъ Верхняго и Нижняго Египта. Наблюдательность — мать астрономіи — указала, что геліаческій восходъ Сиріуса (т.-е. моментъ, когда звѣзда перестаетъ затмѣваться дискомъ солнца) отступалъ каждые четыре года на одинъ день. Такимъ образомъ, показавшись въ первый день перваго мѣсяца въ году, называвшагося Тотъ, черезъ четыре года она появлялась лишь на второй день, а еще черезъ четыре года — лишь на третій и т. д. Черезъ сто двадцать лѣтъ это опозданіе равнялось мѣсяцу и — двѣнадцати мѣсяцамъ, т.-е. цѣлому году, черезъ 1461 годъ. Послѣ многолѣтнихъ наблюденій египтяне замѣтили, что годъ, который они измѣряли въ своемъ календарѣ въ 365 дней, состоялъ въ дѣйствительности изъ 365 дней съ четвертью, и такимъ образомъ выяснили себѣ, почему имъ казалось, что звѣзда Изиды какъ-будто отставала отъ астрономическихъ расчетовъ, установившихъ первоначально гражданскій годъ въ 365 дней ровно ¹⁾).

¹⁾ Еще раньше у египтянъ былъ годъ въ 360 дней (12 мѣсяцевъ въ 30 дней каждый). Эпоха, когда были вставлены пять добавочныхъ дней, теряется въ такой глубокой древности, что сами египтяне относятъ ее къ мифическимъ временамъ, предшествовавшимъ воцаренію Менеса. Вотъ что рассказываетъ

Геродотъ восемь ясно говоритъ ¹⁾ — и онъ не могъ этого выдумать, — что разница на четверть дня между гражданскимъ годомъ и солнечнымъ была извѣстна египетскимъ жрецамъ. Они знали, что черезъ тысячу четырехста шестьдесятъ одинъ годъ — періодъ, называемый сотическимъ, такъ какъ Сотисъ есть греческое имя Сириуса — будетъ полное совпаденіе между первымъ днемъ неопредѣленнаго (гражданскаго) года и первымъ днемъ точнаго (солнечнаго) года. Но вмѣсто того, чтобы исправить свой календарь по наблюденіямъ за ходомъ солнца и появленіемъ Сириуса, они оставили его въ томъ видѣ, въ какомъ освятилъ его обычай, потому-ли, что они вообще были врагами всякихъ вожествъ и измѣненій, или потому, что имъ не хотѣлось обнаруживать ошибки своихъ предшественниковъ астрономовъ, составившихъ календарь за 3285 лѣтъ до начала нашего лѣтосчисленія, какъ доказалъ это Шамполлионъ на основаніи неопровержимыхъ документовъ, найденныхъ имъ въ царскихъ гробницахъ въ Оивахъ.

Теперь слѣдовательно прошло уже 5168 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ былъ составленъ египетскій календарь и были прибавлены пять дополнительныхъ дней къ тремъстамъ шестидесяти, изъ которыхъ образовались двѣнадцать мѣсяцевъ въ тридцать дней каждый или три четырехмѣсячныхъ сезона (наводненія, посѣва и

про это событіе Плутархъ: «Реа (Нуть) была въ тайной связи съ Сатурномъ (Себъ); Солнце (Ра) замѣтилъ это и напустилъ на нее волшебство, такъ что она не могла разрѣшиться отъ бремени ни въ одномъ мѣсяцѣ года. Но Гермесъ (Таутъ), питавшій къ богинѣ нѣжное чувство, сѣлъ играть съ Луной въ шашки и выигралъ у нея шестидесятую часть дня, образовавшую постепенно 5 дней, которые и были прибавлены къ остальнымъ 360».

¹⁾ Геродотъ, II, 4. ταῦτα δὲ ἐξευρέειν ἐκ τῶν ἄστρον ἑλεγον.

уборки). И это знаніе неопредѣленнаго года представляетъ древнѣйшій памятникъ касательно времясчисленія, который сохранился въ памяти человѣчества. Кромѣ того, такъ какъ серія идей, выражаемыхъ этимъ календаремъ, относится исключительно къ фазисамъ Нила, то не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Египетъ былъ его колыбелью и что заключающіяся въ немъ астрономическія свѣдѣнія не были заимствованы ни у какого другаго народа. Отсюда знаменитый Біо дѣлаетъ между прочимъ слѣдующій выводъ: „такъ какъ,— говоритъ онъ,— это цифровое выраженіе послѣдовательности и продолжительности періодическихъ разливовъ Нила осталось неизмѣннымъ въ продолженіе столькихъ вѣковъ, то мы можемъ заключить, что въ теченіе пяти тысячъ лѣтъ выходъ рѣки изъ береговъ совершался въ одинъ и тотъ же день солнечнаго года, что, слѣдовательно, періодическіе дожди въ верхней Эііопіи, порождающіе разливъ, ежегодно правильно повторялись съ незначительными отклоненіями въ интенсивности явленія и что съ этой отдаленной эпохи и до нашихъ дней физическое и динамическое состояніе атмосферы не измѣнялось“¹⁾).

Какая разница между этими точными наблюденіями египетскихъ хороскоповъ²⁾ и грубымъ лѣтосчисленіемъ римлянъ, которые имѣли годъ прежде въ триста четыре дня, а потомъ въ триста пятьдесятъ пять дней, и которые, сообразуясь съ этимъ варварскимъ альманахомъ, праздновали лѣтніе праздники зимой. Когда Ю. Цезарь

¹⁾ J. Biot. *Recherches sur l'année vague des Égyptiens.*

²⁾ Наблюдавшіе за ходомъ времени; это была одна изъ ступеней sacerdotальной іерархіи у египтянъ.

рѣшился преобразовать календарь, то ему пришлось для этого пригласить александрійскаго астронома Созигена, который предложилъ ввести высокосный годъ черезъ каждые четыре года. До этой реформы не дожилъ древній Египетъ: его уже не было, и династія Лагидовъ окончилась съ послѣднимъ вздохомъ Клеопатры. Но, прибавивъ по истеченіи каждаго четырехлѣтняго періода одинъ день къ египетскому году, самъ реформаторъ сдѣлалъ маленькую ошибку, увеличивъ годъ на 11 минутъ и 8 секундъ, которыя съ теченіемъ времени составили разницу въ 10 дней и, какъ извѣстно, дали поводъ грегорианской реформѣ календаря.

Прежде чѣмъ разстаться съ Дендерскимъ храмомъ, мы обошли его снаружи, кругомъ его стѣнъ. Цѣлые холмы постоянно двигающагося песку окружаютъ его со всѣхъ сторонъ, такъ что, на примѣръ, весь южный фасадъ его засыпанъ почти до карниза. По словамъ Шамполіона, іероглифы и барельефы, покрывающіе стѣны этого храма, крайне небрежно исполнены и очень плохаго стиля; мало того — въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по словамъ знаменитаго египтолога, скрибъ, который составлялъ іероглифическія надписи, позволилъ себѣ — да проститъ ему прекрасная Афродита! — остроумничать и каламбурить. На задней стѣнѣ храма находятся громадныя изображенія Клеопатры и ея сына, родившагося у нея отъ Цезаря и называвшагося Цезаріономъ. Здѣсь онъ названъ Птолемеемъ Цезаремъ. Онъ изображенъ на стѣнѣ не въ видѣ ребенка, а взрослымъ юношей, гораздо больше своей матери, представленной въ образѣ божества, которому посвященъ храмъ, Хаторъ, въ головномъ уборѣ, присвоенномъ этой богинѣ, съ краси-

вымъ лицомъ, оживленнымъ вѣчной улыбкой. Какую силой обаянія должна была обладать эта очаровательная гречанка, съумѣвшая устоять — не силою оружія конечно — противъ могущества Римской имперіи! Цезарь, кажется, не столько гордился завоеваніемъ Галліи, сколько тѣмъ, что у него былъ сынъ отъ Клеопатры. Онъ хотѣлъ причислить ея имя къ культу боговъ, и въ день четырехъ триумфовъ египетская царица, прибывшая въ Римъ съ молодымъ Птолемеемъ, своимъ братомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мужемъ, могла видѣть свою собственную статую, поставленную въ незадолго передъ тѣмъ воздвигнутый триумфаторомъ храмъ Венеры *genitrix* ¹⁾.

Если воображеніе съ удовольствіемъ останавливается на образѣ этой гордой царицы, то не потому только, что у нея хватило духу предпочесть смерть посрамленію, и не потому, что ея жизнь протекла въ непрерывныхъ вакханаліяхъ, а потому, что, прежде чѣмъ быть царицей, она была женщиной, полной жизни и страсти, прежде чѣмъ быть спартанкой по мужеству, она была аеинянкой по уму. Какъ она очаровательно мила въ разсказѣ Плутарха, когда она приказываетъ Аполлодору нести ее на плечахъ въ связкѣ бѣлья тайкомъ во дворецъ къ Юлію Цезарю! или, на примѣръ, съ какимъ наивнымъ ребячествомъ она оставляла на-время великолѣпіе двора, переряживалась въ торговку и гуляла по улицамъ Александріи подъ-руку съ Антоніемъ, упрекая его въ неотесанности его солдатскихъ манеръ и грубости его

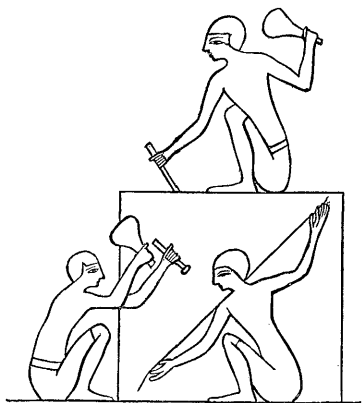
¹⁾ Клеопάτρας εἰκόνα καλήν. Аппіенъ видѣлъ эту статую (Bell. civ., II, 102).

шутокъ. Но за то съ какою страстью привязалась она къ этому триумвиру позже, когда онъ былъ побѣжденъ, что однако не помѣшало ей быть причиной его смерти. Или, напримѣръ, съ какимъ презрѣніемъ отвѣтила она Октавію: „non triumphabor!“ и лишила себя жизни.

Въ большинствѣ случаевъ рядомъ съ каждымъ египетскимъ храмомъ, посвященнымъ *триадѣ* ¹⁾, находится отдѣльная постройка, *mammisi* или колыбель молодого бога. Въ Дендера также недалеко отъ главнаго храма подымается надъ пескомъ такого рода сооруженіе, къ несчастію сильно поврежденное. Здѣсь праздновался въ установленные дни счастливый моментъ, когда Хорусъ въ первый разъ увидалъ дневной свѣтъ. Изъ подобострастія къ фараону, жрецы чествовали тутъ въ образѣ Хоруса наслѣдника престола, прототипы котораго получили скипетръ изъ рукъ бога Солнца. Кстати замѣтимъ здѣсь, что эти прибавочныя зданія назывались прежде *Тифониумъ*, между тѣмъ какъ они не имѣютъ ничего общаго съ Сетомъ-Тифономъ. Шамполіонъ опредѣлилъ ихъ истинное значеніе, и теперь мы знаемъ, что этотъ уродливый божокъ, изображеніе котораго постоянно встрѣчается на стѣнахъ подобныхъ *mammisi* и котораго прежде принимали за противника Озириса, назывался Бесъ или Беза и былъ невиннымъ покровителемъ женскаго туалета. Ставши членомъ египетскаго пантеона, куда онъ перешелъ изъ *страны ароматовъ* (Аравіи), онъ былъ богомъ красоты и привлекатель-

¹⁾ Триадой называется соединеніе трехъ божествъ, которому поклонялись въ извѣстномъ храмѣ.

ности, вслѣдствіе чего, должно быть, злая иронія сдѣлала изъ него безобразнаго, горбатаго карлика, что однако не мѣшало женщинамъ постоянно носить его изображеніе, для того чтобы не встрѣчаться съ безчувственными людьми.

Армахисъ.

Аммонъ-Ра.

Озирисъ, Хорусъ, Изиды.

Тумъ.

ГЛАВА XVII

Θивы ¹⁾.

Мы пришли сюда поздно ночью. Луна стояла высоко и обливала яркимъ свѣтомъ набережную Луксора

¹⁾ Какъ епархіальный городъ, Θивы называются по-египетски

Пиръ-Аминъ (жилище Аммона) и *Но-Аменъ* (городъ Аммона)

Διόπολις; какъ главный городъ административной единицы, онѣ называются

— слово, которое г. Биршъ переводить *Гамъ*, г. Бругшъ — *Уасъ* и г. Шаба — *Объ*. Въ Библии Θивы называются *Но-Аменъ* или просто *Но*.

Но значить городъ по преимуществу, изъ городовъ городъ, — названіе, чаще другихъ встрѣчающееся въ іероглифическихъ надписяхъ.

Вопросъ, изъ какого египетскаго прототипа образовалось греческое слово

и бѣлюю стѣну Luxor hotel'я, окруженнаго садомъ и пальмами. Когда мы подходили къ Оивамъ и влѣво, довольно далеко отъ берега, показался, смутно обрисовываясь въ полумракѣ луннаго свѣта, громадный пилонъ Карнакскаго храма, у меня дрогнуло сердце, какъ дрогнуло оно, когда я въ первый разъ увидѣлъ Римъ. Одно изъ этихъ именъ заставляеть вспомнить о другомъ, тѣмъ болѣе, что оиванскія горы напоминають линіи римскаго горизонта.

Противоположный ливійскій берегъ не былъ виденъ; но слышны были въ ночной тишинѣ доносившіеся отъ туда протяжные звуки арабской пѣсни и суффары (дудка изъ тростника). Звуки, лившіеся мѣрно, заунывно, то звонкими серебряными струями, то гортанные, вдругъ умолкали, какъ-будто въ порывѣ степнаго вѣтра. Немного погодя снова ясно раздавались слова и напѣвъ. Въ безконечныхъ переливахъ словно русской

Θῆβαι, Θῆβαι, рѣшается различно. Гомеръ первый употребилъ и распространилъ это названіе; но у какого источника заимствовалъ онъ его? Г. Шаба производитъ его изъ *Оба* съ присоединеннымъ членомъ женскаго рода. Т. Г. Мариеттъ даетъ другое, болѣе простое объясненіе: со времени Аменофиса III

памятники называютъ Оивы *Тема*, что значить то же, что *Но*,

т. е. городъ по преимуществу. Превращеніе *Тема* въ *Θῆβαι*, какъ назывался городъ въ Беотіи, уже существовавшей во времена Гомера, вполне вѣроятно, такъ какъ замѣна буквы М буквою В — явленіе весьма обыкновенное, напримеръ: переводъ 70 толковниковъ называетъ *Неврѡдъ* вмѣсто *Немродъ*, какъ называется то-же лицо въ еврейскомъ текстѣ Библии. На мѣстномъ нарѣчій *Мерозъ* называется *Беруа*; *χουοῖς* пишется также и *χουοῖς* и проч. Поэтому вполне вѣроятно, что египетское *Тема* превратилось въ греческое *Тева*, и Гомеръ, можетъ быть и не подозрѣвалъ, назвалъ столицу Египта именованіемъ, означющимъ слово *городъ*, имя однородное по смыслу со словомъ *Медине*, какъ называютъ современные арабы Каиръ.

пѣсни, оглашающей безмолвное пространство степей въ тихую лѣтнюю ночь, грустные звуки смѣнялись веселыми; но то была не русская грусть и не русская удаль. Тутъ отражалось дикое величіе кочующаго племени, и попрыски табуновъ, и богатырскіе набѣги былыхъ временъ, и переходы народовъ изъ края въ край, и тоска по неизвѣстной первобытной родинѣ.

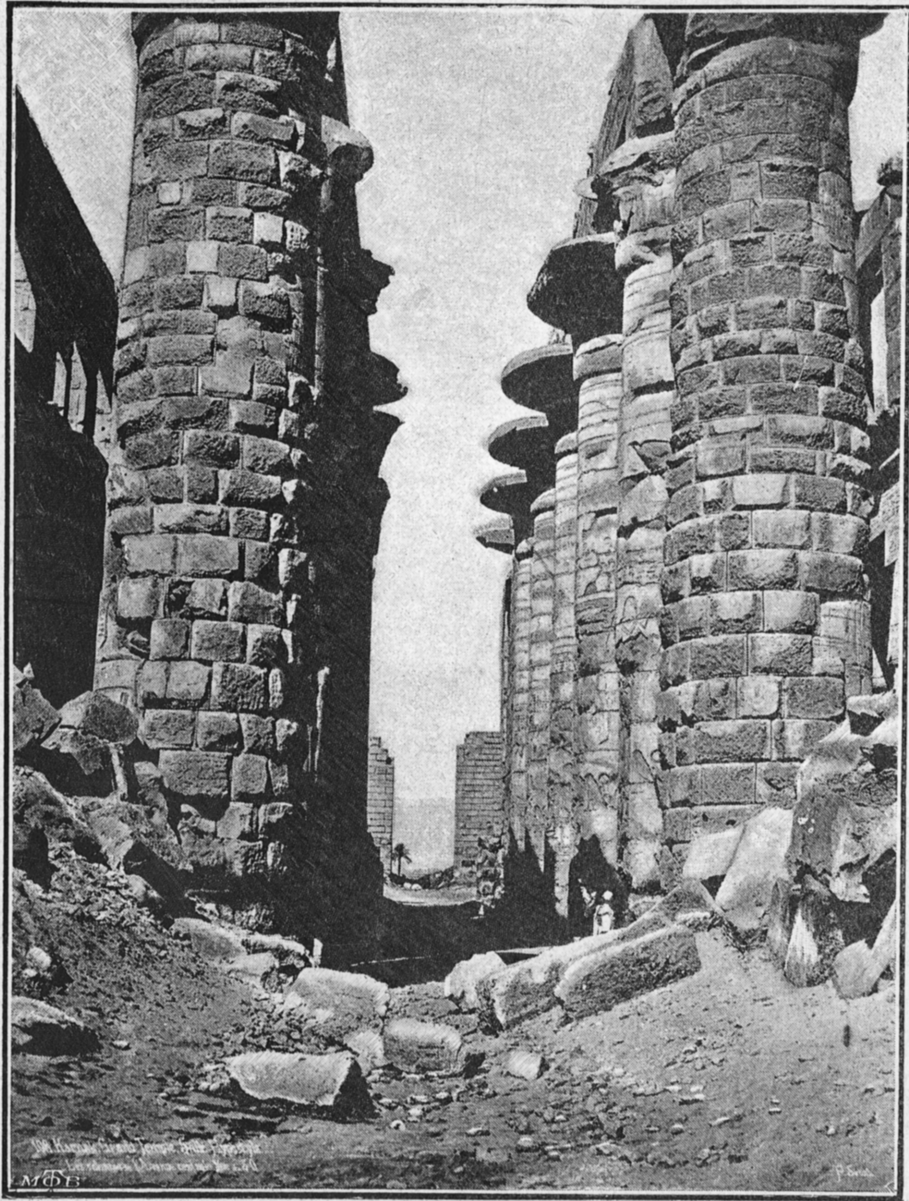
Теперь долина, гдѣ съѣтъ свой хлѣбъ феллахъ, гдѣ кочуетъ по временамъ съ своей палаткой, верблюдами и овцами арабъ, представляетъ пустынное пространство, по которому на громадномъ разстояніи одинъ отъ другого разсѣяны уцѣлѣвшіе храмы, свидѣтели бывшаго величія великолѣпныхъ стовратныхъ Оивъ, съ которыми одинъ лишь Мемфисъ могъ соперничать въ древности, необъятности и красотѣ. Четырнадцатый вѣкъ до Р. Х. былъ вѣкомъ ихъ полного величія и блеска. Въ то время онѣ были огорожены отъ наводненій громадными плотинами, удерживавшими Нилъ въ его руслѣ и защищавшими отъ разлива весь городъ съ его площадями, дворцами и храмами. Глубокіе каналы отводили воду въ плодородную долину, а тысячи канавокъ распредѣляли ее по оиванскимъ садамъ.

Знаменитая столица фараоновъ простиралась на правомъ, восточномъ берегу Нила. Близъ рѣки подымались громадными массами храмы—жилища Аммона; за ними вплоть до горы тянулись дворцы фараоновъ и важныхъ сановниковъ и тѣснились узкія, темныя и прохладныя улицы, застроенныя высокими домами горожанъ. Шумъ, движеніе и жизнь наполняли весь этотъ цвѣтущій городъ.

Совсѣмъ иной видъ имѣлъ другой, западный берегъ.

Тамъ также поднимались величественныя зданія и кишѣла людская толпа. Но между тѣмъ какъ на правомъ берегу сплошныя постройки представляли одинъ нераздѣльный городъ, на улицахъ котораго шла кипучая жизнь его жителей, на лѣвомъ — виднѣлись великолѣпные храмы, стоящіе особнякомъ, далеко одинъ отъ другаго, окруженные глиняными мазанками, похожими на дѣтей, которыя жмутся къ своей матери, ища у нея защиты. Все здѣсь было тихо, почти торжественно. Въ то время, какъ на правомъ берегу надъ городомъ стоялъ непрерывный стонъ миллионнаго торговаго населенія, — на лѣвомъ, напротивъ, царила тишина, неподвижность, едва нарушаемая отправлениями церковныхъ обрядовъ. А между тѣмъ къ этому берегу причаливали тысячи барокъ, раздавались отдаленные гимны; длинныя процессіи съ развѣвающимися хоругвями и изображеніями священныхъ животныхъ двигались по долинѣ къ горѣ. Но эти барки привезли мертвецовъ; эти гимны были заупокойныя молитвы, эти процессіи шли за гробами. Здѣсь былъ городъ мертвыхъ — другія Оивы.

Но египетское кладбище не имѣло ничего общаго съ нашимъ, современнымъ; это не было пустыннымъ, заброшеннымъ мѣстомъ. Для египтянина кладбище было мѣстомъ постоянныхъ заботъ, такъ какъ всю свою жизнь онъ не переставалъ думать о немъ. Похороны продолжались семьдесятъ дней, во время которыхъ шли приготовленія трупа, затѣмъ шло погребеніе, требовавшее постоянного присутствія священниковъ. При храмахъ поэтому находились многочисленныя ихъ корпораціи; тамъ же помѣщались школы и ученые. А вокругъ хра-

Развалины Карнакского храма.

мовъ, въ этихъ хижинахъ, лѣпящихся къ нимъ, жили колхиты, составлявшіе отдѣльную касту, въ которой секреты профессіи передавались отъ отца къ сыну ¹⁾. На этомъ же берегу Нила помѣщались многочисленныя мастерскія и магазины; въ нихъ высклакивали каменные саркофаги, красили деревянные гробы, ткали длинные холсты, которыми обвертывали муміи, чеканили изъ золота или вырѣзывали изъ камня амулеты и талисманы, шедшіе на украшеніе покойниковъ. Въ магазинахъ продавались различныя вещи, также необходимыя въ процессѣ погребенія: ароматы, бальзамы, цвѣты, плоды, священныя просвиры. Въ пригонахъ кормили тысячи быковъ, козъ и гусей, которыхъ покупали родственники и приносили на могилу дорогого умершаго; менѣе богатые покупали просто говядину у мясниковъ, а бѣдняки ограничивались пріобрѣтеніемъ разноцвѣтныхъ пряниковъ, изображавшихъ быковъ и гусей, которыхъ купить они не могли и поэтому замѣняли дешевой эмблемой. Здѣсь же продавались свертки папируса, на которыхъ храмовые сcribes писали, по просьбѣ родственниковъ, священныя каноны, клавшіеся въ гроба, чтобы души умершихъ, произнося ихъ, могли отогнать отъ себя наііе духовъ мрака, открыть себѣ двери Аменти и съумѣть оправдаться передъ Озирисомъ и сорока двумя судьями, засѣдавшими въ судилищѣ подземнаго царства.

Что происходило въ это время внутри храмовъ, того не могли видѣть простые смертныя. Высокія глухія стѣны окружали ихъ, а громадныя двери ихъ отворя-

¹⁾ Колхиты занимались мумификаціей труповъ.

лись лишь два раза въ день, утромъ и вечеромъ, когда выходили оттуда жрецы и пѣли хоромъ гимны восходящему и закатывающемуся солнцу.

Едва умолкала ихъ вечерняя пѣснь и спускалась ночная мгла, какъ весь некрополь становился пустыннымъ; всѣ посѣтители его торопились на ночь вернуться въ „живыя Оивы“. Вся эта толпа, которая двигалась здѣсь въ различныхъ процессіяхъ, возвращалась теперь къ своимъ баркамъ. Торговцы запирали свои лавки; колхиты задолго еще до наступленія темноты оставили свое страшное дѣло; жрецы заперли за собой тяжелыя ворота храмовъ. Голоса и рыданія женщинъ постепенно утихли; смолкли и шумные возгласы, и перебранка матросовъ на баркахъ, одна за другой отвалившихъ отъ берега. Вечерній вѣтерокъ едва доносилъ слабые, разрозненные, кое-гдѣ еще раздававшіеся звуки; все смолкло въ общей ночной тишинѣ.

На глубокой синевѣ безоблачнаго неба по временамъ пронесется черной полосой тѣнь летучей мыши по берегу рѣки промелькнетъ неслышно шакаль, вышедшій напиться изъ своихъ черныхъ ущелій, и огласитъ воздухъ своимъ жалобнымъ воемъ, похожимъ на рыданіе, и опять все стихнетъ. Ни одинъ атомъ природы не нарушитъ безмолвія, въ какое погрузилась вся земля съ ея обитателями, въ какомъ покоится неподвижный, какъ бы заснувшій Ниль, отражающій яркое сіяніе звѣздъ, горящихъ теперь надъ моей головой все такъ же, какъ горѣли онѣ 3500 лѣтъ тому назадъ надъ городомъ Рамессидовъ, развалины котораго я увижу завтра.

То, что осталось отъ Оивъ и что посѣщаютъ обыкновенные путешественники, располагается въ слѣдующемъ порядкѣ по обоимъ берегамъ Нила: на правомъ берегу Карнакскій храмъ или, скорѣе, группа храмовъ и Луксорскій, на лѣвомъ — Гурна, Рамессеумъ и Мединеть-Абу. Вотъ главные точки ориентированія; остальные, второстепенные памятники размѣщаются вокругъ этихъ главныхъ пяти, изъ которыхъ четыре носятъ названія арабскихъ деревень, стоящихъ рядомъ съ ними, такъ какъ ихъ собственные имена съ давнихъ поръ и почти до Шамполіона были забыты и неизвѣстны. Уже во времена Страбона, Оивы были раздѣлены на нѣсколько деревень; Ювеналь же видѣлъ здѣсь однѣ развалины:

..... Centum jacet obruta portis.

По росписанію Кука, мы должны были начать сегодня съ лѣваго берега; но мы сообща просили драгомана измѣнить маршрутъ, такъ какъ въ путешествіи—такъ казалось намъ — всегда надо начинать съ того, что считается наиболѣе выдающимся; такимъ образомъ впечатлѣніе получится болѣе цѣльное, чѣмъ если идти постепенно. Въ Римѣ, напримѣръ, надо прямо отправиться въ Колизей или въ храмъ Петра и ни на что не смотрѣть по дорогѣ. Поэтому мы рѣшили начать съ Карнака.

Выѣхавши изъ узкихъ улицъ луксорскаго базара, гдѣ, какъ мнѣ показалось, главный предметъ торговли составляютъ трубки и чубуки къ нимъ, мы миновали арабское кладбище и въѣхали въ широкую аллею, по обѣимъ сторонамъ которой стоятъ на довольно близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго сфинксы. Отъ большинства изъ нихъ остались только пьедесталы, нѣко-

торые же сохранились довольно хорошо. Чѣмъ ближе подѣзжали мы къ Карнаку, тѣмъ цѣльные сфинксы попадались чаще. Они изваяны изъ розоваго гранита, голова у нихъ человѣческая и львиное туловище. Свернувъ немного влѣво, мы вѣхали въ другую аллею; вдоль нея также стояли сфинксы, только съ бараными головами. Они хорошо сохранились, хотя большинство изъ нихъ покачнулось въ разныя стороны, нѣкоторые опрокинуты, другіе стоятъ задомъ напередъ.

Черезъ четверть часа ѣзды по этому странному проспекту мы были передъ отдѣльно стоящимъ пилономъ храма Кхонса. Вдали виднѣлись громады Карнака. Этотъ пилонъ — времянь Птолемея Эвергета. На украшающихъ его барельефахъ рядомъ съ Эвергетомъ изображена его жена Вероника. Оба они въ греческомъ одѣяніи, что представляетъ большую рѣдкость на египетскихъ памятникахъ.

Мы наскоро проѣхали мимо этого пилона и остатковъ святилища Кхонса. Намъ неудержимо влекло къ Карнакскому храму. Все слышанное, все читанное прежде про него возставало въ памяти, и эти грузныя массы, какъ миражъ, плававшія надъ песчанымъ океаномъ, были для насъ какой-то обѣтованной землей, куда, какъ къ центру, сбѣгаются радіусы, стремятся всѣ желанія путешественниковъ по Нилу.

Между храмомъ Кхонса и Карнакомъ тянется пальмовый лѣсокъ; отъ него до перваго большаго пилона — шаговъ сто или двѣсти. Пилонъ ¹⁾ этотъ — самый гро-

¹⁾ Пилономъ называются ворота, образованныя изъ двухъ усѣченныхъ пирамидъ, соединенныхъ наверху поперечной террасой. Внутри ихъ устроены лѣстницы, ведущія наверхъ, гдѣ, какъ думаютъ нѣкоторые, помѣщались обсер-

мадный во всемъ Египтѣ: въ немъ 44 метра вышины и 113 ширины ¹⁾). Черезъ эти грандіозныя ворота мы вошли въ обширный дворъ, среди котораго шла прежде длинная колоннада, теперь поваленная вслѣдствіе землетрясенія. Противъ перваго пилона, въ другомъ концѣ двора, стоитъ другой передъ знаменитой колонной залой, которую называютъ обыкновенно *ипостильной карнакской залой*. Землетрясеніе ²⁾ разрушило одну изъ сторонъ этого втораго пилона, представляющаго теперь видъ обвалившейся горы. Передъ этой громадиной какъ-то и въ голову не приходитъ ни одинъ памятникъ рукъ человѣческихъ: думаешь о великихъ катаклизмахъ природы или о титанахъ, поднявшихъ Пеліонъ на Оссу. Но вотъ и одинъ изъ титановъ сидитъ въ видѣ гранитнаго колосса передъ входомъ въ залу. Это образъ Рамзеса II, достроившаго Карнакскій храмъ. Онъ наполовину заваленъ мусоромъ обвалившагося пилона, голова обезображена, но общій характеръ спокойствія и силы еще видѣнъ въ его фигурѣ. Взойдя на гранитное крыльцо, я проникъ въ полумракъ ипостильной залы и... остановился въ изумленіи: никогда еще

ваторіи, откуда *хороскопы* слѣдили за ходомъ свѣтилъ. Передъ каждымъ египетскимъ храмомъ есть пилонъ. Ж. Ж. Амрѣе думаетъ, что гомеровскій эпигетъ Оивъ *стовратныя* намекаетъ на безчисленные, украшавшіе ихъ пилоны. Оивы можно было бы назвать также *прекрасновратными*, какъ величаетъ ихъ одинъ греческій путешественникъ въ надписи, оставленной имъ на ногѣ колосса Мемнона.

¹⁾ См. описаніе Карнакаго храма у Мариеттъ-паши въ его сочиненіи: *Karnak, étude topographique et archéologique avec un appendice comprenant les principaux textes hiéroglyphiques*, etc. Leipzig, 1875. I. С. Heinrich.

²⁾ Землетрясеніе это было въ 27 году до Р. Х.: *Thebæ Aegypti usque ad solum diruta sunt*. Евсевій.

и нигдѣ я не испытывалъ ощущенія величія такъ сильно, какъ здѣсь.

Нѣтъ, Вилькинсонъ не преувеличилъ ничего, говоря, что эта зала—самая громадная и великолѣпная въ мірѣ развалина прошедшихъ и настоящихъ временъ. Шамполліонъ, понимавшій Египетъ чуть-ли не меньше, чѣмъ восторгавшійся имъ, былъ пораженъ, какъ-бы подавленъ этимъ чудомъ старины. „Египтяне, писалъ онъ изъ этой залы своему брату Figeac'у, питали замыслы сто-аршинныхъ великановъ, и наше воображеніе, парящее у насъ, въ Европѣ, высоко надъ нашими портиками, падаетъ немощно передъ этими ста сорока колоннами Карнакской залы... Я ничего не буду описывать, говоритъ онъ далѣе, потому что или мои слова передадутъ лишь тысячную долю того, что слѣдовало бы сказать, говоря о подобныхъ вещахъ, или я покажусь энтузіастомъ и даже съумасшедшимъ, если попытаюсь дать хотя приблизительный эскизъ этихъ развалинъ“¹⁾.

Какъ быть въ самомъ дѣлѣ въ такихъ случаяхъ путешественнику, желающему подѣлиться своими впечатлѣніями? Частое повтореніе эпитетовъ: громадный, грандіозный, необъятный, или точныя цифры аршинъ и метровъ наврядъ-ли достигнуть желанной цѣли. Въ этомъ отношеніи средневѣковые путешественники были въ лучшемъ положеніи: въ ихъ время вѣрили въ чудеса, и самыя блѣдныя копіи съ нихъ, равно какъ и раскрашенныя, преувеличенныя картины читались и имѣли кредитъ у неразвращеннаго еще общества. Теперь же чудеса выдохлись; праздничныя явленія обра-

¹⁾ *Lettres d'Égypte*, p. 79—80.

тились въ будничныя, да и сами мы уже развращены равнимъ и заочнымъ знаніемъ такъ называемыхъ чудесъ міра, стыдимся этихъ чудесъ, торопливо стараемся разоблачить чудо отъ всякой поэзіи, боясь, чтобъ насъ не заподозрили въ вѣрѣ въ чудо или въ младенческомъ влеченіи къ нему: мы выросли и предпочитаемъ не вѣрить и скучать. Гдѣ искать сверхъестественнаго? Одно анализировано, изучено и утратило прелесть тайны, другое прискучило, третье оказалось ребячествомъ. А если и найдешь его, то какъ описать его такъ, чтобы не показаться смѣшнымъ въ своемъ восторженномъ преклоненіи передъ нимъ?

Для того, чтобы дать хотя слабое понятіе объ этой ипостильной залѣ, я позволю себѣ обратиться къ сравненію. Представьте себѣ цѣлый лѣсъ колоннъ, равныхъ по вышинѣ Александровской, въ обхватѣ же гораздо толще ея ¹⁾). Этотъ лѣсъ покрываетъ площадь, имѣющую въ длину почти столько же, что и главный корабль св. Петра въ Римѣ, въ ширину-же — 53 метра. Нечего и говорить, что ни время, ни опустошавшіе Египетъ завоеватели — варвары-пастухи и фанатики-Персы — ничего не могли сдѣлать, чтобы разрушить эту залу. Она осталась въ томъ же видѣ, въ какомъ она была три тысячи лѣтъ тому назадъ, въ цвѣтуція времена Рамзесовъ. Разрушительныя силы природы пали безсильными здѣсь передъ твореніемъ человѣка. Землетрясеніе, повалившее нѣсколько колоннъ въ предшествовавшемъ

¹⁾ Средній рядъ колоннъ Карнакской ипостильной залы имѣетъ 23 метра вышины; остальные колонны немного ниже; въ обхватѣ-же каждая имѣетъ 10 метровъ. Монолитъ Александровской колонны въ Спб. имѣетъ 25 метровъ вышины.

дворѣ и разрушившее одну изъ сторонъ большаго пилона, даже не поколебало этихъ ста тридцати четырехъ колоннъ, подъ темными сводами которыхъ я теперь стою. Пилонъ, падая, увлекъ съ собой три ближайшихъ колонны, четвертая устояла и повисла въ наклонномъ положеніи, какъ Пизанская башня. Сохранился даже потолокъ и видны кое-гдѣ небольшія окна, слабо освѣщающія внутренность залы. Потолокъ — плоскій, такъ какъ египтяне не знали свода и замѣняли его монолитными перекладинами, что конечно вынуждало ихъ ставить свои колонны очень близко одна отъ другой. Вслѣдствіе чего здѣсь, какъ и во всѣхъ сохранившихся до насъ ипостильныхъ залахъ, есть громадный, на мой взглядъ, недостатокъ, заключающійся въ томъ, что слишкомъ часто стоящія колонны не позволяютъ окинуть взоромъ всю залу сразу. Съ какой бы стороны ни смотрѣлъ зритель, отовсюда онъ видитъ только два ряда колоннъ, заслоняющихъ собой остальные.

Эта зала была окончена Рамзесомъ Сезострисомъ, но начата и выстроена его отцомъ Сети I-мъ, походы и военные подвиги котораго расписаны на ея стѣнахъ. Эти картины образуютъ цѣлую эпопею въ барельефахъ, *Сетеиду* въ картинахъ и надписяхъ, герой которой — фараонъ Сети, представленный въ различные моменты его мирной и военной жизни. Эпическій характеръ этихъ картинъ заставилъ думать Вилькинсона, что Гомеръ былъ въ Египтѣ, видѣлъ ихъ и, вдохновленный ими, написалъ батальные пѣсни *Иліады*. Каждый простѣнокъ здѣсь составляетъ какъ-бы отдѣльную пѣсню. На одномъ Сети изображенъ стоящимъ въ колесницѣ; онъ поражаетъ враговъ, которые валятся со всѣхъ сто-

ронъ въ самыхъ разнообразныхъ позахъ и въ ужасѣ бѣгутъ отъ него. Фараонъ, колесница и его лошади изображены въ громадныхъ размѣрахъ въ сравненіи съ остальными дѣйствующими лицами; кони фараона, пущенные вскачь, много выше непріятельской крѣпости и покрываютъ всю армію побѣжденныхъ враговъ Египта. Далѣе, храбрый фараонъ схватился въ рукопашную съ вражескимъ военачальникомъ; онъ его держитъ за горло и собирается пронзить копьемъ; одной ногой онъ наступилъ на только-что сраженнаго противника. Въ этой картинѣ много движенія и жизни. Переходя къ другой стѣнѣ, мы видимъ того же Сети, который влечетъ за собой покоренные имъ народы и — что довольно оригинально — несетъ нѣсколько побѣжденныхъ царей и полководцевъ подъ мышкой, какъ дѣлаютъ няньки съ упрямыми дѣтьми. Затѣмъ, покоренные народы сдаются, рубятъ лѣса своей страны какъ-бы для того, чтобы открыть побѣдителямъ свободный входъ въ нее. Наконецъ видно, какъ фараонъ въ триумфѣ возвращается домой. По дорогѣ его встрѣчаютъ важные сановники государства, народъ и, что достойно замѣчанія, жрецы, склонившись передъ нимъ съ выраженіемъ подобострастія и удивленія. Фараонъ и тутъ представленъ разъ въ десять или двадцать больше окружающихъ его фигуръ.

На одной стѣнѣ залы (южной) Шамполіонъ открылъ одинъ въ высшей степени интересный фактъ, доказывающій, какія неоцѣненные услуги оказываютъ исторіи іероглифическія надписи. На этой стѣнѣ изображенъ египетскій царь *Сезонхъ* посвящающимъ Аммону своихъ многочисленныхъ плѣнныхъ. На груди у каждаго изъ этихъ послѣднихъ надпись съ именемъ того народа

или страны, которую онъ представляетъ. На одной изъ надписей Шамполлионъ прочелъ слова *Юда мелекъ*, что значить по-еврейски *Иудейское царство*. Изъ третьей же книги Царствъ извѣстно, что египетскій царь Сусахимъ (Сезакъ или Сезонхъ) взялъ Иерусалимъ и полонилъ царя Ровоама ¹⁾. Можно ли было найти болѣе поразительное доказательство соотношенія между Библией, египетскими памятниками и таблицами Манетона, который въ этомъ мѣстѣ своихъ хронологическихъ списковъ египетскихъ династій ставить фараона Сезонхиса, очевидно все того же Сезонха? ²⁾. Такимъ образомъ вотъ непоколебимая точка отправленія, относящаяся къ концу десятаго вѣка до Р. Х. и дающая, слѣдовательно, исторіи возможность твердо идти гораздо далѣе.

На этой же стѣнѣ, если идти вдоль нея на востокъ, находится знаменитая поэма Пентаура, мужа Бенъ-Ана, дочери Рамзеса II, поэта и современника Моисея ³⁾.

Въ пятый годъ царствованія Рамзеса, во время похода противъ Кэтовъ, фараонъ, довѣрившись двумъ перебѣжчикамъ, попалъ въ засаду. Далеко ушедши впередъ отъ своего войска и имѣя съ собой лишь нѣсколько тѣлохранителей, Рамзесъ былъ внезапно окруженъ цѣлымъ войскомъ враговъ. Тѣлохранители его всѣ были перебиты; онъ остался одинъ. Отступленіе

¹⁾ Третья книга Царствъ, 14, 25: «На пятомъ году царствованія Ровоамова, Сузакимъ, царь египетскій, вышелъ противъ Иерусалима и взялъ сокровища дома Господня и сокровища дома царскаго» и т. д.

²⁾ Г. Вругль доказалъ, что въ изображенномъ на стѣнѣ Карнакскаго храма еврейскомъ плѣнникѣ не слѣдуетъ видѣть самого Ровоама, такъ какъ *Юда мелекъ* — названіе одной мѣстности въ Палестинѣ, а не всего царства Иудейскаго.

³⁾ Текстъ этой поэмы находится въ папирусахъ *Baifé* и *Sallier III*, а также на стѣнахъ Ипсамбула, Карнака, Луксора и Рамессеума.

было невозможно, а шедшіе за нимъ легіоны Аммона, Ра, Фта и Сутека были далеко. Ему оставалось только положиться на свое несокрушимое мужество и помощь боговъ. Изложенію этихъ фактовъ посвящена вступительная часть поэмы, повѣствующей далѣе о геройскихъ подвигахъ Рамзеса, единолично избившаго почти цѣлое войско враговъ и продолжавшаго отбиваться до заката солнца отъ вновь подходившихъ полчищъ до тѣхъ поръ, пока не пришло его войско.

Въ критическую минуту фараонъ немного смутился духомъ. Онъ воззвалъ къ покровителю Оивъ, Аммону, напомнивъ ему въ горячей молитвѣ весь блескъ, какимъ онъ всю свою жизнь окружалъ его культъ, и всѣ храмы, которые онъ ему воздвигъ, совершенно какъ герои Гомера напоминаютъ Зевсу олимпійскому всѣ гекатомбы, которыя они ему приносили. „Со мною нѣтъ ни одного военачальника, ни одной колесницы, воскликнулъ фараонъ. Мои солдаты меня покинули, никого не осталось рядомъ со мной! Кто же ты, о Аммонъ, отецъ мой? Развѣ отецъ забываетъ своего сына? Развѣ я дѣлалъ что-нибудь безъ тебя? Развѣ я не поступалъ всегда по твоимъ велѣніямъ? Не приносилъ-ли я тебѣ безчисленныхъ жертвъ? Я тебѣ выстроилъ храмъ на милліоны лѣтъ... я завоевалъ тебѣ весь міръ, чтобы обогащать твой жилища... я закололъ передъ тобою тридцать тысячъ быковъ... я привезъ тебѣ обелиски и гранитные камни изъ Элефантины для украшенія твоихъ храмовъ. Мои корабли плаваютъ по морю и привозятъ тебѣ дань со всѣхъ народовъ!“ Тутъ является божество, какъ и въ битвахъ Гомера. Аммонъ услышалъ молитвы Рамзеса, ободрилъ его словами и воротилъ ему его упавшія силы.

По окончаніи дня, когда подошедшія египетскія войска разбили на-голову враговъ, всѣ военачальники и сыновья Рамзеса восторженно привѣтствовали фараона, единственнаго виновника побѣды, удивляясь его храбрости и съ ужасомъ глядя на груды труповъ сраженныхъ его рукой враговъ. Но Рамзесъ на ихъ похвалы отвѣчалъ словами упрека, сравнивъ съ ихъ трусливымъ поведеніемъ вѣрную службу своихъ двухъ коней, которые носили его колесницу среди непріятелей по полю битвы и не разъ спасали его отъ неминуемой смерти. Въ пику своимъ генераламъ онъ тутъ же приказалъ осыпать ихъ почестями, подобно тому, какъ Александръ, послѣ Паросской битвы, основалъ городъ и назвалъ его Буцефаліей въ честь своего коня, спасаго ему нѣсколько разъ во время сраженія жизнь. „*Побѣда Оивамъ и Удовлетворенная Нура*“ — вотъ мои два вѣрные друга, сказалъ въ заключеніе фараонъ; ихъ однихъ и моего возницу Менна нашла моя рука въ критическую минуту среди враговъ“¹⁾).

На востокъ отъ ипостильной залы простирается цѣлое поле развалинъ, среди которыхъ мѣстами виднѣются нѣкоторыя части храмовъ, довольно хорошо сохранившіяся, но далеко уступающія по размѣрамъ тому, что мы только-что видѣли: мы разстались съ постройками гигантовъ, передъ нами — храмы и жилища людей.

Непосредственно за ипостильной залой идетъ такъ называемая *зала каріатидъ*, построенная Тутмесомъ I-мъ. Оба пилона, стоящіе у ея восточныхъ и западныхъ дверей, равно какъ и четырнадцать колоннъ, идущія

¹⁾ F. Lenormand, *Histoire ancienne de l'Orient*, t. II, p. 258 et suiv.

вокругъ нея, уже существовали, когда знаменитая правительница Египта, дочь этого Тутмеса и старшая сестра Тутмеса II и III, поставила посреди этой залы два самыхъ громадныхъ обелиска, которые извѣстны. Одинъ изъ нихъ упалъ и разбился на нѣсколько кусковъ; другой же стоитъ и называется *обелискомъ царицы Хатмасу* ¹⁾. Египтологи увѣряютъ, будто въ изображеніяхъ, покрывающихъ все четыре стороны обелиска, царица представлена съ бородой, хотя въ надписяхъ, окружающихъ барельфы, рѣчь все время идетъ о *дочери Солнца*.

Продолжая пробираться между развалинами, прыгая съ камня на камень, съ рискомъ сломать себѣ ноги, мы постепенно обошли весь Карнакскій храмъ. Совсѣмъ въ концѣ его восточной части сохранились остатки святилища фараоновъ XVIII династіи. Этотъ храмъ въ такомъ плачевномъ состояніи, что надо быть археологомъ, чтобы съумѣть возстановить по этимъ грудамъ мусора его прежній видъ. Впрочемъ, если естествоиспытатели возстановляютъ цѣлыхъ допотопныхъ животныхъ по одной ихъ кости, то отчего же египтологамъ не построить мысленно цѣлаго храма, имѣя передъ глазами какой-нибудь фризъ или обломокъ колонны? Какъ-бы тамъ ни было, а эти развалины принадлежатъ самому древнему Оиванскому храму: на нихъ было найдено имя Узортазена I, фараона XII династіи, того самаго, которому принадлежитъ обелискъ въ Геліополисѣ и который царствовалъ еще до нашествія гиксовъ. Остатки этой эпохи драгоценны, такъ какъ они рѣдки; они относятся къ тому періоду египетской исторіи, который

¹⁾ См. выше, стр. 102.

хотя по хронологіи и на много вѣковъ еще моложе фараоновъ, строителей пирамидъ, но тѣмъ не менѣе называется *Древней Имперіей* въ сравненіи съ временемъ, относительно новѣйшимъ, когда строились громадныя храмы Аммона, покровителя Фивъ, временемъ Тутмесовъ и Рамзесовъ, пятнадцатю вѣками предшествовавшимъ въ свою очередь рожденію Христа. Рѣшительно, столѣтія здѣсь также нагромождены на столѣтія, какъ развалины надъ развалинами.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ эти гранитныя глыбы были нѣмы; теперь же онѣ, оживотворенныя геніемъ Шамполліона, рассказываютъ намъ исторію двадцати вѣковъ жизни Египта. Основаніе Фивъ относится къ одиннадцатой династіи (3000 л. до Р. Х.). Около этого времени былъ построенъ здѣсь первый храмъ, объ остаткахъ котораго я только-что говорилъ, Узортазеномъ, первымъ царемъ двѣнадцатой династіи. Съ тѣхъ поръ каждая династія, каждый фараонъ, даже каждый иностранный царь, властвовавшій въ Египтѣ, считалъ за честь украшать и увеличивать храмъ, посвященный отцу боговъ. Среди именъ египетскихъ видны имена эѳіоплянъ: рядомъ съ Александромъ Македонскимъ и Филиппомъ Аридеемъ стоятъ имена Птолomeевъ и римлянъ, поддавшихся вліянію древняго обычая, какъ это доказываетъ картуша Цезаря Августа ¹⁾).

Кругомъ себя въ Карнакѣ вы видите открытыми цѣлыя фоліанты египетской исторіи. Длинна она, но

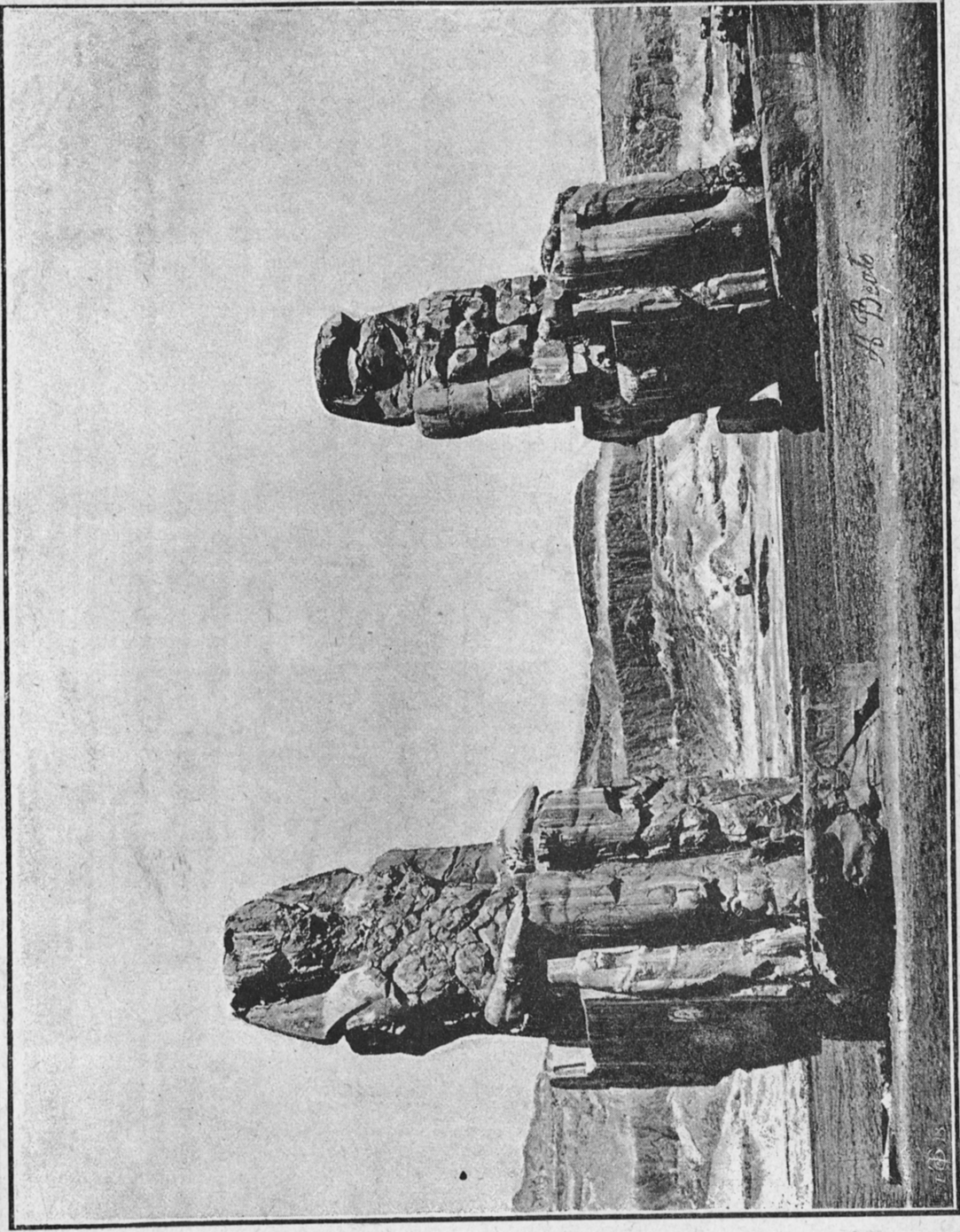
¹⁾ Не видно только именъ персидскихъ царей, которыхъ вообще нѣтъ ни на одномъ памятникѣ ни въ Египтѣ, ни въ Нубіи. Исключеніе впрочемъ составляетъ имя Дарія, встрѣчающееся на стѣнахъ храма въ оазисѣ Эль-Хардже и въ Эдфу.

велики и памятники, на которыхъ она начертана. Въ какую бы сторону вы ни обратили вашъ взоръ среди этихъ остатковъ цивилизаціи, сметенной временемъ, вы остановитесь въ изумленіи подавленными, ошеломленными ихъ величіемъ, ихъ необъятностью. Обернитесь на западъ и вы увидите черту ограды, дворъ Тутмеса, обелиски, которые кажутся выросшими среди поля, усѣяннаго гранитными скалами, внутренній фасадъ громадныхъ пилоновъ и въ глубинѣ картины—Ливійскія горы, испещренныя черными отверстіями могильныхъ пещеръ; посмотрите на востокъ, тамъ поднимаются такіе же пилоны съ наклонными дверями, за которыми скрываются въ полумракѣ святилища храмовъ, въ безпорядкѣ лежатъ архитравы изъ монолитовъ и капители большой колоннады; на сѣверѣ передъ вами стоятъ эти колонны ипостильной залы, раскрашенные и рѣзныя сверху до низу, великолѣпныя и громадныя, поддерживающія горизонтальныя перекладины, изъ которыхъ каждая годилась бы на обелискъ, и окруженныя низкой стѣной, вдоль которой несутся въ колесницахъ фараоны среди своихъ воиновъ; на югъ видны полуразвалившіеся пропиленіи, окруженные пальмами, триумфальная арка Птоломея Эвергета, храмъ Кхонса и священное озеро, отражающее развалины. Въ какую бы сторону вы ни посмотрѣли, стоя въ чертѣ Карнакского храма, отовсюду на васъ смотрятъ эти тѣсячелѣтніе исполины, образъ которыхъ западаетъ вамъ въ память такъ, что никакое другое зрѣлище не заставитъ васъ забыть ихъ, затмивши ихъ величіе.

Я видѣлъ много старинныхъ городовъ и древнихъ памятниковъ; я видѣлъ Римъ и Аѳины, я видѣлъ под-

валы храма Соломона и ночеваль съ моей палаткой среди храма Ваала въ Бальбекѣ; я обошелъ Эфесъ и пустынные улицы Родоса — нигдѣ я не видалъ ничего подобнаго Карнаку. Глядя на его раваины, представляешь себѣ какую-то страшную цивилизацію, полную утонченной жестокости и кроваваго сластолюбія. Люди, жившіе въ этихъ дворцахъ, въ стѣнахъ которыхъ невольно говоришь шепотомъ, должны были быть не такими, какъ мы; они ходили медленно среди колоннъ, влача за собой по каменнымъ плитамъ тяжелыя складки своей бѣлой одежды. Ихъ лобъ, обвитый золотой змѣей, никогда не склонялся къ землѣ; они были молчаливы, такъ какъ повелѣвали лишь знаками. На своихъ столахъ изъ порфира они ѣли невѣдомыхъ птицъ и морскихъ чудовищъ, пойманныхъ для нихъ на глубинѣ Индійскаго океана; жены, бѣлѣ молока и одѣтыя, какъ богини, ждали ихъ на пурпуровыхъ ложахъ. Ручныя львы, ласкаясь, лизали имъ руки и шли передъ ними, когда они выѣзжали на войну на колесницахъ, запряженныхъ единорогами. Они жили по тысячѣ лѣтъ и някогда не улыбались.

Утомившись ходить по развалинамъ, мы сѣли вмѣстѣ съ моимъ сосѣдомъ по *table d'hôte*'у, американскимъ клержименомъ, на крышу ипостильной залы и стали разсматривать сверху этотъ лѣсъ колоннъ. — Какимъ образомъ, сказалъ я, подымали египтяне такіе монолиты на такую вышину? До сихъ поръ вѣдь не найдено ни одного намека на существованіе у нихъ какихъ-либо механическихъ приспособленій для передвиженія тяжестей. — Знаете ли, отвѣчалъ мой собесѣдникъ, что если сломать сто тысячъ пальмовыхъ вѣтокъ на спинѣ лю-

А. Рубин

Колоссы Аменофиса въ долинь Оивъ.

дей, которые всегда ходятъ голыми, то можно выстроить сколько угодно дворцовъ, да еще и храмовъ въ придачу. Повѣрьте мнѣ, это было дурное время для финиковъ: у пальмъ срѣзали больше вѣтокъ, чѣмъ сколько у нихъ росло. И эти камни, которыми мы восхищаемся теперь, слышали больше горькихъ вздоховъ и слезъ, чѣмъ хвалебныхъ гимновъ въ честь Аммона.

На другое утро на восходѣ мы отвалили на двухъ баркахъ отъ города Рамессидовъ или города Зевса, какъ называли его греки (Diospolis), и направились къ противоположному берегу. Нилъ передъ Оивами очень широкъ, и мы съ добрый часъ плыли по нему, смотря, какъ наши лодочники — все почему-то молодые ребята — неумѣло гребли своими неловкими четырехугольными веслами и пѣли для воодушевленія свою „дубинушку“: *яла, яла, эни яла*, которую можно слышать въ Египтѣ вездѣ, гдѣ только нѣсколько человѣкъ собрались за какой-нибудь общей работой. Глядя на этихъ голоногихъ представителей древней расы *Роту*, я чувствовалъ, что призракъ фараоновъ еще живъ до сихъ поръ и Шейхъ-эль-Беледы все еще продолжаютъ распоряжаться въ своихъ деревняхъ. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ карнакскихъ барельефовъ я видѣлъ царскій клафтъ вездѣ, гдѣ его даже и силилась прикрыть турецкая феска. Эти длинныя, худощавыя, съ плоскимъ подъемомъ нѣги и жилистыя руки нашихъ гребцовъ — все тѣ-же, которыя носили и тесали камни Карнака, и тѣ-же, что изображены тамъ въ длинныхъ картинахъ идущими плотною ратью за Рамзесомъ. Мнѣ казалось даже, что тѣлодви-

женія сохранились тѣ же; одинъ изъ нашихъ гребцовъ, разговаривая съ своимъ товарищемъ и объясняя ему что-то, положилъ палецъ въ ротъ совершенно такъ же, какъ рисуется этотъ жестъ на древне-египетскихъ стѣнописяхъ, гдѣ художникъ желалъ показать, что изображаемое имъ лицо — еще младенецъ. Народныя формы жизни въ Египтѣ не вымерли, да и не могли вымереть въ этой консервативной странѣ, какъ не вымерли фигуры скифовъ въ одѣянiяхъ русскаго мужика, которыя до сихъ поръ видны на Траяновой колоннѣ, какъ не вымерли евангельскiе образы Марѣы и Марiи, изъ коихъ первая поила меня холодной водой въ Виѳанiи, когда я черезъ Елеонскую гору ѣхалъ къ Мертвому морю и Иордану.

Какъ сообщались между собой оба берега столицы фараоновъ? Переплывали-ли еиванцы Ниль на безчисленныхъ лодкахъ, въ родѣ константинопольскихъ *камковъ*, или у нихъ былъ мостъ, какъ въ Вавилонѣ? J. J. Амрѣге долго искалъ здѣсь слѣдовъ бывшаго моста, но, не найдя ничего, рѣшилъ, что если и былъ мостъ, то понтонный, хотя вообще мосты не были неизвѣстны египтянамъ, такъ какъ на двухъ памятникахъ въ Оивахъ видны ихъ изображенiя. Равнымъ образомъ не осталось ничего отъ знаменитыхъ городскихъ стѣнъ, по которымъ могли ѣздить нѣсколько колесницъ въ рядъ, и есть полное основанiе усомниться въ ихъ существованiи; потому что еслибы онѣ когда-нибудь были, то навѣрно сохранились бы ихъ остатки, какъ на примѣръ въ Вавилонѣ, гдѣ до сихъ поръ видны груды кирпича, свидѣтельствующiя объ обширности бывшей ассирийской столицы.

Быль мость или нѣтъ — неизвѣстно, а мы между тѣмъ приѣхали на западный берегъ Нила, гдѣ насъ ждали ослы съ своими погонщиками, которые въ этой странѣ ждутъ путешественника всюду, гдѣ только есть что-нибудь посмотреть. „Un voyage en Égypte, c'est une partie d'ânes et une promenade en bateau entre-mêlées de ruines“, сказалъ мнѣ хозяинъ New-Hôtel'я въ Каирѣ, когда я его спрашивалъ про путешествіе вверхъ по Нилу, и сказалъ совершенно вѣрно.

Первый храмъ, который мы встрѣтили на лѣвомъ берегу Нила, былъ *Гурнахскій*. Эгимъ арабскимъ именемъ называются развалины, гораздо болѣе скромныя, чѣмъ Карнакскія. Гурна — памятникъ временъ Рамзесовъ; онъ весь былъ выстроенъ Сети I и Рамзесомъ Великимъ, слѣдовательно не представляетъ такого историческаго интереса, какъ Карнакскій храмъ, на стѣнахъ котораго можно найти имена почти всѣхъ египетскихъ фараоновъ. Передъ этимъ храмомъ стояло прежде два пилона, отъ которыхъ осталось теперь лишь нѣсколько камней. Вообще онъ въ сильно разрушенномъ видѣ. Планъ, по которому онъ выстроенъ, весьма схожій съ планомъ современнаго ему храма Сети въ Абидосѣ, настолько удаляется отъ общаго типа подобныхъ построекъ, что было бы почти невозможно понять назначенія нѣкоторыхъ его частей, еслибы подробныя надписи и изображенія не объясняли смысла зданія и торжествъ, имѣвшихъ въ немъ мѣсто. „Подобно Абидосскому храму ¹⁾, говоритъ Маріеттъ-паша, Гурна—ско-

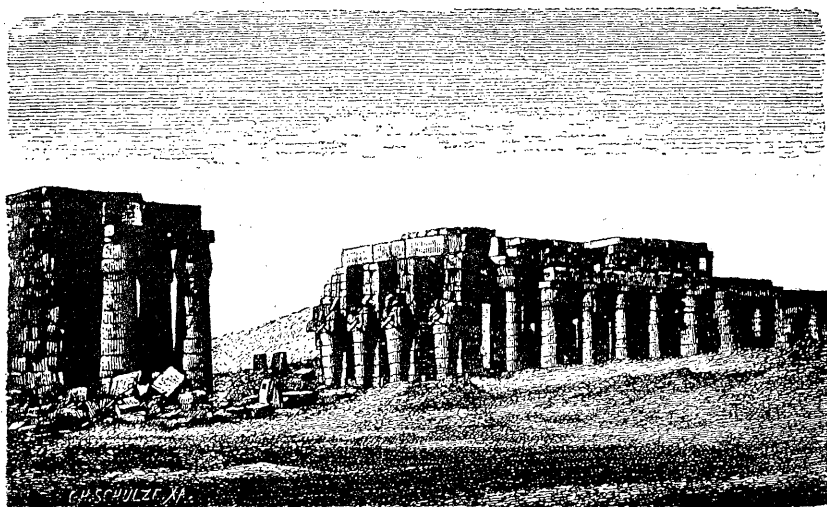
¹⁾ О немъ рѣчь будетъ впереди.

рѣе могильный памятникъ, чѣмъ храмъ; такой его характеръ объясняетъ его мѣстоположеніе на границѣ пустыни и при входѣ въ некрополь“. Надо припомнить, что было говорено раньше о той части могилы (мастаба), гдѣ въ извѣстные дни года собирались родственники умершаго для почитанія его памяти и куда приносились жертвоприношенія. Гурнахскій храмъ игралъ такую же роль мастаба: въ немъ почиталась память Рамзеса I, мумія котораго покоилась на соседнемъ кладбищѣ, на днѣ глубокаго колодца, въ ущельи Бибанъ-эль-Молукъ, а духъ котораго виталъ тутъ, въ стѣнахъ храма, воздвигнутаго въ его честь его сыномъ и оконченаго его внукомъ.

Барельефы, покрывающіе стѣны этого храма, весьма тонкой, артистической работы, едва-ли уступаютъ по красотѣ Абидосскимъ. Содержаніе ихъ, какъ вездѣ, одно и то-же, съ небольшими вариантами: передъ вами или военныя сцены, или священнослужебныя. Стѣны Гурнахскаго храма посвящены исключительно послѣднимъ. Кругомъ всего зданія идетъ одинъ и тотъ-же мотивъ: освященіе царской власти божествомъ, причемъ жрецовъ нигдѣ не видно. Самъ фараонъ исполняетъ обязанности первосвященника и служитъ божеству, возжигая передъ нимъ оиміамъ или принося ему священный хлѣбъ. Обыкновенно божество сидитъ, а царь стоитъ; но иногда и тотъ, и другой сидятъ или стоятъ рядомъ и обращаются, такъ сказать, на равной ногѣ. Напримѣръ, на одномъ изъ Гурнахскихъ барельефовъ можно видѣть Рамзеса I сидящимъ рядомъ съ Аммономъ, великимъ ѳиванскимъ богомъ; передъ ними стоитъ Рамзесъ-Сезострисъ, внукъ перваго, и воздаетъ имъ

обоимъ божескія почести, называя своего дѣда „въ Озирисѣ почившимъ фараономъ“.

Нигдѣ здѣсь не видно присутствія представителей жреческой касты, и кажется, какъ не безъ основанія думаетъ Ж. Амрѣге, эта пресловутая египетская теократія, эта абсолютная власть жрецовъ надъ фараонами и народомъ представляетъ собой одно изъ тѣхъ преувеличеній, которыя были пущены и распространены грече-

Развалины Рамессеума.

скими путешественниками. Изученіе египетскихъ памятниковъ возстановило уже и возстановитъ истинный смыслъ многихъ страницъ исторіи, легкомысленно внесенныхъ и упорно передаваемыхъ изъ вѣка въ вѣкъ касательно религіознаго и соціальнаго быта древняго Египта. Свидѣтельство грековъ и въ особенности Геродота имѣетъ свою цѣну, но свидѣтельство современной египтологіи и собственныхъ глазъ заслуживаетъ болѣ-

шаго довѣрія. Во многихъ отношеніяхъ мы, жители XIX столѣтія, можемъ видѣть древній Египетъ лучше, чѣмъ Геродотъ, потому что мы видимъ его живымъ, воспроизведеннымъ въ тысячѣ видахъ на стѣнахъ храмовъ и могилъ. Геродоту же храмы не были доступны въ такой мѣрѣ, какъ намъ. Время, этотъ всемірный уравниватель, сокрушило ихъ двери, прежде постоянно закрытыя для непосвященныхъ; благодаря ему, свѣтъ знанія озарилъ самыя сокровенныя могилы, куда прежде не проникало ни солнце, ни нога человѣческая. Наконецъ, современной наукѣ нечего обращаться, какъ Геродоту, съ разспросами къ жрецамъ: она свободно читаетъ теперь то, что прежніе іерофанты переводили вопрошавшему, какъ имъ вздумается. Для Геродота Египетъ былъ закрытой книгой, объ удивительномъ содержаніи которой ему рассказывали; для насъ — это книга открытая, доступная каждому желающему читать ее.

Отъ Гурна до Рамессеума съ полчаса ѣзды доброй ослиной рысью; мы направились туда всей гурьбой, предшествуемые нашимъ милѣйшимъ Мухаммедомъ, который командовалъ нами съ той добродушной пунктуальностью и неусыпной бдительностью, которыя составляли драгоценныя качества нянюшекъ добраго стараго времени. *This is the Ramesseum! Voilà le Ramesseum!* провозгласилъ онъ двоекратно для англійской и французской публики, какъ приходилось ему теперь дѣлать съ тѣхъ поръ, какъ второй драгоманъ заболѣлъ и остался гдѣ-то по дорогѣ.

Теперь никто больше не называетъ этого памятника *могилой Осимандіаса*, такъ чудесно описанной Діодо-

ромъ Сицилійскимъ. По его словамъ, могила этого мифическаго фараона одна была гораздо больше, чѣмъ остальные четыре большихъ египетскихъ храма. Но г. Летроннъ категорически доказалъ неправдоподобіе разсказа греческаго историка, указавъ, что могила Осимандіаса, какъ она описана у Діодора, не имѣетъ ничего общаго съ Рамессеумомъ ¹⁾. Такимъ образомъ могила Осимандіаса съ ея бібліотекой, называвшейся *лечебницею души* ²⁾—названіе, какъ думаетъ г. Летроннъ, заимствованное Діодоромъ у александрійской бібліотеки — съ ея гранитными пилонами и, въ особенности, съ ея знаменитымъ астрономическимъ кругомъ, сдѣланнымъ изъ чистаго золота и имѣвшимъ шестьсотъ футовъ въ окружности, существовала лишь въ разсказахъ египетскихъ жрецовъ да въ воображеніи легковѣрныхъ греческихъ путешественниковъ.

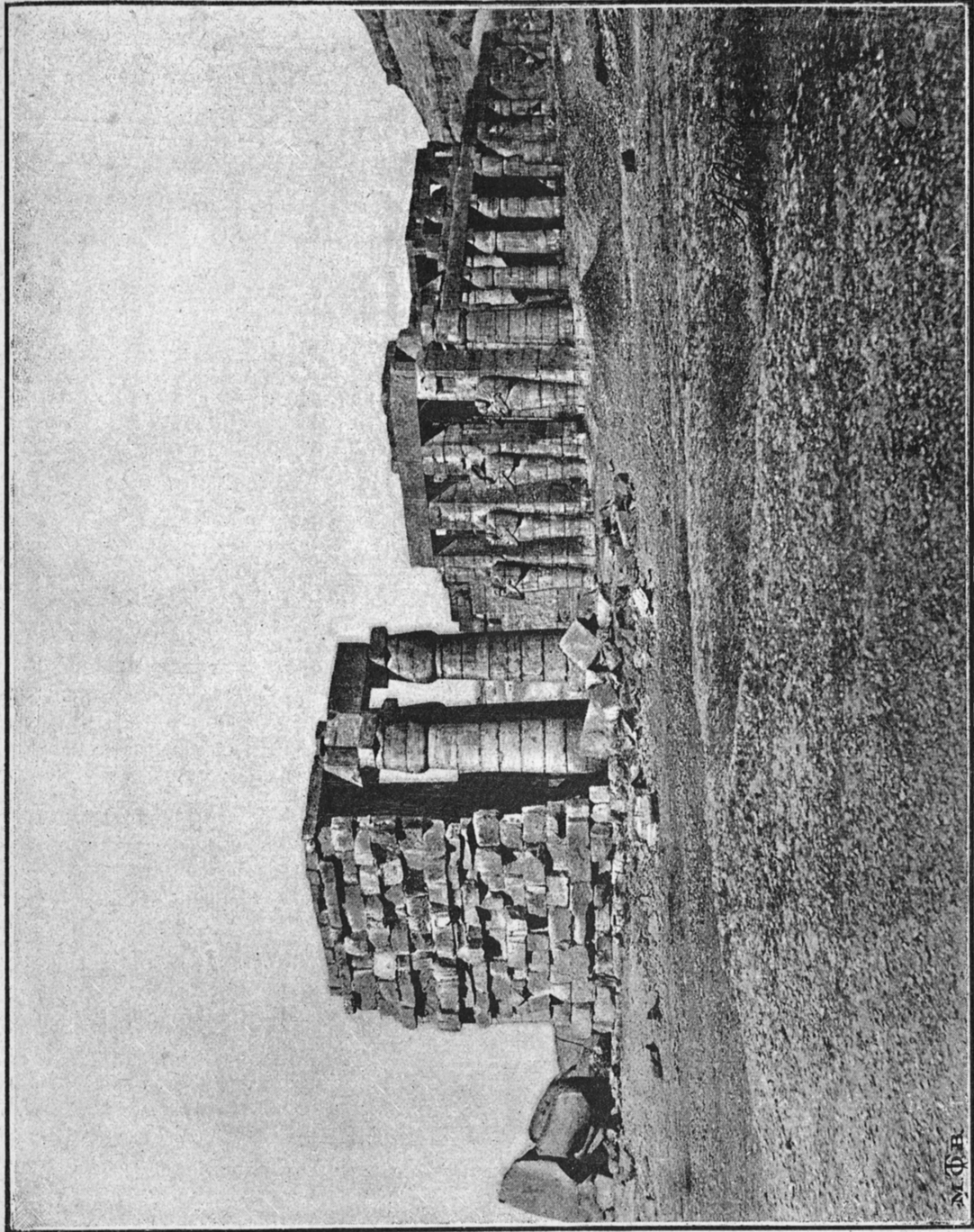
Освобожденный отъ вымысловъ старины, этотъ храмъ былъ названъ Шамполліономъ *Рамессеумомъ*, какъ храмъ, выстроенный Рамзесомъ и посвященный Рамзесу. Идея этого храма та же, что и Гурнахскаго. Какъ тамъ, такъ и здѣсь храмъ былъ въ то же время и могильнымъ памятникомъ, съ тою только разницей, что Гурнахскій храмъ былъ выстроенъ сыномъ въ память отца, а Рамессеумъ былъ выстроенъ Рамзесомъ II-мъ въ память себѣ самому. Въ главѣ о пирамидахъ мы видѣли, что въ древней имперіи могильные памятники строились египтянами каждымъ для самого себя; этотъ обычай проходитъ по всей египетской исторіи и подтверждается

¹⁾ *Mémoires de l'Académie des inscriptions*, t. IX, 317.

²⁾ ἰατρεῖον τῆς ψυχῆς. Діодоръ, I, 47—49.

такой массой примѣровъ, что не оставляетъ относительно себя никакого сомнѣнiя. Когда, напримѣръ, Амени-Аменемха рассказываетъ на стѣнахъ Бени-Хасанскихъ пещеръ всю свою жизнь, какъ онъ былъ генераломъ, какъ онъ управлялъ провинцiей Сахъ, будучи губернаторомъ, какъ онъ былъ милостивъ и справедливъ и пр., то это не его благодарные потомки въ память ему написали все это, а онъ самъ во время своей жизни составилъ свою автобиографiю и перечень своихъ добродѣтелей. Точно также и Рамзесъ построилъ себѣ памятникъ среди еиванскаго некрополя и украсилъ его барельефами и надписями, которые передавали бы грядущимъ поколѣнiямъ память о его славномъ царствованiи, о его благочестii и военныхъ подвигахъ. Итакъ, Рамессеумъ является памятникомъ надгробнымъ по своей идеѣ и чисто-историческимъ по многочисленнымъ картинамъ, украшающимъ его хорошо сохранившiяся стѣны.

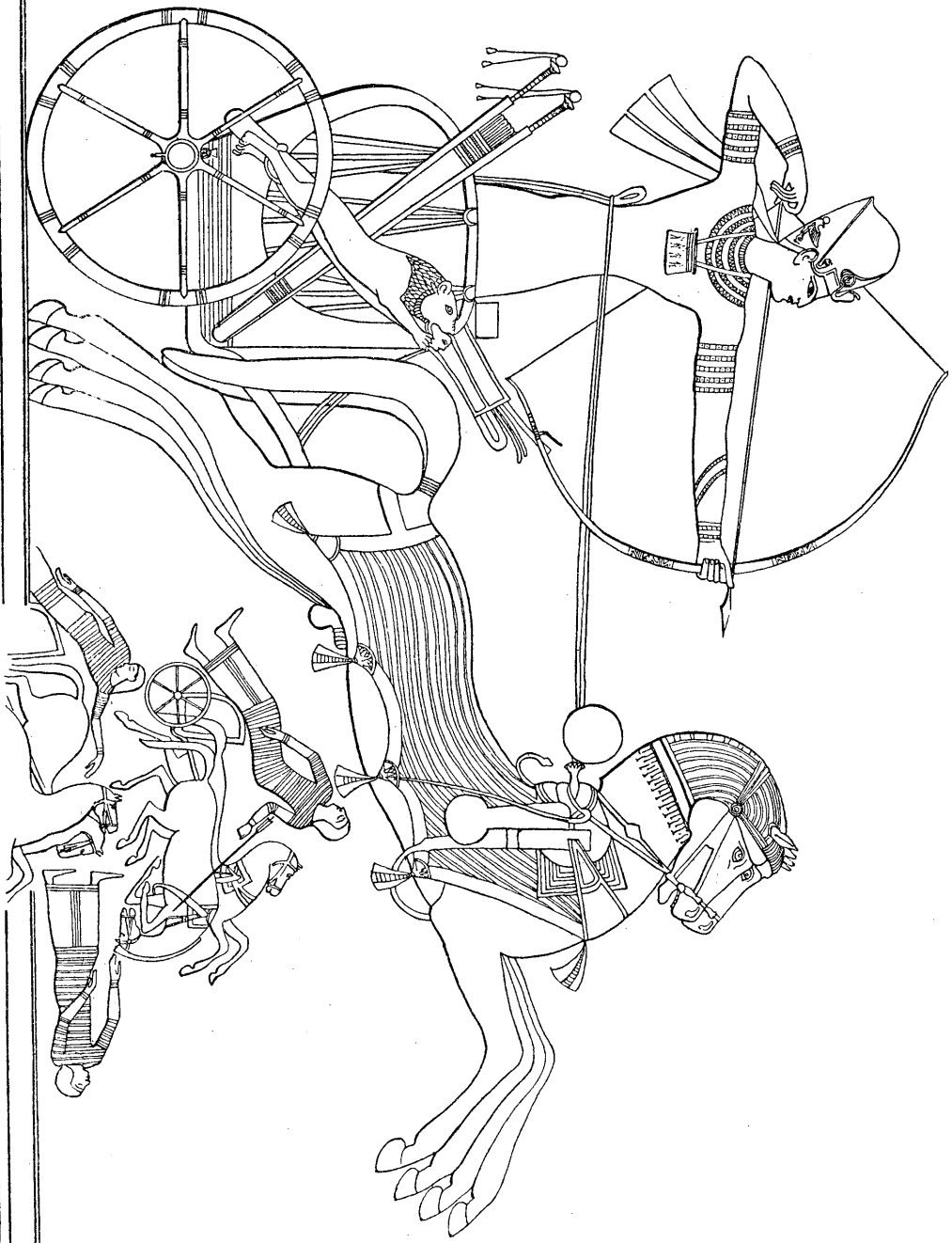
Этотъ храмъ считается однимъ изъ лучшихъ представителей египетской архитектуры. Г. Вилькинсонъ говоритъ, что по красотѣ онъ можетъ соперничать со всѣми храмами долины Нила, сохранившимися до насъ. Это — еиванскiй Парѳенонъ. У него нѣтъ этого подавляющаго величiя Карнакскаго храма, тѣмъ не менѣе его размѣры, хотя и скромные для Египта, показались бы грандиозными вездѣ въ другой странѣ. Его главная зала, зала *панегирiй* или торжественныхъ собранiй, состоитъ не изъ ста тридцати четырехъ колоннъ, какъ въ Карнакѣ, а изъ тридцати, которыя, какъ говоритъ Шамполлионъ, „благородною элегантною своихъ формъ способны очаровать cadaго, даже предубѣжденнаго

Развалины Рамессеума въ долинь Фивъ.

противъ всего, что не вышло изъ рукъ грековъ или римлянъ“. Въ этой залѣ на одной изъ стѣнъ можно видѣть изображенія двадцати-трехъ сыновей Рамзеса; перечень остальныхъ его дѣтей находится въ храмѣ Себуа ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ этой стѣны есть его картуша, помѣченная шестьдесятъ-четвертымъ годомъ его царствованія. Все остальное пространство стѣнъ посвящено войнамъ и походамъ великаго фараона, равно какъ и оба пилона, на одномъ изъ которыхъ изображена въ лицахъ поэма Пентаура. Какъ кажется, это событіе на берегахъ Оронта во время войны съ кэтами сильно подѣйствовало на воображеніе Рамзеса и осталось любимымъ воспоминаніемъ всей его жизни; иначе оно не было бы воспроизведено въ различныхъ видахъ на стѣнахъ четырехъ храмовъ: Карнака, Луксора, Рамессеума и Ипсамбула. Эта картина на пилонѣ Рамессеума—въ высшей степени курьезная вещь. Представьте себѣ громадную плоскость стѣны сверху-донизу испещренною фигурами людей въ разнообразныхъ позахъ: одни ѣдутъ въ парныхъ колесницахъ, другіе цѣлятся и стрѣляютъ изъ луковъ, третьи бѣгутъ въ беспорядкѣ или падаютъ, смертельно раненые. Въ одномъ концѣ картины идутъ правильными рядами свѣжія войска враговъ на-встрѣчу фараону, занимающему съ своей колесницей другую половину картины и несущемуся на враговъ съ своимъ львомъ впереди. Надо имѣть египетскіе глаза, чтобы охватить сразу всю картину и раз-

¹⁾ У Рамзеса II было сто-семьдесятъ человѣкъ дѣтей; изъ нихъ пятьдесятъ-девять были мальчики. F. Lenormand, *Manuel d'histoire ancienne de l'Orient*. I, p. 423.

Ранецъ II въ Оутрѣ съ крѣпакѣ.

глядѣть ея отдѣльные эпизоды. Къ тому-же скульптура мѣстами сильно вывѣтрилась, и нѣкоторыя части картины можно видѣть только въ извѣстное время дня, когда солнце косвенно освѣщаетъ ихъ.

Передъ этимъ пилономъ лежитъ еще болѣе наглядная иллюстрація царствованія Рамзеса II-го, его гигантская статуя, — самый большой монолитъ въ мѣрѣ, которому когда-либо былъ приданъ человѣческой образъ ¹⁾. Онъ имѣлъ въ высоту 17,50 метровъ и въ-силъ не менѣе шестидесяти тысячъ пудовъ ²⁾. Когда я взобрался къ нему на руку, то мнѣ показалось, что я взлѣзъ на какую-то скалу. Къ несчастію, это грандіознѣйшее произведеніе египетской скульптуры повалено и разбито на куски; лицо обезображено, а торсъ расколоть пополамъ. И когда смотришь на этотъ страшный монолитъ, то невольно спросишь себя, что достойно бѣльшаго удивленія: терпѣніе и сила тѣхъ, которые привезли его изъ Ассуана и сдѣлали изъ него украшеніе храма, или злоба и тоже терпѣніе тѣхъ, которые повалили и разбили его?

Въ стѣнахъ Рамессеума передъ колоссомъ Рамзеса мнѣ припомнился папа Юлій II и Браманте. Юлій и Рамзесъ—скачекъ великъ, но вѣка, раздѣляющіе ихъ, не мѣшаютъ имъ имѣть много общаго. Какъ тотъ, такъ и другой всю жизнь воевали и строили. Незнающая преградъ энергія и неудержимый полетъ фантазіи не оставляли ни того, ни другаго до глубокой старости; и когда папа на склонѣ лѣтъ пригласилъ Браманте и

¹⁾ Гизехскій сфинксъ больше, но это не монолитъ, а скала.

²⁾ 1,217,872 килогр., см. Mariette, *Itinéraire*, p. 160.

въ пламенныхъ рѣчахъ начерталь ему идею Петра, мнѣ представляется рядомъ съ нимъ могучая фигура девяностосемилѣтняго Рамзеса, воротившагося изъ дальняго похода и заказывающаго архитектору Шерау свой храмъ и свою статую на удивленіе всѣмъ временамъ и народамъ. Какъ тотъ, такъ и другой, богатые духомъ творчества, строили города, среди войнъ воздвигали невиданные дотолѣ храмы, окружали себя художниками, зодчими и поэтами и среди шумнаго потока своей жизни не замѣчали нищеты и горя разоренныхъ ими народовъ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь послѣ эпохи блеска и могущества наступила эпоха упадка; какъ въ Италіи послѣ XV-го вѣка со смертію Буонаротти, такъ и въ Египтѣ со смертію Рамзеса II-го наступило тяжелое время паденія силъ страны, духовныхъ и матеріальныхъ. Это затмѣніе народнаго генія отразилось со всею ясностью на египетскихъ памятникахъ той эпохи. Произведенія искусства, относящіяся ко времени, слѣдующему за Рамзесомъ II, носятъ на себѣ отпечатокъ безповоротнаго паденія, начавшагося уже въ послѣдніе годы жизни этого фараона. Достигнувъ своего высшаго проявленія, выразившагося въ колоссахъ Мемфиса и Ипсамбула, египетская скульптура не устояла подъ давленіемъ всемірнаго деспотизма Рамзеса и съ его смертію пала во всеобщемъ паденіи силъ народнаго духа. Въ гигантскихъ предпріятіяхъ, доступныхъ лишь фантазіи безгранично гордаго фараона, истощилась эта животворная сила, а новое поколѣніе художниковъ не замѣнило тѣхъ, которые своимъ талантомъ увѣковѣчили имя Рамзеса во всѣхъ концахъ Египта; и при Менефта, наслѣдникѣ Рамзеса, появляются совершенно варварскіе

памятники и барельефы поразительной грубости. При немъ же раздался протестъ въ лицѣ Моисея, новымъ духомъ, новыми пониманіями побѣдившаго законѣлую ортодоксальность жрецовъ Египта подобно тому, какъ въ XVI-мъ вѣкѣ по Р. Х. сокрушилъ Лютеръ непогрѣшимость намѣстниковъ Петра.

Отъ Рамессеума, расположеннаго на полугорѣ, видны колоссы Мемнона, стоящіе среди обширной низменной долины лѣваго берега Нила. Во время разлива Ниль покрываетъ всю эту долину, и тогда колоссы поднимаются надъ водой, какъ двѣ скалы среди моря. Въ февралѣ, когда я тамъ былъ, вода давно уже сошла и вокругъ одиноко стоящихъ статуи Аменофиса колыхалось другое море, море пшеницы, зелено-бурыми отлами волновавшееся по направленію вѣтра.

Когда мы подъѣзжали къ нимъ, пробираясь одинъ за другимъ по узкой тропинкѣ, проложенной цѣликомъ по хлѣбу, день уже клонился къ концу, и въ этой тишинѣ деревенскаго вечера, въ этомъ полутонѣ послѣднихъ лучей закатающагося солнца какъ-то особенно рѣзкимъ казался контрастъ между этими величественными колоссами и скромнымъ, мирнымъ видомъ окружающихъ ихъ полей. Среди лужайки, вытопанной дочерна любопытными туристами, стекающимися сюда со всѣхъ концовъ міра, стоятъ эти два великана съ своимъ ореоломъ всемірной извѣстности — заброшенными, одиночными среди развалинъ и обломковъ храмовъ и дворцовъ, видѣвшихъ ихъ блестящими и новыми въ торжественный день ихъ постановки, и вдали отъ разграбленныхъ или затерянныхъ теперь муміи тѣхъ фараоновъ,

о жизни и славѣ которыхъ они намъ повѣствуютъ. Въ одинокомъ величїи надменно стоятъ они и съ презрѣніемъ смотрятъ на окружающія ихъ поля пшеницы, гдѣ спрятавшись дерзко кричитъ перепелъ, и, каждый день смотря на выплывающее изъ-за Краснаго моря солнце, безнадежно вздыхаютъ о прошломъ, какъ вздыхаютъ тѣ свидѣтели минувшаго царствованія, которые пережили своихъ сверстниковъ и остались одинокими, забытыми среди новыхъ людей и новыхъ условій жизни, имъ непонятныхъ и потому кажущихся имъ никуда негодными, — вздыхаютъ и припоминаютъ между собою о блестящихъ временахъ Аменофиса, когда здѣсь кругомъ нихъ простиралась вымощенная гранитными плитами площадь, когда за ними подымались высокіе пилоны храма, въ стѣнахъ котораго они стояли, лишь издали доступные глазамъ толпы, и когда каждое утро и каждый вечеръ ихъ обходили процессїи жрецовъ... Да, была пора! Теперь — не то. Гдѣ стоялъ храмъ, гдѣ простиралась площадь, теперь тамъ пашетъ своимъ доморощеннымъ плугомъ феллахъ; плотины, прежде сдерживавшія Нилъ, смыты, и вода, каждый годъ разливаясь по долинѣ, подтачиваетъ ихъ фундаментъ; пытливые египтологи изслѣдовали, ощупали ихъ со всѣхъ сторонъ и сняли съ нихъ фотографическіе снимки, а безцеремонные туристы ежедневно разсматриваютъ въ бинокль ихъ священныя лица и на прощанье вырѣзываютъ свое ничего не говорящее имя на ихъ ногахъ.

Исторія и значеніе этихъ колоссовъ, о чудесной славѣ которыхъ слышалъ каждый еще на школьной скамьѣ, теперь извѣстны. Эти колоссы — статуи Амено-

фиса III, фараона XVIII-й династии ¹⁾). Они стояли перед входом въ его храмъ, имѣвшій такое же назначеніе, какое имѣли Рамессеумъ и Гурна. Къ несчастію, отъ храма ничего не осталось: онъ былъ выстроенъ изъ известняка и, какъ думаетъ Маріеттъ, погибъ жертвою своего богатства и великолѣпія. Оба колосса теперь стоятъ составленными изъ кусковъ; прежде же они были сдѣланы изъ монолитовъ, немногимъ уступавшихъ по величинѣ колоссу Рамзеса II ²⁾). Сѣверный изъ нихъ и есть извѣстный *колоссъ Мемнона*, привлекавшій такую массу путешественниковъ въ первые два вѣка римскаго владычества въ Египтѣ. Поставленный, равно какъ и его товарищъ, Аменофисомъ III для украшенія его храма, онъ продолжалъ стоять и считаться статуей этого фараона до 27 года до Р. Х., когда землетрясеніе, надѣлавшее столько бѣдъ въ Оивахъ, опрокинуло его верхнюю часть. Странная вещь,—это разрушеніе, лишившее монолитъ его достоинства, было въ то же время причиной его славы. Вскорѣ послѣ землетрясенія замѣтили, что отъ той части статуи, которая осталась на мѣстѣ, въ моментъ восхода солнца, когда его первые лучи озаряли долину, сталъ раздаваться звукъ, похожій на человѣческій голосъ. Надо думать, что этотъ звукъ происходилъ отъ быстрого высыханія камня, смо-

¹⁾ Шамполлионъ съ перваго же взгляда опредѣлилъ имя лица, изображаемаго этими статуями, а слѣдовательно и ихъ истинное происхождение. Кромѣ того, у Павзанія есть одно мѣсто, не оставляющее никакого сомнѣнія относительно этого вопроса: Ἀλλὰ γὰρ οὐ Μένωνα οἱ Θηβαῖοι λέγουσι, Φαμένωφρα δὲ εἶναι τῶν ἐγκριῶν, οὗ τοῦτο ἄγαλμα ἦν. (Lib. I, cap. XVII).

²⁾ Монолиты колоссовъ Аменофиса имѣли 15₆₀ метровъ, а съ фундаментомъ 19₆₀ — что равняется высотѣ пяти-этажнаго дома европейскихъ городовъ.

ченнаго ночной росой и согрѣтаго солнцемъ ¹⁾). Но для грековъ и римлянъ, жившихъ тогда въ Египтѣ, этотъ феноменъ не замедлилъ превратиться въ чудо. Слава о немъ быстро распространилась, и вотъ въ продолженіе цѣлыхъ двухъ вѣковъ мы видимъ сотни путешественниковъ, стремящихся въ Египетъ послушать дивный голосъ „низверженнаго бога“. Семьдесятъ-двѣ надписи по-латыни и по-гречески, однѣ въ стихахъ, другія въ прозѣ, покрываютъ ноги колосса; чтобы ихъ прочесть, надо взлѣзть на ногу, въ которой метръ ширины. Эти надписи оставлены посѣтителеми Египта, которымъ удалось слышать удивительный голосъ. Нѣкоторыя изъ нихъ начерчены повидимому рукой людей полуграмотныхъ, другія изъ нихъ трогательны или смѣшны. Среди различныхъ, большею частью неизвѣстныхъ именъ стоятъ имена императора Адриана и его жены Сабини. Иногда чудо заставляло себя ждать и приходилось по нѣсколько разъ возвращаться на лѣвый берегъ Нила, какъ это случилось съ императрицей Сабиной, о посѣщеніи которой 20 и 21 ноября 130 года повѣствуетъ длинная надпись въ стихахъ; сочиненныхъ ея фрейлиной Бальбиллой, „un bas-bleu du temps“, какъ называетъ ее Летроннъ. Въ этихъ стихахъ, написанныхъ въ самомъ педантичномъ дорическомъ метрѣ, среди легкихъ упрековъ богу, не обратившему въ первый разъ вниманія на коронованное лицо своей высокой посѣтительницы,

¹⁾ Нѣкоторые ученые оспариваютъ это объясненіе, вполне основательно указывая, что въ Египтѣ роса бываетъ слишкомъ рѣдко и въ небольшомъ количествѣ, чтобы могло произойти нѣчто подобное. Члены *Commission d'Égypte*, живя въ развалинахъ Карнака, констатировали однако подобное явленіе и тамъ. Гумбольдтъ слышалъ такіе же звуки въ Южной Америкѣ.

поэтесса нашла возможность ввернуть нѣсколько словъ о своемъ генеалогическомъ деревѣ и оповѣстить міру, что она происходитъ отъ царя Антіоха. Самыя древнія надписи относятся къ царствованію Нерона, наиболѣе позднія — къ царствованію Септимія Севера; отъ одной эпохи Адріана ихъ сохранилось до двадцати семи, не считая тѣхъ, которыя не помѣчены никакимъ числомъ. Все эти подробности я заимствую у г. Летрона, написавшаго обширный трактатъ о колоссѣ Мемнона ¹⁾. Вопросы, на которые отвѣчаетъ въ своемъ сочиненіи знаменитый археологъ, сводятся къ слѣдующимъ тремъ главнымъ: какая могла быть причина этого страннаго звука, существованіе котораго засвидѣтельствовано многими древними писателями и семидесятью двумя надписями лично слышавшихъ феноменъ путешественниковъ, среди которыхъ находятся императоръ Адрианъ и императрица Сабина? Почему этотъ звукъ прекратился? И, наконецъ, отчего статуя Аменофиса III, царя египетскаго, стала называться статуей греческаго героя Мемнона, баснословнаго сына Авроры? Отвѣчая на эти вопросы, г. Летроннъ передаетъ нѣкоторые нелишенные интереса результаты, къ которымъ привело его изученіе предмета. Во-первыхъ, разборъ надписей и сличеніе текстовъ различныхъ древнихъ писателей доказываютъ, что звукъ, раздававшійся отъ статуи при восходѣ солнца, былъ замѣченъ въ первый разъ въ царствованіе Нерона, немного времени спустя послѣ землетрясенія, разрушившаго верхнюю часть статуи, и прекратился съ тѣхъ

¹⁾ I. Letronne, *Dissertation sur la statue vocale de Memnon*, 1835. См. также Tyndall, *Le Son*.

поръ, какъ Септимій Северъ, въ своемъ благочестивомъ усердіи къ паганизму и, вѣроятно, желая повредить сильно распространявшемуся тогда христіанству, поправилъ разбитаго колосса, собравши лежавшія на землѣ его различныя части. Онъ думалъ, что послѣ этой починки „низверженный богъ“ перестанетъ ограничиваться одними отрывочными жалобными звуками, а будетъ вѣщать настоящія прорицанія, какія онъ, какъ воображали тогда, давалъ прежде. Но вотъ бѣда: не успѣли поправить колосса, какъ прекратилась вибрація камня, и чудный голосъ замолкъ должно быть навсегда. Съ прекращеніемъ звуковъ прекратились и надписи, прославлявшія ихъ, какъ звуки, имѣвшіе божеское происхожденіе.

Что касается имени Мемнона, даннаго колоссу Аменофиса, о происхожденіи котораго и настоящемъ названіи знали Павзаній и нѣкоторые путешественники, оставившіе свои надписи на его ногахъ, то г. Летроннъ видитъ тутъ мнѳологическое недоразумѣніе, основанное, какъ много другихъ подобныхъ недоразумѣній, на сходствѣ словъ. Мемнонъ, сынъ Авроры, былъ герой гомеровскихъ сказаній, въ которыхъ онъ фигурируетъ какъ царь эііопскій, — фантастическое званіе, заставившее искать его слѣдовъ въ Египтѣ. Въ Оивахъ же одинъ изъ кварталовъ города, тотъ самый, гдѣ находился колоссъ Аменофиса, назывался *Мемноніумъ*. И вотъ колоссъ Мемноніума сталъ Мемнономъ; а такъ какъ вибрація камня, обусловливаемая рѣзкимъ переходомъ отъ ночной температуры къ дневной, производила колебаніе звуковыхъ волнъ въ моментъ восхода солнца, то воображеніе грековъ, всегда находчивыхъ въ своемъ

легковѣрїи, рѣшило, что при появленїи утренней зари Мемнонъ привѣтствуетъ свою мать.

Вотъ какъ изъ весьма простаго факта древнїе, неумѣвшїе объяснить его, дѣлали басню, и вотъ какъ современная наука, не прибѣгая, какъ философія послѣдняго столѣтїя, къ вѣчному предположенїю о вмѣшательствѣ хитрыхъ жрецовъ, которыхъ не преминули приплести и здѣсь, объясняетъ безосновательныя вѣрованїя человѣчества, выводя наружу ихъ фактическое происхожденїе и низводя сверхъестественное съ его пьедестала. Человѣкъ ошибается чаще, чѣмъ его обманываютъ, и лишь въ наши дни онъ началъ отдавать себѣ ясный отчетъ въ фактахъ, прежде чѣмъ принять ихъ на вѣру. Въ продолженїе вѣковъ онъ слѣпо вѣрилъ другимъ и еще больше себѣ; и исполненная лжи теократїя не нуждалась въ глубокихъ соображенїяхъ, чтобы держать его въ рукахъ, навязывая ему свои заблужденїя: чтобы дойти до самыхъ грубыхъ, ему было слишкомъ достаточно одного воображенїя и незѣжества.

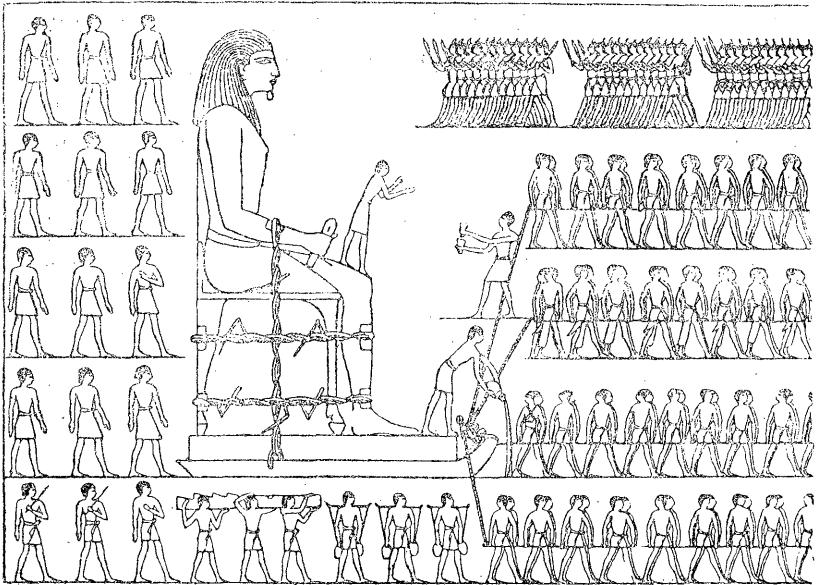
Передъ колоссомъ Рамзеса и передъ этими двумя сидящими статуями Аменофиса III-го, которыя на своихъ фундаментахъ равняются по высотѣ европейскому пятиэтажному дому, рождается вопросъ: какими средствами владѣли древнїе египтяне, чтобы передвигать подобныя массы? Первые путешественники, посѣтившіе Египетъ, пораженные страшными размѣрами его зданїй и невиданной громадностью нѣкоторыхъ монолитовъ, рѣшили, что египтяне были очень свѣдущи въ механикѣ. Думали, что у нихъ были неизвѣстные намъ Архимеды, которые далеко превосходили своего сиракузскаго

преемника глубиной и обширностью своихъ познаній. Но болѣе подробное ознакомленіе съ египетскими памятниками доказало неосновательность подобныхъ предположеній. Единственные машины, которыя, какъ кажется, были извѣстны египтянамъ, были рычагъ и что-то въ родѣ крана или лебедки самой элементарной конструкции ¹⁾. Весь секретъ египтянъ заключался въ неисчерпаемомъ терпѣннн и въ употребленіи въ дѣло безчисленнаго количества рукъ, напряженность которыхъ въ продолженіе всей работы поддерживала палка. Монолиты нагружались на плоты, причемъ пользовались для этого разливомъ Нила, когда вода близко подходила къ каменоломнямъ; плотъ спускали по рѣкѣ, и по отводному каналу, иногда специально для этого вырытому, подводили насколько возможно было ближе къ мѣсту назначенія. Затѣмъ монолитъ ставили на полозья, которые тащили за веревки по доскамъ, намазаннымъ саломъ.

На одной картинѣ, сохранившейся на стѣнѣ могилы двѣнадцатой династіи, изображенъ этотъ способъ перевозки монолитовъ. Сто семьдесятъ два человѣка, разставленные попарно въ четыре ряда, тянутъ за канаты поставленную на сани статую, въ которой должно быть около 8-ми метровъ вышины, если только пропорціональное отношеніе ея къ работникамъ было точно соблюдено живописцемъ. Впереди саней стоитъ человѣкъ и поливаетъ водой на доски, чтобы онѣ не загорѣлись отъ

¹⁾ См. Wilkinson, *The customs and manners, etc.*, t. II, p. 309. Перодтъ говорить о подобной машинѣ при описаніи пирамидъ, но не даетъ точнаго понятія объ ея устройствѣ (II, 125). См. также Perrot et Chipiez, *Histoire de l'art dans l'antiquité*, t. I, p. 525.

трения. Инженеръ, завѣдующій перевозкой, стоитъ на колѣнахъ у колосса и бьетъ тактъ, ударяя въ ладоши. Сзади несутъ различные инструменты, идутъ десятскіе съ палками и запасные рабочіе. Вверху картины изображено войско, церемониальнымъ маршемъ идущее навстрѣчу приближающемуся колоссу.

Такимъ образомъ перевозились монолиты съ первыхъ вѣковъ египетской исторіи. Это извѣстно изъ надписи на могилѣ какого-то Уна, занимавшаго высокое служебное мѣсто во время шестой династіи ¹⁾. При фараонахъ еиванскихъ династій способъ этотъ не измѣнился, прибавилось только, благодаря завоеваніямъ, количество рабочихъ рукъ. Въ распоряженіи архитекто-

¹⁾ *Исторія фараоновъ Бруша*, переводъ Г. Власова, Спб., 1880.

ровъ теперь были не одни лишь оброчные египтяне, а цѣлые плѣнные народы. Понятно, при такомъ обиліи работниковъ разрослись и размѣры предпріятій, постепенно дошедшихъ до ипостильной залы Карнака, до колоссовъ Аменофиса, Ипсамбула и другихъ памятниковъ временъ Рамессидовъ, — самой воинственной египетской династіи.

Отъ колоссовъ Аменофиса мы направились домой на пароходъ, оставивъ до слѣдующаго дня осмотръ Мединетъ-Абу и гробницъ фараоновъ. На пароходѣ насъ ожидалъ Мустафа-ага, луксорскій старожилъ и консулъ многихъ державъ. Онъ пришелъ звать все наше общество къ себѣ на чашку чая или, лучше, кофе. Вечеръ долженъ былъ быть съ *фантазіей* или, какъ говорилъ Мустафа, „авекъ унъ фантазы“, т. е. съ танцами альмей. Трудно было устоять, несмотря на усталость и поздній часъ, передъ соблазномъ такого вечера, да еще у такого человѣка, какъ Мустафа-ага, который на весь Египетъ славится своимъ радушіемъ, а главное, — пониманіемъ въ хореграфическомъ дѣлѣ. Мухаммедъ давно уже рассказывалъ мнѣ про луксорскаго консула и про его альмей и каждый разъ, не находя по-французски достаточно словъ, чтобы выразить свое удивленіе передъ всѣмъ, что можно видѣть у Мустафы въ домѣ, значительно умолкалъ, потомъ, поднявши всѣ десять пальцевъ кверху и закативши глаза, въ какомъ-то восторгѣ произносилъ: *таибъ, кетиръ таибъ!* (хорошо, очень хорошо!).

Живетъ Мустафа противъ самой пристани, среди развалинъ Луксорскаго храма, пріютившись съ своимъ домомъ между его древними колоннами. Когда мы во-

шли къ нему зсей компаніей (насъ было человекъ двадцать пять), то въ его маленькихъ двухъ комнатахъ, носящихъ громкое названіе „посольскаго дома“, сдѣлалась такая давка, что бѣдный Мустафа потерялъ голову и не зналъ, какъ размѣстить насъ такъ, чтобы осталось еще мѣсто для танцевъ альмей. Послѣ первыхъ привѣтствій, когда мы всѣ кое-какъ усѣлись вдоль стѣнъ и принялись за кофе, Мустафа, осмотрѣвши насъ, замѣтилъ, что между нами нѣтъ ни одной дамы, и освѣдомился о причинѣ отсутствія прекрасной половины путешественниковъ. Ему отвѣтили, что дамы нашли неудобнымъ идти на вечеръ, гдѣ будутъ танцовать хавази. Мустафа обидѣлся и, несмотря ни на какія объясненія, никакъ не хотѣлъ понять своей восточной башкой, что его танцы альмей до нѣкоторой степени неприличны. „Что же тутъ неприличнаго? — говорилъ онъ, добавляя жестами недостающія въ его англійскомъ репертуарѣ слова:—напротивъ, это очень красивое и пріятное зрѣлище; къ тому-же, разъ европейскія дамы ходятъ безъ вуали, то онѣ могутъ видѣть то же, что и мужчины“. На послѣднее замѣчаніе возражать было нечего; и обиженнаго хозяина успокоили, сказавъ, что дамы устали и потому не могли придти на его любезное приглашеніе.

Пока шли извиненія съ одной стороны и сожалѣнія съ другой, въ комнату вошло еще нѣсколько лицъ; одни изъ нихъ, какъ оказалось, были сыновья Мустафы, другія же — различные луксорскіе чиновники. Появились и танцовщицы съ музыкантами. Ихъ было что-то много, различныхъ возрастовъ и различныхъ цвѣтовъ кожи. Начались танцы... но увы, какая это была жалкая па-

родя на то, что я видѣлъ въ Абу-тигѣ! Среди облаковъ дыма, среди оглушительнаго шума дарабукъ и кастаньетъ, въ этой низкой, душной комнатѣ, танецъ альмей, такъ очаровавшій меня въ тотъ памятный вечеръ въ Абу-тигѣ, произвелъ на меня удручающее впечатлѣніе. Здѣсь не было дикаго размаха полуденнаго племени, здѣсь не было луннаго свѣта, скрадывавшаго недостатки наглыхъ тѣлодвиженій, и не было простора городской площади, поглощавшаго визгливыя ноты скрипокъ и осиплыхъ голосовъ пѣвицъ. На пространствѣ въ четыре квадратныя аршина тряслись эти несчастныя хавазы, поочередно, иногда попарно продѣлывая по шаблону установленныя па, повторявшіяся безконечное число разъ. Отъ жары бѣлила и румяна, покрывавшія ихъ щеки, потекли грязными каплями вдоль шеи; отъ дыма двадцати кальяновъ и трубокъ, безпрестанно смѣнявшихся услужливыми чубукчи, голоса пѣвицъ стали еще болѣе хриплыми, а отъ каждаго прыжка танцовщицы по ковру, невыбитому со времени послѣдняго хамсина, подымалась тонкая песочная пыль, отъ бѣдности которой задыхаются не только люди, но и верблюды, захваченные ураганомъ въ степи.

На этомъ вечерѣ мнѣ стало понятнымъ, отчего большинство путешественниковъ, описывающихъ танецъ альмей, находятъ его крайне скучнымъ, монотоннымъ, а нѣкоторые и безобразнымъ. Большинство видѣло этотъ танецъ у Мустафы или въ какомъ нибудь каирскомъ или ассіутскомъ кафе, при подобной же обстановкѣ; а отъ этого танца до настоящаго танца альмей, какимъ онъ долженъ быть, какъ танецъ кочеваго народа, говоря языкомъ восточныхъ сказокъ, такъ же далеко,

какъ отъ свѣта масляныхъ горѣлокъ, какими освѣщались комнаты у Мустафы, до свѣта луны.

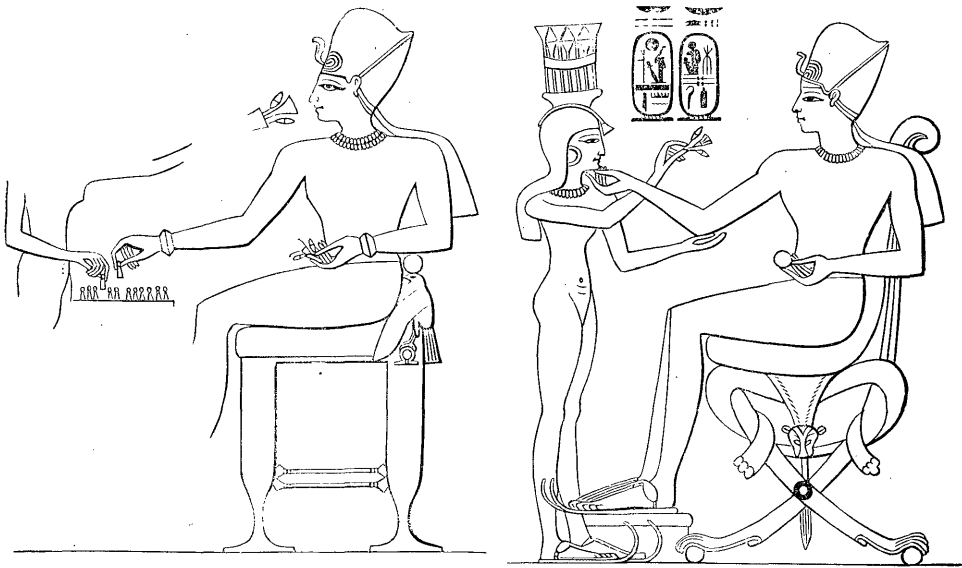
На другой день, несмотря на многократные звонки, мы вмѣсто назначенныхъ шести часовъ утра встали въ десять, такъ что, когда мы переправились на западный берегъ и, миновавъ плодородную полосу, вѣхали въ область песка, солнце стояло уже на зенитѣ и жгло немилосердно. Не знаю, сколько было градусовъ, знаю только, что мы всѣ еле двигались, и я съ ужасомъ помышлялъ, что одинъ изъ самыхъ интересныхъ египетскихъ храмовъ придется осматривать именно во время самага пекла, а потомъ еще карабкаться по утесамъ Бибанъ-эль-Молукскаго ущелья, чтобы побывать по крайней мѣрѣ въ трехъ или четырехъ царскихъ могилахъ.

Цѣлой книги не хватило бы, чтобы подробно описать храмы и дворцы Мединетъ-Абу, представляющіе для Рамзеса III-го то же, что Рамессеумъ — для Рамзеса II-го и Гурна — для Рамзеса I-го. Эта громада героическихъ построекъ образуетъ на лѣвомъ берегу Нила другой Карнакъ. Названіе свое она получила отъ коптской деревни, поселившейся нѣкогда среди ея развалинъ и опустѣвшей еще во времена первыхъ калифовъ. Всякое немногосложное описаніе, если только не слѣдить за нимъ по плану или на самомъ мѣстѣ, обыкновенно ничего не объясняетъ, а оставляетъ въ головѣ лишь непріятное впечатлѣніе чего-то смутнаго; поэтому я буду говорить здѣсь только о томъ, что врѣзалось мнѣ въ память: о павильонѣ, о дворахъ храма и нѣкоторыхъ соображеніяхъ эстетическаго свойства, касающихся египетскаго искусства и внушенныхъ мнѣ общимъ видомъ развалинъ, которыя представляютъ собраніе па-

мятниковъ, относящихся къ различнымъ эпохамъ египетской исторіи.

Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ въ Египтѣ не сохранилось слѣдовъ царскаго жилища. Домашняя жизнь древнихъ египтянъ извѣстна намъ изъ картинъ, украшающихъ стѣны могилъ. На стѣнахъ этихъ „вѣчныхъ селеній“, обитаемыхъ смертностью, передъ нами встаютъ живыми интимныя сцены давно отжившей жизни. Но картины, такъ интересующія насъ въ глубинѣ могильныхъ пещеръ, становятся нѣкоторымъ образомъ болѣе реальными въ павильонѣ Мединетъ-Абу, такъ какъ здѣсь мы находимся не въ могилѣ, а во дворцѣ, гдѣ жили живые люди — жены Рамзеса III. Павильонъ раздѣленъ на три этажа и сообразно съ обычаемъ, которому египетскіе художники слѣдовали неотступно, украшенъ живописью, повѣствующей о томъ, что происходило тутъ ежедневно. Кругомъ вдоль стѣнъ идутъ непрерывныя картины, которыя по роду можно было бы назвать картинами жанра; исполнены же онѣ въ стилѣ условномъ, который, сокращая детальность формъ, близокъ къ истинѣ, не высказывая ея однако цѣликомъ, но и не вселяя сожалѣнія о томъ, что пройдено молчаніемъ. Фараонъ представленъ въ своемъ гинекеѣ; онъ окруженъ своими женами. Сидитъ онъ въ elegantномъ креслѣ, обуть въ сандалинъ, напоминающія формой тѣ остроносые туфли, какія носили въ средніе вѣка. На одной картинѣ молодая дѣвушка подаетъ ему фруктъ: одной рукой онъ взялъ ее за руку, а другой ласкаетъ за подбородокъ; другая дѣвушка подноситъ ему цвѣтокъ. На слѣдующей картинѣ онъ играетъ со своими маленькими дѣтьми; на третьей играетъ въ шахматы съ

царицей. Правда, фигуры на доскѣ всѣ одинакія, такъ что можно подуматъ, что они играютъ въ шашки; но, зная направленіе египетскихъ художниковъ, можно предположить, что скульпторъ ограничился однимъ лишь указаніемъ на игру, не входя въ ея точное опредѣленіе. Съ внѣшней стороны, какъ-бы для контраста, зданіе украшено барельефами, напоминающими о побѣдахъ

надъ отдаленными народами, одержанныхъ господиномъ этого терема. Внутри фараонъ развлекается, снаружи — торжествуетъ.

Все въ этомъ павильонѣ удивительно и ново, такъ какъ ничего подобнаго во всемъ Египтѣ нѣтъ. Въ его стѣнахъ, напримѣръ, мы видимъ окна, украшенные весьма тонкой рѣзбой; затѣмъ балконы, поддерживаемые фигурами плѣнныхъ варваровъ, лежащими на

животѣ и наполовину вдѣланными въ стѣну. Наконецъ и нѣкоторыя изъ стѣнописныхъ фигуръ достойны вниманія, какъ удивительно схваченные типы различныхъ народовъ. Плѣнные Азіи, Судана, западной Африки или Ливіи нарисованы такъ, что сразу узнаешь народность, къ которой они принадлежатъ. Вотъ напри- мѣръ представитель „дурной породы Кушь“, африка- нецъ-эіоплянинъ; вотъ аморитъ съ орлинымъ носомъ, покатымъ лбомъ, съ чувственными губами и острой бородкой; одного взгляда довольно, чтобы узнать въ немъ представителя народовъ Ханаана. Вотъ плѣнный изъ страны Шардина, «лежащей у моря», — это должно быть финикіянинъ или островитянинъ Архипелага. Голова „подлаго начальника кэтовъ“ нарисована удивительно; его круглое лицо, женственное, безбородое, съ двойнымъ подбородкомъ и въ плотно надѣтой шапочкѣ, изъ-подъ которой выбивается прядь волосъ, типично, какъ медальный типъ. „Эта необыкновенная сила египетскаго рѣзца въ изображеніи африканскихъ и азіатскихъ плѣнныхъ, — говоритъ Ch. Blanc, — стоитъ въ зависимости отъ того принципа, которымъ такъ глубоко проникнуто египетское искусство: что надо смотрѣть на детали, какъ на враговъ стиля, и выбирать изъ нихъ только тѣ, благодаря которымъ можно пропустить всѣ остальные“¹⁾.

Миновавъ павильонъ, проходишь подъ колоссальнымъ пилономъ, служащимъ воротами храму Рамзеса III, родоначальника двадцатой династіи. Первый за пилономъ дворъ останавливаетъ ваше вниманіе: слѣва вдоль стѣны

¹⁾ Ch. Blanc, *Voyage de la Haute Égypte*.

идутъ колонны съ капителями въ видѣ открытыхъ цвѣтовъ папируса, справа — озириаческія, т. е. колонны съ прислоненными къ нимъ фигурами Озириса, указывающими на символическомъ языкѣ на могильный характеръ памятника. Второй дворъ заслуживаетъ еще большаго вниманія, чѣмъ первый: великолѣпіе его колоннъ и прекрасно сохранившихся каріатидъ ставить эту часть храма, можетъ быть, на первое мѣсто среди всѣхъ памятниковъ древняго Египта, относящихся къ оиванской эпохѣ. Всѣ колонны этого двора, пилоны, пилястры, стѣны галлерей подъ голубымъ, усѣяннымъ звѣздами потолкомъ, покрыты блестяще-раскрашенной скульптурой, представляющей наглядную исторію царствования фараона. Войны и охоты занимаютъ главную часть поверхности стѣнъ и колоннъ; затѣмъ уже идутъ сцены мирнаго характера. Рамзесъ сидитъ на тронѣ, который несутъ двѣнадцать военачальниковъ. Образы Справедливости и Истины осѣняютъ его своими распростертыми крыльями. По бокамъ фараона идутъ сфинксы и левъ. Юноши окружаютъ его и махаютъ надъ нимъ опахалами. Впереди идутъ трубачи, барабанщики и хористы, сзади — жрецы и войско; передъ фараономъ возжигаетъ оиміамъ его собственный сынъ, стоя на ступеняхъ храма Хоруса, куда направляется его отецъ съ помпой, которую, какъ кажется, заимствовала у Египта римская курія въ церемоніяхъ возведенія папъ на престоль.

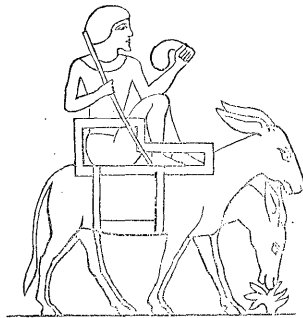
Сколько замѣчаній по поводу египетскаго зодчества приходитъ въ голову, когда ежеминутно во время путешествія по Нилу видишь передъ собой памятники перваго по времени въ мірѣ искусства! Когда, напримѣръ,

стоишь передъ озириаческими колоннами и балконами павильона, покоющимися на каменныхъ плечахъ - во-енноплѣнныхъ, то какъ не вспомнить далекія отъ истины слова Витрувія о происхожденіи каріатидъ, появившихся, какъ онъ говоритъ, со временъ Мидійскихъ войнъ: „Послѣ битвы при Платеѣ, читаемъ мы въ его трактатѣ *De architectura*, лакедемоняне воздвигли въ Спартѣ галерею, названную ими *персидской*, въ которой антаблементъ поддерживался статуями плѣнныхъ; одѣтыхъ въ ихъ національный костюмъ“. Между тѣмъ очевидно, что идея замѣнить колонну человѣческой фигурой пришла изъ Египта, и доказательство этого мы имѣемъ въ балконахъ гинекея Рамзеса III-го, построеннаго приблизительно за семьсотъ лѣтъ до битвы при Платеѣ. Что же касается озириаческихъ колоннъ, то онѣ не могутъ быть разсматриваемы какъ каріатиды, а лишь какъ намекъ на нихъ, такъ какъ фигура Озириса только прислонена къ колоннѣ. Пелопоннезскіе греки, думаетъ Ch. Blanc, первые замѣнили колонну *женской* фигурой и сдѣлали это съ цѣлью увизить жителей Каріи, поддерживавшихъ персовъ. Но аѣиняне, съ свойственнымъ имъ вкусомъ и чувствомъ мѣры, исправили что было обиднаго въ образѣ женщины, превращенной въ подпорку. Въ антаблементѣ, покоющемся на каріатидахъ Эрехтейона (въ ста шагахъ отъ Парѣнона), они сократили фризъ и тѣмъ придали ему самую легкую форму. Кромѣ того, желая еще нагляднѣе выказать, что молодья дѣвушки (*хóраі*) не подавлены тяжестью архитрава и сохранили свою гибкость и грацію, скульпторъ у всѣхъ согнулъ одну ногу, такъ что эти прелестныя женскія фигуры стоятъ съ полной свободой и достоин-

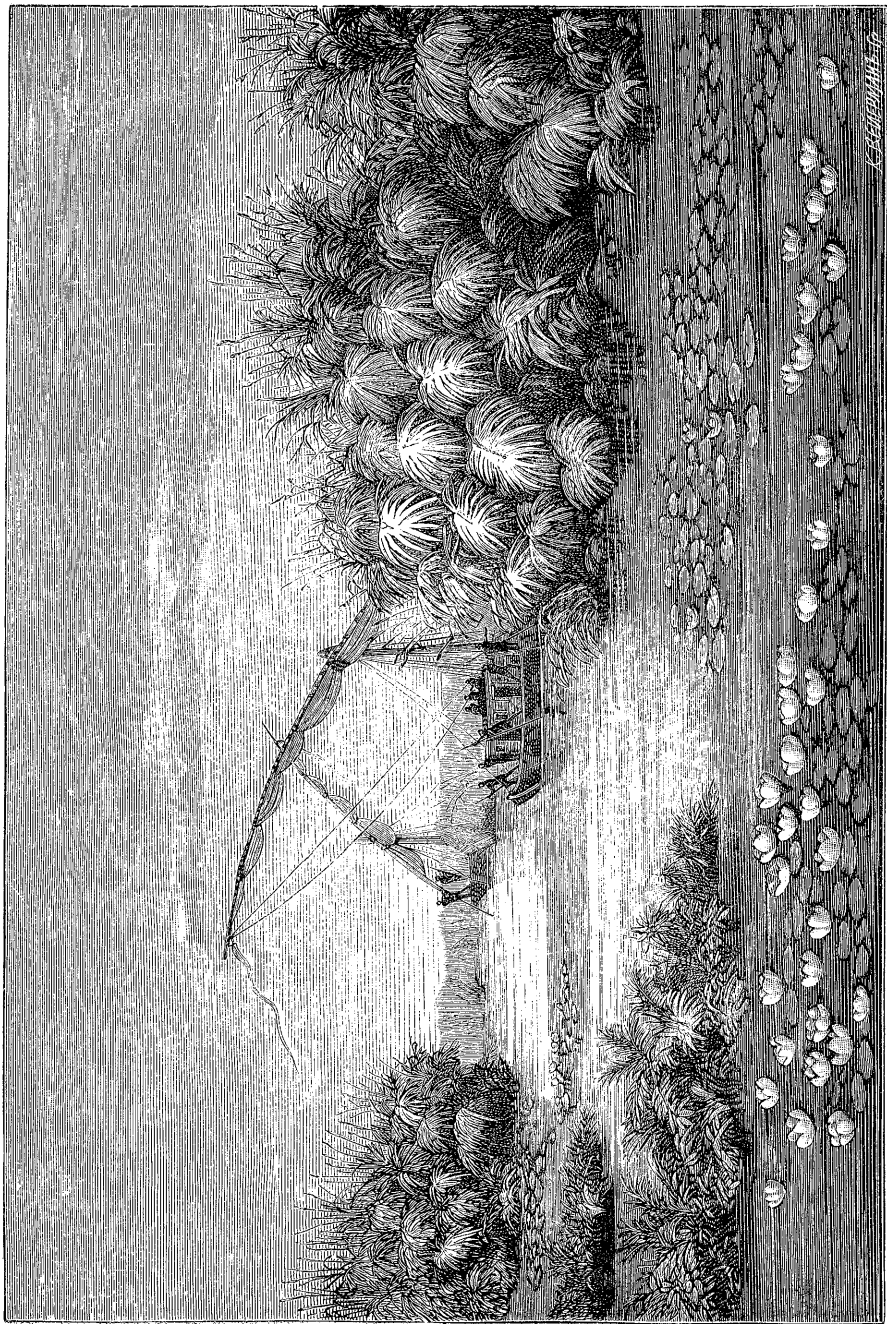
ствомъ, какъ-бы желая взглянуть на цвѣтъ аѳинскаго юношества во время большихъ праздничныхъ церемоній.

Какъ въ Дендерскомъ храмѣ нельзя уйти съ верхней площадки, не побывавъ въ часовнѣ, гдѣ помѣщался зодіакъ, такъ и здѣсь нельзя разстаться съ большимъ храмомъ, не выдавши на его южной стѣнѣ астрономической картины, имѣющей громадное историческое значеніе. Эта картина изображаетъ рядъ фигуръ обоого пола, олицетворяющихъ двѣнадцать мѣсяцевъ. Шамполіону удалось отличить тѣ изъ фигуръ, которыя относятся ко времени солнцестоянія и весенняго равноденствія. При описаніи Дендерскаго храма я уже говорилъ о египетскомъ календарѣ и о его незапамятной древности. Читатель можетъ быть помнить, что ихъ гражданскій годъ въ 365 дней былъ короче солнечнаго на шесть часовъ, т.-е. на $\frac{1}{4}$ сутокъ; другими словами, что ихъ календарь отставалъ отъ хода свѣтилъ. Образовавшееся такимъ образомъ отклоненіе, сначала едва замѣтное, черезъ 1461 годъ составило разницу на цѣлый годъ. По истеченіи этого астрономическаго періода, первый день гражданскаго года совпадалъ совершенно съ первымъ днемъ солнечнаго года. И вотъ это-то торжественное совпаденіе произошло въ 12-мъ году царствованія Рамзеса III; и для того, чтобы увѣковѣчить воспоминаніе объ этомъ днѣ, жрецы начертили на стѣнахъ храма Рамзеса картину, о которой идетъ рѣчь. Но въ какомъ году случилось это памятное совпаденіе, столь важное для всемірной хронологіи? Біо разсчиталъ, что оно произошло въ 1301 или въ 1300 году до начала христіанскаго лѣтосчисленія. А такъ какъ одинъ

изъ этихъ годовъ былъ двѣнадцатымъ царствованія Рамзеса III, родоначальника двадцатой династїи, то восшествіе его на престоль случилось въ 1313 или 1312 году до Р. X. ¹⁾.

¹⁾ F. Lenormand, *Histoire ancienne de l'Orient*, t. II, p. 322.

Ниль подь тропиками.

Изида съ Хорусомъ.

Хнумъ.

Хаторъ.

Анубись.

Изида.

ГЛАВА XVIII

Auch die Todten sollen leben.

Шиллеръ.

Когда мы вышли изъ развалинъ Мединетъ-Абу, былъ ровно полдень. На раскаленную почву падали съ безоблачнаго неба потоки пылающаго свѣта. Бѣлые камни дворцовъ горѣли, какъ расплавленный металлъ, и вдоль стѣнъ со всѣхъ сторонъ не было вершка тѣни. Все живое спряталось, и по всей долинѣ до самаго Нила не видно было никого; одни лишь колоссы Аменофиса горѣли на солнцѣ, да въ вышинѣ, едва замѣтные для глаза, кружились орлы, казавшіеся почти неподвижными точками на огненномъ фонѣ неба. Въ часы восхода и заката, въ особенности же въ полдень, здѣсь солнце такое, о какомъ мы не имѣемъ понятія въ Европѣ. Не даромъ оно подъ именами Аммона-Ра, Озириса и Хоруса считалось здѣсь высшимъ божествомъ. И доста-

точно прїѣхать въ Египетъ, даже въ январѣ или въ февралѣ, чтобы убѣдиться, что религія египтянъ была религіей солнца.

Ослѣпленные и измученные, мы однако сѣли на горячія сѣдла и поплелись шагомъ на понурившихъ головы ослахъ по направленію къ ущелью Бибанъ-эль-Молукъ. Едва минуешь черту, до которой доходятъ разлившіяся воды Нила, какъ начинается область песка, врывающагося съ запада въ долину многочисленными ущельями и оврагами, пересѣкающими Ливійскую цѣпь. Одно изъ этихъ ущелій, названное арабами *Бибанъ-эль-Молукъ* — пещеры царей (въ единственномъ числѣ *Бабъ-эль-Молукъ*), избрали древніе фараоны для своихъ могилъ. Трудно представить себѣ мѣстность болѣе мертвую и суровую, чѣмъ эта глубокая тѣснина, ограниченная съ обѣихъ сторонъ почти отвѣсными голыми скалами. Кругомъ — ни единого признака растительности, песокъ и камни, среди которыхъ вьется узкая тропинка, осторожно минуя глубокія рытвины и обходя большія глыбы и скалы, истерзанныя какъ-будто небеснымъ гнѣвомъ и разбросанныя по прихоти нечеловѣческой фантазіи. Всѣ могилы Бибанъ-эль-Молукскаго ущелья вырыты въ скалѣ; во всѣхъ находились муміи царей еиванскихъ династій; всѣ имѣютъ видъ галлерей, уходящихъ въ глубь горы. Разъ мумія была положена на свое мѣсто, входъ задѣлывался и мѣсто кругомъ сравнивалось, такъ что не оставалось ни малѣйшаго признака, который указывалъ бы на присутствіе могилы. Вездѣ надгробные мавзолеи ставятся на видъ; здѣсь ихъ не было совсѣмъ. Самая могила, затерянная на днѣ почти неприступной горной расщелины, составляла тайну. Ка-

кимъ страстнымъ желаніемъ одержимы были эти фараоны пребывать въ спокойствіи на томъ свѣтѣ! Какимъ страхомъ непрестанно мучились они, чтобы тѣла ихъ не сдѣлались добычей варваровъ, а души не были возмущены въ мѣстахъ ихъ вѣчнаго успокоенія!

Археологъ могъ бы прожить цѣлые мѣсяцы въ этомъ ущельѣ, среди неисчерпаемыхъ богатствъ, представляемыхъ стѣнописями его царскихъ усыпальницъ, какъ прожилъ тутъ Шамполіонъ въ 1829 году съ франко-тосканской экспедиціей, начальникомъ которой онъ состоялъ. Но жить такъ долго въ этомъ печальномъ мѣстѣ могъ онъ, который долженъ былъ разгадать Египетъ и сдѣлаться главою египтологовъ; съ насъ же, простыхъ туристовъ, пришедшихъ не учить, а учиться, вполне достаточно было провести здѣсь нѣсколько часовъ, чтобы осмотрѣть два, три подземелья, служащихъ типомъ всѣхъ могилъ египетскихъ царей, и позавтракать въ преддверіи одной изъ нихъ крутыми яйцами и холодной бараниной, привезенными услужливыми агентами Кука.

Только забывчивостью рода человѣческаго можно объяснить тотъ обидный фактъ, что найденныя въ Бибанъ-эль-Молукскомъ ущельѣ могилы получили имена пашедшихъ ихъ египтологовъ, такъ что фараоны утратили даже номинально обладаніе своими послѣдними убижищами. Такъ подземелье, служившее могилой Сети I, отцу Сезостриса, обыкновенно называютъ могилой Бельцони (Belzoni), по имени открывшаго его въ 1819 году путешественника. Отваливши камень, замыкавшій входъ въ пещеру, Бельцони могъ видѣть, какія были приняты предосторожности, чтобы спрятать отъ будущихъ не-

честисцевъ мумію героя. Проникнувъ въ узкій проходъ, представляющій какъ-бы переднюю подземелья, онъ спустился по крутой лѣстницѣ, по которой сейчасъ спустились мы при свѣтѣ факеловъ; затѣмъ миновалъ вторую дверь и спустился по второй лѣстницѣ, внизу которой открывался новый коридоръ, упирающійся въ комнату, украшенную скульптурой. Въ этой комнатѣ былъ вырытъ колодезь, никуда не ведущій и не имѣвшій по всѣмъ вѣроятіямъ другаго назначенія, какъ сбить съ толку изслѣдователей. Но трудно спрятать что-нибудь отъ воровъ, ищущихъ золота, и отъ ученыхъ, ищущихъ свѣта. Бельцони замѣтилъ, что въ одномъ мѣстѣ стѣна, покрытая штукатуркой, отдавала на удары ломомъ глухимъ звукомъ пустоты; продѣлавъ въ этомъ мѣстѣ отверстіе, онъ нашелъ новыя комнаты, еще лѣстницы, коридоры и наконецъ замурованную дверь, за которой скрывался склепъ съ громаднымъ саркофагомъ изъ восточнаго алебастра. Но саркофагъ былъ уже открытъ и ограбленъ еще въ древности ворами, вошедшими другимъ ходомъ, отверстіе котораго видно до сихъ поръ въ углу послѣдней комнаты подземелья. Коридоръ этотъ уходитъ въ глубь горы. Куда онъ ведетъ — неизвѣстно, такъ какъ въ самомъ началѣ онъ замкнутъ обваломъ.

Теперь, когда пещера открыта и до мельчайшихъ подробностей описана сотней ученыхъ и профановъ, ее видѣвшихъ, посѣтителю остается лишь слѣдить по описанію за смысломъ картинъ, покрывающихъ стѣны ея коридоровъ, лѣстницъ и комнатъ. Краски этихъ картинъ, сохранившія въ продолженіе тридцати вѣковъ весь свой блескъ, одушевляютъ образы страшныхъ бо-

жествъ, серебрять спины грозно вставшихъ на хвостъ змѣй, передають ужасъ на лицахъ людей, которыхъ бросаютъ въ огонь или терзають пытками. Въ длинной серіи эпизодовъ скитанія души по загробнымъ мірамъ живописуются ужасы адскихъ мученій, черезъ которыя долженъ пройти умершій царь и восторжествовать надъ ними, прежде чѣмъ достигнуть вѣчнаго успокоенія. Эти змѣи — стражи чистилища; эти боги — судьи фараона, который подобно солнцу, умирающему каждый день во мракѣ ночи, чтобы съ новымъ блескомъ воскреснуть завтра, спускается въ царство мрака; тамъ онъ подвергается испытаніямъ, очищается и выходитъ для новой, болѣе совершенной жизни, исполняетъ рядъ переселеній съ одной планеты на другую и наконецъ достигаетъ блаженства, утопая въ безконечномъ сіяніи Аммона, всемірнаго животворца.

Вотъ общій смыслъ могильной стѣнописи еиванской эпохи. Фигуры исполнены тонко и художественно, а краски, сохранившіяся довольно хорошо, только мѣстами попорчены отъ копоти свѣчей и факеловъ, при свѣтѣ которыхъ ежегодно осматриваютъ эти катакомбы тысячи туристовъ. Обозрѣвать эти картины надо съ самаго входа въ связи одна съ другой, такъ какъ дѣйствующее лицо въ нихъ одно и то-же — фараонъ, подвергающійся различнымъ перипетіямъ загробной жизни. Большинство картинъ ясно само по себѣ и не требуетъ почти никакихъ комментаріевъ, но много и такихъ, символическій смыслъ которыхъ еще не найденъ. Среди первыхъ есть картины драгоцѣнныя, какъ этнографическіе памятники. Напримѣръ, въ комнатѣ о четырехъ колоннахъ находится знаменитая группа шестнадцати

мужей, изображающихъ четыре человѣческихъ расы, какими онѣ были извѣстны египтянамъ. Представители этихъ четырехъ расъ идутъ здѣсь въ процессіи за гробомъ фараона. Четверо изъ нихъ — красножелтаго цвѣта, высокаго роста, съ широкими плечами, съ узкимъ тазомъ; носъ у нихъ слегка орлиный и выраженіе лица мягкое; это — люди попреимуществу, *Роту*, т. е. египтяне, созданные Хорусомъ. Слѣдующія четыре фигуры — азіаты, *Наму*; они отличаются смуглымъ цвѣтомъ кожи; глаза у нихъ узкіе, носъ сильно согнутый и лицо обросло густой черной бородой, остриженной клинышкомъ; одѣты они въ короткое, ярко-разноцвѣтное платье. Третья группа людей юга, *Нахази*, съ толстыми красными губами, съ курчавыми волосами и черной кожей; это — настоящіе портреты современныхъ жителей центральной Африки. Четыре послѣднихъ представителя имѣютъ кожу бѣлую, голубые глаза и бѣлокурые волосы; головы у нихъ украшены перьями; одѣты они въ бычачьи кожи. Это — народы сѣвера, *Тамаху*, т. е. европейцы, считавшіеся у прародителей нашей цивилизаціи дикарями. Въ этой же комнатѣ Озирисъ и Изида (Хаторъ) принимаютъ царя, котораго имъ представляетъ ихъ сынъ Хорусъ (занимавшійся исключительно взвѣшиваніемъ душъ умершихъ). Здѣсь же царь входитъ въ область свѣта и душъ безпорочныхъ.

Когда изъ этой комнаты спустишься по небольшой лѣстницѣ въ слѣдующую залу, то остановишься въ изумленіи и не сразу придешь въ себя отъ неожиданности. Передъ вашими глазами въ этой залѣ открывается нѣчто удивительное, нѣчто такое, что возможно лишь въ одномъ Египтѣ. На стѣнахъ, по тонкому слою

штукатурки, видѣются эскизы фигуръ, набросанные краснымъ карандашемъ. Смерть Сети I внезапно остановила работу художника и не дала ему окончить ее. Нѣкоторые абрисы исправлены, какъ-будто начальникъ іерограмматовъ сейчасъ лишь приходилъ сюда поправить линіи рисунка и подчеркнуть нѣкоторыя характерныя особенности картины, прежде чѣмъ дсло то скульптора начнетъ высѣкать барельефы. Эта интимная сторона такого стариннаго дѣла имѣетъ особую прелесть, понятную впрочемъ, мнѣ кажется, лишь тому, кто лично видѣлъ эти штрихи карандашемъ, эту ретушевку и поправки, которымъ болѣе трехъ тысячъ лѣтъ и которыя кажутся сдѣланными вчера. По крайней мѣрѣ я испытывалъ странное ощущеніе подъ этимъ низкимъ сводомъ, расписаннымъ невиданными чудищами, освѣщенными краснымъ отблескомъ свѣчей, и передъ этой неоконченной картиной, по линіямъ которой, казалось, такъ недавно еще бродила рука художника-египтянина. Въ подобныя минуты, когда, по выраженію Шекспира, „колесо времени выходитъ изъ своей колеи“, теряешь сознаніе современной жизни, забываешь свою дѣйствительную обстановку и то, что я европеецъ, и что я пріѣхалъ сюда съ толпой англичанокъ и англичанъ, изъ которыхъ, между прочимъ, самые невозмутимые стояли молча передъ этой стѣной. Неизвѣстная сила нарушила порядокъ вѣчности, и столѣтія, истекшія одно за другимъ, какъ часы въ ночной тишинѣ, снова начали свое теченіе. Этихъ тридцати вѣковъ какъ-будто не существовало, точно не проходили еще времена Авраама и стадъ его, Моисей еще живъ, въ Египтѣ царствуетъ фараонъ, и мнѣ, отдаленному жителю сѣ-

вера, какъ-то неловко казалось не имѣть на головѣ египетской повязки, финифтянаго ожерелья на груди и *шентти* или юбочки у чреслъ, — единственнаго приличнаго костюма, чтобы предстать предъ гробомъ фараона. Религіозный страхъ охватилъ всѣхъ насъ въ этихъ стѣнахъ царской могилы, входъ въ которую былъ такъ тщательно скрытъ отъ нечестивыхъ глазъ. А что, — невольно думалось, — если фараонъ встанетъ изъ своего саркофага и ударами скипетра разгонитъ этихъ блѣднолицыхъ дѣтей сѣвера, этихъ Тамаху, пришедшихъ нарушить его мирный сонъ и тишину могилы и устраивающихъ въ долинѣ смерти днемъ пикники, а вечеромъ — прогулки съ факелами, пугая дремлющихъ совъ и шакаловъ!

Въ одномъ мѣстѣ Страбонъ говоритъ, что всѣхъ царскихъ могилъ въ ущельѣ Бибанъ-эль-Молукъ было сорокъ. Въ настоящее время извѣстны лишь двадцать пять, изъ коихъ нѣкоторыя принадлежатъ важнымъ сановникамъ, удостоеннымъ погребенія на царскомъ кладбищѣ. Многія изъ этихъ могилъ похожи одна на другую, и достаточно видѣть наиболѣе выдающіяся изъ нихъ, чтобы составить себѣ понятіе объ остальныхъ ¹⁾). Независимо отъ именъ, всѣ могилы перенумерованы. Эта практическая мысль принадлежитъ англичанину Вилькинсону — да простятъ ему великіе фараоны! № 9-й служилъ могилой Рамзесу V-му, фараону двадцатой династіи. Шамполіонъ принялъ этотъ номеръ за типъ для описанія всѣхъ царскихъ могилъ еиванской эпохи.

¹⁾ См. перечень могилъ Б. эль-Молукскаго некрополя у Mariette'a, *Itinéraire de la Haute Égypte*.

Это одно изъ подземелій, открытыхъ ранѣе другихъ; оно было извѣстно еще Птоломеемъ и въ ихъ время называлось почему-то могилою Мемнона. Греки, посѣщавшіе ее, оставили на стѣнахъ выскобленные ножикомъ надписи, послужившія вреднымъ примѣромъ для современныхъ туристовъ, не пропускающихъ ни одного гладкаго мѣста, чтобы не испестрить его своими именами.

Все, что мы видѣли въ могилѣ Сети I-го, а именно: картины суда и испытаній послѣ смерти, мы встрѣчаемъ и здѣсь, только воспроизведенными еще съ бѣльшею подробностью. Безконечныя картины пытокъ такъ разнообразны, что могли бы вдохновить автора *Ада*: вдоль стѣнъ коридоровъ и комнатъ вы видите на потемнѣвшемъ отъ времени фонѣ фигуры грѣшниковъ, то распятыхъ на столбахъ, то повѣшенныхъ внизъ головою или сидящихъ въ огненныхъ котлахъ. Далѣе вы видите тѣхъ же мучениковъ, прошедшихъ рядъ испытаній, отдающими отвѣтъ подземнымъ богамъ. На потолкѣ воспроизведены картины такого же смысла, только въ астрономической формѣ. Эти картины достойны особаго вниманія главнымъ образомъ потому, что онѣ объяснены іероглифическими надписями, по которымъ Шамполіонъ разобралъ астрологическую таблицу созвѣздіи и могъ привести въ извѣстность вліяніе послѣднихъ на каждый часъ дня и на различныя части человѣческаго тѣла. Сиріусъ, напримѣръ, вліяетъ на сердце, Оріонъ — на лѣвое ухо и т. д.

Слѣдующей по порядку идетъ могила Рамзеса IX-го, на стѣнахъ которой изображены символы и различные виды проявленія производительной силы. А почти ря-

домъ съ ней находится одна изъ интереснѣйшихъ могилъ Бибанъ-эль-Молукскаго ущелья, могила Рамзеса III, строителя Мединетъ-Абу, называемая также *Брюсовой* (Tombeau de Bruce), по имени открывшаго ее путешественника. Картины этой могилы, исполненные весьма неровно — очевидно разными художниками и при различныхъ условіяхъ, представляютъ цѣлый рядъ откровеній о домашнемъ бытѣ египтянъ. Въ комнатахъ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ коридора, стѣны сверху-донизу покрыты изображеніями всякаго рода оружія, утвари, мебели, рѣчныхъ и морскихъ судовъ, животныхъ и пр. Г. Бругшъ думаетъ, что каждая изъ этихъ комнатъ служила склепомъ какому-нибудь изъ приближенныхъ фараона, имѣвшему отношеніе къ предмету картинъ, украшающихъ стѣны. Такимъ образомъ, въ комнатѣ съ картинами военнаго содержанія покоился военачальникъ Рамзеса; въ комнатѣ съ морскими сценами — адмиралъ флота и т. д. Можно предполагать также, что Рамзесъ III далъ мѣсто въ своей могилѣ и начальнику своего оркестра, такъ какъ стѣны одной комнаты покрыты изображеніями музыкальныхъ инструментовъ и музыкантовъ, среди которыхъ находятся знаменитыя фигуры арфистовъ, давно уже остановившія на себѣ вниманіе египтологовъ. Число струнъ — на одной арфѣ ихъ тринадцать, на другой двадцать одна — указываетъ, что музыка въ Египтѣ во времена Рамзеса III-го была уже не въ элементарномъ видѣ, а по положенію рукъ, движеніе которыхъ весьма тонко схвачено, видно, что арфистъ, касаясь нѣсколькихъ струнъ сразу, беретъ аккорды.

Отъ могилъ фараоновъ мы могли воротиться домой

двумя путями: или идти по той-же дорогѣ, по какой пришли, или взобраться на скалы, поднимающіяся съ восточной стороны Бибанъ-эль-Молукскаго ущелья, и спуститься близъ развалинъ храма Дейръ-эль-Бахари. Большинство избрало послѣдній путь. Ословъ съ ихъ погонщиками мы отправили домой, а сами, вооружившись мужествомъ, полѣзли по едва замѣтной тропинкѣ на одинъ изъ отроговъ Ливійской цѣпи, идущей параллельно съ Ниломъ. Отрогъ, на который мы взбирались, одинъ изъ самыхъ высокихъ, господствуетъ надъ всею долиной Оивъ, и для того, чтобы получить понятие объ обширности древней столицы Египта, это восхожденіе обязательно для всякаго мало-мальски уважающаго себя туриста. Карнакъ и Луксоръ и всѣ главные пункты западнаго берега видны отсюда такъ-же, какъ видна Москва съ высоты Воробьевыхъ горъ или Парижъ съ террасы Père Lachaise. Теперь, глядя на эту плодородную, черноземную долину, зеленѣющую по обѣимъ сторонамъ Нила, трудно представить себѣ простирившійся здѣсь когда-то многомилліонный городъ съ его домами, улицами, площадями и дворцами; но, судя по разстояніямъ, отдѣляющимъ одну группу храмовъ отъ другой, надо думать, что Оивы были больше Москвы и больше Парижа. Окинувъ взоромъ величественную картину Оиваиды, мы спустились внизъ около того мѣста, гдѣ стоялъ храмъ царицы Хатасу, который могъ бы считаться однимъ изъ грандіозныхъ памятниковъ старины, еслибы не былъ такъ разрушенъ. Въ средніе вѣка коптскіе монахи поселились среди его развалинъ, основали монастырь, колокольня котораго видна еще до сихъ поръ, и назвали его *Дейръ-эль-Бахари* (монастырь

моряковъ), благодаря картинамъ, украшающимъ стѣны античнаго храма и изображающимъ флотъ царицы Хатасу, посланный ею для изслѣдованія береговъ Африки около острова Сокотора и мыса Гвардафуй. Отъ самаго храма осталось весьма немного: половина его разрушена въ старинные годы, половина засыпана пескомъ; раскопки же, начатыя Мариеттомъ въ 1858 г., не знаю почему не были доведены до конца ¹⁾. Мы направлялись къ Нилу и шли не торопясь вдоль остатковъ дромоса, ведшаго къ пилонамъ этого храма, мимо холмовъ Эль-Ассазифъ и Шейкъ-Абдъ-эль-Гурна. Проходя мимо послѣдняго, мы конечно и не думали, да и не могли думать, что были можетъ быть въ двадцати шагахъ отъ того мѣста, гдѣ четыре мѣсяца позже будетъ совершено одно изъ удивительнѣйшихъ въ мѣрѣ открытій, доказывающее насколько еще богатъ археологическими сокровищами Египетъ, повидимому уже давно старательно изслѣдованный во всѣхъ направленіяхъ учеными и еще болѣе тщательно ограбленный его дикими и цивилизованными завоевателями. Еще много драгоценнаго для археологіи и исторіи скрывается въ пѣдрахъ этой древней страны и еще много неожиданныхъ откровеній можетъ доставить она, если только не будутъ мѣшать директору Булакскаго музея въ его трудахъ, а главное—если ему будетъ дана возможность преслѣдовать арабовъ и феллаховъ, которые утаиваютъ иногда весьма важные для египтологіи памятники, разрозниваютъ и разбиваютъ ихъ на мелкіе куски, чтобы

¹⁾ Mariette, *Deir-el-Bâhari. Documents topographiques, historiques et ethnographiques, recueillis pendant les fouilles exécutées dans ce temple.* Leipzig, Hinrichs, 1877.

легче сбывать ихъ туристамъ, увозящимъ ихъ во всѣ концы міра, не подозрѣвая даже значенія и историческаго интереса пріобрѣтеннаго ими документа. А между тѣмъ наука вѣдь нетребовательна: она охотно уступила бы туристамъ большую часть „хорошенькихъ вещицъ“ — маленькія бронзовыя статуетки, амулеты, скарабеевъ, лишь-бы только оставили ей въ распоряженіе надписи и папирусы, представляющіе мало соблазна для тѣхъ, кто не разбираетъ ихъ.

Уже десять лѣтъ тому назадъ вниманіе г. Масперо было привлечено большимъ количествомъ разныхъ вещей, носящихъ одни и тѣ-же имена. Среди этихъ вещей было пять папирусовъ, изъ коихъ два были куплены Луврскимъ музеемъ, два — Булакскимъ, а одинъ — полковникомъ Кампбелемъ; всѣ были помѣчены именемъ первосвященника *Пинотема*. Кромѣ того, ему попало много статуетокъ изъ синей массы и другія вещи все съ тѣмъ-же именемъ. Съ своей стороны, Маріеттъ пришелъ къ заключенію, что арабы нашли могилу царя Пинотема; но всѣ его усилія разоблачить ихъ тайну остались безплодными, чему причиной отчасти было состояніе его здоровья, постепенно ухудшавшагося съ 1877 года, когда онъ въ послѣдній разъ былъ въ Оивахъ.

Въ 1881 году его преемникъ г. Масперо отправился въ Верхній Египетъ съ твердымъ намѣреніемъ разыскать могилу занимавшаго его фараона. Вскорѣ по его прибытіи въ Оивы ему донесли, что одинъ изъ арабовъ, знавшихъ эту могилу, находится недалеко въ сосѣдней деревнѣ, что немало удивило его, такъ какъ онъ думалъ, что всѣ эти дѣти пустыни, которымъ, между про-

чимъ, отлично извѣстно еще давнишнее постановленіе, запрещающее продажу древне-египетскихъ вещей и вывозъ ихъ за границу, бѣжали при первомъ извѣстіи о прибытіи директора Булакскаго музея. Этотъ арабъ, Абдъ-эръ-Рассуль, былъ извѣстенъ какъ агентъ и поставщикъ древностей Мустафы-аги, гостепріимнаго хозяина и любезнаго консула для нашего брата туриста и злѣйшаго врага египтологовъ. Говорятъ, когда пріѣзжалъ въ Оивы покойный Маріеттъ, то Мустафа всегда прятался, боясь попасться на глаза энергичному ученому, который обыкновенно безъ дальнихъ разговоровъ собственноручно расправлялся со всѣми, кого онъ ловилъ въ запрещенной торговлѣ.

Въ тотъ-же вечеръ Абдъ-эръ-Рассуль былъ пойманъ и приведенъ на пароходъ къ г-ну Масперо. Согласно законамъ египетскаго судопроизводства, пойманный былъ скованъ по рукамъ и ногамъ толстой цѣпью, болѣе страшной впрочемъ на видъ, чѣмъ дѣйствительно тяжелой, такъ какъ кольца у ней были сдѣланы изъ дутаго желѣза. Послѣ долгаго, но, какъ и слѣдовало ожидать, ни къ чему не приведшаго допроса, ученый египтологъ и чины полиціи отправились обыскивать домъ заарестованнаго, жившаго среди развалинъ и могилъ особнякомъ стоящаго холма Шейкъ-Абдъ-эль-Гурна. Обыскъ и зондированіе стѣнъ его мазанки и близлежащихъ подземелій, произведенные при громкомъ плачѣ его женъ и дѣтей, не привели, такъ же какъ и допросъ, ни къ чему, такъ что при наступленіи ночи пришлось прекратить поиски и, сдавъ задержаннаго на руки мѣстнымъ властямъ, возвратиться домой.

Послѣ этой поѣздки г. Масперо прошло два мѣсяца,

во время которых арестованный Абдъ-аръ-Рассуль, содержащийся въ Кеннехской тюрьмѣ, не проронилъ ни единого слова о своей тайнѣ. Между тѣмъ отъ губернатора Луксора и шейковъ сосѣднихъ деревень были получены удостовѣренія въ его необыкновенной честности; въ одномъ изъ подобныхъ документовъ значилось, что „Абдъ-аръ-Рассуль никогда не раскапывалъ могилъ и никогда не будетъ раскапывать, что онъ не способенъ на такой поступокъ, какъ утайка древностей, и поэтому невозможно допустить, чтобы онъ продавалъ вещи изъ царской могилы“, и т. д. За недостаткомъ доказательствъ, его отпустили на волю; но не успѣлъ онъ воротиться къ себѣ домой съ своимъ патентомъ незапятнанной честности, какъ поссорился изъ-за чего-то съ своимъ братомъ, участвовавшимъ вмѣстѣ съ нимъ въ раскопкахъ могилъ. Тогда обиженный имъ братъ, Мохаммедъ, изъ мести или изъ боязни, такъ какъ дѣло получило огласку, тайкомъ пришелъ къ кеннехскому мудиру (губернатору) и рассказалъ все, что ему было извѣстно объ эксплуатируемой его братьями могилѣ. Увѣдомленный обо всемъ хедивъ далъ приказаніе дирекціи музея немедленно отправиться на мѣсто и овладѣть открытыми древностями. За отсутствіемъ г. Масперо, который былъ въ то время во Франціи, поѣхалъ туда г. Бругшъ, его помощникъ.

6-го іюля онъ былъ уже въ долину Оивъ, и измѣнникъ Мохаммедъ привелъ его именно къ подножію Шейкъ-Абдъ-эль-Гурна, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ два мѣсяца тому назадъ тщетно изслѣдовалъ избушку и близъ-находящіяся подземелья г. Масперо. Скалы, составляющія границу долины Нила, обра-

зуютъ здѣсь отвѣсныя обрывы и глубокія впадины, обмытыя и подточенныя въ геологическія времена рѣкой, отошедшей въ настоящее время отсюда версты на четыре. Въ глубинѣ одного изъ подобныхъ заливовъ, лежащаго на югъ отъ Дейръ-эль-Бахари, и находится древній тайникъ съ царскими муміями, затерявшійся среди обваловъ глины, подъ грудами камней, какъ-бы нарочно кѣмъ наваленныхъ и исковерканныхъ. Входъ въ него былъ замаскированъ громадною глыбой известняка и плотно засыпанъ мусоромъ, такъ что можно было десять разъ пройти мимо и не замѣтить ничего. Спускъ въ колодезь довольно затруднителенъ и опасенъ, такъ какъ лѣстница наполовину разрушена и завалена камнями. На днѣ колодца открывается галерея въ 74 метра длины, вырытая горизонтально въ скалѣ; ея высота неодинакова на всемъ протяженіи: мѣстами она достигаетъ пяти метровъ, мѣстами же не болѣе одного, такъ что надо подвигаться ползкомъ. Въ концѣ галереи находится погребальная комната, имѣющая восемь метровъ длины и четыре ширины. Въ этомъ-то коридорѣ со свѣчей въ рукѣ пробирался въ сопровожденіи Мохаммеда г. Бругшъ, наскоро разбирая картуши попадавшихся ему мумій и надписи гробовъ и различныхъ предметовъ, наполнявшихъ все пространство обширнаго подземелья. Въ продолженіе двухъ часовъ, пока онъ находился подъ землей, ему казалось, что онъ былъ жертвою обмана чувствъ. „Г. Бругшъ, — говоритъ Масперо въ своемъ *Rapport*, — очутившись внезапно въ этомъ многочисленномъ и величественномъ собраніи царей, не вѣрилъ своимъ глазамъ, да и я до сихъ поръ не могу придти въ себя и какъ-то недовѣрчиво смотрю на то,

что было плотью всѣхъ этихъ лицъ, которыхъ я зналъ, и думалъ, что буду знать, лишь по именамъ“.

Для громаднаго большинства египетскіе фараоны — эти сказочные цари невѣдомыхъ временъ — представляются какими-то историческими привилѣніями, въ сто разъ болѣе легендарными, чѣмъ герои Гомера или индѣйскихъ эпоей, чѣмъ-то туманнымъ, неполнѣ доступнымъ воображенію, о чемъ слышали въ дѣтствѣ и вмѣстѣ съ десятью египетскими язвами давно отнесли въ разрядъ сказокъ на одну доску съ Иванъ-царевичемъ и Шапкой-невидимкой. И вотъ вдругъ главныхъ изъ этихъ фараоновъ находятъ подъ гранитными сводами подземелья, гдѣ они почивали въ могильной тишинѣ въ продолженіе десятковъ вѣковъ, во время которыхъ въ вихрѣ историческихъ событій появлялись и исчезали народы и цивилизаціи, во время которыхъ протекли блестящія и бурныя судьбы Греціи и Рима, зародилось христіанство и палъ античный міръ, во время которыхъ средніе вѣка воротили въ Европу варварство и исламъ опустошалъ Востокъ, и, наконецъ, появилась новѣйшая цивилизація — и современные намъ поколѣнія, движимыя любовью къ прошлому и вѣрой въ будущее, создаютъ исторію и торопливо идутъ неизвѣстно куда. Никогда, конечно, не бывало болѣе чудеснаго воскресенія!

Триста арабовъ, проработавъ двое сутокъ при 50-тиградусной температурѣ, очистили подземелье, вынесли всѣ муміи наружу и разложили ихъ рядышкомъ на песчаной платформѣ, окруженной внушительной стѣнной скаль. вмѣсто ожидавшейся одной царской муміи, ихъ оказалось тридцать шесть. Удивительное зрѣлище, какъ рассказываетъ г. Бругшъ, представляли всѣ эти гробы

въ этой пустынной мѣстности во время ночной тишины, когда луна, показавшись изъ-за Аравійскихъ горъ, освѣтила позолоту ящиковъ и широко открытые, неподвижные глаза мумійныхъ масокъ.

Во время перенесенія мумій черезъ Оиванскую долину къ пароходу произошелъ странный случай, сильно напугавшій суевѣрныхъ арабовъ и надѣлавшій немало хлопотъ г. Бругшу. Палящее солнце, накаливавшее деревянные гробы до такой степени, что къ нимъ нельзя было прикоснуться, подѣйствовало на мускулы и сухожилия одного изъ тѣлъ, лежавшаго безъ крышки и безъ повязокъ. Внезапно рука этого фараона, подымавшаяся въ послѣдній разъ быть можетъ въ битвѣ противъ гиксовъ, согнулась и грозно поднялась изъ гроба. Арабы, несшіе гробъ, бросили его и въ ужасѣ разбѣжались. Большаго труда стоило г. Бругшу заставить ихъ снова взяться за свою ношу и доставить ее до Луксорской пристани.

Къ вечеру втораго дня весь этотъ пантеонъ былъ размѣщенъ на пароходѣ: вся палуба, всѣ диваны и столы каютъ-компаніи, каюта и кровать покойнаго Маріетта были заняты какимъ-нибудь царемъ или царицею Египта. Въ послѣдній разъ спускались теперь они по Нилу, по которому въ былыя времена такъ часто плавали, то сопровождаемые войскомъ, отправляясь въ дальній походъ, то окруженные восторженной толпой народа во время торжественныхъ празднествъ. Они должны были быть довольны, такъ какъ всѣ власти гражданскія и военныя всѣхъ провинцій являлись по дорогѣ на пароходъ взглянуть на бывшихъ повелителей ихъ страны и спрашивали у г. Бругша съ чисто-восточною наив-

ностью: не хватитъ ли этихъ сокровищъ, чтобы уплатить всѣ долги Египта? Съ берега народъ, замѣтивъ на палубѣ эти длинные, раззолоченные гробы, подолгу провожалъ пароходъ; мужчины стрѣляли изъ ружей и прыгали въ дикой *фантази*, а женщины, распустивъ волосы, оглашали воздухъ гортанными звуками своего *захарита* — литаніи безъ начала и конца, примѣняющейся у феллахинокъ одинаково какъ въ случаяхъ горя, такъ и радости.

Лишь только пароходъ пришелъ въ Каиръ и всѣ его царственные пассажиры были перенесены въ Булакскій музей, какъ они подверглись тщательному осмотру начальника французской археологической миссіи, г. Лефевра. Затѣмъ воротившійся изъ Франціи Масперо лично удостовѣрился въ подлинности нѣкоторыхъ громкихъ именъ, казавшихся ему сомнительными. За недостаткомъ мѣста, найденныя муміи были временно помѣщены въ восточной залѣ, направо отъ центральной, въ ожиданіи предполагавшагося увеличенія музея, оказавшагося, несмотря на недавнія пристройки, настолько загромажденнымъ накопившимися коллекціями, что нѣсколько разъ въ продолженіе зимы приходилось ограничивать число осаждавшихъ его посѣтителей; достойно замѣчанія, что въ послѣднее время музей стали посѣщать не только европейцы, но и феллахи, которые, какъ будто чувствуя свою связь съ древнимъ Египтомъ, необыкновенно интересуются всѣмъ, что найдено и находится въ нѣдрахъ ихъ отечества.

Всѣ бывшіе въ музеѣ, даже самые закоснѣлые скептики, съ презрѣніемъ смотрящіе на старинныя, „ни на что негодныя“ вещи, были тронуты при видѣ этихъ

царскихъ фамилій, жившихъ между XVIII и XI столѣтіями до Р. Х. Это, конечно, еще не особенно много въ сравненіи съ царемъ *Мери-энх-Ра*, найденнымъ въ томъ же 1881 году въ Мемфисѣ и жившимъ отъ пяти до шести тысячъ лѣтъ тому назадъ; но зато здѣсь мы имѣемъ передъ глазами фараоновъ, положившихъ предѣлъ гомерическимъ битвамъ съ гиксами или воевавшихъ въ Обѣтованной землѣ въ то время, какъ евреи работали въ странѣ Мизраима, согнутые подъ египетскимъ кнутомъ. Между ними есть два или три, которые видѣли Моисея молодымъ, и всѣ безъ исключенія строили, увеличивали и украшали эти храмы, служащіе выразителями высшаго проявленія египетскаго генія: Абидось, Карнакъ, Луксоръ, Гурна, Рамессеумъ и Ипсамбуль.

Тѣмъ, которые еще спрашиваютъ: „правда-ли, что отысканъ ключъ іероглифовъ?“ и которые стали бы сомнѣваться въ подлинности найденныхъ тридцати шести царскихъ мумій, можно отвѣтить, что вотъ уже шестьдесятъ лѣтъ, какъ, благодаря ежедневно находимымъ папирусамъ и надписямъ, египтологія идетъ впередъ такими гигантскими шагами и притомъ такъ согласно во всѣхъ странахъ, что въ настоящее время во многихъ отношеніяхъ исторія и бытъ древняго Египта извѣстны лучше и полнѣе, чѣмъ нѣкоторыя страницы европейской исторіи первыхъ вѣковъ нашей эры. Чтобы покончить съ вопросомъ о подлинности, позволю себѣ обратиться къ сравненію. Всякій знаетъ, что геральдика, или наука о гербахъ, необходима для изученія исторіи и археологіи средневѣковой Европы. Занимающійся геральдикой, найдя на развалинахъ стариннаго замка какой-нибудь

гербъ безъ всякихъ надписей, легко узнать по цвѣтамъ и металламъ титуль, семейныя связи, имя обладателя герба, наконецъ, годъ или приблизительно время, къ которому относится данная постройка. Каждый египетскій фараонъ имѣлъ въ нѣкоторомъ родѣ свой собственный, личный гербъ, который не переходилъ къ его наслѣднику и ни къ какому изъ его преемниковъ, по крайней мѣрѣ во всей цѣлости. Этотъ гербъ — ничто иное, какъ группа іероглифическихъ знаковъ, заключенныхъ въ эллиптической чертѣ, названной, по предложению Шамполліона, картушей , и изображающихъ имя и фамилію фараона. Въ картушѣ можетъ быть вписано только имя бога, царя или царицы, и египтологъ, найдя ее среди длинной надписи, такъ же легко читаетъ ее, какъ изучающій геральдику разбираетъ гербъ. У египтолога есть еще то преимущество, что сочетанія гербовъ могутъ простираются до безконечности, между тѣмъ какъ въ нихъ вписываются лишь имена боговъ и царей. Кромѣ этого признака царскихъ мумій есть еще одинъ — это *u-gaeus*, т. е. змѣя *найл* ¹⁾, изображеніе которой всегда находится на передней части головнаго убора фараоновъ, къ которымъ эта эмблема власти причинять немедленную смерть перешла отъ боговъ.

Что касается мумій царей, найденныхъ въ Шейкъ-Абдъ-эль-Гурна, то онѣ всѣ имѣютъ не только *u-gaeus* на головахъ, но и картуши съ полнымъ титуломъ, обыкновенно предшествующимъ имени фараона въ офи-

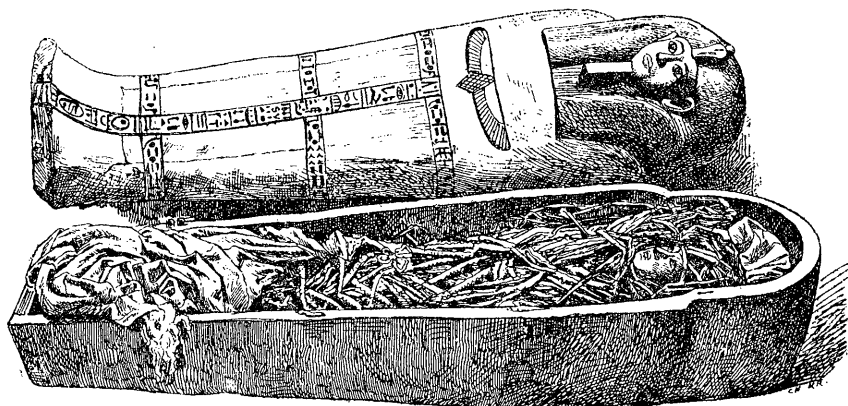
¹⁾ *Найл* — *vipère*, ехидна.

ціальныхъ надписяхъ. „Мало того, — говоритъ въ своемъ рапортѣ г. Масперо, — на многихъ гробахъ и муміяхъ видны надписи, подробно излагающія причину смерти фараона, время смерти, иногда причину перенесенія муміи изъ одной могилы въ другую. Эти надписи — настоящіе протоколы, въ правдивости которыхъ сомнѣваться нѣтъ возможности“.

Изъ найденныхъ мумій первая въ хронологическомъ порядкѣ принадлежитъ фараону *Сокнупри* (имя, читаемое нѣкоторыми египтологами *Раскененз* или *Скененра*); это одинъ изъ воинственныхъ царей XVII-й династіи, энергично боровшихся съ *пастухами* или гиксами. Рядомъ съ нимъ — тѣло его наслѣдника, Ахмеса I-го (XVIII династіи), окончательнаго освободившаго Египетъ отъ иноплеменниковъ приблизительно въ 1700-мъ году до Р. Х. и начавшаго собою блестящую эпоху Новой Имперіи. Осилить своихъ ненавистныхъ притѣснителей и почувствовавъ свою мощь, Египетъ обратился къ политикѣ завоеваній, которой въ продолженіе многихъ столѣтій держались фараоны слѣдующихъ за XVIII-й египетскихъ династій, почти всѣ предпринимавшіе отдаленные походы и войны за предѣлами своей страны. Наслѣдникъ Ахмеса, Аменофисъ I продолжалъ начатыя его отцомъ завоеванія и расширилъ границы Египта на югъ до четвертыхъ пороговъ.

Повязки и холстъ, скрывающіе лицо этого фараона, покрыты раскрашенной деревянной маской, оживленной двумя большими эмалевыми глазами и имѣющей сладкое, улыбающееся выраженіе, какъ лицо молодой дѣвушки; тѣло же, лежащее въ деревянномъ гробу, исчезаетъ подъ гирляндами цвѣтовъ, такъ сохранившихся, какъ-будто

они были собраны и высушены не болѣе мѣсяца тому назадъ. Ихъ формы и цвѣтъ нимало не пострадали отъ времени. Присутствовавшій при вскрытіи гроба, извѣстный натуралистъ Швейнфуртъ пришелъ въ неописанный восторгъ при видѣ этого единственнаго въ мірѣ гербаріума и говорилъ, что по развитію листьевъ можно опредѣлить время года, когда растенія были сорваны. Въ настоящее время всѣ цвѣты, найденные въ гробахъ

Мумія Аменофиса I съ деревянной раскрашенной маской на лицѣ и гирляндами цвѣтовъ.

Аменофиса и нѣкоторыхъ другихъ фараоновъ, собраны и размѣщены Швейнфуртомъ въ одиннадцати рамкахъ подъ стекломъ, рядомъ съ соответствующими современными экземплярами. Г. Роне, видѣвшій эти рамы оконченными, увѣряетъ, что глазъ профана не отличить трехнедѣльнаго цвѣтка отъ трехтысячелѣтняго ¹⁾.

¹⁾ Найденные цвѣты слѣдующіе: *Alcea ficifolia*, *Acacia nilotica* (съ плодами), *Nymphaea sacrutca*, *Nymphaea lotus* или античный лотусъ; великолѣпный экземпляръ послѣдняго сохранился съ цвѣтами, листьями и стеблемъ; *Delphi-*

Одинъ только Египетъ, съ его гранитными склепами, съ его всепогребаяющимъ пескомъ и абсолютно-сухой атмосферой, можетъ представлять такіе удивительные примѣры долговѣчности. Въ глубинѣ его могильныхъ колодцевъ, подъ каменными сводами подземелій, вырытыхъ въ цѣльной скалѣ, сохраняются не только деревянные гробы и холстяныя повязки мумій, но и нѣжные лепестки цвѣтовъ остаются нетлѣнными въ продолженіе десятковъ вѣковъ. Самые древніе гербаріи, извѣстные до сихъ поръ археологамъ, имѣютъ не болѣе трехсотъ лѣтъ; между тѣмъ какъ найденная въ гробу Аменофиса коллекція, дополненная исчезнувшею разновидностью арбуза, относится къ семнадцатому столѣтію до Р. Х. и существуетъ, слѣдовательно, уже 3500 лѣтъ. Въ этомъ же гробу, на днѣ чашечки одного не совсѣмъ распустившагося ненюфара нашли осу, одну изъ тѣхъ большихъ осъ, злые потомки которыхъ не даютъ покоя на берегахъ Нила ни людямъ, ни животнымъ въ продолженіе всѣхъ жаркихъ мѣсяцевъ. Насѣкомое, увлекшееся собираніемъ сока на цвѣтахъ и за то попавшее въ могилу вмѣстѣ съ фараономъ, сохранилось отлично, чему, можетъ быть, немало способствовало испареніе

nium orientale ярко-лиловаго цвѣта; *Sesbania aegyptiaca*, *Carthamus tinctorius* и *Parmelia furfuracea*. См. Bulletin de l'Institut égyptien; mémoire du D-r Schweinfurth.

Считаю умѣстнымъ упомянуть здѣсь о разсказахъ, будто-бы зерна пшеницы (весьма часто находимыя въ древне-египетскихъ могилахъ) могутъ произрастать и приносить плоды. Въ настоящее время признаю, что лица, когда-то производившія опыты съ подобной пшеницей, были обманываемы арабами и проводниками; ни одинъ подлинный экземпляръ, найденный при несомнѣнныхъ обстоятельствахъ, никогда не прорасталъ. Точно также ни разу еще не было доказано, что сѣмена, находимыя въ мѣстахъ свайныхъ построекъ отдаленнаго, доисторическаго прошлаго, обладали способностью прорастанія.

ароматовъ, которыми пропитаны повязки муміи; его крылышки прозрачны и лапки цѣлы и какъ-бы готовы снова поднять его на воздухъ послѣ трехтысячелѣтняго отдохновенія.

Тѣло наслѣдника Аменофиса I-го, Тутмеса I-го, не найдено. Тѣла же его двухъ сыновей, между царствованіями которыхъ стоитъ въ хронологическомъ порядкѣ царствованіе ихъ сестры Хатасу, найдены, хотя и не въ полной цѣлости. Въ гробу Хатасу, которая, несмотря на близкое родство, была въ силу установленнаго съ незапамятныхъ временъ обычая, имѣвшаго цѣлью сохраненіе царской крови, и женою своихъ обоихъ братьевъ, муміи не нашли. вмѣсто тѣла, на днѣ гроба найденъ небольшой ящикъ изъ чернаго дерева и слоновой кости съ мумифицированнымъ легкимъ, составлявшимъ, надо думать, часть внутренностей гнѣвной египетской Семирамиды. Рядомъ стоявшій гробъ принадлежитъ ея брату Тутмесу III, одному изъ могущественнѣйшихъ египетскихъ царей. „Недаромъ, говоритъ г. Масперо, ему дали имя Великаго: въ постоянныхъ походахъ изъ одного конца своего государства въ другой, одинъ годъ подъ стѣнами Ниневіи, другой — въ скалахъ Эіопіи, провелъ онъ всю свою жизнь и расширилъ владѣнія Египта до такихъ размѣровъ, какихъ никогда, ни до, ни послѣ него, эта страна не достигала“. Мумія великаго фараона, одна изъ наиболѣе пострадавшихъ, имѣетъ лишь 1,₆₀ метра (приблизительно 2 арш. 3 вершка). Ее нашли изорванною на три куска, которые были собраны и связаны вмѣстѣ еще въ древности. Лицо фараона, извѣстное по его статуямъ и сфинксамъ, съ его правильными и твердыми чертами, неузнаваемо; отъ ос-

тальныхъ частей тѣла осталось немного, исключая впрочемъ правой руки, отличающейся большой элегантностью формъ. Матерія, обвивающая тѣло, такой легкости и прозрачности, какую трудно превзойти; она можетъ служить образчикомъ тѣхъ воздушныхъ тканей, которыя такъ мастерски изображались египетскими художниками на стѣнописяхъ.

Рядомъ съ героями могучей XVIII династїи, изъ которыхъ были найдены лишь первые по порядку четыре фараона, лежало тѣло Сети I-го, этого египетскаго царя Давида, отца Рамзеса II Сезостриса и родоначальника XIX-й династїи, не менѣе славной, чѣмъ предыдущая. Въ Абидосѣ, священномъ городѣ Озириса, Іерусалимѣ древняго Египта, въ храмѣ Сети, сохранившемся какъ нельзя лучше, можно видѣть почти на всѣхъ его стѣнахъ весьма схожіе между собой портреты фараона. Было бы весьма интересно сличить черты лица найденной мумїи съ этими извѣстными каждому туристу портретами. Тотъ же Сети строилъ Гурнахскій храмъ, видѣнный нами третьяго дня и такъ хорошо описанный Эберсомъ подъ именемъ „дома Сети“ въ его романѣ „Уарда“ ¹⁾. Наконецъ, всѣмъ бывшимъ въ Египтѣ извѣстна его могила, осмотрѣнная нами сегодня, самая большая, самая полная и наиболѣе интересная изъ всѣхъ могилъ Бибанъ-эль-Молукскаго ущелья.

За тѣломъ Сети I-го идетъ мумія, присутствіе которой произвело наибольшее впечатлѣніе. Это — мумія сына Сети I, Рамзеса II, извѣстнаго въ греческихъ ис-

¹⁾ G. Ebers, *Ouarda, roman de l'antique Égypte, tiré des papyrus de Thèbes*. Paris, Didot, 1882.

точникахъ подъ именемъ Сезостриса, царствовавшего 67 лѣтъ и имѣвшаго 170 человекъ дѣтей. Это былъ Соломонъ или Людовикъ XIV Египта, и слава его достигла такихъ размѣровъ, что имя его встрѣчается повсюду, даже на постройкахъ, которыхъ онъ не строилъ, и на статуяхъ, которыя не его изображаютъ. Это царствованіе, длиннѣйшее изъ достовѣрно извѣстныхъ, какъ думаютъ,—то самое, окончанія котораго такъ долго ждалъ Моисей, бѣжавшій съ береговъ Нила и несмѣвшій туда воротиться при жизни грознаго фараона. Но предположеніе это до сихъ поръ не подтверждается никакими фактическими данными. Правда, что Библия передаетъ, какъ роптали евреи, строя для *какого-то* фараона города *Рамзеса* и *Пи-тумъ* (жилище бога Тумъ, теперешній Тель-эль-Кебиръ), но египетскіе тексты ни единымъ словомъ не упоминаютъ объ Исходѣ. Тексты же, относящіеся къ царствованію Рамзеса II-го, говорятъ лишь о публичныхъ рабахъ, называвшихся *Аперіу*, слово, которое многіе ученые уподобляютъ слову *Иберимъ*—дѣти Эбера, Евреи.

Гробъ Сезостриса, изъ неокрашеннаго дерева и неоконченный, имѣетъ форму Озириса, держащаго въ рукахъ свои божескіе знаки: кнутъ и крючекъ ¹⁾. Глаза

¹⁾ Кнутъ былъ однимъ изъ отличительныхъ знаковъ Озириса; въ рукахъ фараоновъ онъ становился эмблемою управленія и покровительства, а не наказанія, какъ думали раньше (P. Pierret, *Cat. Salle historique*).

Второй отличительной знакъ Озириса — крючекъ обозначаетъ вообще идею правленія, попеченія, сдерживанія. De Rougé видитъ въ немъ остатокъ пастушеской жизни.

вставлены эмалевые; черты лица оттѣнены черной краской. Этотъ памятникъ весьма интересенъ, но, къ несчастію, онъ не современный Рамзесу, съ лицомъ котораго, извѣстнымъ по тысячѣ статуй и барельефовъ, онъ не имѣетъ никакого сходства. Согласно съ обычаемъ египтянъ, старавшихся уподоблять всѣ изображаемыя ими лица лицу царствующаго фараона, весьма вѣроятно, что маска этого гроба представляетъ ничто иное, какъ портретъ того царя, во времена котораго мумія Сезостриса была подновлена и переложена въ этотъ новый гробъ, стиль котораго, а также орѳографія іероглифовъ указываютъ на двадцатую династію.

Такъ какъ по царскимъ картушамъ, виднѣвшимся на груди муміи, нельзя было съ полною увѣренностью опредѣлить, принадлежитъ-ли эта мумія Рамзесу II-му или Рамзесу XII-му, то г. Масперо рѣшился снять нѣсколько слоевъ холста, покрывавшихъ мумію и казавшихся какъ-то небрежно наложенными; подъ этими слоями оказалась первоначальная мумія съ надписью, спускающейся отъ лица до ногъ и не оставляющей никакого сомнѣнія относительно того, что это тѣло Рамзеса II-го Сезостриса.

Таковы царскіе гробы и муміи древнѣйшей группы,

Между прочими царскими скипетрами, *уасъ* былъ исключительною принадлежностью фараоновъ оиванскихъ династій. По мнѣнію de Rougé, голова четвероногаго, которою оканчивается этотъ скипетръ, принадлежитъ зайцу, сложенные уши котораго обозначаютъ *вѣчное спокойствіе*.

Скипетръ богинь — колонка *удджъ* былъ символомъ *счастливой жизни*, а также *расцвѣта*, вслѣдствіе чего эта колонка, сдѣланная изъ зеленого фельдшпата, вѣшалась и на шею мумій.

къ которой относятся также найденныя вмѣстѣ современныя имъ муміи царицъ, царскихъ дѣтей, сановниковъ и богатыхъ частныхъ лицъ. Вторая группа моложе первой на нѣсколько вѣковъ и во многомъ отличается отъ нея. Въ первой, древнѣйшей группѣ всѣ гробы повреждены, починены грубо и очевидно наскоро, подновлены или взяты изъ-подъ другихъ мумій, отчего и произошла нѣкоторая путаница въ именахъ. Украшеніе мумій чрезвычайно просто, и позолота, покрывавшая нѣкоторыя изъ нихъ съ головы до ногъ, замѣнена бѣлой, желтой или черной краской. Въ подземельѣ ихъ гробы найдены были въ величайшемъ безпорядкѣ, какъ-бы заброшенными. Кромѣ того, при нихъ не оказалось ни одной драгоценной вещи, которыми обыкновенно украшали египтяне своихъ покойниковъ.

Муміи же второй группы занимали главную комнату подземелья, стояли въ порядкѣ и были тамъ какъ у себя дома. За исключеніемъ нѣкоторыхъ поврежденій, причиненныхъ, надо думать, арабами, всѣ гробы этой группы сохранились хорошо и не подвергались повидимому никакимъ измѣненіямъ. Всѣ они состоятъ изъ трехъ ящиковъ, вкладывающихся одинъ въ другой, и благодаря этому достигаютъ громаднаго вѣса. Убранство мумій, подобно одеждѣ живыхъ людей, часто мѣнялось согласно требованіямъ моды, — и вотъ эти покинули простой и богатый уборъ своихъ предковъ и обратились къ вычурнымъ украшеніямъ, указывающимъ на упадокъ вкуса въ мумійномъ костюмѣ. Это уже не великіе цари-воины, покрывшіе славою свою страну, это цари-священнослужители, нѣжныя руки которыхъ умѣли

лишь расточать богатое наслѣдство, оставленное имъ прежними фараонами.

Само собой разумѣется, что находка въ Шейкъ-Абдъ-эль-Гурна возбудила много историческихъ вопросовъ: во-первыхъ, какъ могло случиться, что муміи знаменитыхъ фараоновъ сохранились, между тѣмъ какъ гранитные саркофаги ихъ великолѣпныхъ могилъ были разбиты и ограблены еще въ древности или въ средніе вѣка? Затѣмъ, отчего ихъ нашли сваленными въ кучу и какъ-бы въ изгнаніи въ подземельѣ ихъ наслѣдниковъ, нѣсколькими вѣками ихъ моложе? Отчего эти послѣдніе похоронены всѣ вмѣстѣ, а не поодиночкѣ, по исконному обычаю Египта? Наконецъ, зачѣмъ эти слѣды насилія, изломанные гробы, эти перенесенія изъ одной могилы въ другую, безпорядокъ, смѣшеніе?

Исторія Египта достаточно уже извѣстна, чтобы можно было отвѣтить на эти вопросы, разъясненные нѣкоторыми египетскими папирусами, сохраняющимися въ настоящее время въ Лондонскомъ музеѣ ¹⁾).

Около тринадцати вѣковъ до начала нашего лѣтосчисленія, во время Троянской войны и можетъ быть Исхода, Египетъ началъ уже приходить въ упадокъ. Истощенный многолѣтними отдаленными войнами, усиленными налогами и поборами, народъ жаждалъ мира; цари и полководцы, упоенные своимъ могуществомъ, предались спокойствію и усладамъ жизни. Въ это время было утрачено обладаніе Сиріей, откуда Эивы получали

¹⁾ Главнымъ образомъ папирусы *Abbott* и *Amhurst*.

свои главные доходы. Немного лѣтъ спустя послѣ смерти Сезостриса, въ началѣ XX-й династїи, власть фараоновъ была уже настолько расшатана, что полная анархїя и междоусобица царила во всей странѣ; каждый губернаторъ провинці считалъ себя царемъ. Энергичный Рамзесъ III-й, взойдя на престолъ, долженъ былъ въ самомъ началѣ своего царствованія подавить обширный заговоръ, въ которомъ принимали участіе его жены и почти всѣ царедворцы. Твердая воля, мужество и неутомимая дѣятельность этого фараона отодвинули на нѣсколько лѣтъ моментъ паденія и раздробленія имперїи. Но при его преемникахъ, безсильныхъ Рамессадахъ, все снова пришло въ хаосъ. Подобно тому, какъ шестнадцать или семнадцать вѣковъ позже случилось съ Римомъ, территорія Оивъ оказалась слишкомъ незначительною, чтобы удовлетворять роскоши царей, жрецовъ, сановниковъ, и метрополїа, лишённая своихъ колоній, начала ощущать нужду и голодъ. Обширныя корпораціи воровъ, иногда высокопоставленныхъ, начали тогда эксплуатировать старинныя кладбища и извлекать изъ могилъ фараоновъ и богатыхъ частныхъ лицъ драгоценныя каменья и золотыя вещи. Какovy были эти вещи, — мы можемъ судить по драгоценностямъ, найденнымъ въ гробу царицы Аахъ-Хотепъ.

Администрація кладбищъ пришла въ волненіе и обратилась съ жалобой и просьбой о защитѣ къ фараону Рамзесу IX. Начались слѣдствїя, преслѣдованія, доносы; рѣзали носы, уши, даже головы; но многихъ преступниковъ не нашли, другихъ не привлекли къ отвѣтственности, какъ людей, стоящихъ слишкомъ вы-

соко, многихъ простили благодаря подкупности судей и нравственному разложенію общества ¹⁾.

Заимствую у Масперо интересную страницу, повѣствующую, какъ обкрадывались въ смутныя времена египетской исторіи царскія могилы. Это — стенографическій отчетъ сcribe, писавшаго со словъ подсудимаго, сознавшагося, можетъ быть, подъ рукою палача. Дѣло идетъ о могилѣ царя *Себекъ-эмъ-сафъ* и царицы *Нубкхасъ* (XII дин., припл. 2500 лѣтъ до Р. Х.), сохранившейся въ цѣлости до Рамзеса IX, т. е. приблизительно до 1200 до Р. Х. „Гробъ находился въ каменной постройкѣ и покрытъ былъ каменной крышей; мы разрушили все это и нашли покоившихся тамъ царя и царицу. Мы открыли гробы царя Себекъ-эмт-сафъ и супруги его Нубкхасъ, сломавъ погребальные ящики, въ которыхъ они лежали. Мы нашли августѣйшую мумію царя и рядомъ съ ней его саблю, равно какъ и значительное количество талисмановъ и золотыхъ украшеній на его шеѣ. Голова его была покрыта золотомъ; вся мумія была покрыта золотомъ и серебромъ и усыпана драгоценными каменьями. Мы взяли золото, которое мы нашли на муміи, талисманы и украшения съ шеи и золото съ гробовъ. Мы взяли также все, что мы нашли на тѣлѣ царской супруги, затѣмъ мы сожгли ихъ погребальные ящики и унесли все, что можно было унести, и раздѣлили на восемь частей.“

¹⁾ См. по этому предмету: Chabas, *Vols dans les Sepulcres royales*. Revue archéologique, t. XVI. *Une Spoliation des hypogées de Thèbes au XI siècle*. Mélanges égyptolog. t. I. 1870. *Violation des tombes royales*. Ibid. t. II. — Maspero, *Une enquête judiciaire à Thèbes*. Mém. de l'Acad. des Inscrip. t. VII, 1871.

Зло шло, все увеличиваясь; но кажется, что до Рамзеса XI воры не касались могилъ ущелья Бибанъ-эль-Молукъ, такъ какъ Рамзесы IX-й и X-й могли еще выкопать тамъ свои подземелья рядомъ съ могилами родоначальниковъ XIX-й династїи, Рамзеса I-го, Сети I-го и Рамзеса II-го.

Послѣдніе Рамессиды, которыхъ г. Роне сравниваетъ съ послѣдними королями изъ дома Меровинговъ, были одинъ ничтожнѣе другаго. Вся власть перешла отъ нихъ въ руки жрецовъ Аммона, пытавшихся овладѣть ею еще во времена XVIII-й и XIX-й династїй. Окруженные цѣлой арміей писцовъ, эти понтифы, потонувшіе въ пучинахъ бюрократизма, не имѣли живой власти въ рукахъ и не могли конечно воодушевить народъ, равно какъ и бороться съ его возстанїями и помогать его нуждамъ. Цехи голодныхъ рабочихъ требовали работы или хлѣба и, доведенные до крайности, посягали на особу царя, который, чувствуя свое безсиліе, запирался въ высокихъ стѣнахъ храмовъ, у пороговъ которыхъ царствовали разбой и безначаліе. Въ это-то время, должно быть, и были ограблены могилы Бибанъ-эль-Молука, и въ это-то время жрецы, не находя другаго средства спасать мумїи фараоновъ, переносили ихъ изъ одной могилы въ другую, стараясь какъ-нибудь спрятать ихъ отъ воровъ.

Для того чтобы понять, какое значеніе приписывали жрецы спасенію царскихъ мумїй, надо припомнить, что въ представленїи египтянина фараоны были въ буквальномъ смыслѣ богами, а тѣла ихъ — мощами для всѣхъ благонамѣренныхъ. Кромѣ того, вѣра не допускала, чтобы душа, лишенная тѣла, могла существовать на

томъ свѣтѣ. Отсюда — обычай мумифицировать покойниковъ; отсюда же для царей — эти гигантскія предосторожности въ видѣ пирамидъ и подземелій, глубоко уходящихъ въ нѣдра горы. Въ своихъ „*Études égyptiennes*“ г. Масперо уподобляетъ смерть въ древнемъ Египтѣ браку, такъ какъ тамъ не умирали, а лишь мѣняли условія жизни. Душа, лишенная тѣла, не переставала жить, а продолжала носиться по загробнымъ мірамъ и требовала для своей новой жизни новой обстановки, новыхъ занятій и новыхъ условій, удовлетворяя которымъ египтяне строили для своихъ покойниковъ обширныя помѣщенія, украшали ихъ стѣны живописью, наконецъ совершали на могилу усопшаго приношенія, лежавшія тяжелымъ бременемъ на наслѣдникахъ, и снабжали мумію различною домашнею утварью, статуэтками и портретами родственниковъ и слугъ, окружавшихъ покойника на землѣ. Съ теченіемъ времени эти вѣрованія, зародившіяся еще въ доисторическія времена, начали ослабѣвать, теряя постепенно свою ясность; но обычаи остались и даже развились подъ вліяніемъ чванства и мелкаго честолюбія.

Могила Сети I-го нѣсколько разъ служила убѣжищемъ для мумій его отца и его сына, Рамзеса II, которыя не находились болѣе въ безопасности у себя. По словамъ Miss Amelia B. Edwards, низкій входъ въ это подземелье и коридоръ, круто спускающійся внутрь скалы, были найдены въ 1818 году г-номъ Бельцони петронутыми. Замурованное и заваленное камнемъ отверстіе этой могилы ускользнуло отъ вниманія старинныхъ воровъ. А между тѣмъ Бельцони не нашелъ царской муміи въ ея саркофагѣ, крышка котораго была

сдвинута съ мѣста и разбита. Была ли мумія унесена секретнымъ ходомъ, идущимъ далѣе въ глубь горы и заваленнымъ въ настоящее время? — отвѣтить трудно; очевидно только, что подземелье это перестало служить убѣжищемъ для мумій различныхъ фараоновъ съ того дня, какъ ворами былъ найденъ его второй выходъ.

Послѣ каждаго осмотра мумій, администрація кладбищъ реставрировала пострадавшія, подкрашивала ящики, съ которыхъ была соскоблена позолота, подновляла обдранный холстъ, клала новые цвѣты и перемѣщала муміи въ другую могилу, если та, въ которой онѣ находились, оказывалась небезопасной. Такимъ образомъ, преслѣдуемая грабителями, муміи фараоновъ по нѣскольку разъ мѣняли мѣста. Аменофисъ и Сети I, призрѣвавшіе прежде въ своихъ подземельяхъ другихъ фараоновъ, могилы которыхъ уже были разысканы ворами, наконецъ сами должны были перемѣститься и бродить вмѣстѣ съ остальными изъ одной могилы въ другую, до тѣхъ поръ пока не нашли себѣ безопаснаго убѣжища въ могилѣ первосвященника Херъ-Хоръ, вырытой имъ для самого себя въ склонѣ холма Шейкъ-Абдъ-эль-Гурна и пріютившей между тѣмъ цѣлую династію царей, неимѣвшихъ средствъ вырыть себѣ свои собственные подземелья и возможности охранять ихъ отъ грабежа. Эта узкая и грубо обдѣланная пещера, въ которую наскоро и въ безпорядкѣ были запрятаны шесть поколѣній фараоновъ съ ихъ семьями и приближенными, сопоставленная съ громадными, роскошными подземельями былыхъ временъ, которыя, подобно пирамидамъ, устраивались каждымъ фараономъ для одного себя, — вотъ отношеніе Египта павшаго къ Египту блестящему вре-

менъ Рамзеса II. Приложенные протоколы, повѣствующіе о переселеніяхъ изъ одной могилы въ другую, разрушенные, разбитые гробы, ящики, взятые изъ-подъ старыхъ покойниковъ, маски, покрытыя изъ экономіи бронзой вмѣсто золота, — все это указываетъ насколько, законы и уваженіе вещей наиболѣе уважаемыхъ были забыты и пренебрегались въ это несчастное для Египта время. Таковы заносимые исторіей на свои страницы слѣды, оставленные тремя вѣками анархіи и запечатлѣнные на всѣхъ этихъ муміяхъ.

Что касается драгоценностей, клавшихся обыкновенно въ могилы вмѣстѣ съ фараонами, то бѣлая половина ихъ пропала, частью во время перемѣщеній, частью украдена ворами древняго Египта или распродана братьями Абдъ-эръ-Рассуль, взявшими прежде все, что можно было взять, и наконецъ принявшимися за позолоту ящиковъ, которую они отбивали, какъ признался одинъ изъ нихъ, ударами топора. Еще нѣсколько лѣтъ — и отъ фараоновъ, лежавшихъ въ пещерѣ Шейкъ-Абдъ-эль-Гурна, не осталось бы ничего; и если въ теченіе десяти лѣтъ со дня открытія этой пещеры арабами расхищено сравнительно еще довольно мало, то это произошло, во-первыхъ, благодаря осторожности братьевъ Рассуль, чувствовавшихъ, что за ними слѣдятъ, и не знавшихъ, какъ распродать имъ крупныя вещи; затѣмъ, благодаря ихъ жадности, заставлявшей ихъ заламывать страшныя цѣны; и, наконецъ, благодаря недовѣрію, съ какимъ относятся туристы къ торговлѣ арабовъ съ тѣхъ поръ, какъ стало извѣстно ихъ искусство въ поддѣлкѣ старинныхъ вещей. Благодаря этимъ причинамъ, погребальныя принадлежности нѣкоторыхъ

фараоновъ и въ особенности княжны *Изимкхебъ* сохранились почти все. Между прочимъ было найдено нѣсколько папирусовъ, большое количество фигурокъ изъ синей массы, нѣсколько стаканчиковъ изъ прозрачнаго стекла съ именемъ княжны *Незикхонсу* и нѣсколько сосудовъ изъ разноцвѣтнаго стекла, похожаго на мраморъ.

Княжнѣ *Изимкхебъ* принадлежитъ корзинка, запечатанная печатью ея брата; въ ней нашли высохшіе отъ времени съѣстные припасы: часть дикой козы, гуся,

Стаканчики изъ разноцвѣтнаго стекла княжны *Незикхонсу*.

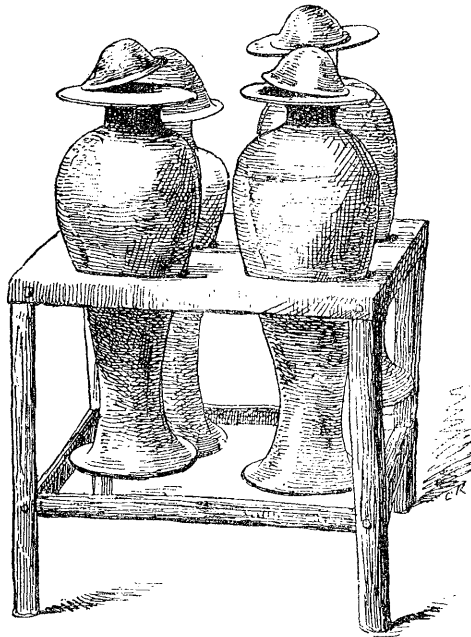
телячью голову, виноградъ, финики, плоды пальмы думъ и пр. Ей же принадлежали лежавшіе вмѣстѣ съ ней десять мелко завитыхъ париковъ, каждый въ отдѣльной коробкѣ, сдѣланной изъ пальмовыхъ вѣтокъ и листьевъ папируса. Несомнѣнно, что княжна, въ качествѣ жрицы Аммона, должна была въ силу своего происхожденія и званія предстать въ загробномъ царствѣ предъ собраніемъ боговъ, а слѣдовательно и взять съ собою принадлежности своего туалета, въ какой наряжалась она во время парадныхъ церемоній въ Карнакскомъ и Луксорскомъ храмахъ. Наконецъ, кромѣ ящичка, предназначавшагося для разныхъ флаконовъ съ арома-

тами, маслами и притиравіями, и другихъ необходимыхъ вещей женской уборной, рядомъ съ княжной лежала мумія дикой козы, должно быть ея любимицы, съ которой ея молодая хозяйка не хотѣла разстаться и на томъ свѣтѣ.

Какой трогательный обычай былъ у древнихъ египтянъ хоронить вмѣстѣ съ умершимъ человѣкомъ всѣ мелочи, окружавшія и наполнявшія его земную жизнь! Мы въ этомъ отношеніи — варвары въ сравненіи съ ними; увлеченные потокомъ грубой жизни, мы утратили высокой смѣлы смерти. Сколько нѣжности, сколько горя и сколько любви таится въ этомъ мелочномъ попеченіи, въ этихъ безконечныхъ предосторожностяхъ, въ этихъ бесполезныхъ вещицахъ, которыми окружали они безчувственный трупъ и которыхъ никто никогда не долженъ былъ видѣть, наконецъ въ этой борьбѣ, стремившейся вырвать у разрушенія обожаемое тѣло, чтобы возвратить его душѣ неприкосновеннымъ въ день послѣдняго воплощенія! Можетъ быть, наша цивилизація, которую мы считаемъ наивысшей, въ дѣйствительности — лишь зародышъ, несохранившій даже историческаго воспоминанія объ исчезнувшихъ громаднхъ человѣческихъ обществахъ. Мы гордимся какимъ-нибудь остроумнымъ новымъ изобрѣтеніемъ и не думаемъ о колоссальномъ величій, о неосуществимыхъ для всякаго другаго народа великолѣпяхъ древней страны фараоновъ. Мы имѣемъ парь; но парь менѣе силенъ, чѣмъ мысль, воздвигавшая пирамиды, прорывавшая насквозь горы для могилъ, превращавшая скалы въ сфинксовъ, строившая храмы изъ монолитовъ, которыхъ не сдвинетъ ни одинъ нашъ механизмъ, и умѣвшая

защитить отъ времени брѣнное тѣло человѣка, — такъ богата была она смысломъ вѣчности!

Подробный перечень вещей, найденныхъ вмѣстѣ съ муміями, былъ бы длиненъ; отмѣчу лишь деревянный столъ съ четырьмя бронзовыми урнами для возліяній, интересный какъ ни разу не попадавшійся до сихъ поръ

Бронзовыя вазы (для возліяній) княжны Изимхебъ.

экземпляръ древне-египетской утвари, и одинъ изъ гробовъ художественной работы. Крышка этого гроба обита довольно толстымъ листомъ золота, по которому мѣстами сіяютъ драгоценные камни и разноцвѣтныя стекла, сплетающіеся въ затѣйливый рисунокъ. Понятно, что такая цѣнная вещь сильно пострадала отъ старинныхъ

и новѣйшихъ воровъ; тѣмъ не менѣе она настолько еще сохранилась, что можно составить себѣ понятіе о ея первоначальной красотѣ и тонкости работы.

Старинные воры, несмѣвшіе по суевѣрному предубѣжденію срывать позолоту тамъ, гдѣ она покрывала изображенія боговъ, обходились вполне безцеремонно съ тѣлами покойниковъ, которыя они раздирали и, убѣдившись, что внутри ихъ нѣтъ ничего цѣннаго, сжигали. Въ подобныхъ случаяхъ могильные сторожа, замѣтивъ отсутствіе трупа, замѣняли его другимъ, подѣльнымъ; иначе душа покойнаго не знала бы въ день воскресенія куда ей дѣться, и отвѣтственный сторожъ на судѣ подземныхъ боговъ могъ бы тяжело поплатиться за подобное недоразумѣніе. Благодаря такимъ замѣнамъ, г. Масперо, изслѣдуя муміи, къ немалому своему изумленію нашель, что тѣла двухъ царскихъ женъ были сдѣланы изъ палокъ, обмотанныхъ тряпками и сверху покрытыхъ розовой холстиной, довольно искусно передающихъ формы человѣческаго тѣла. Между тѣмъ находящіеся при нихъ протоколы удостовѣряютъ несомнѣнную подлинность мумій.

Все эти остатки древнѣйшей въ мірѣ цивилизаціи еще не сказали своего послѣдняго слова. До сихъ поръ еще не рѣшились допросить ихъ окончательно, т. е. развернуть муміи, чтобы изучить черты лица великихъ фараоновъ и увѣриться, что внутри ихъ нѣтъ драгоценныхъ для науки папирусовъ, печатей, талисмановъ и проч. Положеніе ученыхъ въ этомъ отношеніи довольно затруднительно, потому что если оставить муміи нетронутыми, то ничего новаго отъ нихъ не узнаешь; если же ихъ открыть, то, во-первыхъ, можно ничего не

найти внутри, а во-вторыхъ, какъ-бы тщательно ни произвести эту операцію и затѣмъ какія бы мѣры ни принимать для ихъ сохраненія, ничто не будетъ въ состояннн спасти ихъ отъ гибели. Г. Масперо хотя и

Мумія царя Пинотема II.

склоняется въ пользу открытiя мумiй, однако-же до сихъ поръ ограниченъ лишь однимъ размѣщенiемъ найденныхъ фараоновъ въ новыхъ залахъ Булакскаго музея, откуда возмутившiйся народъ во время послѣдняго мя-

тежа едва было не выкинулъ ихъ навсегда. Быстрыя дѣйствія англичанъ спасли Каиръ и Булакъ. Не успѣли войска войти въ городъ, какъ два эскадрона были немедленно посланы охранять музей, такъ какъ толпа уже дѣлала попытки ворваться въ его стѣны и ограбить сохраняющіяся въ немъ коллекціи.

Нѣкоторыя изъ мумій были частью размотаны, вѣроятно арабами; г. Бругшъ снялъ съ нихъ фотографіи. Одна изъ этихъ мумій принадлежитъ царю *Пинотему II*, имя котораго служило путеводною нитью при открытіи Шейкъ-Абдъ-эль-Гурнахской пещеры. Его лицо должно быть грезилось Эберсу, когда онъ описывалъ въ своемъ романѣ „Уарда“ великаго жреца Амени, портретъ котораго могъ бы быть портретомъ Пинотема: „Его чисто обритая голова, его лобъ, ни слишкомъ широкій, ни слишкомъ высокій, его тонкій профиль составляли общій видъ, полный достоинства. На его сухихъ, тонкихъ губахъ блуждала странная улыбка; глаза его, скрытые подъ густыми бровями, не блестѣли, но большіе, ясные, безстрастные, обыкновенно опущенные внизъ, подымались тихо, чтобы хорошо разглядѣть“.

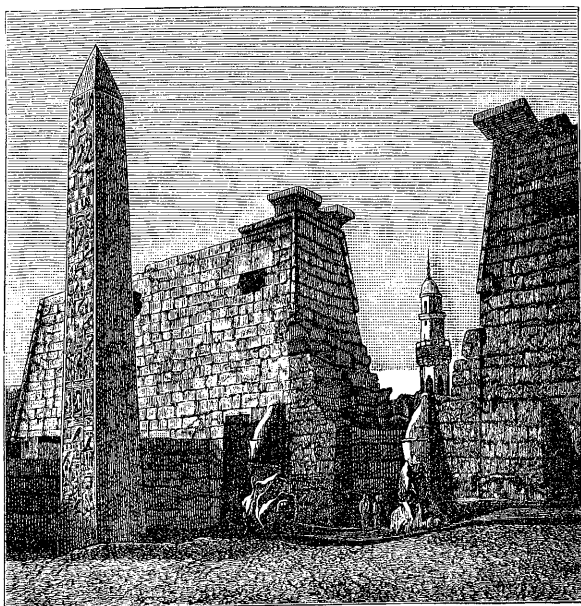
Другая мумія съ открытымъ лицомъ принадлежитъ жрецу *Нибсони*, котораго нашли первымъ при входѣ въ подземелье. Хотя трудно сказать, чтобы мумія могла быть красива, тѣмъ не менѣе для этой надо сдѣлать исключеніе — до того ея лицо полно выраженія, даже мысли; это лицо человѣка усталого, немучительно, спокойно перешедшаго отъ жизни, полной умственного труда, къ вѣчному сну. Обильные волосы ниспадаютъ на плечи длинными вьющимися прядями; полуоткрытый ротъ показываетъ бѣлые, здоровые, молодые зубы.

При видѣ этого смертнаго, удостоеннаго раздѣлять царскую могилу, приходитъ на мысль, что это было какой-нибудь моралистъ, египетскій поэтъ, въ родѣ Пентаура, образъ котораго неразрывно связанъ съ Моисеемъ и Рамзесомъ II; а между тѣмъ это быть можетъ былъ лишь ловкій придворный или ничтожный астрологъ, оставившій по себѣ одну лишь прекрасную человѣческую развалину.

Таковы описанныя въ общихъ чертахъ, найденныя въ 1881 году, царскія муміи. Это открытіе — одно изъ самыхъ блестящихъ, какія были сдѣланы въ Египтѣ послѣ открытія могилы Сети I-го Бельцони и могилъ Аписа Мариеттомъ. Трудно предположить, что будетъ найдено еще что-нибудь равное этимъ муміямъ по ихъ историческому интересу, такъ какъ не было двухъ Тутмосовъ III и двухъ Сезострисовъ; но несомнѣнно, что существуютъ еще потаенныя пещеры, неизвѣстныя и арабамъ, и слѣдуетъ надѣяться, что ихъ научные клады не попадутъ въ руки профановъ.

По возвращеніи съ западнаго берега намъ надо было осмотрѣть еще Луксорскій храмъ, что не должно было потребовать много времени, такъ какъ храмъ этотъ, наполовину застроенный современными домами луксорскихъ жителей, представляетъ мало интереса для непосвященныхъ въ тайны іероглифическихъ надписей туристовъ. Главная зала храма неузнаваема: феллахи со всѣмъ заполонили ее, поселившись въ ней съ своими избами, хлѣвами, выстроенными изъ соломы и ила, и со всѣмъ домашнимъ скарбомъ, съ собаками, курами,

цыплятами, голубями, индѣйками и пр.; все это кричить, кудахчетъ и летаетъ вокругъ колоннъ священнаго жилища Озириса. Въ одномъ углу залы построена мечеть съ ея минаретомъ, кажушимся издали какъ-бы нозымъ обелискомъ, а рядомъ съ древнимъ святилищемъ, гдѣ возглашались лишь имена Аммона-Ра, Хаторъ и

Луксорскій храмъ.

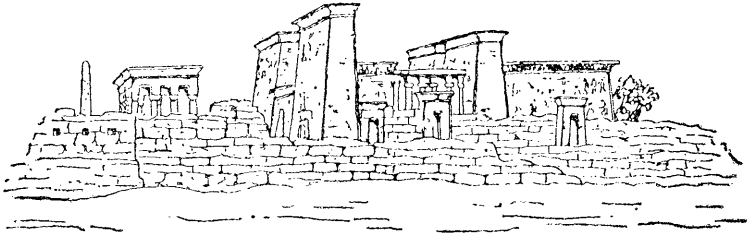
Тафнэ, находится медресе, гдѣ учать феллахскихъ дѣтей поклоняться одному лишь Магомету.

Лучше остальныхъ частей храма видѣнъ построенный Рамзесомъ II пилонъ, передъ которымъ стоятъ двѣ колоссальныя статуи этого фараона, засыпанныя теперь по шею пескомъ, и обелискъ, оставшійся въ одиночествѣ послѣ того, какъ его дружка, подаренный Мех-

медомъ-Али Франціи, былъ увезенъ въ 1836 году въ Парижъ, гдѣ онъ, погибая, по словамъ автора *Étaux et Camées*, подъ чуждымъ ему небомъ, неутѣшно тоскуетъ о своемъ миломъ Египтѣ:

Devant les colosses moroses
Et les pylônes de Luxor,
Près de mon frère aux teintes roses
Que ne suis-je debout encor,
Plongeant dans l'azur immuable
Mon pyramidion vermeil,
Et de mon ombre, sur le sable,
Écrivant les pas du soleil!

ГЛАВА XIX

Сегодня, когда я проснулся, „Мазрь“ давно уже шель, равномерно стуча колесами. Снова началась правильная пароходная жизнь, прерванная продолжительной стоянкой въ Оивахъ: звонокъ къ утреннему чаю, звонокъ къ завтраку, звонокъ къ обѣду и т. д. Мы приближаемся къ концу нашего плаванія; черезъ два дня мы будемъ въ Ассуанѣ — крайнемъ пунктѣ моего путешествія. Видъ Нила здѣсь, т. е. южнѣе Оивъ (760 километровъ отъ Каира), все тотъ-же: онъ все такъ же широкъ и все такъ же величественно спокоенъ; видъ же береговъ измѣнился: плодородная долина стала уже, песокъ и известковые отроги горъ ближе подступили къ рѣкѣ, текущей здѣсь мимо пустынныхъ полей, изрѣдка лишь оживленныхъ присутствіемъ человѣческаго жилья. Первая деревня, встрѣчающаяся южнѣе Луксора, — Эрментъ, древній Hermonthis, гдѣ сохранились среди современныхъ построекъ феллаховъ остатки храма,

воздвигнутаго Клеопатрой въ память рожденія сына, котораго она имѣла отъ Цезаря. Но такъ какъ этотъ храмъ не стоялъ въ нашемъ маршрутѣ, то мы и не останавливались, а продолжали нашъ путь до Эснэ.

Эснэ, хорошенькій арабскій городокъ, утопающій въ зелени садовъ, очарователенъ подъ лучами четырехъ-часоваго солнца, съ своею оживленною гаванью, полосатыми фасадами мечетей и стройными минаретами. Главная площадь съ многочисленными лавками, у дверей которыхъ выставлены разнообразныя предметы мѣстной торговли, производитъ веселое впечатлѣніе: разноцвѣтныя шали, яркія матеріи, зеленые, бѣлые, красные широкіе и длинные пояса, шелковыя нѣжныхъ цвѣтовъ *милайэ*, идущія отсюда въ Стамбулъ и употребляемыя красавицами гаремовъ для повязыванія головы, развѣваются со всѣхъ сторонъ, какъ флаги, и напоминаютъ московскую улицу въ высокаторжественный день.

Эснехскій храмъ, считавшійся благодаря своему зодіаку, подобно Дендерскому, однимъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ Египта, относится въ дѣйствительности ко времени Птолommeевъ и римскихъ императоровъ. На его стѣнахъ видны имена послѣднихъ, начиная съ Клавдія и кончая Каракаллою. Шамполліонъ прочелъ картуши Тиверія, Веспасіана и Тита на карнизѣ фасада, Траяна и Антонина на колоннахъ, Септимія Севера и Геты на стѣнахъ пронаоса. Но про имя послѣдняго можно только догадываться, такъ какъ оно было выскоблено по приказанію Каракаллы, который, не удовольствовавшись тѣмъ, что убилъ собственноручно своего брата, пожелалъ еще, чтобы его имя было стерто со всѣхъ храмовъ въ

имперіи. И даже въ отдаленныхъ окраинахъ, на границахъ Египта и Нубіи, не нашлось ни одного римскаго префекта, который рѣшился бы не исполнить этого приказа, даннаго на другой день по совершеніи преступленія.

Эснехскій храмъ могъ бы быть однимъ изъ эффектныхъ храмовъ нильской долины; его размѣры величественны и главныя части превосходно сохранились; но судить объ общемъ видѣ памятника невозможно, такъ какъ онъ расчищенъ лишь внутри, а снаружи засыпанъ пескомъ и застроенъ современнымъ городомъ. Чтобы проникнуть внутрь храма, надо спуститься по деревянной лѣстницѣ на дно глубокой ямы, гдѣ, прежде чѣмъ увидать что-нибудь, надо привыкнуть къ окружающей темнотѣ. Виднѣющійся на потолкѣ преддверія храма зодіакъ возбудилъ въ свое время немало толковъ о предполагавшихся глубокихъ познаніяхъ древнихъ египтянъ въ астрономіи. Но определенное Шамполліономъ время постройки храма сильно подорвало вѣру въ ихъ всеобъемлющія свѣдѣнія; хотя однако не слѣдуетъ упускать изъ виду, что Птоломеи и римляне по берегамъ Нила почти не воздвигали новыхъ храмовъ, а въ большинствѣ случаевъ лишь перестраивали заново разрушенныя персами древнія святилища фараоновъ; и, дѣлая это изъ желанія умилостивить мѣстныхъ боговъ, а можетъ быть и преслѣдуя болѣе практическую цѣль — нравственнаго завоеванія Египта, они сохраняли во всей цѣлости не только планъ старинныхъ храмовъ, ихъ фасадъ и размѣры, но и украшали ихъ такими же барельефами, какими были украшены прежніе храмы; нѣкоторое отклоненіе допускалось лишь въ

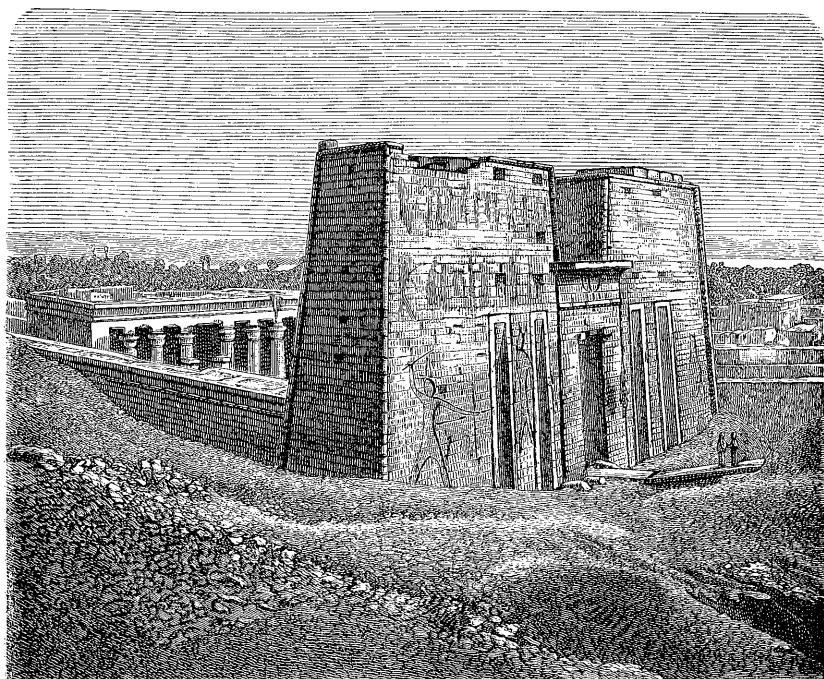
формъ колоннъ и въ характеръ капителей. Такимъ образомъ смыслъ картинъ и предметы, ими изображаемые, остались тѣ-же; и если есть какая-нибудь разница, то только въ исполненіи, такъ какъ новѣйшая скульптура, въ особенности временъ римлянъ, отличается крайнею грубостью въ сравненіи съ древней. Здѣсь, какъ и въ Дендера, видно, насколько архитектура сохранила традиціи античной красоты лучше, чѣмъ скульптура. Нѣкоторая легкость формъ, заимствованная первымъ изъ названныхъ искусствъ у грековъ, нимало не уменьшила его величія. Скульптура же, какъ ни странно это сказать, подъ влияніемъ грековъ упала и, по выраженію Ch. Blanc, стала варварскою.

Побродивши съ полчаса по улицамъ Эзнэ и запасшись табакомъ, который арабы называютъ *тумбаки*, мы поспѣшили на пароходъ, нетерпѣливо дававшій свистокъ за свисткомъ, возбуждая каждый разъ радостные крики въ толпѣ феллаховъ, собравшихся на берегу пристани. Капитанъ торопился отплытіемъ, такъ какъ въ этотъ же вечеръ мы должны были быть въ Эдфу, куда мы и прибыли часовъ въ одиннадцать. Когда пароходъ причалилъ и сталъ на ночевку, мы вышли по обыкновенію на палубу и, пользуясь абсолютной тишиной чудной тропической ночи (здѣсь я имѣю право говорить *тропическая* ночь, такъ какъ Ассуанъ находится отъ тропика Рака въ 37' 23", а мы черезъ десть будемъ въ Ассуанѣ), заварили жженку по всѣмъ правиламъ искусства, досконально изученнаго старымъ мистеромъ Р., прослужившимъ двадцать лѣтъ въ индѣйскихъ войскахъ. А ночь, не европейская ночь, сіяла надъ нашими

головами! Прямо наверху, какъ огненный іероглифъ, горѣло созвѣздіе, названное льстивымъ александрійскимъ поэтомъ Каллимакомъ *Волосами Вероники*; немного ниже сіяль Капопусъ, — чудная звѣзда, которой не видно въ Россіи и которая ярче Сиріуса. Полярная звѣзда со-всѣмъ скрылась за горизонтъ. Новыя созвѣздія искрились тамъ, гдѣ привыкъ видѣть свои родныя, сѣверныя звѣзды, и эта новая фізіономія неба давала чувствовать сильнѣе, чѣмъ новыя воды и страны, удаленіе отъ родины. Сегодня въ два часа утра будетъ видѣнъ Южный Крестъ, этотъ свѣточъ другаго полушарія, освѣщающій у Данта таинственное предверіе рая.

Все утро слѣдующаго дня было посвящено осмотру храма. Такъ какъ этотъ храмъ, начатый Птоломеемъ Филадельфомъ и оконченный Эвергетомъ, выстроенъ по тому же плану, что и современный ему Дендерскій, и, удовлетворяя тѣмъ-же религіознымъ потребностямъ, состоитъ изъ ряда, такъ-же, какъ въ только-что названномъ храмѣ, расположенныхъ комнатъ, коридоровъ и залъ, то описывать его я не стану; замѣчу только, что вліяніе грековъ не отразилось здѣсь на пропорціяхъ колоннъ и формахъ капителей, какъ въ Эснхскомъ храмѣ. Наоборотъ, здѣсь конструктивныя формы сдѣлались еще массивнѣе и еще компактнѣе, такъ что еслибы хотѣли имѣть типъ египетской архитектуры, какую ее себѣ обыкновенно представляютъ, то надо было бы остановиться на большомъ храмѣ въ Эдфу, а именно этотъ храмъ и не принадлежитъ египетской эпохѣ. Еще издали видѣнъ на передней стѣнѣ пилона гигантскій образъ царя, держащаго лѣвой рукой за

волосы группу побѣжденныхъ и собирающагося поразить ихъ ударомъ топора. Это портретъ одного изъ Птолмеевъ, представленнаго въ традиціонной позѣ, такъ часто встрѣчающейся на египетскихъ памятникахъ воинственной девятнадцатой династіи. Этотъ Пто-

Храмъ въ Эдфу.

ломей корчить изъ себя Сезостриса. Одно время думали, что подобныя картины указываютъ на обычай древнихъ египтянъ приносить въ жертву людей; но это не вѣрно. Фараонъ, замахивающійся своимъ топоромъ, и военнопленные, которыхъ онъ держитъ за волосы своей могучей рукой, составляли вмѣстѣ іероглифъ,

выражавшіи идею безграничной покорности побѣдителю и право жизни и смерти, которымъ былъ облеченъ этотъ послѣдній. Этотъ внушительный іероглифъ, воспроизведенный по обѣимъ сторонамъ воротъ пилона, долженъ былъ производить сильное впечатлѣніе на приближавшихся къ храму, наглядно повѣствуя имъ о страшномъ могуществѣ ихъ царя. Въ передней же сторонѣ пилона видны четыре углубленія, въ которыя вставлялись мачты, имѣвшія двоякое назначеніе: во-первыхъ, съ развѣвающимися на нихъ флагами онѣ украшали храмъ; а затѣмъ, какъ думаетъ Дюмикенъ, основываясь на одной надписи, найденной имъ на стѣнахъ Дендерскаго храма, служили громоотводами. Это послѣднее назначеніе мачтъ, хотя и невозможно сомнѣваться въ подлинности и смыслѣ открытой нѣмецкимъ египтологомъ надписи, какъ-то плохо вяжется съ египетскимъ климатомъ, отличающимся неизмѣннымъ постоянствомъ. Нигдѣ въ мірѣ грозы не составляютъ такой рѣдкости, какъ въ Египтѣ, и нигдѣ въ мірѣ одинъ день не похожъ въ такой степени на другой, какъ здѣсь, гдѣ атмосферическія измѣненія почти неизвѣстны и колебанія барометра никогда не принимаются въ расчетъ, такъ какъ заранѣе знаютъ, что завтра будетъ такая-же погода, какъ сегодня. Путешествуя по Нилу и видя, какъ во всѣ времена своей длинной исторіи египтяне всегда оставались похожими на самихъ себя, постигаешь всю правдивость словъ Боскетта „*que la température toujours uniforme du pays y faisait les esprits solides et constants*“. Египтяне жили на лонѣ природы, незнающей измѣненій, подъ небомъ, постоянно голубымъ, изъ года въ годъ присутствуя при пе-

рiодическихъ феноменахъ рѣки, никогда не отступавшихъ отъ установленнаго вѣками порядка. Миeологiя этого народа, его правы, его вѣра, его любовь къ земледѣлю, его взглядъ на искусство, его архитектура, словомъ вся его жизнь становится понятной, когда дышешь чистымъ воздухомъ Египта, когда плывешь по оплодотворяющей его рѣкѣ и млѣешь подъ лучами сжигающаго его солнца.

Архитектура египтянъ должна была быть такой, какой мы ее видимъ, — колоссальной и величественной. Другая противорѣчила бы идеаламъ народа и характеру страны. Для чего, въ самомъ дѣлѣ, стали бы они прибѣгать къ своду, когда у нихъ были камни, достаточно большiе, чтобы служить перекладинами съ одной колонны на другую? Для чего имъ было возводить купола и крыши, когда имъ нечего было бояться ни дождя, ни снѣга? Зачѣмъ стали бы строить они изъ мелкаго матеріала, когда природа снабдила ихъ громаднымъ? Находя въ нѣдрахъ своихъ горъ монолиты известняка и гранита, зачѣмъ стали бы они колотъ ихъ на мелкiе куски, разъ они обладали средствами и умѣніемъ переносить ихъ цѣликомъ? Такимъ образомъ громадные размѣры храмовъ, горизонтальныя линiи крышъ и простекающее отсюда чувство спокойствiя и долговѣчности въ большой мѣрѣ зависятъ отъ особенностей климата и почвы и въ то же время передаютъ мысли народа, воспитаннаго окружающей его природой въ постоянствѣ, убѣжденнаго въ безсмертiи души и желавшаго имѣть архитектуру столь же вѣчную, какъ сама вѣчность, о которой онъ мечталъ.

Мы какъ разъ сейчасъ проходимъ мимо Жебель-

Сильзилэ (или Сильзились) ¹⁾, т. е. мимо каменоломенъ, откуда древніе египтяне брали камни почти на все свои постройки. Близко подступившіе въ этомъ мѣстѣ отвѣсными скалами берега дали поводъ думать, что въ доисторическія времена Ниль останавливался здѣсь передъ цѣпью горъ, идущею съ востока на западъ, и образовывалъ озеро, подобно тому какъ еще раньше онъ останавливался передъ горами, составляющими теперь его первые пороги. Съ обѣихъ сторонъ рѣки видны безконечныя каменоломни, свидѣтельствующія о страшномъ трудѣ и неисчерпаемомъ терпѣніи, расходывавшихся здѣсь въ продолженіе тысячелѣтій. Выемки ограничены стѣнами, спускающимися уступами въ пятнадцать, двадцать метровъ вышиною. Камень снимался правильными пластами и очевидно безъ помощи пороха, какъ это доказалъ Маріеттъ и какъ это можно видѣть въ особенности на западномъ берегу, гдѣ каменоломни вообще представляютъ больше интереса, чѣмъ на восточномъ, такъ какъ среди нихъ встрѣчается больше пещеръ, украшенныхъ стѣнописью, и высѣченныхъ въ самой горѣ стелъ и статуй.

Начиная отъ Сильзилэ, вдоль береговъ, тянутся известковыя и гранитныя скалы, придающія картинѣ суровый видъ. Обработанныхъ полей не видно; одна только пальма, вѣрная спутница путешественника по Нилу, мѣстами оживляетъ ландшафтъ; тамъ, гдѣ гра-

¹⁾ *Сильзилэ* по-арабски значитъ цѣпь. По одной мѣстной легендѣ, здѣсь была протянута съ одного берега на другой цѣпь, ограждавшая Египетъ отъ набѣговъ нубійскихъ племенъ. Въ дѣйствительности же здѣсь стоялъ нѣкогда коптскій городъ *Сѣлжѣль*, и это случайное совпаденіе звуковъ породило сказаніе о цѣпи.

нить не стоитъ отвѣсною, сплошной стѣной, прорывается песокъ, какъ бы стремившійся засыпать рѣку, какъ давно уже засыпалъ онъ древнїй городъ Комъ-Омбо. Храмъ этого города, стоящїй на самомъ берегу, засыпанъ уже на три четверти и скоро, должно быть, будетъ погребенъ совсѣмъ, если только не примутъ мѣръ къ его спасенію.

Въ этомъ храмѣ, построенномъ фараонами восемнадцатою династіи и перестроенномъ заново Лагидами, поклонялись двумъ началамъ: началу тьмы, олицетворявшемуся крокодиломъ (Севекомъ), и началу свѣта, олицетворявшемуся Хорусомъ. Можетъ показаться страннымъ, что у крокодила были поклонники; но въ этомъ отношеніи не надо забывать, что изъ страха люди воздвигали столько же, если не больше, храмовъ, сколько изъ любви. Чтобы умилостивить Фурій, дочерей Ночи, греки установили въ ихъ честь празднества, посвящали имъ часовни и называли ихъ добрыми дѣвами — Эвменидами, не въ ироническомъ смыслѣ, а въ надеждѣ успокоить ихъ гнѣвъ. Въ номѣ, главнымъ городомъ котораго былъ Омбо — такъ какъ прежде въ этомъ мѣстѣ, гдѣ теперь нѣтъ ни одного живаго атома, былъ обширный городъ — крокодилъ былъ божествомъ, но божествомъ чисто мѣстнымъ, такъ какъ въ другихъ провинціяхъ Египта имъ въ то же время гнушались. Свѣдѣнія объ этомъ, оставленные намъ Ювеналомъ, рассказывающимъ, что не разъ религіозные споры о крокодилѣ приводили жителей Комъ-Омбо и Дендера къ вооруженнымъ столкновеніямъ, послужили къ разъясненію нѣкоторыхъ ошибочныхъ взглядовъ на различные культы древнихъ египтянъ. Предполагали, что египтяне

поклонялись крокодилу, какъ провозвѣстнику наводненія, такъ какъ это животное при первой прибыли воды въ Верхнемъ Египтѣ начинало спускаться внизъ по Нилу и появляться тамъ, гдѣ его не было въ продолженіе цѣлаго года. Это тонкое объясненіе основывается на словахъ Евсевія, предполагавшаго, что на языкѣ іероглифовъ крокодилъ означалъ *годную для употребленія воду*; но въ настоящее время можно положительно сказать, что іероглифъ крокодила никогда не имѣлъ подобнаго значенія. Изъ словъ же Ювенала, равно какъ изъ другихъ данныхъ, ясно, что культъ крокодила далеко не былъ культомъ всего Египта, что совершенно не совмѣстно съ предположеніемъ Евсевія, потому что разъ мы поставили бы поклоненіе крокодилу въ зависимость отъ явленія природы, общаго для всей страны, то необходимо было бы, чтобы вся страна почитала спутника этого явленія. Въ виду этого и принявъ во вниманіе, что почти въ каждомъ египетскомъ городѣ были свои собственныя божества, весьма часто непризнававшіяся въ другихъ городахъ, можно придти къ заключенію, что въ весьма отдаленныя времена, о которыхъ не сохранилось въ исторіи никакого воспоминанія, каждая провинція Египта имѣла своего священнаго животнаго, чисто мѣстнаго кумира, подобно тѣмъ, какіе до сихъ поръ встрѣчаются у дикихъ народовъ центральной Африки. Образовавшаяся съ теченіемъ времени корпорація жрецовъ, поднявшихся до болѣе возвышеннаго религіознаго міровоззрѣнія, найдя въ день сліянія Египта въ одно государство во всѣхъ провинціяхъ мѣстныхъ идоловъ, приняла ихъ и, связавши ихъ съ своими собственными идеями о жизни и смерти, сохранила

этихъ взятыхъ изъ царства животнаго представителей, освященныхъ народнымъ суевѣріемъ: барана, шакала, коршуна, крокодила и пр., и ввела ихъ въ египетскій пантеонъ. Еслибы происхожденіе египетской вѣры, основанной на сліяніи отвлеченнаго догмата съ остатками мѣстнаго фетишизма, было таково, то не представлялось бы затрудненія понять это безчисленное множество божествъ съ одной стороны, а съ другой, — почему каждый египетскій городъ имѣлъ своего собственнаго бога, часто непризнававшагося въ сосѣднемъ городѣ, напримѣръ, крокодила, сдѣлавшагося вполнѣдствіи богомъ Севекомъ и бывшаго первоначально лишь идоломъ одного нома Комъ-Омбо. Но подобное объясненіе не соотвѣтствуетъ фактическимъ даннымъ, добытымъ новѣйшими изслѣдованіями египетской исторіи. Теперь извѣстно, что весьма многіе культы были установлены въ историческія времена и были плодомъ измышленія жрецовъ. Мѣстные хронографы, оказывается, тщательно записывали время появленія того или иного культа, изъ которыхъ большинство возникло не въ полумиѳическія времена *Шесу-Хоръ* и не въ смутныя для историческихъ изслѣдованій времена первой династіи, а гораздо позже. Слѣдовательно воплощеніе боговъ въ образы животныхъ не было событіемъ первобытнымъ, воспоминаніе о которомъ затерялось въ отдаленныя времена, когда египетскій народъ не выходилъ еще изъ дикаго состоянія, а было логическимъ слѣдствіемъ утонченнаго развитія символизма, составлявшаго суть египетскаго генія и подъ конецъ увлекшаго народъ въ самое грубое и чудовищное извращеніе основнаго культа, такъ какъ въ основаніи жители береговъ Нила были въ

силу врожденнаго инстинкта далеки отъ идолопоклонничества. Они говорили, что, несмотря на многообразные символы божества, „бога изъ камня не сдѣлаешь; его нѣтъ въ каменныхъ статуяхъ, которыя носятъ двойную корону; его не видно, и неизвѣстно, гдѣ онъ находится“. Мертвымъ образамъ изъ камня или металла они предпочли одушевленные — изъ царства животнаго, избранные ими, какъ эмблемы идеи, заключавшейся въ концепціи каждаго бога. Отсюда — происхожденіе многообразныхъ култовъ животныхъ, казавшихся такими странными и смѣшными для грековъ и римлянъ. Описание же внутренняго смысла каждаго культа и гипотезъ о вѣроятномъ времени ихъ появленія завело бы меня слишкомъ далеко, между тѣмъ какъ я желалъ лишь указать на божества, почитавшіяся въ Комъ-Омбо, развалины котораго, освѣщенные красными лучами заката, мы только-что видѣли съ парохода.

На другой день, въ пять часовъ утра, я увидалъ въ окно моей каюты песчаную набережную, заваленную тюками какого-то товара, а на мосткахъ, совсѣмъ около моего окна, толпу голыхъ нубійцевъ и нубіянковъ, съ любопытствомъ заглядывавшихъ на нашъ пароходъ. Мы — въ Сіенѣ (теперь Ассуанъ), послѣднемъ на югъ городѣ Египта. До Сіены доѣжалъ Страбонъ; Ювеналь здѣсь умеръ въ изгнаніи. Мы на границѣ Римской имперіи.

Этотъ городъ обязанъ своей античной славой и даже своимъ существованіемъ своему положенію у пороговъ, на границѣ Египта и Эѳіопіи, и сосѣдству съ пересѣкающимъ здѣсь Ниль гранитнымъ кряжемъ, откуда фараоны брали матеріалъ для своихъ обелисковъ и

статуй. Другой родъ извѣстности этого города, явившейся позже, именно во времена Птолемеевъ, зависѣлъ отъ мнѣнія александрійскихъ астрономовъ, что Сіена находится подъ самымъ тропикомъ. Тогдашніе астрономы замѣтили, что въ день лѣтняго солнцестоянія одинъ сіенскій колодезь освѣщался до дна вертикальными лучами солнца, вслѣдствіе чего и пришли къ заключенію, что городъ этотъ находится подъ самымъ зенитомъ. Изъ этого наблюденія, сообразованнаго съ астрономическимъ опредѣленіемъ мѣстонахожденія Александрии и разстояніемъ между Александріей и Сіеной, Эратосѣенъ вывелъ, въ 230-мъ году до начала нашего лѣтосчисленія, свое такъ называемое *измѣреніе земли*. Настоящее мѣстоположеніе Ассуана, опредѣленное на основаніи современныхъ наблюденій, немного отклоняется отъ того, какое приписывали ему старинные астрономы. Онъ находится подъ $24^{\circ}5'23''$ сѣверной широты, слѣдовательно сѣвернѣе тропика Рака на $37'23''$. Надо замѣтить, что вслѣдствіе постояннаго измѣненія наклона эклиптики это разстояніе во времена Эратосѣена была гораздо меньше: оно равнялось $15'58''$; и такъ какъ солнечные лучи падаютъ вертикально не на одну лишь математическую точку, а на довольно большое пространство, то выходитъ, что сіенскій колодезь могъ дѣйствительно быть вертикально освѣщеннымъ, несмотря на то, что онъ и не находился подъ самымъ тропикомъ.

Въ существованіи Сіены въ эпоху могучихъ фараоновъ XVIII династїи, когда цѣлыя арміи рабочихъ извлекали изъ сосѣднихъ каменоломенъ монолиты розоваго гранита, сомнѣваться невозможно. На скалахъ кругомъ города, почти на каждомъ шагу, встрѣчаются картуши

фараоновъ не только XVIII-й и позднѣйшихъ династій, но и XII-й (относящейся къ 2600 и 2800 годамъ до Р. Х.). Имя города читается въ іероглифическихъ надписяхъ Суанъ, изъ котораго греки сдѣлали *Σούνη*, римляне—*Suene*, а арабы—*Ассуанъ*. Во времена владычества римлянъ этотъ городъ считался однимъ изъ важныхъ пограничныхъ пунктовъ имперіи. Въ первые вѣка христіанства онъ былъ епархіальнымъ городомъ, а въ началѣ IX вѣка (въ 806 году) всѣ его жители, если вѣрить арабскимъ лѣтописцамъ, сдѣлались жертвою чумы, во время которой погибло болѣе 20,000 человекъ; въ это время былъ брошенъ старинный кварталъ, расположенный на низменномъ берегу Нила, и оставшееся населеніе перебралось на склонъ горы. Арабскіе писатели говорятъ про Ассуанъ, какъ про богатый, цвѣтущій городъ; но смуты, послѣдовавшія за прекращеніемъ династїи Фатимитовъ (во второй половинѣ XII вѣка), положили предѣлъ его процвѣтанію. То взятый и сожженный кенусами или барабра, пришедшими изъ нижней Нубїи, то завоеванный хаурахами, то снова отбитый арабскими войсками, Ассуанъ въ скоромъ времени превратился въ груды развалинъ и ожилъ лишь ко времени Селима, завоевавшего Египетъ въ 1517 году и пославшаго въ Ассуанъ гарнизонъ, потомки котораго до сихъ поръ съ гордостью хранятъ воспоминаніе о своемъ происхожденіи среди мѣстнаго народонаселенія, представляющаго странное смѣшеніе феллаховъ, абабдеховъ, берберійцевъ, албанцевъ, турокъ, — однимъ словомъ всѣхъ народностей, брошенныхъ сюда войною. Теперь, какъ и во времена арабскаго владычества, главный предметъ торговли Ассуана составляютъ финики,

отправляемые отсюда въ большомъ количествѣ въ Каиръ, хеннэ и другіе продукты, илучіе съ верховій Нила. Но настоящая причина его процвѣтанія зависитъ отъ по-роговъ, принуждающихъ перегружать барки, идущія вверхъ и внизъ по рѣкѣ.

Благодаря разноплеменности жителей, благодаря многочисленнымъ баркамъ и дахабіямъ, стоящимъ на якоряхъ, ассуанская гавань представляетъ оживленный, веселый видъ. Нѣчто въ родѣ мола, далеко уходящаго поперекъ рѣки, защищаетъ ее съ сѣвера; съ юга видны безчисленные острова и гранитныя скалы, среди которыхъ кое-гдѣ подымаются пальмы; а по обоимъ берегамъ растутъ группами, мѣстами сплошными массами, деревья: сикоморы выдѣляются своими темными шапками на жидкой зелени нопаловъ, акацій и пальмъ думъ, съ ихъ раздвоенными стволами и листьями вѣромъ. За зеленью деревъ, отдѣляющихъ гавань отъ города, виднѣются дома, лѣпящіеся по склону горы, и бѣлый минаретъ. Это уже не эlegantная и тонкая башня каирскихъ или гизехскихъ минаретовъ, опутанная сѣтью орнамента и арабесокъ, это — простая, круглая и низкая башня, съ деревяннымъ балкономъ наверху, поддерживаемымъ грубо обтесанными балками. Но каковъ бы онъ ни былъ, этотъ минаретъ, выглядывающій изъ-за верхушекъ пальмъ, придаетъ какую-то особенную красоту всей мѣстности.

Едва ступили мы на берегъ, какъ почувствовали, что мы больше не въ Египтѣ: бросающійся въ глаза отпечатокъ экзотичности лежитъ здѣсь на всемъ, начиная съ людей, все больше толстогубыхъ, курчавыхъ нубійцевъ, и кончая товарами, которые намъ предлагали

въ лавкахъ. Тутъ были кистени изъ чернаго дерева, твердаго какъ сталь, пики съ красными мохрами и волосами около лезвья, суданскіе широкіе кинжалы, стрѣлы съ отравленными (?) концами, слоновыя клыки, страусовыя перья, наваленныя кучами, массивныя серебряныя браслеты и кольца, и яркіе полосатые ковры. Намъ предлагали также головные уборы нубійцевъ и передники, составляющіе все одѣяніе ассуанскихъ и эфептинскихъ дѣвушекъ. Передникъ этотъ состоитъ изъ пояса, къ которому пришиты тонкіе ремешки съ кусочками краснаго воска или раковинками на концахъ, образующіе довольно плотную бахрому, и больше ничего. Впрочемъ, Ассуанъ считается самымъ жаркимъ мѣстомъ на землѣ, и жители его всегда одѣты румяными лучами солнца. Толпа этихъ голыхъ тѣлъ, кажущихся, благодаря черному цвѣту кожи, какъ-то не такъ голыми, сейчасъ же окружила насъ, въ особенности дамъ, которыхъ слегка покорило отъ этой статуиной откровенности ассуанскихъ жительницъ, предлагая купить страусовыя перья и ожерелья, сдѣланныя изъ камешковъ и раковинокъ. Тутъ только я разглядѣлъ прическу этихъ невинныхъ дикарокъ; всѣ волоса у нихъ на головѣ заплетены въ мелкія косички и, чтобы онѣ не расплетались, на концѣ каждой косички прилѣпленъ шарикъ воска; кромѣ того, вся голова обильно смазана рициновымъ масломъ и блеститъ издали, какъ покрытая лакомъ. Единственная вещь, которая напоминаетъ здѣсь про цивилизацію, это — телеграфная проволока, проходящая надъ головами этихъ дѣтей природы.

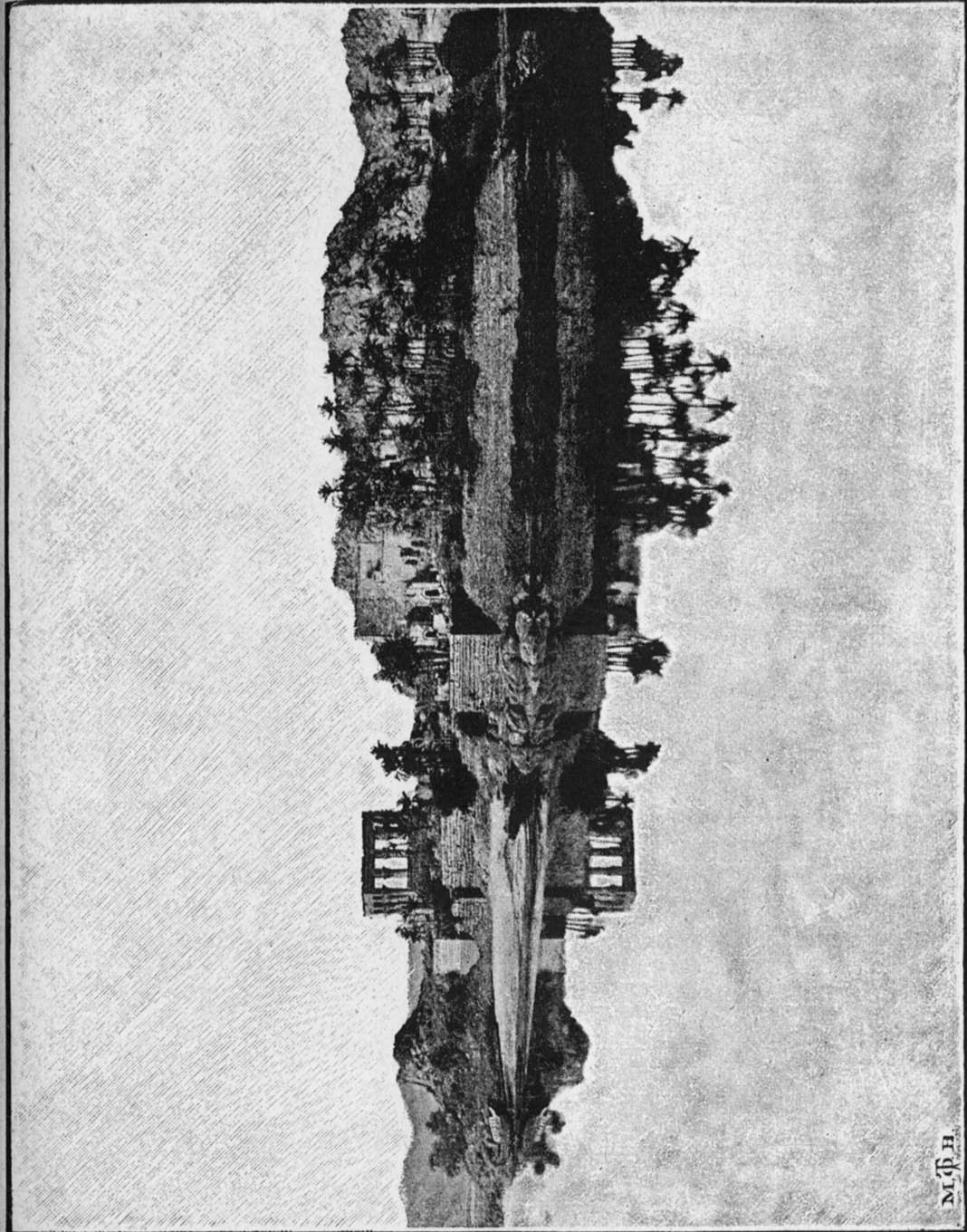
Часа черезъ полтора по прибытіи раздался гласъ трубный Мохаммеда, возвѣщавшій успѣвшимъ уже ра-

зойтись въ разныя стороны туристамъ, что готова лодка, на которой насъ должны были перевезти на островъ Элефантину, лежащій какъ разъ противъ Ассуана. Арабы называютъ этотъ островъ, благодаря его роскошной тропической растительности, *Гезиретъ-эзъ-Захеръ*, т. е. цвѣтущимъ островомъ; римскіе писатели называютъ его всегда *Элефантиной*; въ іероглифическихъ же надписяхъ его имя читается *Абу*, что также означаетъ слонъ. Страбонъ говоритъ про Элефантину, что „тамъ есть городъ, въ которомъ находится храмъ Кхнуфиса и нилометръ, подобный мемфисскому“. Городъ этотъ, лежавшій въ южной части острова, больше не существуетъ; на его мѣстѣ поселилась небольшая деревушка племени барабра. Остатки двухъ храмовъ, изъ которыхъ одинъ сохранился довольно хорошо, были видны еще въ концѣ прошлаго столѣтія; они были окончательно уничтожены въ 1822 году турецкимъ губернаторомъ Ассуана, пожелавшимъ что-то построить изъ ихъ матеріала. Одинъ изъ этихъ храмовъ, построенный Аменофисомъ III мъ и называвшійся *Южнымъ Храмомъ*, подробно описанъ авторами *Description de l'Égypte*; это былъ великолѣпный храмъ, выходившій фасадомъ на югъ и занимавшій приблизительно мѣсто, гдѣ стоитъ теперь изуродованная статуя Озириса, на цоколѣ которой съ трудомъ разбираютъ имя фараона Менефита.

Мы подъѣхали съ восточной стороны острова къ набережной, смотрящей на Ассуанъ и современной древнему египетскому городу. Нижніе ряды камней относятся ко временамъ фараоновъ, верхніе же были доложены при Птолемеяхъ и римлянахъ. Во время низкой воды набережная эта подымается метровъ на 15 надъ

уровнемъ Нила, къ которому спускается широкая гранитная лѣстница, образующая на половинѣ площадку. Внизу лѣстницы открывается дверь, а наверху ея была небольшая часовня, разрушенная въ одно время съ обоими храмами. На стѣнахъ видны дѣленія, служившія для измѣренія подъема въ рѣкѣ воды. Это тотъ самый нилометръ, о которомъ упоминаетъ Страбонъ. Нѣсколько едва замѣтныхъ рядовъ съ дѣленіями надписей повѣствуютъ о замѣчательныхъ наводненіяхъ, бывшихъ во времена римскаго владычества. Вотъ все, что осталось отъ древнихъ памятниковъ на этомъ островѣ. Мѣстами на скалахъ виднѣются іероглифическія письма, кое-гдѣ царская картуша или воззваніе къ богу Кхнуму, котораго называютъ „покровителемъ Нубіи и господиномъ нильскихъ водопадовъ“. Все остальное превращено въ груды мусора. Но если только гдѣ-нибудь на землѣ имѣешь право забыть про надписи, храмы, традиціи, людей и ихъ творенія, то это здѣсь, въ виду этой вѣчной природы, великолѣпной и радостной, подъ этимъ глубокимъ синимъ небомъ, передъ этимъ Ниломъ, громаднымъ, разбившимся на безчисленные рукава, съ его островами и скалами, съ его берегами, утопающими въ зелени, и желтыми горами, о подошву которыхъ онъ плещетъ.

Воротившись часамъ къ десяти утра на пароходъ, мы провели всю жаркую часть дня на палубѣ подъ тентомъ, а подъ-вечеръ, когда раскаленный воздухъ освѣжился живымъ благоуханіемъ цвѣтовъ и зелени, мы снова отправились на набережную и въ городъ, куда влекли насъ произведенія экваторіальныхъ странъ и ихъ продавцы, которые сами едва-ли не курьезнѣ

Островъ Филэ.

своихъ товаровъ. Вечеромъ, когда мы воротились съ своими покупками и собрались пить чай въ общую каюту, насъ можно было бы принять за какое-нибудь племя папуасовъ, собирающееся идти войной на своихъ сосѣдей: кто явился съ громадной пикой въ рукахъ, кто съ кистенемъ и стрѣлами; мистеръ Б. приобрѣлъ шкуру леопарда и лукъ съ тетивой изъ жилъ, должно быть, носорога; а племянникъ Ж. Занда принесъ слоновый клыкъ. Дамы же сдѣлали обширный запасъ страусовыхъ перьевъ, изъ которыхъ похуже (изъ хвоста страуса) продаются здѣсь пучками, штукъ по пяти, по шести вмѣстѣ, а отборныя (изъ крыльевъ) — по одиночкѣ и довольно дорого.

Едва занималась заря, какъ мы уже двинулись въ путь, „верблюды за верблюдомъ взрывая песокъ“, по направленію къ острову Филэ, лежащему южнѣе пороговъ. Этотъ переѣздъ, какъ довольно длинный, дѣлается обыкновенно на верблюдахъ; кромѣ того, и ословъ въ Ассуанѣ кажется не такое изобиліе, какъ въ остальныхъ египетскихъ городахъ. Колыхаясь на нашихъ высокихъ „корабляхъ пустыни“, мы вышли изъ воротъ города и направились прежде на юго-востокъ къ древнимъ каменоломнямъ. По дорогѣ мы проѣхали мимо обширнаго магометанскаго кладбища. Это мѣсто свято для мусульманъ, и весьма часто сюда привозятъ издалека тѣла благочестивыхъ, пожелавшихъ быть похороненными здѣсь. J. Амрèге видитъ въ этомъ обычайъ связь съ обычаемъ древнихъ египтянъ, почитавшихъ сосѣдній съ Ассуаномъ островъ Филэ мѣстомъ погребенія Озириса, около могилы котораго они желали бы покоиться. „Такимъ образомъ, говоритъ онъ, передъ

нами здѣсь одна изъ тѣхъ традицій, которыя забыли о своемъ происхожденіи, и мусульманинъ, пріѣзжающій съ дальняго востока искать успокоенія вблизи священнаго острова, безсознательно можетъ быть продолжаетъ древнее поклоненіе египтянъ божественной могилѣ Озириса⁴.

Отъ мусульманскаго кладбища дорога начинается подыматься въ гору; черезъ полчаса ѣзды мы были среди старинныхъ каменоломенъ, откуда брали матеріалъ для построекъ и въ особенности для статуй и обелисковъ. Большинство египетскихъ храмовъ построено не изъ гранита, но всѣ обелиски, много статуй и почти всѣ сфинксы сдѣланы изъ этого розоваго, великолѣпнаго камня, находящагося около Сіены, откуда онъ и получилъ названіе сіенита¹). Изъ этихъ каменоломенъ слѣдовательно были взяты тѣ знаменитые монолиты, которые прежде украшали Оивы и Геліопольсь, а теперь площади Рима и Парижа.

Кое-гдѣ сохранившіеся слѣды указываютъ на способъ, употреблявшійся египтянами для отдѣленія монолитовъ отъ скалы. До сихъ поръ видны идущія по одной линіи дыры, въ которыя забивались клинья сухаго дерева, поливавшіеся затѣмъ водой. Дерево разбухло и колело такимъ образомъ гранитъ. Здѣсь же видѣнъ обелискъ, лежащій на землѣ; однимъ бокомъ онъ остался неотдѣленнымъ отъ скалы и былъ брошенъ, должно быть вслѣдствіе трещины, которая оказалась около его верхушки.

¹) Несмотря на свое названіе, сіенитъ не есть порода камня, преобладающая въ Сіенѣ. Отличительный признакъ сіенита — отсутствіе слюды, вмѣсто которой находится базальтъ.

Отсюда дорога спускается въ глубокое ущелье и идетъ параллельно съ Ниломъ на югъ. Съ обѣихъ сторонъ поднимаются прихотливыхъ формъ глыбы базальта и гранита, среди которыхъ въ глухихъ западинахъ и непроходимыхъ трупобахъ живутъ гіены и шакалы, выходящіе ночью играть при лунномъ свѣтѣ на песчаный берегъ. Мы ѣхали довольно долго этимъ ущельемъ и начинали уже подъ вліяніемъ жары и безпокойнаго шага верблюдовъ ворчать, когда послѣ одного крутаго поворота очутились на склонѣ высокаго холма, откуда открывался видъ на Ниль, разбившійся на сотню протоковъ, и островъ Филэ, находящійся въ началѣ порога и лежавшій почти у нашихъ ногъ.

Видъ Филэ очарователенъ. Этотъ островъ, съ своими храмами и зеленью, всплываетъ надъ рѣкой, какъ чудное воздушное видѣніе, какъ миражъ, забытый временемъ и оставшійся въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ при фараонахъ, съ зелеными капителями своихъ колоннъ, мѣшающимися съ живыми капителями пальмъ, съ разноцвѣтными фронтонами храмовъ, осѣненныхъ роскошною листвою тропической растительности, съ рѣзными пилонами и гранитными лѣстницами, спускающимися въ Ниль среди кактусовъ, банановъ и гигантскихъ камышей. У подножія гизехскихъ пирамидъ, среди чудесъ ѳиванскихъ храмовъ, подъ сводами погребальныхъ пещеръ, вездѣ до сихъ поръ я видѣлъ Египетъ могучимъ, колоссальнымъ, но мертвымъ, превращеннымъ въ мумію. Въ Филэ же — этомъ оазисѣ прошлыхъ временъ — сѣдая древность жива и вѣчно молодѣетъ въ ореолѣ вѣчно молодой, вѣчно смѣющейся надъ временемъ, людьми и ихъ твореніями, природы,

разстилающейся, съ первобытной, нетронутой силой, широко и державно передъ лицомъ зрителя.

Маленькая гавань Махатта, расположенная на правомъ берегу Нила, напротивъ Филэ и сейчасъ же надъ порогами, кишѣла народомъ; сотни барокъ и лодокъ всякаго размѣра стояли у берега и разгружались. Намъ подали большую лодку съ восемью гребцами, изъ коихъ двое то и дѣло бросались въ воду съ веревкою въ зубахъ и тащили насъ въ мѣстахъ, гдѣ теченіе было слишкомъ сильно. Гребцы эти были уже не феллахи, а барабра или бишари, совсѣмъ черные и голые, съ удивительной мускулатурой, въ особенности рельефно обрисовывавшейся, когда они мокрые выскакивали изъ воды и блестѣли на солнцѣ, какъ почернѣвшія отъ времени бронзовые статуи. Какъ народъ и природа здѣсь за порогами больше не египетскіе, такъ и Ниль потерялъ свой желтый египетскій цвѣтъ и течетъ здѣсь голубой и прозрачный, отражая ландшафты новой страны и невиданныя еще мною растенія, свѣсившіяся съ берега и любующіяся въ рѣкѣ, какъ въ зеркалѣ, отраженіемъ своей красоты. Когда мы причалили къ Филэ съ сѣверной стороны острова—въ этомъ мѣстѣ, должно быть, причаливали и въ древности, — было около полудня; палящее солнце стояло высоко и обливало огнемъ небо и рѣку; деревья, почва, вода томились въ жарѣ; на песчаной отмели, по колѣно въ рѣкѣ, неподвижно, какъ-бы млѣя, стояли розовые фламинги; какія-то крохотныя разноцвѣтныя пташки спорхнули, зашумѣвъ въ камышѣ, и сейчасъ же спрятались въ тѣнь. Ужели это то солнце, которое свѣтитъ въ февралѣ у насъ? Я вспомнилъ косвенные блѣдныя лучи, потухаю-

ще на голыхъ березахъ и соснахъ, холодный отблескъ покрытыхъ снѣгомъ пространствъ, розовые клубы поднимающагося къ морозному небу дыма, имнѣ ужасно захотѣлось искупаться.

Чтобы ориентироваться среди всѣхъ сохранившихся на островѣ Филэ построекъ, надо взобраться на крутую скалу, находящуюся на его южной оконечности, и оттуда взглянуть на общій видъ его памятниковъ. Исполнивъ это, я пошелъ осматривать отдѣльно каждый храмъ, каждую колонну портика, имѣющую то форму цвѣтка лотуса, то подобіе пальмовыхъ вѣтокъ, связанныхъ въ пучекъ, образующій стержень колонны, и распустившихся для капители; долго любовался карнизами, окрашенными въ нѣжно-зеленый цвѣтъ съ синими іероглифами, и смотрѣлъ на сфинксовъ, барельефы и скульптуру пилоновъ тончайшей работы.

Самый древній храмъ острова Филэ построенъ Нектанебо, послѣднимъ фараономъ Египта, за тридцать лѣтъ до Александра Великаго. Большой же храмъ, занимающій середину острова, былъ начатъ Птолемеемъ Филадельфомъ и оконченъ его наслѣдниками Эвергетомъ и Филометоромъ. Къ нему ведутъ двѣ колоннады, построенныя римлянами и сохранившіяся какъ нельзя лучше. Портреты Тиверія, Калигулы и Клавдія можно легко узнать, не обращаясь къ надписямъ. Оба эти храма были посвящены Изидѣ, „царицѣ южныхъ провинцій и Илака“. *Илакъ*—египетское имя острова, превращенное греками въ Филэ, а арабами, съ свойственною имъ картинностью выраженій, переименованное въ *Анисъ-эль-Вогудъ* — отрада жизни.

Когда войдешь въ ворота перваго пилона большаго

храма, то на лѣвой стѣнѣ двора взорамъ представится надпись, имѣющая громадный научный интересъ. Для того, чтобы понять значеніе для египтологіи этого памятника, надо припомнить, какимъ путемъ была найдена возможность читать іероглифы и какимъ откровеніемъ для науки былъ Розеттскій камень, копію съ котораго представляетъ надпись острова Филэ. Какъ извѣстно, въ 1799 году инженеръ Бушаръ, распорядясь работами при возведеніи укрѣпленій въ Розеттѣ, нашелъ камень, называемый въ ученomъ мѣрѣ „Розеттскимъ ключемъ“ (la clef de Rosette, находится нынѣ въ Британскомъ музеѣ). Это — четырехугольная съ отбитыми углами плита чернаго гранита или египетскаго базальта, 10 футъ высоты при $3\frac{1}{2}$ футахъ ширины. На ней—три надписи: одна іероглифическая, другая демотическая, третья греческая прописными буквами безъ знаковъ ¹⁾. Эта по-

¹⁾ У египтянъ было три способа письма (см. у Климента Александрійскаго *Stromata*, ed Potter, p. 657); граммата іероглифика, іератика и эпистолиграфия или демотика. Геродотъ и Діодоръ считаютъ іероглифы исключительно монументальнымъ письмомъ; но по словамъ Вилькинсона это не вѣрно (Appendix to Book II of Herodotus, chap. V, § 2.); іероглифы вовсе не употреблялись исключительно для памятниковъ и для священныя цѣлей; это было всеобщее письмо, изъ котораго впоследствии путемъ упрощеній выработалось такъ называемое іератическое письмо или египетскій курсивъ. Появленіе послѣдняго Вилькинсонъ относитъ ко временамъ IX династіи; оно перестаетъ быть въ употребленіи съ введеніемъ демотическаго письма, возникшаго при XXVI династіи въ VII вѣкѣ д. Р. X. и выработавшагося подъ вліяніемъ народнаго нарѣчія, требованіемъ котораго уже не вполне соответствовало прежнее письмо. Демотическое письмо встрѣчается въ рукописяхъ до III в. по Р. X., когда оно въ свою очередь было вытѣснено коптскимъ письмомъ, образовавшимся изъ сліянія демотическаго и греческаго и употреблявшимся одновременно и параллельно съ демотическимъ, вѣроятно со II в. по Р. X., потому что уже въ III в., въ Египтѣ появился на коптскомъ языкѣ переводъ Библіи и нѣсколько ранѣе того извѣстны семь писемъ св. Антонія, писанныя, какъ говоритъ св. Иорннимъ, «на египетскомъ языкѣ», т. е. на коптскомъ, представившимъ въ этотъ моментъ жизни египтянъ ихъ обыкновенный языкъ.

слѣдняя имѣетъ пятьдесятъ четыре строки, весьма мало испорчена и не представляетъ особенныхъ трудностей для чтенія. Содержаніе ея выяснило, что это было торжественное постановленіе жрецовъ въ честь Птолемея V Епифана (ум. въ 181 году до Р. X.). Послѣ обыкновенныхъ высокопарныхъ титуловъ слѣдуетъ опредѣленіе, изъ котораго видно, что жрецы всѣхъ степеней, собравшись въ мемфисскомъ храмѣ, постановили почитать фараона, въ благодарность за его многочисленныя милости къ жреческому сословію, величайшими почестями и поставить въ каждомъ храмѣ его статую на самомъ видномъ мѣстѣ, а подлѣ нея — изображеніе главнаго божества святилища, подающаго ему оружіе на побѣду. Постановленіе это рѣшено было начертать на плитахъ изъ твердаго камня въ письменахъ священныхъ, туземныхъ и греческихъ, а камни поставить во всѣ храмы 1-го, 2-го и 3-го разрядовъ.

Но если греческій текстъ Розетскаго камня дошелъ до насъ почти въ полной сохранности, то того же самаго нельзя сказать про текстъ іероглифическій, занимающій верхнюю часть камня: оба верхніе угла отбиты, такъ что начала текста не существуетъ; мало того, слѣдующія строки сильно попорчены и лишь съ трудомъ можно разобрать въ иныхъ мѣстахъ очертанія іероглифическихъ знаковъ. Понятно теперь, какой интересъ возбудило въ ученномъ мірѣ извѣстіе объ открытіи докторомъ Ленсіусомъ на стѣнахъ храма въ Филэ другаго экземпляра Розеттскаго декрета, написаннаго на этотъ разъ лишь іероглифическими и демотическими письменами. Греческаго текста не было; но такъ какъ онъ былъ почти весь цѣль на Розеттскомъ камнѣ, то отсут-

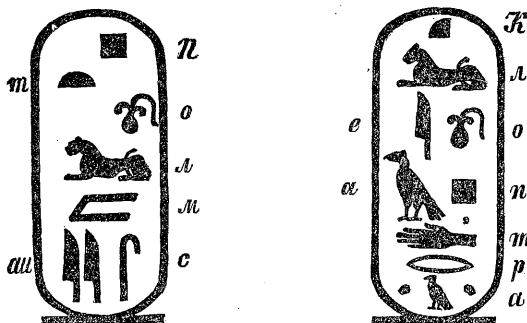
ствіе его здѣсь не составляло важнаго недостатка. Радость египтологовъ была велика. вмѣсто одной надписи, у которой не хватало почти цѣлой трети, теперь имѣлся цѣлый іероглифическій текстъ, дававшій полную возможность прочесть все постановленіе и подтверждавшій теорію Шамполліона, основанную, какъ извѣстно, на томъ, что іероглифы представляютъ фонетическую азбуку, а не символическую, и что каждый іероглифъ означаетъ тотъ звукъ, которымъ начинается слово, изображенное іероглифомъ ¹⁾.

Но чтобы примѣнить это правило, надо быть знать языкъ, на которомъ должна была произноситься написанная рѣчь. Еслибы языкъ этотъ былъ извѣстенъ, то проблема не представляла бы большихъ затрудненій для разрѣшенія: это было бы нѣчто въ родѣ разбора криптограммы; а извѣстно, что шифрованное письмо легко читается даже при небольшомъ навыкѣ въ подобнаго рода упражненіяхъ. Но то, что относительно довольно легко, когда языкъ тайнописи извѣстенъ, представляетъ неопределимыя трудности, когда языкъ этотъ утраченъ. Прежде всего слѣдовательно надо было найдти то нарѣчіе, которое вело бы свое начало отъ древне-египетскаго языка. Понятно, что искать его слѣдовало на почвѣ самого Египта. Вниманіе Шамполліона долженъ былъ остановиться на себѣ коптскій языкъ уже потому, что въ началѣ нашей эры онъ былъ примѣненъ къ переводу книгъ св. Писанія и, стало быть, считался въ глазахъ природныхъ египтянъ болѣе пригоднымъ для священ-

¹⁾ Это правило оказалось впоследствии не всегда вѣрнымъ и необходимо было допустить исключенія; но для большинства случаевъ истинный путь былъ найденъ.

ныхъ цѣлей, чѣмъ языкъ греческій, несмотря на то, что послѣдній съ XXVI династїи, а тѣмъ болѣе послѣ греческаго завоеванїя, при Птоломеяхъ, получилъ право гражданства и большое распространенїе во всей странѣ. Сочетанїе этихъ двухъ свѣтлыхъ идей, т. е. примѣненїе къ чтенїю іероглифовъ коптскаго языка и принятїе іероглифическихъ знаковъ за буквы рѣшило вопросъ, а появленїе въ 1824 году сочиненїя Шамполліона „Le précis du système hieroglyphique“ было эрою въ наукѣ.

Первые шаги на пути разбора іероглифовъ были слѣдующїе: въ надписи Розеттскаго камня выдѣлено было

имя въ картушѣ, несомнѣнно (по сличенїи его съ греческимъ текстомъ) Птоломея. Въ надписи на островѣ Филэ найдена была соответствующая имени „Клеопатра“ картуша. Изъ имени „Птоломей“ Шамполліонъ видѣлиль знаки, соответствующїе звукамъ п, т, л, м, о; изъ имени „Клеопатра“ — знаки, соответствующїе к, е, р; при этомъ звукъ е, соответствующій греческому аі въ имени „Птолемаіосъ“, оказался удвоеннымъ звукомъ е, найденнымъ въ имени „Клеопатра“. Изъ этого же по-

слѣдняго имени выдѣленъ звукъ а, повторяющійся въ немъ два раза (фигура орла). Изъ сравненія именъ выяснилось еще, что иногда одинъ и тотъ же звукъ писался разными знаками; такъ, на примѣръ, звукъ т въ имени „Клеопатра“ переданъ фигурою руки (по-коптски *тотъ*); въ имени же „Птоломей“ звуку т соотвѣтствуетъ фигура полукруга; звукъ р обозначенъ фигурою полуоткрытаго рта (на коптскомъ языкѣ ротъ называется *ро*). Къ этимъ звукамъ Шамполліонъ присоединилъ еще нѣсколько знаковъ, добытыхъ имъ изъ имени несомнѣнно Александра, найденнаго на другихъ памятникахъ; причемъ онъ нашель, что звукъ кс состоитъ изъ двухъ буквъ, изъ которыхъ вторая должна была соотвѣтствовать звуку с. Однимъ словомъ, было добыто четырнадцать знаковъ, которые соотвѣтствовали одиннадцати звукамъ. Съ этими данными Шамполліонъ, подставляя звуки прежде всего въ имена въ картушахъ, настойчиво продолжалъ свой трудъ и прочель множество именъ римскихъ императоровъ, Птоломеевъ, персидскихъ царей, туземныхъ фараоновъ и боговъ, отмѣчая различные варианты и неуклонно идя отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Такимъ образомъ постепенно образовалась полная азбука іероглифическихъ знаковъ, настолько въ настоящее время разработанная, что надписи древняго Египта переводятся съ такою же увѣренностью, какъ и сочиненія классиковъ.

Обойдя весь островъ и всѣ его храмы, мы рѣшили съ мистеромъ Б., никогда не расстававшимся съ своимъ альбомомъ, что самый лучший видъ на островъ съ той самой скалы, съ которой я началъ мой осмотръ. Пока мой пріятель рисовалъ, я сидѣлъ и любовался этой уди-

вительной природой, такъ непохожей на то, что привыкъ видѣть мой глазъ на родномъ сѣверѣ.

На югъ лежитъ Нубія. Съ этой стороны бирюзоваго цвѣта Ниль широкъ и спокоенъ, какъ озеро въ тихую погоду. Онъ течетъ медленно, едва замѣтно, мимо пирамидальныхъ холмовъ, уходящихъ вдаль и сливающихся съ синевою горизонта. На востокъ крутой берегъ заросъ непроходимымъ лѣсомъ. Частыя пальмы, опутанныя ползучими растеніями, плотной стѣной стоятъ надъ рѣкой и скрываютъ начинающуюся за ними каменистую пустыню, идущую къ Черному морю. Съ запада видѣнъ островъ Бигэ, обрушившійся въ Ниль, какъ страшная гранитная лавина. Громадныя глыбы камня, почернѣвшія на солнцѣ, округленные вѣтромъ и подточенные ежегодными наводненіями, нагромождены одна на другую и спускаются грядами въ воду. Мѣстами одиноко стоящія среди камней пальмы лишь усиливаютъ дикую красоту этого пустыннаго, мертвого острова. На сѣверѣ Ниль останавливается какъ-бы въ нерѣшительности передъ порогами и исчезаетъ за стѣною скалъ. Цѣпь позолоченныхъ лучами солнца песчаныхъ горъ замыкаетъ горизонтъ.

Давно покинутый людьми, молчаливый и мирный среди окружающихъ его мрачныхъ, истерзанныхъ стихіями камней и гранитныхъ горъ, островъ Филэ кажется забытымъ всѣмъ міромъ. Одинъ лишь Ниль да солнце помнятъ и лелѣютъ его. Ниль любовно ласкаетъ его берега и, проходя мимо, замедляетъ свое теченіе; а солнце обливаетъ его своими лучами, падающими на его пальмы и разноцвѣтные пилоны его храмовъ, оглашаемыхъ иногда лишь пѣніемъ птицъ. А между тѣмъ

сфинксы и поваленные обелиски, гранитныя лѣстницы, по которымъ всходили послѣдніе фараоны Египта, портреты римскимъ императоровъ, когорты которыхъ доходили сюда съ своими побѣдоносными орлами, и надпись, оставленная здѣсь французскими войсками въ 1799 г., свидѣтельствуетъ о его длинной, полной громкихъ событій исторіи.

Мои очарованные глаза блуждали съ одного памятника на другой, подолгу останавливаясь на длинной колоннадѣ, пересѣкающей почти половину острова, и на маленькомъ храмѣ Нектанебо, этомъ совершенствѣ граціи и красоты, въ которомъ тяжелый египетскій стиль съумѣлъ облечься въ кокетливый, легкій образъ, такъ отчетливо и ярко обрисовывающійся на чистомъ нубійскомъ небѣ; а мысль, покоренная обаяніемъ картины и имени, о которыхъ шепчутъ ей эти нильскія воды, такъ много видѣвшія на своемъ долгомъ пути, улетала туда, за пятьдесятъ, сто или двѣсти дней плаванія отсюда, къ тѣмъ берегамъ, которые отражались въ этихъ самыхъ водахъ, въ тѣ страны, лежащія по ту сторону экватора, изъ которыхъ однѣ изслѣдованы, другія едва намѣчены на картахъ, а третьи пребываютъ еще въ полной дѣвственной неизвѣстности. Сначала идетъ Нубія, колоссы Ипсамбула, Уади-Альфа, вторые пороги, потомъ третьи, четвертые и пятые; дальше — Донгола, Берберъ и Хартумъ, обширный рынокъ страусоваго пера, слоновой кости и чернаго товара; дальше — Сивій Нилъ и Абиссинія, Бѣлый Нилъ, Сеннааръ, Дарфуръ и Кордофанъ, страна дикихъ племенъ, пантеръ, жирафовъ и гиппопотамовъ, страна мало извѣстная наукѣ, но хорошо изслѣдованная работоторговцами; еще

дальше — Гондокоро, непроходимыя болота, озера какъ моря, водопады и Лунныя горы, покрытыя лѣсами невиданной растительности, въ которыхъ обитаютъ неизвѣстные народы, бродятъ стада слоновъ, тапировъ и носороговъ, въ которыхъ растутъ деревья, изогнутыя и ползучія какъ змѣи, и живутъ змѣи, толстыя какъ деревья, водяные гады и все чудовища экваторіальныхъ странъ; а далѣе, еще далѣе — истоки Нила, неизвѣстность и тайна... тайна, которая течетъ здѣсь передъ моими глазами, плещетъ о стѣны, исписанныя іероглифами, и отражаетъ гранитныхъ боговъ съ ихъ неподвижнымъ, загадочнымъ взглядомъ, вѣчныхъ и таинственныхъ, какъ самъ Ниль.

Когда мой пріятель кончилъ рисовать, пора была собираться домой; насъ уже ждали на лодкѣ. Я окинулъ прощальнымъ взоромъ весь островъ, который былъ крайнимъ пунктомъ нашего путешествія. Мы были въ тысячахъ верстахъ отъ Каира и въ тридцати отъ тропика. Прошло уже шесть мѣсяцевъ, какъ я постепенно съ каждымъ днемъ все удалялся отъ родины.

Путешествующіе по Нилу принуждены два раза видѣть его берега; это — одна изъ привилегій Египта. Поднявшись по рѣкѣ, надо и спуститься по ней, такъ какъ окружающія ее съ обѣихъ сторонъ песчанья пространства дѣлаютъ невозможнымъ всякій иной способъ возвращенія. Но читателю, который сопровождалъ насъ до сихъ поръ, не придется, какъ намъ, повторять все впечатлѣнія и воспоминанія, навѣянные уже разъ видѣнными мѣстами: это сладкая участь лишь плывущихъ

по Нилу; ему придется только заѣхать въ Абидосъ, миновать который для всѣхъ, кто интересуется Египтомъ, невозможно.

Абидосъ стоитъ на лѣвомъ берегу Нила, на половинѣ пути между Ассуаномъ и Каиромъ, верстахъ въ двадцати отъ мѣстечка Беліанэ, гдѣ обыкновенно останавливаются пароходы, чтобы запастись углемъ. Эти двадцать верстъ дѣлаются на ослахъ и весьма утомительны, вслѣдствіе чего около половины нашего общества, которому уже прискучили египетскіе храмы, предпочли остаться дома, т. е. на пароходѣ. Дорога идетъ по воздѣланнымъ полямъ; направо и налево, съ обѣихъ сторонъ широкой плотины, по которой мы ѣхали, простираются безбрежныя, знакомыя для русскаго глаза пространства, засѣяныя пшеницей. Мѣстами виднѣются небольшіе феллахскіе поселки и фермы, принадлежащія, какъ мнѣ сказали, коптамъ, составляющимъ на берегахъ Нила зажиточный земледѣльческій слой народонаселенія. Черезъ два часа ѣзды мы миновали плодородную, заливаемую во время наводненій область и въѣхали въ пески, покрывающіе обширный абидосскій некрополь, знаменитый среди всѣхъ египетскихъ некрополей преданіемъ о могилѣ Озириса, трагическая и трогательная легенда о которомъ была одною изъ наиболѣе популярныхъ въ древнемъ мірѣ.

Сынъ Времени и Необъятности небесной, Озирисъ былъ братомъ и мужемъ Изиды (душа которой пребываетъ на звѣздѣ Сиріусъ). Богъ добра, онъ далъ Египту законы, научилъ его земледѣлію, строительному искусству, семейнымъ и гражданскимъ добродѣтелямъ и справедливости; онъ привелъ все въ порядокъ, и его царство

на землѣ было золотымъ вѣкомъ. Но у него былъ братъ Тифонъ, геній зла и супругъ безплодной Нефтисъ, который ненавидѣлъ его. Тифонъ заключилъ союзъ съ семьюдесятью двумя днями, составляющими для Египта самое тяжелое время года, и съ ихъ помощью рѣшили погубить Озириса, только-что воротившагося изъ далекаго путешествія къ дикимъ народамъ, которыхъ онъ хотѣлъ просвѣтить, и ничего не знавшаго о замышлявшихся противъ него козняхъ. Тифонъ пригласилъ его къ себѣ на пиръ, во время котораго показалъ своимъ гостямъ великолѣпный сундукъ и предложилъ подарить его тому, кто, улегшись въ него, наполнить его до верху своей особой. Когда очередь дошла до Озириса и онъ легъ въ сундукъ, то Тифонъ захлопнулъ крышку, забилъ ее гвоздями и бросилъ въ Нилъ, волны котораго унесли несчастнаго брата въ море.

Обезумѣвшая отъ горя Изида долго искала своего мужа въ Египтѣ, потомъ отправилась къ чужимъ народамъ, обошла всѣ страны и наконецъ, послѣ долгихъ и трудныхъ странствій, нашла его выброшеннымъ на берегъ около Библоса, привезла съ собой въ Египетъ и предала землѣ съ подобающими богу почестями. Но Тифонъ нашель могилу, разбилъ гробъ и, разрубивъ тѣло на куски, разбросалъ ихъ по вѣтру. Горе Изиды тогда было такъ велико, что тронуло наконецъ безчувственное сердце Нефтисъ, жены жестокаго Тифона; онѣ вдвоемъ отыскали разсѣянные члены Озириса и похоронили каждую часть тамъ, гдѣ нашли ее. Отсюда—многочисленные могилы этого бога.

Впослѣдствіи, воскрешенный любовію Изиды, Озирисъ становится безсмертнымъ и рождаетъ сына Хоруса,

бога-солнца, который мститъ Тифону за отца, изгоняетъ изъ Египта холодъ, зло, пески и змѣи и, отнявъ такимъ образомъ у своего врага его вредные атрибуты, обрекаетъ его на вѣчное безплодіе. Среди боговъ египетскаго пантеона Хорусъ, подобно греческому Аполлону, олицетворяетъ собой побѣду добраго начала надъ злымъ. Одна изъ могилъ Озириса была въ Абидосѣ, на западъ отъ котораго легенды помѣщали щель, въ которую каждый вечеръ исчезало солнце, погружаясь въ подземный мракъ, чтобы утромъ воротиться на восточномъ краю неба такимъ же молодымъ и сіяющимъ, какъ наканунѣ. Мы уже знаемъ, какъ уподобляли египтяне жизнь человѣческую ходу солнца. Вполнѣ совершенно съ этимъ представленіемъ было думать, что чѣмъ ближе будетъ приготовлена могила къ мѣсту, гдѣ исчезало дневное свѣтило, тѣмъ больше будетъ вѣроятія восторжествовать, подобно ему, надъ мракомъ и смертію.

Это не умершее, а на время лишь удалившееся солнце уподоблялось Озирису, культъ котораго былъ наиболѣе распространеннымъ изъ всѣхъ древне-египетскихъ культовъ; и хотя многіе города считали себя мѣстомъ, гдѣ разсѣянные Тифономъ члены Озириса были собраны и похоронены Изидой, и много было могилъ „добраго бога“, привлекавшихъ ежегодно толпы богомольцевъ, но ни одна изъ нихъ не пользовалась такою славой, какъ абидосская. Абидосъ былъ Іерусалимомъ Египта. Подобно тому, какъ въ первые вѣка христіанства вѣрующіе всегда желали покоиться сколь возможно ближе къ могилѣ какого-нибудь мученика, точно такъ же и въ Египтѣ, по словамъ одного хорошо знакомаго съ этимъ вопросомъ писателя, „наиболѣе

благочестивые и почтенные египтяне считали за великое счастье обладать могилой рядомъ съ могилой Озириса ¹⁾. При такомъ значеніи Абидоса понятно, что его некрополь былъ однимъ изъ пунктовъ, на которые Мариеттъ направилъ все свое вниманіе; но, несмотря на многократные поиски, ему не удалось открыть могилы Озириса, хотя вообще результаты его абидосскихъ раскопокъ, доставившихъ обильный матеріалъ для египтологіи, не лишены значенія ²⁾.

Для туристовъ-неархеологовъ абидосскій некрополь, весьма пострадавшій отъ времени и отъ людей, и едва примѣтные холмы — остатки стоявшаго здѣсь когда-то Тиниса, колыбели египетской монархіи, представляютъ мало интереса. Этого ужь никакъ нельзя сказать про великолѣпный храмъ, не такъ давно расчищенный Мариеттомъ и извѣстный въ настоящее время всему цивилизованному міру своими удивительными барельефами.

¹⁾ Псевдо-Плутархъ, *Объ Изидѣ и Озирисѣ*, г. XX. Г. Масперо не нашелъ въ памятникахъ подтвержденія этихъ передаваемыхъ псевдо-Плутархомъ свѣдѣній о значеніи для египтянъ абидосскаго некрополя. «Всѣ могилы, говоритъ онъ (*Revue critique* du 31 Janv. 1881.), которыя до сихъ поръ были найдены въ Абидосѣ, принадлежать абидосскимъ жителямъ; но автору, писавшему подъ именемъ Плутарха, надо думать хорошо была извѣстна фикція египтянъ, по которой переселявшаяся въ другой міръ душа должна была отправиться въ Абидосъ, а отсюда уже, чрезъ отверстіе, находящееся на западъ отъ этого города, въ Аменти. И конечно онъ зналъ, что это такъ часто встрѣчающееся на стѣнахъ могилъ путешествіе было чисто фиктивного свойства, такъ какъ мумія — находилась она въ Мемфисѣ или Фивахъ — не трогалась съ мѣста. Однако, наследники послѣ смерти главы семейства, или каждый египтянинъ во время своей жизни, могли поставить въ Абидосѣ на *льстнищѣ Озириса* стеллу, которая заставляла бы настоящую далеко отсюда находящуюся могилу.»

²⁾ Mariette, *Abydos, description des fouilles exécutées sur l'emplacement de cette ville*, in-fol., t. I-er, 1869; t. II, 1880. Мариеттъ думаетъ, что священная могила должна находиться гдѣ-нибудь по сосѣдству съ искусственнымъ холмомъ, называющимся Кумъ-эсъ-Султанъ.

Построенъ онъ Сети I-мъ; а все, что носить имя этого фараона, отличается художественностью исполненія, какой никогда не достигало египетское искусство ни до, ни послѣ него. Посвященный семи божествамъ, храмъ этотъ состоитъ изъ семи кораблей, предшествующихъ семи святилищамъ, сводчатые потолки которыхъ, какъ весьма рѣдкое въ египетскихъ постройкахъ явленіе, останавливаютъ на себѣ ваше вниманіе. Въ каждомъ изъ семи святилищъ почитался свой отдѣльный богъ, образъ котораго видѣнъ на стѣнѣ, а имя читается въ надписяхъ, окружающихъ картины. Тѣ же имена и тѣ же фигуры повторяются на стѣнахъ и колоннахъ преддверій. Божества, которымъ поклонялись въ Абидосскомъ храмѣ, были Хорусъ, Изиды, Озирисъ, Аммонъ, Армахисъ, Пта и самъ Сети, причтенный такимъ образомъ къ великимъ богамъ Египта. Каждое святилище украшено тридцатью шестью картинами, повторяющимися и въ остальныхъ съ единственными измѣненіями, которыхъ требовало различіе боговъ. Эти картины, наглядно повѣствуя о службахъ, которыя фараонъ долженъ былъ совершать въ каждомъ святилищѣ отдѣльно, имѣли отношеніе и къ церемоніямъ, происходившимъ во всемъ храмѣ.

Удивительно тонкой работы барельефы, покрывающіе все стѣны храма, сохранили какъ нельзя лучше яркіе цвѣта своей окраски. Образъ фараона Сети повторяется безчисленное множество разъ; его красивая голова съ мягкимъ и гордымъ выраженіемъ выдѣляется на темномъ фонѣ стѣны и смотритъ на васъ, какъ живая, съ едва замѣтною улыбкой, изгибающей кончики губъ. Онъ сидитъ на высокомъ креслѣ, въ двойной

коронѣ, съ отличительными признаками божеской власти въ рукахъ, и благосклонно встрѣчаетъ медленно

Зала Абидосскаго храма.

приближающуюся къ нему процессію молодыхъ дѣвушекъ. Случайно пробравшіяся сквозь колоннаду лучъ

солнца на минуту освѣтилъ ихъ обнаженные тѣла, прикрытыя лишь ореоломъ цѣломудрія, выразившагося въ опущенныхъ рѣсницахъ ихъ черныхъ глазъ и въ благородной граціи движеній, съ какой онѣ подходятъ къ своему повелителю. Ихъ красота влечетъ къ себѣ; ихъ достоинство удерживаетъ васъ на извѣстномъ разстояніи. Картина была живая. А между тѣмъ рельефъ фигуръ выступалъ надъ плоскостью стѣны на миллиметръ или на два, не больше; но изящество скульптуры было соединено съ такою твердостью рисунка, съ такою глубиной и силой чувства, что въ этихъ дѣвушкахъ, олицетворяющихъ провинціи Египта, ощущалось присутствіе жизни, движенія и идеи... Упавшая отъ развалинъ тѣнь погасила лучъ, освѣщавшій картину; фигуры дѣвушекъ и фараона стушевались и стыдливо исчезли въ темнотѣ свода, оставивъ по себѣ пріятное воспоминаніе, запечатлѣвшееся въ моей памяти, какъ мимолетное видѣніе, какъ-бы на прощанье мелькнувшее изъ сумрака повисшихъ надъ Египтомъ вѣковъ.

Въ одномъ изъ коридоровъ храма (на югъ отъ ипостильной залы) Маріеттомъ былъ найденъ весьма важный въ историческомъ отношеніи памятникъ, извѣстный подъ именемъ *новой Абидосской таблицы* (см. выше, стр. 156), представляющій копію съ такой же таблицы, найденной здѣсь раньше и находящейся въ настоящее время въ Лондонѣ. Хотя эта таблица и не содержитъ полного перечня египетскихъ царей, тѣмъ не менѣе она даетъ нѣсколько новыхъ именъ и подтверждаетъ сомнительную подлинность многихъ другихъ. Въ началѣ таблицы стоитъ картуша перваго фараона первой египетской династіи, Менеса, царствовавшего за пять

тысячъ лѣтъ до Р. Х. Эта первая династія и Менесъ принадлежать исторіи; его имя — не имя героя баснословныхъ временъ, воображаемаго предка или полубога, а дѣйствительно жившаго, царствовавшаго и оставившаго по себѣ безспорные документы фараона. Познакомившись съ Египтомъ, наука сперва ужаснулась его древности и долгое время недовѣрчиво смотрѣла на эти пять тысячъ лѣтъ, которыя отдѣляютъ родоначальника египетскихъ династій отъ І. Христа; но по мѣрѣ того, какъ открываемые памятники и папирусы постепенно расширяли ея кругозоръ, постепенно измѣнялось и ея отношеніе къ фактически подтверждаемымъ эпохамъ древнѣйшей въ мірѣ исторіи.

Исторія Египта была написана жрецомъ, хранителемъ архивовъ въ геліопольскомъ храмѣ, Манетомъ, по требованію Птолемея Филадельфа, желавшаго узнать прошлое страны, которой онъ правилъ. Авторитетъ Манетона часто подвергался сомнѣніямъ; а до открытія Шамполліона его списки, какъ совершенно голословные, не пользовались никакимъ довѣріемъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ явилась возможность читать многочисленныя надписи, оставленныя древними египтянами, къ исторіи Манетона, какъ къ единственному систематическому путеводителю среди массы документовъ, стали относиться иначе, такъ какъ ни разу еще до сихъ поръ не встрѣчалось разногласія между его данными и свѣдѣніями, почерпаемыми изъ памятниковъ, которыми усыяна долина Нила. Въ настоящее время громадное зданіе египетской исторіи возстановлено. Еще много камней не хватаетъ въ немъ; но главныя линіи намѣчены и фундаментъ покоится на незыблемомъ основаніи. Размѣры

настоящей главы не позволяютъ намъ перечислить всѣ доказательства, которыя дали египтологамъ возможность составить подробную лѣтопись народа Менеса за время его пятидесятивѣковой жизни; упомяну лишь, что династическіе списки гелиопольскаго жреца, сличенные съ туринскимъ папирусомъ, съ абидосскими, саккарскою и карнакскою таблицами и легшіе въ основаніе вычисленій египтологовъ, устранили возможность защищать такъ долго державшуюся гипотезу параллелизма династій. Вокругъ этого основанія группируются выводы естественныхъ наукъ и безчисленныя указанія, добытыя изъ памятниковъ, относящихся къ этнографіи, эстетикѣ и религіи.

Въ длинныхъ спискахъ фараоновъ еще много пробѣловъ; во многихъ мѣстахъ нить египетской хронологіи обрывается и теряется за полнѣйшимъ отсутствіемъ документовъ. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы мы могли вычеркнуть изъ нашихъ расчетовъ эти промежутки неизвѣстности, такъ какъ послѣ каждаго такого перерыва исторія Египта, подобно рѣкамъ, исчезающимъ на нѣкоторое время подъ землей, появляется снова, но со слѣдами глубокихъ измѣненій, указывающихъ на продолжительность пережитаго народомъ періода, и игнорировать эти года затмѣнія, только влѣдствіе отсутствія положительныхъ данныхъ, было бы не логично. Впрочемъ счастливыя раскопки и многостороннія изслѣдованія египтологовъ съ каждымъ днемъ наполняютъ эти пустынные пространства, подобно тому какъ на картахъ Африканскаго материка, благодаря открытіямъ путешественниковъ, все больше и больше съуживаются пробѣлы неизслѣдованныхъ странъ. Можно предвидѣть

моментъ, когда въ длинной лѣстницѣ египетской исторіи будутъ найдены все ступени, по которымъ хронографъ безпрепятственно будетъ подыматься отъ послѣднихъ Птолемеевъ до царя Менеса.

Посѣтитель Булакскаго музея уже можетъ окинуть взоромъ длинную нить пережитыхъ Египтомъ эпохъ: въ центральной залѣ, въ одной изъ витринъ есть ихъ сокращенная исторія или, скорѣе, перечень ея различныхъ моментовъ. Бывшему хранителю музея, Мариетту, пришла счастливая мысль размѣстить въ хронологическомъ порядкѣ все собранные имъ царскіе скарабеи отъ первыхъ фараоновъ и до послѣднихъ. Известно, что по нижней сторонѣ этихъ каменныхъ жуковъ — постоянныхъ спутниковъ мумій — писалась картуша, т. е. имя отошедшаго въ вѣчность фараона. Трудно представить себѣ что-нибудь, что могло бы въ такой степени поразить ваше воображеніе, какъ это конкретное выраженіе пятидесяти вѣковъ исторіи въ видѣ двухъ или трехъ сотъ камешковъ, занимающихъ пространство въ одинъ квадратный аршинъ. Передъ этой витриной невольно думаешь о неисчислимыхъ періодахъ образованія нашей планеты, минералы которой представляютъ сгущенные объемы газа, разлитого въ безпредѣльномъ пространствѣ. Такимъ же образомъ и исторія Египта кристаллизовалась для насъ въ эти загадочные талисманы изъ лаписъ-лазури и серпентина, служащіе теперь въ рукахъ египтологовъ элементами для возстановленія утраченныхъ свѣдѣній о давно забытыхъ временахъ. Много поучительнаго въ этой оригинальной коллекціи и много въ ней горькой ироніи: нѣкоторые изъ вошедшихъ въ ея составъ скарабеевъ остались единствен-

ными свидѣтелями, спасающими отъ забвенія царей первой въ мірѣ монархіи; и если правда, что эти насѣкомыя служили у древнихъ египтянъ символами воскресенія, то они исполнили свою задачу, воскресивъ въ нашей памяти столькихъ забытыхъ, можетъ быть великихъ, людей.

Я вспомнилъ про эту витрину Булакскаго музея и про царскія картуши Абидосской таблицы, возвращаясь на пароходъ уже вечеромъ, когда на безмолвные берега Нила спустилась ночная мгла, а на небѣ зажглись безчисленные звѣзды. Обаяніе ночи, величіе пустыни и необъятнаго прошлаго поработали мысль, и передъ глазами вставали эти люди, которые жили здѣсь шесть тысячъ лѣтъ тому назадъ и, какъ мы, въ подобныя же ночи, какъ сегодняшняя, мечтали, чувствовали, размышляли, терялись въ загадкахъ великихъ проблемъ. Когда вереница вѣковъ, о которыхъ повѣствуютъ намъ памятники человѣчества, не удовлетворяетъ воображеніе, оно обращается къ отдаленному, стоящему внѣ нашей воли міру: взоръ подымается кверху, къ этимъ чуднымъ созвѣздіямъ египетскаго неба, и ищетъ въ нихъ свидѣтелей еще болѣе неизмѣримаго прошлаго. Среди этихъ небесныхъ огней, изъ которыхъ нѣкоторые употребляютъ десять тысячъ лѣтъ, чтобы достигнуть нашей планеты и отразиться на ретинѣ нашего глаза, есть такіе, которые, какъ предполагаетъ наука, не были видны египтянамъ первыхъ династій и наоборотъ были другіе, которые горѣли тогда и погасли теперь. Мысль теряется въ непредѣльности пространства и времени, а разумъ готовъ покориться въ сознаніи своего ничтожества, еслибы все кругомъ не говорило о его всемогущест-

ствѣ, еслибы онъ не зналъ, что онъ сильнѣе всѣхъ силъ матеріи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взглянуть на эту землю Египта и припомнить, что силой человѣческаго разума воскрешена эта давно умершая страна.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Стр.

1. Александрія.

Александрійскій портъ.— Маякъ.— Населеніе.— Александрійская бібліотека.— Помпеева колонна.— Дворецъ Расъ-этъ-Тинъ.— Отъ Александріи до Каира.— *Сакіэ* и *Шадуфъ* 3

2. Каиръ.

Основаніе Каира.— Драгоманъ и погонщикъ ословъ.— Базары и улицы.— Восточный кунецъ.— Восточныя тѣани.— Народонаселеніе Каира 28

3. Каиръ.

Мечеть Амру; ея исторія.— Минаретъ.— Колонны «испытанія». — Видъ на Каиръ съ верхней террасы цитадели.— Мечеть Тулума.— Мечеть эль-Азхаръ.— Образованіе, получаемое въ университетѣ эль-Азхаръ 46

4. Каиръ.

Мечеть Гассана.— Молящіеся мусульмане.— Цитадель и Мечеть-Али.— Избіеніе мамелюковъ.— Эпизодъ съ Латифъ-пашей.— Цивилизація Египта.— Мечеть Мехмета-Али.

Окаменѣлый львъ. — Родникъ Моисея.— Гробницы калифовъ . . . 67

5. Гелиополисъ.

Древность Египта. — Гелиополисъ во время Страбона. — Калликъ и «греческій огонь». — Иосифъ и Зулейка. — Гелиопольскіе обелиски. — Самый высокій изъ извѣстныхъ обелисковъ. — Матаріэ . . . 89

6. Дервиши.

Вертящіеся дервиши. — Кричащіе дервиши. — Секты дервишей или *суфи*. — Отношеніе Магомета къ сектаптамъ. — Островъ Рода. — Нилометръ 106

7. Буланскій музей.

Египетское искусство. — Миѣніе Платона. — Условность въ искусствѣ. — Искусство, современное пирамидамъ. — Вкратцѣ исторія Египта. — Источники, откуда почерпаются свѣдѣнія объ Египтѣ. — Золотыя и серебряныя драгоценныя вещи; витрина съ вещами царицы Аахъ-Хотепъ. — Памятники гиксовъ 120

8. Гашишъ.

Неудачное куреніе гашиша. — Тайный притонъ курильщиковъ гашиша. — Экономическое положеніе земледѣльческаго класса въ Египтѣ при Мехметѣ-Али и теперь. — Востокъ вблизи и издали . . . 167

9. Пирамиды.

Восходъ солнца на пирамидахъ. — Легенды о постройкѣ пирамидъ и гипотезы о ихъ назначеніи. — Пирамиды суть могилы. — Ихъ форма и высота. — Вѣроятный способъ постройки пирамидъ 178

10. Пирамиды.

Внутренность пирамиды Хеопса. — Система коридоровъ. — Способъ замыканія комнаты царя. — Пустыя пространства надъ этой комнатой. — Облицовка пирамиды. — Текстъ Филона. — Увѣнчаніе пирамидъ статуями. — Пирамида Микерина. — Кто ея строитель? — Пирамида Хеопса и Страсбургскій соборъ. — Большой сфинксъ. — Древнѣйшій въ мірѣ храмъ. — Могилы, расположенныя вокругъ пирамидъ 207

11. Нилъ.

Змѣзаклинатели. — «Мазръ». — Египетъ есть подарокъ Нила. — Разливъ Нила. — Скопленіе воды въ озерахъ и болотахъ центральной Африки. — «Зеленый и Красный Нилъ». — Наблюденія г-на Осборна. — Разсказы египетскихъ жрецовъ и классическихъ писателей о Нилѣ. — Происхожденіе Ассуанскихъ пороговъ — Вліяніе Нила на судьбы египтянъ. 235

12. Мемфисъ.

Долина Мемфиса. — Развалины Мемфиса въ XIII вѣкѣ по Р. Хр. — Колоссъ Рамзеса II. — Исторія Мемфиса; его некрополь и Ступенчатая пирамида. — Египетская могила въ періодъ Древней имперіи. — Припошеніе на могилу яствъ. — Домъ Маріетта. — Серапеумъ; *Большія и Малыя подземелья*. — Систематическое разрушеніе Серапеума въ началѣ нашей эры. — Культъ Озириса-Аписа 263

13. Открытіе Серапеума.

Пріѣздъ Маріетта въ Египетъ въ 1850 г. — Аллея сфинксовъ и начало раскопокъ. — 134-й сфинксъ. — Медленность работъ. — Новая аллея или *дромось*. — Внѣшняя ограда Серапеума. — Отношеніе египетскаго правительства къ раскопкамъ Маріетта. — Слухъ объ открытіяхъ Маріетта доходитъ до европейскихъ ученыхъ. — Древнѣйшія могилы Аписа. — Способъ погребенія Аписовъ. — Персы и Птоломеи поддерживали культъ національнаго мемфисскаго бога. — Могила *Ти*. — Могильная стѣнопись въ древнѣйшій періодъ исторіи Египта. — Первый вечеръ на Нилѣ 291

14. Вверхъ по Нилу.

Жизнь на пароходѣ. — Барки, идущія вверхъ и внизъ по Нилу. — Рабство въ Египтѣ. — Положеніе рабовъ. — Экспедиція противъ работорговцевъ. — Мои первые дни на Нилѣ. — Фальшивая пирамида. — Лабиринтъ; Геродотъ и докторъ Ленсіусъ. — Компаньонъ въ путешествіи. — *Жебель-эль-Теиръ*. — Бени-Хассанскія пещеры. — Дорическая колонна и колонны Бени-Хассанскихъ пещеръ. — Антиноэ. — Отчего крокодилы не спускаются по Нилу до Шейхъ-Абадѣ. 320

15. Сіуть и танецъ альмей.

Горы Абу-Фода. — Пещеры съ муміями крокодиловъ. — Сіуть. — Сіутское кладбище и пещеры. — Видъ съ горы. — Египетская ночь. — Абу-тигъ и танецъ альмей 345

16. Дендера.

Кеннэ. — Дендерскій храмъ; его барельефы. — Назначеніе различныхъ комнатъ храма. — Зодіакъ Дендерскаго храма. — Астрономическія свѣдѣнія древнихъ египтянъ. — Египетскій календарь. — Портреты Клеопатры и Цезаріона на стѣнахъ храма — Mammisi 361

17. Оивы.

Столица Египта 3500 лѣтъ тому назадъ. — Главные памятники, которые посѣщаются обыкновенными туристами. — Карнакскій храмъ. — Вилькинсонъ и Шамполіонъ объ *ипостильной залѣ* этого храма. — Размѣры колоннъ *ипостильной залы*. — Барельефы на ея стѣнахъ и колоннахъ. — Поэма Пентаура. — Древнѣйшая часть карнакскихъ развалинъ.

Западный берегъ Нила. — Гурнакскій храмъ; его значеніе. — Рамессеумъ. — Колоссы Аменофиса III и ихъ исторія. — Способъ перевозки монолитовъ. — Вечеръ у луксорскаго консула, Мустафы-Аги. — Мединеть-Абу; навильонъ, барельефы и каріатиды. 381

18. Оивы.

Бибанъ-эль-Молукъ. — Могила Сети I. — Могильная стѣнопись оиванской эпохи. — Четыре расы людей. — Могила Рамзеса V и III. — Видъ на долину Оивъ. — Шейкъ-Абдъ-эль-Гурна; муміи великихъ фараоновъ, найденныя въ 1881 году. — Братья Абдъ-эръ-Рассуль. — Несомнѣнная подлинность найденныхъ мумій. — Мумія Аменофиса I и цѣфты, найденныя въ его гробу. — Муміи Тутмеса III, Сети I и Рамзеса II Сестоприса. — Историческіе вопросы, возбужденные находкой въ Шейкъ-Абдъ-эль-Гурна. — Ограбленіе царскихъ могилъ во времена Новой имперіи. — Найденныя вещи княжны Изимкхебъ и Незикхонсу. — Мумія Пинотема II. — Луксорскій храмъ 433

19. Ассуанъ, Филэ и Абидосъ.

Эснэ. — Эдфу. — Архитектура египтянъ стоитъ въ зависимости отъ физическихъ условій страны. — Сильзиэ. — Комъ-Омбо. — Божества, почитавшіяся въ этомъ городѣ. — Ассуанъ; его исторія. — Египетъ кончился, началась Нубія. — Островъ Элефантина. — Островъ Филэ. — Розетскій камень и открытіе Шамполліона.

Обратный путь. — Абидосъ; его некрополь и могила Озириса. — Храмъ Сети I и *новая Абидосская таблица*. — Древность Египта . . . 478
